

ИСТОРИЯ
РОССИИ
СОВРЕМЕННЫЙ
ВЗГЛЯД

ИСТОРИЯ
РОССИИ
СОВРЕМЕННЫЙ
ВЗГЛЯД

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

От начала до Великой Победы

СОВЕТСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

От начала до Великой Победы

ЭКСМО

СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА

**СОВЕТСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

Книга первая

От начала
до Великой Победы

ЭКСМО-ПРЕСС

Москва, 2002

АЛГОРИТМ

ББК 63.3(2)
К 21

Оформление художника *А. Старикова*

- Кара-Мурза С. Г.**
К 21 Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 640 с. (Серия «История России. Современный взгляд»).

ISBN 5-04-009877-4

Не поняв сути советского жизнеустройства, мы не поймем нашей нынешней Смуты. В недрах общинного крестьянского коммунизма зародилась советская цивилизация, с ее особым взглядом на мир и на человека, на хлеб и власть. В родовых муках возникла она, как единственный выход из исторической ловушки, в которую была загнана Россия. На миг она открыла народу простор для такого развития ума, силы и духа, что захлебнулся в СССР крестовый поход тоталитарной тевтонской силы.

Эта книга — о советском строе с любовью. Она охватывает период от зарождения советской цивилизации до победы в Великой Отечественной войне.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-04-009877-4

© Кара-Мурза С. Г., 2002
© ООО «Алгоритм-Книга», 2002
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2002

Введение

Ровно десять лет назад, в августе 1991 г., посредством сложных маневров и провокаций верхушка КПСС передала власть радикальной антисоветской группировке из рядов своей же номенклатуры, и та выполнила грязную и явно преступную часть работы по уничтожению СССР и Советского государства.

Но государство — не человек, оно умирает долго и трудно, и десять лет мы наблюдаем его агонию. Только во время этой агонии, через утраты и обретение памяти начинает ныне живущее поколение понемногу осознавать, что же это было за государство — *советское*. Начинает понимать, каким *обществом* это государство было рождено и на каких устоях держалось. Через смертельные удары по его уязвимым точкам мы начинаем различать, пока еще смутно, его строение, чувствовать его природу. Помогают убийцы и их консультанты.

Джеффри Сакс, профессиональный палач-реформатор многих национальных экономик, пошутил о советском хозяйстве: «Мы вскрыли грудную клетку больного, а оказалось, что у него другая, нам неизвестная анатомия». Врет киллер. Все они, вскрывавшие грудную клетку нашей страны, знали, куда воткнуть нож, — и он, с кучей советологов и эмигрантов всех волн, и «наши», с пеленок выращенные в обкомах и академиях. Знали нашу анатомию — знанием ненавистника и убийцы.

Советский строй возник в страшных родовых муках. Травмы остались в памяти — у кого-то пострадали близкие, кто-то был потрясен зрелищем чужих страданий. Потому и нашлось достаточно таких, кто бескорыстно и по доброй воле помогал словом и делом Ельцину с Чубайсом и Дж.Бушу с Джеффри Саксом. Кто-то из таких и сегодня радуется, но не могут даже и они не понимать, что «целились в коммунизм, а стреляли в Россию». Судя по всему, и целились-то в Россию, а о коммунизме говорили из приличий. Но не будем отнимать утешения у убийц бескорыстных. Пусть считают, что уничтожить Россию им при-

шлось, изгоняя из нее дьявола коммунизма. Будем говорить о целом.

Эта книга — один из тех трудов, что стали появляться в последние годы, уже с новым знанием о советском периоде нашей истории. Катастрофы — это жестокий эксперимент. В технике аварии и катастрофы — источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и стране, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями священных тайн и преданий. Именно когда рушатся под явными ударами эти сложные и хрупкие конструкции, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять — и о стране, и о себе.

Но этот миг очень короток. Все мы в момент катастрофы слишком потрясены и слишком заняты спасением или мародерством. А убийцы забрасывают нанесенные ими раны грязью, замазывают ложью, прячут улики. Да раны и сами затягиваются уродливыми рубцами и шрамами — ведь общество не погибает, израненный инвалид оживает и как-то должен вновь учиться говорить, передвигаться, добывать себе пищу. Поэтому очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока раны раскрыты. Это знание оплачено страданиями миллионов людей — можем ли мы дать ему пропасть, позволить его спрятать тeneвым жрецам преступного интернационала!

Есть и другая точка зрения — наоборот, прекратить обсуждение советского строя. Вернуться туда нельзя, так нечего и тратить время. Надо, мол, перевернуть страницу истории, похоронить своих мертвых и начинать жизнь сначала. На этой основе возможен даже компромисс с новыми хозяевами — их дела мы стираем из нашей коллективной памяти, а они станут к нам добрее.

На мой взгляд, эти пожелания наивны. Речь не идет о возврате в «*тот*» советский строй. Это невозможно и никому не нужно — вернуться, чтобы снова вырастить Горбачева с Ельциным? Дело в том, что мы и вперед будем двигаться вслепую, если не поймем старого, к тому же не преодоленного. А мы его до сих пор поняли в очень малой степени. Понять советский строй — это выиграть целую кампанию войны с теми, кто стремился и стремится нас ослепить. Недаром антисоветизм — одна из главных сегодня идеологических программ. Возможно, главная, причем во всем мире. На ее подпитку в России брошены

силы всех окрасок. Именно потому, что, поняв советский строй, люди очень быстро нащупают контуры нового проекта — и пробьют к нему туннель. Тогда опять пиши пропало.

Нынешнее состояние России — лишь эпизод нашей Смуты, совмещенной с непрерывной горяче-холодной войной «золотого миллиарда» за питательные соки Земли. В этой войне советский проект был для всей фашиствующей мировой расы как кость в горле. Уже в первой своей, ранней реализации в виде СССР, в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных *возможна*. Возможно и человечество, устроенное как семья, «симфония» народов — а не как мировой апартеид, вариант неоязыческого рабовладения.

Поражение советского проекта на территории СССР — тяжелый удар по этим надеждам. Слишком сильны оказались в человеке инстинкты хищника, слишком устойчивы внедряемые веками идеи господства, присвоения. На короткий срок они были оттеснены в тень духовным порывом народов России, а на непримиримых хищников были надеты намордники. Найдя мощных союзников и в мировой политике, и среди художников, готовых их воспеть и узаконить, хищники вырвались на волю. Тот строй, который создавался на принципах сотрудничества и солидарности, перед ними не устоял.

Но и тем, кто его разрушал, и тем, кто этому потакал, и тем, кто его не сумел защитить, надо восстанавливать какое-то жизнеустройство. Воля к жизни и инстинкт продолжения рода по-немногу и незаметно начнут отвлекать людей от телеэкрана и заставят искать выход. По крайней мере, есть основания на это надеяться.

Уже сегодня всем, кто сохранил здравый смысл, ясно, что хаос разрушения СССР не сложился в России в какой-то новый порядок, обеспечивающий выживание страны и народа. Те «стратегические программы», которые нам периодически дают пожевать президенты и их грефы, есть продукт чисто идеологический, сшитый на скорую нитку. Он не предназначен ни для обсуждения, ни тем более для выполнения. Это прикрытие еще на год, на два. Пока и верующие, и критики жуют эту кость, господствующее меньшинство вывозит достояние страны за рубеж, отправляет туда же детей и внуков учиться, обустроивает гнезда комфорта в самой России — на случай, если паралич вымирающего народа затянется.

А те сценарии, которые пишутся всерьез, предусматривают,

как самый лучший вариант, превращение России в периферию мировой капиталистической системы — в площадку, на которой «экономические операторы» будут в небольших очагах современного производства изготавливать то, что необходимо «глобальному рынку». И очаги эти будут окружены морем обнищавшего населения, выброшенного из цивилизации и самым примитивным образом добывающего скудное пропитание. Это население уже не будет ни русскими, ни татарами, ни якутами, это будет утратившая национальную культуру человеческая пыль. Она будет оставлена на земле в таком количестве, чтобы бесперебойно рожать и выращивать до 18 лет почти даровую рабочую силу для «очагов цивилизации» и солдат внутренних войск.

Для России по ряду причин этот сценарий нереализуем, хотя эту новую фашистскую утопию мы встречаем в сильно ослабленном состоянии. Поэтому, как большинство ни оттягивает этот момент, каждому придется взглянуть правде в глаза и признать, что или русские восстановят то жизнеустройство, которое совместимо с нашей природой, наличными ресурсами и культурой, — или исчезнут как народ и как страна. Исчезнут, как американские индейцы.

И в выборе и построении этого возможного для нас жизнеустройства им будет совершенно необходим опыт советского строя. Потому что он тоже складывался под давлением непреодолимых условий и смертельных угроз, и многие решения, выстраданные поколениями советских людей, являются, вероятно, единственно возможными. Скорее всего ряд важнейших принципов жизнеустройства, при котором только и может сохраниться русский народ и его культура, будут в главных своих чертах воспроизводить принципы советского строя — неважно даже, под какой идеологической шапкой.

Поэтому очень скоро всем нам, кто хочет, чтобы его дети и внуки жили в нашей культуре, да и вообще жили, будут нужны книги, в которых был бы воссоздан и советский *проект*, и советский *строй* — то, что успели выполнить из всего проекта. Кое-что полезного сказали в своих специальных работах убийцы советского строя. Но то, что нужно убийце, недостаточно для строителя.

Нам нужны будут книги, ставящие заслон тому потоку карикатур, производство которых наладила антисоветская идеологическая машина. Книги, написанные с любовью, но не в захлеб. Надо начинать большой проект по созданию истории

«структур советской повседневности». Из нее мы поймем, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Поймем источники нашей силы и поразительной уязвимости.

Эта книга написана именно в таком ключе. Название ее скорее задает цель всего проекта. На самом деле это пока что *очерки* советской цивилизации, пока что картину советского строя как цивилизации мы делаем очень грубыми мазками, возникающий образ слишком размыт. Но надо начинать.

Я писал эту книгу с любовью к советскому строю и советскому народу. Тот, для кого ненависть к СССР стала опорой в их духовной жизни, пусть лучше ее не читает. Человеку разумному критику советского строя читать будет не трудно, потому что у меня нет ни задачи, ни даже малейшего желания кого-то переубедить или куда-то повести.

Вся работа делится на две части, две книги. Первая охватывает период от зарождения советского проекта и строя до Победы СССР в Великой Отечественной войне. Вторая — послевоенный период вплоть до краха СССР в конце 1991 г. Части эти могут читаться и по отдельности, хотя, конечно, представляют собой вместе одно целое.

Книга эта — не научный труд, в ней много аргументов, не поддающихся критической проверке строгими методами. Но и нестрогие доводы полезно знать. Все же скелет книги я строил согласно принципам построения научного текста, и этот костяк при необходимости можно легко вычлениить. Что же касается фактических данных, то я их по возможности брал из самых надежных источников. Думаю, больших ошибок, которые могли бы принципиально повлиять на выводы, в них нет.

Снабдить текст аппаратом ссылок, который отвечал бы научным нормам, стоило бы слишком большого труда, да и слишком затруднило бы чтение. Много цитат в тексте оставлено без ссылок. Я стал делать выписки и вырезки давно, еще не думая о книге. Все источники в принципе доступны, их можно было бы найти и привести, но это сильно затянуло бы издание книги. Приношу извинения за то, что решил пожертвовать качеством, которое для кого-то сделало бы текст более убедительным.

Благодарю всех, кто помог в работе над текстом, кто в прямой дискуссии или в Интернете поддержал высказанные в ней мысли или подверг их критике.

Глава 1

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ: КАК ИЗМЕНЯЛИСЬ ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА

Как сказал Плеханов, «нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания». Крушению советского строя, этому тяжелейшему удару по российской цивилизации, предшествовало то состояние сознания, которое Андропов определил четко: «Мы не знаем общества, в котором живем».

Это состояние сопровождает нас и сегодня, что и предопределяет тяжесть положения, в котором мы очутились. Незнание уже превратилось в непонимание. Когда сообщаем сведения даже о хорошо изученных характерных чертах нашего общества, тебя слушают с недоумением, недоверием, часто со злобой. Это тяжелый случай — «структурно обусловленное непонимание», когда реальные факты не втискиваются в укорененную структуру мышления и просто отвергаются или не замечаются.

В советское время через поголовное образование и средства идеологического воздействия в наше сознание была внедрена жесткая парадигма для восприятия и понимания истории и общественных явлений в России, особенно в предреволюционное и революционное время. Парадигма — это свод правил, образцов, логических приемов, неприемлемых ошибок. Все то, что формирует наше мышление в отношении определенного класса явлений и проблем.

Огромную роль при построении этой парадигмы сыграл молодой В.И. Ленин и его фундаментальный, во многих отношениях замечательный труд «Развитие капитализма в России» (1899). Исполнилось уже 100 лет с момента его издания, но вспомнить его надо не ради юбилея. Он поразительно актуален сегодня, и вся история его переосмысления самим Лениным вплоть до его работ о нэпе дает нам сильные, прокаленные уроки. Почему же мы от них бежим? Почему предпочитаем копо-

шиться на уровне Солженицына? Прокаленные уроки трудны, нужна сила и совесть, чтобы их принять.

История труда «Развитие капитализма в России» — драма культуры. Труд написан великим мыслителем и одновременно великим политиком — с большой интеллектуальной силой и со страстью. Это сочетание определило убедительность, мощь и длительность воздействия труда — и в то же время глубокую противоречивость этого воздействия.

По сути, этот труд завершил построение философско-политической парадигмы, в рамки которой была введена общественная мысль первой трети XX века и которая в суженном виде была перенесена в официальную советскую идеологию. Появление парадигмы — революция в мышлении, она всегда дает поначалу большой толчок развитию, приводит к расцвету мысли. Как говорится, даже ошибочная теория лучше, чем никакой. Если есть теория, можно формулировать вопросы и ставить эксперименты (хотя бы мысленные).

Но слишком жесткая теория быстро начинает давить мысль и накладывает шоры — особенно если не появляется мыслителей такого же ранга, способных поставить под сомнение, а потом опровергнуть утверждения, ставшие догмой. Ленин как политик затвердил достроенную им парадигму слишком жестко — в ущерб себе как ученому. И попал в тяжелое положение: жизнь быстро стала опровергать выводы его труда, но созданная Лениным партия стала расти и набирать силу именно на основе теории, идеологии и языка, заданных этим трудом.

В начале века марксизм в России стал больше чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма», отступая ради этого даже от Маркса.

И Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презирая свои вчерашние догмы, — но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников. Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось прикрывать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т.п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей,

обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались — Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

Для собирания России после Февраля 1917 г. оказалось жизненно важно, что Ленин в ходе революции 1905—1907 гг. и столыпинской реформы понял ошибочность главных выводов труда «Развитие капитализма в России». В чем же драма? В том, что не поняли и не задумались мы — и в результате «не знали общества, в котором живем». Так позволили его погубить и вновь разорвать Россию. Легко было бы оправдаться: виноваты ошибочные выводы Ленина и то, что он явно от них не отказался. Но принять такого оправдания нельзя.

Когда читаешь книгу Ленина, видно, что если бы он не заострил свои выводы, сделал их умеренными, с оговорками, то и выстрадать новое понимание России после 1905 г. у него бы не было острой потребности. Достоевский в своих романах заставляет героев доходить до «последних вопросов», ставя над ними *experimentum crucis* — жестокий, решающий эксперимент («эксперимент распятием»). Так, мне кажется, работала мысль Ленина — так он поступал со своими концепциями. Но рвать на себе рубаху и опровергать свои прежние выводы он позволить себе не мог, он был политик, а не доктор философских наук.

Мы сами виноваты в том, что под убаюкивающие лекции серых профессоров отбросили плодотворную противоречивость ленинской мысли. Но нельзя же и сегодня слушать колыбельные песни! Давайте хладнокровно обсудим выводы главной части книги «Развитие капитализма в России» — о капитализме в деревне.

Евроцентризм и народники. Структура мышления, созданная в течение последних ста лет для определенного понимания России, опирается на связный набор понятий и терминов, она логична и проста и, главное, она поддерживается авторитетом Запада. Нельзя сказать, что этот тип мышления политизирован (хотя в советское время в официальной идеологии была преувеличена и приукрашена роль одного течения — большевиков, а потом КПСС). В принципе на одном и том же языке в начале века могли говорить и понимать друг друга и либералы-кадеты, и Колчак, и Савинков, и социал-демократы. Это язык евроцентризма, который отвергал существование иных жизнеспособных цивилизаций, кроме Запада. Россия должна пройти тот же путь, что и Запад! В конце XIX века это означало, что и в

России должен быть капитализм. Россия сильно отстала, в ней много еще крепостничества и «азиатчины», но сейчас она наверстывает упущенное.

Из этого широкого течения выбивались наследники славянофилов — и консерваторы (из них выделились черносотенцы), и революционеры (народники). Против них встали и либералы, и марксисты. Их идейный разгром молодой Ленин считал в то время одной из главных своих задач. В работе 1897 г. «От какого наследства мы отказываемся» он так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т.п.».

В 80-е годы экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П.Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подход к изучению истории. Народники прекрасно знали марксизм, многие из них были лично знакомы с Марксом или находились с ним и Энгельсом в оживленной переписке.

В советское время мы получали сведения о взглядах народников в обедненном и недоброжелательном виде, в основном через критику их Лениным. Сейчас, когда мы шире познакомились с их трудами (особенно трудами «поздних» народников — А.В.Чаянова и Н.Д.Кондратьева) и узнали, какое влияние они оказали на мировую общественную мысль, мы обязаны подойти к критике народников взвешенно, учитывать искажающую роль злободневных политических интересов.

Важнейшим понятием в концепции «неподражательного» пути развития было народное производство, представленное прежде всего крестьянским трудовым хозяйством. В конце 70-х годов в крестьянско-общинное производство на надельных и арендованных у помещиков землях было вовлечено почти 90% земли России, и лишь 10% использовалось в рамках капиталистического производства. Сегодня проект народников иногда называют «общинно-государственным социализмом».

Критики народников сходились между собой в отрицании самобытности цивилизационного пути России и соответствующих особенностей ее хозяйственного строя. Легальный марксист П.Струве утверждал, что капитализм есть «единственная возможная» форма развития для России, и весь ее старый хо-

зяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру — значит его разрушить».

Распространенным было и убеждение, что разрушение (разложение) этого строя капитализмом западного типа уже быстро идет в России. Плеханов считал, что оно уже состоялось. М.И.Туган-Барановский (легальный марксист, а затем кадет) в своей известной книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

Сегодня уость этого евроцентристского взгляда поражает*. Когда подобные вещи говорит Гайдар, в его искренность никто не верит — он выполняет политический заказ. Сводить все различия хозяйственного строя двух цивилизаций к наличию или отсутствию крепостной зависимости у трети крестьян — значит подниматься на такой уровень абстракции, при котором реального экономического смысла теория уже не имеет.

Достаточно сказать, что в России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли 50%, а, например, транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. Как это влияло на цену, рентабельность, зарплату, стоимость кредита и пр.? По сути, один лишь географический фактор заставлял в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного.

Мы уж не говорим о том, что совершенно необходимым условием для возникновения и развития западного капитализма было длительное изъятие огромных ресурсов из колоний. Самый дотошный историк нашего века Ф.Бродель, изучавший «структуры повседневности» — детальное описание потоков и использования всех средств жизни, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необхо-

*Впрочем, уже в 30-е годы А. Тойнби в своем главном труде «Постижение истории» писал: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и поразительному сужению исторического кругозора».

димо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». По данным Броделя, в середине XVIII века Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн. ф.ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн. ф. ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д. Еще более жесткие оценки значения ресурсов колоний и «третьего мира» дал К.Леви-Стросс, а в последнее время — экономисты ООН.

Никоим образом не мог в России «господствовать тот же хозяйственный строй, что и на Западе». Модель марксистов — как большевиков, так и «легальных» — была неадекватна в принципе, не в мелочах, а в самой своей сути. Но эта модель становилась главенствующей в России.

Судьба русской крестьянской общины. Главной задачей труда «Развитие капитализма в России» сам Ленин считал укрепление марксистских взглядов на исторический процесс в России. Эту задачу он выполнил как политик — в существенной мере в ущерб научному анализу. В таком споре не рождается истина, не в этом его и цель. Ленин слишком «затвердил» установки марксизма, не вскрыв рациональное зерно взглядов народников. В тот момент народники не имели еще за своей спиной ни С.Подолинского с В.Вернадским, ни А.Чаянова, ни современной антропологии, ни даже позднего Маркса. Всего того, что сегодня заставляет нас совершенно по-иному взглянуть на крестьянскую общину и ее связь с экологическими постиндустриальными укладами.

В предисловии к 1-му изданию Ленин специально подчеркнул свою солидарность с главными выводами работы К.Каутского «Аграрный вопрос», которую он получил уже после того, как книга была набрана. Он пишет: «Каутский категорически признает, что о переходе деревенской общины к общинному ведению крупного современного земледелия нечего и думать»*.

*Здесь Ленин прямо отвечал на тезис народников (Н. Ф. Даниельсона), которые считали, что при национализации крупной промышленности возможно техническое вооружение общины и ее развитие так, «чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной промышленности и для ее преобразования из капиталистической формы в общественную».

Что крупное предприятие в земледелии несравненно эффективнее («прогрессивнее») мелкого крестьянского, для марксистов было настолько непререкаемой догмой, что об этом и спору не могло быть. Сегодня это утверждение далеко не очевидно, но мы тоже не будем с ним спорить — через сто лет после выхода книги. Главное, что и в рамках этой догмы Ленин ошибался — община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом развиваться в сторону крупных хозяйств. В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн. человек. Смогла община, хотя и с травмами, восстановиться и в облике колхозов — крупных кооперативных производств.

К сожалению, в начале XX века кооперацию в России экономисты (за исключением народников) считали чисто буржуазным укладом и в ее развитии видели как раз признак разложения общины. С.Ю.Витте писал в 1904 г.: «Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности... Община и кооперативный союз резко отличаются друг от друга по своей экономической и правовой структуре».

Сегодня, после опыта реформы Столыпина и трудов А.Чаянова, показавшего тесную и органичную связь крестьянского двора и кооперации, мы видим дело иначе. В.Т.Рязанов в своей фундаментальной книге «Экономическое развитие России. XIX—XX вв.» (из которой я почерпнул ряд данных для этого раздела) дает такую трактовку: «Как представляется, чрезвычайно быстрое распространение кооперативных форм было защитной реакцией общинно организованной деревни на усиление рыночных отношений и развитие капитализма. Так община приспособлялась к новым рыночным условиям хозяйствования».

О кооперативном движении в России надо сказать особо*. Оно возникло сразу после реформы 1861 г. и вызвало большие симпатии в обществе. В отличие от Англии оно действовало в основном в деревне. Инициатором его стал Н.В.Верещагин — помещик, отставной морской офицер, брат художника. Он изучал сыроваренное и кооперативное дело в Швейцарии, а в 1865 г. начал учреждать артельные сыроварни в Тверской губер-

*Подробно история изложена в статье А.Ю.Давыдова «Свободная кооперация в России (до октября 1917 года)» в журнале «Вопросы истории» (1996, № 1).

нии. Дело пошло хорошо, крестьяне получали большую выгоду, но со временем почти все артели перешли в руки частных («частному предпринимателю выгодно фигурировать в артельной шкуре» — писали газеты). Как говорили, под кооперативным флагом рождалась в России буржуазия — из артелей возникло несколько тысяч частных маслоделен. Как писал будущий меньшевик А.Н.Потресов, «либералы скорбели и сводили неудачу на случайности, на некультурность русского народа... Народники — те больше отмалчивались, неохотно вспоминая о своем былом грехопадении».

Одновременно с артельной кампанией началось создание потребительских обществ и ссудосберегательных товариществ (к началу 1880-х годов их было около тысячи). Эти товарищества имели неограниченную ответственность, отвечали за долги личным имуществом, и потому им доверяли и вкладчики, и кредиторы. Особенно выгодными кредитные товарищества оказались средним крестьянам. Они могли получить в год до 50 рублей (это цена двух лошадей или четырех коров) под 5—7% годовых, в то время как сельские ростовщики брали от 50 до 200%. Попытка завладеть этими кооперативами со стороны частных провалилась — они были выгодны именно обществу. С 1895 г. они перешли на «беспаяное начало», получая деньги для создания капитала из Госбанка. В ходе революции 1905 г. Государственный банк открыл таким кооперативам кредит в 20 млн. рублей. Вообще роль государства в кредитных кооперативах, в отличие от Запада, в России была очень велика (это даже называлось «русской системой»). К 1914 г. из 12 млн. членов кооперативов 9 млн. состояли в кредитных.

Такой кредит был весьма эффективным, он выдавался под 6% годовых в размере 100—200 рублей. В 1910 г. Госбанк списал безнадежных долгов на 194 тыс. рублей, а процентов по ссудам получил более 2,5 млн. руб. В годы столыпинской реформы кредитные товарищества стали крупными покупателями земли, с ними так или иначе была связана примерно треть населения России. В 1908 г. на I Всероссийском съезде работников кооперации было решено создать большой банк. В 1911 г. был учрежден Московский народный банк, 90% акций которого приобрели кооперативы. Он координировал деятельность кооперативов, давал им кредиты и гарантировал их займы. Его оборот вырос к 1916 г. до 1,2 млрд. руб. Это, видимо, был крупнейший кооперативный банк в мире.

Вокруг кредитной кооперации стала развиваться и сельско-

хозяйственная — закупка машин, обработка льна, строительство зернохранилищ и зерноочистительных станций, маслодельных заводов. Первая неудача артельного дела при развитой кооперации уже не могла повториться. После первой революции отношение правительства к самой массовой, потребительской кооперации изменилось. 85% таких обществ работало в деревне, и в них было сильно влияние социалистов. Министерство внутренних дел подозревало эти кооперативы в революционной деятельности, запрещались собрания их членов. В 1915 г. созданный потребительными обществами Центральный кооперативный комитет и его 100 провинциальных отделений были запрещены. Главное, кооперация в России стала огромной системой самоорганизации, которая вовлекла в себя десятки миллионов человек. И Ленин признал незадолго до смерти: «Социализм — это строй цивилизованных кооператоров».

Но вернемся назад, к крестьянской общине. Самым дальновидным из марксистов в отношении общины оказался сам Маркс — мы и сегодня в этом вопросе до него не доросли. Он увидел именно в сельской общине зерно и двигатель социализма, возможность перейти к крупному земледелию и в то же время избежать мучительного пути через капитализм. Он писал в 1881 г.:

«Россия — единственная европейская страна, в которой «земледельческая община» сохранилась в национальном масштабе до наших дней. Она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя. В то же время она не живет изолированно от современного мира. С одной стороны, общая земельная собственность дает ей возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже осуществляют его на лугах, не подвергшихся разделу. Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к артельным отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному... С другой стороны, одновременное существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья».

Как заметил современный исследователь крестьянства Т.Шанин, «Маркс в меньшей степени, чем Ленин, был озабочен тем, чтобы оставаться марксистом. В 1881 г. это привело его более

прямым путем к выводам, к которым Ленин пришел только в 1920-х годах». Впрочем, эти взгляды о русской крестьянской общине настолько противоречили ортодоксальному марксизму, что и сам Маркс не решился их обнародовать — они остались в трех (!) вариантах его письма В.Засулич, и ни один из этих вариантов он так ей и не послал. Позже, в 1893 г., Энгельс в письме народнику Даниельсону (переводчику первого тома «Капитала») пошел на попятный, сделав оговорку, что «инициатива подобного преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада». Таким образом, после некоторых колебаний Маркс и Энгельс уступили марксизму.

В своем труде Ленин дал в основном одномерную, сведенную к производственно-экономическим отношениям модель общины (всю «лирику» народников он просто высмеивал). Но революция 1905—1907 гг. и последующая реформа Столыпина показали неадекватность как раз ленинской модели. Из нее вытекало, что эта реформа, силой государства подавляющая «азиатчину», должна была бы моментально рассыпать общину, освободив место более эффективным формам. Все оказалось иначе.

По данным Вольного экономического общества, за 1907—1915 гг. из общины вышли 2 млн. семей. По данным МВД Российской империи, 1,99 млн. Более половины из этого числа вышли за два года — 1908-й и 1909-й, потом дело пошло на спад вопреки сильному экономическому и административному давлению. То есть всего из общины вышли около 10% крестьянских семей России. Возникло около 1 млн. хуторов и отрубков. Немного. Причем 57% всех вышедших из общины пришлось на 14 губерний Юга, Юго-Востока и Северо-Запада. Иными словами, на все губернии с русским населением пришлось лишь 43% тех, кто покинул общину. Это данные из статьи 1916 г., в которой приведены итоги землеустройства по всем районам России*.

Другая мерка реформы — переток земли. В целом после реформы 1861 г. на рынке земли стали господствовать трудовые крестьянские хозяйства, а не фермеры. Если принять площади, полученные частными землевладельцами в 1861 г. за 100%, то к 1877 г. у них осталось 87%, к 1887 г. 76%, к 1897 г. 65%, к

*Рожков Н. Аграрный вопрос и землеустройство. — Современный мир, 1916, № 3.

1905 г. 52% и к 1916 г. 41%, из которых 2/3 использовалось крестьянами через аренду. То есть за время «развития капитализма» к крестьянам перетекло 86% частных земель. А.Чаянов дает к этому такой комментарий: «Наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство... оказывается способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее».

Во время реформы Столыпина земля продавалась через Крестьянский поземельный банк. За время его существования по 1913 г. общинами было куплено 3,06 млн. дес., товариществами (кооперативами) — 10 млн., а частными хозяевами — 3,68 млн. Если учесть, что всего в России в 1911—1915 гг. посевных площадей было 85 млн. дес., то видно, что распродать в руки частных удалось немного земли. Переворота реформа Столыпина не сделала. Спад покупок частными хозяевами — теми, кто, как предполагалось, должен был бы стать русскими фермерами, показывает, что реформа, по сути, исчерпала свой потенциал. Было скуплено столько земли, сколько могло быть освоено в производстве с получением капиталистической ренты — прямо или через аренду. Остальная земля оставалась в общинном крестьянском землепользовании, ибо только так она и могла быть эффективно использована. Идеологические доктрины тут ни при чем.

Очевидно, что реформа не создала таких условий, чтобы процесс пошел сам, по нарастающей, чтобы он втягивал в себя крестьянство, пусть и после начального периода сопротивления. Более того, переселенцы в Сибири стали объединяться в общины, и сам Столыпин, посетив те места, признал, что это разумно.

Замысел, на котором стояла программа Столыпина, был известен давно — это европейский путь развития капитализма в деревне. А.Н.Энгельгардт рассказывает: «Один немец — настоящий немец из Мекленбурга — управитель соседнего имения, говорил мне как-то: «У вас в России совсем хозяйничать нельзя, потому что у вас нет *порядка*, у вас каждый мужик сам хозяйничает — как же тут хозяйничать барину. Хозяйничать в России будет возможно только тогда, когда крестьяне выкупят земли и поделят их, потому что тогда богатые скупают земли, а бедные будут безземельными батраками. Тогда у вас будет порядок и можно будет хозяйничать, а до тех пор нет». Вот это как раз в России и не удавалось.

Да и не только в России это не удавалось. Сегодня мы имеем исследованный многими школами опыт множества крестьянских стран «третьего мира». Он показывает, что образ жизни крестьянина (общинного или кооперированного) предоставляет человеку такие блага, которые не компенсирует более высокий денежный доход батрака. Еще более важен тот факт, что модернизация через превращение крестьян в фермеров неизбежно выбрасывает из общества большое число крестьян. Такая модернизация, даже если она считается успешной с точки зрения монетаризма, разрушительна для общества и тем более для народа.

Сегодня в России демократы много говорят о «замечательном успехе» Пиночета. Тут как раз полезно вспомнить о крестьянах, а то наша пресса все о банках да о среднем классе. Вот данные Экономической комиссии ООН по Латинской Америке, которые приводит историк З.И.Соколова на международном семинаре в 1994 г.: «После прихода к власти Пиночета были расформированы кооперативы, которые вызывали негодование политиков своей неэффективностью и в которых было занято примерно 450 тыс. крестьян. Порядка 50 тыс. крестьянских хозяйств, можно сказать, «состоялись» на участках, полученных от разрушения кооперативов. 400 тыс. крестьян оказались пауперами. Их расселили вдоль дорог. Иногда в распоряжении семьи паупера было лишь 100 кв. м земли. А ведь, считая с семьями, это девятая часть населения страны, выпавшая из экономически активного населения, поскольку они даже не маргиналы, а именно пауперы. И это явление настолько универсально для стран, пошедших по пути разрушения кооперативов, что чилийские экономисты даже оперируют термином «пауперизирующее окрестьянивание»... Произошло сращивание финансового капитала и аграрного — и не в пользу Латинской Америки и его крестьянства. Крестьянин часто соглашается на специализацию по программе ТНК за право засеять небольшой огород. И вот эта готовность отдавать наиболее трудоемкую часть своей продукции за свое право на огород, за сохранение себя как крестьянина — это наиболее характерная сегодня в Латинской Америке ситуация».

Если считать крестьян, составлявших в начале XX века 85% населения России, разумно мыслящими людьми, то надо признать как факт: раз они сопротивлялись реформе Столыпина, значит, «развитие капитализма в России» противоречило их фундаментальным интересам. Примечательно, что Столыпина

не поддерживали даже те крестьяне, которые выделились на хутора и отруба (одно дело личная выгода, другое — поддержка смены всего уклада деревни).

При этом всем было очевидно, что вести хозяйство на крупных участках выгоднее: трудозатраты на десятину составляли в хозяйствах до 5 дес. 22,5 дня, а в хозяйствах свыше 25 дес. — 6,1 дня. Значит, переход к капиталистическим фермам нес крестьянам такие потери, которые перекрывали эту огромную выгоду. Этого не видел в 1899 г. Ленин, зажатый в рамки политэкономии западного капитализма. Маркс верно сказал, что крестьянин — «непонятный иероглиф для цивилизованного ума».

Исходя из политэкономии, Ленин был уверен, что освобождение крестьян от оков общины — благо для них, и так определял в книге позицию социал-демократов: «Мы стоим за отмену всех стеснений права крестьян на свободное распоряжение землей, на отказ от надела, на выход из общины. Судьей того, выгоднее ли быть батраком с наделом или батраком без надела, может быть только сам крестьянин. Поэтому подобные стеснения ни в каком случае и ничем не могут быть оправданы»*.

Строго говоря, это типично либеральный взгляд. Он сводится к простой мысли: быть свободным индивидом лучше, чем входить в солидарный человеческий коллектив. Община и свободный индивидум вообще-то исходят из разных мироощущений и разных идеалов, о которых бесполезно спорить. Но в случае, который разбирал Ленин, и прагматические интересы оправдывают «оковы общины».

Общинное право запрещало продавать и даже закладывать землю — это, конечно, стеснение. Почему же крестьяне его поддерживали? Потому что знали, что в их тяжелой жизни чуть ли не каждый попадет в положение, когда отдать землю за долги или пропить ее будет казаться наилучшим выходом. И потерянное не вернешь. Не вполне распоряжаться своим урожаем, а сдавать в общину часть его для создания неприкосновенного запаса на случай недорода — стеснение. Но в каждой крестьянской семье была жива память о голодном годе, когда этот запас

*Во втором издании 1908 г. Ленин сделал сноску, чтобы отмежеваться от реформы, которая потребовала массовых порок и казней: «Само собой разумеется, что еще больший вред крестьянской бедноте принесет столыпинское (ноябрь 1906 г.) разрушение общины». Но между этой сноской и текстом имеется явное противоречие — трудно поддерживать разрушение общины («отмену всех стеснений») и в то же время ругать за это Столыпина.

спасал жизнь (хотя бы память о страшном голоде 1891 г.). И это тоталитарное общинное правило, гарантирующее выживание, ценилось крестьянами выше глотка свободы. Как говорили сами крестьяне: «Если нарушить общину, нам и милостыню не у кого попросить будет».

Но эту проблему Ленин вообще исключал из рассмотрения. А ведь она — часть хозяйственного строя. Конечно, после двухсот лет «дикого» капитализма на Западе социал-демократы убедили общество в необходимости сознательной солидарности и организации системы социальных гарантий через государство. Но русские крестьяне рассудили, что они до этого могут и не дожить, да и не получит Россия тех огромных средств из колоний и «третьего мира», на которые создает эти системы западное государство.

Вообще спор о земледельческой общине можно считать законченным после двух исторических экспериментов: реформы Столыпина и Октябрьской революции 1917 г. Получив землю, крестьяне повсеместно и по своей инициативе восстановили общину. В 1927 г. в РСФСР 91% крестьянских земель находилось в общинном землепользовании. Как только история дала русским крестьянам короткую передышку, они определенно выбрали общинный тип жизнеустройства. И если бы не грядущая война и жестокая необходимость в форсированной индустриализации, возможно, более полно сбылся бы проект государственно-общинного социализма народников.

Общая ошибка марксистов, слишком жестко применявших формационный подход, заключалась в том, что они часто ставили знак равенства между докапиталистическими формами и *некапиталистическими*. Если не видеть в общине ее цивилизационное, а не формационное, содержание, то она, естественно, будучи «докапиталистической» формой, в конце XIX века выглядит как пережиток, дикость и отсталость. Если же рассматривать общину как продукт культуры, жестко не связанный с формацией, то в ней виден особый гибкий и насыщенный содержанием уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими базисами. На основе общинных отношений во многом строилась ускоренная индустриализация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Принципы общины лежат в построении больших кооперативов малых предприятий юга Италии, которые конкурируют с крупными корпорациями даже в области микроэлектроники.

Возможность русской общины встроиться в индустриальную

цивилизацию еще до народников предвидели славянофилы. А.С.Хомяков видел в общине именно цивилизационное явление — «уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории» — и считал, что община крестьянская может и должна развиваться в общину промышленную. О значении общины как учреждения для России он писал: «Отними его, не останется ничего; из его развития может развиваться целый гражданский мир».

Еще более определенно высказывался Д.И.Менделеев, размышляя о выборе для России такого пути индустриализации, при котором она не попала бы в зависимость от Запада: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение».

Упомяну здесь крайний, но очень важный для нашей темы результат, который десять лет отторгается нашими обществоведами — не верят. Но теперь вдруг его вспомнил либеральный журнал «Вопросы экономики». В одной статье (№ 4, 2000, с. 105) говорится: «После скандально известных исследований рабского труда в южных штатах США... совершенно иной видится взаимосвязь понятий «архаичность» и «эффективность». Ранее а priori считалось, что архаичные, унаследованные от предшествующих эпох экономические структуры обязательно менее эффективны, чем новые, рожденные более высокоразвитым общественным строем» и т.д. Надо сказать, что автор этих «скандально известных исследований» получил в 1993 г. Нобелевскую премию по экономике.

Речь о том, что негры-рабы в США, которые фактически были на оброке (плантаторы не вмешивались в организацию их быта и труда), были поразительно эффективнее белых фермеров. Во время уборки хлопка рабов не хватало, и обычно на сезон нанимали белых рабочих. У них в среднем выработка была вдвое ниже, чем у негров-рабов (кстати, раб при этом получал и зарплату вдвое более высокую, чем свободный белый работник). Как пишут авторы исследования, белые протестанты были не способны освоить сложную организацию коллективного труда, которая была у африканцев. В целом же душевая выработка негра была на 40% выше, чем у фермера.

Наконец, главный для нас опыт истории: русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили

общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива». Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил «русское чудо» — необъяснимо эффективную форсированную индустриализацию СССР. Но это особая тема.

Сравнение капиталистического и крестьянского земледелия.

В предисловии к книге «Развитие капитализма в России» Ленин выражает особую солидарность с Каутским в «признании прогрессивности капиталистических отношений в земледелии сравнительно с докапиталистическими». Для нас этот тезис важен и актуален сегодня, поскольку в СССР он с 70-х годов стал повторяться в несколько расширенной форме: «капитализм в земледелии прогрессивнее *некапитализма*». Имелся в виду уже советский строй.

Сегодня в России ложность расширенного тезиса очевидна: на той же земле, с той же технологией и с теми же людьми попытка заменить советские производственные отношения капиталистическими привела к спаду производства в два раза с глубокой деградацией хозяйства. В самом конце XIX века такого прямого и моментального сравнения не было. Не было и прямого доказательства тезиса Каутского применительно к России.

Каковы же методологические приемы обоснования этого тезиса у Ленина? Главных приемов два: первый — отсылка к авторитету Маркса, который представлен в работе как абсолютно непререкаемый. Второй довод — статистика концентрации средств и уровень производства зажиточных крестьян по сравнению с бедными.

На мой взгляд, оба довода не дают оснований для того вывода, который делает Ленин. В этот вывод большинство социал-демократов просто поверили — под воздействием не зависящих от книги факторов. Пострадали не они, а последующие поколения, которые продолжали верить в вывод Ленина. В общественном сознании остался укорененным большой идеологический миф.

Первый довод («от Маркса») несостоятелен потому, что даже если бы Маркс в принципе был прав, то говорил он исключительно о Западе и никаких оснований переносить его выводы на иные почвенно-климатические и культурные системы не было. Условием для использования этого довода Лениным было предварительное признание, что Россия ничем существенно

не отличается от Запада, а это чисто идеологическое утверждение, предмет веры, а не знания.

Но и в приложении к Западу тезис Маркса нельзя принять, если отвлечься от критериев монетаризма и считать, например, что прогрессивнее то земледелие, при котором население лучше питается. Сейчас мы знаем (из трудов школы Ф.Броделя), что возникновение капитализма в Европе привело к резкому ухудшению питания — вплоть до момента, когда хлынул поток денег из колоний, мяса и пшеницы из Америки. В Германии в конце Средневековья потребление мяса составляло 100 кг на душу населения, а в начале XIX века — менее 20 кг. Я уж не говорю о колониях, где «прогрессивные» европейские фермеры разрушали местную культуру земледелия. Индия до англичан не ведала голода кроме как в годы стихийных бедствий. Ацтеки в XV веке питались лучше, чем средний мексиканец сегодня. Именно из-за разрушения местных систем земледелия европейцами происходило вымирание туземцев. В чем же прогресс?

Сам Маркс признает, что внедрение капитализма в земледелие других цивилизаций приводит к самым плачевным результатам. В I томе «Капитала» мы читаем: «Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец». Нельзя высказаться определеннее: некапиталистическое сельское хозяйство Японии признано образцовой культурой, а внедрение в нее капитализма, по мнению Маркса, ее угробит. Эти предупреждения Маркса Ленин в своей книге не приводит и не обсуждает.

В последнее время (особенно в связи с конференцией ООН «Рио-92») вышло несколько важных трудов, показывающих, что крестьянское земледелие принципиально более продуктивно и экономно, нежели капиталистическая ферма. Причина — в накопленной веками экологической интуиции крестьянина, которая утрачена у фермера, «предпринимателя на земле».

Еще раньше, до современных экологов, то же самое утверждали антропологи, изучавшие «докапиталистические» формы культуры. К.Лоренц писал: «...неспособность испытывать уважение — опасная болезнь нашей цивилизации. Научное мышление, не основанное на достаточно широких познаниях, своего рода половинчатая научная подготовка, ведет к потере уважения к наследуемым традициям. Всезнающему педанту кажется невероятным, что в перспективе возделывание земли так, как

это делал крестьянин с незапамятных времен, лучше и рациональнее американских агрономических систем, технически совершенных и предназначенных для интенсивной эксплуатации, которые во многих случаях вызвали опустынивание земель в течение всего двух-трех поколений».

Конечно, средняя продуктивность земледелия была в России низкой. Говоря о причинах этого, следовало бы перечислить и «взвесить» все существенные факторы. Ленин же построил предельно абстрактную модель с одним фактором: «капиталистическое хозяйство — крестьянское хозяйство». Между тем, согласно данным середины 70-х годов XIX века, средний доход крестьян с десятины в европейской части России составлял 163 коп., а все платежи и налоги с этой десятины — 164,1 коп. Тяжелейшей нагрузкой были выкупные платежи крестьян за свою же общинную землю. В 1902 г. они составили 90 млн. рублей — более трети тех денег, что крестьянство получало от экспорта хлеба*.

Этот фактор «удушения монетаризмом» был вполне достаточным, чтобы подавить всякий прогресс. Смог бы это выдержать капиталистический фермер? Нет, не смог бы. А крестьянин выдерживал. Не только кормил, хоть и впроголодь, народ, но и оплачивал паразита-помещика, и индустриализацию России, и имперское государство. По мне, так именно это и есть надежный показатель эффективности — в реальных условиях.

Я уж не говорю о еще более «объективном» факторе, который Ленин вообще не упоминает, — природном. В среднем по России выход растительной биомассы с 1 гектара более чем в 2 раза ниже, чем в Западной Европе, и почти в 5 раз ниже, чем в США. Сегодня лишь 5% сельскохозяйственных угодий в России имеют биологическую продуктивность на уровне средней по США. Если в Ирландии и Англии скот пасется практически круглый год, то в России период стойлового содержания 180—212 дней. Однолошадный крестьянский двор в среднем мог заготовить только 300 пудов сена и продуктивного скота держать не мог. Внедрение капитализма и рынка заставило увеличить посевы хлеба на экспорт, так что количество скота с начала XX

*Освобождение от выкупных платежей — одно из главных завоеваний крестьянства в революции 1905—1907 гг. Уже в 1906 г. выкупные платежи снизили до 35 млн., а в 1907 г. — до 0,5 млн. рублей. Фактически они были отменены.

века стало быстро сокращаться, что, в свою очередь, привело к снижению плодородия почв. Налицо технологический регресс.

В Письме одиннадцатом А.Н.Энгельгардт много места уделяет сравнению крестьянского и помещичьего (ставшего уже капиталистическим) земледелия. Он пишет: «Агрономы «Руси»*, нахватавшиеся из популярных французских книжек кое-каких поверхностных химических знаний, говорят, что мужик наделен достаточным количеством земли, но только не умеет ею пользоваться рационально, а потому не получает с нее того, что следовало бы. Они указывают, как много получает немецкий мужик с такого же количества земли, они советуют мужику изменить систему хозяйства, вести хозяйство интенсивное, советуют мужику удобрять землю виллевыми искусственными туками. Идеал агрономов «Руси»: мужик, живущий на интенсивно обработанном клочке земли. Мужичок в сером полуфрачке посыпают виллевыми туками свою нивку, баба в соломенной шляпе пасет свою коровку на веревочке по клеверному лужку. Восхитительная картина! Точно в Германии.

Читая статьи славянофильских агрономов, удивляешься только нахальству и бесстыдству этих недоучек. Мужик глуп, мужик не понимает хозяйства, мужик не знает, что скот нужно хорошо кормить, чтобы он был производителен, мужик не умеет убирать сено, ухаживать за скотом, рационально утилизировать молочные продукты. Ест, дурак, сам молоко, творог, топленое масло, вместо того, чтобы готовить из него парижское масло и чеддер для продажи господам. Мужик не знает, что нужно удобрять землю, вести интенсивное хозяйство. А между тем мы видим, что этот мужик, который не знает, что скот нужно хорошо кормить, в страду, в покос работает по двадцати часов в день, убивается на работе, худеет, чернеет с лица и все для того, чтобы заготовить побольше корму для скота...

Я сел на хозяйство в 1871 году и, смею думать, достаточно подготовленный научно. Теперь, прохозяйничав одиннадцать лет, доведя хозяйство мое, по его производительности, до блестящего состояния, я говорю, что в общем разделяю воззрения мужика на хозяйство. Я считаю, что хозяйственные воззрения мужика, в главных своих основаниях, чрезвычайно рациональны, если смотреть на дело с точки зрения общей, государственной пользы.

* «Русь» — московская славянофильская газета (1880—1886), изд. ред. И.С.Аксаков.

Если мы посмотрим на частные хозяйства, ведущие свое дело рационально, достигшие большой доходности, то мы увидим всегда, что эти хозяйства имеют значение только сами для себя и никакого общего значения их системы, приемы и пр. не имеют. Для себя эти хозяйства рациональны, но для общего хозяйства страны они не имеют смысла*... Точно так же и воззрения мужика на общую систему хозяйства страны, его экстенсивная система хозяйствования разумнее интенсивной системы «Руси» с виллевскими туками... В противоположность агрономам «Руси», которые говорят, что массы земель нужно оставлять пустовать и лишь на кусочках вести интенсивное хозяйство с виллевскими туками, я, на основании многолетней практики, в один голос с мужиком говорю, что мы должны, наоборот, *вести экстенсивное хозяйство, расширяться по поверхности, распахать пустующие земли*. Я утверждаю, что это единственное средство извлечь те богатства, которые теперь лежат втуне, и так как сделать все это может *только мужик*, так как *будущность у нас имеет только общинное мужицкое хозяйство*, то все старания должны быть употреблены, чтобы эти *пустующие земли пришли к мужику*. Этого требует благо страны, благо всех».

В целом среднегодовая урожайность крестьянских полей после реформы 1861 г. стабильно возрастала. В 60-х годах XIX века она составляла 4,4 ц/га, а в 70-х — 4,7 (рост на 7%); в 80-х — 5,1 ц (рост на 8%), в 90-х — 5,9 (рост на 15%), в 1901—1910 — 6,3 ц (рост на 7%), в 1922—1927 — 7,4 ц/га (рост еще на 17%).

Вопреки нашим поверхностным представлениям, крестьянин в России использовал землю гораздо бережнее и рачительнее, нежели частный собственник, — потому что для крестьянина земля означала *жизнь*, а для собственника лишь *прибыль*. А по своей важности это разные вещи. А.В.Чаянов пишет: «Очевидно, что для капиталистического хозяйства являются совершенно неосуществимыми мелиорации, дающие прирост ренты ниже обычного капиталистического дохода на требуемый для мелиорации капитал, и столь же очевидно, что все эти соображения неприменимы в отношении мелиораций трудового крестьянского хозяйства уже по одному тому, что оно не

*Далее А.Н.Энгельгардт подробно рассматривает, почему ради увеличения прибыли частное хозяйство идет, например, на ранние покосы, «собирая сливки» с лугов, в то время как крестьянин дожидается максимального прироста травы, что в целом повышает продуктивность хозяйства страны в целом.

знает категории капиталистической ренты... В условиях относительного малоземелья семья, нуждающаяся в расширении объема своей хозяйственной деятельности, будет производить многие мелиорации, невыгодные и недоступные капиталистическому хозяйству, точно так же, как она уплачивает за землю и ее аренду цены, значительно превышающие *капиталистическую ренту* этих земель».

Здесь предлагается политэкономический, соответствующий марксистской методологии критерий — сравнение капиталистической ренты и прибавочного продукта крестьянина на той же земле. Его уже мог использовать, но не использовал Ленин. А.В.Чаянов пишет на основании строгих исследований: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам... Арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при капиталистической их эксплуатации».

И это не аномалия, а общий в России случай. А.В.Чаянов в книге «Теория крестьянского хозяйства» (1923) пишет: «Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земледельческого предприятия». Расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой у крестьян были очень велики. А.В.Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клена составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротоякском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины — 2,7 руб. Разница колоссальна — 16,6 руб. с десятины, в 7(!) раз больше чистого дохода. Таким образом, даже в рамках понятий политэкономии, то есть используя чисто монетарное измерение, следует признать крестьянское хозяйство в условиях Рос-

сии более эффективным, нежели фермерское капиталистическое.

Это четко выявила как раз реформа Столыпина. Газеты того времени писали, что землю покупают в основном безземельные («несеющие») — «те деревенские богатеи, которые до того времени не вели собственного сельского хозяйства и занимались торговлей или мелким ростовщичеством». В 1911 г. газета «Речь» писала: «Добрая половина крестьянских посевных земель находится в руках городских кулаков, скупивших по 30 и более наделов». В 1910 г. другая центральная газета писала, что в Ставропольской губернии земля скупалась в больших размерах «торговцами и другими лицами некрестьянского звания. Сплошь и рядом землеустроитель вынужден отводить участки посторонним лицам в размере 100, 200, 300 и более дес.».

Это не улучшало дела, а лишь усиливало те тенденции, что наблюдались за четверть века до столыпинской реформы. А.Н.Энгельгардт писал в декабре 1881 г. (Письмо одиннадцатое): «Старая помещичья система после «Положения» заменилась кулаческой, но эта система может существовать только временно, прочности не имеет и должна пасть и перейти в какую-нибудь иную, прочную форму. Если бы крестьяне в этой борьбе пали, обезземелились, превратились в кнехтов, то могла бы создаться какая-нибудь прочная форма батрацкого хозяйства, но этого не произошло — падают, напротив, помещичьи хозяйства. С каждым годом все более и более закрывается хозяйство, скот уничтожается и земли сдаются в краткосрочную аренду, на выпашку, под посевы льна и хлеба. Пало помещичье хозяйство, не явилось и фермерства, а просто-напросто происходит беспутное расхищение — леса вырубаются, земли выпахиваются, каждый выхватывает, что можно, и бежит. Никакие технические улучшения не могут в настоящее время помочь нашему хозяйству. Заводите какие угодно сельскохозяйственные школы, выписывайте какой угодно иностранный скот, какие угодно машины, ничто не поможет, потому что нет фундамента. По крайней мере, я, как хозяин, не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земли не перейдут в руки земледельцев».

Реформа Столыпина была исключительно важна тем, что она послужила для всего русского общества наглядным экспериментом. В результате ее было насильно создано типично капиталистическое землевладение, которое, казалось бы, давало возможность организовать крупные фермы, нанять сельскохо-

зяйственных рабочих и получать предусмотренную марксизмом прибавочную стоимость. Как следует из труда Ленина, так и должно было бы произойти, ибо ферма, по его мнению, — *политически* несравненно более эффективное предприятие, нежели крестьянский двор.

Жизнь показала ошибочность выводов Ленина и его согласия с Каутским: вопреки мощному политическому и экономическому давлению крестьянство не исчезало, а оказывалось жизнеспособнее и эффективнее, чем фермы. В 1913 г. 89% национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве европейской части России, приходилось на крестьянские хозяйства — в 10 раз больше, чем на капиталистические (по другим оценкам, для России в целом накануне Первой мировой войны доля крестьян по стоимости продукта в земледелии и животноводстве составила 92,6%). Значит, насаждавшиеся правительством фермы были менее эффективны. Поэтому и помещики, и скупившие землю кулаки не устраивали ферм, а сдавали землю в аренду крестьянским дворам.

Как следует из одного исследования хода реформы (в Симбирской губернии), «половина всех покупателей покупала землю прежде всего в целях сдачи ее в аренду». Аренда была кабальной — за отработки (бесплатный труд) или исполу (за половину урожая). Арендатор бедствовал, что сказывалось на технике земледелия. По данным экономистов-аграрников, в центре России «при всей отсталости крестьянина и примитивности техники его хозяйства на наделных землях урожаи хлеба были выше, чем на помещичьих, сдаваемых в аренду». Иными словами, разрушение общины и перевод земли из наделов в сферу капиталистических отношений означали не прогресс, а обогащение сельских паразитов-рантье за счет регресса хозяйства и страданий крестьянина.

А.Н.Энгельгардт подробно излагает взгляды кулаков на земельный вопрос, и этот взгляд решительно расходится с программой Столыпина. В частности, кулаки предполагают так распорядиться помещичьей землей, которая так или иначе отойдет в казну: «Найдется богатый мужичок, который деньги внесет, земля под общество пойдет, а общество мужику выплачиваться будет. Богач найдет, с чего взять». То есть кулаку, сельскому богачу выгоднее не устраивать ферму, а отдать землю общине и тянуть с нее проценты за кредит. Это, пожалуй, можно считать «мироедством» в чистом виде.

Следует заметить, что концентрацию средств производства в

пользовании зажиточных крестьян и более высокую, чем у бедняков, продуктивность их хозяйств вообще нельзя принимать за свидетельство того, что «капиталистическое» хозяйство прогрессивнее «крестьянского». Для этого надо еще доказать, что зажиточный крестьянский двор, даже имеющий пять лошадей, превратился в хозяйство капиталистическое. Ленин это не доказывает, а постулирует, называя богатых крестьян «крестьянской буржуазией». Но постулат этот никак нельзя признать убедительным, и я к нему еще вернусь.

Подойдем к понятию «прогрессивное земледелие» с другой стороны — не производственно-экономической, а социальной. Ведь сельское хозяйство — это не только производство, а и *образ жизни*. Для России конца XIX века — образ жизни 85% населения. Можно ли считать прогрессивным процесс в экономике, при котором жизнь подавляющего большинства народа ухудшается? Ленин в своей книге прямо не ставил этот вопрос, но косвенно отвечал на него утверждением, будто сельский пролетарий живет лучше, чем крестьянин-бедняк.

На деле сельский житель, даже став батраком, не перестает быть крестьянином («раскрестьянивание», например, через огораживания в Англии, связано с изменением всего образа жизни — прежде всего с переселением в город). Поэтому можно отвлечься от политэкономической классификации, а говорить о бедняках, середняках и зажиточных. Было ли в этом плане радикальное внедрение капитализма (реформа Столыпина) прогрессивным?

Вот что показали имитационные модели двух вариантов развития сельского хозяйства России — по схеме реформы Столыпина и по прежнему пути, через крестьянское землепользование и сохранение общины (результаты моделирования приводит В.Т.Рязанов). Без реформы социальная структура деревни в 1912 г. была бы такой: бедняки — 59,6, середняки — 31,8, зажиточные — 8,6%. Реально в ходе реформы соотношение стало 63,8:29,8:6,4. Заметный социальный регресс. Если бы столыпинская реформа продолжалась еще 10 лет, как и было предусмотрено, то социальная структура ухудшилась бы еще сильнее — до 66,2:28,1:5,5.

Наконец, еще один, близкий русскому человеку довод — поведение во время войны. Россия, как говорил Менделеев, долго вынуждена была жить «бытом военного времени». Поэтому «прогрессивным» для нее могло считаться только то хозяйство, которое сохраняет свою дееспособность в чрезвычайных усло-

виях. Тяжелым, но предельно показательным экзаменом для двух типов хозяйства — трудового крестьянского и частного — стала Первая мировая война. К концу 1916 г. в армию было мобилизовано 14 млн. человек, село в разных местах потеряло от трети до половины рабочей силы. Как же отреагировало на эти трудности хозяйство — крестьянское и буржуазное? По всей России к 1915 г. посевная площадь крестьян под хлеба выросла на 20%, а в частновладельческих хозяйствах уменьшилась на 50%. В 1916 г. у частных вообще осталась лишь четверть тех посевов, что были до войны. В трудных условиях крестьянское хозяйство оказалось несравненно более жизнеспособным.

А вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочного труда «Народное хозяйство в 1916 году»: «Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью». Таким образом, общинный крестьянин, трудом стариков и женщин увеличив посевы хлеба для России, еще и сдавал хлеб втрое дешевле, чем буржуазия.

Сегодня, когда в целом индустриальная цивилизация переживает довольно тяжелый кризис, в развитых странах возник большой интерес к крестьянству. Запад крестьянство давно ликвидировал, превратил в фермерство — капиталистическое предприятие на земле. Но сейчас уже ясно: будущее, постиндустриальное сельское хозяйство — за крестьянством (конечно, снабженным достижениями лучшей науки). Только хозяйство, организованное по-крестьянски, а не по-фермерски, сможет накормить человечество и не разрушить среду обитания. Поэтому изучают крестьянство в Индии, Китае, Японии, Египте, остатки его в Испании. Но главная сокровищница крестьянской цивилизации — Россия.

Укрепление общины как условие развития капитализма: взгляд из начала XXI века. Изучение стран «третьего мира», втянутых в капиталистическую систему в качестве ее периферии, привело к очень важным выводам. Они прямо относятся к нашей теме. Главный их смысл состоит в том, что в России, в отличие от Западной Европы, капитализм в сельском хозяйстве и в целом в стране не мог вытеснить общину. И не только не мог вытеснить и заменить ее, но даже *нуждался* в ее укреплении. Иными словами, чтобы в какой-то части России мог возник-

нуть сектор современного капиталистического производства, другая часть должна была «отступить» к общине, претерпеть «архаизацию», стать более традиционной, нежели раньше. Образуя, говоря, капитализм не может существовать без более или менее крупной буферной «архаической» части, соками которой он питается.

Глобализация капитализма, которая началась с XVI века, привела к тому, что эту «архаическую» часть Запад смог в значительной степени вынести за пределы метрополии, господствуя над архаическими укладами, находящимися в заморских территориях, — сначала в колониях, а потом в «третьем мире». Но Россия, не будучи колониальной империей, могла вести развитие капитализма только посредством архаизации части *собственного* общества. И прежде всего объектом этой архаизации стало крестьянство. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляет крестьянскую общину. И это вовсе не стратегическая ошибка, иначе и быть не могло.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин делает вслед за Марксом ошибку относительно прогрессивной роли капитализма в целом, в рамках всей системы «центр — периферия». Создавая в колониях анклав современного производства, господствующий извне капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» остальной части производственной системы — даже уничтожая структуры местного капитализма. Это хорошо изучено на примере Египта и Индии.

В очень важной книге «Теория формаций» (М., 1997) В.В.Крылов пишет о модернизации хозяйства на периферии («зеленой революции»): «Уже здесь начинает обнаруживаться тот поразительный факт, что так называемые пережитки докапиталистических способов труда и натурального хозяйства далеко не во всем и не всегда являются просто не успевшими исчезнуть остатками доколониальных времен, а представляют собой нечто генерируемое и воспроизводимое в отсталом мире законами его современного развития. Разве не об этом свидетельствует превращение многих развивающихся стран в послевоенные годы из экспортеров продовольственных ресурсов в их чистых импортеров и усиление в них натурально-хозяйственных тенденций?» Далее он пишет уже о влиянии современной глобализации на страны Латинской Америки: «Такого удивительного переплетения процессов, когда экономический прогресс сопровождается не сокращением сферы традиционного труда, но

ее разбуханием, история еще не знала... Этот традиционный сектор, видимо, имеет тенденцию становиться таким унифицированным сектором бедности и допромышленных форм труда, с которым мы встречаемся во многих странах Латинской Америки».

Даже столь архаический уклад, как рабство, в случае США генетически является вовсе не пережитком, а именно продуктом капиталистического развития. Всесторонне рассмотрев этот вопрос, В.В.Крылов заключает: «В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества зависимой от него периферии явились структурной материализацией его не революционизирующих общественный процесс консервативных тенденций».

Россия в конце XIX и начале XX века была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри ее крестьянство было как бы «внутренней колонией» — периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

Именно там, в России, где сильнее всего чувствовался пресс вестернизации и модернизации, особенно усиливались традиционалистские взгляды и настроения. В 1870—1900 гг. как раз в центральных губерниях России, где относительно быстро развивались товарно-денежные отношения и отходные промыслы, крестьянство стремилось к укреплению общины и усилению в ней уравнительного начала. За эти годы в Московской губернии число уравнительных передельных (по едокам) общин увеличилось в 3 раза (до 77%), во Владимирской губернии — в 5 раз (до 94%), в Саратовской — в 41 раз (до 41%).

В.В.Крылов пишет: «В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних эпицентрах капитала, но к такому, когда могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, незанятости, беднос-

ти. Такого взаимодействия капиталистического уклада с докапиталистическими и таких его результатов европейская история в прошлом не знала. Это специфический продукт капиталоемкого, позднего, перезрелого капитализма». По данным ФАО, в теневом («неформальном») секторе экономики стран Африки южнее Сахары занято примерно 60% всей рабочей силы, из них 2/3 — в торговле. На путь архаизации такого типа толкнули и Россию сегодня, в то время как в начале XX-века архаизация ограничивалась лишь укреплением структур традиционного общества очень развитой аграрной цивилизации.

Уже Маркс, до того как он стал работать именно ради создания теории современного капитализма как основы революционной идеологии западного пролетариата, уделил много внимания историческим особенностям развития различных видов общины — городской античной и деревенской варварской. Это, кстати, были исследования, опровергающие саму идею последовательной смены формаций. Но сегодня принципиальное отличие развития капитализма на Западе и в периферийных обществах изучено достаточно подробно. В.В.Крылов констатирует важную вещь, которая объясняет закономерный характер сохранения и укрепления крестьянской общины в России: «Одно дело, когда частная капиталистическая собственность приходит на смену тоже частной, но мелкокрестьянской собственности, как это было в европейских странах; иное дело, когда частная капиталистическая собственность идет на смену общинным порядкам, как это было в пореформенной России и как это еще более ярко выражено ныне в странах Африки».

О превращении крестьян в пролетариат и буржуазию. В труде «Развитие капитализма в России» Ленин делает радикальный вывод: «Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев».

Ленин признает, что здесь его могут упрекнуть в том, что он забегаёт вперед. Но он считает, что лучше забежать вперед, чем отстать. С этим нельзя согласиться: речь шла о борьбе двух противоположных тенденций — развитии капитализма и сопротивлении ему. Значит, проблема была не в забегании или отставании, а в том, чтобы «взвесить» силу обеих тенденций.

Важнейший довод в пользу вывода об исчезновении общины — изменение классового строя деревни. Ленин пишет: «Ста-

рое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих» (с. 166). В другом месте сказано: «крестьянство с громадной быстротой раскалывается...». Далее Ленин дает оценку: «К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов, т.е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян» (с. 170).

Отнесение к пролетариату однолошадных крестьян, явно ведущих свое хозяйство, подтверждается тем, что «мелкие крестьяне понижают свои потребности ниже уровня потребностей наемных рабочих и надрываются над работой несравненно сильнее, чем эти последние». Это критерий, далекий от политэкономии, и мы к нему еще вернемся.

Первый довод в пользу того, что «крестьянство перестает существовать», — высокая, по мнению Ленина, *товарность* хозяйства, вовлеченность его в рынок. Крестьянство, по утверждению Ленина, «находится уже в полной зависимости от рынка, от власти денег». Здесь, как и во многих других местах, Ленин допускает явные преувеличения, которые никак не подтверждаются его же данными: «полная зависимость от рынка»! Из приведенных семейных бюджетов следует, что личное потребление крестьян, включая пищу, покрывалось за счет покупных продуктов и вещей не более чем на треть. Это в среднем, по всем категориям крестьян. Такую зависимость никак не назовешь полной. К тому же «рыночность» во многом была мнимой. Чтобы осенью заплатить подати, крестьяне были вынуждены дешево продавать хлеб, а весной покупать его уже дороже. Это дает видимое завышение «товарности», и экономисты-народники его вычитают, считая товарным только тот продукт, который не возвращается к производителю. Ленин такой поправки не делает.

Это явление «вынужденной товарности» натурального хозяйства довольно хорошо изучено в последние десятилетия на периферии капиталистической системы, в крестьянских странах «третьего мира». Подробно это изложено в исключительно важной для нас книге В.В.Крылова «Теория формаций» (М., 1997).

В главе о натуральном хозяйстве сказано: «Чисто статистическими методами было рассчитано, что докапиталистические способы труда и натуральная замкнутость хозяйства прочно удерживаются в условиях, когда производство на душу населения не превышает 200—250 долл. Только внеэкономические, рентальные, налоговые и тому подобные меры позволяют в этих условиях увеличивать товарный выход продукции, часто за счет личного потребления самих производителей». Именно это и наблюдалось в России, где подати и платежи у крестьян превышали возможный доход от хозяйства.

Что же касается закупок крестьян на рынке, то В.В.Крылов пишет: «Исследование структуры крестьянских хозяйств в Индии и других отсталых странах, проведенное В.Г.Растянниковым, показало, что значительная часть покупаемых крестьянами продуктов идет на их личное потребление, а не на воспроизводственные нужды их хозяйств. Натуральность хозяйств по роли в них природных факторов труда оказалась значительно большей, нежели об этом можно было судить по размерам крестьянских покупок и продаж. Это позволило автору сделать вывод об имевшей место в нашей литературе переоценке степени развитости как мелкотоварных, так и капиталистических отношений в деревне развивающихся стран». Таким образом, сами по себе покупки крестьян на рынке ничего еще не говорили об уровне товарности их производства. Тем более об этом не говорят их продажи. «Рынок, — пишет В.Г.Растянников об Индии, — непомерно «вздувался» за счет продукта, отчуждаемого в форме натуральной земельной ренты и прочих неоплачиваемых изъятий в натуре, обращавшихся в меновую стоимость и навсегда ушедших из сектора сельскохозяйственных производителей»*.

Более того, даже работа крестьянина на капиталистический рынок еще не говорит о том, что и само его хозяйство является капиталистическим. Это на материале русской деревни доказывал А.В.Чаянов, а за последние десятилетия установлено иссле-

*В.В.Крылов высказывается совершенно определенно: «Не вызывает никакого сомнения, что значительные слои крестьянства, тесно связанные с натуральными формами производства и отрезанные от прямых связей с рынком посредством «таких твердо установленных платежей, как налоги, земельная рента и т.д.» [Маркс], не могут быть отнесены к категории мелких буржуа. Они являются агентами не мелкотоварного уклада, но скорее феодального, общинно-племенного и т.п.».

дованием крестьянства в развивающихся странах. Но об этом писал уже и сам Маркс. Сейчас крестьянство «третьего мира» во многом работает на закупочные центры частных корпораций или государства с фиксированной ценой. Это типичная «работа на заказ», а не на свободный рынок. Маркс писал: «Работа на заказ, т.е. соответствие предложения предшествующему спросу как *общее или преобладающее* положение не соответствует крупной промышленности и никоим образом не вытекает как условие [процесса производства] из природы капитала». Но русский крестьянин в начале XX века именно преобладающим образом работал на закупочные центры. Он не был сам агентом капиталистического рынка. Впоследствии сам Ленин уточнил: «Товарное производство есть работа на *неизвестный* и свободный рынок».

В свете того, что сейчас известно о взаимодействии капитализма метрополий с периферией, становится более понятным, почему Ленин в 90-е годы считал, что в сельском хозяйстве России растет товарность и укрепляются капиталистические отношения, а через десять лет во многом изменил это представление. Вторжение западного финансового капитала и развитие капитализма в городе (как «метрополии» российского капитализма) после 1900 г. привело к сужению свободного рынка для крестьянства. Это было такое же «отступление от капитализма», какое наблюдалось ранее в Ирландии или Индии, а в наше время наблюдается в «третьем мире».

Подробно фактическая сторона дела изложена в книге видного экономиста-аграрника П.Лященко «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства» (М., 1927). Он объясняет, что до конца 90-х годов XIX века основная масса зерна отправлялась на внутренний рынок, тесно связанный с мукомольной промышленностью. Это был в большой мере капиталистический рынок — децентрализованный, подвижный, с большим числом мелких агентов. Зерно у крестьян скупали кулаки, базарные скупщики и приказчики мукомолов. В начале XX века произошла быстрая переориентация зернового рынка на экспорт.

П.Лященко пишет: «Иностранный капитал шел в Россию в виде финансового капитала банков для обоснования здесь промышленных предприятий, но тот же иностранный банковый капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами... Он начинает приливать в хлебную торговлю и руководить ею, или непосредст-

венно основывая у нас свои экспортные ссыпки, конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецкой Нейфельд, массы греческих, отчасти итальянских и др.) и специальные экспортные общества, или субсидируя и кредитую те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала...

Но вследствие особых условий банковых покупок — прежде всего полной зависимости всёй нашей банковской системы от иностранного капитала — положительных для народного хозяйства сторон в этом приливе крупного капитала к хлебной торговле было мало... Ни за качеством хлеба, ни за его чистотой, ни за другими условиями покупки и сдачи ни банк, ни его подставной клиент-скупщик не следили, и ответственности за все это банк не принимал. При сосредоточении в руках банка (в портах или на крупных потребительных рынках) больших партий он, однако, не заботился ни об очистке зерна, ни об улучшении его качества, ни о правильности хранения: он должен был спешить с его продажей, часто влияя таким образом на понижение цен...

Таким образом «частный» банковский капитал не менее как на три четверти обслуживал финансирование нашей хлебной торговли. При этом главными частными банками, принимавшими наиболее широкое участие в хлеботорговых вообще и хлебоэкспортных операциях, были: Азовско-Донской, Международный, Петербургский частный коммерческий, Северный, Русско-Азиатский, — работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный — немецкими».

Подробный анализ роли иностранных банков на сельскохозяйственном рынке России вообще интересен. Но здесь для нас важен тот факт, что это был уже совсем иной рынок, нежели десять лет назад, когда он был рассеян по всей стране и обслуживал ее потребности. Теперь его механизм для крестьянина стал напоминать механизм государственных поставок, к которому мы привыкли в колхозах. Крестьянин выполнял договор поставки определенной банковской конторе, закупавшей зерно у целых губерний. Это тот самый тип поставок, который изучен сегодня в развивающихся странах и который уже Маркс не относил к поставкам на капиталистический рынок. Иными словами, товарность производства российского крестьянства стала «менее капиталистической», менее рыночной, как сказали бы сегодня. Здесь проявилась общая закономерность — развитие

капитализма в метрополии укрепляет некапиталистические уклады на периферии.

Таким образом, само по себе увеличение объема продаж продукции крестьянами на рынке еще не говорит о том, что их хозяйство становится капиталистическим. Другое дело — расходы богатых крестьян на хозяйство (покупка скота, лошади, инвентаря). У основной массы крестьян денежные доходы и расходы составляют около 45% от валовых. Но сам факт больших расходов (да и больших ли — 102 рубля в год на хозяйство у крестьян с 3 лошадьми, из них 50 рублей — на аренду земли у помещика) вовсе не говорит о том, что в России произошел перелом. Тут нужно посмотреть длинный временной ряд — а сколько покупали крестьяне тридцать лет назад?

Но главное в том, что крестьянское хозяйство может быть вполне рыночным — и в то же время не капиталистическим. Этого не мог знать Маркс, потому что в Англии уже не было крестьян. Производство продукта на рынок — признак необходимый, но недостаточный. Это подробно объясняет А.В. Чаянов, и давайте сделаем усилие и вникнем хотя бы в его выводы:

«Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению...

Такая же катастрофа ожидает обычную теоретическую систему, если из нее выпадает какая-либо иная категория, к примеру, категория заработной платы. И даже если из всех возможных народнохозяйственных систем, которым эта категория чужда, мы сделаем объектом анализа ту, в которой во всей полноте представлены меновые отношения и кредит, а следовательно, категории цены и капитала, например, систему крестьянских и ремесленных семейных хозяйств, связанных меновыми и денежными отношениями, то даже и в этом случае мы легко сможем убедиться в том, что структура такого хозяйства лежит вне рамок привычной системы политэкономических понятий, характерных для капиталистического общества».

А.В.Чаянов поднимал вопрос универсальной значимости —

на том же уровне, что и Маркс. Он писал: «Одними только категориями капиталистического экономического строя нам в нашем экономическом мышлении не обойтись хотя бы уже по той причине, что обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства, в ее большей части строится не на капиталистических, а на совершенно иных, незнаемых основах семейного хозяйства, для которого характерны совершенно иные мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие рентабельности. Известно, что для большей части крестьянских хозяйств России, Китая, Индии и большинства неевропейских и даже многих европейских государств чужды категории наемного труда и заработной платы. Уже поверхностный теоретический анализ хозяйственной структуры убеждает нас в том, что свойственные крестьянскому хозяйству экономические феномены не всегда вмещаются в рамки классической политэкономической или смыкающейся с ней теории».

Эту работу он заканчивает такой мыслью: «Ныне, когда наш мир постепенно перестает быть миром лишь европейским и когда Азия и Африка с их своеобразными экономическими формациями вступают в круг нашей жизни и культуры, мы вынуждены ориентировать наши теоретические интересы на проблемы некапиталистических экономических систем».

Когда читаешь А.В.Чаянова, то кажется, что он был в отчаянии: говорил он ясно, данные имел надежные, считался самым видным экономистом-аграрником. Но главные вещи, которые он говорил, просто не замечались, они шли как бы параллельно принятой «теоретической системе», которая на деле «терпела катастрофу». Да, крестьянин выходит на рынок, но если внутри его производственной ячейки нет категории зарплаты, то и смысл рынка совсем иной, нежели при капитализме. Почитаем Ветхий Завет — там меновые отношения тоже представлены в полной мере, но нет же главы «Развитие капитализма в Иудее».

Чем доказывает Ленин возникновение из крестьян двух антагонистических классов — буржуазии и пролетариата? На мой взгляд, доказательства нет, поскольку даже не введены определения. Образ классов возникает как бы сам собой, из общих соображений. Вскользь Ленин замечает, что «исследователи признают пролетариатом не только безлошадных, но и однолошадных крестьян». Мало ли что признают «исследователи», они явно используют термин «пролетарий» как метафору. Кстати, метафора эта очень многообразна. Так, А.Тойнби писал: «Про-

летарий — это скорее состояние души, чем нечто обусловленное чисто внешними обстоятельствами. Истинным признаком пролетария является не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, подогреваемое отсутствием законно унаследованного места в обществе и отторжением от своей общины».

Как довод Ленин приводит данные о том, что безлошадные и однолошадные крестьяне наряду с ведением своего хозяйства батрачат, а наем батраков — это «превращение в товар рабочей силы, продаваемой несостоятельным крестьянством». Вывод, на мой взгляд, неубедительный — не всякий наем есть превращение рабочей силы в товар. Неужели стоимость рабочей силы Балды была, по Марксу, три щелчка в лоб? В батраки (феты) нанимались свободные греки еще в древних Афинах, о них достаточно писал Аристотель. Можно ли считать Афины капиталистическим обществом?

Сам Маркс неоднократно останавливался на том факте, что далеко не всякий наемный труд отвечает капиталистическим производственным отношениям. В очень многих случаях наем, по его выражению, есть «отношение простого обращения» — обмен одной потребительной стоимости на другую. Живой труд как услуга обменивается на жизненные средства в их денежной или натуральной форме. Именно так и нанимались батраки в России. Даже широкое развитие найма батраков еще не означает возникновения капитализма. Об этом почти прямо писал Маркс: «Обмен овеществленного труда на живой труд еще не конституирует ни капитала на одной стороне, ни наемного труда — на другой. Весь класс так называемых слуг, начиная с чистильщика сапог и кончая королем, относится к этой категории. Сюда же относится и свободный поденщик, которого мы sporadически встречаем повсюду, где либо азиатская община, либо западная община, состоящая из свободных собственников земли, распадается на отдельные элементы».

Капиталистических отношений не возникает независимо от того, участвуют ли в этом обмене деньги. Маркс это объясняет так: «Обмен денег как дохода, как всего лишь средства обращения, на живой труд никак не может превратить деньги в капитал, а следовательно, никак не может превратить труд в наемный труд в экономическом смысле». В.В.Крылов заключает: «Марксов метод определения укладной природы наемного труда служит предостережением против поспешного отнесения

всякого продающего свою рабочую силу работника к категории капиталистически эксплуатируемого рабочего».

Кроме того, в немалой мере противореча своему выводу, Ленин показывает, что значительная доля наемного труда оплачивалась через «натуральный обмен» — отработками. Бедняк или середняк отработывал долг, ссуду семян и инвентаря, аренду земли у помещика или кулака — работал на его земле со своей лошастью. Это не капитализм, что и признает Ленин. Но отработки вместо денежного расчета преобладали в русских губерниях! Значит, далеко еще было до «полной зависимости от денег» и полного «превращения рабочей силы в товар».

В книге Ленина приведено много данных о расслоении крестьян по величине хозяйства. Это принималось им за свидетельство того, что крестьянство разделилось на два класса — сельскую буржуазию с крупными хозяйствами и бедноту, которая превращалась в пролетариат. Но данные, которые привел Ленин, представляли собой «моментальную фотографию». Никаких выводов из нее сделать было нельзя, потому что известно было, что в русской общине наблюдалось интенсивное движение, с гибкой арендой, а часто и переделом земли («передельная община»). Что же показали длительные (в течение 30 лет) наблюдения за одной и той же выборкой крестьянских дворов? Такие наблюдения велись в России с 1882 по 1911 г., и данные их приводит А.В.Чаянов. Из них видны два процесса, которые полностью противоречат выводу Ленина.

Во-первых, группа «буржуазии» — крупные дворы, которые засевают более 12 дес., — очень неустойчива. Она непрерывно распадается за счет деления выросших семей и перехода «осколков» в низшие категории — «обратно к крестьянам». За 30 лет из дворов этой категории не разделилось только 33,6%. Из разделившихся 84,6% уменьшили посевную площадь. Более того, 58% тех дворов, что за это время не разделилось, также уменьшили свои посевы. Напротив, малосеющие группы, особенно «пролетариат», в массе своей увеличили посевную площадь — 71,6% из не делившихся дворов и 72,8% из делившихся.

А.В.Чаянов пишет: «Малосеющая группа проявляет гигантскую силу роста и почти 3/4 своих хозяйств перебрасывает за 30 лет в более высокие посевные группы, с другой стороны, обе многосеющие в 1882 г. группы дают ярко выраженную картину ослабления и распада». Ясно, что это никак не согласуется с расслоением на классы. Классы — устойчивые группы, основанные на библейском принципе «У бедного отнимется, у бога-

того прибудется». Иными словами, трудно бедняку попасть в класс буржуазии, но те, кто в него попал, удерживаются в нем силой приведенного выше принципа. В крестьянстве же мы видим нечто совершенно противоположное.

Ленин тщательно удаляет из рассуждений фактор культуры, лирику. Но превращение рабочей силы в товар, то есть обезличенную меновую стоимость, — огромное изменение именно в культуре, в антропологии, в представлении о человеке. Это прекрасно видно из приведенного Лениным рассказа о том, как эксплуатируют батраков немцы-колонисты — «оттого по истощенному виду так легко узнать работавших у немцев-колонистов». А у русских крестьян при переписях записывали батраков как членов семьи, что внесло немало путаницы (думаю, и в бюджеты дворов, которые использовал Ленин). Потому что, по мнению крестьян, все, кто питается из одного котла, — члены семьи. Член семьи — не товар, а нечто иное*.

Ленин придает очень большое значение имущественному расслоению крестьянства как показателю его разделения на пролетариат и буржуазию. Однако данные, которыми он сам пользуется (бюджеты дворов по губерниям), большого расслоения по этому признаку не показывают. «Буржуазия», по классификации Ленина, — это крестьяне, которые ведут большое хозяйство и имеют большие дворы (в среднем 16 душ, из них 3,2 работника). Если же разделить имущество на душу, разрыв не так велик — даже в числе лошадей. У однолошадных — 0,2 лошади на члена семьи, у самых богатых — 0,3. В личном потреблении разрыв еще меньше. Посудите сами: у беднейших крестьян (безлошадных) расходы на личное потребление (без пищи) составляли 4,3 руб. в год на душу; у самых богатых (5 ло-

*А.В.Чаянов также категорически отказывается от свойственного народникам «культурологического» подхода и говорит только о жестокой экономической действительности. Он отвергает «сладенькое живописание российского крестьянства наподобие благонравных пейзажей, всем довольных и живущих, как птицы небесные. Мы сами такого представления не имеем и склонны полагать, что каждый крестьянин не отказался бы ни от хорошего ростбифа, ни от граммофона, ни даже от пакета акций «Ойл Шелл Компани», если бы к тому представился случай. К сожалению, в массе такого случая не представляется, и каждая копейка достается крестьянской семье тяжелым напряженным трудом. А в этих обстоятельствах ей приходится отказываться не только от акций и граммофона, но подчас и от говядины».

шадей и больше) — 5,2 руб. Разрыв заметен, но так ли уж велик?

Особое значение Ленин придает *питанию* как показателю жизненного уровня: здесь «наиболее резкое отличие бюджетов хозяина и рабочего». Действительно, буржуазия и пролетариат различаются как классы не только отношением собственности, но и культурой — образом жизни. И здесь тип питания есть один из главных признаков. Но таково ли было это отличие у разных групп крестьянства, чтобы, как это сделал Ленин, выделять курсивом слова «хозяин» и «рабочий» — указывать тем самым на их классовое различие?

У безлошадных расходы на пищу 15 руб. на члена семьи, у «пятилошадных» — 28 руб. Кажется, разрыв велик, но дальнейшие данные объясняют этот разрыв. Практически все безлошадные семьи, по данным Ленина, ~~в~~ среднем выделяют для работы по найму 1 батрака (то муж, то поженно жена, то дети). Батрак *питается у хозяина*. По данным для Орловской губернии, пропитание батрака обходилось хозяину в среднем в 40,5 руб. в год (у Ленина приведен подробный рацион батрака). Очевидно, что эти деньги надо присовокупить к бюджету безлошадной семьи, членом которой является батрак. Если так, то выходит, что у «пролетария» на члена семьи расходуется на еду 25,4 руб., а у «буржуя» 28 руб. Строго говоря, следовало бы расходы на батрака вычесть из бюджета семьи хозяина, если он при переписи записал батрака членом своей семьи, тогда разрыв еще больше снизится — но мы этого делать не будем, нет точных данных о том, какая часть крестьян записывала батраков как членов семьи.

Из данных, приведенных Лениным (если брать не «двор», а расходы на душу), расслоения крестьян на классы по этому признаку не наблюдается. Да и Толстой отметил: «В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях,... а хлеб с лебедой ела вся семья в 12 душ... «Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!»

В целом можно сказать, что в конце века, когда писалась книга Ленина, расслоение крестьянства по имущественному уровню и по образу жизни не привело к его разделению на два класса — *пролетариат* и *буржуазию*. Сами крестьяне делили себя на «сознательных» — работающих, непьющих, политически активных, — и «хулиганов». Разницу между ними они объясня-

ли как отличие крестьян в заплатанной одежде от крестьян в дырявой одежде.

Крестьянство осталось как «класс в себе». И, неожиданно, оно выступило как «класс для себя» в революции 1905—1907 гг. В ходе ее рухнула вся концепция «сельской буржуазии и сельского пролетариата». Активность в революции проявили середняки и богатые крестьяне, батраки («пролетариат») были наиболее пассивны. Т.Шанин пишет: «Средняки, в соответствии с точным определением этого слова, были решающей силой в российском селе и большинства в его общинах. Безземельные и «бобыли» не имели достаточного веса в деревнях и не могли оказать в одиночку длительного сопротивления в сельской борьбе. Восстание совершалось не маргиналами, а теми, кто отказывался превращаться в таковых. Сила общинного схода была такой, что наиболее богатые обычно не могли удержать контроль над этими общинами. Что касается кулаков в сельской местности России, по крайней мере в крестьянском значении этого термина, они были не обязательно самыми богатыми хозяевами или работодателями, но «не совсем крестьянами», стоящими в стороне от общин или против них. Наиболее близким крестьянским синонимом термину «кулак» был в действительности «мирод» — «тот, кто пожирает общину»...».

Центром организации революционных выступлений была община — деревенский или волостной сход. Уровень организации, высокая дисциплина и, можно сказать, «культура» революции поразили всех политиков и напугали правительство гораздо больше, чем эксцессы. Мы, к нашему буквально горю, очень мало знаем об этой революции, потому что она пошла совершенно «неправильно». Мы, например, слышали о Совете в Иваново-Вознесенске, который пассивно просуществовал два месяца, но ничего не знаем о сотне крестьянских советских республик, которые по полгода обладали полнотой власти в обширных зонах. История Советской России началась в деревне в 1905 г.

В ходе революции практически не было конфликтов между бедняками и богатыми крестьянами. Те, кого Ленин называл «сельской буржуазией», были организаторами большой «петиционной кампании» — в Крестьянский Союз и в Государственную Думу. Изучено около 1500 таких петиций, и в 100% из них — требование отмены частной собственности на землю. После этого вопрос о том, являются ли богатые крестьяне буржуазией и стало ли общинное крестьянство оплотом капитализма, можно было считать закрытым.

Трудности понимания крестьянского хозяйства: взгляд А.В. Чаянова. Выше говорилось о том, что жесткая парадигма — способ видения явлений определенного класса — является фильтром, через который многих сторон деятельности просто не видно. Политэкономия как теория капиталистического хозяйства заставляла подгонять любые хозяйственные явления под свои категории и понятия. А.В.Чаянов в 1924 г. опубликовал на немецком языке работу «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства», в которой сделал попытку построить «метатеорию» многоукладных экономических систем. Прежде всего, для нас важна его мысль о том, что не все реально существующие и даже важнейшие производственные уклады можно описать в категориях классической политической экономии. Он писал в этой работе: «В современной политической экономии стало обычным мыслить все экономические явления исключительно в категориях капиталистического хозяйственного уклада. Основы нашей теории — учение об абсолютной земельной ренте, капитале, цене, а также прочие народнохозяйственные категории — сформулированы лишь в приложении к экономическому укладу, который зиждется на наемном труде и ставит своей задачей получение максимального *чистого дохода...*»

В специальной главе А.В.Чаянов разбирает категорию *капитала*, как она проявляется в трудовом хозяйстве, и считает эту проблему самой важной для его исследования: «Развивая теорию крестьянского хозяйства как хозяйства, в корне отличного по своей природе от хозяйства капиталистического, мы можем считать свою задачу выполненной только тогда, когда окажемся в состоянии вполне отчетливо установить, что капитал как таковой в трудовом хозяйстве подчиняется иным законам кругообращения и играет иную роль в сложении хозяйства, чем на капиталистических предприятиях». Строго говоря, именно в том, как функционирует капитал, следовало искать критерий отнесения хозяйств к категории капиталистических, а отнюдь не в том, сколько продукта крестьянин выносит на рынок.

Во введении к своей главной работе «Теория крестьянского хозяйства» (1923) А.В.Чаянов объяснял, что все учение о трудовом хозяйстве, которое он представлял, складывалось из двух больших направлений — из накопления огромного эмпирического материала и индуктивных выводов и из «установления, также эмпирически, целого ряда фактов и зависимостей, которые не укладывались в рамки обычного представления об осно-

вах организации частнохозяйственного предприятия и требовали какого-либо специального толкования. Эти специальные объяснения и толкования, даваемые вначале в каждом конкретном случае отдельно, внесли в обычную теорию частнохозяйственного предприятия такое количество осложняющих элементов, что в конце концов оказалось более удобно обобщить их и построить особую теорию трудового семейного предприятия, несколько отличающегося по природе своей мотивации от предприятия, организованного на наемном труде».

Такая постановка вопроса всегда сопряжена с болезненным кризисом и конфликтами в науке, на разрыв с общепринятыми взглядами идут лишь тогда, когда накапливается слишком много фактов и случаев, которые не втискиваются в господствующую модель. А.В.Чаянов не скрывает, что им был сделан сознательный выбор. Он пишет: «Как видно из нашего попутного анализа, все эти случаи могут быть истолкованы при помощи категорий капиталистического хозяйства, построенного на наемном труде. Для этого, однако, приходится создавать весьма сомнительную концепцию, объединяющую в лице крестьянина и предпринимателя-капиталиста, и эксплуатируемого им рабочего, впадающего в хроническую безработицу и заставляющего своего хозяина во имя своих рабочих интересов переламывать свое хозяйство и поступать предпринимательски невыгодно. Возможно, что эта фикция в интересах монизма экономического мышления и должна быть сохранена, как указывал, например, проф. А.Вебер во время нашего с ним личного разговора по поводу немецкого издания этой книги. Однако нам лично она кажется слишком натянутой и искусственной и к тому же практически скорее запутывающей наблюдающиеся факты, чем поясняющей их».

Отметим важную проблему, которая встала при изучении трудового хозяйства, действующего в рамках господствующего капиталистического способа производства. Именно эта проблема в 1899 г. затруднила Ленину анализ крестьянского хозяйства в России. Ее теоретическое понимание пришло намного позднее. Во многих местах А.В.Чаянов подчеркивает тот факт, что семейное трудовое хозяйство, обладая особенным и устойчивым внутренним укладом, во внешней среде приспосабливается к господствующим экономическим отношениям, так что его внутренний («субъективный») уклад вообще *не виден* при поверхностном взгляде. Он пишет: «Всякого рода субъективные оценки и равновесия, проанализированные нами *как таковые*,

из недр семейного хозяйства на поверхность не покажутся, и вовне оно будет представлено такими же объективными величинами, как и всякое иное».

Таким образом, А.В.Чаянов утверждает, что принятые в политэкономии типы научной абстракции и эконометрический подход не позволяют понять природу крестьянского двора — в своих внешних проявлениях он подлаживается под господствующие рыночные формы. А.В.Чаянов высказывает такое методологическое положение: «Мы только тогда поймем до конца основы и природу крестьянского хозяйства, когда превратим его в наших построениях из объекта наблюдения в субъект, творящий свое бытие, и постараемся уяснить себе те внутренние соображения и причины, по которым слагает оно организационный план своего производства и осуществляет его в жизни».

Здесь — источник столкновения А.В.Чаянова не только с марксистами, но и с современными ему буржуазными западными экономистами, которые склонялись к рассмотрению трудового хозяйства как разновидности капиталистического. А.В.Чаянов замечает: «К.Риттер, отмечая в своей рецензии на мою книгу те же моменты, как и проф. А.Скальвайт, указывает на неправильность моей терминологии и говорит, что *даже чистые семейные хозяйства*, поскольку они становятся товаропроизводителями, сбывают свои продукты на капиталистический рынок и подчиняются влиянию его цен, должны именоваться хозяйствами капиталистическими, так как они составляют собой часть капиталистической народнохозяйственной системы».

Из своего анализа взаимодействия трудового хозяйства с внешней экономической средой А.В.Чаянов делает важный для нашей темы вывод: хозяйства такого типа сохраняют свою внутреннюю природу в самых разных народнохозяйственных системах, но в то же время они в своих внешних проявлениях приспособляются к среде по типу «мимикрии», так что возникает соблазн и их внутреннюю природу трактовать в категориях макросистемы, хотя эти категории неадекватны внутреннему укладу предприятия и затрудняют ее понимание.

А.В.Чаянов признавал, что работа по выявлению природы укладов, внешне приспособившихся к господствующей системе (как, например, крестьянского хозяйства), еще далеко не завершена, поскольку их субъекты далеки от самопознания: «Подобно тому, как мольеровский Журден сорок лет говорил прозой, сам не подозревая этого, наш крестьянин сотни лет ведет свое

хозяйство по определенным объективно существующим планам, быть может, субъективно не вполне осознавая их».

Огромное отличие Германии и Швейцарии, с учеными которых вел спор А.В.Чаянов, от России состояло в том, что на Западе крестьянское хозяйство было замаскировано очень глубоко, поскольку капитализм там господствовал почти полностью, а на селе в очень большой степени (крестьянин был вытеснен фермером). В России же крестьянство составляло 85% населения, а на селе определяло хозяйственную жизнь почти абсолютно. Поэтому А.В.Чаянову и другим экономистам его направления было гораздо легче разглядеть сущность крестьянского двора как «субъекта» хозяйства, нежели на Западе.

О характере русской революции. И в момент написания «Развития капитализма в России», и даже в первый период после революции 1905—1907 гг. Ленин следовал евроцентристскому тезису о неизбежности прохождения России через господство капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной*.

В статье «Аграрный вопрос и силы революции» (1907) Ленин писал: «Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства»**.

В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) Ленин дает две альтернативы буржуазной революции: «На данной экономической основе русской револю-

*Ленин принципиально отошел от этого тезиса (по сути, стараясь не декларировать отход) после февраля 1917 г., в Апрельских тезисах. С этого момента его главные стратегические установки шли вразрез с «всеобщими законами» исторического материализма. Но официальное советское обществоведение не поднялось до того, чтобы это объяснить. Т.Шанин писал: «Плодотворная противоречивость творческого ума Ленина попросту отрицается».

**Троцкий о революции 1905 г. сказал: «Наша революция убила нашу «самобытность». Она показала, что история не создала для нас исключительных законов».

ции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества».

Таким образом, Ленин исходит из того постулата, который мы находим уже в предисловии к «Капиталу» Маркса — капиталистический способ производства может охватить все пространство («весь аграрный строй государства становится капиталистическим»). То есть вся сельская Россия в принципе может стать капиталистической, и к этому направлена русская революция. И народники, и А.Н.Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» старались показать, что это невозможно именно в принципе, а не из-за умственной косности крестьянства. Для людей, воспитанных под сильным влиянием евроцентризма, их объяснения с сильным акцентом на «самобытность» России были неубедительны. Сегодня, на основании большого массива исследований «третьего мира», вовлеченного в мировую систему капитализма, мы видим, что капитализм по сути своей есть *система-кентавр*.

Возникновение капиталистического уклада с высоким уровнем производства неминуемо сопровождается усилением окружающей его «оболочки» из массы хозяйств, ведущих натуральное или полунатуральное хозяйство. Для капиталистического уклада симбиоз с этим «архаическим» хозяйственным пространством абсолютно необходим, он без него не может существовать. Это показал и опыт «зеленой революции» во многих азиатских странах — капиталистической модернизации подвергалась лишь небольшая часть хозяйств (в Индии — около 20%), а остальные сохранялись именно как общинно-крестьянские.

Россия в начале XX века могла обеспечить средствами для интенсивного хозяйства лишь кучку капиталистических хозяйств помещиков (на производство 20% товарного хлеба), но не более. Остальное — горбом крестьян. В 1910 г. в России в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. Сравнивать эффективность разных элементов одной системы нельзя — соха дополняла

плуг, а не воевала с ним. Можно даже предположить, что к концу XIX века те формы феодальной эксплуатации (отработки), которым посвящена значительная часть книги Ленина и о которых много писал А.Н.Энгельгардт, были уже не столько пережитками крепостничества, сколько продуктом симбиоза с капитализмом.

Маркс писал, что в зависимых от капитализма обществах капитал регрессирует так, что «имеет место эксплуатация со стороны капитала без капиталистического способа производства». В целом весь исходный тезис о том, что буржуазная революция в России привела бы к превращению всех крестьянских хозяйств в фермерские, принципиально ошибочен. При этом несущественно, имеет ли место такое «архаизирующее» воздействие капитализма при контакте с крестьянским хозяйством отечественных капиталистических укладов, как в России, или иноземных, как у англичан в Ирландии или Индии.

Приведу здесь важные методологические положения В.В.Крылова, которые он сформулировал на основании изучения взаимодействия капитализма с традиционными укладами Африки, но вскользь говорил об их применимости и к России начала XX века. Прежде всего, он утверждает принципиальную несхожесть процессов разложения феодального общества с зарождением капитализма в Западной Европе и на периферии, где зрелый уже «внешний» капитализм сталкивается с общиной. Он пишет:

«Особенность Тропической Африки состояла в том, что здесь мировому капитализму с момента установления его колониального господства противостояли традиционные порядки, среди которых преобладающее значение имели начавшие разлагаться общинные отношения...

Исторический тип традиционных укладов, с самого начала противостоявших капитализму в его периферийных обществах, существеннейшим образом отличается от тех традиционных укладов, которые противостояли ему когда-то в Европе. Подгонять все имеющие место в развивающихся странах традиционные отношения под «феодальную мерку», как это до сих пор делают некоторые западные и советские исследователи, значит игнорировать не только исторические различия в судьбах африканских и европейских народов в доколониальный период, но и существенное несходство зависимого капиталистического развития бывших колоний и капиталистического саморазвития метрополий».

Смысл этих тезисов в том, что развитие капитализма в аграрной сфере и столкновение его с некапиталистическими укладами на Западе в XVII—XVIII веках и, два века спустя, в России — принципиально разные процессы. Поэтому первое главное положение книги Ленина «Развитие капитализма в России», в котором постулируется именно схожесть этих процессов, является, видимо, ошибочным. Во всяком случае, оно не могло выдвигаться как постулат, а должно было предлагаться лишь как гипотеза. Если так, то неверен или необоснован был и прогноз исхода русской революции, которая якобы предопределяла выбор между двумя западными путями развития — «пруссским» или «американским».

Теперь о движущих силах революции. Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты считали в то время сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество — в общем, «азиатчина»). Исходом революции в любом случае будет «чисто капиталистическое» хозяйство. Трудящиеся заинтересованы лишь в том, чтобы это произошло быстрее, чтобы революция пошла по радикальному пути, по пути превращения крестьян в фермеров и рабочих («американский путь»).

Сегодня мы имеем большой запас знания о взаимодействии капитализма с общиной, полученного на материале множества конкретных ситуаций, структурно схожих именно в главной для нас коллизии. Из этого знания вытекает вывод о том, что представление о революции в России начала XX века, исходящее из идеи схожести процесса в России и на Западе, было внутренне противоречивым. И ошибка была одной и той же у Ленина и Столыпина. Она заключалась в том, что «азиатчина» уже была не только противником, но и продуктом капитализма. Капитализм был возможен в России только в симбиозе с этой «азиатчиной». Любая попытка уничтожить ее посредством буржуазной революции или реформы вела не к капитализму, а к уничтожению капитализма. Так, как хирургическое разделение сиамских близнецов означает их неминуемую смерть.

При обсуждении этой особенности периферийного капитализма ценны такие суждения В.В.Крылова: «Сохранение и широкое распространение в африканской деревне традиционных отношений вообще, общинных в особенности, есть продукт еще и консервирующего прежние порядки воздействия капитализма».

Даже там, где капитализм разрушал эти порядки, в «освобожденном» социально-экономическом пространстве развивались не столько собственно капиталистические порядки, сколько такие докапиталистические укладные формы, с которыми в доколониальный период периферийные страны знакомы не были...

Таким образом, в зависимых странах капиталистические отношения вырождаются, идут вспять, регрессируют в предшествующие им укладные формы. И это суть регрессивные формы самого капитала, такие докапиталистические уклады, которые исторически не предшествуют капитализму, но следуют после него, им же самым порождаются. Эти «псевдотрадиционные» или «неотрадиционные» укладные формы необходимо отличать от предшествующих капитализму действительно доколониальных местных укладов».

К этим соображениям следовало бы только добавить, что здесь понятия «докапиталистические» формы и «регресс» являются лишь данью линейному представлению о ходе исторического процесса, свойственного истмату, за рамки которого принципиально не выходит В.В.Крылов. О тех же формах А.В.Чаянов, например, говорит «некапиталистические». Взаимодействие капитализма с общиной на периферии вряд ли можно считать и «регрессом», поскольку это именно симбиоз, позволяющий капитализму эффективно эксплуатировать периферии, а периферии — выжить в условиях огромного по масштабам изъятия из нее ресурсов. На путях буржуазной революции выйти из этого порочного круга невозможно. И если уж революция начинается (хотя бы и под знаменем либерально-буржуазной революции), она неминуемо в главном своем течении приобретает антибуржуазный характер.

Вернемся к той трактовке русской революции, которая давалась марксистами в начале века. Прусский — или американский путь? Сбылись ли эти предвидения и оправданны ли были пожелания? Нет, предвидения не сбылись. Революция свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось ни в одном из ее течений. Тезис о том, что революция была буржуазной, не подтвердился практикой. Сегодня более убедительной надо считать теоретическую концепцию, которая представляет русскую революцию как начало мировой волны крестьянских войн, вызванных именно сопротивлением крестьянского традиционного общества против разрушающего воздействия капитализма (против «раскрестьянивания»). В ко-

лыбели капитализма, Западной Европе, такие «антибуржуазные» революции (типа восстания крестьян Вандеи) потерпели поражение, а на периферии — победили или оказали огромное влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Мексике, Индонезии, Вьетнаме и Алжире.

В развитых крестьянских цивилизациях те формы симбиоза с общиной, которые навязывались капитализмом, означали архаизацию крестьянского уклада и уже в прямом смысле регресс и разрушение. Община действительно была «стеснением». Но в то же время и капиталистическая модернизация, подобная той, что предложил Столыпин, была разрушительной и вела к пауперизации большей части крестьянства. Это была историческая ловушка, осознание которой оказывало на крестьян революционизирующее действие. Именно такое противоречие, принимающее характер порочного круга, когда любое его разрешение чревато катастрофой, и приводит к революциям. Так и получилось в России. Сама община превратилась в организатора сопротивления и борьбы. «Земля и воля!» — этот лозунг неожиданно стал знаменем русской крестьянской общины. Это оказалось полной неожиданностью и для помещиков, и для царского правительства, и даже для марксистов.

Если так, то данный Лениным в «Развитии капитализма в России» диагноз и главного противоречия, и движущей силы, и альтернативных исходов революции был ошибочным. Он делает в книге важнейший вывод: «Строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада, а обыкновенный мелкобуржуазный уклад... Русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его».

В рамках марксизма дать в то время иной диагноз было трудно. Взгляды же народников еще были в большой мере интуитивными и не могли конкурировать с марксизмом, который опирался на огромный опыт Запада.

Сам же Маркс представлял русскую революцию совершенно не по-марксистски. Он не только не считал ее буржуазной, но и задачу ее видел как раз в том, чтобы спасти крестьянскую общину. Он писал: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, русское правительство делает все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрож-

дения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя». Этот тезис никак не вяжется с главными утверждениями и пафосом книги Ленина.

В дальнейшем не только сам Маркс, но даже его последователи, в наибольшей степени проникнутые евроцентризмом, признавали своеобразие революции 1905—1907 гг., ее несводимость к формуле «буржуазной революции». Даже К.Каутский пишет (в русском издании 1926 г.): «Русская революция и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для общего развития центров капиталистической цивилизации».

Итак, исход русской революции, по мнению Каутского, — ликвидация капиталистического строя в России и мощный стимул для укрепления капитализма на Западе. Не будучи в состоянии отказаться от своих взглядов на крестьянство, Каутский облекает свой вывод в обычную для истмата терминологию (революция не буржуазная и не социалистическая, но происходит на «границе» этих двух обществ). Сегодня мы не обязаны загонять мысль в рамки негодных для данного случая понятий.

Видный историк Б.Мур пишет, анализируя все революции начиная с Крестьянской войны в Германии и кончая Китаем: «Главной социальной базой радикализма были крестьяне и мелкие ремесленники в городах. Из этих фактов можно сделать вывод о том, что дух человеческой свободы выражается не только в том, в чем видел Маркс, — то есть в устремлениях классов, идущих к власти, но также — и, вероятно, даже больше — в предсмертном вопле класса, который вот-вот будет захлестнут волной прогресса». В ходе русской революции, а затем через создание советского строя человек с общинным мироощущением *овладел прогрессом*.

Условием для победоносной революции в России было то уникальное сочетание подъема сознания общинного крестьянства и молодого рабочего класса, которое понял Ленин, развивая идею о союзе рабочих и крестьян. Это подтверждено на опыте других революций, которые на деле означали огромную мировую антикапиталистическую революцию. Сравнивая поведение рабочих в разных странах, мы должны были бы прийти к

выводу, что революционным, отрицающим сам буржуазный порядок как неправду, был рабочий класс именно там, где, как в России, он не потерял связь с землей, со своими крестьянскими корнями. Шесть крупных революций потрясли мир в XX веке, и все они опирались на крестьянство и пролетариат с сельскими корнями. Историк крестьянства Э.Вольф пишет: «Революционная активность, очевидно, является результатом не столько роста промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью. Сама попытка среднего и «свободного» крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным».

Открытость Ленина и догматизм ленинистов. Уже в ходе революции 1905—1907 гг. (после крестьянских волнений 1902 г.) начинает меняться представление Ленина о крестьянстве и его отношении к капитализму. Он рвет с установкой западной социал-демократии — избегать уступок крестьянам даже в виде включения аграрного вопроса в партийные программы. На IV (объединительном) съезде РСДРП он предлагает принять требование о «национализации всей земли» — крестьянский лозунг революции 1905 г. Это было настолько несовместимо с принятыми догмами, что против Ленина выступили не только меньшевики, но и почти все большевики. Луначарский даже упрекнул Плеханова за старую куцую программу, которую тот якобы протасил «из страха перед крестьянской революцией, из боязни, чтобы ее торжество не повлекло за собой и торжество народников над марксистами».

Сам Плеханов на IV съезде верно понял поворот Ленина: «Ленин смотрит на национализацию [земли] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию — так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения».

После 1908 г. Ленин уже совершенно по-иному представляет сущность спора марксистов с народниками (кстати, спора, который он сам активно вел в последние годы XIX века). Он пишет в письме И.И.Скворцову-Степанову: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... От-

сюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития». «Противоречит всему ходу хозяйственного развития» — это ли не реакционность?!»

Из этого ясно видно, что трактовка, которую давал проблеме сам Ленин десять лет назад, ушла в прошлое, он о ней даже не вспоминает. «Чудовищная, идиотская, ренегатская идея» меньшевиков, не понявших прогрессивного содержания народничества, — это их позиция после революции 1905 г., которая выявила реальность. После этой революции мыслить в канонах марксизма десятилетней давности — значило именно стать ренегатами марксизма.

Т.Шанин пишет: «Какими бы ни были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные выводы из борьбы русских крестьян в 1905—1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему, к концу 1905 г., Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г.»*.

Поддержка Лениным крестьянского взгляда на земельный вопрос означала серьезный разрыв с западным марксизмом. Т.Шанин пишет: «В европейском марксистском движении укоренился страх перед уступкой крестьянским собственническим тенденциям и вера в то, что уравнильное распределение земли экономически регрессивно и поэтому политически неприемлемо. В 1918 г. Роза Люксембург назвала уравнильное распределение земель в 1917 г. как создающее «новый мощный слой врагов народа в деревне».

В 1907 г. Ленин в проекте речи по аграрному вопросу во II Государственной думе прямо заявил о поддержке «крестьянской массы» в ее борьбе за землю и о союзе рабочего класса и крестьянства. Союзе не с сельским пролетариатом, а именно с крестьянством. Какой разительный контраст с книгой «Развитие капитализма в России»! В этой речи уже и намек нет на прогрессивность больших землевладений и бескультурье «оди-

*Ленин говорил на VII съезде РКП(б), что в России «самые развитые формы капитализма, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие».

чалоного земледельца». Здесь сказано нечто противоположное: «Вопиющую неправду говорят про крестьян, клеветают на крестьян те, кто хочет заставить Россию и Европу думать, будто наши крестьяне борются против культуры. Неправда!»

В 1908 г. Ленин пишет статью, само название которой наполнено большим скрытым смыслом: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Уже здесь — совершенно новая трактовка русской революции, пересмотр одного из главных положений книги «Развитие капитализма в России». Ведь очевидно, что не мог быть Толстой зеркалом буржуазной революции.

В этой статье Ленин очень осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно предотвращение этого господства — стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Это новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран.

Что отражает Толстой как «зеркало русской революции»? Теперь, согласно взгляду Ленина 1908 г., «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Не буржуазная революция, а протест против капитализма!

При этом Ленин не говорит здесь об униженных и оскорбленных, о раздавленных колесницей капитализма, об «одичалом земледельце» — он говорит о крестьянстве в целом: «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции».

Чтобы не вступать в конфликт с системой взглядов русского марксизма, которую сам же он укреплял в своем труде 1899 г., Ленин говорит лишь об «особенности» нашей революции, но выделяет слово *крестьянская*. На деле речь шла не об особенностях, а о совмещении двух разных, а в главных вопросах и противоположно направленных революциях — буржуазной и крестьянской, глубоко *антибуржуазной*. Можно даже сказать, что крестьянская революция более антибуржуазна, нежели про-

летарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария — лишь конкуренты на рынке*.

Ленин, после урока революции 1905—1907 гг., теперь по-иному видит чаяния крестьянства: не освободиться от постылого надела, не превратиться в рабочего, а «расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции». По сути, уже в 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили конечный идеал, цивилизационное устремление 85% населения России, а значит, и грядущей русской революции.

Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции. Второй, помимо Ленина, великий русский политик, который так же глубоко понял урок первой революции, — Столыпин — отдал все силы делу раскола и «умиротворения» крестьянства и потерпел крах.

Столь же осторожно, но существенно развивает Ленин мысль об антибуржуазном характере крестьянской революции. В 1910 г. он пишет в связи со смертью Л.Н.Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...»

Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение. Нет здесь и следа старой догмы о свершившемся разделении крестьян на буржуазию и пролетариат. Это полное отрицание старого тезиса, что общинное крестьянство — опора капитализма. Капитализм — враг крестьянства в целом. И в ходе революции (как в 1905—1907, так и летом 1917 г.) не бедные крестьяне («пролетарии») громили «крестьянскую буржуазию», а крестьянская об-

*Говоря об официальной советской истории, Т.Шанин замечает: «Те цитаты из Ленина, которые не подходили к антикрестьянской тенденции, были просто забыты или затерялись».

щина приговаривала к сожжению избы, а то и целые деревни соседей, изменивших общему решению схода*.

И именно по вопросу о крестьянстве стала все более и более проходить линия, разделяющая большевиков и меньшевиков, которые все сильнее тяготели к блоку с западниками-кадетами. И вопрос, по сути, стоял так же, как был поставлен в двух Нобелевских комитетах (по литературе и по премиям мира), которые отказали в присуждении премий Льву Толстому — самому крупному мировому писателю того времени и первому всемирно известному философу ненасилия. Запад не мог дать Толстому премию, ибо он «отстаивал ценности крестьянской цивилизации» в ее борьбе с наступлением капитализма.

Мы в советское время, бездумно слушая профессоров марксизма-ленинизма, не замечали того, что четко зафиксировали современники и оппоненты Ленина: выводы его труда «Развитие капитализма в России» им самим де-факто признаны ошибочными, и он принципиально изменил всю теоретическую концепцию. В 1912 г. М.И.Туган-Барановский подчеркнул: «Аграрные программы марксистов стали все ближе приближаться к аграрным программам народников, пока наконец между ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия. И те, и другие почти с одинаковой энергией требовали перехода земли в руки крестьянства... При таком положении дел старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь своей властной рукой вынула из-под них почву».

Я думаю, что завершением большого пути Ленина — от ортодоксального марксиста и евроцентриста, написавшего «Развитие капитализма в России», до творца советского строя и вождя цивилизационного масштаба — можно считать Апрельские тезисы 1917 г.

В них содержался цивилизационный выбор, прикрытый срочной политической задачей. Не буржуазная республика, а идущие от крестьянской общины Советы, не ускоренное развитие капитализма с последующей пролетарской революцией, а продолжение некапиталистического пути развития в форме социализма.

Это чутко уловил А.М.Горький с его антикрестьянским чув-

*В Харьковской губернии в 1907 г. была сожжена вся деревня Дмитровка из-за того, что ее жители отказались от участия в договоренном совместном с соседними деревнями нападении на помещичью усадьбу.

ством: «Когда в 17-м году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству».

Суть Апрельских тезисов и следующего за ними Октября как цивилизационного выбора, как отказ от евроцентризма и признание своеобразия России отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М.Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И.Либер (Гольдман) видел корни взглядов Ленина в славянофильстве. Отсюда — антисоветизм Плеханова и Засулич, смычка меньшевиков с белыми. На Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». В дальнейшем эти идеи развил Л.Д.Троцкий.

Наконец, в полной мере понимание Лениным сути крестьянской экономики проявилось при выработке концепции нэпа. Вопрос тогда снова был поставлен ребром, без доктринерства. Двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России Л.Н.Литошенко и А.В.Чаянову было поручено подготовить два альтернативных программных доклада. Л.Н.Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, варианта «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. А.В.Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией.

Доклады в июне 1920 г. обсуждались на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу государственной политики была положена концепция А.В.Чаянова. Его главная идея, что крестьянская экономика не есть капитализм, восторжествовала. Ленин убедил партию, что в России «смычка с крестьянской экономикой» (главный смысл нэпа) — фундаментальное условие построения социализма. Иными словами, нэп был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

Хотя и теперь Ленин не пошел на открытое столкновение со всей конструкцией понятий и категорий марксизма. Проще было назвать нэп временным отступлением, уступкой буржуазной сущности крестьянства. Назови хоть горшком! Главное тогда было решить срочную проблему стратегического выбора. А нам, догматикам, этот двойной язык дорого обошелся. Мы описывали советское хозяйство в терминах рыночной экономи-

ки и допустили его разрушение — так же, как до этого приняли разрушительную формулу коллективизации.

Главное значение труда Ленина сегодня — исторический урок. Он, на мой взгляд, в следующем: длительное сохранение неадекватной системы понятий, даже если в условиях авторитарного государства есть возможность принимать верные стратегические решения, в конце концов ведет к поражению. Для анализа нынешнего кризиса полезно рассмотреть труд Ленина «Развитие капитализма в России» как заданную на весь XX век парадигму — вместе с противоречащими ей явлениями.

Мы должны заново осмыслить революцию 1905—1907 гг., реформу Столыпина, Февраль—Октябрь 1917 г., нэп, индустриализацию-коллективизацию и крах 1988—1994 гг. Только тогда нам станут понятны причины двух важнейших наших катастроф XX века: неизбежности превращения реформы Столыпина в крестьянскую коммунистическую революцию, которая улеглась, породив советский строй, — и краха советского строя с параличом хозяйства при реформе 90-х годов.

Уроки Столыпина. Крупной акцией в антисоветской кампании стало создание «мифа Столыпина». Тот, чье имя сочеталось со словом «реакция», стал кумиром демократической публики! Ведь дошло до того, что в среде интеллигенции Столыпин стал самым уважаемым деятелем во всей истории России — 41% поставили его на первое место. Выше Александра Невского, Петра Великого или Жукова. Это такое красноречивое явление, что надо на нем остановиться подробнее.

Вот ирония истории: как только Руцкого выбрали губернатором Курской области, он заявил, что преклоняется перед Столыпиным. А ведь именно в Курской губернии особо постарались в 1906 г. каратели, именно здесь в ответ на эти действия летал «красный петух». Когда уже была подавлена революция 1905 г. и, казалось, никто и пикнуть не смел, в Курской губернии протесты крестьян были на удивление массовыми: жечь усадьбу князя Барятинского в селе Снагости собрались 3 тысячи крестьян, а усадьбу графа Шереметева в селе Борисовка — 2 тысячи крестьян. В обоих случаях волнения произошли после того, как при разгоне крестьянских сходов стража открывала огонь и были убитые и раненые. В обоих случаях расправа над крестьянами была жестокой.

Столыпин прославился на двух поприщах — как министр внутренних дел, давший целую доктрину борьбы с революцией

(«успокоение»), и как премьер-министр с 1906 по 1911 г., проводивший «столыпинскую реформу». До этого он был губернатором в Гродно, часто ездил в Пруссию и уже в молодости стал поклонником хуторского хозяйства Прибалтики, потом служил саратовским губернатором. Лично выезжал на усмирении крестьянских волнений, бывал и под градом камней, и под пулями, приказывал пороть целые деревни. Но ведь не за это же полюбила Столыпина наша трудовая интеллигенция.

Фигура Столыпина была раздута в перестройке не потому, что его реформа была успешной. Она провалилась по всем пунктам. Главное — замысел. Столыпин был альтернативой советской аграрной политике, как бы предшественником Горбачева и Чубайса. Он разрушал сельскую общину — так же, как А.Н.Яковлев мечтал разрушить колхоз.

В своих делах Столыпин вошел в непримиримый конфликт с русской жизнью — как умом, так и сердцем. В области разума, науки ему противостояла русская агрономическая мысль, воплощенная в А.В.Чаянове. А в области духа ему противостоял Лев Николаевич Толстой, выразитель философии крестьянства, «зеркало русской революции». Тот, кто преклоняется перед Столыпиным, неминуемо отвергает и Чаянова, и Толстого — они с ним несовместимы.

Вспомним замысел реформы Столыпина. После отмены крепостного права в 1861 г. крестьян оставили почти без земли. Было утверждено «временнообязанное» состояние — крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Почему-то решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. На деле это затянулось до 1881 г., и пришлось издать закон об обязательном выкупе.

Чтобы закрепить крестьян на земле, заставить их выкупать землю и облегчить сбор податей, помещики и правительство ужесточили круговую поруку — усилили власть общины, затруднили выход из нее. Но сама община менялась и развивалась — и превратилась в организатора сопротивления и борьбы. Поскольку все помыслы Столыпина были направлены на модернизацию при сохранении помещичьей собственности, он стал вождем тех сил, которые начали уничтожать общину. В этом и была суть реформы. Задумано было так: если принудить к выходу из общины с наделом, то произойдет быстрое расслоение крестьян, богатые скупают все наделы и станут фермерами, а остальные — батраками. Получится капитализм на селе, опора строя.

Но сама идея реформы не отвечала реальности. Выше уже говорилось о возникшем в России «секторном разрыве» — порочном круге столь фундаментального характера, что его никак не могла разорвать реформа, не предполагавшая никаких вложений ресурсов в сельское хозяйство.

Неблагоприятным для реформы было и состояние общественного сознания. Измученные выкупными и подушными податями, крестьяне озлобились и на помещиков, и на правительство. В многоземельной Саратовской губернии 893 помещика владели 2 млн. га земли, а 336 тыс. крестьянских дворов — 3 млн. га (в среднем по 8 га на двор). Даже в урожайные годы крестьяне, чтобы расплатиться с налогами и выкупными, подчистую продавали хлеб и питались очень скудно.

И в 1902 г. по всей черноземной полосе Украины и Центра прошла полоса восстаний. По сути, началась крестьянская революция, на фоне которой наступил 1905 г. В этих условиях начать жесткую реформу по развалу общины — значило пойти ва-банк. Ведь реформа предполагала создать «крепких хозяев» — но одновременно и массу разоренных людей. Что перевесит?, «Столпы общества» предупреждали: если реформа не увенчается успехом, ее результатом будет как раз революция.

В 1906 г., став премьером, Столыпин начал лихорадочно проводить план в жизнь. С одной стороны, поощрялся выход из общины и переселение безземельных в Сибирь, давались даже небольшие ссуды. С другой стороны, жестоко каралось всякое сопротивление крестьян разделу общины. Толстой был категорически против частной собственности на землю и толково объяснял, почему это губительно для России. Он писал об указе 9 ноября 1906 г. о выходе из общины и закреплении наделной земли в частную собственность: «Крестьяне знают, что все попытки освобождения их от земельного рабства всегда разбивались об закоснелость царского правительства, которое в насмешку над их законными требованиями дало им закон 9 ноября, вносящий только еще новое зло в их отчаянное положение».

Кто же оказался прав: Чайнов и Толстой, вместе с критиками реформы «справа», — или Столыпин? История ответила четко: реформа Столыпина провалилась, она прямо привела к революции. Причина — не в ошибках, слабостях и даже не в нехватке средств. Причина — в несоответствии идей Столыпина интересам основной массы крестьянства и реальности периферийного капитализма. Россия была в совсем ином положении, чем Пруссия.

Ход реформы Столыпина досконально изучался несколькими группами экономистов-аграрников, земствами и МВД. Они были честнее, чем нынешние реформаторы, и публиковали данные. Разберем три вопроса: в каких масштабах была разрушена община; кто скупил землю; что дала реформа России (пусть даже вопреки интересам крестьян). Итак, реформа началась с указа 9 ноября 1906 г., который был заменен гораздо более жесткими законами 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г. (они предусматривали уже не добровольный выход, а принудительную приватизацию наделов).

По данным Вольного экономического общества, за 1907—1915 гг. из общины вышли 2 млн. семей. По данным МВД, 1,99 млн. семей. Более половины из этого числа вышли за два года — 1908-й и 1909-й, потом дело пошло на спад, вопреки сильному экономическому и административному давлению. То есть всего из общины вышло около 10% крестьянских семей. Община в центре России устояла. Не удалось и «расчистить» землю от «слабых» крестьян. Из тех, кто, продав надел, двинулся в Сибирь, огромное число разорилось и вернулось озлобленными и нищими (с 1907 по 1914 г. официально зарегистрировано свыше 1 млн. семей «обратников»).

Другая мерка реформы — переток земли. Продавалась земля через Крестьянский поземельный банк (из его имени или при его посредничестве). За время существования этого банка по 1913 г. общинами было куплено 3,06 млн. дес., товариществами (кооперативами) — 10 млн., а частными хозяевами — 3,68 млн. дес. земли. Если учесть, что всего в России в 1911—1915 гг. посевных площадей было 85 млн. дес., то видно, что распродать частникам удалось немного земли. Переворота реформа Столыпина не сделала.

Очевидно, что реформа не создала таких условий, чтобы процесс пошел сам, по нарастающей, чтобы он втягивал в себя крестьянство, пусть и после начального периода сопротивления. Более того, переселенцы в Сибири стали объединяться в общины, и сам Столыпин, посетив те места, признал, что это разумно. Он был человек умный и патриот России. Но — поверил в фермерство, потому что смолodu служил в западных областях. Там, кстати, реформа прошла успешно: в Гродненской и Виленской губерниях число безземельных крестьян в 1915 г. уже составляло 2/3, в Ковенской и Витебской — 1/2 всех дворов.

Главное в опыте реформы было то, что трудовые крестьян-

ские хозяйства, выйдя из общины и даже приобретя, с большими лишениями, дополнительные наделы, быстро теряли землю. Кто же ее скупал? Газеты того времени писали, что землю покупают в основном безземельные («несеющие») — «те деревенские богатеи, которые до того времени не вели собственного сельского хозяйства и занимались торговлей или мелким ростовщичеством».

В 1911 г. газета «Речь» писала: «добрая половина крестьянских посевных земель находится в руках городских кулаков, скупивших по 30 и более наделов». В 1910 г. другая центральная газета писала, что в Ставропольской губернии земля скупалась в больших размерах «торговцами и другими лицами некрестьянского звания. Сплошь и рядом землеустроитель вынужден отводить участки посторонним лицам в размере 100, 200, 300 и более дес.».

Заметим, что закон запрещал продавать более шести наделов в одни руки (средний надел составлял 7 дес.). Видно, была и тогда в России коррупция, хотя демократия еще не победила. Вот статья корреспондента газеты из Ставропольской губернии («Наша заря», 1910, № 3, с. 7): «За два года лишились земли 5300 дворов, причем немало дворов, владевших более чем одним наделом. Общая цифра проданных крестьянами наделов — около 6360. Скупкой наделов земля сосредоточивалась в одних руках. Случаи покупки 30, 40 и более наделов нередки. Средний крестьянский надел с выпасами, выгонами и прочими угодьями принимается в 7 дес. Средняя продажная цена за десятину — 40 руб. Цифра эта колеблется между 25 и 65 руб., преобладающая же продажная цена — 45 руб. Помещичьи земли и земли, продаваемые земельным крестьянским банком, идут не ниже 125 руб. за десятину. И более 50% всех сделок по продаже совершено за наличный расчет».

Зачем скупали землю кулаки? Часть — для спекуляции. Часть — для организации ферм с наемным трудом. А главное, как следует из одного исследования (в Симбирской губернии), «половина всех покупателей покупала землю прежде всего в целях сдачи ее в аренду». Аренда была кабальной — за отработки (бесплатный труд) или исполу (за половину урожая). Арендатор бедствовал, что сказывалось на технике земледелия. По данным экономистов-аграрников, в центре России «при всей отсталости крестьянина и примитивности техники его хозяйства на наделных землях урожаи хлеба были выше, чем на помещичьих, сдаваемых в аренду». Иными словами, переход земли

из наделов в аренду означал обогащение сельских паразитов-рантье за счет регресса хозяйства и страданий крестьянина.

Исследования, проведенные в ряде губерний земствами и Главным управлением земледелия и землеустройства, повторяют общий вывод о социальном лице скупщиков земли. Вот примеры выводов. «Безземельные покупщики земли как из имений банка, так и от частных владельцев — это в подавляющем большинстве представители крестьянской буржуазии, но только скопившие себе капиталец не около земли, а каким-то другим путем и теперь вложившие этот самый капиталец в землю на предмет первоначального накопления уже возле матери земли» (Симбирское земство). В Ефимовском уезде Тульской губернии из 105 обследованных «банковых» хуторян 52 принадлежали к мещанам и к лицам некрестьянского сословия (духовенство, полицейские, сидельцы винных лавок и пр.), 29 — к деревенским кулакам и только 24 — к крестьянам. Так же и в северных и промышленных губерниях: «Законом 9 ноября спешили воспользоваться здесь лишь элементы, и так давно уже порвавшие с деревней и переселившиеся в город».

Вот описание самой фигуры скупщика земли и того типа продажного юриста, которого породила реформа, данное депутатом I Государственной думы от Саратовской губернии Аникиным: «Как ночной шакал, роется он острым рылом в наследии поместного дворянства, не брезгуя и отбросами общины. Он не имеет исторически нарощенных привилегий своих предшественников, но уже верхним чутьем угадывает, что будущее может остаться за ним. К услугам таких господ появились и ученые юристы-адвокаты, которые, разъезжая по селам, «за скромную плату» устраивают выделы из общины и продажу душ. Чичиковы нашего времени, они рыскают, как голодные волки, по деревням и селам» («Вестник Европы», февраль 1909, с. 739). Пресса тех лет полна такими описаниями. Это о той сельской буржуазии, которая возникла в ходе реформы. А изъятие земли у тех трудовых крестьянских хозяйств, которые вышли из общины и прикупили надел или два, происходило просто — через тот же Крестьянский банк.

Вот вывод ученых: «Продавая земельные участки по невероятно вздутой цене и в то же время беспощадно взыскивая платежи, банк в конце концов приводил к разорению своих наименее имущих и состоятельных покупателей, и последние нередко или оказывались вынужденными добровольно продавать свои участки и оставаться совсем без земли, или насильственно уда-

лялись, «сгонялись» самим банком за неисправный взнос платежей». Банк покупал землю в среднем по 45 руб. за десятину, а продавал землю из своего имения по цене до 150 руб., а землю помещиков еще дороже (год от года цены колебались).

Сегодня реформаторы говорят, что если будет разрешена продажа земли, то фермер сможет заложить свою землю в банк, получить кредит, купить на него машины, удобрения и семена — а осенью расплатиться. Этому может поверить только Буратино. Фермер не расплатится и неизбежно потеряет землю. Потому и сохранилась в России земля у крестьян, что общинное право содержало абсолютный запрет на залог земли. Удивительно, как люди не замечают очевидной вещи: ведь банк и может давать кредит под меньший процент, чем коммерческие банки, только потому, что покрывает эту разницу продаж отобранной за неуплату земли. При той низкой цене, какая устанавливается на землю в России, отбирать земли придется много — иначе банку не продержаться.

Что же дала для развития сельского хозяйства именно реформа Столыпина? Объективные данные таковы. Реформа способствовала распашке целины в Сибири и Казахстане (кое-где создавая острые национальные проблемы и массовый угон скота в Китай). Но для этого не требовалось разрушать общину в центре России. Главное, что не произошло заметного шага в улучшении техники и организации земледелия. Площади посевов выросли за годы реформы на 10,5 млн. дес. (на 14%). Производство в 1911—1915 гг. по сравнению с 1901—1905 гг. выросло: пшеницы — на 12%, ржи — на 7,4, овса — на 6,6 и ячменя — на 33,7%.

Главный признак интенсивного хозяйства — рост животноводства («перегон зерна и кормов в мясо»). А вот вывод статистики: «По всем без исключения видам скота наблюдается (в 1905—1914 гг.) сокращение в расчете на 100 жителей населения. С наступлением кризиса трехполья не хватает кормовых средств на содержание скота». То есть реформа переориентировала часть земли на товарный хлеб (на экспорт), но при этом нарушился баланс земледелия и животноводства.

В целом прирост продукции в сельскохозяйственном производстве в результате реформы Столыпина упал. В 1901—1905 гг. он составлял 2,4% в год, а в 1909—1913 гг. снизился в среднем до 1,4%. Прирост продовольствия стал ниже прироста населения.

Безусловно, в те годы село России укрепилось. Но этому

способствовала не продажа земли, а тот факт, что в результате революции 1905 г. были отменены выкупные платежи за землю — тяжелейшее бремя для крестьян (в 1903 г. эти платежи составили 89 млн. руб. — почти половину того, что сельское хозяйство России получало за экспорт хлеба). Кроме того, в 1909 и 1910 гг. существенные средства селу дал богатый урожай. Выросли закупки техники, начали появляться удобрения.

В целом, вызвав тяжелые социальные потрясения, реформа Столыпина не дала заметного общественного и экономического эффекта. Кооперация крестьян обещала дать значительно больше, чем классовое расслоение и капиталистическое ведение хозяйства.

Тяжелым, но предельно показательным экзаменом для двух типов хозяйства — трудового крестьянского и частного — стала мировая война. К концу 1916 г. в армию было мобилизовано 14 млн. человек. Село в разных местах потеряло от трети до половины рабочей силы. Как же отреагировало на эти трудности хозяйство — крестьянское и буржуазное? По всей России к 1915 г. посевная площадь крестьян под хлеба выросла на 20%, а частновладельческих хозяйств уменьшилась на 50%. В 1916 г. у частных вообще осталась лишь четверть тех посевов, что были до войны. В трудных условиях крестьянское хозяйство оказалось несравненно более жизнеспособным.

Более того, 23 сентября 1916 г. царское правительство ввело продразверстку (пусть об этом вспомнят наши демократы) и установило твердые цены, хотя кое для кого с послаблениями. И вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочного труда «Народное хозяйство в 1916 г.»: «Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью».

Таким образом, общинный крестьянин, трудом стариков и женщин увеличив посевы хлеба для России, еще и сдавал хлеб вдвое дешевле, чем буржуазия. А его тогдашние и нынешние черниченки уже сто лет поносят последними словами, требуя отдать землю кулакам, а сегодня и помещикам.

И еще — мелочь, но какая красноречивая. В 1915 г. правительство, чтобы смягчить нехватку рабочей силы, стало распределять по хозяйствам военнопленных (всего 266 тысяч) за небольшую плату. Их охотно брали кулаки и помещики. А крес-

тыяне отказывались, как они говорили, «пользоваться дешевым подневольным трудом военнопленных». В центре России в среднем на 1000 работников у крестьян работали 3 военнопленных, а у частных владельцев — 270!

История повторяется сызнова, и, если Чубайса не остановить, добром опять не кончится. И лучше бы нашей интеллигенции не выдумывать себе сусального образа Столыпина, а помочь умерить пыл реформаторов, начитавшихся западных книжек.

Глава 2

ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ РОССИИ: КТО ШЕЛ В РЕВОЛЮЦИЮ

Перед нами стоит большая и в действительности новая задача — понять, почему развитие капитализма в России привело к революции, которая взорвала сословное общество и государство, но в то же время открыла дорогу вовсе не рыночной экономике и буржуазному государству, а совершенно иному жизнеустройству — советскому строю.

Официальное советское обществоведение нас попросту уведило от этого вопроса, деля его на части и давая каждой части вопроса вроде бы логичный «марксистский» ответ. Мол, капитализм был для России прогрессивным строем, но ему мешали остатки крепостничества, поэтому произошла буржуазно-демократическая революция (сначала «репетиция» в 1905 г., затем успешная в феврале 1917 г.). Так бы и шло дело, но благодаря прозорливости и умелому руководству пролетариат сумел воспользоваться моментом и вырвать власть у буржуазии. Буржуазная революция *переросла* в социалистическую!

Да, в каждой части такого ответа есть разумное зерно, но обе части не стыкуются, между ними — несоизмеримость. Почему же триумфальная буржуазная революция, открывавшая простор прогрессивному строю, вдруг сникла настолько, что небольшой по величине и очень незрелый пролетариат вдруг смог вырвать власть? С чего это успешная буржуазная революция «переросла» в свою противоположность? В чем была чудесная сила ничтожной по величине партии большевиков, против которой к тому же ополчились как раз в вопросе о социалистической революции все ее возможные союзники («левые силы»)? Ведь зерно вопроса именно здесь, но оно было умело изъято из раз-

говора путем деления проблемы на две части (а исторического времени — на два последовательных этапа: на Февраль и Октябрь).

Сегодня мы можем и даже обязаны подойти к вопросу хладнокровно — не устранив все неувязки ссылкой на гениальность Ленина, но и не следуя еще более примитивной сказке о кознях хитрых большевиков. Давайте очертим кратко «портреты» главных социальных сил России к моменту Февраля с точки зрения их отношения к главным ценностям и порядкам буржуазно-либерального (капиталистического) жизнеустройства. А потом сделаем то же самое для тех политических организаций и движений, которые выражали это отношение главных социальных сил.

Итак, в XIX веке Россия переживала новую (после реформ Петра) волну *модернизации* — развитие промышленности по образцам западного капиталистического хозяйства. Но это развитие происходило в совершенно иных культурных и социальных условиях, нежели за двести лет до этого на Западе, так что накопившиеся противоречия подвели к революции с иными, нежели на Западе, «действующими лицами». Рассмотрим вначале социальный портрет той части российского общества, которая на время соединилась в революционном процессе Февраля.

Крестьяне представляли самое большое сословие (85% населения). К ним примыкала значительная прослойка тех, кто вел «полукрестьянский» образ жизни. В России, в отличие от Запада, не произошло длительного «раскрестьянивания», сгона крестьян с земли и превращения их в городской пролетариат. Напротив, к началу XX века крестьянская община почти «переварила» помещика и стала «переваривать» немногочисленных хозяев типа капиталистического фермера. Динамика этого процесса показана на *рис. 1*.

Дотошное изучение статистических данных о собственности на землю в России по всем областям было проведено по результатам трех переписей — 1878, 1887 и 1905 гг. Эти данные сведены, например, в книге Д.А.Тарасюка «Поземельная собственность пореформенной России» (М., Наука, 1981). Вот наиболее точная картина. В 1877 г. в частном владении было 23,8% земли (80% владельцев были дворяне), наделъная общинная земля составляла 33,6%, казенная, удельная, церковная и т.д. земля — 42,6%. Земля, которая находилась в частной собственности небольшого числа зажиточных крестьян, составляла всего 3,8%

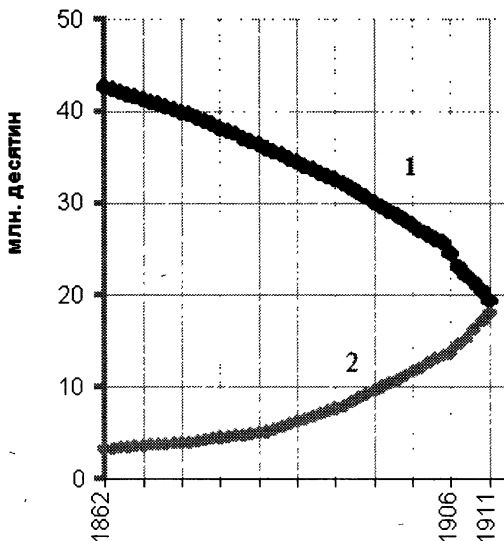

Рис. 1. Помещичье (дворянское) (1) и крестьянское (2) землевладение в Европейской России в 1862—1911 гг.

надельной общинной земли. К 1905 г. положение существенно не изменилось: в частном владении 26,1%, надельная общинная земля составляла 33,8%, казенная — 40,1%. Разница лишь в том, что среди частных владельцев дворяне имели теперь только 52,3% — они распродали с 1877 г. 30% своей земли.

Попытка быстро создать на селе классовое общество в виде фермеров и сельскохозяйственных рабочих через «революцию сверху» (реформа Столыпина) не удалась. Издавая первый указ (9 ноября 1906 г.) сам Столыпин сказал, что цель этого указа — «вбить клин в общину». Причем с самого начала было ясно, что такое глубокое изменение всего жизнеустройства деревни не будет поддержано крестьянами. Столыпин предупреждал, что не следует «ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы».

Об отношении общины к землепользованию и к реформе написано море литературы, в том числе за рубежом. Обычно община не возражала, если при очередном переделе кто-то хотел выделиться на хутор на краю общинной земли. Но во время реформы такое выделение стало насаждаться насильно причем власти поддерживали «сепаратистов», так что те требовали себе

лучшие участки. Этому община уже сопротивлялась. Но главный конфликт возник, когда землеустроители, чтобы не возиться, перешли к повальной приватизации, сразу разбивая на участки землю всей деревни.

В воспоминаниях земского начальника из Вологодской губернии В.Поливанова описан такой случай. В страду в деревню приехали землеустроители, созвали сход и объявили, что велено делиться на хутора. Сход посоветовался и отказался. Начальник пообещал ссуду, потом угрожал арестовать «бунтовщиков», потом пригрозил прислать на постой солдат. Крестьяне твердили: «Как старики жили, так и мы будем жить, а на хутора не согласны». Тогда начальник пошел пить чай, а крестьянам велел сесть на землю и ждать. Вышел поздно вечером. «Ну как, согласны?» Сход ответил: «Все согласны. На хутора так на хутора, на осину так на осину, только чтобы всем, значит, вместе». Поливанов пишет, что ему удалось дойти до губернатора и отложить реформу деревни Лопатихи. Историк П. Зырянов, который приводит этот рассказ, отмечает, что это типичный случай с нетипичным эпилогом.

Подавляющее большинство населения России подошло к революции, соединенное в огромное сословие крестьян, сохранивших особую культуру и общинное мировоззрение, — по выражению М.Вебера, «архаический аграрный коммунизм» (говорить о *классовом* сознании было бы неправильно, так как в точном смысле этого слова крестьяне России класса не составляли). Этот коммунизм вытекал не из религиозных или идеологических доктрин, а из исторически данных русскому крестьянству условий жизни.

На большом международном семинаре в 1995 г., посвященном проблеме голода, историк В.В.Кондрашин говорил: «Страх перед голодом был одной из причин консолидации российского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины. В течение столетий в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы община обеспечивала минимальное приложение сил трудовых своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от разорения. В общине традиционно была взаимоподдержка крестьян в случае голода. Общественным мнением была освящена помощь в деле спасения от голода слабейших крестьянских семей... Надо сказать, что хроническое недоедание крестьян [в пореформенный период] создавало в России социальную базу для большевизма и распространения уравнилельных коммунистических идей».

Главные ценности буржуазного общества — *индивидуализм и конкуренция* — в среде крестьян не находили отклика, а значит, и институты буржуазного государства и нормы буржуазного права для подавляющего большинства народа привлекательными не были. Даже в самом конце XIX века русская деревня (не говоря уж о национальных окраинах) жила по нормам *традиционного права* с очень большим влиянием общинного права.

Английский исследователь крестьянства Т.Шанин рассказывает такую историю: «В свое время я работал над общинным правом России. В 1860-е годы общинное право стало законом, применявшимся в волостных судах. Судили в них по традиции, поскольку общинное право — традиционное право. И когда пошли апелляции в Сенат, то оказалось, что в нем не знали, что делать с этими апелляциями, ибо не вполне представляли, каковы законы общинного права. На места были посланы сотни молодых правоведов, чтобы собрать эти традиционные нормы и затем кодифицировать их. Была собрана масса материалов, и вот вспоминается один интересный документ. Это протокол, который вел один из таких молодых правоведов в волостном суде, слушавшем дело о земельной тяжбе между двумя сторонами. Посоветовавшись, суд объявил: этот прав, этот не прав; этому — две трети спорного участка земли, этому — одну треть. Правовед, конечно, вскинулся: что это такое — если этот прав, то он должен получить всю землю, а другой вообще не имеет права на нее. На что волостные судьи ответили: «Земля — это только земля, а им придется жить в одном селе всю жизнь».

В начале XX века в значительной части просвещенного слоя господствовало мнение об отсталости русского крестьянства (дикости, азиатчине и т.д.). Это вполне совмещалось с «любовью к народу» и почтением к тем духовным авторитетам, например, Льву Толстому, которые всем своим творчеством доказывали, что такое представление о крестьянстве ложно. Здесь, думаю, сказался важный дефект европейского образования в незападных культурах. За корявой, «азиатской» внешностью какого-либо социального явления образованный человек с трудом различает суть. Этот дефект мы в полной мере унаследовали и умножили в советское время, и он сыграл фатальную роль во время перестройки. Замечательный ученый-химик и агроном А.Н.Энгельгардт, который работал в деревне и оставил подробнейшее фундаментальное исследование («Письма из деревни»), задумался об этом уже в первые годы своей жизни в

деревне (с. Батищево Смоленской губернии). Он писал в Письме пятом:

«Какая разница в этом отношении между рассказами Тургенева и Успенского, рисующими русского крестьянина! Сравните тургеневских «Певцов» с «Обозом» Успенского. Внешняя сторона у Успенского вернее, чем у Тургенева, и, попав в среду крестьян, вы в первый момент подумаете, что картина Успенского есть действительность, «голая правда», а картина Тургенева — подкрашенный, наряженный вымысел. Но подождите, и через несколько времени вы убедитесь, что певцы Тургенева *есть*, а извозчиков Успенского *нет*. В деревне вы услышите этих «Певцов» и в песне косцов, возвращающихся с покоса, и в безобразном трепаче подгулявшей пары, возвращающейся с ярмарки, и в хоре калик перехожих, поющих о «блудном сыне», но «Обоза» вы не увидите и не услышите».

И вот его наблюдение, важное для понимания роли крестьян в революции: «И что меня поражало, когда я слышал мужицкие рассуждения на сходках, — это свобода, с которой говорят мужики. Мы говорим и оглядываемся, можно ли это сказать? А вдруг притянут и спросят. А мужик ничего не боится. Публично, всенародно, на улице, среди деревни мужик обсуждает всевозможные политические и социальные вопросы и всегда говорит при этом открыто все, что думает. Мужик, когда он ни царю, ни пану не виноват, то есть заплатил все, что полагается, спокоен. Ну, а мы зато ничего не платим» (А.Н.Энгельгардт. «Письмо шестое»).

Позволю себе сослаться на личное впечатление. Мне кажется, что люди, выросшие под давлением хорошего формального образования, часто незаметно для себя начинают считать, что только такое формальное образование и служит носителем высокой культуры и сильного способа мышления. Зерно истины в таких воззрениях есть, но не такое уж большое. В детстве, в последние годы войны, я большую часть времени прожил вдвоем с дедом в деревне. Мы много беседовали. Я с тех пор набрался знаний, но не поумнел, мыслю примерно так же, как тогда, и хорошо помню те разговоры. Дед мой был бедняк из казаков. Но он был один из умнейших людей, каких мне пришлось встретить в жизни. Именно умнейших, способных к важным и свободным умозаключениям, охватывающим и широкие исторические периоды, и большие пространства. При этом он был человеком высокой и тонкой культуры, с «многослойной» деликатностью (не знаю, годится ли слово «диалектическая»).

Все это было продуктом его воспитания в крестьянской культуре. Для многих из нынешних интеллигентов мой дед показался бы «корявым», да и похож он был на киргиза. И вряд ли они бы нашли интересным с ним разговаривать.

Вернемся к условиям жизни русских крестьян. А.Н.Энгельгардт обращает внимание на очень важный факт: интеллигенция в общем не имела представления о самых главных сторонах жизни крестьян и прежде всего об их питании. Он пишет в «Письме девятом»: «Еще в октябрьской книжке «Отеч. Записок» за прошлый год помещена статья, автор которой, на основании статистических данных, доказывал, что мы продаем хлеб не от избытка, что мы продаем за границу наш насущный хлеб, необходимый для собственного нашего пропитания*... Многих поразил этот вывод, многие не хотели верить, заподозревали верность цифр, верность сведений об урожаях, собираемых волостными правлениями и земскими управами... Тому, кто знает деревню, кто знает положение и быт крестьян, тому не нужны статистические данные и вычисления, чтобы знать, что мы продаем хлеб за границу не от избытка... В человеке из интеллигентного класса такое сомнение понятно, потому что просто не верится, как это так люди живут, не евши. А между тем это действительно так. Не то, чтобы совсем не евши были, а *недоедают*, живут впроголодь, питаются всякой дрянью. Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу; к немцам, которые не будут есть всякую дрянью... Но мало того, что мужик ест самый худший хлеб, он еще *недоедает*».

К теме питания крестьян он возвращается неоднократно, как и впоследствии в своих статьях Лев Толстой. Тем, кто хочет понять истоки русской революции, все это надо читать. А.Н.Энгельгардт пишет в том же письме: «Американец продает избыток, а мы продаем необходимый насущный хлеб. Американец-земледелец сам ест отличный пшеничный хлеб, жирную ветчину и баранину, пьет чай, заедает обед сладким яблочным пирогом или папушником с патокой. Наш же мужик-земледелец ест самый плохой ржаной хлеб с костером, сивцом, пушниной, хлебает пустые серые щи, считает роскошью гречневую кашу с конопляным маслом, об яблочных пирогах и понятия не имеет, да еще смеяться будет, что есть такие страны, где неженки-мужики яблочные пироги едят, да и батраков тем же кормят.

* Речь идет о статье П.Е.Пудовикова «Хлебные избытки и народное продовольствие». Отечественные записки, 1879, № 10, с. 477—496.

У нашего мужика-земледелца не хватает пшеничного хлеба на соску ребенку, пожует баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку — соси.

А они об путях сообщения, об удобствах доставки хлеба к портам толкуют, передовицы пишут! Ведь если нам жить, как американцы, так не то, чтобы возить хлеб за границу, а производить его вдвое против теперешнего, так и то только что в пору самим было бы. Толкуют о путях сообщения, а сути не видят».

Надо отметить, что достоверная информация о реальной жизни крестьян доходила до общества от военных. Они первыми забили тревогу из-за того, что наступление капитализма привело к резкому ухудшению питания, а затем и здоровья призывников в армию из крестьян. Будущий главнокомандующий генерал В.Гурко привел данные с 1871 по 1901 г. и сообщил, что 40% крестьянских парней впервые в жизни пробуют мясо в армии. Генерал А.Д.Нечволодов в известной книге «От разорения к достатку» (1906) приводит данные из статьи академика Тарханова «Нужды народного питания» в «Литературном медицинском журнале» (март 1906), согласно которым русские крестьяне в среднем на душу населения потребляли продовольствия на 20,44 руб. в год, а английские — на 101,25 руб. Полезно бы это было прочесть С.Говорухину, который расписывает «жирные остендские устрицы» в столичных магазинах «России, которую мы потеряли».

Ранее говорилось, что уже к 1906 г. крестьянство в массе своей требовало национализации земли, а во время реформы Столыпина упорно сопротивлялось превращению земли в частную собственность (приватизация земли в принципе и является главным средством «раскрестьянивания»). А.Н.Энгельгардт писал: «Мужик нашел бы пользу в земле, землевладелец нашел бы пользу в капитале». Это значит, что крестьянин и фермер действуют в двух совершенно разных культурно-экономических системах (по определению Аристотеля, в *экономии* и *хрематистике*). Вполне резонно нынешний неолиберальный идеолог «дикого» (вернее, утопического) капитализма А.Н.Яковлев с горечью жаловался: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации».

Впрочем, резонна его жалоба лишь частично, ибо частная собственность — материя и дух именно западной и только западной цивилизации. Жан-Жак Руссо в «Рассуждениях о про-

исхождении неравенства» (1755) писал о возникновении гражданского общества: «Первый, кто расчистил участок земли и сказал: «это мое» — стал подлинным основателем гражданского общества». Он добавил далее, что в основании гражданского общества — непрерывная война, «хищничество богачей, разбой бедняков». Ясно, что такой идеал был несовместим с общинным мировоззрением русских крестьян.

Более того, в отношении крестьянства давным-давно и досконально известно, что частная собственность и капитализм означают его быстрое и прямое уничтожение, причем с массовыми страданиями и неизбежными жестокостями. Историк крестьянства В.П.Данилов напомнил опыт капитализма при приватизации земли в Англии: «Не нужно забывать, как решались социальные проблемы при огораживаниях, о работных домах для выбрасываемых из деревни, о том, что в каждом поселке стояла либо виселица, либо чурбак с топором, где рубили головы тем, кто не согласен с огораживанием».

После реформы 1861 г. положение крестьян улучшилось, хозяйство их, в общем, пошло в гору, повышалась урожайность, все это сказалось, например, на питании. Но затем все больше крестьяне стали ощущать наступление капитализма. Железные дороги стали «высасывать» продукты сельского хозяйства. Крестьянство было главным источником ресурсов для капиталистической индустриализации, и товарность их хозяйства искусственно повышалась денежными податями и налогами. В России возник периодический массовый голод, которого раньше крестьяне не знали (как, впрочем, не знали голода до капитализма ни в Европе, ни в Индии, ни в империи ацтеков).

Вот что говорил историк В.В.Кондрашин на международном семинаре в 1995 г.: «К концу XIX века масштабы неурожая и голодных бедствий в России возросли... В 1872—1873 и 1891—1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов арендных цен на землю... — все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий».

До 1917 г. весь прибавочный продукт нещадно изымался из

села («недоедим, а вывезем»). Все мало-мальски развитые страны, производившие менее 500 кг зерна на душу населения, зерно *ввозили**. Россия в рекордный 1913 г. имела 471 кг зерна на душу — и *вывозила* очень много зерна — за счет внутреннего потребления, причем именно крестьян. Даже в 1911 г., в год исключительно тяжелого голода было вывезено 53,4% всего товарного зерна — больше и относительно, и тем более абсолютно, чем в годы предыдущего пятилетия.

Даже в «нормальные» годы положение было тяжелым. Об этом говорит очень низкий уровень установленного официально «физиологического минимума» — 12 пудов хлеба с картофелем в год. В нормальном 1906 г. этот уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн. человек. Возмущение крестьян вызывало уже не то, что приходилось есть хлеб с лебедой и пушной хлеб (с мякиной, из неотвевянного зерна), а то, что «не было белого хлеба на соску» — грудному ребенку. Точнее сказать, что из села изымался весь прибавочный и значительная часть необходимого продукта.

Здесь надо сказать об особом социальном типе среди крестьян — *кулаке* (мироеде). Вокруг этого понятия в годы перестройки был создан целый миф, его приравнивали к понятию «справный хозяин» и представили образцом русской трудовой этики. На деле кулаками были главным образом крестьяне, оторвавшиеся от земли и промышлявшие ростовщицеством и торговлей. Социально-экономическую характеристику кулачеству дал А.В.Чаянов, а А.Н.Энгельгардт приводит свои обыденные наблюдения: «Каждый мужик при случае кулак, эксплуататор, но пока он земельный мужик, пока он трудится, работает, занимается сам землей, это еще не настоящий кулак, он не думает все захватить себе, не думает, как бы хорошо было, чтобы все были бедны, нуждались, не действует в этом направлении. Конечно, он воспользуется нуждой другого, заставит его поработать на себя, но не жиждет свое благосостояние на нужде других, а жиждет его на своем труде. От такого земельного мужика вы услышите: «Я люблю землю, люблю работу, если я ложусь спать и не чувствую боли в руках и ногах от работы, то мне со-

*Кстати, тот факт, что к концу 80-х годов СССР, производя 750 кг зерна на душу населения, стал его в существенных количествах *ввозить*, как раз говорит о том, что он достиг весьма высокого уровня развития и перешел к рациону питания, свойственному самым развитым странам. Зерно стали расходовать для развития животноводства.

вестно, кажется, будто я чего-то не сделал, даром прожил день»... Он расширяет свое хозяйство не с целью наживы только, работает до усталости, недосыпает, недоедает. У такого земельного мужика никогда не бывает большого брюха, как у настоящего кулака.

Из всего «Счастливого Уголка» (так называл А.Н.Энгельс-гардт местность около его поместья) только в деревне Б. есть настоящий кулак. Этот ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. Этот не скажет, что ему совестно, когда он, ложась спать, не чувствует боли в руках и ногах, этот, напротив, говорит: «работа дураков любит»... Этот кичится своим толстым брюхом, кичится тем, что сам мало работает: «у меня должники все скосят, сожнут и в амбар положат». Этот кулак землей занимается так себе, между прочим... У этого все зиждется не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Его кумир — деньги, о приумножении которых он только и думает... Он пускает этот капитал в рост, и это называется «ворочать мозгами». Ясно, что для развития его деятельности важно, чтобы крестьяне были бедны, нуждались, должны были обращаться к нему за ссудами».

Крестьянство (в том числе «в серых шинелях» — солдаты) подошло к 1917 г. с яркой исторической памятью о революции 1905—1907 гг., которая была не только «репетицией» (как назвал ее Ленин), но и «университетом». Это была первая из целой мировой цепи крестьянских войн XX века, в которых община противостояла наступлению капитализма, означавшего «раскрестьянивание». Таким образом, свергнув в Феврале царизм в союзе с буржуазией и получив возможность влиять на ход политических событий, крестьяне (и солдаты) оказывали давление, толкавшее Россию прочь от буржуазной государственности и капиталистического жизнеустройства.

Рабочий класс. К моменту революции 1917 г. общая численность рабочего класса в России оценивалась в 15 млн. человек — примерно 10% всего населения. Но кого относить к рабочему классу? В 1913 г. В.И.Ленин писал: «пролетариев у нас, вероятно, около 20 миллионов», но ведь к этой категории тогда причисляли и сельский пролетариат (около 5 млн. человек), и городскую бедноту. На VIII съезде РКП(б) Ленин говорил, что слой рабочих, «которые составляли нашу силу, — этот слой в России неимоверно тонок». Много исследователей после этого пытались уточнить число рабочих, выделив разные его состав-

ляющие. В результате считают, что рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин — 1,8 млн.

Но главное даже не в количестве. Рабочий класс России, не пройдя через горнило протестантской Реформации и длительного раскрестьянивания, не обрел мироощущения *пролетариата* — класса утративших корни индивидуумов, торгующих на рынке своей рабочей силой. В подавляющем большинстве русские рабочие были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления оставались крестьянами. Совсем незадолго до 1917 г. (в 1905 г.) половина рабочих-мужчин имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставляли в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках».

С другой стороны, много молодых крестьян прибывало в город на сезонные работы и во время экономических подъемов, когда в городе не хватало рабочей силы. Таким образом, между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Городской рабочий начала века говорил и одевался примерно так же, как и крестьянин, в общем, был близок к нему по образу жизни и по типу культуры. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне. Крестьяне и рабочие составляли тот «народ», который был отделен от «верхних» сословий царской России, а в критические моменты и противопоставлен им.

Сохранение общинной этики и навыков жизни в среде рабочих проявилось в форме мощной рабочей солидарности и способности к самоорганизации, которая не возникает из одного только классового сознания. Это определило необычное для Запада поведение рабочего класса в революционной борьбе и в его самоорганизации после революции, при создании новой государственности. Многие наблюдатели отмечали даже странное на первый взгляд явление: рабочие в России начала века «законсервировали» крестьянское мышление и по образу мыслей были более крестьянами, чем те, кто остался в деревне*.

*М.М.Пришвин писал в дневнике в 1916 г., что «рабочие — посланники земли»: «Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу. Пример Алекс. Вас. Кузнецов: он 25 лет был в Петербурге и вернулся к земле на свой хутор более мужиком, чем настоящие мужики; за это время мужики в деревне более подверглись влиянию города, чем он в городе».

Надо подчеркнуть очень важный факт, который в нашей упрощенной истории исключался из рассмотрения, поскольку противоречил вульгаризированной марксистской теории: главными носителями революционного духа среди рабочих к 1914 г. стали не старые кадровые рабочие (они в массе своей поддерживали меньшевиков), а молодые рабочие, недавно пришедшие из деревни.

Именно они поддержали большевиков и помогли им занять главенствующие позиции в профсоюзах. Это были вчерашние крестьяне, которые пережили революцию 1905—1907 гг. именно в момент своего становления как личности — в 18—25 лет. Через десять лет они принесли в город дух революционной общины, осознавшей свою силу. На самых крутых поворотах революционного процесса эта низовая масса большевиков создавала такое положение, которое можно назвать вслед за Б.Брехтом: «ведомые ведут ведущих».

Надо сказать о том культурном типе, который представлял из себя молодой грамотный русский рабочий начала XX века. Это было особое культурно-историческое явление, и оно сыграло большую роль в революции. Это был рабочий, который, с одной стороны, обладал большой тягой к знанию и чтению, которая всегда была характерна для пришедших из деревни рабочих. Отличие в том, что наш рабочий одновременно получил три типа литературы на пике их зрелости — русскую литературу «золотого века», оптимистическую просветительскую литературу эпохи индустриализма и столь же оптимистическое обществоведение марксизма. Это сочетание во времени уникально. А.Богданов в 1912 г. писал, ссылаясь на беседу с английским профсоюзным лидером, что в те годы в заводских рабочих библиотеках были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождение видов» Дарвина или «Астрономия» Фламариона — и они были зачитаны до дыр. В заводских библиотеках английских тред-юнионов были только футбольные календари и хроники королевского двора.

Классовое сознание рабочих России было высоко развито, хотя другие признаки «классовости» сильно отстали. Антонио Грамши писал в 1917 г. (сходную мысль по-иному выразили и другие мыслители), что русские рабочие как бы собрали и впитали в себя классовое сознание, накопленное рабочими всего мира за триста лет. Они стали пророком, несущим в себе «уголь, пылающий огнем», мысль и язык трудящихся всех времен и народов.

Буржуазия в России, скованная сословными рамками, не успела и уже не могла выработать того классового сознания «юной» буржуазии, которое на Западе сделало ее революционным классом «для себя». В отличие от западного капитализма, где представители крупной буржуазии начинали как предприниматели, российский капитализм с самого начала складывался в основном как акционерный. Крупные капиталисты современного толка происходили не из предпринимателей, а из числа управленцев — директоров акционерных обществ и банков, чиновников, поначалу не имевших больших личных капиталов. Крупные московские («старорусские») капиталисты вроде Рябушинских, Морозовых или Мамонтовых начинали часто как распорядители денег старообрядческих общин. По своему типу мышления и те и другие не походили на западных буржуазиндивидуалистов.

Численный состав крупной буржуазии был в России очень невелик. В 1905 г. доход свыше 20 тыс. руб. (10 тыс. долл.) в год от торгово-промышленных предприятий, городской недвижимости, денежных капиталов и «личного труда» получали в России, по подсчетам Министерства финансов, 5739 человек и 1595 акционерных обществ и торговых домов (их пайщики и составляют первое число)*. Остальные богатые люди, не считая помещиков, получали доход на службе.

Мы видим, что «масса» буржуазии была очень мала. В Москве, согласно переписи 1902 г., хозяев фабрично-заводских заведений, включая мелкие, было 1394. 82% предпринимателей входили в состав старых ремесленно-торговых сословий, были включены в иерархию феодального общества, имели свои сословные организации и не испытывали острой нужды в переустройстве общества на либерально-буржуазный лад.

Страх, который буржуазия, подавленная «импортированными силами крупного капитала» (М.Вебер), испытала во время революции 1905—1907 гг., заставил ее искать защиты у царского бюрократического государства. Большинство буржуазии после страшного урока 1905 г. вообще отошло от политики, стало консервативным и никак не могло принять на себя активную роль в революции. Многочисленные попытки основать политические партии буржуазии («собственников») не увенча-

*Более дотошные подсчеты (В.С.Дякин) дают число лиц с доходом выше 20 тыс. руб., равное 12 377 человек. Это принципиально дела не меняет.

лись успехом. Одним из парадоксов России было то, что за расширение возможностей буржуазного развития боролись партии, не являющиеся чисто буржуазными ни по своему социальному составу, ни по идеологии.

Обычным для ортодоксальных марксистов и либералов было считать, что русская революция произошла *«слишком рано»* — не созрели для нее еще предпосылки, слаба была буржуазия, не созрела почва для демократии. Это представление механистично, оно не учитывает фазу «жизненного цикла» всей капиталистической формации и прежде всего Запада, следовать которому пытались и либералы, и марксисты.

Изучая события в России начиная с 1904 г., М. Вебер приходит к гораздо более сложному и фундаментальному выводу: *«слишком поздно!»*. Успешная буржуазная революция в России **уже** невозможна. И дело было, по его мнению, не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовместимого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное заключалось в том, что русская буржуазия оформилась как класс в то время, когда Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Буржуазная революция может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность неповторима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический революционный заряд.

В результате в Россию импортируется капитализм, который, с одной стороны, пробуждает радикальные социалистические движения, но в то же время воздвигает против них зрелую бюрократическую организацию, абсолютно враждебную свободе. Под воздействием импортированного капитализма русская буржуазия до срока состарилась и, вступив в союз с бюрократией, оказалась не способной совершить то, что на Западе совершила юная буржуазия. *«Слишком поздно!»*

Историк-эмигрант А. Кустарев, изучавший «русские студии» М. Вебера, пишет: «Самое, кажется, интересное в анализе Вебера — то, что он обнаружил драматический парадокс новейшей истории России. Русское общество в начале XX века оказалось в положении, когда оно было вынуждено одновременно «догонять» капитализм и «убегать» от него. Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политичес-

ких расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера». Это верное замечание, и надо только удивляться, что к сходным выводам Вебер и Ленин пришли исходя из совершенно разных философских посылок. Надо добавить, что к такому же выводу относительно России пришел в конце жизни и Маркс, но это не было известно Ленину.

Та небольшая часть крупных капиталистов, которая смогла войти в симбиоз с «импортированным» зрелым западным капитализмом, после 1905 г. заняла столь радикальную социал-дарвинистскую антидемократическую позицию, что вступила в конфликт с господствующими в России культурными нормами и влиться в революционное движение не могла. Так, группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила: «Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем». Как общественная позиция такой взгляд укорениться не мог — общество не следовало англосаксонским идеалам, оно «страдало сентиментальностью».

Российская буржуазия пришла к началу XX века как экономически сильный, но «культурно больной» класс, с внутренне противоречивым самосознанием. Назревающая революция, казалось бы, объективно призванная расчистить путь для буржуазно-демократических преобразований, изначально несла сильный антибуржуазный заряд. В 1905 г. Вебер высказал мнение, что грядущая русская революция не будет буржуазно-демократической, это будет революция нового типа, причем первая в новом поколении освободительных революций.

Не получила буржуазия в России и того религиозно освященного положения, которое дали западной буржуазии протестантизм и тесно связанное с ним Просвещение. В России идеалы Просвещения распространились, уже потеряв свою роль носителя буржуазной идеологии (скорее наоборот, здесь они были окрашены антибуржуазным критицизмом). Российские буржуазные либералы были романтиками, обреченными на саморазрушение. Как ни парадоксально, они были вынуждены на деле выступать против капитализма — зрелого и бюрократического. Поэтический идеолог крупной буржуазии Брюсов сказал тогда:

И тех, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

М.Вебер, объясняя коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе, приводит фундаментальный довод: к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей буржуазии в либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований этого движения. Как пишет один из исследователей трудов Вебера, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции»*. В общем, буржуазия в России не стала ведущей силой буржуазной революции, как это было на Западе. Еще важнее, что она и не воспринималась как такая сила другими частями общества.

Политические пристрастия активной части буржуазии распределялись в широком спектре — от правых и националистов до социалистов. Ведущая буржуазная партия (партия Народной свободы, «конституционные демократы» — кадеты) была реформистской и стремилась предотвратить революцию. Но и эта партия поначалу была «антибуржуазной» и, как говорили в 1905 г. сами кадеты, «не имела противников слева» (а слева от нее были и эсеры, и большевики). Правда, напуганные декабрем 1905 г., кадеты отмежевались от революционного подхода и ограничили себя «конституционализмом».

Часть буржуазии, переживавшая духовный кризис, поддерживала социалистическую оппозицию, заигрывала с масонами, порой тяготела к социал-демократам (иногда даже финансируя их боевые дружины, как в 1905 г. крупный московский заводчик Н.П.Шмит, именем которого назван проезд на Красной Пресне; позже он все деньги отдал большевикам, и на них издавалась газета «Правда» и содержались профессиональные революционеры за границей). Но и эта небольшая часть буржуа-

*В сравнении с русскими буржуазными либералами начала века наши нынешние идеологи капитализма выглядят довольно нелепо. Вспомним, как В.Селюнин излагал их символ веры: «Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность». Ну, В.Селюнин — газетчик. Но ведь в том же духе высказывался и академик А.Н.Яковлев.

зии не претендовала на роль лидера в революции, она лишь следовала голосу больной совести.

Большинство же русской буржуазии, вышедшей из купечества и подавленной «импортированными силами крупного капитала» (М.Вебер), после страшного урока 1905 г. вообще отошло от политики и возложило все свои надежды на царя и бюрократический аппарат. Оно стало консервативным и никак не могло принять на себя активную роль в революции.

Интеллигенция. Модернизация в России породила и особый, неизвестный на Западе периода буржуазных революций культурный слой — разночинную интеллигенцию. Судя по материалам переписи 1897 г., профессиональная интеллигенция на тот момент включала в себя около 200 тыс. человек. С начала XX века ее численность быстро возрастала, и к 1917 г. оценивалась в 1,5 млн. человек (включая чиновничество и офицеров). Наиболее крупной группой накануне революции 1917 г. были учителя (195 тыс.) и студенты (127 тыс.). Врачей было 33 тыс., инженеров, адвокатов, агрономов — по 20—30 тыс. Около трети интеллигенции было сосредоточено в столицах.

Восприняв западные либеральные и демократические идеи, эта интеллигенция в то же время не стала буржуазной. Стихийная социальная философия русской интеллигенции (не сводимая ни к какой конкретной идеологии) представляла собой противоречивое сочетание идеалов свободы гражданского общества с мессианским, в основе своей религиозным идеалом правды и справедливости, свойственным обществу традиционному и именно в русской истории. Н.А.Бердяев писал, что интеллигенция «была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической, группировкой, образовавшейся из разных социальных классов».

Приняв с энтузиазмом идею свободной личности, русская интеллигенция не могла согласиться с антропологией западного гражданского общества, которая представляла человека как конкурирующего индивида, вынужденного непрерывно наносить ущерб ближнему в борьбе за существование. Тем, кто был воспитан на Пушкине, Толстом и Достоевском, было невозможно принять в целом рационализм философа гражданского общества Джона Локка, согласно которому разъединение людей оправданно, ибо «никто не может разбогатеть, не нанося убытка другому».

Если для западного интеллектуала, проникнутого рациона-

лизмом Просвещения, идеалом был поиск «правды как истины», то для русского интеллигента этот идеал неразрывно сочетался с поиском «правды как справедливости». Как писал Н.А.Бердяев, «у Достоевского есть потрясающие слова о том, что если бы на одной стороне была истина, а на другой Христос, то лучше отказаться от истины и пойти за Христом, т.е. пожертвовать мертвой истиной пассивного интеллекта во имя живой истины целостного духа».

В результате русская интеллигенция, проведя огромную работу по разрушению легитимности российского самодержавия, не смогла стать той духовной инстанцией, которая взяла бы на себя легитимацию государства буржуазного. Напротив, значительная и в этическом отношении очень авторитетная часть интеллигенции заняла определенно антикапиталистические позиции. Это особенно проявилось в движении народников, видящих ядро будущего свободного общества в крестьянской общине, а затем и в социал-демократии, принявшей постулат марксизма об освободительной миссии рабочего класса.

На этом факте надо остановиться особо. Важным идеологическим (и шире — духовным) условием, повлиявшим на ход развития революции и последующего советского периода, было сильное влияние на культурный слой России **марксизма**. Это огромное по масштабам социальное, философское и экономическое учение, рожденное общественной мыслью Запада в период завершения первой фазы индустриальной революции. Конкурируя с либерализмом, марксизм отличался своим универсализмом — всечеловечностью*.

Дав непревзойденную по своим познавательным возможностям методологию для анализа капиталистического хозяйства, марксизм оказал очень большое влияние на всех экономистов. В начале XX века С.Н.Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм». Заметим, что в то время, время быстрого хозяйственного развития России, воздействие экономистов на сознание интеллигенции и всей читающей публики было очень значительным.

Будучи теснее связан с наукой, нежели либерализм, марк-

*Например, либерализм, противопоставляя «гражданское общество» природному состоянию человека как дикости, отрицал применимость гражданских прав к неграм и индейцам, что позволяло американским либералам искренне принимать рабство.

сизм обладал более широкими объяснительными возможностями. Исходя из мессианской идеи преодоления того отчуждения между людьми и между человеком и природой, какое породила частная собственность, марксизм нес огромный заряд оптимизма — в отличие от пессимизма буржуазной идеологии, выраженного в социал-дарвинизме (мальтузианстве и других его вариантах).

Именно эти качества, созвучные традиционным идеалам русской культуры, объясняли тягу к марксизму в России. Влияние марксизма испытали не только социал-демократы, но и не согласные со многими его постулатами народники и даже анархисты. На деле весь культурный слой России и значительная часть рабочих находились под его влиянием. Г.Флоровский, объясняя, почему марксизм был воспринят в России конца XIX века как мировоззрение, писал, что была важна «не догма марксизма, а его проблематика». Это была первая мировоззренческая система, в которой на современном уровне ставились основные проблемы бытия, свободы и необходимости. Как ни покажется это непривычным нашим православным патриотам, надо вспомнить важную мысль Г.Флоровского — именно марксизм пробудил в России начала века тягу к религиозной философии. Ибо в марксизме, как пишет Г.Флоровский, были и «крипторелигиозные мотивы... Именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия. Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве... Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах». Добавлю, что в свое время марксистами были не только религиозные искатели, но даже и такие правые лидеры кадетов, как П.Струве и А.Изгоев.

Сегодня это покажется странным, но ушедшие в область религиозно-философских исканий либеральные интеллигенты, даже из марксистов, обвиняли социализм (представленный прежде всего социал-демократами) именно в «буржуазности». Очень показательна позиция С.Н.Булгакова. Он, которого ранее Плеханов назвал «надеждой русского марксизма», к 1907 г. вобрал в своей философии главные и, казалось бы, взаимоисключающие части мышления русской интеллигенции — либерализм, консерватизм и прогрессизм. В 1917 г. в своей известной работе «Христианство и социализм» С.Н.Булгаков посвятил целый раздел именно критике «буржуазности» социализма («он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыво-

рот»). Впрочем, далее он пишет о социализме: «Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме».

От буржуазных ценностей интеллигенцию отделяла не только мировоззренческая пропасть, но и социальные условия жизни. Вопреки расхожему мнению времен перестройки, основная масса интеллигенции в России накануне революции 1917 г. по уровню материального благосостояния относилась к бедному большинству народа. С.Говорухин, поразивший воображение обывателей СССР устрицами и осетриной, почему зря лежавших на витринах «России, которую мы потеряли», предусмотрительно не сообщил, что 40% интеллигентов России в апреле 1917 г. имели доход до 1,5 тыс. руб. в год, которые определялись как прожиточный минимум, а еще 40% — доход около 1,5 тыс. руб. (средняя зарплата рабочего-металлиста была 1262 руб.).

Учителя сельских школ зарабатывали меньше, чем чернорабочие, — в среднем 552 руб. в год (это в среднем, но 66% из них имели зарплату в пределах 408—504 руб. в год), да и эта зарплата не выплачивалась по несколько месяцев. При обследовании школ Смоленской губернии в одной из анкет можно было прочесть: «Жизнь каторжная. Материальное положение сельского учителя ниже всякой критики. Приходится голодать в полном смысле слова, быть без обуви и одежды, а своих детей оставлять без образования». Так что сам быт большинства интеллигенции вовсе не побуждал ее в социальных конфликтах быть на стороне капитала. Интеллигент был трудящимся. П.А.Столыпин в докладе царю в 1904 г. даже назвал земскую интеллигенцию («третий элемент») главным источником радикализма на селе, сделав вывод: «Единственный тормоз на пути «третьего элемента» — это администрация».

Интеллигенция сочувствовала революции, имея в виду ее освободительное, а не буржуазное начало, а молодое поколение — студенты активно участвовали в выступлениях рабочих и крестьян. Их демонстрации обычно предшествовали выступлениям рабочих и служили их катализатором. Во время крестьянских волнений начала века студенты за свою беззаветную помощь даже заслужили такое уважение, что само слово «студент» стало пониматься как что-то вроде «защитник народа». Известен случай, когда крестьяне в 1902 г. пошли громить полицейский участок, требуя «освободить их студента» — полуграмотного местного крестьянина, зачинщика их выступлений.

Когда после поражения революции 1905—1907 гг. и утраты веры в успех столыпинской реформы единственная буржуазно-либеральная партия в России (кадеты) стала уповать на буржуазию («русских Круппов» и «крепкое мещанство»), она предприняла большую пропагандистскую кампанию, направленную на преодоление враждебного отношения интеллигенции к буржуазии. Вели ее бывшие марксисты (авторы книги «Вехи» Струве, Бердяев, Изгоев). При этом им неизбежно пришлось отвергнуть сам идеал равенства. Струве писал, что основанием прогрессивного общества «является всегда человеческая личность, отмеченная *более высокой степенью годности*» [выделено мной. — С.К.-М.]. Это был сдвиг к «рыночному» и социал-дарвинистскому представлению о человеке, а значит, к полному разрыву с той антропологией, на которой стояло общинное мировоззрение крестьян («архаический аграрный коммунизм»). Струве пытался даже взывать к патриотическим чувствам интеллигенции, призывая считать поддержку развития капитализма как «национальный идеал и национальное служение», но этот рыночный патриотизм отклика не получил (да и вообще это «поле» было прочно занято правыми).

Этот поворот Струве был очень радикальным, и в поддержку ему сразу выступил Бердяев: «Скажут, Струве хочет обуржуазить Россию, привить русской интеллигенции буржуазные добродетели. И Россию необходимо «обуржуазить», если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательств равенства». Но в том-то и было дело, что интеллигенция не видела в буржуазности импульса к «социальному творчеству», но зато слишком бросалось в глаза «отрицание равенства». И, в общем, заметного успеха кампания по смычке интеллигенции с буржуазией не имела. Изгоев вынужден был даже бросить интеллигенции упрек в том, что «западноевропейская буржуазия своими знаниями, энергией, честностью, трудоспособностью во много и много раз превосходит русскую, даже социалистическую интеллигенцию». Упрек интеллигенция проглотила, но в массе своей осваивать главные ценности энергичной западной буржуазии не стала.

Интеллигенция составляла значительную часть того социального образования, что историки называют «городские средние слои». Это городская мелкая буржуазия, служащие и лица свободных профессий. И в социальном, и в идеологическом плане это образование сильно отличалось от того, что на Запа-

де называют «средним классом». Если на Западе «средний класс» следовал в русле идеологии, задаваемой буржуазией, то в России, при слабости буржуазии, разночинная городская интеллигенция, наоборот, поставляла кадры идеологических работников во все партии и ощущала себя «трудовым» классом, как бы надклассовой силой. Той стабилизирующей, консервативной роли, которую играет «средний класс» на Западе, городские средние слои в России не играли. Напротив, они быстро радикализировались в момент революции и разошлись по разные стороны баррикад, не образовав никакого центристского ядра.

Особо важную роль сыграли разночинные городские слои в момент Февральской революции. Во-первых, их представители, находившиеся в армии, имели в ней очень большой удельный вес по численности — около 1,5 млн. человек, или 15% всех военнослужащих. При этом очень большая часть их — в качестве офицеров. Во-вторых, именно они приняли активное участие в революционном процессе, непропорционально большое даже по сравнению с их численностью. Это видно по составу армейских комитетов, которые начали создаваться с первых дней революции. Есть данные по составу делегатов съезда Юго-Западного фронта в мае 1917 г. Это весьма представительные данные, так как на этом фронте находилось почти 40% всей действующей армии. К средним слоям можно отнести 57% делегатов — 28% служащих, 24% лиц свободных профессий и 5% ремесленников. Из остальных было 27% земледельцев, 10% рабочих и 3% из «господствующих классов» (помещики, фабриканты и торговцы). К осени, правда, вес «средних слоев» в составе армейских комитетов стал снижаться, а число рабочих расти, но все равно политическая активность «разночинцев» оставалась высокой.

Дворянство. Это сословие было небольшим по численности, дворяне составляли около 1% населения, но большинство их деклассировалось, пополнив ряды разночинной интеллигенции. Помещиками были около половины дворян (примерно 0,5% населения). Однако это сословие обладало очень большим экономическим и политическим влиянием, владея примерно третьей частью земельных угодий страны. В 1905 г. стоимость земель дворян в 50 губерниях России на 60% превышала общую массу акционерных капиталов в стране.

Поместное дворянство как сословие испытывало сильное давление. Треть крупных поместий, имевших свыше 500 дес.

земли (и почти треть их земель), была уже буржуазной (ими владели купцы и выходцы из крестьян). Из имений от 100 до 500 дес. дворянских было лишь 46%. 26% имений от 20 до 100 дес. уже не выдерживали конкуренции с кулацкими хозяйствами.

Отметим важную роль дворянства, которая часто теряется из виду. Это сословие «связывало» российское общество, поскольку дворянам были присущи высокая географическая мобильность и обширные социальные связи. Как правило, помещики жили в селе и одновременно в уездном или губернском городе, часто посещали столицы и выезжали за границу. Их родные пополняли ряды чиновничества и офицерства, их дети учились в университетах. Через них город был тесно связан с деревней (другим каналом связи были крестьяне, уходившие в город на заработки).

Историки отмечают особенность российского дворянства, которая сыграла важную роль в его взаимоотношениях с другими сословиями. В отличие от дворянства Западной Европы, российское дворянство не было замкнутой корпорацией. Через целый ряд процедур в него принималось много недворянского элемента. Это, в частности, задержало развитие классового сознания буржуазии. У нас она была склонна к компромиссу и даже симбиозу с дворянством, а в Европе была вынуждена идти на радикальную революцию, чтобы утвердить свой статус вопреки дворянству. Аристократия во время революций, особенно во Франции, становилась чуть ли не главным врагом буржуазии. В России же среди либерально-буржуазных политиков было много дворян и даже аристократов.

В своих умонастроениях и делах дворянство совершило крутой вираж в связи с революцией 1905—1907 гг. Он во многом предопределил судьбу капитализма в России. Дворянство, имевшее своим главным источником дохода земельную собственность, трудно перенесло отмену крепостного права и последовавший за ней сельскохозяйственный кризис. В начале века большая часть поместий находилась в упадке, 4/5 дворянства были не в состоянии содержать свои семьи только на доходы от земли. Это определило заметный рост оппозиционности дворянства, которая выразилась в активном участии в земском движении и либеральных настроениях (поддержке конституционализма).

Этот либерализм был, однако, внутренне противоречив, поскольку дворянство недоброжелательно относилось к программам индустриализации как «выжиманию ресурсов из сельского

хозяйства». Иными словами, дворянство не видело для себя возможности воспользоваться выгодами от развития капитализма, оно связывало свое благополучие с земельной собственностью и государственной службой.

Волнения крестьян 1902—1903 гг., а затем революция 1905—1907 гг. больше всего ударили по семьям 30—40 тыс. помещиков. Около 15% поместий были сожжены, значительную часть земли в районах, охваченных волнениями, пришлось продать. Попытки деятелей дворянства восстановить давно уже иллюзорные патриархальные отношения с крестьянами полностью провалились.

Крестьяне четко определили свое отношение к помещикам как классовому врагу. Под этим были исторические корни, которые дали пышные всходы после реформы 1861 г. А.Н.Энгельс пишет в письме из деревни в 1863 г. о запустении помещичьих усадеб после реформы, что видно было даже по исчезновению псовой охоты: «Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля». В сноске он дает пояснение: «Прежде тоже иногда случалось, что крестьяне, особенно казенные, нападали на охотников, топчущих их поля. Вы, может быть, не знаете, что у охотников существовал сигнал «на драку». Охотник, схваченный крестьянами, трубил на рожке сигнал, и тогда все остальные охотники спешили к нему на помощь и, разумеется, обыкновенно побивали крестьян. Теперь «на драку» едва ли кто-нибудь затрубит».

В 1905 г. на съездах Всероссийского Крестьянского Союза были определены враждебные крестьянам силы, и в этом было достигнуто убедительное согласие. «Враги» были означены в таком порядке: чиновники («народу вредные»), помещики, кулаки и местные черносотенцы. А главное, полный антагонизм с помещиками выражался во всеобщем крестьянском требовании национализации земли и непрерывно повторяемом утверждении, что «земля — Божья». Выборы в I и II Думы рассеяли всякие сомнения — крестьяне не желали иметь помещиков своими представителями.

Дворянство в полной мере осознало угрозу, которую несет для них революция. В октябре 1905 г. испуг правительства достиг такой степени, что оно было уже готово пожертвовать дворянством. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н.Кутлер готовил проект принудительного отчуждения помещичьих земель и их передачи крестьянам! В 1906 г. с либеральными настроениями в среде дворянства было покончено,

кадеты за их аграрную программу были «разоблачены» как предатели интересов дворянства и вычищены из земств (как пишут, произошла «урбанизация российского конституционализма» — он был изгнан из сельской местности в города). Дворянство сдвинулось вправо и стало консервативной силой, оказывающей сильное давление на правительство.

Верно оценив отношение к себе крестьян, дворянство уже не могло отстаивать демократические принципы, особенно всеобщее избирательное право — оно бы означало полное устранение дворянства с политической арены. Разогнав I и II Думы, царское правительство так изменило избирательный закон, что 30 тыс. помещиков получили в III Думе в два раза больше депутатских мест, чем 20 млн. крестьянских дворов. В ходе обсуждения этот проект избирательного закона назывался «бесстыжий». Сам Николай II сказал, смеясь: «Я за бесстыжий».

Революция 1905 г. заставила помещиков наконец-то обрести классовое самосознание и создать политическую организацию — Совет объединенного дворянства. В ее рамках вырабатывались концепции приспособления дворянства к новой ситуации. Суть ее была в частичном восприятии западнических идей и идее роспуска крестьянской общины, которая показала свой революционный потенциал. Западничество дворянства было очень избирательным — принимались принципы либеральной экономики (прежде всего приватизация земли крестьянских общин, при том что помещичья собственность объявлялась «неотчуждаемой»), но отвергались принципы парламентской демократии. Это был своего рода прообраз «либерализма по Пиночету».

Когда Столыпин, глубоко понявший уроки революции 1905—1907 гг., предложил и стал осуществлять целостную программу модернизации хозяйства и государства России на капиталистических принципах, консервативное дворянство приняло из нее только ее аграрную часть (разрушение общины и приватизацию земли), но стало оказывать нарастающее сопротивление остальным разделам реформы, без которых и аграрная часть была обречена на крах. Конечно, неудача реформы была уже предопределена упорством сопротивления общинного крестьянства, но влиятельная оппозиция справа не оставила Столыпину никаких шансов.

В марте 1907 г. Совет объединенного дворянства направил Столыпину меморандум, выражавший недовольство уже и самим замыслом реформы. В нем говорилось: «Направив все усилия на подъем крестьянского хозяйства, правительство бросило

всякую заботу о хозяйстве культурном и даже способствует его упразднению, поощряя всякое начинание в области перехода всей земельной площади к первобытному земледелию».

Совет объединенного дворянства заявил о своем неприятии реформы местных органов управления, поскольку, дескать, она отдаст власть на местах в руки «людей хищническо-промышленного типа», которые соединятся с «третьим элементом» (интеллигенцией). Таким образом, была отвергнута даже такая программа модернизации, при которой развитие капитализма (с самым необходимым минимумом демократизации) происходило бы при сохранении всех привилегий дворянства. Дворянство поставило заслон буржуазной государственности «справа». Выступая против проекта реформы начального образования (части общего плана столыпинской реформы), предводитель правых в Думе Н.Е.Марков обращался к помещикам: «Ваши имения, ваша жизнь будут висеть на волоске, когда воспитанные в ваших безбожных школах ученики придут вас жечь и никто вас защищать не будет».

Правый кадет А.С.Изгоев писал в конце 1907 г.: «Среди двух правящих наших классов, бюрократии и поместного дворянства, мы напрасно стали бы искать конституционных сил. Интересы этих классов не могут быть ограждены при господстве в стране правового строя. Эти классы неспособны осуществить конституцию даже в формальном ее смысле». Таким образом, и дворянство, очень влиятельное сословие России, стало после 1905 г. антибуржуазным, пусть и «справа». Его неприятие либерально-капиталистического строя стало фундаментальным. Газета «Утро России», которая вновь стала издаваться с ноября 1909 г. на деньги крупного капитала (Рябушинские, С.Н.Третьяков и др.), писала 19 мая 1910 г.: «Дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить».

Разрыв дворянства с буржуазией означал крах октябристов — партии справа от кадетов. Этот разрыв был вполне четко осознан обеими сторонами. Газета «Утро России» писала, в частности: «Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным». Или, более красочно: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливает через плотину, размывая ее и прокладывая новое русло».

Как это бывает на стадии разложения сословного общества, привилегированное сословие морально деградирует и становит-

ся движущей силой регресса. Таким и стало дворянство после революции 1905 г. Участвуя в выборах во II Государственную думу в 1907 г. и наблюдая политику дворянства, С.Н.Булгаков писал: «Ах, это сословие! Было оно в оные времена очагом русской культуры, не понимать этого значения русского дворянства значило бы совершать акт исторической неблагодарности, но теперь это — политический труп, своим разложением отравляющий атмосферу, и между тем он усиленно гальванизируется, и этот класс оказывается у самого источника власти и влияния. И когда видишь воочию это вырождение, соединенное с надменностью, претензиями и, вместе с тем, цинизмом, не брезгающим сомнительными услугами, — становится страшно за власть, которая упорно хочет базироваться на этом элементе, которая склоняет внимание его паркетным шепотам».

Особым было положение *духовенства*. В начале века Церковь стала, по сути, частью государственной машины Российской империи, что в условиях назревающей революции послужило одной из причин падения ее авторитета в массе населения (что, кстати, прямо не связано с проблемой религиозности).

Поэтому, кстати, полезно вспомнить, что кризис Церкви в начале века вовсе не был следствием действий большевиков-атеистов. Он произошел раньше и связан именно с позицией Церкви в момент разрушительного вторжения капитализма в русскую жизнь. Согласно отчетам военных духовников, когда в 1917 г. Временное правительство освободило православных солдат от обязательного соблюдения церковных таинств, процент причащающихся сразу упал со 100 до 10 и менее.

В массе своей духовенство вело себя как сословие, связанное дисциплиной церковной организации. С.Н.Булгаков, в то время уже видный религиозный философ, продолжая мысль о состоянии дворянского сословия, пишет в 1907 г.: «Совершенно новым в этих выборах было принудительное участие в них духовенства, причем оно было заранее пристегнуто властью к «правому» блоку и все время находилось под надзором и под воздействием архиерея... И пусть ответственность за грех, который совершен был у избирательных урн рукой духовенства, падет на инспираторов этого низкого замысла, этого вопиющего насилия... Последствия этого сатанинского замысла — сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов — будут неисчислимы, ибо духовенству предстоит еще отчитываться пред своей паствой за то, что по их спинам про-

шли в Государственную думу «губернатор» и иные ставленники своеобразных правых... Это политический абсурд и наглый цинизм, которого нарочно не придумают и враги церкви... До сих пор мне приходилось много нападать на нигилизм интеллигентский, но я должен признать, что в данном случае ему далеко до нигилизма административного!».

Крестьяне и дворяне. Для выбора всего будущего пути России, который подспудно вызревал с начала XX века, огромное значение имело совместное, бок о бок, существование двух производственных укладов и почти двух миров — крестьянства и помещичьего хозяйства. Они находились в тесном взаимодействии, имели друг к другу долгий исторический счет, приглядывались к изменениям и настроениям в доме «соседа». Установки крестьянства были важны уже потому, что оно составляло подавляющее большинство населения и главный источник национального богатства, из него рекрутировались рабочие и солдаты. Дворяне же, как сказано выше, «связывали» все общество тем, что из него генерировалась культурная и управленческая элита. Две эти важнейшие социальные группы (сословия) надо рассматривать не только порознь, но и в их взаимодействии, как «связку», как особую подсистему российского общества.

С середины 90-х годов XIX века «миры» крестьян и помещиков стали быстро расходиться к двум разным полюсам жизнеустройства: крестьянство становилось все более «общинным», а помещики — все более капиталистами. Крестьяне строили «хозяйство ради жизни» с ориентацией на самообеспечение, а помещики — «хозяйство ради прибыли».

Укреплению общины способствовала и политика государства (установление круговой поруки для сбора налогов, податей и выкупных платежей), и необходимость самоорганизации для противостояния помещикам, и начавшиеся при внедрении капитализма и вывозе хлеба голодные кризисы. Именно после голода 1891 г. общины вернулись к переделам земли и ввели самый уравнительный принцип землепользования — по едокам. Приоритетным критерием в общине было обеспечение физического выживания людей (сейчас появилось много исследований, посвященных «этике выживания» как особому мировоззрению). Напряженность между двумя этими полюсами приобретала не только экономический, но и мировоззренческий характер, имеющий даже религиозные корни. Историки приводят показательные сравнения России и Пруссии: немецкие

крестьяне, в отличие от русских, не испытывали к своему помещику-юнкеру острой неприязни, его страсть к наживе была оправдана общей для них протестантской этикой.

Столыпинская реформа лишь усугубила взаимную ненависть частных собственников земли и крестьянской массы. 24 января 1909 г., во время беседы с французским ученым П.Боером, который взял интервью у виднейших российских политиков (Столыпина, Витте и др.), С.А.Муромцев посчитал именно этот рост взаимной глухой ненависти главной опасностью для России. И эта опасность, по его мнению, лишь усугублялась внешней политической апатией и отсутствием видимых общественно-политических движений, задавленных полицейскими репрессиями.

Отмечу здесь кратко, что вообще сведение социальных отношений на селе к экономическим — глубокая ошибка. Эту ошибку в начале века в равной степени совершали и марксисты, и либералы, и консерваторы. В 1900 г. урожайность на земле помещиков была на 12—18% выше, чем у крестьян. Это не такая уж большая разница, но в целом, за счет всех факторов, экономическая эффективность хозяйства поместий была, по расчетам министра земледелия в 1894—1905 гг. А.С.Ермолова, на 30—40% выше, чем у крестьян. Впрочем, как показал А.В.Чаянов, сам этот показатель («экономическая эффективность») применять к крестьянскому хозяйству можно лишь условно, ибо по своей природе и внутренней структуре он адекватен именно и только капиталистическому хозяйству.

Для нас здесь важнее, что, работая батраком у помещика, крестьянин с десятины обрабатываемой им земли получал, по данным А.С.Ермолова, 17 руб. заработка, в то время как десятина своей надельной земли давала ему 3 руб. 92 коп. чистого дохода. Вероятно, министр завысил заработки батрака, но что они были значительно выше чистого дохода от крестьянского труда, верно (на этом факте строил свои выводы и Ленин до 1905 г.). Тем не менее крестьяне упорно боролись за землю и против помещиков.

Все теоретики начала века, кроме ученых народнического толка, видели причину этого в косности архаического мышления крестьян — примерно как и нынешние либеральные экономисты. Как верно заметили недавно экономисты-правоведы С.Ковалев и Ю.Латов, «ожесточенная борьба крестьян за снижение своего жизненного уровня должна представляться экономисту затяжным приступом коллективного помешательства».

Консервативный экономист-аграрник А.Салтыков даже издал в 1906 г. книгу «Голодная смерть под формой дополнительного надела. К критике аграрного вопроса», где доказывал невыгодность для крестьян требовать у помещиков землю вместо того, чтобы наниматься в батраки.

На деле батрак и хозяин крестьянского двора — не просто разные статусы, а фигуры разных мироустройств. И все теории, исходящие из модели «человека экономического», к крестьянину просто неприменимы и его поведения не объясняют. Вот важный факт: во время всеобщей июльской аграрной забастовки 1905 г. в Латвии большинство забастовщиков были батраками. Они были гораздо сильнее, чем в центральной России, «овеваны духом капитализма», однако во время забастовки вели себя не как батраки, а как крестьяне. Они требовали не увеличения зарплаты, а продажи им или сдачи в аренду участков помещичьей земли. Иными словами, требовали дать им возможность восстановить статус крестьянина. А.Н.Энгельгардт, поминая «дикого помещика» Салтыкова-Щедрина, писал: «Дикий барин» думал было без мужика обойтись, да и обстыдился. Нужен мужик, а мужик-то сам хочет быть хозяином, а кнехтом быть не хочет. Это не то, что интеллигент, который в какие угодно кнехты готов итти, лишь бы только иметь обеспеченное положение» (Письмо одиннадцатое, 1881).

Далее он развивает эту мысль: «Не из либерализма утверждаю, что единственное средство для поднятия нашего хозяйства — это увеличение крестьянских наделов, вообще переход земли в руки земледельцев. Не как «либерал», как *хозяин* говорю я, что у нас до тех пор не будет никакого хозяйственного порядка, что богатства наши будут лежать втуне, пока земли не будут принадлежать тем, кто их работает... В начале было сделано много попыток завести батрацкое хозяйство с машинами и агрономиями, но все эти попытки не привели к желаемому результату. Чисто батрацких хозяйств у нас нет. «Grande culture» с работающими в хозяйстве вольнонаемными батраками оказалась невозможна, потому что она требует безземельного *кнехта*, такого кнехта, который *продавал бы хозяину свою душу*, а такого кнехта не оказалось, ибо *каждый мужик сам хозяин*».

Главная проблема в отношениях между крестьянством и помещиками сводилась к *земле*. От крепостной зависимости крестьян освободили почти без земли, за нее крестьяне должны были платить выкуп. Эти платежи были отменены в 1905 г. благодаря революции. Землю крестьяне всегда считали своей, об-

щинной (во время крепостного права крестьяне говорили барам: «Мы ваши, а земля наша»). Захват земли помещиками крестьяне никогда не признавали законным и в этом вопросе на компромисс не шли. Есть сведения, что даже самые консервативные помещики в начале века согласились бы отдать крестьянам половину своих земель, чтобы спокойно владеть второй половиной. Однако требование крестьян было однозначным: *национализация земли*.

Это была мысль давно и глубоко осознанная. А.Н.Энгельгардт писал: «По понятиям мужика земля — царская, конечно, не в том смысле, что она составляет личную царскую собственность, а в том, что царь есть распорядитель всей земли, главный земляной хозяин. На то он и царь. Если мужик говорит, что царю невыгодно, когда земля пустует, что его царская польза требует, чтобы земля возделывалась, то тут дело вовсе не в личной пользе царя — царю ничего не нужно, у него все есть, а в пользе общественной. Общественная польза требует, чтобы земли не пустовали, хозяйственно обрабатывались, производили хлеб. Общественная польза и справедливость требуют равнять землю, производить переделы. Мужик широко смотрит на дело, а вовсе не так, как сообщают разные корреспонденты: отнимут землю у господ и отдадут крестьянам. Нет, это не так. Царь об общественной пользе думает».

Здесь важно подчеркнуть, что крестьяне вовсе не требовали и не желали экспроприации земли у помещиков, они понимали национализацию как средство справедливо разделить землю согласно трудовому принципу — чтобы и помещикам оставить, но столько, сколько он может возделать своим трудом. А.Н.Энгельгардт писал: «Газетные корреспонденты ошибочно передавали, что в народе ходят слухи, будто с предстоящей ревизией земли от помещиков отберут и передадут крестьянам. Толковали не о том, что у одних отберут и отдадут другим, а о том, что будут равнять землю. И заметьте, что во всех этих толках дело шло *только о земле* и никогда не говорилось о равнении капиталов или другого какого имущества...

Именно толковали о том, что будут равнять землю и каждому отрежут столько, сколько кто может обработать. Никто не будет обойден. Царь никого не выкинет и каждому даст соответствующую долю в общей земле. По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было *равно*, потому что всех

он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя — всех *равнять*...

Крестьяне, купившие землю в собственность или, как они говорят, в вечность, точно так же толковали об этом, как и все другие крестьяне, и нисколько не сомневались, что эти «законным порядком за ними укрепленные земли» могут быть у «законных владельцев» взяты и отданы другим. Да и как же мужик может в этом сомневаться, когда, по его понятиям, вся земля принадлежит царю и царь властен, если ему известное распределение земли невыгодно, распределить иначе, *поравнять*. И как стать на точку закона права собственности, когда население не имеет понятия о праве собственности на землю?».

На деле и крестьяне, и помещики подспудно сознавали, что вопрос о земле не сводится к выгоде, тем более понимаемой узко, в терминах экономики. Следуя линии народников, экономист-аграрник П.Вихляев обосновал присущее России «право на землю», которое, по его мнению, должно было быть положено в основу русской государственности после революции 1905 г. (из его трудов исходили в своих программах эсеры). В книге «Право на землю» (1906) он писал: «Частной собственности на землю не должно существовать, земля должна перейти в общую собственность всего народа — вот основное требование русского трудового крестьянства».

Здесь был корень конфликта, ибо европейски образованные дворяне и политики исходили из западных представлений о частной собственности. Понятно, что требования крестьян выглядели в их глазах преступными и отвратительными посягательствами на чужую собственность. А.Салтыков писал: «Само понятие права состоит в непримиримом противоречии с мыслью о принудительном отчуждении. Это отчуждение есть прямое и решительное отрицание права собственности, того права, на котором стоит вся современная жизнь и вся мировая культура».

Этот конфликт не находил рационального разрешения через общественный компромисс во многом потому, что две части общества существовали в разных системах права и не понимали друг друга, считая право другой стороны «бесправием». Такое «двоеправие» было важной своеобразной чертой России, до сих пор не изжитой. Как говорят юристы, на Западе издавна сложилась двойственная структура «право — бесправие», в ее рамках мыслил и культурный слой России начала XX века. Но рядом с этим в России жила более сложная система: «официаль-

ное право — обычное право — бесправие». Обычное право для «западника» кажется или бесправием, или полной нелепицей (это видно и по нашим нынешним «демократам»).

Видимо, сотни молодых правоведов, которые, по словам Т.Шанина, разъезжались по России изучать общинное право, все же не смогли донести до правящих классов и до политиков традиционные крестьянские понятия о праве. Это пытались сделать народники, говоря о сохранении в среде крестьянства основ старого обычного права — *трудового*. Оно было давно изжито на Западе и не отражалось в его правовых системах.

Право на землю в сознании крестьян было тесно связано с *правом на труд*. В книге «Русская община» (1906) народник К. Качаровский пишет: «Право труда говорит, что владельцы-капиталисты не обрабатывают сами земли, а потому не имеют прав ни на нее, ни на ее продукт, а имеют право те, кто ее обрабатывает. Право на труд заявляет, что капиталистическая земельная собственность нарушает равномерность распределения между людьми основного, необходимого для их жизни блага и требует уравнительного его распределения сообразно равному праву всех людей».

Представления о праве на труд и на землю имели под собой религиозные корни и опирались на православную антропологию — понимание сущности человека и его прав. Сама Православная церковь, которая принципиально избегала вмешательства в социальную политику, официально своей доктрины права собственности не излагала. Для католической церкви, активно участвующей в делах земных, отношение к частной собственности оказалось одной из наиболее «неудобных» проблем.

В конце XIX века папа Лев XIII выступил с энцикликой *Rerum novarum*. К ее столетию Иоанн Павел II, еще более активный политик и идеолог, издал энциклику *Centesimus Annus*. В ней он, в частности, говорит: «Церковь учит, что собственность не является абсолютным правом, поскольку в ее природе как человеческого права содержится ее собственное ограничение... Частная собственность, по самой своей природе, обладает и социальным характером, основу которого составляет общее предназначение вещей».

Особенно это касается собственности на землю: «Бог дал землю всему человеческому роду, чтобы она кормила всех своих обитателей, не исключая никого из них и не давая никому из них привилегий. Здесь первый корень всеобщего предназначения земных вещей».

Совершенно очевидно, что это противоречит реальному положению дел — частная собственность на землю дает привилегии собственникам и исключает из числа питающихся очень многих. Сейчас, пытаясь собрать под свое крыло ту паству, которая разбредается после поражения коммунизма, Ватикан осваивает совсем уж социалистический язык. В энциклике 1987 г. *Sollicitudo Rei Socialis* папа камня на камне не оставляет от представления о частной собственности как естественном праве: «Необходимо еще раз напомнить этот необычный принцип христианской доктрины: вещи этого мира изначально предназначены для всех. Право на частную собственность имеет силу и необходимо, но оно не аннулирует значения этого принципа. Действительно, над частной собственностью довлеет социальный долг, то есть она несет в себе, как свое внутреннее свойство, социальную функцию, основанную как раз на принципе всеобщего предназначения имеющегося добра».

Понятно, что если мы слышим такое от главы западной церкви в конце XX века, на пике неолиберальной волны, то в среде православных крестьян России в начале века идея «всеобщего предназначения имеющегося добра» казалась самоочевидной и ее противники выглядели просто злонамеренными людьми. Хотя Православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример — перевод архиепископом Василием (Кривошеиным) поучений преподобного Симеона Нового Богослова (949—1022)*.

Вот что говорит пр. Симеон в Девятом «Огласительном слове»: «Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою

*Впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38—39. Терминология перевода кажется слишком осовремененной (например, «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти, кажущиеся современными нам, термины являются наиболее адекватными.

всем в общее пользование. Она окружила все оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было».

В другом месте Девятого «Слова» осуждение частной собственности носит еще более резкий характер: «Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать».

Отрицание помещичьей собственности на землю приобретало не только политический, но и религиозный характер и направляло Россию в русло антибуржуазной революции. Вот опубликованная в то время запись одного разговора, который состоялся весной 1906 г. в вагоне поезда. Попутчики спросили крестьянина, надо ли бунтовать. Он ответил: «Бунтовать? Почто бунтовать-то? Мы не согласны бунтовать, этого мы не одобряем... Бунт? Ни к чему он. Наше дело правое, чего нам бунтовать? Мы землю и волю желаем... Нам землю отдай да убери господ подале, чтобы утеснения не было. Нам надо простору, чтобы наша власть была, а не господам. А бунтовать мы не согласны».

Один из собеседников засмеялся: «Землю отдай, власть отдай, а бунтовать они не согласны... Чудак! Кто же вам отдаст, ежели вы только желать будете да просить... Чудаки!». На это крестьянин ответил, что за правое дело народ «грудью восстанет, жизни своей не жалеючи», потому что, если разобраться по совести, это будет «святое народное дело».

Многие из дворян, жившие в поместьях, в действительности понимали умонастроения крестьян и считались с их «мужицким правом». С этим связывают факт существования большого числа помещиков, которые сами вели хозяйство — неумело, себе в убыток. А.Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» пи-

шет: «Я положительно недоумеваю, для чего существуют эти хозяйства: мужикам — затеснение, себе — никакой пользы. Не лучше ли бы прекратить всякое хозяйство и отдать землю крестьянам за необходимую для них плату? Единственное объяснение, которое можно дать, — то, что владельцы ведут хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имение».

Иными словами, именно труд помещика на его земле сразу давал ему в глазах крестьян право на эту землю — против него не было потрав, захватов, поджогов. Много пишет в своих дневниках об отношениях крестьян с такими «работающими» помещиками один из них, М.М.Пришвин. Работая на своей земле, он не имел с крестьянами никаких столкновений даже летом 1917 г.

Думаю, надо считать несчастьем России тот факт, что главные политические и философско-политические течения начала века, оттеснившие на обочину народников, следовали евроцентристским представлениям о человеке, собственности, хозяйстве. Не понимая мировоззрения крестьян, они невольно углубили общественный раскол, придали ему характер поистине религиозного конфликта.

Удивительно точным оказалось предвидение М.Вебера, который внимательно следил за ходом революции 1905—1907 гг. Он писал в 1906 г.: «О разложении «народнической» романтики позаботится дальнейшее развитие капитализма. Без сомнения, ее место займет, по большей части, марксизм. Но для работы над огромной основополагающей аграрной проблемой его духовных средств совершенно недостаточно, и именно она может вновь свести между собой оба эти слоя интеллигенции».

Так и получилось: верх взяли большевики, преодолевшие узость марксистского взгляда на крестьянство, пришедшие к идее союза рабочих и крестьян и принявшие аграрную программу наследников народничества, эсеров (а затем, при переходе к нэпу, и концепцию неонародника А.В.Чаянова).

Армия. В 1917 г. в особый и исключительно важный социальный организм превратилась российская армия. Ее главные черты и роль в революции не вполне укладываются в обычные классовые представления. Эти черты и качества не являются и постоянными, они проявились именно в специфических исторических обстоятельствах 1917 г.

Очень важен был тот факт, что очень большая часть солдат

из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905—1907 гг. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верно-подданнических монархических иллюзий.

Та революция вообще оказала очень большое влияние на русскую армию как организм. Армия, состоявшая главным образом из крестьян, пока что молчаливо наблюдала конфликт с крестьянством, проложивший пропасть между государством и главным сословием страны. Член ЦК партии кадетов В.И.Вернадский писал в июне 1906 г.: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство».

Большая мировая война вынудила мобилизовать огромную армию, которая, как выразился Ленин, «вобрала в себя весь цвет народных сил». Впервые в России была собрана армия такого размера и такого типа. В начале 1917 г. в армии и на флоте состояли 11 млн. человек — это были мужчины в расцвете сил. Классовый состав был примерно таков: 60—66% — крестьяне, 16—20% — пролетарии (из них 3,5—6% фабрично-заводских рабочих), около 15% — из средних городских слоев. Армия стала небывалым для России форумом социального общения, тем более — не поддающегося политической цензуре. В тесное общение армия ввела и представителей многих национальностей (костяк армии составляли 5,8 млн. русских и 2,4 млн. украинцев).

Долгая и тяжелая война соединила всю эту огромную массу людей в сплоченную организацию, причем организацию коммунистического типа. А.А.Богданов, изучая впоследствии само явление *военного коммунизма*, большое внимание уделил влиянию этого уравнительного уклада воинской общины, какой является армия, на ход русской революции. Это влияние было большим и, например, в германской армии, но в России оно к тому же наложилось на общинный крестьянский коммунизм основной массы военнослужащих.

Именно солдаты после Февральской революции стали главной социальной силой, породившей *Советы*. Вот данные мандатной комиссии I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.). Делегаты его представляли 20,3 млн. человек, образовавших Советы, — 5,1 млн. рабочих, 4,24 млн. крестьян и 8,15 млн. сол-

дат. Солдаты составляли и очень большую часть политических активистов — в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

Надо также помнить, что в армии возникли влиятельные национальные и профессиональные организации, так что солдаты получали большой политический опыт сразу в организациях разного типа, в горячих дискуссиях по всем главным вопросам, которые стояли перед Россией.

Урок кадетов. Единственной большой либерально-демократической партией в России были кадеты — конституционно-демократическая партия. Они были носителями «европеизированного» сознания и мечтали о преобразовании России парламентским путем по западному образцу. Поэтому именно восприятие обществом их программы и политическая эволюция кадетов в ходе русской революции нагляднее всего показывают, почему же не привился у нас буржуазно-либеральный проект. Почему кадеты, собрав у себя цвет интеллигенции, имея большую финансовую поддержку, придя под общее ликование к власти в Феврале 1917 г., оказались оттерты на обочину Советами. Тут — прямое объяснение нашей судьбы до конца XX века.

Л. В. Успенский в «Записках старого петербуржца» (1970) оставил такое личностное описание кадетов 1917 г.: «...Дима Мейснер был у нас в ОСУЗе представителем учащихся Петроградской стороны. С самых первых дней революции он вошел в нашу среду, обладая уже тем, чем мы в большинстве своем не обладали — совершенно точной политической позицией. Он сразу же заявил себя и все время с большой уверенностью продолжал думать, говорить, поступать как хорошо определивший свои взгляды юный кадет. В эти дни, собственно, уже нельзя было называть кадетов «кадетами»: «ка-дэ» значило ведь «конституционный демократ». С момента Революции смысл этих слов утратился; «конституционность» предполагала наличие монархии: какая же может быть «неконституционная республика»? Но — то ли по языковой инерции, то ли в силу смутных надежд на Учредительное собрание, которое авось да вернет в Россию монархический, на английский манер, строй, — и они сами, и окружающие продолжали именовать этих «конституционалистов» по-старому. Кадетом не без гордости считал и звал себя и Дима Мейснер.

Он был кадетом не только по настроению и верованиям. Он, как мне теперь представляется, был лично связан с Павлом Милюковым, являлся при нем чем-то вроде «адъютанта по молодежным делам». Когда я восстанавливаю сейчас в памяти его образ, он рисуется мне стопроцентным милюковцем, одним из тех кадетских деятелей — правда, в те времена только «in spe», в зародыше, — у которых и во внешности, и в жестах, и в «способе держать себя с окружающими» все было пропитано «кадетизмом». Что такое был истинный кадет? Прежде всего, все они были до мозга костей интеллигентами, даже интеллектуалами: полуполитическими деятелями, полупрофессорами. Настоящий кадет выглядел, да и в глубине своей был, человеком хорошо образованным, человеком с хорошими теоретическими познаниями по части истории страны, Европы, мира... Среди них были англофилы, подобные В. Д. Набокову, и галломаны, подобные, пожалуй, Ф. И. Родичеву... Все они были несомненными западниками. Всюду — и на кафедрах университетов, и на думской трибуне — они стремились быть прежде всего «джентльменами». Одни из них как бы подсознательно ориентировались на Кондорсе или на Тьера, другие — на английских вигов — на Питта, на Гладстона... Но при этом все они, начиная со своего идейного вождя и учителя Милюкова, оставались, если вспомнить меткое слово Александра Иванова, художника, обращенное к позднему Гоголю, «прекрасными теоретическими человеками»... Они превосходно разбирались в политике Древнего Рима, в эпохе Кромвеля, во всем, что рассказывали о прошлом их современники — историк Сеньобос или наши профессора-сеньобосы Виноградов и Платонов. Они были до предела «подкованными» во всем, что касалось прошлого — далекого и близкого. Но у них не было ни малейшего представления о реальных закономерностях современной жизни...».

С точки зрения нынешних «умных» мыслителей, кадеты были идеальной партией. Их неудачу нельзя списать на авантюризм, недомыслие или вульгарные «ошибки». Они были приверженцами самой благородной демократии и рыночной экономики, не запятнали себя ни терроризмом, ни крутыми революционными мерами. Кадеты были интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Склонные к рефлексии, кадеты оставили множество ярких выступлений, которые в совокупности служат для нас важным свидетельством эпохи.

Немного об их истории. Становление партии началось с из-

дания с июля 1902 г. в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение», редактором которого был известный философ, «легальный марксист» Б.П.Струве. В 1903 г. возникли две организации — «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». Они и образовали партию на съезде в октябре 1905 г. в Москве, на волне революции. Кадеты считали себя партией «внеклассовой» и отвергали идею *социальной* революции, хотя и признавали возможность, в крайнем случае, революции *политической*. На втором съезде, в январе 1906 г., к названию партии было прибавлено: *Партия народной свободы**.

К весне 1906 г. по всей России возникло более 360 комитетов разного уровня партии кадетов, в ней насчитывалось около 70 тыс. членов. Они создали обширную прессу — до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных — кадеты распространяли бесплатные брошюры, расклеивали плакаты, снимали для избирательных собраний хорошие помещения, куда стекалось по несколько тысяч человек.

Кадеты получили большую поддержку со стороны еврейской буржуазии, которая приняла активное участие в революционном процессе в России. Сама «Краткая еврейская энциклопедия» приводит такие слова С.Ю.Витте: «Почти все еврейские интеллигенты, кончившие высшие учебные заведения, пристали к партии «Народной свободы», которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в значительной степени обязана своим влиянием еврейству, которое питало ее как своим интеллектуальным трудом, так и материальным». Самое активное участие принимали кадеты в деятельности масонства.

Кадеты были инициаторами создания в мае 1905 г. Союза Союзов — объединения профсоюзов служащих из «среднего класса». Но эта организация отказалась идти в русле либерального движения. П.Милюков, которого уже в июле сместили с поста ее председателя, сравнивал кадетов с курицей, которая высидела утят. Он жаловался в воспоминаниях: «Я не предвидел, что очень скоро мне самому придется отойти от Союза Со-

*12 июня 1906 г. была учреждена другая либеральная партия — Прогрессивная партия мирного обновления. В ее фракцию в Думе входили 25—29 депутатов и до 40 «сочувствующих». (См. Шелохаев В. В. Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов. — ПОЛИС, 1993, № 4.)

юзов, когда он послушно пойдет за ленинской линией» (Шанин, с. 133).

В ходе революции 1905 г. даже правые кадеты не выступали против революции как принципа, они лишь призывали «не делать из революции кумира». В их среде было ясно понимание того, что они как политическая сила созданы демократическим движением масс и, по словам Ленина, рассчитывают «на массы, как на *пьедестал* своих успехов, своего господства». Лидер кадетов П.Н.Милюков напоминал, что 17 октября 1905 г. (издание царского Манифеста о первой либеральной реформе) «наступило не одними усилиями партии народной свободы, — а усилиями, гораздо более решительными, партий, стоящих левее».

Вне союза с «красными» кадеты не только не имели бы связи с массами, но и не представляли бы никакого серьезного партнера для власти. Говоря о роли кадетов в революции 1905—1907 гг., Милюков с горечью обращался к противникам справа в Думе: «Мы оказались слабыми не потому, что вы были против нас. Вы пришли позднее, тогда вы сидели по домам. Мы оказались одни потому, что отошла от нас та самая левая сторона, в руководительстве которой вы нас обвиняете. Нас звали в министерства тогда, когда считали, что мы — сила и опираемся на такую же красную силу, на какую опираются теперь с правой стороны, — на черную силу. Вот почему нас уважали, пока нас считали революционерами. Но когда оказалось, что мы только строго конституционная партия, тогда надобность в нас прошла».

С.Ю.Витте считал, что либеральная позиция кадетов изначально была обречена на неудачу, что им надо было сдвинуться вправо. Он писал: «Если бы кадеты были со мной, они не оказались бы там, где находятся сейчас... Нужно было удержать то, что давали; нужно было стать октябристами». Но и сдвиг вправо, по мнению Витте, вряд ли бы помог, потому что кадеты вызывали недоверие, ибо после разгрома революции «стали монархистами в силу обстоятельств, а не по убеждению».

Связь кадетов с демократическим движением во время революции была, если можно так выразиться, идеальной, в ней не было социального субстрата. Кадеты в своих либерально-буржуазных устремлениях оказывались между входящими в конфликт классами и сословиями, не вбирая в себя силу никакого класса. Во время столыпинской реформы кадеты постепенно утрачивали свою позицию и искали компромисса с правитель-

ством, удаляясь, таким образом, от крестьянства. На заседании ЦК 31 января 1907 г. А.С.Изгоев так определил стратегию кадетов: «Необходим компромисс. Мы будем соглашаться с теми группами, которые признают оппортунизм. Если левые против этого, мы будем заключать союзы с правыми».

Ленин отзывался о кадетях резко — «кадеты — могильные черви революции». Но если отвлечься от обидной фразеологии, а взять лишь смысл его характеристики, то она, в общем, совпадает с самооценкой кадетов. Он писал: «Партия кадетов — эфемерная, безжизненная партия... Кадеты не партия, а симптом. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравнивающих друг друга борющихся сил. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа. Эта партия не хочет и не может сколько-нибудь прочно властвовать в буржуазном обществе вообще, не хочет и не может вести по какому-нибудь определенному пути буржуазно-демократическую революцию. Кадеты не хотят властвовать, предпочитая «состоять» при монархии и верхней палате... Кадеты — партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, «идеальном» буржуазном обществе».

Когда кадеты после поражения революции стали быстро сдвигаться вправо, он так писал о них: «Вы зовете себя партией народной свободы? Подите вы! Вы — партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет народной свободы... Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию».

В I Государственную думу от кадетов прошло 179 депутатов, член ЦК их партии С.А.Муромцев стал председателем Госдумы, все его заместители и председатели 22 комиссий также были каде́тами. Дума была разогнана через 72 дня ее работы, 8 июля 1906 г. Половина депутатов собралась в Выборге и приняла знаменитое Выборгское воззвание (причем предложений левых — социал-демократов и трудовиков — кадеты не приняли, что отдалило их и от рабочих, и от крестьян).

Стоит нам это воззвание сегодня прочитать:

НАРОДУ ОТ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Граждане всей России!

Указом 8 июля Государственная дума распущена. Когда вы избрали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составили законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые безнаказанно нарушали законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым. А когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через 7 месяцев. Целых 7 месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнениями и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых 7 месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодную Думу, а если ему удастся совсем задушить народное движение, оно не соберет никакой Думы. Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиваться этого.

Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе ему не давать ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной и неизбежной борьбе ваши выборные будут с вами.

В сентябре 1906 г. кадеты отказались от требований Выборгского воззвания и пошли на выборы во II Государственную думу под очень умеренными лозунгами. Они получили 98 депутатских мандатов, но председателем Госдумы опять был выбран член ЦК кадетов (Ф.А.Головин). В III Думу кадеты провели только 54 депутата, а в следующую — 59. Во время войны кадеты поначалу отказались от оппозиционной борьбы ради единства правительства и общества. Но уже летом 1915 г. по их инициативе был создан оппозиционный Прогрессивный блок, фактическим руководителем которого стал Милюков. В этот блок вошли 236 из 422 депутатов.

Теперь кадеты выступали под патриотическими, но радикально антиправительственными лозунгами. 1 ноября в Думе Милюков произнес свою знаменитую речь с обвинениями в адрес правительства и двора (он ставил риторический вопрос: «Что это — глупость или измена?»)*. Цензура запретила эту речь публиковать, но кадеты ее издали миллионными тиражами и распространяли не только в тылу, но и в действующей армии. Она способствовала дестабилизации обстановки.

После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и фактически вырабатывали его программу. Милюков стал министром иностранных дел. Находясь во власти, они быстро сдвигались вправо, отходя даже от своих программных принципов. Так, будучи демократами и считая насилие принципиально неприемлемым средством, они летом 1917 г. сделали ставку на военную диктатуру и участвовали в организации попытки военного переворота Л.Г.Корнилова. Это означало конец либерально-демократического проекта в России начала XX века. М.И.Пришвин писал в дневнике в то время: «Никого не ругают в провинции больше кадетов, будто хуже нет ничего на свете кадета. Быть кадетом в провинции — это почти что быть евреем». В Учредительном собрании кадеты получили всего 17 мест из 707. После провала корниловского путча кадетов удалили из Временного правительства, и это резко ослабило и те партии, которые находились в коалиции с кадетами (прежде всего меньшевиков). После Октября

*Основание для этого демагогического афоризма дал Милюкову военный министр Д.С.Шуваев, который во время приступа шпиономании оправдывался: «Я, может быть, дурак, но не изменник».

кадеты попытались бороться с Советской властью, но были объявлены «вне закона».

Когда нынешние идеологи ассоциируют русскую революцию исключительно с большевиками, они идут на самый заурядный подлог — революцию на «последней прямой», уже в XX веке, готовили прежде всего эсеры и анархисты, но и кадеты немало для нее сделали. А катастрофическим сломом всего старого жизнеустройства была именно Февральская революция, в которой большевики не принимали никакого участия. Поэтому антикоммунисты сегодня вынуждены манипулировать историей: не могут же они открыто стать на сторону эсеров и анархистов, более разрушительных, чем большевики, революционных течений. Назвать себя сторонниками кадетов? Но те оказались совершенно несостоятельны и были отвергнуты практически всем обществом.

Так обращаясь с историей, нынешние идеологи издеваются над трагедией кадетов — важного течения в русской политической истории, немногочисленной когорты честных либералов. А ведь их неудача очень важна для понимания России. Над ней размышлял М.Вебер, внимательно изучая нашу революцию 1905 г. Он писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня.

Идея конституционализма изложена уже в первых программных документах Союза освобождения. В декларации его конференции сказано: «Считая политическую свободу даже в самых ее минимальных пределах совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима». Кадеты разрабатывали два проекта конституции — «проект Струве» и «проект Муромцева», которые обсуждались с виднейшими западными правоведом, включая М.Вебера. Более умеренный, напоминающий германскую конституционную систему проект Муромцева был «в принципе» принят земским съездом в июле 1905 г. и опубликован в газете «Русские ведомости» вместе с проектом избирательного закона.

Кратко отмечу одну сторону конституционализма кадетов, которая выяснилась сразу после обнародования их программы, — его несовместимость со сложившимся в России типом сосуществования народов. Беря за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы заведомо принимали перспективу разрушения России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, в случае их успеха (как это и случилось в Феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на катастрофу, за которой должен был последовать неминуемый откат, реставрация, уничтожающая тогдашних носителей западнического либерализма.

Это предвидел П.А.Столыпин, который в 1908 г. предупреждал либералов: «Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

Но главное — социальная программа кадетов. Ядром ее была аграрная программа. Вокруг нее в партии шли острые дебаты (о них оставил воспоминания В.И.Вернадский). По аграрному вопросу в среде кадетов шло размежевание на «правых» и «левых». В начале 1906 г. на 2-м съезде партии была образована Аграрная комиссия, в состав которой вошел и Вернадский (в «левую» группу). И в этой комиссии, и став в июне 1917 г. председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия, Вернадский отстаивал как первый принцип аграрной политики *идею социальной справедливости* — «как она претворилась в народное сознание или создана вековой народной идеологией»*. Однако левые кадеты, разумеется, не определяли общую линию партии.

В I Думе кадеты предлагали отчуждение и продажу крестьянам сравнительно небольшой части помещичьих земель — тех, которые обрабатывались без привлечения наемного труда и

*Вернадский В. И. Из размышлений по аграрному вопросу в России. — Вопросы истории естествознания и техники, 1989, № 1.

имели урожайность ниже, чем у окрестных крестьян. Целью было постепенное создание слоя фермеров*. Именно трагическая несовместимость этой программы с чаяниями и культурой российского общества стала объектом важного исследования М.Вебера и много дала ему для понимания современного капитализма и традиционного общества. Кадеты как носители идеалов современного либерального капитализма вошли в неразрешимое противоречие с традиционным обществом России — и по ходу событий все отчетливее это сознавали. Но уже не могли вырваться из своего «коридора». Изложу здесь эти рассуждения Вебера, как их представили два видных исследователя его трудов — историк-эмигрант А.Кустарев и философ Ю.Н.Давыдов**.

Кстати, А.Кустарев делает важное замечание: «русские штудии» Вебера не были приняты во внимание западными исследователями русской истории XX века. Во многом этим и было обусловлено их крайнее и даже поразительное непонимание того, что происходило в России и СССР (например, то непонимание, которое проявило обществоведение фашистской Германии). Я бы только добавил, что и советское обществоведение недалеко ушло от западного.

Главное противоречие программы кадетов заключалось в том, что они стремились ослабить или устранить тот барьер, который ставило на пути развития либерального капиталистического общества самодержавие с его сословным бюрократическим государством. Но Вебер видел, что при этом через прорванную кадетами плотину хлынет мощный антибуржуазный революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, которой требовали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод Вебера. Таким образом, реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

*Во II Думе кадеты, не изменяя целей своей программы, выдвинули «проект 42-х», согласно которому отчуждаемые у помещиков земли поступали в государственный фонд и отдавались крестьянам не в собственность, а в пользование. То есть они предлагали частичную национализацию земли.

**Кустарев А. Начало русской революции: версия Макса Вебера. — Вопросы философии, 1990. № 8. Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и Россия. — СОЦИС, 1992, № 3.

Из этого, кстати, видно, какова была глубина той исторической ловушки, в которую попала Россия, становясь периферийной страной капитализма. Самодержавие при всем желании не могло ослабить барьер против либеральной модернизации, поскольку при этом был слишком велик риск, что из-под контроля выйдут уже гораздо более мощные силы «архаического коммунизма». Перед разгоном I Государственной думы лидер октябристов А.И.Гучков писал о двух вариантах — смене правого правительства или роспуске Думы: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае — диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?».

Наличием этих порочных кругов Вебер объясняет, в частности, маниакальную вражду самодержавия к земству как конкурирующему институту управления — а значит, к значительной части дворянства и интеллигенции. Самодержавие в попытках остановить революцию вынуждено подавлять своих естественных союзников. Дав урезанную, выхолощенную конституцию (Манифест 17 октября 1905 г.), самодержавие стало ее заложником и потеряло свою силу, не приобретя ничего взамен. Отныне оно могло только ухудшать ситуацию, но не имело возможности ее улучшить*. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар», — писал Вебер.

Кадеты считали, что политическая реформа позволит провести и главную социальную реформу — аграрную. И как будто политические требования кадетов совпадали с крестьянскими — и те, и другие поддерживали идею всеобщего избирательного права. Но Вебер считает, что эти взгляды кадетов ошибочны, потому что крестьяне исходят из совсем иного основания: в их глазах всякие ограничения избирательного права противостоят традиции русской общины, в которой каждый землепользователь имел право голоса. Но, как пишет Вебер, «ни из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы

*Вебер высказывает, но здесь не развивает важную мысль: при этом самодержавие стало более деструктивной политической силой, чем тогда, когда оно располагало неограниченной властью. Оно стало «мстить обществу».

в западноевропейском духе. Гораздо больше шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины»*.

Ю.Н.Давыдов пишет: «Анализ сознания и практических устремлений всех общественно-политических сил, так или иначе вовлеченных в революционные события 1905—1907 гг., — интеллигенции, инициировавшей революцию и игравшей в ней наиболее активную роль, крестьянства, тонкого слоя собственно «буржуазии», малочисленного рабочего класса и аморфной городской «мелкой буржуазии», — привел Вебера к заключению, что «массы», которым всеобщее избирательное право «всучило» бы власть, не будут действовать в духе либеральной буржуазно-демократической программы...

Более того, согласно веберовскому убеждению, есть все основания полагать, что «массам» будут импонировать требования, в основе которых лежат интересы, диаметрально противоположные главной идее конституционных демократов, «по поводу» которой, собственно, и образовалась эта партия, — идее «прав человека»...».

Таким образом, парадоксальность положения кадетов в России была в том, что хотя они имели успех на выборах и, казалось бы, нашли своего избирателя, это был, по выражению Вебера, «чужой избиратель», а вовсе не реальная социальная база кадетов. Он, по словам Вебера, чужд им культурно и в дальнейшем политическом развитии постарается от них избавиться, с тем чтобы преследовать собственные интересы и идеалы, которые не имеют ничего общего с основными буржуазно-демократическими концепциями субъективной свободы, индивидуальной собственности и индивидуальных прав человека.

И это быстро поняли все в России. В 1911 г., когда Столыпин провел один законопроект в обход основных законов, Марков (лидер правых в Думе) издевался над кадетами: «Вы,

*Признавая, что кадеты являются истинными западниками (из чего и вытекают их ошибочные надежды), Вебер вскользь отмечает, что сам идеал свободы кадетов в глубине своей отличен от либерального западного идеала. У кадетов он вытекает из идеала справедливости, который имеет у них абсолютный приоритет и вдохновлен верой в этически-религиозную оригинальность политической миссии русского народа. Это, по словам Вебера, есть «этически ориентированная демократия», которая отрицает «этику успеха» и не признает ценность чего бы то ни было этически нейтрального. Иными словами, и кадеты в глубине своей исходили из идеала традиционного, а не западного общества.

гг. конституционалисты, вы не должны забывать, что вы опираетесь только на бумажный закон и за вами нет никакой силы». Причем силы не было ни для того, чтобы выступить против реакции справа, ни против революции слева. Е.Трубецкой посвятил этому статью под названием «Над разбитым корытом». Он писал: «Нас губит слабое, зачаточное пока развитие тех средних слоев общества, которые могли бы послужить проводниками правовых идей в жизнь».

Потому-то революционный процесс в России поднял к власти большевиков, испытывая и поочередно отбрасывая всех западников и даже эсеров, которые вошли с ними в коалицию. Е.Трубецкой писал: «В других странах наиболее утопическими справедливо признаются наиболее крайние проекты преобразований общественных и политических. У нас наоборот: чем проект умереннее, тем он утопичнее, неосуществимее. При данных исторических условиях, например, у нас легче, возможнее осуществить «неограниченное народное самодержавие», чем Манифест 17 октября. Уродливый по существу проект «передачи всей земли народу» безо всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т.е. легче осуществим, нежели умеренно-радикальный проект «принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение». Ибо первый имеет за себя реальную силу крестьянских масс, тогда как второй представляет собой беспочвенную мечту отдельных интеллигентских групп, людей свободных профессий да тонкого слоя городской буржуазии».

Уже в 1906 г., когда Вебер опубликовал свои заметки о русской революции, он предвидел, с какими трудностями столкнется реформа Столыпина. Он подчеркивал, что коммунистический радикализм возникает именно там, где экономические условия существования крестьянства лучше всего (в среднем), то есть где понятия «состоятельность» и «бедность» становятся бытовой реальностью, а это происходит там, где повинности крестьян меньше всего. Таким образом, при аграрной реформе возникает дилемма: или социальное расслоение деревни, которое обрекает людей на голод и создает условия для бунта, — или усиление общины. При этом Вебер указывал, что при капиталистической реформе села идеи архаического крестьянского коммунизма будут распространяться в сочетании с идеями современного социализма. Так оно и произошло в ходе становления большевизма. Прогноз Вебера оказался очень точным.

Кадеты сослужили России огромную службу, продумав, прочувствовав и испытав в политической практике важнейший

путь, который маячил перед нами на перекрестке судьбы, — путь устройства либерально-буржуазного государства и хозяйства. Так что большинство народа отвергло этот путь не по незнанию.

Свои заметки о русской революции Макс Вебер завершает взволнованным обращением к немцам: «Давление возрастающего богатства, связанного с привычкой мыслить «реально-политически», препятствует немцам в том, чтобы симпатически воспринять бурно возбужденную и нервную сущность русского радикализма. Однако, со своей стороны, мы не должны все-таки забывать, что самое непреходящее мы дали миру в эпоху, когда сами-то были малокровным, отчужденным от мира народом, и что «сытые» народы не зацветают никаким будущим».

Глава 3

ПУТЬ РОССИИ И СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ 1917 г.

Бесполезно охать: ох, зачем только произошла Февральская революция 1917 г. Сейчас, когда рассеялся туман «истории КПСС», мы знаем, что большевики мало что добавили к ее подготовке. Уж во всяком случае, неизмеримо меньше, чем П.А.Столыпин и сам Николай II. Важно, как пошло дело после Февраля. Вот когда Россия оказалась на распутье и делала свой выбор. И именно это был главный, вплоть до наших 90-х годов, выбор.

С Февраля по Октябрь Россия пережила *единственный в своем роде* опыт. Похоже, его не переживал ни один народ в истории. В стране одновременно и без взаимного насилия возникли два типа государственности — буржуазное Временное правительство и Советы. Они означали два разных пути, разных жизнеустройства. И люди в течение довольно долгого времени могли сравнивать оба типа. Через семь месяцев верх взяли те, кто пошел дорогой Октября и советского строя. По сути, никакой революции в Октябре не было, был просто закреплён факт: Временное правительство иссякло, его власть перетекла к Советам.

Наши патриоты-антисоветчики говорят, что это был фатально ошибочный выбор. Тем самым они утверждают (хотя и молчаливо), что либерально-буржуазный путь в большей мере со-

ответствовал сути России, ее культуры и типа духовности. Иначе их понять никак не возможно. Третьего пути реально не было, даже крестьянский анархизм оформился лишь через столкновение белых и красных.

Для принятия или отрицания оценки, данной нашими нынешними патриотами выбору 1917 г., надо понять, кем и почему тот выбор был сделан. Подойду к проблеме через частность, идя от исторической данности — утраты жизнеспособности самодержавия и революции февраля 1917 г.

Я буду подкреплять мои рассуждения наблюдениями М.М.Пришвина. Он был умный человек и либерал, преданный идеалам Февраля. В своем неприятии грядущей советской революции он доходил до прозрений. Он оставил нам скрупулезное, день за днем, описание тех событий в своих дневниках. Пришвин был чуть ли не единственный писатель, который провел годы революции в деревне, в сердце России, на своем хуторе в Елецком уезде Орловской губернии. И не за письменным столом — сам пахал свои 16 десятин (ему даже запретили иметь работника). Кроме того, он действительно был в гуще всех событий как делегат Временного комитета Государственной думы по Орловской губернии, ежедневно заседал в своем сельском комитете, объезжал уезды и волости. Временами бывал в Петербурге — в министерствах, Думе и Совете.

Сегодня, когда мы почти освободились от официальной мифологии истмата, можно уже серьезно подойти к истории, не тратя слов на преодоление сказок об Октябрьской революции и триумфе марксизма. Восстановление реальной истории — это герменевтика, интерпретация слов и действий. Когда речь идет о конфликтах такого масштаба, нельзя же декларации принимать за чистую монету. Нужна почти археология — раскопка смыслов. Я могу еще понять, когда чистая душа В.Крупин ругает большевиков как «марксистов» — Чапаев тоже не знал, за кого он воюет: «за большевиков али за коммунистов». Но как может все мешать в одну кучу академик от математики? Давайте наконец говорить о смыслах, а не масках.

Для начала отступим на шаг назад и взглянем на Февраль.

Крах Российской империи как кризис легитимности. Февральская революция 1917 г. завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи.

Легитимность — это уверенность подданных в том, что государь имеет право на власть, что установленный в государстве

порядок непреложен как выражение высших ценностей, что он обеспечивает благо и спасение страны и людей. При наличии этой уверенности власть одновременно является *авторитетом* и государство прочно стоит на силе и согласии. Утрата любой из этих опор — начало краха государства.

И обретение легитимности, и ее утрата — процессы, происходящие в общественном сознании. На них влияют и экономика, и социальные и национальные отношения, и успехи или неудачи во внешней политике, но влияют не прямо, а преломляясь в умах и чувствах людей — по-разному в разных классах и группах, в разных субкультурах общества. Для признания государства праведным или несправедливым не так важен абсолютный уровень эксплуатации или потребления, привилегий или репрессий, как его восприятие в общественном сознании. Множество вроде бы умных людей не перестают печатать сводки цен и доходов в царской России и удивляться, почему это рабочие поддержали революцию. Именно это удивление и поражает. Ведь это люди, которые считают себя независимыми от убогого истмата.

Для понимания всего хода крушения государственности Российской империи и становления новых институтов государства мы должны представлять оба реальных мира: объективной действительности и той, которая складывалась в общественном сознании. Ленин, безусловно, был материалистом, но он не был материалистом *наивным*. Он писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». Или, в другом месте: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*, очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды». А наши демократы и патриоты как будто вообще перестали видеть *идеальное*.

В.В.Кожин не раз обращал внимание на ту кажущуюся легкость, с которой происходит крушение государств идеократического типа. А.Грамши разработал этот вопрос на уровне политической философии. А тогда, в феврале, это понимали самые простые люди. Пишет Пришвин: «У развалин сгоревшего Литовского замка лежит оборванный кабель, проволока у конца его расширилась, как паучьи лапы, и мешает идти по тротуару. Со страхом обходят ее прохожие, боятся, как бы не ударило электричество, но ток уже выключен и силы в проводе нет.

— Вот так и власть царская, — говорит мой спутник, старик купец, — оборвалась проволока к народу, и нет силы в царе».

В моменты глубоких кризисов государства, подобных революциям 1917 г. или ликвидации СССР, речь идет не об изолированных конфликтах и противоречиях — политических и социальных, — а об их соединении в одну большую, не объяснимую частными причинами систему *цивилизационного* кризиса. Он охватывает все общество, от него не скрыться никому, он каждого ставит перед «вечными» вопросами. Под сомнение при этом ставится не законность и праведность той или иной структуры государства, а и те исторические события, которые предопределили путь всей цивилизации. Даже если эти события сохранились в виде предания. Мы совсем недавно это видели: в начале 90-х годов одним из доводов в подрыве легитимности советского государства была его генетическая связь с двумя якобы фатальными историческими решениями: решением князя Владимира в X веке принять для Руси христианство от Византии и решением в XIII веке Александра Невского признать власть хана, но дать отпор Ливонскому ордену в его крестовом походе на православных славян.

Кризис в России начала XX века был вызван очередной волной модернизации. В конце XIX века Россия переживала развитие промышленности по образцам западного капитализма. Но это развитие происходило в иных культурных и социальных условиях, нежели на Западе, так что накопившиеся противоречия подвели к революции с иными «действующими лицами», о чем говорилось выше. Главные «действующие лица» имели ясно выраженную антибуржуазную и антилиберальную направленность.

Те культурные силы, которые стремились поддержать легитимность традиционных форм Российского государства (славянофилы в конце XIX века, «черносотенцы» после революции 1905 г.), были дискредитированы в общественном сознании образованного слоя и оттеснены на обочину. Напротив, убеждение в праведности государства стало подрываться с нарастающей интенсивностью. Возник фатальный резонанс между делами подрывающих государственность сил и действиями самого государства. Разумные, примирительные и даже прогрессивные дела царского правительства стали нередко судиться двойным стандартом, искаженно восприниматься в общественном сознании и ухудшать положение. Александр II, осторожно и успешно проводивший труднейшую реформу по отмене крепостного права, был убит народовольцами.

Имевшими большой авторитет в общественном мнении за-

падниками был создан ряд «светлых мифов» о Западе и одновременно ряд «черных мифов» о России. Все более широкими становились контакты русской интеллигенции с Западом, где с конца первой трети XIX века в общественном мнении стала господствовать русофобия — представление Российской империи как деспотической тирании, душительницы всякой мысли и свободы. В этой установке удивительным образом совпадали идеологические противники — и консерваторы, и либералы, а потом и марксисты Запада. С большим трудом добились европейские правительства участия России, в соответствии с ее обязательствами по Священному союзу, в подавлении революции 1848 г. в Австро-Венгрии — и тут же всеми газетами Россия была названа «жандармом Европы». Такое представление о России «импортировалось» на родину, где благожелательно перепечатавали и комментировали модную на Западе книгу французского маркиза де Кюстина, в которой он дал примитивную карикатуру на государственное устройство России.

С конца XIX века быстрая утрата легитимности власти в России стала все более очевидной. Революционеры разных направлений (кроме социал-демократов) стали широко использовать террор, и красноречивым симптомом болезни государства был тот факт, что реакция общества была чуть ли не благожелательной. По делу Веры Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова, суд присяжных вынес вердикт: «Не виновна».

В условиях кризиса легитимности выбор линии поведения власти всегда становится очень сложной проблемой: общество реагирует по принципу «всякое лыко в строку». Не смогла стать арбитром в нарастающем расколе общества и власти Церковь. Характер ее участия в политической жизни лишь уменьшил ее авторитет, что нанесло еще больший ущерб легитимности самодержавия. В свою очередь, правительство также выбирало не лучшие решения: на крестьянские волнения 1902—1903 гг. оно ответило репрессиями и введением телесных наказаний для крестьян. Тайная полиция построила небывалую в истории систему провокаций, санкционируя (через Азефа) широкий террор против государственных чиновников даже очень высокого ранга. Разоблачение таких фактов подрывало сами основы государства и права. Расстрел 9 января 1905 г. (Кровавое воскресенье) сломал хрупкое равновесие — возник кризис, завершившийся первой русской революцией с массовым насилием над крестьянством.

Согласившись на допущение ограниченных гражданских свобод с выборами первого сословного парламента (I Государственной думы), даже при очень урезанных избирательных правах, правительство не смогло вести с Думой диалог. Выборы были неравными и многоступенчатыми (для крестьян четырехступенчатыми), и их бойкотировали большевики, эсеры и многие крестьянские и национальные партии. Тем не менее около 30% депутатов (из 450) были крестьянами и рабочими — намного больше, чем в парламентах других европейских стран. Например, в английской Палате общин в то время было 4 рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте — 6, во французской Палате депутатов — 5, в германском Рейхстаге — 17. На выборы оказала влияние культурная среда России, и уже первая Дума несла в себе не только парламентское, но и *советское*, соборное начало. Царское правительство распустило первую Думу всего через 72 дня работы. В 1907 г., после разгона II Думы, новый избирательный закон сильно урезал представительство крестьян и рабочих.

Но этот «ручеек» уже размыл плотину самодержавия. И разгон Думы, и выпущенное ею «Выборгское воззвание», и суд над подписавшими воззвание 167 депутатами (из которых 100 были кадетами — членами партии самых умеренных либеральных реформ), и заключение в крепость депутатов во главе с председателем Думы С.А. Муромцевым — все это углубляло раскол и восстанавливало против государства даже тех, кто был его опорой. Ведь среди осужденных был «цвет нации» — представители старинных дворянских и даже княжеских родов.

Роспуск Думы, на которую крестьяне возлагали надежды в решении земельного вопроса, сильно подорвал монархические чувства самого многочисленного сословия. Возросло пассивное сопротивление (например, бойкот винной монополии). На сходах принимались решения такого рода: «Мы полагаем, что в настоящее время глупо было бы платить подати, поставлять рекрут и признавать какое-либо начальство, — ведь это все лишь к нашему вреду ведется».

В целом государство не овладело ходом событий, а было загнано, возможно, в худший коридор. Была начата очень рискованная реформа по разрушению крестьянской общины через приватизацию земли, не затрагивая помещичье землевладение. Расчет на то, что конкуренция разорит «слабых» и создаст слой сельской буржуазии как оплота государства, не оправдался. Реформа лишь ухудшила и экономическую, и политическую си-

туацию (сразу после февраля 1917 г. она была прекращена как несостоявшаяся). П.А.Столыпин был убит, причем утвердилось общее мнение, что этому способствовала охранка.

Начавшаяся в 1914 г. война углубила кризис. Неудачи на фронте легко порождали слухи об измене — верный признак утраты легитимности власти. Вопрос: «Что это — глупость или измена?», — стал чуть ли не девизом выступлений в Думе. Председатель Центрального военно-промышленного комитета прогрессист А.И.Коновалов заявил в марте 1916 г. на съезде земских и городских союзов, что «под прикрытием работы на оборону страны Всероссийские земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты должны выделить из своей среды высший орган, который явился бы для всех них единым направляющим центром и был бы как бы штабом всех общественных сил России».

Духовный распад в кругах высшей власти («распутинщина»), решение государственных вопросов через дворцовые заговоры, явное влияние теневого влияния сил на назначение высших должностных лиц — все это вызывало отвращение в широких кругах. Это отвращение, к которому нечувствительна демократия, было губительно для монархии, легитимность которой предполагает наличие благодати.

16 декабря 1916 г. А.И.Коновалов заявил в Государственной думе: вся Россия уже осознала, что «с существующим режимом, существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом». В конце 1916 г. распад государственного аппарата на его высших уровнях резко ускорился. Почти перестал собираться Государственный совет, многие из его членов вошли вместе с думским большинством в «прогрессивный блок», и 1 января 1917 г. пришлось реформировать Госсовет, заменив оппозиционеров крайне правыми. В Совете Министров шли непрерывные ссоры и интриги, замены министров («министерская чехарда»). Начались тайные совещания противостоящих групп министров, и решение всех важных вопросов взяла на себя придворная камарилья.

В высших сферах власти сложилось два заговора: придворная камарилья искала выход в ужесточении репрессивных мер, чтобы подавить не только революционное движение, но и оппозицию буржуазии. Были значительно увеличены штаты полиции (по одному городскому на 400 жителей), полиция в городах была вооружена пулеметами. Другой заговор соединил

часть думской оппозиции и генералитета. Здесь искали варианты дворцового переворота. Этому заговору сочувствовали некоторые сановники и даже родственники царя. 17 декабря 1916 г. они организовали убийство Распутина. Налицо был полный развал власти.

В начале 1917 г. возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Возможно, они были созданы искусственно, ибо запасы хлеба в России были даже избыточными, — но наличие заговора вовсе не обязательно. Пришвин, служивший в Министерстве земледелия, в Отделе продовольствия рабочих заводов и фабрик, в своих дневниках неоднократно возвращается к этому вопросу. В одном месте он пишет: «Член Совета Министров заставил нас высчитать, сколько всего рабочих занято в предприятиях, обслуживающих оборону. Цифра получается очень небольшая, и странно кажется, что этих рабочих Министерство земледелия не могло обеспечить продовольствием, что на фабриках, работающих на оборону, повсеместно реквизируются запасы продовольствия... А бумаги все поступают и поступают: там по недостатку хлеба остановился завод, там целый район заводов».

На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности. Продразверстка, введенная правительством осенью 1916 г., провалилась. В феврале М.В.Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой».

Хлебная проблема приобрела политический характер, и вся государственная система рухнула как картонный домик. Произошла совершенно мирная революция. К ней присоединился даже полк личной охраны царя, состоящий только из георгиевских кавалеров.

Это яркое выражение свойства той государственности, которая возникает в традиционном обществе: постепенная утрата легитимности может доходить до такой стадии, когда все защитные силы «организма государства» иссыкают полностью, моментально и как бы необъяснимо. Отдельные подсистемы государства при этом выглядят здоровыми и даже мощными — но в момент кризиса оказываются абсолютно недееспособными. Утрата согласия подданных на продолжение власти лишает ее и силы.

К этому очень важному пункту, который характеризует лю-

бое традиционное общество («старый порядок»), переживающее кризис модернизации, надо добавить еще одно положение. До сих пор ведется нескончаемый бессмысленный спор, в котором «консерваторы» стараются представить русскую революцию (и революции вообще) как происки злодеев, совративших добрый народ и установивших порядок куда более жестокий и несправедливый, чем был при «старом режиме». Эти сожаления понятны, но непродуктивны. Проблема заключается в том, что в определенные исторические периоды модернизация становится абсолютно необходимой, но когда режим на нее решается и начинает «прогрессивные изменения», вся система власти неизбежно дестабилизируется. И в этот момент неустойчивого равновесия самые различные заинтересованные в изменениях политические силы (включая криминальные) могут сломать старый порядок.

Де Токвиль в важном труде «Старый порядок и революция» писал: «Порядок вещей, уничтожаемый революцией, почти всегда бывает лучше того, который непосредственно ему предшествовал, и опыт показывает, что для дурного правительства наиболее опасным является обыкновенно тот момент, когда оно начинает преобразовываться». Именно этот процесс происходил в России в начале XX века и в СССР в конце XX века. И эту закономерность подметил не только Токвиль, изучая революции на Западе.

Русский поэт и мыслитель Ф.И.Тютчев писал 28 сентября 1857 г.: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики Шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков Пятнадцатых и Людовиков Четырнадцатых».

Поэтому несостоятельны историософские модели наших антисоветских патриотов, обвиняющих большевиков за то, что «мы потеряли ту Россию». В том-то и заключался порочный круг, в который загнала Россию монархия, — если не проводить модернизацию, Россию сожрет Запад. Если идти на модернизацию, монархия сама так подрывает свою базу, что Россию может сожрать Запад. Ни сил, ни воли на то, чтобы овла-

деть кризисом модернизации, монархический режим не имел (как, скажем заранее, и советский в конце 80-х годов). И в момент неустойчивого равновесия Запад постарался этот режим сбросить. Дальше, как мы знаем, из этого кризиса как раз победителем вышел режим, который смог овладеть процессом модернизации и в то же время закрыть Россию от ее переваривания Западом. Но в тот момент расчет был, конечно, на то, что вместо царя у власти встанет прозападный либеральный режим.

Ленин писал в марте 1917 г. то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова». Революция победила так быстро и бескровно потому, что на время возник союз сил, имевших совершенно разные цели — прозападной буржуазии и Антанты, желавших продолжения войны, с массовым народным движением, желавшим мира.

Роль политического масонства. Здесь мы должны сделать усилие и преодолеть упрощенные представления официальной мифологии КПСС. Большевики не сыграли заметной роли в Февральской революции, гораздо большим было значение Думы и политического масонства, которое в то время оказывало сильное влияние на правящую верхушку и генералитет. Один из последних обзоров деятельности масонов в России опубликован в ежегоднике «Quator Coronati Jahrbuch», 1993, № 30*. Этот ежегодник издается немецкой Объединенной великой ложей. Немецкий историк масонства К.Х.Кейлер приводит такие сведения. Русские масоны с конца XIX века начинают вступать в парижские ложи, а в начале XX века в Москве и Петербурге учреждаются ложи «Возрождение» и «Полярная звезда», для

*Другой важный источник — архив Гуверовского института войны, революции и мира. Многие документы из этого архива опубликовал со своими комментариями В.И.Старцев (см., например, «Русское политическое масонство. 1906—1918 гг.» — История СССР, 1989, № 6; 1990, № 1).

чего из Парижа прибывают члены совета Великого Востока Франции. Главное направление их деятельности лежало в русле буржуазно-либеральной оппозиции самодержавию. Считалось, что масонство «поможет избежать крайностей радикализма».

В 1910 г. была проведена реорганизация и создана ассоциация лож Великий Восток народов России (ВВНР). Она носила политический характер и имела своим лозунгом «борьбу за освобождение отечества». Имелась в виду замена самодержавия парламентской республикой. В 1913 г. в ВВНР было около 400 членов. Кстати, уже тогда проявился сепаратизм украинских масонов. Их представитель М.С.Грушевский требовал, чтобы в названии ассоциации не было слова «Россия», он вообще отрицал за Россией право на существование как целостного государства*. Спор длился два дня, и в конце концов договорились на том, что ассоциацию называли Великий Восток *народов* России, а не просто *России*.

В 1912 г. в масоны был принят А.Ф.Керенский, который в 1915 г. стал руководителем ВВНР (вместе с левым кадетом, впоследствии заместителем председателя Государственной думы Н.В.Некрасовым). В 1913 г. был опубликован устав российского масонства — в форме якобы исторического исследования итальянских карбонариев начала XIX века, в качестве приложения к книге Сидоренко «Итальянские угольщики».

В августе 1915 г. руководство масонов, собравшись на квартире видного социолога кадета М.М.Ковалевского, договорилось о создании буржуазно-либерального Прогрессивного блока. Масоны согласовывали позиции левых фракций в Думе и способствовали их совместным выступлениям. Как вспоминает один из руководителей масонства меньшевик А.Я.Гальперн, «особенно много удавалось делать в этом направлении в кадетской партии: выступления к.-д. масонов в кадетской думской фракции и даже в ЦК кадетской партии были всегда координированы с взглядами Верховного Совета и проникнуты действительным чувством братства»**.

По словам Гальперна, «очень характерной для большинства

*Историк М.С.Грушевский в марте 1917 г. стал председателем Центральной Рады Украины, которая в июне объявила «автономию» Украины и учредила правительство, а в ноябре провозгласила Украинскую Народную Республику. В эмиграции Грушевский стал сменове-ховцем, в 1924 г. вернулся в СССР, с 1929 г. — академик АН УССР.

**Цитаты взяты из интервью с А.Я.Гальперном 16 и 18 августа 1928 г. в Париже, запись его хранится в архиве Гуверовского института.

членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели... Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения, можно сказать, что подавляющее большинство членов были республиканцами, хотя республика и не была зафиксирована догматом организации».

Осенью 1916 г. от ВВНР откололась радикальная часть, которая готовила дворцовый переворот и одновременно «террористические действия» против рабочего движения. Гальперн вспоминает: «Последние перед революцией месяцы в Верховном Совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах. Помню, разные члены Верховного Совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений — о переговорах Г.Е.Львова с генералом Алексеевым в Ставке относительно ареста царя... Был ряд сообщений о разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп. Настроения офицеров в это время вообще были очень интересны, и основное, что меня поражало, — это полное отсутствие преторианских чувств, полный индифферентизм по отношению к царской семье».

Важную роль играли масоны во взаимодействии Временного правительства с Петроградским Советом. Гальперн рассказывает: «Значительная доля работы в этот период выпала на меня, так как все основные разговоры с Советом рабочих депутатов, то есть с Чхеидзе, в этот период вести приходилось мне. Часто Керенский, узнав о каком-либо решении Совета, просил меня съездить в Таврический дворец. Я ехал и говорил, причем тот факт, что Чхеидзе был братом, сильно облегчал мне задачу, я мог говорить с ним совсем просто: «чего кочевряжиться, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему»... Большую роль играли братские связи в деле назначения администрации 1917 года на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или на какой-нибудь другой видный административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож, и, если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор».

Хотя выступление солдат 27 февраля было стихийным, активность масонов с первого дня революции очень велика. В.И.Старцев в комментариях к документам пишет: «И проведение Н.С.Чхеидзе председателем Петроградского Совета рабо-

чих депутатов, а других масонов — членами его Исполкома, и формирование корпуса эмиссаров Временного комитета Государственной думы, и создание самого Временного правительства, а также нажим на П.Н.Милюкова с целью немедленного провозглашения республики в ночь на 3 марта 1917 г. — все это показывает энергичную деятельность членов Великого Востока народов России с 27 февраля по 3 марта 1917 г.».

После Февраля в ложу «Истинные друзья» был принят эсер Б.В.Савинков. В мае 1917 г. из 66 членов ЦК партии кадетов 11 были масонами. К октябрю 1917 г. активно действовали 28 лож системы ВВНР. В последние годы было несколько слабых попыток заронить мысль об участии в масонских организациях и большевиков. Хотя историк русского масонства В.Старцев сообщал, что контакты с масонами без ведома Ленина поддерживали большевики И.Скворцов-Степанов и С.Середа, эти контакты историк латиноамериканской культуры С.И.Семенов представил как *принадлежность* указанных большевиков к ВВНР, причем так, будто это участие в масонской организации прямо контролировалось Лениным («он добивался от ее руководителей денег на проведение в августе 1914 года съезда РСДРП») (см. «Общественные науки и современность», 1996, № 3, с. 161). В доказательство С.И.Семенов ссылается на ответное письмо Ленина И.И.Скворцову-Степанову об этих контактах от 24 марта 1914 г.*.

Сразу после Октябрьской революции большинство масонов присоединились к Белому движению, видные масоны входили в белогвардейские правительства. В РСФСР масонские органи-

*Я не поленился прочитать это письмо Ленина, и мне стало неудобно за профессора из Института Латинской Америки Российской Академии наук. Смысл письма он совершенно исказил, так, что это удивляет даже на фоне всех шедевров перестройки, — все-таки статья в академическом журнале. Из письма Ленина как раз следует, что И.И.Скворцов-Степанов не является масоном, а встречается с ними для переговоров. При этом он очень боится за то, как это будет воспринято товарищами-большевиками и просит у Ленина поддержки, если о его контактах с масонами узнают. Ленин его успокаивает тем, что большевикам надо знать о настроениях колеблющихся и даже врагов. поэтому контакты следует продолжать, но на строго оговоренных условиях, не переходя определенных границ. Скорее всего сам С.И.Семенов этого письма Ленина не читал (он даже перепутал его дату), а доверчиво переписал весь пассаж у какого-нибудь залихватского антисоветского борзописца. Или же вне своей специальности, в «свободное время», сам промышляет в этом бизнесе.

зации были запрещены. Вновь масоны открыто появились в России в 1990 г. в Ленинграде, под эгидой Великой Объединенной Ложи Англии и Шотландии. В 1991 г. возникли ложи, учрежденные Великим Востоком Франции, а с 1992 г. французские масоны образовали уже целый ряд лож в Москве и в областных городах. Их координирует Великая национальная ложа России. Но вернемся к февралю 1917 г.

Падение монархии. Фактология событий. 25 февраля 1917 г. массовые демонстрации под лозунгами «Хлеба!» и «Долой самодержавие!» переросли во всеобщую политическую стачку. На другой день к ней стали присоединяться войска. 27 февраля Совет Министров послал царю в Ставку (Могилев) телеграмму с просьбой о коллективной отставке и разошелся. 28 февраля многие министры, включая Председателя Совета Министров, были арестованы.

27 февраля Дума, подчинившись указу о ее роспуске, собралась на «неофициальное» заседание и образовала «Временный комитет Государственной думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами» из 12 человек (председатель — октябрист Родзянко, члены «прогрессивного блока», один меньшевик и трудовик Керенский). На другой день Временный комитет назначил генерала Л.Г.Корнилова на пост командующего войсками Петроградского округа и послал своих комиссаров в Сенат и министерства. Он стал выполнять функции правительства и направил в Ставку А.И.Гучкова и В.В.Шульгина для переговоров с царем об отречении; которое состоялось 2 марта. Временный комитет Думы продолжал действовать во главе с Родзянко до начала октября как орган «общественности». Он собирал иногда членов Государственной думы на «частные совещания», которые выполняли роль совещательного органа при Временном правительстве.

2 марта в результате переговоров Временного комитета Думы с Исполкомом Петроградского Совета было создано Временное правительство. Великий князь Михаил, к которому перешла корона, отрекся от престола в пользу Временного правительства. С английским правительством велись переговоры о переезде семьи Романовых в Англию. 22 марта английское правительство приняло решение о приглашении Романовых, запросив при этом справку об имущественном состоянии семьи («Весьма желательно, чтобы Его величество и его семья имели достаточные средства»). Затем, однако, король Георг V, двоюродный брат

как Николая II, так и Александры Федоровны, категорически потребовал от правительства отмены приглашения. Английский заместитель министра иностранных дел вел переговоры с Францией, но ему ответили отказом принять Романовых якобы из-за германофильской репутации Александры Федоровны. Летом Временное правительство повторило запрос, но, как вспоминает А.Ф. Керенский, посол Англии Бьюкенен «со слезами на глазах» сообщил об окончательном отказе. Авторы большого исследования этой истории, опубликованного в Англии в 1976 г., пишут, что это и «решило судьбу Николая II и всей его семьи». Видимо, решение о его судьбе было принято в очень влиятельных европейских кругах, так что даже родственные связи не помогли*.

Правительство было сформировано из представителей правой буржуазии и крупных помещиков, важные посты были отданы кадетам. Оно было тесно связано с буржуазными общественными организациями, которые возникли в годы войны (Всероссийский земский союз, Городской союз, Центральный военно-промышленный комитет). В своей Декларации правительство объявило амнистию политическим заключенным, гражданские свободы, замену полиции «народной милицией», реформу местного самоуправления.

Временное правительство соединило в своем лице законодательную и исполнительную власть, заменив царя, Госсовет, Думу и Совет Министров и подчинив себе высшие учреждения (Сенат и Синод). Оно считало себя преемником монархического государства и стремилось сохранить старый государственный аппарат. Однако на волне демократизации в состав ведомств и

*В большой статье в «Вопросах истории» (1993, № 2) к этой истории дана сноска, которая показывает, что дело было весьма темное: «Когда вышли мемуары Керенского, они вызвали взрыв негодования. И бывший премьер-министр Англии Д.Ллойд-Джордж, и Бьюкенен возражали Керенскому, утверждая, что согласие на предоставление царю убежища никогда не отменялось. В 1927 г., в ответ на парламентский запрос, Форин оффис, обвинив Керенского во лжи, представило в качестве «не оставляющего сомнений опровержения» ранние телеграммы о предоставлении царю убежища, опустив поздние с отказом. Когда бывший секретарь британского посольства в Петрограде заявил, что помнит о получении из Лондона депеши с отказом, Форин оффис ответил, что ему изменяет память. Но в 1932 г. дочь Бьюкенена рассказала, что ее отец под угрозой потери пенсии должен был пойти в своих мемуарах на фальсификацию, чтобы скрыть истинную подоплеку дела».

учреждений включались представители Советов, профсоюзов и других общественных организаций.

Овладеть ситуацией Временное правительство не смогло и переживало все более тяжелые и длительные правительственные кризисы: 3—4 мая, 3—23 июля, 26 августа—24 сентября. В результате этих кризисов менялся состав, уже 5 мая правительство стало коалиционным, но все три коалиции были непрочными. Разрушению подверглась вся система власти, важнейшие вопросы откладывались до появления Учредительного собрания. Главной тактикой Временного правительства стало не разрешение проблем, а потакание толпе, и чем дальше, тем больше. Как признал тогда лидер правых А.И.Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть».

Надо подчеркнуть, что либеральные революционеры разрушили власть сверху донизу, так что безвластие коснулось буквально каждого человека. Временное правительство упразднило губернаторов и назначило в губернии и уезды своих комиссаров. Но у них не было никаких реальных средств влиять на положение. Как они сами заявили на совещании в Петрограде, без опоры на местные Советы их власть «равна нулю» — но правительство вело дело к конфликту с Советами, в то же время потакая им (например, через комиссаров правительства шла финансовая поддержка Советов). Даже газета эсеров «Дело народа» жаловалась: «Местной власти нет: одни органы разрушены, другие нежизнеспособны, а главное — лишены всякого авторитета в глазах населения».

На этом фоне в области государственного строительства делалось следующее. 25 мая было образовано Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание. Выборы были назначены на 17 сентября, а затем перенесены на 12 ноября. До этого собирались разного рода форумы, которые должны были оказать поддержку правительству: Государственное совещание (12—15 августа в Москве) и Демократическое совещание (14—22 сентября в Петрограде). Последнее избрало Временный совет республики — Предпарламент. Предполагалось, что ему станет подотчетно правительство, но на деле Предпарламент сам стал лишь совещательным органом при Временном правительстве и заметной роли в укреплении государственной системы не сыграл.

3 июля было нарушено неустойчивое равновесие сил между

Временным правительством и Петроградским Советом («двоевластие»), была расстреляна демонстрация, шедшая под советскими лозунгами. Сформированное 24 июля правительство стало сдвигаться вправо, его председатель А.Ф.Керенский (перешедший в партию эсеров) занял и посты военного и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим.

25 августа произошел неудачный мятеж генерала Корнилова, который вместе с рядом других генералов пытался свергнуть Временное правительство. После этого из правительства были удалены министры-кадеты, и 1 сентября сформирована Директория из пяти человек во главе с Керенским (в тот день Россия была объявлена республикой). Директория существовала до 24 сентября, когда было сформировано правительство.

В особых случаях Временное правительство создавало специальные органы: после событий 3—5 июля вместе с меньшевиками и эсерами из ВЦИК была учреждена Комиссия по водворению порядка в Петрограде, 25 июля был создан Комитет обороны, в который вошли ведущие министры. В конце сентября на секретном совещании в Ставке с деятелями буржуазных партий был утвержден план военного переворота. С фронта снимались войска и располагались вблизи крупных городов. Была создана возглавляемая министром внутренних дел Комиссия по разгрузке Петрограда, которая готовила переезд в Москву правительства и высших учреждений власти. Хотя было объявлено о ликвидации политического розыска, продолжался сбор материалов о рабочем и крестьянском движении, деятельности партий (с июня этим занялся Осведомительный отдел Главного управления по делам милиции).

При Министерстве юстиции 4 марта была учреждена получившая большую известность Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главнoуправляющих и других высших должностных лиц. Она вела допросы высших царских чиновников и сановников и готовила «стенографические отчеты», главным редактором которых был поэт А.А.Блок.

15 августа в Москве открылся церковный собор, который должен был обсудить вопросы взаимодействия Православной церкви с новым государством. 5 ноября собор избрал Патриархом всея Руси московского митрополита Тихона (В.И.Белавина).

В государственном аппарате на местах произошли более крупные изменения, чем в центре. Здесь происходило два про-

песса — *децентрализация* (вследствие ослабления государственного аппарата и местнических устремлений буржуазии) и *демократизация* — под сильным давлением снизу. Были ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления. Упраздненные должности заменялись комиссарами Временного правительства. В первые дни революции на местах в противовес Советам буржуазия создавала комитеты общественных организаций, которые сотрудничали с комиссарами.

Значительно расширились полномочия земских и городских органов самоуправления. Волостные и уездные земские учреждения стали избираться всеобщими прямыми и равными выборами с тайным голосованием. Старые волостные крестьянские учреждения (сход, суд, правление) упразднялись. В городах с населением свыше 150 тыс. человек были учреждены районные думы (и их управы) как органы самоуправления.

21 апреля был учрежден Главный земельный комитет, а также губернские, уездные и волостные земельные комитеты. Состав Главного земельного комитета был чисто кадетским. Основная задача этих комитетов состояла в том, чтобы предотвратить стихийное решение земельного вопроса крестьянами, затянуть процесс всякими проволочками и согласованиями. На местах стихийно создавались продовольственные комитеты, которые 2 апреля были закреплены как местные органы Министерства земледелия. Первоначально их задачей была борьба со спекуляцией и оказание помощи голодающим, а в сентябре они втянулись в политическую борьбу (срывали политику твердых цен).

Новым институтом местной власти стали учрежденные в июне комиссары труда, при которых действовали фабрично-заводские инспектора. В ведении комиссаров находились создаваемые на предприятиях примирительные камеры из представителей рабочих и администрации. Если трудовой конфликт не решался в примирительной камере, он передавался в третейский суд, составленный поровну из рабочих и предпринимателей.

Февральская революция нанесла сокрушительный удар армии — важнейшему институту государства. 2 марта секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н.Д.Соколов (бывший, как и Керенский, одним из руководителей российского масонства тех лет) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство извест-

ный «приказ № 1». Приказ предусматривал выборы в войсках комитетов из нижних чинов, изъятие оружия у офицеров и передачу его под контроль комитетов, установление не ограниченной «ни в чем» свободы солдата. Этот приказ начал разрушение армии. Став военным министром, Керенский издал аналогичный приказ, известный как «декларация прав солдата». В июле генерал Деникин заявил: «развалило армию военное законодательство последних месяцев».

Строго говоря, как показали детальные исследования истории принятия приказа № 1 Петроградского Совета, этот приказ не содержал пункта о выборности *командного состава* в армии. Но эта идея господствовала в настроении солдат, и они истолковали этот приказ по-своему. Часто они и не делали различия между официальным текстом приказа и теми прокламациями, которые ходили по рукам. Как пишут историки, выборы командиров в военных частях вводились не в соответствии с буквой какого-то пункта приказа, а в соответствии со всем его духом.

В армии была проведена чистка командного состава (по данным Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов). На главные посты были назначены близкие к думским оппозиционным кругам выдвиженцы — А.И.Деникин, Л.Г.Корнилов, А.В.Колчак. Колчака активно поддерживала партия эсеров, которая мобилизовала сотни своих членов для агитации за него на кораблях.

Взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями — армия стала неуправляемой, началось массовое дезертирство. В июле на фронте были восстановлены упраздненные во время революции военно-полевые суды, но это не поправило дела. Учрежденное Политическое управление Военного министерства безуспешно пыталось наладить в войсках пропаганду в пользу продолжения войны. В городах вооруженные солдаты втянулись в политическую жизнь и входили во все более непримиримый конфликт с Временным правительством. В деревнях дезертиры организовывали крестьян на передел земли.

Система карательных органов Российского государства, которая складывалась в течение столетия, была разрушена революцией, а кадры деморализованы. Милиция находилась в ведении земского и городского самоуправления (которые и избирали начальников милиции), была разношерстной и не обладала квалификацией. Подбирать офицерский состав милиции было поручено комиссарам Временного правительства, но справить-

ся с этим они не могли ввиду противодействия и Советов, и местных буржуазных организаций. Более сильная и организованная рабочая Красная гвардия охраняла порядок в рабочих кварталах, но Временному правительству не подчинялась и опорой его стать не могла. Создать свой эффективный карательный аппарат Временное правительство не успело.

Временное правительство стремилось сохранить основы старого права: Уголовное уложение 1903 г. и судебные уставы 1864 г., Свод законов Российской империи и Табель о рангах. Срочно дополнялись старые законы, их приспособляли к курсу на репрессии. Так, преступным объявлялось не только посягательство на свержение власти, но и «создание помех в ее осуществлении», что позволяло привлечь к ответственности любого демонстранта. Например, участников июльской демонстрации обвинили в государственной измене. Новшеством стало понятие «косвенный демонстрант», т.е. тот, кто не участвовал в демонстрации, но одобрял ее. Их тоже стали привлекать к ответственности.

В марте при правительстве было учреждено Юридическое совещание, в которое были назначены семь видных юристов (все кадеты). Оно должно было давать «предварительные юридические заключения» на решения Временного правительства. Через него проходили законопроекты, предлагаемые министерствами (особенно большую роль сыграло Юридическое совещание в блокировании актов о земле). В целом Юридическое совещание последовательно отстаивало принципы либерально-буржуазного права, но воплотить их в жизнь социально-политическая реальность не позволяла.

В октябре, уже полностью утрачивая контроль за ходом событий, правительство учреждает Особую комиссию Юридического совещания по составлению проекта основных государственных законов. С 11 по 24 октября эта комиссия разрабатывала проект конституции. По этому проекту Россия становилась президентской буржуазной республикой с двухпалатным парламентом. Искключительно широкие полномочия президента по своей структуре напоминали компетенцию царя, а две палаты парламента — старые Госсовет и Государственную думу. Закончить работу комиссия не успела, и «Конституцию Российского государства» дописывали в 1919 г. уже в Париже.

Важнейшие изменения произошли в *национально-государственном устройстве*. Революция 1905—1907 гг. сплотила буржуазию и землевладельцев национальных регионов вокруг цар-

ской власти как самой надежной защиты. Классовый страх был сильнее естественного национализма буржуазии. После краха монархического центра положение изменилось, стало преобладать стремление к огосударствлению наций. Начался распад империи, вызванный не отпадением частей, а разрушением центра.

Прежде всего сепаратизм поразил армию. Еще до Февраля были созданы национальные части — латышские батальоны, Кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После Февраля был сформирован чехословацкий корпус, и вдруг «все языки» стали требовать формирования национальных войск. Командование и правительство не имели определенной установки и не были готовы к этому. Верховный главнокомандующий генерал А.А.Брусилов разрешил создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы». Началась «украинизация» армии (солдаты отказывались идти на фронт под хитрым предлогом: «Підемо під українським прапором»). В конце лета 1917 г. разгорелась борьба за Черноморский флот, на кораблях поднимали украинские флаги, с них списывали матросов-неукраинцев.

Начался территориальный распад. Польша и Финляндия (две территории с развитым национальным господствующим классом) потребовали независимости. Польша к тому моменту была оккупирована Германией, и Временное правительство туманно пообещало признать ее независимость, Финляндии же отказало в самоопределении, даже разогнав в июне заседание сейма. Был взят курс на сохранение «единой и неделимой» России при том, что вся практика Временного правительства способствовала децентрализации и сепаратизму не только национальных окраин, но и русских областей. Резко усилилось сибирское «областничество» — движение за автономию Сибири. Конференция в Томске (2—9 августа) приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири» в рамках федерации с самоопределением областей и национальностей и даже утвердила бело-зеленый флаг Сибири. 8 октября открылся I Сибирский областной съезд. Он постановил, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь Сибирскую областную думу и кабинет министров. Предусматривалась возможность преобразовать саму Сибирь в федерацию. Ожесточенными противниками областничества были большевики. После Октября Дума не признала Советскую власть, и большинство ее депутатов были арестованы.

I и II Всероссийские мусульманские съезды (1—11 мая и 21—

31 июля) заявили, что не помышляют о выходе из России, но обнаружили две тенденции: на национально-культурную автономию при унитарном государстве (деятели, которые блокировались с социалистами) и на территориально-федеративное устройство (с созданием автономных республик). Председатель Юридического совещания и государственный контролер Временного правительства Ф.Ф.Кокошкин разрабатывал даже проект двух дум — Государственной и Союзной. Временное национальное управление мусульман внутренней России и Сибири провело всеобщие, прямые и тайные выборы в национальный парламент (милли меджлис), который должен был собраться 17 ноября в Уфе.

Наиболее неудачно сложились отношения Временного правительства с Украиной. Уже 4 марта на собрании ряда социалистических партий в Киеве была образована Центральная рада, которая требовала территориально-национальной автономии Украины. Юридическое совещание дало на это отрицательное заключение. В ответ Рада 10 июня провозгласила автономию, что было объявлено «открытым мятежом». Но в целом политика Временного правительства была непоследовательной, тактика все откладывать «на потом» (до Учредительного собрания) привела к отделению Украины при том, что позиции сепаратистов там были исключительно слабы. Глава образованного Радой правительства (Директории) В.К.Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 г., признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками, а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая Радой политика «украинизации». Он добавляет, в упрек украинцам: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское — украинский язык, музыку, школы, газеты и книги».

Вопрос национально-государственного устройства до последнего момента игнорировался Временным правительством, о нем не упоминается ни в декларациях, ни даже в постановлении о провозглашении России демократической республикой. Лишь в середине октября Особая комиссия (по разработке конституции) подготовила для будущего Учредительного собрания проект законодательного акта об автономии Финляндии и областной автономии.

Парадокс в том, что, заявляя о сохранении «единой и неделимой» России, либерально-буржуазное государство культивировало сепаратизм — а большевики, заявляя о праве наций на самоопределение, везде выступали непримиримыми противниками сепаратизма.

Легитимность государства в период между февралем и октябрем 1917 г. Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности — буржуазная республика и Советская власть. Очевидец и историк того периода Д.Анин пишет: «Разумеется, во Временном правительстве, особенно в его первых составах, главенствовали либералы; но в руководстве Совета, без поддержки и санкции которого правительство было бессильно, решающую роль играли меньшевики».

Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и *расходящихся* ветвях цивилизации. То есть их соединение, их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит становление государства, — прежде всего представления о мире и человеке. При этом выбор делался в два тура — на основании сравнительно мирного «соревнования» (февраль 1917 г. — октябрь 1917 г.), а затем в ходе военного столкновения (1918—1921 гг.). Кстати сказать, поначалу особых идеологических различий между двумя типами власти и не было видно. Временное правительство не скупилось на «социалистическую» риторику.

Революция с точки зрения государственного строительства есть разрыв непрерывности (переход «порядок — хаос»). В это время утрачивает силу старый способ легитимации власти. Власть царя как помазанника Бога, освященная Церковью, прекратилась. Вообще Февральская революция нанесла сильнейший удар по всем основаниям государственности. Как признал тогда лидер правых А.И.Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть».

Большую роль на первых порах сыграла Дума — единственный сохранивший авторитет орган старой власти. Этот авторитет помог тому, чтобы сам революционный переворот прошел исключительно мирно (около 300 погибших в момент катастрофы огромного государства). Главной причиной мирного характера революции был огромный перевес сил — масштаб массы революционно настроенных вооруженных крестьян (солдат), прошедших три с половиной года войны. Второй причиной был огромный опыт революции 1905—1907 гг., когда крестьянство проявило поразительную организованность и культуру: в ходе

уничтожения около 3 тыс. поместий (15% их общего числа в России) практически не было случаев хищения личных вещей и насилия в отношении владельцев и их слуг.

Вот что пишет английский историк русского крестьянства Т.Шанин о насилии 1907 г.: «Поджоги часто следовали теперь особому сценарию. Решение о них принималось на общинном сходе, и затем, при помощи жребия, выбирались исполнители из числа участников схода, в то время как остальные присутствующие давали клятву не выдавать поджигателей... Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию... Крестьянские выступления России оказались непохожими на образ европейской жакерии, оставленный нам ее палачами и хроникерами».

Однако прочность новой, возникающей после революции государственности определяется тем, насколько быстро создаются институты власти и права и насколько быстро и полно они обретают легитимность. То либерально-буржуазное государство западного образца, которое могло бы быть результатом Февральской революции, складывалось столь медленно, что не поспевало за событиями. Идеологи Временного правительства отстаивали принцип «непредрешенчества», оставляя главные вопросы государственного строительства будущему Учредительному собранию, с созывом которого, однако, они не торопились. Даже объявить Россию республикой они не решились, хотя съезд партии кадетов 25 марта 1917 г. единогласно высказался за «демократическую парламентскую республику»*. Страна формально до осени 1917 г. оставалась монархией — без царя и без всяких предпосылок для коронации нового монарха. В целом за отведенный ему историей срок буржуазное государство приобрести легитимности не смогло — фактически ни в какой крупной социальной группе России.

Главные причины коренятся в сути самого проекта, а также в незрелости тех сил, что формировали Временное правительство. Из этого вытекали и внешние, политические причины. Вдохновители Февраля были *западниками*, их идеалом была буржуазная республика с опорой на гражданское общество и рыночную экономику — на то, чего в России реально еще не было.

*Сам этот единогласный вотум показывает, что до парламентаризма кадеты далеко еще не доросли.

М. Вебер отмечал, что критерием господства «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуа. В то время рабочие сохраняли мироощущение общинных крестьян — главного противника буржуазии в ходе буржуазных революций.

Даже по тем формам, которые выбирали рабочие в их борьбе, видно влияние крестьянской культуры (это прекрасно показал М. Горький в пьесе «Враги»). Можно выдвинуть смелую гипотезу: в обществах с развитым классовым сознанием рабочих пролетарская революция невозможна.

Сам идеал буржуазного государства был несовместим с устремлениями всех остальных, помимо буржуазии, классов и сословий России. Великий моралист Адам Смит определил его так: «Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Насколько это было далеко от массовой мечты об обществе-семье! Вот 13 марта М. М. Пришвин повстречал в банке старика-купца из провинции:

«— Республика или монархия?

— Республика, потому что сменить можно.

— А как же помазанники?

— В Писании сказано, что помазанники будут от Михаила до Михаила — последний Михаил, и кончились. А теперь настало время другое, человек к человеку должен стать ближе, может быть, так и Бога узнают, а то ведь Бога забыли».

Не к гражданскому обществу свободных индивидов стремились люди после краха сословной монархии, а к христианской коммуне (обществу-семье). При этом поначалу люди просто-душно лезли к «буржуазам» в друзья, как бы предлагая «забыть старое». В целом это, видимо, не было понято. Пришвин негодует, пишет 3 июня: «Обнаглели бабы: сначала дрова разобрали в лесу, потом к саду подвинулись, забрались на двор за дровами и вот уже в доме стали показываться: разрешите на вашем огороде рассаду посеять, разрешите под вашу курицу яички подложить». То же самое он видит в городе: «Простая женщина подошла в трамвае к важной барыне и потрогала ее вуальку на ощупь».

— Вот как они понимают свободу! — сказала барыня».

Удивительно, насколько по-доброму, даже после тяжелой войны и разрухи, делали свои примирительные жесты люди,

надеясь предотвратить драку. Вот записывает Пришвин 16 июля: «К моему дому приходят опять солдаты и, ломаясь, просят меня разрешить им в моем саду поесть вишен. «Пожалуйста, сколько хотите!». Они срывают по одной ягодке, «нижайше» благодарят и уходят. Это, вероятно, было испытание — буржуазия или пролетарий».

Прижиться государственность гражданского общества здесь не могла.

«Демократия сверху»: гримасы легитимации. Проект устройства либеральной демократии западного толка в России даже сегодня воспринимается как наивная утопия (скорее, конечно, это прикрытие для хитрого воруяги). Но в начале века эта наивность в какой-то мере была еще простительна, хотя и тогда уже Н.И.Бердяев писал: «Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, — она должна была принести великие блага, должна освободить личность. Во имя некоторой бесспорной правды демократии мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия... Инстинкты и навыки абсолютизма перешли в демократию, они господствуют во всех самых демократических революциях».

Раз уж мы заговорили о демократии и тоталитаризме, надо на минуту отвлечься и выделить особый случай: что происходит, когда в обществе с «тоталитарными» представлениями о человеке и о власти вдруг революционным порядком внедряются «демократические» правила? Неважно, привозят ли демократию американские военные пехотинцы, как на Гаити или в Панаму, бельгийские парашютисты, как в Конго, или отечественные идеалисты, как весной 1917 года в России. В любом случае это демократия, которая не вырастает из сложившегося в культуре «ощущения власти», а привносится как заманчивый заморский плод. Возникает гибрид, который, если работать тщательно и бережно, может быть вполне приемлемым (как японская «демократия», созданная после войны оккупационными

властями США). Но в большинстве случаев этот гибрид ужасен, как Мобуту.

Для нас этот вариант важен потому, что вот уже больше десяти лет проблема демократии и тоталитаризма стала забойной темой в промывании наших мозгов. А в действительности мы, даже следуя логике наших собственных демократов, как раз получаем упомянутый гибрид: на наше «тоталитарное» прошлое, на наше «тоталитарное» мышление наложили какую-то дикую мешанину норм и понятий (мэры и префекты вперемешку с Думой, дяками и двумя тысячами партий).

Итак, Россия никогда не была «гражданским обществом» свободных индивидов. Говоря суконным языком, это было *сословное* общество (крестьяне, дворяне, купцы да духовенство — не классы, не пролетарии и собственники). Мягче, хотя и с насмешкой, либеральные социальные философы называют этот тип общества так: *«теплое общество лицом к лицу»*. Откровенные же идеологи рубят честно: *тоталитаризм*. Если по-русски, всеединство. Как ведут себя люди такого общества, когда им вдруг приходится создавать власть (их обязывают быть «демократами»)? Это мы видим сегодня и поражаемся, не понимая, — народ выбирает людей никчемных, желательно нерусских, и очень часто уголовников. Между тем удивляться тут нечему. Эта подсознательная тяга проявилась уже в начальный момент становления Руси, когда управлять ею пригласили грабителей-варягов.

Этому есть объяснение низкое, бытовое, и есть высокое, идеальное. Давайте вспомним «чистый» случай гибридизации власти, когда после Февральской революции 1917 г. и в деревне, и в городе пришлось сразу перейти от урядников и царских чиновников к милиции, самоуправлению и «народным министрам». Что произошло?

В своем отчете во Временный комитет Думы от 20 мая Пришвин пишет, что в комитеты и Советы крестьяне выбирают уголовников. «Из расспросов я убедился, что явление это в нашем краю всеобщее», — пишет он. Приехав в начале сентября в столицу и поглядев на министра земледелия лидера эсеров Чернова, Пришвин понял, что речь не о его крае, а о всей России. Вот его запись 2 сентября:

«Чернов — маленький человек, это видно и по его ужимкам, и улыбочкам, и пространным, хитросплетенным речам без всякого содержания. «Деревня» — слово он произносит с французским акцентом и называет себя «селянским министром». Видно, что у него ничего за душой, как, впрочем, и у большинства

настоящих «селянских министров», которых теперь деревня посылает в волость, волость в уезд, уезд в столицу. Эти посланники деревенские выбираются часто крестьянами из уголовных, потому что они пострадали, они несчастные, хозяйства у них нет, свободные люди, и им можно потому без всякого личного ущерба стоять за крестьян. Они выучивают наскоро необходимую азбуку политики, смешно выговаривают иностранные слова, так же, как посланник из интеллигенции Чернов смешно выговаривает слова деревенские с французским *de*. «Селянский министр» и деревенские делегаты психологически противоположны настоящему сидящему мужику».

Как же реально создается эта власть и как рассуждают те, кто желает ей подчиниться? Пришвин записал ход таких собраний. Вот один случай, 3 июля 1917 г. Выборы в комитет, дело важное, так как комитет, в отличие от Совета, ведет хозяйственные дела (и земельной собственности, и арендной платы). Кандидат — некто Мешков («виски сжаты, лоб утюжком, глаза блуждают. Кто он такой? Да такой — вот он весь тут: ни сохи, ни бороны, ни земли»). Мешков — вор. Но ведущий собрание дьякон находит довод:

«— Его грех, товарищи, явный, а явный грех мучит больше тайного, все мы грешники!

И дал слово оправдаться самому Мешкову. Он сказал:

— Товарищи, я девять лет назад был судим, а теперь я оправдал себя политикой. По новому закону все прощается!

— Верно! — сказали в толпе.

И кто-то сказал спокойно:

— Ежели нам не избирать Мешкова, то кого нам избирать? Мешков человек весь тут: и штаны его, и рубашка, и стоптанные сапоги — все тут! Одно слово, человек-оратор, и нет у него ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны, и живет он из милости у дяди на загуменье, а жена побирается. Не выбирайте высокого, у высокого много скота, земля, хозяйство, он — буржуаз. Выбирайте маленького. А Мешков у нас — самый маленький.

— Благодарю вас, товарищи, — ответил Мешков, — теперь я посвящу вас, что есть избирательная урна. Это есть секретный вопрос и совпадает с какой-нибудь тайной, эту самую тайну нужно вам нести очень тщательно и очень вежливо и даже под строгим караулом!

И призвал к выборам:

— Выбирайте, однако, только социалистов-революционеров,

а которого если выберете из партии народной свободы, из буржуазов, то мы все равно все смешаем и все сметем!»

Вот это и есть — гибрид демократии и «теплого общества». В результате, как пишет Пришвин, после Февраля всего за полгода «власть была изнасилована» («за властью теперь просто охотятся и берут ее голыми руками»). И охотиться за властью, насиловать ее могут именно люди никчемные:

«Как в дележе земли участвуют главным образом те, у кого ее нет, и многие из тех, кто даже забыл, как нужно ее обрабатывать, так и в дележе власти участвуют в большинстве случаев люди голые, не способные к творческой работе, забывшие, что... власть государственная есть несчастье человека прежде всего».

Здесь Пришвин уже касается «идеальной» установки, быть может, мало где встречающейся помимо русской культуры. Бремя власти есть несчастье для человека! Это замечание Пришвина важно еще и потому, что оно прекрасно показывает, насколько даже просвещенные либералы русские еще не доросли до либерализма. Ведь Пришвин буквально повторяет мысль славянофилов. По словам И.С.Аксакова, царь брал на свою душу грех власти и избавлял от него русский народ. Напротив, в глазах либерала власть совершенно десакрализована, очищена от святости и греха. Государь — служащий гражданского общества («ночной сторож»). Он выполняет свою службу лучше или хуже, но никакого отношения к спасению или гибели души это не имеет.

Либеральный взгляд на государство в России еще не проник даже в мышление узкого круга кадетов (это отметил М.Вебер, изучая материалы революции 1905 г. в России, которые очень помогли ему уточнить понятия главного его труда «Протестантская этика и дух капитализма»). Уж тем более в глазах крестьян власть всегда есть что-то внешнее по отношению к «теплому обществу», и принявший бремя власти человек неминуемо становится изгоем. Если же он поставит свои человеческие отношения выше государственного долга, он будет плохой, несправедливой властью. В таком положении очень трудно пройти по лезвию ножа и не загубить свою душу. Понятно, почему русский человек старается «послать во власть» того, кого не жалко, а лучше позвать чужого, немца. Если же обязывают, демократии ради, создать самоуправление, то уклонение от выполнения властных обязанностей и коррупция почти неизбежны.

На бытовом уровне это выглядит у Пришвина так:

«14 июня. Скосили сад — своими руками. Чай пьем в саду, а

с другого конца скошенное тащат бабы. Идем пугать баб собакой, а на овсе телята деревенские. Позвать милиционера нельзя — бесполезно, он свой деревенский человек, кум и сват всей деревне и против нее идти ему нельзя. Неудобства самоуправления: урядник — власть отвлеченная, со стороны, а милиционер свой, запутанный в обывательстве человек...

И правда, самоуправляться деревня не может, потому что в деревне все свои, а власть мыслится живущей на стороне. Никто, например, в нашей деревне не может завести капусты и огурцов, потому что ребятишки и телята соседей все потравят. Предлагал я ввести штраф за потравы, не прошло.

— Тогда, — говорят, — дело дойдет до ножей.

Тесно в деревне, все свои, власть же родню не любит, у власти нет родственников.

Так выбран Мешков — уголовный, скудный разумом, у которого нет ни кола ни двора, за то, что он нелицеприятный и стоит за правду — какую правду? неизвестно; только то, чем он живет, не от мира сего. Власть не от мира сего».

В сущности, крестьяне России (особенно в шинелях) потому и поддержали большевиков, что в них единственных была искра власти «не от мира сего» — власти без родственников. Власть страшной и реальной.

Вот как воспринимает Пришвин, приехавший из деревни на заседание Предпарламента, вождей либерального пути: «Мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра... Керенский большой человек, он кажется головой выше всех, но только если забываешь и думаешь, что сидишь в театре.

В действительной жизни власть не такая, она страшная. Эта же власть кроткая, как природа, приспособленная художником для театра.

Потом выходит Чернов, как будто лукавый дьяк XVI века, плетет хитрую речь про аграрные дела, но неожиданные выкрики слов «Категорический императив аграрного дела!» выдают его истинную эмигрантско-политическую природу русского интеллигента, и оказывается, что просто кабинетный человек в Александринском театре, плохой актер изображал из себя дьяка, мужицкого министра, что это все, все неправда и слова его никогда не будут жизнью...

Что же такое эти большевики, которых настоящая живая Россия всюду проклинает, и все-таки по всей России жизнь совершается под их давлением, в чем их сила?.. Несомненно, в

них есть какая-то идейная сила. В них есть величайшее напряжение воли, которое позволяет им подниматься высоко, высоко и с презрением смотреть на гибель тысяч своих же родных людей...».

К самому понятию «диктатура пролетариата» крестьяне были уже подготовлены самой их культурой. Она воспринималась как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей, — тех, кому не страшно постоять за правду. Столь же далеким от марксизма было представление о буржуазии. Пришвин пишет (14 сентября): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс «эгоистических побуждений», но кого считать за буржуазию?.. Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений». Раз так, в сознании крестьян буржуазия в принципе не годилась для власти — у нее не было государственного чувства.

А в большевиках этот инстинкт государственности проснулся удивительно быстро, контраст с нынешними демократами просто разительный. Многозначительно явление, о котором официальная советская идеология умалчивала, а зря — «красный бандитизм». В конце Гражданской войны Советская власть вела борьбу, иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы, с красными, которые самочинно затягивали конфликт. В некоторых местностях эта опасность для Советской власти даже считалась главной. Под суд щли, бывало, целые парторганизации — они для власти уже «не были родственниками»*.

А когда большевики выродились и их власть стала «жить и давать жить другим», из нее и дух вон.

* «Красный бандитизм» особенно широкий размах получил в Сибири, где главную роль в борьбе с белыми играла не регулярная Красная Армия, а партизаны. Когда сегодня читаешь отчеты о судебных процессах над красными, просто поражаешься. Вот в городке раскрыт заговор и чекисты арестовывают его руководителей. Ночью для их освобождения на городок делает налет отряд белых, ушедших в леса. Чекисты и члены партийной ячейки, всего семь человек, всю ночь ведут бой, а потом, не имея больше возможности обороняться, расстреливают заговорщиков и уходят. Их судят — при большом стечении народа, который, настрадавшись от белых, возмущен не «бандитами», а именно властью, трибуналом. Пришвин с неприязнью пишет, что такой способности подняться над схваткой, «презирая страдания своих», не имела ни одна из существовавших в России политических сил — только большевики. Но это и есть «инстинкт государственности».

Вопрос о земле как пробный камень в легитимации нового порядка. После короткого периода общего ликования на «празднике революции» Временное правительство стало испытывать нарастающее отчуждение, а потом и сопротивление не только крестьян и рабочих, но и части имущих классов. Противоречивость политики Временного правительства становилась вопиющей. Концы с концами не вязались ни в одном главном вопросе.

Либерализм у власти сразу мобилизовал сепаратизм национальной буржуазии и «рассыпал» империю — и в то же время правительство сохранило державную риторику и провозгласило идею «единой и неделимой России». Для возникновения гражданского общества требовалось сломать сословные барьеры и крестьянскую общину — но правительство, признав крах реформы Столыпина, не решалось на демократическую земельную реформу, тем более с ущемлением помещичьего землевладения.

В связи с земельным вопросом возник нарастающий конфликт Временного правительства с крестьянством. В своей первой Декларации от 2 марта Временное правительство ни единым словом не упоминает о земельном вопросе. Лишь телеграммы с мест о начавшихся в деревне беспорядках заставляют его заявить 19 марта, что земельная реформа «несомненно станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании», предупредив: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата». Первые действия крестьян не были радикальными, они захватывали лишь те поля помещиков, что остались необработанными.

Отказ пойти навстречу крестьянам был совершенно неправильной политикой — война довела крестьян до точки. Введя 23 сентября 1916 г. продразверстку, царское правительство формально установило твердые цены, но применялись они с сословной дискриминацией. И вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочного труда «Народное хозяйство в 1916 г.»: «Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью».

По поводу земли возник конфликт в области права. С самых первых дней революции крестьянство выдвинуло требование издать закон, запрещающий земельные сделки. Это требование было настолько разумно, что помещик и либерал Пришвин за-

писал уже 26 марта: «Что в аграрном нашем вопросе можно сплеча решить, не копаясь в статистике и в аграрной науке всякой, — это чтобы земля, во-первых, не была подножием политической власти земельного класса и, во-вторых, чтобы земля не была предметом спекуляции... Невозможно землю отобрать у частных владельцев, но возможно запретить ее продавать иначе как государству. Причем для мелкого землевладения и среднего можно сделать облегченные налоги, для крупного — такие большие, что продать ее государству будет необходимостью».

Всероссийский съезд крестьянских депутатов — сторонник Временного правительства — потребовал немедленно запретить куплю-продажу земли. Причина была в том, что помещики начали спекуляцию землей, в том числе дешевую распродажу иностранцам. Землю делили малыми участками между родственниками, закладывали по бросовой цене в банках. На хищнический сруб продавали леса, так что крестьяне нередко снимали стражу помещиков и ставили свою.

В первый же месяц революции число крестьянских выступлений составило 1/5 от числа за весь 1916 г. За апрель их число выросло в 7,5 раза. Правительство требует от комиссаров наведения порядка силой, а те в ответ телеграфируют, что это невозможно. Военные участвовать в усмирении отказываются, а милиция даже способствует выступлениям крестьян. К концу апреля крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Декларация коалиционного правительства от 5 мая обещала начать преобразование землепользования «в интересах народного хозяйства и трудящегося населения», не дожидаясь Учредительного собрания, но оно так и не издало ни одного законодательного акта во исполнение этой Декларации.

В день вступления в должность 3 мая новый министр земледелия эсер В.Чернов обещал издать закон о запрете купли-продажи земли, а министр юстиции даже разослал инструкцию нотариусам о приостановлении сделок. Но закон так и не был издан, и министр юстиции 25 мая отменил свое распоряжение. Попытка запрета земельных сделок была главным источником конфликтов и в самом правительстве. На него давили и Совет объединенных дворянских обществ (запрет продаж — «посягательство на гражданскую свободу»), и финансовый капитал в лице Комитета съездов представителей акционерных обществ. Товарищ министра земледелия писал: «Неоднократно мы вно-

сили на обсуждение законопроекты, но как только внесем, кабинет трещит и разлетается».

Возникли беспорядки на селе, крестьяне пресекали сделки стихийно, и 12 июля Временное правительство передало вопрос о разрешении сделок земельным комитетам. Конфликт был перенесен вниз, так же, как и вопрос об арендной плате. В результате помещики организовались для борьбы с земельными комитетами, начались массовые аресты их членов и предание их суду. «Если так будет продолжаться, — заявил Чернов, — то придется посадить на скамью подсудимых три четверти России».

Новое коалиционное правительство в Декларации от 8 июля уже пообещало «полную ликвидацию разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики», опять предупредив против земельных захватов. Но В.Чернову удалось провести лишь постановление «о приостановлении землеустроительных работ», посредством которых проводилась столыпинская реформа. Это было вызвано тем, что крестьяне уже переключились с погрома помещичьих усадеб на погром «раскольников» — хуторян. Т.Шанин пишет: «Главная внутрикрестьянская война, о которой сообщали в 1917 г., была выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атаккой на «раскольников», т.е. на тех хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора в годы столыпинской реформы».

С августа начались крестьянские восстания с требованием национализации земли. Восстания подогрел крупный обман. 6 августа Временное правительство официально объявило, что установленные 25 марта твердые цены на урожай 1917 г. «ни в коем случае повышены не будут». Крестьяне, не ожидая подвоха, свезли хлеб. Помещики же знали, что в правительстве готовится повышение цен, которое и было проведено под шумок, в дни корниловского мятежа. Цены были удвоены, что резко ударило по крестьянству нехлебородных губерний и по рабочим.

Пойти на национализацию земли Временное правительство не могло, поскольку уже в 1916 г. половина всех землевладений была заложена и национализация земли разорила бы банки (которые к тому же почти все были иностранными). Выявилась полная беспомощность правительства в главном вопросе России. Вечером 24 октября Предпарламент небольшим большинством принял резолюцию левых фракций о передаче земли в ведение земельных комитетов — впредь до решения вопроса

Учредительным собранием. Ночью, уже 25 октября, эту резолюцию отвезли в Зимний дворец, чтобы потребовать от правительства ее утвердить. Как пишет лидер меньшевиков Ф.Дан, вручавший резолюцию Керенскому, левые надеялись, что правительство даст согласие, сразу же будут отпечатаны и расклеены по городу афиши, а в провинции разосланы телеграммы о передаче крестьянам всех помещичьих земель и начале переговоров о мире. Но Керенский ответил, что правительство «в посторонних советах не нуждается, будет действовать само и само справится с восстанием». В тот же день, 25 октября, это правительство было без боя смешено. А.Ф.Керенский перед смертью честно написал о себе: «Ушел один, отринутый народом».

С вопросом о земле был тесно связан и вопрос о *мире*. Война все больше воспринималась как бессмысленная и безнравственная — потому-то солдаты поддерживали рабочие демонстрации в ходе Февральской революции. Но после свержения монархии идея немедленного прекращения войны овладела массами солдат еще и потому, что на селе началось стихийное решение земельного вопроса. Те, кто в этот момент были на фронте, оказывались отстраненными от участия в переделе земли. Пришвин пишет о переделах 15 июня: «И солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: «Тебя, Иван, тебя, Семен, тебя, Петр, мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить...» Земельный вопрос надо было решать срочно. Временное правительство осталось глухо и взяло курс на «войну до победного конца».

На этом пути Временное правительство утратило единственную привлекательную сторону своего дела — иллюзию свободы. Чтобы загнать солдат в окопы, летом пришлось снова ввести военно-полевые суды, попытаться начать репрессии. Это предельно озлобило солдат и ничего не дало для укрепления власти — было уже поздно. По инерции революции Временное правительство слишком далеко зашло в разрушении даже того минимума авторитарных отношений, который совершенно необходим любому государству. Уже с марта все общество охватила лихорадка выборов и голосований, доходящая до абсурда. В мемуарах одного немецкого офицера приведен такой факт (его вспоминает активный участник Февральской революции В.В.Шульгин). Летом 1917 г. русские вели наступление на позиции немцев. Часть, которая атаковала участок этого офицера, наступала грамотно. После быстрой перебежки цепи залегали. Немецкие офицеры, наблюдавшие в бинокли, не могли понять

одной вещи: перед следующей перебежкой солдаты поднимали свободную левую руку и кто-то из них пересчитывал, а потом что-то кричал. После чего цепь снова поднималась в атаку. Оказалось, что каждый раз солдаты решали голосованием — вставать в атаку или нет.

Русская либеральная буржуазия и ее управленческие кадры, проникнутые комплексом «вины перед народом», своими заигрываниями с «простым человеком» вели тихое, повсеместное разрушение государственности. Один писатель из инженеров вспоминает о весне 1917 г.: «Инженеры стали отменно либеральны, отчего уважение к ним рабочих сократилось еще вдесятеро». Не было в России и активной авторитетной политической силы, которая была бы способна через общественный диалог укрепить позиции Временного правительства. Массовой буржуазной партии, которая могла бы предложить привлекательную для достаточной части населения идеологию, не существовало. К моменту Февральской революции партия кадетов насчитывала 15—20 тыс. членов, да и целостного социального и экономического учения не имела, представления ее были расплывчаты и внутренне противоречивы. Конкурировать с большевиками и эсерами в общественном диалоге буржуазные либералы не могли.

М.М.Пришвин пишет о состоянии умов тех, кто был ядром социальной базы либерального проекта: «Господствующее мирозерцание широких масс рабочих, учителей и т.д. — материалистическое, марксистское. А мы — кто против этого, — высшая интеллигенция, напитались мистицизмом, прагматизмом, анархизмом, религиозным исканием, тут Бергсон, Ницше, Джемс, Меттерлинк, оккультисты, хлысты, декаденты, романтики, марксизм, а как *это* назвать одним словом и что это?..»

Технических возможностей (подобных радио и телевидению), которые позволили бы даже небольшой группе идеологов Временного правительства манипулировать сознанием больших масс, в то время не было. Да и массовое сознание, сохранившее структуры традиционного мышления, было менее подвержено манипуляции.

Таким образом, не имея еще возможности легитимировать новый порядок так, как это происходит в буржуазном государстве (через волеизъявление свободных индивидов), Временное правительство не приобрело авторитета и через механизмы традиционного общества — через «правду», через ответ на народные чаяния.

Интеллигенция, которая берет на себя основную работу по внедрению идеологии в массовое сознание в гражданском обществе, этой роли после Февральской революции не сыграла. Проводником «здоровой» буржуазной идеологии русская интеллигенция и не могла быть. К тому же крах государственности и предчувствие еще более тяжелых катастроф произвели в устроении интеллигенции шок, который на время деморализовал ее как активную общественную силу. Возникла необычная социальная фигура «и.и.» — *испуганный интеллигент*. Его девизом было «уехать, пока трамвай ходят».

А.М.Горький так выразил установку либеральной интеллигенции: «Главное — ничего не делать, чтобы не ошибиться, ибо всего больше и лучше на Руси делают ошибки». Большую часть интеллигенции охватил страх перед будущим, и в таком состоянии выполнить задачу легитимации крупного социального проекта она не могла. Революция так дезориентировала интеллигенцию, что многие современники с удивлением говорили о ее политической незрелости и даже невежестве. Так, философ и экономист, тогда меньшевик, В.Базаров заметил в те дни: «Словосочетание «несознательный интеллигент» звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину».

Да и западнические иллюзии начали очень быстро линять после Февраля. Разница «февральской» и «горбачевской» демократии в том, что в 1917 г. людей реально поставили перед выбором и в обществе возник *диалог*. Он шел непрерывно и в разных формах. Дневники Пришвина (как, кстати, и записки И.Бунина) содержат множество эпизодов. Вот у Пришвина запись от 1 марта: «Рыжий политик в очках с рабочим. Рыжий:

— Так было везде, так было во Франции, так было в Англии и... везде, везде.

Рабочий задумчиво:

— А в России не было.

Рыжий на мгновение смущен:

— Да, в России не было. — И потом сразу: — Ну, что же... — И пошел, и пошел, вплоть до Эльзас-Лотарингии».

Видимо, несостоятельность западников была уже столь явной, что Н.Бердяев написал: «Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают

дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей». Бердяев, конечно, преувеличивал — он и представить себе не мог, что значит «подражать Западу как дети», не мог предвидеть в России такого явления, как Егор Гайдар или Новодворская.

Советская власть. Совершенно иначе пошло дело у Советов. Наполнение содержанием зародившихся в Советах форм государственности и обретение ими легитимности происходило в основном снизу, стихийно. Если Временное правительство унаследовало аппарат монархической государственности и все его изменения легко проследить документально, то история возникновения Советов остается как бы «белым пятном». Историки говорят об этом очень скупно. Очень активный деятель того времени художник А.Н.Бенуа писал в апреле 1917 г.: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

Становление системы Советов было процессом «молекулярным», хотя имели место и локальные решения. Так произошло в Петрограде, где важную роль сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г. руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов — по типу Петербургского Совета 1905 г. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму — всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Поначалу обретение Советами власти происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать Советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского Совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

Та сила, которая стала складываться сначала в согласии, а потом и в противовес Временному правительству и которую

впоследствии возглавили большевики, была выражением массового *стихийного* движения. Идейной основой его был не марксизм и не идеология, а народная философия более фундаментального уровня. Сила эта по своему типу не была «партийной». Иными словами, способ ее организации был совсем иным, нежели в западном гражданском обществе. Ленин летом 1917 г. в работе «Русская революция и гражданская война» писал: «Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустраимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты».

По подсчетам историков, в 1917 г. количество членов всех политических партий по всей России составляло около 1,2% населения страны. Партийно-представительная демократия, свойственная классовому гражданскому обществу, не была принята населением. Либерально-буржуазное правительство, которое пыталось опереться на такую политическую структуру, «повисло в воздухе». Историки (например, В.О.Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали, что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадеты этого не поняли. В августе 1917 г. М.В.Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас».

В отличие от этой буржуазно-либеральной установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского Совета, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов — недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И критическим событием в этом были Апрельские тезисы В.И.Ленина.

Книга Ленина «Государство и революция», которую в курсе исторического материализма представляли как главный его труд по вопросу государственности, на деле посвящена тактической проблеме слома государственного механизма (который,

кстати, в России был уже практически сломан усилиями самого Временного правительства). Апрельские тезисы имели более глубокое значение: в них ставился вопрос о выборе типа государственности.

Апрельские тезисы — это прозрение, смысл которого нам становится ясен только сегодня. В них сказано, что Россия после Февраля пошла не по пути Запада — без явных решений политиков и лидеров. А значит, сформулированные исходя из западного опыта «законы» в данный момент в России не действуют. К числу таких «законов» относилась возможность социалистической революции лишь на стадии «перезревшего» капитализма, а также невозможность такой революции в отдельно взятой стране:

Согласно подходу истмата, Ленин еще описывал происходящее в понятиях последовательной смены ступеней общественного развития: «Не парламентская республика — возвращение к ней от Советов рабочих депутатов было бы шагом назад — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху». На деле речь идет о двух разных траекториях, и понятия «*вперед*» и «*сзади*» к сравнению парламента и Советов неприменимы. Вернувшись в 1917 г. в Россию, Ленин писал: «Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты... еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип* государства».

На уровне государства это был, конечно, новый тип, но на уровне самоуправления это был именно традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации, — тип военной, ремесленной и крестьянской демократии доиндустриального общества. В России Советы выросли именно из крестьянских представлений об идеальной власти. Исследователь русского крестьянства А.В.Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских Советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Социал-демократы, включая Ленина, долго не понимали сущности русских Советов, относясь к ним или скептически, или как к полезным формам рабочего самоуправления. В крайнем случае их рассматривали как продукт стихийного политического творчества масс, и Ленин отнес их зарождение к време-

нам Парижской коммуны. Тут, видимо, сказывалась оторванность социал-демократов, особенно в эмиграции, от российской реальности.

Т.Шанин резонно пишет, что рабочие в массе своей вряд ли знали о теоретических спорах среди социал-демократов и тем более о перипетиях истории Парижской коммуны в 1871 г. «Но каждый рабочий знал, что есть волостной сход — собрание деревенских представителей исключительно одного класса (государственные чиновники и другие «чужаки» обычно там не присутствовали), где выборные представители сел обсуждают вопросы, представляющие общий интерес. Причина того, почему общегородская организация представителей, избранных рабочими основных предприятий, была учреждена так легко и как бы сама собой, была напрямую связана с формами, уже известными и общепринятыми».

Именно в этих Советах увидел Ленин в апреле 1917 г. уже не полезные вспомогательные инструменты, а основание новой государственности. Ему пришлось в этом вопросе пойти на разрыв с западными социал-демократами, представив дело так, будто они исказили учение Маркса: «Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствовавшим официальным социализмом Западной Европы, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и создания Советов в России».

Обращаясь к партии, Ленин в Апрельских тезисах говорит на языке марксизма, но на деле это было *преодоление* марксизма. Главная его мысль была в том, что путь к социализму в России лежит не через полное развитие и исчерпание возможностей капитализма, а прямо из состояния того времени с опорой не на буржуазную демократию, а на новый тип государства — Советы. Сила их, по мнению Ленина, была в том, что они были реально связаны с массами и действовали вне рамок старых норм и условностей («как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа»). А ведь в тот момент большевики не только не были влиятельной силой в Советах, но почти не были в них представлены.

Последующая советская мифология представила эту идею Ленина как очевидно разумную, вытекающую из марксизма. Это не так. Апрельские тезисы всех поразили. Г.В.Плеханов сразу назвал Апрельские тезисы «бредом». На собрании руководства большевиков Ленин был в полной изоляции. Потом выступил в Таврическом дворце перед всеми социал-демокра-

тами, членами Совета. Богданов прервал его, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!». Примерно так же выступил большевик Гольденберг и редактор «Известий» Стеклов (Нахамкес). Отпор был такой, что Ленин покинул зал, даже не используя свое право на ответ.

Тезисы были опубликованы 7 апреля. На другой день они обсуждались на заседании Петроградского комитета большевиков и были отклонены: против них было 13 голосов, за — 2, воздержался 1. Но уже через 10 дней Апрельская партконференция его поддержала. Большевики «с мест» лучше поняли смысл, чем верхушка партии.

Потом в Советах стала расти роль большевиков (работали «будущие декреты»). История прекрасно показывает этот процесс: власть совершенно бескровно и почти незаметно «перетекла» в руки Петроградского Совета, который передал ее II съезду Советов. Тот сразу принял Декреты о мире и о земле — главные предусмотренные Лениным источники легитимности нового порядка в момент его возникновения.

Именно эти декреты нейтрализовали потенциальный источник легитимности буржуазной республики, созданный по инерции «из двоевластия», — Учредительное собрание. Выборы в Учредительное собрание состоялись в ноябре 1917 г. по старым спискам. В октябре И.А.Бунин записал в дневнике: «Вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим». Открыто Учредительное собрание было 5 января 1918 г. Оно отказалось признать Советскую власть, проговорило впустую почти сутки и было закрыто («караул устал»). Как вспоминает в эмиграции один нейтральный политик из правых, на улицах «Учредительное собрание бранили больше, чем большевиков, разогнавших его».

Таким образом, стихийный процесс продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю минуя государство либерально-буржуазного типа обрел организующую его партию (большевиков) и первое, еще очень осторожное обоснование в политической философии (Апрельские тезисы).

Прагматичные историки и в России, и за рубежом оценили стратегию Ленина, позволившую осуществить практически бескровный переход, как блестящую. Меньшевики же считали ее окончательным отходом от марксизма — прыжком в бездну социалистической революции без прочного фундамента в виде развитого капитализма. Суть Октября как *цивилизационного* вы-

бора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М.Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И.Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». Предвосхищая взгляды евразийцев, Н.Бердяев писал: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма».

Еще более определенно оценили цивилизационный смысл Октябрьской революции западные традиционалисты. Вальтер Шубарт в своей известной книге «Европа и душа Востока» (1938) пишет: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад Габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме: Третий Рейх или Третий Интернационал и не фашизм или большевизм? Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...

Сегодня Европа чувствует себя под серьезной угрозой русского большевизма. Если бы она пристальнее взгляделась в его облик, она обнаружила бы в нем свои собственные западные идеи, которые большевики лишь увеличили и огрубели до пародии, — идеи атеизма, материализма и прочих сомнительный хлам прометеевской культуры. То, чего Запад боится, — это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы. Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу часть за частью, а затем и всю»*.

*На русском языке книга опубликована в журнале «Общественные науки и современность» (1992, № 6; 1993, № 1).

Особая тема, которую здесь нет места развивать, — отношение к большевизму Л.Д.Троцкого. Он прибыл в Россию в начале мая 1917 г. из США и примкнул к небольшой группе социал-демократов («межрайонцы»), а потом начал вести переговоры с большевиками. Ленин предложил ему войти в редколлегия «Правды», и Троцкий ответил, что «согласен, постольку, поскольку русский большевизм интернационализировался». Отсюда можно сделать вывод о том, какие претензии он выдвигал к большевизму. Давая согласие, он добавил: «Но признания большевизма требовать от нас нельзя... Большевики разболевшились — и я называться большевиком не могу». Пошел на союз с большевиками он лишь после 3 июля, когда падение Временного правительства стало вполне реальным.

В поединке Временного правительства и Петроградского Совета, за которым наблюдали все те, до кого доходила информация, Совет все время «набирал очки». И здесь пробным камнем стал вопрос о земле. Уже 9 апреля Петроградский Совет признал «запашку всех пустующих земель делом государственной важности» и потребовал создания на местах земельных комитетов.

И не только в главных вопросах — мира и земли — брал верх Совет, а и по множеству житейских дел, которые сильно влияли на обыденное сознание. Легитимация власти в обыденном сознании происходит именно через накопление малых, «молекулярных» оценок.

Совет, имея авторитет в среде рабочих и солдат, оказался гораздо более дееспособным, чутким и гибким в создании условий жизни граждан. В первые же дни революции была ликвидирована полиция, из тюрьмы выпущены уголовники, и город жил под страхом массовых грабежей. Временное правительство создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет — милицию из рабочих, фабрики и заводы обязаны были отрядить каждого десятого рабочего. Было очевидно, что основную работу по наведению порядка выполнила рабочая милиция. Сравнение было в пользу Совета.

Когда деятели культуры («комиссия Горького») обратились в Совет с просьбой отказать от захоронения жертв революции на Дворцовой площади, Совет сразу пошел навстречу. Похороны состоялись на Марсовом поле. Напротив, вопреки всем просьбам комиссии не занимать Зимний дворец под учреждения, там разместилось Временное правительство, причем премьер-министр занял под жилое помещение историческую ком-

нату Александра III, он и его свита пользовались музейными предметами как утварью, а караул из 1000 солдат был размещен в парадных залах. Такие мелочи не прибавляли авторитета в среде горожан.

Именно в Советы приходилось обращаться за разрешением социальных конфликтов (при конфликте инженеров с рабочими в Петрограде и врачей с младшим персоналом в Москве). Таких вопросов, в решении которых Советы оказывались более практичными и близкими к жизни органами власти, было множество.

В июле Временное правительство сделало отчаянный шаг, чтобы ликвидировать двоевластие (расстрел демонстрации 3 июля), но это лишь развязало Совету руки для радикальных мер. Уйдя в тень, Совет оставил сцену Временному правительству, и это очень ухудшило образ буржуазных либералов. В августе была попытка свергнуть Временное правительство «справа» (корниловский мятеж). Тот факт, что защиту его в основном пришлось организовывать Петроградскому Совету, в глазах граждан означал полное банкротство правительства. От оставшейся у него чисто номинальной власти оно было отстранено без всякого насилия 25 октября, в день открытия II съезда Советов, на котором и была провозглашена Советская власть и приняты ее первые декреты*.

Революционные (социалистические) политические силы между Февралем и Октябрем. Революционные силы, организованные в политические партии и имеющие собственную платформу, после Февраля резко разделились на два течения. Одни исходили из представления о русской революции как *буржуазной* и считали, что условия для пролетарской (социалистической) революции не созрели и торопить ее созревание нельзя. Значит, надо идти на коалицию с буржуазией и поддерживать Временное правительство. В отличие от них ленинское руководство большевиков считало, что русская революция в главных своих чертах имеет *антибуржуазный* характер и перерастает в социалистическую. Следовательно, на коалицию с Временным

*Насколько Временное правительство к осени 1917 г. оказалось оторванным от реальности, видно из того, что буквально накануне Октября Керенский заявил английскому послу Дж. Бьюкенену: «Я желаю того, чтобы они [большевики] вышли на улицу, и тогда я их раздавлю».

правительством идти не надо, а надо поддерживать лозунг «Вся власть Советам».

В.М.Чернов в своих воспоминаниях позже пишет о кадетах, меньшевиках и эсерах, собравшихся в коалиционном Временном правительстве: «Над всеми над ними тяготела, часто обеспоживая их работу, одна старая и, на мой взгляд, устаревшая догма. Она гласила, что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой... Соглашались на все, только бы не переобременить плеч трудовой социалистической демократии противоестественной ответственностью за власть, которой догма велит оставаться чужой, буржуазной».

Точно оценить численность политических партий в момент революции трудно, к тому же она исключительно быстро менялась. Мы, долгое время жившие при КПСС, часто не учитываем, что само понятие *партия* очень неоднозначно. Например, летом 1917 г. в партию эсеров записывались коллективно — на фронте целыми ротами, а дома — целыми деревнями. Социал-демократы, и большевики, и меньшевики, принимали в свои партии согласно уставу, принятому еще в 1903 г., — индивидуально и при условии работы в какой-то первичной организации. Понятно, что сравнение по численности столь разных партий мало что дает. Все же приведем результаты многочисленных подсчетов историков.

Накануне Февраля в организациях партии **большевиков** работали около 10 тыс. человек, а в момент Апрельской конференции их численность оценивалась в 50 тыс. К июлю — августу, судя по материалам VI съезда РСДРП(б), в партии большевиков было 200—215 тыс. членов. Накануне Октября партия большевиков насчитывала 350 тыс. членов. В первые месяцы после Февраля партия **меньшевиков** была более многочисленной, чем большевики, в апреле—мае в ней состояло около 100 тыс., но в августе меньшевики уже отставали — их было около 200 тыс. К концу 1917 г. это число не выросло. Как было сказано, партия **эсеров** комплектовалась по-иному, чем социал-демократы. На основании анализа местной прессы ее численность внутри России к осени 1917 г. оценивается в 300 тыс. членов, и примерно 400 тыс. эсеров находились на всех фронтах в армии. Рассмотрим позиции, которые занимали эти партии после Февраля.

Эсеры. Партия эсеров была образована в 1902 г. и ряда под-

полных групп, которые были остатками разгромленной в 1881 г. «Народной воли»*. Они считали себя наследниками революционных народников и тяготели к философии боевого действия. Н.К.Михайловский говорил Н.С.Русанову, что «Дюринг, обосновавший теорию справедливости на чувстве мести, здорового возмездия, гораздо больше подходит к современной русской действительности, чем Маркс, который изучает явления только объективно и не обладает достаточно боевым темпераментом, чтобы понимать условия русской политической борьбы»**.

Во время революции 1905—1907 гг. и перед ней эсеры совершили 263 крупных террористических акта, в результате которых погибли 2 министра, 33 губернатора, 7 генералов и т.д. В то время партия насчитывала 63 тыс. членов (всех социал-демократов было тогда около 150 тыс.).

Из социалистических партий именно эсеры с самого начала утверждали, что Россия отличается от Западной Европы и потому характер ее революции и путь к социализму будут иными, нежели на Западе. Это они восприняли от своих предшественников — народников. Но история показала, что сама по себе социальная философия, лежащая в основе партийной программы, вовсе не достаточна для того, чтобы партия смогла сделать верный выбор в момент революционной катастрофы. И между Февралем и Октябрем 1917 г. получилось так, что эсеры отошли от своих главных программных положений и вступили в союз с либерально-буржуазными силами.

Еще весной, сразу после Февраля, эсеры колебались, а потом приняли политическую линию меньшевиков. А главный смысл этой линии был в том, что Россия не готова к социалистической революции и поэтому надо укреплять буржуазное Временное правительство. Так эсеры вошли в это правительство и даже приняли в свои ряды Керенского. За этим последовал и другой важный шаг — поддержка решения продолжать войну, а ради этого отложить на неопределенный срок разрешение зе-

*Организация партии происходила под контролем охраны. с 1899 г. Руководил этим контролем С.В.Зубатов. Через провокатора Е.Ф.Азефа Зубатов организовал и подпольную типографию эсеров, благодаря Азефу были проведены и аресты эсеров по всей России в 1903 г., а потом в Петербурге. Однако полиция не справилась с растущей партией, она возродилась и завязала связи с другими революционными левыми организациями.

**Твардовская В.А., Итенберг Б.С., Русанов Н.С. — искатель истины в социализме. — Отечественная история, 1995, № 6.

мельного вопроса — до конца войны, когда с фронта вернутся солдаты. Большевики же, напротив, включили важнейшие концепции эсеров в свою программу*.

Причина такого отличия большевиков от эсеров заключается в том, что большевики были именно партией нового типа. Это была партия с новаторским типом мышления, освоившая новую, складывающуюся в ходе кризиса картину мира — единственная партия, которая *чувствовала революцию*. И потому, будучи марксистской, она не подчинялась догмам марксизма, а смогла стать частью живого народного организма. Она, как это ни покажется странным, смогла интегрировать в свою программу идеи народников гораздо органичнее, нежели прямые наследники народников — эсеры.

Н.А.Бердяев писал: «Не революционному народничеству, а именно ортодоксальному, тоталитарному марксизму удалось совершить революцию, в которой Россия перескочила через стадию капиталистического развития, которая представлялась неизбежной первым русским марксистам. И это оказалось согласным с русскими традициями и инстинктами народа».

После Февраля для эсеров была характерна *«властebоязнь»* — они не желали брать на себя ответственность. Хотя эсеры были тогда самой большой партией, они признали политическое главенство меньшевиков. Будучи в правительстве, эсеры откладывали решение коренных проблем и шли на постоянные уступки кадетам, которые оттягивали созыв Учредительного собрания. И получилось так, что, участвуя во власти, эсеры побоялись реализовать свою собственную программу, за которую они боролись в подполье.

Главной причиной того, что народ отшатнулся от эсеров летом 1917 г., был оборонческий курс партии. Эсеры, следуя идее продолжения войны и даже сдвигаясь от оборончества к идее войны до победного конца, утверждали, что для этого необходимо национальное единство, а потому надо поддерживать буржуазию, которая руководит промышленностью.

Анархисты. В России первые группы анархистов возникают в 1903 г. В 1907 г. движение достигает пика и насчитывает 255

*Точнее сказать, партия эсеров раскололась, и большая ее часть (правые эсеры) просто отказалась от старой программы. Левые эсеры следовали старой программе еще целый период, образовав коалицию с большевиками, но и они откололись в ходе кризиса, связанного с Брестским миром.

организаций в 180 городах (самые крупные группы находятся в трех «столицах» анархизма — Белостоке, Екатеринославе и Одессе). В движении преобладали евреи (по отдельным выборкам — 50%). После поражения революции 1905—1907 гг. движение распалось, отдельные группы занимались налетами («экспроприациями»). Новый подъем начался после Февраля 1917 г., когда из ссылки и из эмиграции вернулись видные организаторы и теоретики (в том числе П.А.Кропоткин).

Анархисты заняли единую непримиримую позицию по отношению к Временному правительству (Керенский предлагал Кропоткину пост любого министра, но тот отказался). По отношению к Советам мнения в среде анархистов разошлись — в усилении большевиков многие из них видели тенденцию к укреплению государственности.

Во время Октябрьских событий анархисты принимали участие в вооруженных столкновениях, но после установления Советской власти выступили с идеей «третьей революции» и стали создавать боевые дружины («черная гвардия»). В апреле 1918 г. они были разоружены ВЧК.

Меньшевики. Политическая ситуация после Февраля складывалась для меньшевиков исключительно благоприятно. С самого начала меньшевики стали «партией ведущей идеологии» февральского режима и возглавили Петроградский Совет, а в марте руководили большинством Советов в России. Они были инициаторами первых Советов солдатских депутатов в армии, их поддерживала интеллигенция, благодаря чему они имели достаточно талантливых кадров для агитации и пропаганды. По влиянию на интеллигенцию меньшевики уступали лишь кадетам. Они имели очень большое влияние в профсоюзах и в местном самоуправлении. Теперь, в новых условиях, наконец-то произошло официальное разделение РСДРП на две партии: с апреля большевики стали называть себя РСДРП(б), а в августе свое разделение подтвердили на съезде меньшевики, сохранившие название РСДРП.

Программа, которую выдвигали меньшевики после Февраля, была совершенно *социалистической*. Вот как выражали они свой идеал будущего общественного строя в платформе к выборам в Учредительное собрание: это строй, при котором «все общественные богатства, все средства производства, все земли, фабрики, заводы, рудники стали бы общественной собственностью, при котором все члены общества, все граждане обязаны были бы трудиться, но зато все в равной степени пользовались бы благами природы и всем, что добыто человечеством.

При социалистическом обществе прекратилась бы борьба классов, так как исчезли бы самые классы, прекратились бы войны, которые нужны только правящим классам. Человечество стало бы одной братской семьей» («Рабочая газета», 1917, 29 июля).

Суть выбора меньшевиков была в том, что они сознательно от своей программы отказывались, считая, что время для нее не пришло. Трактую революцию как *буржуазную*, они считали необходимым поддерживать буржуазию как в данный момент прогрессивный класс. Видный меньшевик А.Иоффе писал в мае 1917 г.: «Как бы громки ни были революционные фразы, но до тех пор, пока меньшевизм остается правительственной партией *буржуазного* правительства, — до тех пор меньшевизм не только обречен на бездействие, но и совершает над собою своеобразное политическое «харакири», ибо губит самую внутреннюю сущность социал-демократии».

Главным был вопрос о земле и мире, точнее, о мире — потому что считалось невозможным решать вопрос о земле, пока из армии не демобилизованы солдаты-крестьяне. Иногда приходится читать, что кадеты и меньшевики «не поняли» важности этого вопроса и уступили инициативу большевикам. Это неверно, всем в то время значение главных проблем было ясно, выбор определялся не интеллектуальными способностями лидеров, а ориентацией партии. Лидеры меньшевиков и кадетов не потому не могли в вопросе мира пойти наперекор интересам Англии и Франции, что были масонами. Они стали масонами потому, что хотели сделать Россию «как Франция».

Значение мира понимали прекрасно, и в марте орган меньшевиков «Рабочая газета» писала: «Революция победила царизм, но если она не победит войну — все ее успехи превратятся в ничто. Война свалила старый режим, но она свалит и новый режим, если народам не удастся ее прекратить». По вопросу окончания войны среди меньшевиков был раскол («оборонцы», «центристский блок революционных оборонцев» и «меньшевики-интернационалисты», близкие в этом вопросе к большевикам). Войдя в коалицию с кадетами, меньшевики сдвинулись от оборончества к поддержке наступления (июнь 1917 г.) и стали отрываться от своей базы. Они пытались организовать мирную конференцию западных социал-демократов в Стокгольме, но правительства Англии, Франции, Италии и США при неявной поддержке Временного правительства не дали паспорта своим делегатам. Как писал в 1935 г. видный английский историк социал-демократии, западные державы «бросили жаждавшие мира массы в объятия левых экстремистов, которые обещали не-

медленный конец кровопролития». Инициатива меньшевиков провалилась, и раскол в их среде усилился.

В дни корниловского мятежа идея коалиции с буржуазией была полностью дискредитирована. Это сильнее всего ударило по меньшевикам — хотя они принимали активное участие в организации отпора Корнилову. Впервые после Февраля в Петроградском и Московском Советах были отвергнуты резолюции меньшевиков, и к руководству в Советах пришли большевики. Партия меньшевиков стала распадаться. Вот что писала в те дни (28 сентября) газета «Новая жизнь»: «Кто знаком с положением дел петроградской крупнейшей организации меньшевиков, еще недавно насчитывавшей около 10 тысяч членов, тот знает, что она перестала фактически существовать. Районные собрания происходят при ничтожном количестве, 20—25 человек, членские взносы не поступают. Тираж «Рабочей газеты» катастрофически падает. Последняя общегородская партийная конференция не могла собраться из-за отсутствия кворума».

В октябре—ноябре в России состоялось множество съездов разного уровня, и меньшевики на них везде терпели поражение. Видный меньшевик Д.Далин писал: «Нужно иметь мужество признать, что рабочие массы в огромном большинстве идут сейчас за большевиками. Это неоспоримый факт». Газета эсеров «Дело народа» писала о Московском областном съезде Советов 4 октября: «Съезд лишний раз обнаружил исчезновение с политической арены партии социал-демократов меньшевиков».

Большевики. Несмотря на сильную оппозицию внутри партии, большевики приняли новую теорию русской революции, которую разрабатывал Ленин после 1907 г. Согласно этой теории, это была революция союза рабочих и крестьян, направленная на то, чтобы *избежать* капитализма. Для ее успеха не было необходимости (да и возможности) дожидаться, чтобы капитализм в России исчерпал свой потенциал как двигатель в развитии производительных сил. А главное, в конкретных исторических условиях России на пути либерально-буржуазной государственности грозила верная катастрофа. Поэтому большевики взяли курс на революцию и власть Советов. И это был не доктринальный выбор, он вытекал из всей истории Российского государства*.

*Насколько непростым, творческим был этот выбор, говорит тот факт, что большинство тех, кто были членами ЦК РСДРП (большевики) в 1903—1912 гг., в дальнейшем вышли из партии или были исключены из нее.

Н.А.Бердяев писал, что при строгом следовании принципам марксизма социальной революции в России пришлось бы ждать очень долго: «И наиболее революционно настроенные марксисты должны были иначе истолковывать марксизм и построить другие теории русской революции, выработать иную тактику. В этом крыле русского марксизма революционная воля преобладала над интеллектуальными теориями, над книжно-кабинетным истолкованием марксизма. Произошло незаметное соединение традиций революционного марксизма с традициями старой русской революционности... Марксисты-большевики оказались гораздо более в русской традиции, чем марксисты-меньшевики».

Статья А.Грамши «Революция против *«Капитала»*», написанная в январе 1918 г., содержит такую важную мысль: «Создается впечатление, что в данный момент максималисты [большевики] были стихийным выражением [действия], *биологически* необходимого для того, чтобы Россия не претерпела самый ужасный распад, чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенес жестокие стимулы голодного волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга».

Грамши видит в том факте, что Россия просто, без боя и без выборов, отдала власть большевикам, *биологическую* закономерность, которая для него гораздо выше и сильнее канонов истмата. Именно пренебречь ею в пользу истмата и было бы, по его мнению, самым тупым волюнтаризмом.

Меня сегодня поражает и остается загадкой странная доктринерская ограниченность наших антисоветских патриотов, отрицающих Октябрьскую революцию. Чубайса, Гайдара и Гусинского с Мамутом понять можно — им это выгодно. Но патриоты... Все те из них, кто знаком с именем замечательного русского ученого и государственного деятеля В.Н.Ипатьева, его, конечно, очень уважают. Гордость России, генерал, эмигрант и т.д. Так надо его послушать. В своем большом двухтомном труде «Жизнь одного химика» (Нью-Йорк, 1945) он пишет о том времени: «Продолжение войны угрожало полным развалом государства и вызывало крайнее раздражение во всех слоях населения». Либеральные и почти все левые партии требовали продолжения войны. «Наоборот, большевики, руководимые Лениным, — продолжает Ипатьев, — своим лейтмотивом взяли требование окончания войны и реальной помощи беднейшим

крестьянам и рабочим за счет буржуазии... Надо удивляться талантливой способности Ленина верно оценить сложившуюся конъюнктуру и с поразительной смелостью выдвинуть указанные лозунги, которым ни одна из существовавших политических партий в то время не могла ничего противопоставить... Можно было совершенно не соглашаться с многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию, но надо быть беспристрастным и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 г., проведенный Лениным и Троцким, обусловил собой спасение страны, избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны».

Особый, малоизученный вопрос состоит в том, благодаря каким методологическим принципам большевики «чувствовали» чаяния революционных масс. Ведь между Февралем и Октябрем они следовали не заранее выработанной программе, а предвосхищению хода событий и, говоря современным языком, пониманию самой структуры происходившей в России катастрофы. Как писал М.Волошин, «революции — эти биения кармического сердца — идут ритмическими скачками и представляют непрерывную пульсацию катастроф и мировых переворотов».

Можно сказать, несколько напыщенно, что программа большевиков следовала именно биениям кармического сердца, за что ее и критиковали весьма резко и свысока меньшевики и бундовцы. М.Либер возмущался: «Ложь, что массы идут за большевиками. Наоборот, большевики идут за массами. У них нет никакой программы, они принимают все, что массы выдвигают».

На деле революционная программа большевиков следовала именно большому общему процессу, всей траектории российской государственности. Спустя некоторое время это признали многие противники Ленина. Так, лидер кадетов П.Н.Милюков в своих воспоминаниях, изданных в 1927 г. в Париже («Россия на перепутье. Большевистский период русской революции») писал о русской революции как о глубоком и длительном процессе изменения основных структур жизнеустройства. Он так оценивал Октябрь: «С этой точки зрения и «коммунистическая» революция 25 октября 1917 г. не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции. Мы увидим, что никакого «коммунизма» не было введено в России и что сами ком-

мунисты в процессе революции должны были приспособляться к условиям русской действительности, чтобы существовать. Большевицкая победа в этом смысле лишь продлила общий процесс русской революции. Существенно в этой победе не поверхностная смена лиц и правительств — и даже не перемена их тактик и программ, а непрерывность великого основного потока революционного преобразования России, плоды которого одни только и переживут все отдельные стадии процесса».

Для нас сегодня очень важно понять тот факт, что Октябрьская революция была настолько закономерным и ожидаемым результатом всего предыдущего хода событий, что сама по себе не потребовала никакого насилия. Потом это событие официальная советская история героизировала и поэтически представила в виде залпов «Авроры», штурма Зимнего дворца, опираясь на фильм Эйзенштейна почти как на документальный.

А сейчас нам лучше отложить мифологию и послушать летописца из очевидцев. Таким может служить Н.Н. Суханов, который написал «Записки о революции» в семи томах (М., 1991—1992). Он был в гуще событий — член Исполкома Петроградского Совета с момента его образования, член ВЦИК Советов, редактор важной газеты того времени «Новая жизнь». Марксист по убеждениям, он был сторонником аграрной программы эсеров. Человек очень независимого ума, он до мая не был членом никакой партии (был «диким»), а потом вступил в партию меньшевиков, примкнув к «интернационалистам». Его никак нельзя было считать сторонником большевиков. Он, например, в тот момент был убежден, что «власть большевиков будет эфемерна и кратковременна».

Как очевидец, Суханов категорически отвергает столь популярную у нынешних «демократов» версию, согласно которой Октябрьская революция была «переворотом», результатом «заговора» кучки большевиков. Он пишет: «Говорить о военном заговоре вместо народного восстания, когда за партией идет подавляющее большинство народа, когда партия фактически уже завоевала всю реальную силу и власть, — это явная нелепость».

Как аргумент версии о «заговоре» и тогда, и сегодня обращают внимание на тот факт, что Зимний занимали очень небольшие силы. На это Суханов отвечает: «Очевидно, восстание пролетариата и гарнизона в глазах этих остроумных людей непременно требовало активного участия и массового выступления на улицы рабочих и солдат. Но ведь им же на улицах было нече-

го делать. Ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т.д. Это — особо счастливые условия нашего Октябрьского восстания, из-за которых его доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом».

Питирим Сорокин отметил важную вещь: «Падение режима — обычно результат не столько усилий революционеров, сколько бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима». Именно это и имело место в 1917 г. — либерально-буржуазное правительство, к которому примкнула и часть революционных социалистических сил, оказалось не способно к созидательной работе по решению самых насущных жизненных проблем народа.

В марте 1920 г., продолжая спор с меньшевиками и эсерами, Ленин сказал им следующее: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием».

Произошла Октябрьская революция, и новая, советская государственность стала формироваться уже при наличии полной политической власти.

М.М.Пришвин также почувствовал, что переход власти к Советам означал именно *цивилизационный* выбор, что попытка встать на западный путь развития государственности не удалась. Революции такого масштаба есть разрешение кризиса несравненно более глубокого, нежели политический или социальный. Де Токвиль писал: «Французская революция является политической революцией, употребившею приемы и, в известном отношении, принявшею вид революции религиозной... Она проникает на далекие расстояния, она распространяется посредством проповеди и горячей пропаганды, она воспламеняет страсти, каких до того времени никогда не могли вызвать самые сильные политические революции... Она сама стала чем-то вроде новой религии, не имевшей ни Бога, ни культа, ни загробной жизни, но тем не менее наводнившей землю своими солдатами, своими апостолами и мучениками». Русская революция с точки зрения социолога, продолжающего линию Де Токвиля, также является революцией *религиозной*.

Тяжело переживая крах либеральных иллюзий, Пришвин так выразил суть Октября: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла»? Стал Пришвин размышлять, из чего

же она возникла. И уже 31 октября выразил эту правду почти в притче. Возник в трамвае спор о правде (о Керенском и Ленине) — до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!».

В бессильном отрицании признает Пришвин, что советский строй («горилла») — это соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей: «в чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных». Но только в таком соединении и жива Россия, в конце концов признал это и Пришвин, и Вернадский. Но не предвидели они, какие огромные силы будут брошены на то, чтобы через семьдесят лет разделить товарищей и православных — и в обществе, и в душе.

Октябрь: лирическое отступление. Октябрьская революция и советское прошлое — такая большая тема, что ее или обходят, или пожинают легкие, но ядовитые плоды охаивания. И ладно бы уж экс-диссиденты или продажные писаки, так нет, даже просвещенный патриот полковник В. Зорькин, герой Конституционного суда. Вот он отмежевывается от тех, кто впал в ностальгию по СССР. Для них, мол, «великая Россия есть непременно интернациональная тоталитарная империя сталинского типа, лишенная всякой национальной самобытности, коснеющая в убогих идеологических догмах, разделенная внутренними «классовыми» противоречиями, страна, медленно, но неуклонно хиреющая под непосильной ношей «добровольной» помощи многочисленным «братским» народам». Так в газете «Завтра» Зорькин дословно повторяет формулу, с помощью которой разваливали СССР, принимая первую Декларацию о суверенитете. «Новые красные» же сдвигаются к примиряющей формуле — «не все было плохо при Советской власти». И начинают вспоминать цену буханки, Гагарина и т.д. И там, и здесь я вижу глубокую, исторического масштаба *бессовестность* — большую, чем у «демократов». Эти признали, что они — сознательные и непримиримые враги советского строя. Сейчас явные, а раньше «солдаты невидимого фронта» холодной войны, которую Запад вел против России, продолжая другими средствами дело недотепы Гитлера. Чего же от них требовать?

Почему же обе формулы бессовестны, а не просто ошибочны? Потому, что никто из них — ни Шафаревич, ни Зорькин — ни разу не сказал: в какой из критических моментов после февраля 1917 г. они в *реальном* спектре политических сил заняли

бы иную позицию, чем та, которая и победила в проекте советского строя? Вот это было бы честно, поскольку тогда их критика этого проекта как якобы худшего из реально возможных была бы сопряжена с личной ответственностью. Пусть бы И.Р.Шафаревич сказал, что он в 1919 г. был бы сподвижником генерала Шкуро, которого генерал Деникин послал в рейд — ободрать золото и серебро с иконостасов церквей в Центральной России. Или громил бы города и местечки вместе с батькой Махно. Пусть бы он сказал, что это был лучший выбор, чем собирать Россию под красным флагом, что лучше было бы ему потом скитаться по эмиграции, чем заниматься математикой в Академии наук СССР. Если он этого не говорит, то честно было бы оставить 1917—1921 гг. в покое. Тогда народ сделал свой выбор после огромного кровавого эксперимента на самом себе, и ревизовать тот выбор сегодня — грех.

Но я здесь хочу сказать о другом. Принижая советский строй и клевета на него, неизбежно принижают (а по сути отвергают) корень России вообще — особенно любимой якобы *царской России*. А главное, своим тупиковым, никуда не ведущим отрицанием они заражают мышление многих людей. Даже не столько своими выводами, сколько типом рассуждений, своим способом мыслить. Наши патриоты-антикоммунисты проклинают Октябрь исходя из мелочных политических оценок. Разве можно сказать, что они хотят капитализма? Нет, вроде им Чубайс противен. Но и те, кто против чубайсов начала века восстали и восстановили именно суть России как цивилизации, им противны не меньше. Тут — внутреннее противоречие, расщепляющее сознание.

Передо мной лежит сценарий фильма С.Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Его тяжело читать, он — как бы наглядное пособие к мысли Ницше о том, что интеллигенция склонна орудовать фальшивыми гирями. Читаю сценарий, и так неприятно, будто тебя заставляют смотреть что-то неприличное. Обман, против которого зритель, размягченный образами русской старины, будет бессилён, — это же запрещено совестью художника. И все для того, чтобы сказать о советском строе: «Господи, кто же придумал этот строй, которому чуждо проявление сострадания к ближнему!» Но это — политика, Говорухин выполняет контракт, работал и работает на добывание советского строя. Да я и не о Говорухине. Он — натура художественная, живет чувствами и инстинктами (особенно инстинктом выгоды). Но о методе его говорить необходимо.

Дело в том, что метод, примененный С.Говорухиным, «работает» именно против России как цивилизации вообще, а вовсе не только против советского периода. Что остается от сценария, если «отжать» из него лирику про доброго Николая II, больного царевича, злых революционеров и примеси еврейской крови у Ленина? Что сказано о сущности России? Как объяснена революция?

В осадке — доводы от желудка, от потребления. Смотрите, какую Россию мы потеряли: «икра — 3 руб. 40 коп. фунт, водка — 13 руб. ведро. Слесарь получал 74 руб. в месяц, профессиональный рабочий — 344 руб.». Мол, даже слесарь (это у Говорухина что-то вроде рабочего-любителя?) мог в месяц пять ведер водки выпить и кило икры съесть, а уж рабочий-профессионал — вообще водкой заливаться.

Для тонкого интеллигента — вещи деликатнее. Дается описание витрины Елисеевского магазина: «Жирные остендские устрицы, фигурно разложенные на слое снега, огромные красные омары и лангусты». И тут же — крик боли за поруганную большевиками родину, лишенную омаров: «Ну, хватит, наверное. Похоже на издевательство над нашим человеком». Непонятно, правда, чем же плох Чубайс — ведь при нем опять повезли в Москву жирных устриц.

Какой же вывод делает сценарист из списка цен и доходов? Что Россия в целом была благополучным обществом, а втянувшиеся в революцию рабочие, которые на свою зарплату могли зажрать (мясо — 15 коп. фунт), взбесились с жиру.

Взвесим реальность более верными гириями. Мясо было по 15 коп., но 40% призывников впервые пробовали мясо в армии. Хлеб — по 3 коп. фунт. С.Говорухин свои данные для фильма взял из вышедшей в Париже книги о России какого-то Эдмона Тэри. Он о Льве Толстом не слышал? Почему же, как писал Л.Толстой, в России голод наступает, не когда хлеб не уродился, а когда не уродилась лебеда? Хотя бы потому, что скудно протопить избу обходилось крестьянину в 20 руб., а денег у него не было. Вот объехал Толстой четыре черноземных уезда Тульской губернии, обошел почти все дворы:

«Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, — с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды, — хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные... Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая,

зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она несъедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалют. Здесь бедные дворы доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Вот большая деревня Ефремовского уезда. Из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим».

Каков же главный вывод Толстого? В том, что причина — *неправильное устройство жизни*. «Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было! И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год все это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!»

Вот именно отсюда жирные остендские устрицы, и в этом — суть той больной России, о которой мечтает С.Говорухин. И Толстой, как зеркало русской революции, так прямо и сказал: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты». И суть России в том, что это сказал и объяснил великий писатель, граф. А профессиональные рабочие, которые на месячную зарплату могли купить по тонне мяса, его поняли и устроили революцию. Они посчитали, что эта жизнь — против совести. А Говорухину именно это в русских рабочих и не нравится, а нравятся *омары*.

Толстой же и объясняет, почему русским нельзя жить, высасывая соки из большинства народа: «Нам, русским, это должно быть особенно понятно. Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благосостояние богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непосредственна, так очевидно то, что наше богатство обуславливается его бедностью или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден».

На мой взгляд, драгоценность России — обе ее ипостаси. Одна — долготерпение крестьянина, который три века тянул лямку и относился к барину, как к избалованному ребенку, вот он подрастет и одумается. Другая — гордость и решимость в тот момент, когда стало ясно: не одумается, а окончательно впадет в свинство. И эта ответственность за всех, включая грешного барина, проявилась ведь не в среде обиженных и обездоленных.

И это для Говорухина — отягчающее обстоятельство. А на деле это — достоинство.

Революция, как бы она ни была ужасна, была именно спасением корня России — грубо, жестоко совершенным, почти без помощи культурного слоя (он только науськивал). Потому что дело шло именно к гибели — «сильным» захотелось сделаться как англичане. Давайте же взглянемся в зеркало революции.

Я вспомнил про тот фильм Говорухина лишь потому, что логика его прозрачна, на ней легче учиться. Но мы порой, сами того не замечая, следуем, по сути, той же логике и, выходит, черним в старой России именно то, что в ней прорастало как будущее советское. То, что в ней и было спасено революцией. Я хочу сказать о важной статье в «Советской России» (за 3 апреля 1997 г.) под рубрикой «О классовом подходе к понятию патриотизма».

Ее автор Т.Тасвунин пишет, что частично поддерживает Троцкого в вопросе о крестьянстве: «Я не согласен, что, характеризуя русское дореволюционное крестьянство как бескультурное и примитивное, Троцкий полностью был не прав. У него, конечно, и здесь так и прет наружу его преувеличенная до нелепости революционность (псевдореволюционность), но что крестьянство было в массе своей убогим и забитым, это факт. У наших классиков нередко можно встретить рассуждения об идиотизме крестьянской жизни. Заметьте, жизни, а не самих крестьян как индивидов. Примитивны и отсталы крестьяне были в силу их условий жизни, а не как дебилы, не в силу генетической примитивности».

Здесь наворочена целая куча сцепленных ложных утверждений и понятий. Неверно называть русских крестьян *индивидами* — это принципиально несовместимые, даже противоположные понятия. Далее: автор специально отмечает, что крестьяне не дебилы и примитивны не генетически — а то бы мы могли этого не заметить. То есть само по себе предположение о генетической примитивности социальной группы не кажется автору абсурдом, он его не исключает из вариантов объяснения «факта». А между тем это именно абсурд, то представление о человеке (социал-дарвинизм), которое нам десять лет навязывают «демократы».

Да, классики говорили об «идиотизме деревенской жизни», ибо они были вскормлены Вольтером, для которого крестьянин с его общинным мышлением был злейший враг. Из отложенного им духовного яйца вылупился и Троцкий, его революцион-

ность ни при чем. Это стоило России большой крови. Давайте хотя бы в «Советской России» определимся. И, наконец, утверждение, что убожество и примитивизм русского крестьянства — факт. Не гипотеза, не убеждение некоего Тасвунина, а просто-напросто факт.

Автор той статьи свой тезис не доказывает — он как бы очевиден. Но это вовсе не так. Он просто поверил классикам, а надо проверять. Какие надежные доводы он мог бы привести? Первый — технология в ее чисто внешнем облике. Да, крестьяне пахали сохой, тракторов почти не было. Но тогда надо называть «катюшу» примитивным оружием — пусковую установку сваривали из старых трамвайных рельсов. Почему же немцы за всю войну не смогли скопировать «катюшу»? Значит, было что-то еще, кроме примитивных рельсов.

Второй довод — низкий уровень потребления крестьян, тот же хлеб с лебедой. Это и есть мышление Говорухина. Лежат на витрине устрицы — Россия светла и прогрессивна, даже француз в своей книжке это подтвердил. Ест крестьянин хлеб пополам с лебедой — он убог и примитивен. Этот подход — страшное заблуждение. И не только в истории, но и сегодня. Знаток крестьянства А.В.Чаянов сказал: *побеждает тот, кто умеет голодать*. Поэтому никто не смог сломить русского крестьянина и никто не сможет сломить русский народ (если сам он не захочет). Поэтому Запад не смог перемолоть Китай, Индию и Африку. *Культура голода* несравненно выше и тоньше *культуры сытости*. И крестьянские народы ею владеют.

Я был в Индии, там крестьянская беднота «наступала» на города. В роскошных парках на окраинах Дели на газонах спали люди. Женщины тут же варили для детей на костре в консервных банках зерна из мешочков. Они добавляли туда какие-то семена и травы, и от их варева доносился такой тонкий аромат, что хотелось жить с ними и питаться их пищей. Африканцы вместе с несъедобными кукурузными лепешками жуют «чудесную ягоду» — и лепешки кажутся изумительно вкусными. Подлость и жадность угнетателей не смогли превратить миллиарды бедных людей в убогих и примитивных. Такими они становятся лишь в городе, на дне (а многие и в университете).

О русских крестьянах и говорить нечего. Они — гордость человечества. Во всей Западной Европе, даже в Швеции, природа отпустила крестьянам 40 дней на основные полевые работы (пахота, сев, уборка). В России — 25 дней. Казалось, невозможно освоить эти земли хлеборобу. Наш видный историк-аграрий

В.П.Данилов на одном из международных семинаров говорил: «На Калимантане можно заниматься сельским хозяйством и собирать плоды круглый год. В Центральной Европе и в Англии работы на земле продолжаются до конца ноября, а подчас и в декабре, в марте полностью возобновляясь. На большей части территории России они жестко ограничены продолжительностью зимы и заканчиваются к Покрову (день Покрова Богородицы — 14 октября) волей природы. И хорошо, если снова начать их окажется возможным на Егория (день Георгия весеннего — 6 мая). От Егория до Покрова — традиционный сельскохозяйственный год в Центральной России».

Русские крестьяне совершили чудо организации труда и технологии (то есть культуры) — продвинули земледелие в непригодные, по европейским меркам, области. И при этом не озлобились, не озверели. Читаем у того же Толстого: «Бедствие несомненное: хлеб нездоровый, с лебедой, и топиться нечем. Но посмотришь на народ, на его внешний вид, — лица здоровые, веселые, довольные. Все в работе, никого дома».

Да, Толстой писал и «Власть тьмы», высвечивал тяжелые, больные стороны жизни. Но надо же брать все в целом, взвешивать верными гириями. По статьям Толстого можно воспроизвести весь ход событий, через которые довели Россию до революции. И особо он пишет о крестьянстве — сословии, которое составляло 85% народа. Вот ввели в конце XIX века телесные наказания для крестьян (а уж потом Столыпин приказывал сечь целые деревни поголовно). Толстой объясняет: «В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой».

Если взять в целом то, что сказано о русском крестьянстве теми, кто его близко знал, — Тургеневым и Некрасовым, Лесковым и Толстым, сам тезис о его убожестве и примитивности предстанет злобным идеологическим мифом. А если вникнуть в творчество тех, кто сам вышел из крестьянства, — хотя бы Есенина, — то вообще непонятно, как мог кто-то в этот миф поверить. А ведь верили и верят. По мне, есть неразрывная связь между отрицанием крестьянской России и ненавистью к России советской. Одно питается другим.

Я — из последнего поколения тех, чьи родители в большинстве своем вышли из крестьян. Мы уйдем, а дети наши останут-

ся с этой ложью, и живого слова им никто не скажет. А может, и Толстого не прочитают.

Не очень-то хорошо ссылаться на личные впечатления, но, думаю, скажу вещи, многим знакомые и близкие. В детстве, два последних года войны, я жил у деда в деревне. Он был казак из Семиречья, но под старость перебрался ближе к Москве. Казак-ом он был бедным, работал много, но деньги не шли — семеро детей. Жил, по «прогрессивным меркам», убого и примитивно. Изба полна детей, тут же и теленок. Как зима, приезжают знакомые киргизы: «Василий, возьми мальчишку в работники на зиму, а то помрет». Значит, покорми зиму. Так что кроме своих семерых два-три киргизенка. Да еще жеребенок бегает за ними, как собака, прыгает на кровать, пытается залезть на печку.

Когда я жил у деда, он с утра до ночи, при коптилке, работал. Кажется, знал все ремесла. И все время со мной разговаривал, советовался, учил. Сейчас, на склоне лет, узнав множество умных людей, я все же прихожу к выводу: мне не довелось больше встретить человека с таким космическим и историческим чувством, как у дедушки. Когда он со мной говорил, областью его мысли была вся Вселенная, а временем — вся история Руси. Во всяком случае, начиная с Ивана Сусанина все дела касались нас с ним прямо и непосредственно — он не думал о времени, а жил в нем. Думаю, он был человек талантливый, но талант мог лишь придать очарование выражению его мироощущения, но не породить его. Это шло от его крестьянского бытия.

Я вполне осознал себя в крестьянской избе, в эвакуации (до этого в памяти провалы). Хозяин — старик, характер его сложился до революции. Упомяну лишь одну его черту, общую для крестьян: способность многое сказать скупыми словами, но дополнить такими выразительными средствами («знаковыми системами») — голосом, своим видом, что сказанное становится изречением. Мне было три года, к приходу матери с работы я должен был начистить картошки. Старик пригляделся, а когда пришла мать, сказал: «Твой много срезает с картошки». Он сказал так, что у меня и в мыслях не было возмутиться или обидеться. Только желание быстрее научиться. Я полюбил это нехитрое дело, оно меня связывает с образом человека, который меня наставил на путь жизни. Он о мелочи сказал так, будто открыл истину.

Так какими же мерками мы меряем этих людей и ту Россию, которую они не потеряли, а именно сохранили? Давайте проверим наши весы и гири. От этих людей пошла Советская власть — то лучшее, что в ней было.

Глава 4

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Слом временного буржуазного и создание советского государственного аппарата. Первая задача любой революционной власти — предотвратить ее ликвидацию военным путем, пока новая власть не оформилась и не получила минимума поддержки населения. Самый опасный период — первые часы и дни, когда даже информация о взятии власти еще не распространилась в обществе. Сразу же после 25 октября 1917 г. Советской власти пришлось отражать наступление на Петроград войск Керенского — Краснова, а в самом Петрограде ликвидировать выступление юнкеров. Эти контрреволюционные выступления не были успешными, в них был виден упадок сил и духа всего проекта Временного правительства, исчерпавшего свой потенциал.

Но со всей остротой встала перед новым государством проблема выхода из мировой империалистической войны. Еще летом 1917 г. стало очевидно, что после разрушения государственности царской России продолжать войну было нельзя. Взяв власть под лозунгом «мира без аннексий и контрибуций», Советы начали переговоры о мире, и 3 марта 1918 г. был подписан грабительский Брестский мирный договор с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией (с аннексиями и контрибуциями). Как и предвидел Ленин, длительного правового действия этот мир не имел и был официально аннулирован Советским правительством 13 ноября 1918 г.

На фоне непрерывного возникновения и решения критических, угрожающих полным крахом срочных проблем началось становление нового государства.

Аппарат государства царской России в основном был сломан Февралем. Новый порядок после Февраля не сложился, его заменяли «временные конструкции», так как вожди либерально-буржуазной революции заняли позицию «непредрешенчества». Временному правительству пришлось, однако, нарушить этот принцип, объявив 1 сентября 1917 г. Россию республикой, то есть присвоив себе функции *законодательного собрания*.

Согласно любой теории революции, это «непредрешенчество» было принципиальной ошибкой. Отсутствие у революционеров воли к государственному строительству немедленно ве-

дет к распаду страны и утрате власти. С точки зрения государственного порядка, Советы взяли на себя власть, когда в России во многих системах царил хаос, а другие находились на грани хаоса. Это создавало для новой власти огромные срочные проблемы в жизнеобеспечении страны, но в то же время облегчало государственное строительство, поскольку сопротивление старых структур было ослаблено.

Процессы слома буржуазного государственного аппарата и создания нового были взаимосвязаны. Для советского государственного строительства было характерно абсолютное недопущение *разрывов непрерывности* в наличии власти. Проявившееся в эпоху становления советского строя «чувство государственности» (иногда даже говорят об «инстинкте»), причем на всех, даже низовых, уровнях власти, а также сложившаяся во многом стихийно, из обыденного здравого смысла, доктрина государственности — особая глава истории русской культуры.

Для самого первого периода (между Октябрем и Гражданской войной) отметим следующие характерные моменты:

- Невероятный по обычным (особенно по нынешним) меркам объем проведенной теоретической, аналитической и практической работы по конструированию и созданию форм и процедур государства и права.

- Высокая динамичность концептуальной мысли, быстрота принятия решений и проведения их в жизнь, эффективные и быстродействующие обратные связи с социальной практикой.

- Системное видение задач государственного строительства, верное различение фундаментальных и временных (а также *чрезвычайных*) структур, эффективное сочетание волевых решений с самоорганизацией, умелое использование неформальных структур власти и авторитета.

Учитывая материальные и кадровые возможности Советского государства в первый период, историки оценивают проделанную им работу как не имеющую прецедентов. В качестве аналога для сравнения берется обычно государственное строительство во время Великой Французской революции, однако условия несравнимы. Во Франции буржуазия, финансовая олигархия и интеллектуальная элита поддержали революцию, обеспечив ее деньгами и кадрами, а в России после Октября эти элиты были ее противниками. Во Франции революция произошла при достаточно благополучном состоянии экономики, так что новая власть поначалу не стояла перед угрозой краха всей системы жизнеобеспечения страны; в России Советы приняли

власть в условиях крайней разрухи и оказались перед необходимостью остановить катастрофу.

Взвешенное и достаточно полное описание источников той силы, которая двигала государственное строительство в тот период, выходит за рамки данной книги. Кратко лишь назову главные, на мой взгляд, факторы:

— Россия не испытала раскрестьянивания, а рабочий класс не прошел полный курс пролетаризации («утраты корней»). В ходе Октябрьской революции и после нее трудящиеся проявили себя как *народ*, обладающий целостной культурой и исторической памятью, включающей богатейший опыт государственного строительства и самоуправления (как общинного, так и городского). Советское государство устраивал народ, которому была близка сама идея Советов как типа соборной власти.

— За полвека до Октября русская культура создала уникальную гамму крупных социально-философских учений, в которых были продуманы (мысленно «испытаны») целые цивилизационные проекты: народничество, анархизм, русский либерализм, монархический традиционализм, социал-демократизм и русский коммунизм, православный социализм (для сравнения стоит сказать, что в западной общественной мысли в то время конкурировали лишь два крупных социально-философских учения — либерализм и марксизм, — родственные по своим мировоззренческим корням). При всей несхожести этих течений все они участвовали в создании образов идеального, желаемого и возможного государства России. Русская культура провела огромный и длительный «мысленный эксперимент». Литература донесла вопросы и ответы этого эксперимента до широких народных масс в художественных образах — лучше, чем это могла бы сделать научная философия. Лев Толстой, например, был не только «зеркалом русской революции», но и ее учителем.

— Наука, выросшая на русской культурной почве, была свободна от ряда важных идеологических догм Запада (прежде всего, механицизма научной картины мира и человека, социал-дарвинизма в видении общества). Наука России, восприимчивая к возникающей новой картине мира, дала основания для идеологии новых (постиндустриальных, нерыночных) отношений в обществе и отношений между обществом и природой. Труд ученого-народника С.А.Подолинского, ученого-кадета В.И.Вернадского, экономиста-аграрника А.В.Чаянова и создателя первой теории систем (тектологии) большевика А.А.Богда-

нова неявно, но мощно повлиял на становление Советского государства.

— Строительство Советского государства возглавила партия большевиков — особое и не повторившееся в западной политической истории явление. Она имела новую и необычную социально-философскую основу: восприняв из марксизма исторический материализм и одновременно освоив диалектику, большевики в то же время были «воспитаны» кризисом науки начала века. Марксизм, в общем, исходил из принципов *«философии бытия»* (исторический процесс как состояния равновесия), а Ленин ввел в партийную мысль принципы *«философии становления»* (исторические изменения как неравновесные состояния). Это придало партии высокую способность к «обучению у реальности» и отказу от догм. На полвека опередив западную философскую мысль, Ленин ввел в политическое мышление представление общественного процесса как перехода *«порядок—хаос—порядок»* и как большой системы. Поэтому в период революционных преобразований и присущей им высокой неопределенности ключевые решения руководства партии большевиков были «прозорливыми» (делался хороший или лучший выбор альтернатив). Это привело к тяжелому перенапряжению сил у тех, кто включился в работу, и к снижению уровня проработанности множества важных решений — при том, что удивляет прозорливость выбора траектории.

При этом надо отметить одну принципиальную трудность, с которой столкнулась новая власть и на которую в нашей официальной истории как-то не обращали внимания. Разочарование, которое испытала либеральная интеллигенция после поражения революции 1905—1907 гг., тяжести мировой войны и хаос революции после Февраля привели к тому, что очень немногочисленная интеллигенция в большой своей части сникла и «дезертировала» от работы по организации государственного и хозяйственного строительства.

Обильная и резкая критика советского строительства до XX съезда, предъявленная после 1985 г., касается исключительно эксцессов и дефектов. Трудно найти свободную от идеологических штампов работу, в которой бы утверждалась принципиальная ошибочность главных политических решений. Даже в отношении коллективизации, повлекшей за собой тяжелую социальную катастрофу (голод крестьян), никто не заявил, что принципиальное решение о коллективизации было неверным и

альтернатива создания в 30-е годы крупных кулацких ферм была предпочтительнее.

Крах СССР в конце 80-х годов произошел во многом потому, что по ряду причин все указанные выше факторы сильно ослабли или перестали действовать — строй становился *все менее советским*.

Первые органы власти. Петроградский Военно-революционный комитет (ВРК) был создан по инициативе ЦК большевистской партии 12 октября 1917 г. при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов и существовал до 5 декабря 1917 г. Созданный как легальный орган для противодействия контрреволюционным планам Временного правительства, он вскоре становится органом по подготовке и проведению восстания в Петрограде. По предложению Ленина он был создан как *внепартийный* орган. В состав его в момент создания вошли представители ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б), профсоюзов, армии и флота и т.д. Первым председателем ВРК был избран левый эсер, затем его возглавил большевик Н.И.Подвойский. Секретарем ВРК был избран большевик В.А.Антонов-Овсеенко. При ВРК было бюро ЦК рабочей Красной гвардии.

ВРК был высшим органом власти в стране с 10 часов утра 25 октября 1917 г. и до принятия в 5 часов утра 26 октября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам», где говорилось о том, что «...съезд берет власть в свои руки...». Фактически же ВРК был высшим органом власти значительно дольше, постепенно утрачивая эти полномочия с открытием II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, с образованием ВЦИК и СНК, с созданием отделов ВЦИК и аппарата наркоматов.

ВРК обладал реальной силой, опираясь на отряды Красной гвардии, верные большевикам армейские части, матросов флота, на районные и Петроградский Советы рабочих и солдатских депутатов, на Советы и местные военно-революционные комитеты. Красная гвардия к моменту Октябрьской революции была уже ощутимой силой: накануне восстания она насчитывала по стране более 100 тысяч человек, ее отряды имелись более чем в 100 городах.

ВРК назначал своих комиссаров в воинские части, в отдельные учреждения, предприятия Петрограда и в провинцию. С момента своего создания и до 10 ноября 1917 г. он назначил

184 комиссара в гражданские учреждения, 85 — в войсковые части и 72 — в провинцию. Комиссары ВРК наделялись полномочиями по реорганизации госаппарата, по увольнению персонала, правом ареста «явных контрреволюционеров». Они должны были действовать в тесном контакте с общими собраниями и комитетами солдат и рабочих, с Советами. Декретом от 10 ноября 1917 г. упразднялись все сословия и сословные деления граждан и сословные организации и учреждения.

II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил принцип полновластия и единовластия Советов на местах в решении местных дел. Местные Советы создавали свои вооруженные формирования (отряды рабочей милиции), что усиливало их власть. Первой по числу депутатов партией в местных Советах были большевики. Так, по данным съездов губернских Советов в 19 губерниях в первой половине 1918 г., большевиков было около 47,5%, а представителей других партий, в основном левых эсеров — около 25%. 14 июня 1918 г. из состава ВЦИК были исключены представители эсеров (правых и центра) и РСДРП (меньшевиков), и предлагалось всем Советам «удалить представителей этих фракций из своей среды».

27 октября 1917 г. ВЦИК на своем первом заседании постановил провести выборы в *Учредительное собрание* в назначенный еще Временным правительством срок — 12 ноября 1917 г. Выборы состоялись по спискам, составленным еще до революции. Например, разделившиеся на две партии с разным отношением к Советской власти левые и правые эсеры шли одним списком, как *эсеры*. Историки, в том числе буржуазные, признают, что соотношение числа депутатов правых эсеров (370) и левых эсеров (40) было случайным и не отражало позиции крестьянства к этим уже двум разным партиям. Среди делегатов крестьянских съездов, на которые правые и левые эсеры избирались уже по отдельным спискам, преобладали левые эсеры. А на выборах в Советы в городах эсеры уступали даже кадетам.

Отношение к Учредительному собранию было вопросом принципиальным, поскольку это был орган, который по типу своему соответствовал *буржуазно-либеральному* пути развития революции. 13 декабря 1917 г. были опубликованы «Тезисы об Учредительном собрании» — важнейшая после Апрельских тезисов работа В.И.Ленина о государственном строительстве в русской революции. В ней говорилось, что возможность сосуществования двух типов государственности исчерпана, поскольку крестьянство и армия определенно перешли на сторону Советской власти, а буржуазные силы начали с ней вооружен-

ную борьбу (восстание Каледина, действия буржуазных режимов на Украине, в Белоруссии, в Финляндии и на Кавказе). Поэтому вопрос об отношении к Учредительному собранию не является *юридическим*. Оно может быть включено в государственное строительство лишь при условии признания им Советской власти. Являясь вершиной демократии в ходе буржуазной революции, Учредительное собрание «опоздало».

В приводимых историками данных о количестве голосов, полученных на выборах за те или иные партии, есть расхождения. Видимо, в выборах участвовало около 44 млн. избирателей. Было избрано 715 депутатов (по другим данным — 703). За эсеров, меньшевиков, различные национальные партии проголосовало около 60%. За большевиков — около 25%. За кадетов и другие правые партии — около 15%.

Таким образом, партии с принципиально *буржуазной* программой получили около 15% голосов тех, кто принял участие в выборах, партии с разными *социалистическими* программами — 85%. Конфликт, который возник в связи с Учредительным собранием, — это *конфликт между социалистами*, и прежде всего между двумя революционными партиями социалистов — большевиками и эсерами (меньшевики имели 16 мест, а эсеры — 410). Эсер В.Чернов с места председателя даже декларировал «волю к социализму». Это важно подчеркнуть, так как в годы перестройки пресса внедрила в общественное сознание представление, будто речь шла о выборе между буржуазно-либеральным и социалистическим путем развития России. В ряде вопросов (например, в отношении к террору) большевики были более умеренной партией, нежели эсеры. Передача власти Учредительному собранию (рассмотренная как умозрительный вариант) означала бы не возникновение дееспособной буржуазной государственности, а продолжение «керенщины».

Накануне созыва Учредительного собрания, 3 января 1918 г., ВЦИК принял постановление «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти», где говорилось, что вся власть принадлежит Советам и советским учреждениям и поэтому всякая попытка присвоить функции государственной власти будет подавляться вплоть до применения вооруженной силы.

Учредительное собрание начало свою работу 5 января 1918 г. в Петрограде, в Таврическом дворце. Присутствовали около 410 депутатов при кворуме 400. Председателем был избран правый эсер В.М.Чернов (бывший министр Временного правительства). Председатель ВЦИК Я.М.Свердлов зачитал «Декларацию

прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил собранию принять ее, т.е. признать Советскую власть и ее важнейшие декреты: о мире, земле и т.д. Левые эсеры также призвали собрание принять Декларацию и передать власть Советам.

Учредительное собрание Декларацию отвергло (237 голосов против 138). После этого большевики и левые эсеры покинули собрание. Собрание, уже не имея кворума, приняло постановление о том, что верховная власть в стране принадлежит ему, а также успело принять «Закон о земле», в главных положениях повторявший советский Декрет о земле. В пятом часу утра командовавший охраной анархист матрос А.Г.Железняков предложил В.М.Чернову прекратить работу собрания, заявив: «Карлаул устал». В 4.40 Учредительное собрание прекратило свою деятельность. 6 января 1918 г. ВЦИК принял декрет «О роспуске Учредительного собрания». Расстреливать Таврический дворец не пришлось, его двери просто заперли.

Отказ правых эсеров от сотрудничества с Советской властью направил события в худший коридор. Признание эсерами Советской власти, по мнению В.И.Ленина, предотвратило бы Гражданскую войну. Он писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы Гражданскую войну в России невозможной». Но признать власть Советов эсеры и меньшевики не согласились, и та часть народа, что их поддерживала, сложилась в достаточную для гражданской войны «критическую массу».

Учредительное собрание как альтернатива Советам в тех исторических условиях было нежизнеспособно. Оно не имело социальной базы, которая могла бы оказать ему поддержку, хотя эсеры вели работу в войсках и на заводах. Судя по воспоминаниям очевидцев, роспуск Учредительного собрания в тот момент не привлек большого внимания (он стал важной темой в антисоветской идеологической кампании совсем недавно, во время перестройки).

Красноречива дальнейшая судьба депутатов. Часть из них, создав нелегальный «Межфракционный совет Учредительного собрания», летом 1918 г. образовала на Волге и Урале, где Советская власть была ликвидирована белочехами, антисоветские правительства (Комуч, Временное сибирское правительство, затем Директория, объявленная всероссийской властью). После прихода к власти Колчака часть депутатов-«учредивовцев» была выслана за границу, другая часть арестована. 23 декабря они были расстреляны в Омске по приказу Колчака.

10 января 1918 г. собрался III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который выглядел как преемник Учредительного собрания. 13 января начал работу III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Эти съезды объединились, и таким образом в стране возник единый высший орган власти. Съезд одобрил роспуск Учредительного собрания, а также решил снять в наименовании Советского правительства слово «временное».

Поворотным моментом в становлении Советского государства стал *Брестский мир* с Германией. Он резко изменил политическую ситуацию. Начать с того, что те социальные слои, что поддерживали Временное правительство и его политику продолжения войны с Германией и потому считались патриотами, врагами Германии, теперь были заинтересованы в продолжении войны с Германией именно как ее *союзники*, как «пятая колонна» немцев. Они теперь видели в наступлении немцев избавление от власти большевиков. Социальный интерес оказался гораздо сильнее национального.

Как и все главные политические решения большевиков после Февраля, Декрет о мире и затем его реализация в практически достижимой форме были вызваны реальным состоянием страны и соответствовали чаяниям народа. Вовсе не сразу пришли большевики к пониманию этого состояния. Член Исполкома Петроградского Совета меньшевик Н.Н.Суханов в своих «Записках о революции» вспоминает, как 21 сентября 1917 г. на заседании Совета прибывший с фронта говорил: «Солдаты в окопах не хотят ни свободы, ни земли. Они хотят сейчас одного — конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут». Как пишет Суханов, на это послышались возгласы: «Этого не говорят и большевики!» Но офицер продолжал твердо: «Мы знаем, и нам неинтересно, что говорят большевики. Я передаю то, что я знаю и о чем передать вам меня просили солдаты»*.

*Отмечу здесь мелочность и пошлость некоторых наших антисоветских идеологов. И.Шафаревич пишет в одном из своих последних больших трудов (Русские в эпоху коммунизма. — Москва, 1999, № 10, 11): «Изо всех партий большевики одни призывали к немедленному прекращению войны («воткнуть штык в землю»». В действительности Ленин писал в работе «Задачи пролетариата в нашей революции» (в п. 10): «Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить, «воткнув штык в землю».

Что старая армия не могла воевать, стало ясно еще до Октябрьской революции. Последний военный министр Временного правительства генерал А.И.Верховский заявил о необходимости мирных переговоров и за это был отправлен в отставку. Разумеется, часть интеллигенции и знать не хотела о том, что солдатам уже было невмоготу воевать и бессмысленно гибнуть массами. Н.А.Бердяев глубокомысленно изрек по этому поводу: «Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство».

Большевики, принимая тяжелое решение о выходе из войны, не следовали никакой доктрине. Напротив, критика политики большевиков на переговорах о мире с Германией была именно доктринальной — и внутри России, и в мировом левом движении. В декабре 1917 г. немецкий республиканец Г.Фернау, живший в Швейцарии, в открытом письме обвинил Ленина в том, что он пошел на переговоры с военщиной Германии, вместо того чтобы «довести до конца дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс от всякого рабства». Ленин ему ответил тоже открытым письмом, в котором говорилось: «Мы хотели бы спасти наш народ, который погибает от войны, которому мир абсолютно необходим. Требуете ли Вы, чтобы, если другие народы все еще позволяют губить себя, наш народ делал бы то же из духа солидарности?» Наряду с переговорами о мире Советское правительство начало строительство новой армии, первые успехи которой в большой мере стабилизировали положение.

Всероссийская чрезвычайная комиссия. Вскоре после Октября острота борьбы заставила поднять вопрос о создании органа госбезопасности. 7 декабря 1917 г. СНК создал *Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем* (ВЧК). Она была задумана прежде всего как орган борьбы с саботажем в связи с готовящейся всеобщей забастовкой служащих правительственных учреждений. Впоследствии слова «и саботажем» в названии комиссии были заменены на «и преступлениями по должности».

Учреждалась ВЧК при СНК, председателем был назначен Ф.Э.Дзержинский. В момент образования ВЧК на нее смотрели как на временный орган. Это отразилось в названии комиссии — *чрезвычайная*, хотя в момент создания она не наделялась чрезвычайными полномочиями (она начинает их приобретать

при возложении на нее борьбы с общеуголовным преступлением — спекуляцией). Первые шаги ВЧК были направлены против нарушений трех видов: саботажа чиновников, «пьяных погромов» (они происходили при разграблении винных складов в Петрограде) и бандитизма «под флагом анархизма».

ВЧК действовала как коллегиальный орган (при председателе состояла коллегия). Вначале в ней было три отдела: информационный, организационный и борьбы с контрреволюцией и саботажем, 11 декабря 1917 г. был создан четвертый отдел — по борьбе со спекуляцией. Особую опасность представляла спекуляция в связи с заключением Брестского мира. Поскольку он предусматривал обязательство правительства России безоговорочно оплатить все ценные бумаги, предъявленные Германией, началась широкая спекуляция акциями промышленных предприятий (в том числе уже национализированных). Акции продавались немецким подданным, от них поступали в посольство Германии, а оно предъявляло их к оплате. На борьбу с этим были брошены большие силы ВЧК.

В момент создания в ВЧК входили лишь большевики. 8 января 1918 г. СНК назначил членами ВЧК четырех левых эсеров, один из них стал заместителем председателя ВЧК. После заключения Брестского мира левые эсеры ушли почти из всех наркоматов, но в ВЧК остались. 6 июля 1918 г. левые эсеры использовали аппарат ВЧК в организации убийства немецкого посла Мирбаха и вооруженного выступления против большевиков. Мятеж эсеров, который мог вызвать возобновление войны с Германией, имел поддержку Антанты. Б.Савинков, руководивший мятежом в Ярославле, позднее заявил, что восстания финансировались через французского военного атташе в Москве. После ликвидации этого выступления левые эсеры были отстранены от работы в органах ВЧК.

Для осуществления своих полномочий ВЧК имела свои вооруженные силы. Со второй половины декабря 1917 г. Советами стали создаваться местные ЧК. В волостях и небольших уездах назначались комиссары ЧК. К концу мая 1918 г. было создано 40 губернских и 365 уездных ЧК (в январе 1919 г. в связи с определенной стабилизацией обстановки уездные ЧК были упразднены). О масштабах деятельности ВЧК можно судить по числу ее сотрудников — в конце февраля 1918 г. число сотрудников аппарата ВЧК не превышало 120 человек. К 1921 г. число сотрудников ВЧК достигло максимума — 31 тыс. человек. Это было связано с тем, что в ноябре 1920 г. на ВЧК была воз-

ложена охрана границ государства (до этого охрана границ в какой-то степени обеспечивалась «завесами» — системой подвижных военных отрядов).

С самого начала своей деятельности ВЧК наделялась правом ареста. 31 января 1918 г. СНК установил, что ВЧК занимается розыском, пресечением и предупреждением преступлений, передавая материалы для следствия в следственную комиссию трибунала, которая и передавала дела в суд. Таким образом, четко разграничивалась компетенция органов ВЧК и трибуналов. Создавались нормальные взаимоотношения между этими органами. Это положение было нарушено наступлением немецких войск, когда принятое в связи с этим постановление СНК 21 февраля 1918 г. наделило ВЧК правом внесудебного решения дел с применением высшей меры наказания — расстрела. ВЧК становится в полном смысле чрезвычайным органом. С этого времени органы ВЧК вели не только оперативную работу, но и проводили следствие и выносили приговор, заменяя следственные и судебные органы. Это привело к неизбежным при отсутствии процессуального контроля ошибкам и злоупотреблениям с гибелью невинных.

После Октябрьской революции *вооруженные силы* страны составляли отряды Красной гвардии, рабочей милиции, части старой армии, которые поддерживали Советскую власть. Одной из причин падения Временного правительства было нежелание солдат продолжать войну. Ввиду явной опасности, что с фронта в глубь страны хлынет неорганизованный поток вооруженных дезертиров, Советское государство сразу приступило к демобилизации старой армии.

Одновременно был начат процесс создания новой постоянной и регулярной армии (обсуждалась и возможность реорганизации старой армии *без ее демобилизации*, но она была признана нереальной). 15 января 1918 г. СНК принимает декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии», которая создавалась на классовой основе и на принципе добровольности (29 января 1918 г. вышел декрет о создании рабоче-крестьянского Красного флота на тех же основах, что и Красная Армия). Для вступления в ряды Красной Армии необходимы были рекомендации войсковых комитетов, парторганизаций и профсоюзов или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требовалась круговая порука всех и поименное голосование.

Принцип добровольности был вызван тем, что война надое-

ла народу и общественное сознание отвергало идею воинской повинности. Кроме того, старый аппарат военного управления был ликвидирован, и некому было осуществлять мобилизацию в армию. Непосредственное руководство и управление армией осуществлял Высший военный совет, а с августа 1918 г. Наркомат по военным делам и созданная при нем коллегия. Местными органами были военкоматы (от губернских до уездных). К концу 1918 г. в стране действовал 7431 военкомат. В армии вводился институт военных комиссаров. На базе красногвардейских отрядов началось формирование национальных частей. Была создана мусульманская Красная Армия в Поволжье, национальные части на Северном Кавказе. Они сыграли большую роль в боях с националистами.

Весной 1918 г. началась иностранная военная интервенция, и ВЦИК ввел всеобщую воинскую повинность. Созданные на местах военкоматы вели комплектование армии. Всеобщая воинская повинность и обязанность всех граждан защищать социалистическое отечество были закреплены в Конституции РСФСР 1918 г. Однако право защищать отечество с оружием в руках было предоставлено только трудящимся, нетрудовые элементы выполняли иные воинские обязанности.

В марте 1918 г. СНК узаконил привлечение в Красную Армию «военных специалистов» из числа офицеров и генералов старой армии (это решение специально подтвердил V Всероссийский съезд Советов). В первые дни наступления войск Четвертного союза (Германии и ее союзников) в феврале 1918 г. в Красную Армию вступили добровольно свыше 8 тысяч бывших офицеров и генералов. Привлечение «военспецов» из числа офицеров вызвало в партии острую дискуссию, а порой и конфликты. Возникла даже так называемая «военная оппозиция» на VIII съезде РКП(б) — из числа противников этой политики. Аргументом против привлечения офицеров служили частые (нередко групповые) измены военспецов. Особую роль сыграл мятеж двух фортов Кронштадта, измена командующего Восточным фронтом, нескольких командующих армиями, переход на сторону белых всего профессорско-преподавательского состава и 80% слушателей старшего курса Военной академии РККА (бывшей Николаевской) в Казани. Однако В.И. Ленин в отстаивании своей позиции проявил исключительную настойчивость.

Постепенно грани между двумя категориями командного состава — «военспецов» и «красных командиров» («краскомов») стирались, и к окончанию Гражданской войны оба термина

вышли из употребления и были заменены единым наименованием «командир РККА».

По мере эскалации Гражданской войны и интервенции становилась очевидной необходимость создания массовой регулярной армии. Для руководства всеми вооруженными силами ВЦИК 2 сентября 1918 г. создает Реввоенсовет республики (РВСР) и учреждает должность главнокомандующего всеми войсками страны, назначаемого СНК. На фронтах и в армиях создавались РВС, члены которых назначались РВСР. В них входили командующий фронтом или армией, военспец и два политкомиссара. Роль РВС фронта и армии была велика. Так, когда несколько военспецов из Пермской дивизии перебежали к врагу, председатель РВСР Троцкий приказал расстрелять всех комиссаров частей, где были перебежчики. РВС армии направил протест в ЦК РКП(б), и приказ был отменен.

Создание новой армии, тем более в условиях быстрого обострения военных действий, происходило трудно, требовало иногда крайних мер. Так, в августе 1918 г. при разгроме Красной Армии под Казанью некоторые отряды и одна часть панически бежали, и Троцкий требовал применить к ним «децимарий» — расстрел каждого десятого. В конце концов по приговору трибунала были расстреляны командир и комиссар Петроградского рабочего полка и 18 рядовых.

Важным шагом в становлении армии было введение в ноябре 1918 г. формы для военнослужащих, а в январе 1919 г. — знаков различия для командного состава. В сентябре 1918 г. был учрежден орден Красного Знамени, которым награждались за храбрость и мужество в боях.

Национализация банков. Очень важным событием была национализация банков по декрету ВЦИК от 14 декабря 1917 г. Банки — главный системообразующий элемент капитализма (рыночная экономика есть особый уклад, при котором в товар превращаются деньги, земля и рабочая сила). Отмена «продажи денег» — принципиальное условие для обобществления хозяйства в масштабе страны. Поэтому вопрос о национализации банков ставился начиная с Апрельских тезисов Ленина и вошел в документы VI съезда партии в августе 1917 г.

В России положение банков было особым, они контролировались иностранным финансовым капиталом. В России было 8 больших частных банков, из них лишь один (Волжско-Вятский) мог считаться русским, но он был блокирован «семер-

кой», и капитал его рос медленно. Иностранцам принадлежало 34% акционерного капитала банков. Поэтому их национализация была актом и *внешней* политики государства. Через банки иностранный капитал установил контроль над промышленностью России, поэтому, затронув банки, Советское правительство начинало огромный процесс изменения отношений собственности, к которому в тот момент оно не было готово.

Во время войны частные банки в России резко разбогатели и усилились (при сильном ослаблении Государственного банка — обеспечение золотом его кредитных билетов упало за годы войны в 10,5 раза). В 1917 г. банки занялись спекуляцией продовольствием, скупили и арендовали склады и взвинчивали цены. Таким образом, они стали большой политической силой.

В 1917 г. причина национализации банков никак не была связана с теорией, она была сугубо политической и даже конъюнктурной. Банки объявили финансовый бойкот Советской власти, перестали выдавать деньги для выплаты зарплаты (чиновникам госаппарата выдали зарплату за 3 месяца вперед, с тем чтобы те могли бойкотировать новую власть). Кроме того, по негласной договоренности с фабрикантами банки перестали выдавать деньги тем заводам, на которых был установлен рабочий контроль.

Через три недели саботажа и бесплодных переговоров, 14 ноября вооруженные отряды заняли все основные частные банки в столице. Декретом ВЦИК была объявлена монополия банковского дела, и частные банки влились в Государственный (отныне Народный) банк. Банковские служащие объявили забастовку, и только в середине января банки возобновили работу, уже в системе Народного банка. Поскольку среди служащих банков не было рабочих, не могло быть и речи о рабочем контроле, требовалось примирение с 50 тысячами служащих.

Крупные вклады были конфискованы. Аннулировались все внешние и внутренние займы, которые заключило как царское, так и Временное правительство. За годы войны только внешние займы составили 6 млрд. руб. (чтобы понять величину этой суммы, скажем, что в лучшие годы весь хлебный экспорт России составлял около 0,5 млрд. руб. в год).

Дольше всех (до 2 декабря 1918 г.) не подвергался национализации московский Народный банк. Причина была в том, что это был центральный банк кооператоров и правительство хотело избежать конфликта с ними и его вкладчиками-крестьянами. Отделения этого банка были преобразованы в кооператив-

ные отделения Национального банка. 2 декабря 1918 г. на территории РСФСР запоздало были ликвидированы и все иностранные банки. В апреле 1918 г., когда возникли надежды на возможность мягкого переходного этапа («государственного капитализма»), были начаты переговоры с банкирами о денационализации банков, но этот проект так и не был реализован.

Рабочий контроль. Рабочий контроль начал стихийно возникать на многих предприятиях сразу после Февральской революции. Сразу же после Октября, уже на II Всероссийском съезде Советов было заявлено, что Советская власть повсеместно установит рабочий контроль над производством. 14 ноября 1917 г. ВЦИК утверждает «Положение о рабочем контроле». Декрет этот проходил во ВЦИК непросто (24 голоса — за, 10 — против). Докладчик от профсоюзов требовал: «Нужно оговорить с полной ясностью и категоричностью, чтобы у рабочих каждого предприятия не получалось такого впечатления, что предприятия принадлежат им».

Рабочий контроль вводился над производством, куплей-продажей продуктов и сырья, хранением их, а также над финансами предприятия. Контроль рабочие осуществляли через свои выборные органы: фабрично-заводские комитеты, советы старост и т.п., причем в них должны были входить представители от служащих и ИТР. В каждом крупном городе, губернии предписывалось создание местного Совета рабочего контроля. По своей структуре вся система органов рабочего контроля повторяла систему Советов.

Владельцы обязаны были предъявлять органам рабочего контроля всю документацию. Виновные в сокрытии документации отвечали по суду. Решения органов рабочего контроля были обязательны для владельцев и могли быть отменены только постановлением высших органов рабочего контроля. Реально главными задачами рабочего контроля стало пресечение попыток хозяев предприятий свернуть производство, продать предприятие, перевести деньги за границу, уклониться от выполнения нового трудового законодательства. Предприниматели совместно с рабочим контролем несли теперь ответственность за «строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества» (то есть речь шла и о контроле над анархическими настроениями части рабочих).

На деле декрет о рабочем контроле отстал от жизни, процесс шел стихийно, по-разному на разных предприятиях (были слу-

чаи, когда рабочие, выгнав предпринимателей и не справившись с управлением, просили их вернуться обратно). Сама идея рабочего контроля на отдельном предприятии отвечала скорее принципам синдикализма, чем социализма, который предполагал планомерную организацию производства в обществе в целом.

Хотя декрет не оказал заметного влияния на реальную жизнь, позднее он широко использовался для обоснования актов о национализации предприятий («вследствие отказа подчиняться рабочему контролю»).

Национализация промышленности. В целом и причины, и ход национализации промышленных предприятий после Октября 1917 г. в официальной советской истории искажены. Они представлены как закономерный, вытекающий из теории марксизма процесс. На деле этот шаг Советского государства был сделан *вопреки* намерениям правительства и совершенно *вопреки* теории, которая предполагала прохождение довольно длительного этапа *государственного капитализма*. Даже представление о рабочем контроле буквально накануне Октября предполагало образование совместного совещания предпринимателей и рабочих. Показателен и тот факт, что до марта 1918 г. Госбанк выдал очень крупные средства в виде ссуд частным предприятиям. Взяв власть при полном распаде и саботаже госаппарата, Советское правительство и помыслить не могло взвалить на себя функцию управления всей промышленностью.

Эта проблема имела и важное международное измерение. Основной капитал главных отраслей промышленности принадлежал иностранным банкам. В горной, горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности 52% капитала было иностранным, в паровозостроении — 100%, в электрических и электротехнических компаниях — 90%, все имеющиеся в России 20 трамвайных компаний принадлежали немцам и бельгийцам, и т.д. Никакие теории не могли предсказать последствий национализации такого капитала — в истории не было опыта.

Конечно, в собственность нового государства автоматически перешли все казенные железные дороги и предприятия. В январе 1918 г. был национализирован морской и речной флот. В апреле 1918 г. национализируется внешняя торговля. Это были сравнительно простые меры, для управления и контроля в этих отраслях имелись ведомства и традиции.

В промышленности события пошли не так, как задумыва-

лось, — начался процесс двух типов — *«стихийная»* и *«кара- тельная»* национализация. Английский историк Э.Карр создал грандиозный труд — «Историю Советской России» (до 1929 г.) в 14 томах с дотошным изучением документов. Он пишет о первых месяцах после Октября: «Большевиков ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку».

Процессы, происходящие во время крупных социальных сдвигов, редко следуют теоретическим доктринам и планам политиков. Больше пользы бывает от тех политиков, которые понимают суть этих процессов и «подправляют» их в моменты выбора, в ситуации нестабильного равновесия, когда с небольшими силами можно толкнуть события в тот или иной коридор. Что же касается национализации, то это было именно глубинное движение, своими корнями уходившее в «архаический крестьянский коммунизм» и тесно связанное с движением за национализацию земли. Вообще, в этом движении не было ничего необычного. Дж.Кейнс в очерке «Россия» (1922) писал: «В природе революций, войн и голода уничтожать закрепленные законом имущественные права и частную собственность отдельных индивидов».

Требую национализации, обращаясь в Совет, в профсоюз или в правительство, рабочие стремились прежде всего сохранить производство (в 70% случаев эти решения принимались собраниями рабочих потому, что предприниматели не закупили сырье и перестали выплачивать зарплату, а то и покинули предприятие). Вот первый известный документ — просьба о национализации фирмы «Копи Кузбасса» — резолюция Кольчугинского Совета рабочих депутатов 10 января 1918 г.:

«Находя, что акционерное общество Копикуз ведет к полному развалу Кольчугинский рудник, мы считаем потому, что единственным выходом из создавшегося кризиса является передача Копикуза в руки государства, и тогда рабочие Кольчу-

гинского рудника смогут выйти из критического положения и взять под контроль данные предприятия».

Вот другое, также одно из первых, требование о национализации: письмо фабкома петроградской фабрики «Пекарь» в Центральный совет фабзавкомов (18 февраля 1918 г.):

«Фабричный комитет фабрики «Пекарь» доводит до вашего сведения как демократический хозяйственный орган в том, что рабочие упомянутой фабрики на общем собрании совместно с представителями местной продовольственной управы 28 января 1918 г. решили взять фабрику в свои руки, т.е. удалить частного предпринимателя по следующим причинам: легче провести концентрацию хлебопечения, правильнее можно сделать учет хлеба, также администрация тормозила работу, и были случаи, что подготовляла голодный бунт в нашем подрайоне, а также неоднократно заявляла о расчете рабочих, якобы нет средств платить, а по нашему подсчету выходит, что мы на остаток можем дать кусок хлеба безработным, а не увеличивать количество безработных.

Принимая все это во внимание, рабочие решили взять фабрику в свои руки, о чем считаем долгом довести до вашего сведения, ибо вы должны знать, что делают рабочие по районам.

Просим узнать ваше мнение о нашем поступке».

Сейчас трудно разграничить случаи «стихийной» национализации от «карательной», поскольку юридическим поводом в обоих случаях часто был отказ предпринимателя подчиняться требованиям рабочего контроля. Но если говорить не о поводе, а о реальной причине, то она была в том, что ряд владельцев крупных предприятий повел дело к распродаже основного капитала и ликвидации производства. Так, например, был национализирован завод АМО (на базе которого вырос ЗИЛ). Его владельцы Рябушинские, получив еще из царской казны на строительство 11 млн. руб., истратили деньги, не построив цехов и не поставив уговоренные 1500 автомобилей. После Февраля хозяева пытались закрыть завод, а после Октября скрылись, поручив дирекции закрыть завод из-за нехватки 5 млн. руб. для завершения проекта. По просьбе завкома Советское правительство выдало эти 5 млн. руб., но дирекция решила истратить их на покрытие долгов и ликвидировать предприятие. В ответ завод АМО был национализирован.

Саботаж крупных предприятий и спекуляция продукцией, заготовленной для обороны, начались еще до Февральской революции. Царское правительство справиться не могло — «тене-

вые» тресты организовали систему сбыта в масштабах страны, внедрили своих агентов на заводы и в государственные учреждения. С весны 1918 г. ВСНХ в случае, если не удавалось договориться с предпринимателями о продолжении производства и поставках продукции, ставил вопрос о национализации. Невыплата зарплаты рабочим за один месяц уже была основанием для постановки вопроса о национализации, а случаи невыплаты за два месяца подряд считались чрезвычайными.

Вначале в казну забирались отдельные предприятия. Это даже теоретически не было никак связано с доктриной марксизма, поскольку не позволяло перейти от стихийного регулирования хозяйства к планомерному. На руководство ВСНХ большее влияние оказывал пример промышленной политики Германии во время войны. В таких случаях декреты о национализации всегда указывали причины, вызвавшие или оправдывающие эту меру. Первыми национализированными отраслями были сахарная промышленность (май 1918 г.) и нефтяная (июнь). Это было связано с почти полной остановкой нефтепромыслов и бурения, брошенных предпринимателями, а также с катастрофическим состоянием сахарной промышленности из-за оккупации Украины немецкими войсками.

В целом в основу политики ВСНХ была положена ленинская концепция «государственного капитализма», готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной государственного капитала (иногда и с крупным участием американского капитала). Это вызвало резкую критику «слева» как отступление от социализма, своего рода «Брестский мир в экономике». Примечательно, что к этой критике присоединились левые эсеры и даже меньшевики, которые до этого обвиняли Советское государство в преждевременности социалистической революции. Спор о месте государства в организации промышленности перерос в одну из самых острых дискуссий в партии.

После заключения Брестского мира положение неожиданно и кардинально изменилось. Было снято предложение о «государственном капитализме» и одновременно отвергнута идея «левых» об автономизации предприятий под рабочим контролем. После ряда совещаний с представителями рабочих и ИТР был взят курс на немедленную планомерную и полную национализацию. Против этого «левые» выдвинули аргумент, который затем был развит в трудах Троцкого и безотказно работал восемь десятилетий: якобы при национализации «ключи от

производства остаются в руках капиталистов» (в форме специалистов), а рабочие массы отстраняются от управления. В ответ на это было указано, что восстановление производства стало такой жизненной необходимостью, что ради него надо жертвовать теорией.

Однако был еще один мощный фактор, который не обсуждался так открыто, но заставлял принимать решение срочно. После заключения Брестского мира немецкие компании начали массовую скупку акций главных промышленных предприятий России. На I Всероссийском съезде СНХ 26 мая 1918 г. говорилось, что буржуазия «старается всеми мерами продать свои акции немецким гражданам, старается получить защиту немецкого права путем всяких подделок, всяких фиктивных сделок». Предъявление к оплате акций германским посольством наносило России лишь финансовый ущерб. Но затем выяснилось, что акции ключевых предприятий накапливались в Германии. В Берлине велись переговоры с германским правительством о компенсации за утраченную в России германскую собственность. В Москву поступили сообщения, что посол Мирбах уже получил инструкции выразить Советскому правительству протест против национализации «германских» предприятий. Возникла угроза утраты всей базы российской промышленности.

На совещании СНК, которое продолжалось всю ночь 28 июня 1918 г., было принято решение о национализации всех важных отраслей промышленности, о чем и был издан декрет. В нем уже не назывались отдельные предприятия и не приводились конкретные причины — речь шла об общем юридическом акте.

При внимательном прочтении этот декрет многое говорит и об историческом моменте, и о реалистичности политики Советского правительства. После риторических заявлений о национализации как средстве «упрочения диктатуры пролетариата и деревенской бедноты» в нем сказано, что до того, как ВСНХ сможет наладить управление производством, национализированные предприятия передаются в безвозмездное арендное пользование прежним владельцам, которые по-прежнему осуществляют финансирование производства и *извлекают из него доход*. То есть, юридически закрепляя предприятия в собственности РСФСР, декрет не влек никаких практических последствий в экономической сфере. Он лишь в спешном порядке отвел угрозу германского вмешательства в хозяйство России. Вскоре, однако, Советскому правительству, вопреки его долгосрочным намерениям, пришлось сделать и второй шаг — установить ре-

альный контроль над промышленностью. Это заставила сделать Гражданская война. 20 ноября 1920 г. были национализированы все промышленные частные предприятия с числом рабочих свыше 5 при наличии механического двигателя или 10 рабочих без него.

Управление просвещением и наукой. По декрету II Всероссийского съезда Советов был образован Наркомат просвещения РСФСР, наделенный очень широкими функциями (дошкольное воспитание, средняя и высшая школа, профессионально-техническая подготовка, просветительская работа в массах, издательское дело, управление наукой и всеми видами искусства). В 1918 г. был издан декрет «О создании школ для национальных меньшинств», а в 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». По этому декрету «все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию».

Сразу была начата реформа образования, узаконенная в октябре 1918 г. декретом «О единой трудовой школе». Тогда же была предложена долгосрочная программа развития народного образования, которая и выполнялась в течение всего советского периода. Эта программа, определившая черты так называемой *советской* системы образования, возможно, лучше всех других выражает суть Советского государства. Школа — главный государственный институт, который «создает» гражданина и воспроизводит общество. Это — консервативный «генетический аппарат» культуры.

Идея единой школы была выработана в многолетних дискуссиях русских педагогов как отрицание школы буржуазного общества, которая возникла в ходе промышленной революции на Западе и сложилась после Великой Французской революции. Главная задача буржуазной школы — воспроизведение классового общества, и такая школа в принципе есть школа двойная. Она состоит из двух «коридоров», которые расходятся уже в начальной школе. Один формирует элиту, другой — человека массы. Школа для элиты общеобразовательная, она основана на университетской культуре и дает целостное знание в виде дисциплин. Школа для массы основана на «мозаичной» культуре и дает так называемые «полезные» знания. Резко различаются методики преподавания и уклад обоих «коридоров» школы.

Советская школа стала формироваться как *единая общеобразова-*

зовательная, вся основанная на университетской культуре и ставящая своей целью воспроизводство народа, а не классов. Это была невиданная социальная роскошь, которая, с трудностями и частными неудачами, была предоставлена всему населению СССР. Экзаменом этой школы стали индустриализация и война 1941 — 1945 гг. Демонтаж школы советского типа стал одной из срочных задач реформы после 1991 г.

Советский строй с самого начала включал *науку* в качестве важнейшей производительной и духовной силы. На его зрелой стадии все общественное бытие было в большой степени «пропитано наукой», что существенно отличало СССР и от Запада, и от Азии. В Советской России с самого начала государственная идеология создала в массовом сознании очень высокий престиж науки, так что, несмотря на высокий еще уровень неграмотности, в России тех лет не возникло антинаучных настроений.

Основа советской системы организации науки была заложена уже в 1918 г. Она продолжила старые принципы организации науки в России — науки как части державного государства в отличие от сложившейся в протестантской культуре науки как части гражданского общества. В выборе типа научной системы активное участие принимал В.И. Ленин, которому пришлось оказать жесткое противодействие «левым» в их попытках реформировать «императорскую» Академию наук. Советское государство сделало Академию наук главным ядром всей системы.

Научная политика Советского государства в первые годы была очень необычна. В самый трудный момент оно выделило крупные средства на науку. В 1918 г. было открыто 33 крупных научных института, ставших впоследствии основой всей сети прикладных НИИ. Было организовано большое число крупных экспедиций, самая значительная из них, в районе Курской магнитной аномалии, не прекращала работы даже в зоне боевых действий. В 1919—1923 гг. Комиссия по улучшению быта ученых организовала снабжение ученых особыми пайками. Это предотвратило возможный в условиях революции разрыв непрерывности развития русской науки.

Концентрация средств в Академии наук позволила собрать и сохранить научные кадры, привлечь к сотрудничеству ведущих ученых, а потом сделать из Академии «генератор» научных институтов прикладного профиля, но «выросших» из фундаментальной науки. Эти особенности советской системы дали госу-

дарству возможность развить очень сильную науку при очень скромных средствах. В конце 80-х годов эта научная система позволила СССР достичь военного паритета с Западом — при том, что, например, обеспеченность приборами одного советского исследователя была в среднем в 80—100 раз ниже, чем в США. После 1991 г. советская система организации науки была быстро ликвидирована. К 1997 г. по затратам на науку Россия опустилась на уровень Тайваня и Турции.

Государственная идеология на начальном этапе становления Советской власти. Продолжая, в новом обличье, путь развития российской государственности, Советская власть строила государство *традиционного общества*. Советское государство было в существенной мере идеократическим. Это значит, что сила этого государства, его здоровье и само существование в огромной степени определялись жизненностью идеологии, ее восприятием в массовом сознании. Ключевыми идеями, воспринятыми советской идеологией из марксизма, были следующие: справедливость (уничтожение эксплуатации человека человеком), всеединство («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), нестяжательство («каждому — по труду»), возврат к истокам, к братству в общине (коммунизм), построение светлого Царства счастья и воли (прогресс, неисчерпаемые силы науки, ликвидация государства). Понятия и термины марксизма наполнялись при этом своим, часто существенно иным, нежели на Западе, смыслом.

Советская идеология, в отличие от буржуазно-либеральной, с которой она конкурировала, была *эсхатологичной*. Она была направлена к идеалу, к «светлому будущему», к завершению цикла истории. Мессианская вера обращалась к пролетариату, который воплотит мечту, а государство было формой сплочения людей на этом пути. В этой идеологии человек предстал как изначально, по природе своей, *доброе*, тяготеющее к братству существо, лишь испорченное несправедливыми общественными условиями.

Напротив, буржуазно-либеральная идеология (в том числе в ее социал-демократической версии) не имеет образа «светлого будущего» — *движение все, цель ничто*. Она утверждает, что общество идет от изначального зла, что человек по природе своей — эгоист, захватчик и эксплуататор. Лишь государство и право вводят в рамки закона естественную для человека войну против ближнего.

Это различие важно потому, что многое объясняет в поведе-

нии государства. Когда государство легитимирует себя через обязательство строить «светлое будущее», все тяготы и неурядицы реальной жизни выглядят результатом дефектов и ошибок в работе государства («система виновата»). Тем более нестерпимыми представляются дефекты самого государства (злоупотребления, коррупция и т.п.) — они в общественном сознании вырастают до уровня измены. Образу либерального государства наличие в обществе несправедливости, бедности, преступности и т.д. нисколько не вредит, ибо это следствие *естественного* порядка вещей. Из его идеологии следует лишь, что без этого государства было бы еще хуже. Даже дефекты самого государства не подрывают его образ, так как чиновники тоже люди и по природе своей порочны.

Рассмотрим главные элементы (символы, образы, метафоры) советской государственной идеологии на первом этапе.

Главной обобщенной, не разлагаемой на компоненты ценностью был образ *Революции*. Он был сакрализован (обладал святостью) и потому не требовал рационального обоснования. Революция была представлена в идеологии как избавление, как возвращение на путь, ведущий к утраченному раю. Все, что можно было ассоциировать с *контрреволюцией*, подвергалось осуждению или даже уничтожению без необходимости доказывать его вредоносный характер.

С понятием революции связывались важнейшие идеалы русского крестьянства (прежде всего земля и воля). Включив в себя в качестве основной ценности революцию, государственная идеология создала определенные трудности для самого же государства, так как эта ценность в массовом сознании в большой степени воспринималась как анархическая, антигосударственная. Поэтому уже на первом этапе (в 1918 г.) в идеологии все с большей настойчивостью звучит тема дисциплины, организованности, разумности. Идеологические документы низового звена государства того времени (воззваний, постановлений местных Советов и комитетов) отражают замечательное диалектическое единство двух противоположных начал.

На уровне теоретиков (прежде всего в работах В.И.Ленина) в понимании революции разрабатывается сложная диалектика конечной цели (*общество без государства*) и переходного периода (*построения и укрепления государства*). Поставив перед Октябрем в работе «Государство и революция» задачу слома старой государственной машины, В.И.Ленин после Октября, уже как председатель правительства, с тревогой убедился, что

«машина» разрушена до большевиков и стране грозит катастрофа. И в идеологии был сделан удивительно быстрый и принципиальный поворот — она становится государственной и даже державной. По этому вопросу В.И. Ленин ведет резкие споры с рядом других лидеров (например, с Н.И. Бухариным).

Вторым ключевым понятием советской идеологии была *диктатура пролетариата*. Термин этот, введенный Марксом в 1852 г., не был достаточно разработан, в России он употреблялся как метафора, без придания ему конституционного значения*. Его эмоциональная окраска менялась в зависимости от обстановки. Сразу после Октября диктатура пролетариата (в союзе с крестьянством) понималась как власть абсолютного большинства, которая сможет поэтому обойтись без насилия — с таким основанием отпускались под честное слово юнкера и мятежные генералы. По мере обострения обстановки упор делался на слове *диктатура*, и метафора использовалась для оправдания насилия.

Главное, что в советской идеологии это понятие не имело *классового* смысла (независимо от классовой риторики). К неклассовому пониманию «диктатуры пролетариата» крестьяне были подготовлены самой их культурой. Она воспринималась как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей, — тех, кому не страшно постоять за правду. Пролетариат был новым воплощением народа, несущим избавление — общество без классов. Столь же далеким от марксизма было представление о буржуазии. М.М. Пришвин пишет в «Дневниках» (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс «эгоистических побуждений», но кого считать за буржуазию?.. Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интереса-

*Когда во время перестройки начались дискуссии о том, имел ли действительно пролетариат в советской системе диктаторские полномочия, они вызывали недоумение: такие понятия никогда и не понимаются буквально (строго говоря, в России и не было пролетариата, рабочий класс был еще проникнут крестьянским мышлением). Сегодня в России демократами называют себя поклонники кровавого чилийского диктатора Пиночета, но никто же при этом не понимает слово «демократ» буквально.

ми. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом».

Таким образом, советская государственная идеология была *национальной* — нисколько не вступая при этом в противоречие с интернациональной риторикой. Дело в том, что национализм крестьянского мышления имеет иную природу, нежели национализм гражданского общества (само слово *национализм*, взятое из западного лексикона, надо понимать условно, вернее было бы назвать его *народность*). Здесь не годится простое деление «буржуазный национализм — пролетарский интернационализм», принятое в марксизме. Крестьянство восставало против капитализма, движимое не только социальным, но и национальным чувством — как против космополитической силы, уничтожающей самобытность*.

Русскими коммунистами понятие национализма для культурных условий России не разрабатывалось. Для нас было бы важно знать труд китайского революционера Сунь Ятсена «Три народных принципа», где он развил понятие национализма как основы государственной идеологии Китая. Для него национализм есть «принцип единой государственной семьи (нации)». Это совсем не то, что национализм классового общества, образующего государство-нацию. У Сунь Ятсена национализм не только не противоречит интернационализму, но и служит ему необходимым условием: «национализм — это то сокровище, которое предопределяет существование человечества». Сунь Ятсен писал, что только если Китай вновь обретет сокровище национализма, он «станет фундаментом интернационализма в Азии — так же, как русские стали им в Европе».

Если за риторикой Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства в России и о возможности построения социализма в одной стране видеть суть, то она именно в возрождении державного русского национализма (с особой остротой спор по

*Представление, будто марксизм отрицает национальность или народность, ошибочно. Л. Н. Гумилев цитирует Маркса: «Еще у Маркса встречаем, что «одним из природных условий производства для живого индивида является его принадлежность к какому-либо естественно сложившемуся коллективу: племени и т.п.». При этом «общность по племени, природная общность выступает не как результат, а как предпосылка» (См. Гумилев Л. Н., Иванов К. П. Этнические процессы: два подхода к изучению. — СОЦИС, 1992, № 1).

этому вопросу вспыхнул позднее, между Сталиным и Троцким). Оппоненты Ленина поняли это быстро. Один из лидеров Бунда, М.Либера (Гольдман), писал в 1919 г.: «Для нас, «непереучившихся» социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития, — Германия, Англия и Америка... Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера... Эта теория очень старая; корни ее — в славянофильстве».

На Западе оценки были еще жестче. Один последователь К.Каутского писал: «Внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы». Это признание краха западнического крыла в большевизме. Под «мантией» марксизма большевики скрывали национализм, проект возрождения особой, незападной цивилизации — России.

Позднее Н.И.Бердяев в упомянутой выше книге о русском коммунизме также подчеркнул: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма».

Что касается представлений большевиков о России, то с самого начала они видели ее как естественную, исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали общероссийскими масштабами (в этом смысле идеология была «имперской»). В 1920 г. нарком по делам национальностей И.В.Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо. Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии всегда рассматривались как явление *гражданской* войны, а не *межнациональных* войн. Это нисколько не противоречило идее «национальной справедливости», так как считалось, что собиравание всех частей России в «республику Советов» решает и эту задачу.

Третьим ключевым символом советской идеологии первого периода был *коммунизм*. Никакого конкретного воплощения в осязаемые, земные формы жизнеустройства это понятие тогда не имело. Коммунизм представлялся как жизнь в условиях все-

общего благоденствия, изобилия, в братском единстве и без государственной власти. Это была утопия возврата к общине, что и было верным пониманием слова «коммуна».

Усложнять идеологию теоретической разработкой понятий «коммунизм» и «социализм» в тот период не требовалось, да и не было возможности. Понятие социализма, не развитое и почти не употребляемое классиками марксизма, понадобилось идеологам советского государственного строительства позже, когда с поражением революций в Германии и Венгрии стало очевидно, что придется «строить социализм в одной стране». Тогда пришлось от утопии мировой революции и коммунизма спуститься на землю России и создать связное представление о трудном «переходном периоде». Это делалось в основном уже после смерти В.И.Ленина (по сути, в течение всего существования Советского государства) и на каждом этапе определялось политическими задачами момента, а не фундаментальными теоретическими положениями.

Наконец, с самого момента образования Советского государства в его идеологии важное место заняла необычная конструкция, соединяющая мессианское крестьянское мышление с марксизмом, — идея *прогресса* и освобождения через овладение силами науки. Присущее советской идеологии возвышение образа науки и техники имеет иной, чем на Западе, оттенок — в нем есть отпечаток *русского космизма*. Идея прогресса не была лишь умозрительной частью идеологии, она сразу же стала укрепляться политическими решениями Советского государства, необычными в той трудной обстановке, которая сложилась в 1918—1920 гг. (план электрификации, множество научно-технических программ, экспедиции, работающие даже в районах боевых действий и т.п.).

Та идеология, что реально была создана сразу после установления Советской власти и быстро дополнялась новыми образами и символами, выполнила свою задачу легитимации нового государства и быстрого сплочения той критической массы общества, которая была необходима для победы в Гражданской войне.

К несчастью, руководство партии большевиков в течение всего первого периода судило о становлении государства по западным меркам и преувеличивало «недостаток легитимности» — хотя легитимация Советской власти произошла, но через иные, невидимые для истмата культурные механизмы. Поэтому большевики переоценивали силу идеологических противников

и прибегали к жестоким репрессиям, в то время как эти противники подорвать гегемонию советского строя не могли. Такими противниками с преувеличенной воображением опасностью были национализм культурного слоя нерусских народов и Православная церковь в центре России. Борьба с ними, приведшая к тяжелым жертвам, стала особым продолжением Гражданской войны.

Комментарий из 2001 г.: демократия и диктатура пролетариата. Когда из нашей нынешней жизни смотришь на историю русской революции, очень многие вроде бы простые и заученные вещи начинают выглядеть совершенно по-иному. Ведь многие вещи мы не осмысливали и не пытались понять, а именно заучивали. И, как ни странно, то, что мы заучивали из учебников официального истмата, очень легко «вывернулось» и соединилось с тем, что мы уже пятнадцать лет заучиваем из телевидения и всяких «АиФ».

Сегодня встало, как камень из песка, противопоставление *«диктатура пролетариата — демократия»*. Мол, советский строй, хотя бы при сталинизме, стоял на диктатуре пролетариата, и это было ужасно, а теперь у нас демократия, и мы почти счастливы. Вот остатки пролетариата уморим, тогда и пережитков диктатуры не останется.

Иногда, правда, уточняют, что то была диктатура не пролетариата, а большевиков. Но это мелочи. Ведь кто такие большевики, если, как говорят, были поголовно уничтожены все дворяне, буржуи, священники и «справные крестьяне»? Те же пролетарии города и деревни. Тут, правда, возникает неувязка с родословной наших нынешних демократов. Вдруг оказывается, что все они — чуть ли не из князей или даже из раввинов. Что это для них были «лакеи, юнкера, и вальсы Шуберта, и хруст французской булки» — да проклятая диктатура пролетариата отняла. Но нас интересуют здесь не личные судьбы, а большие общественные явления.

Начнем с того, что мы сегодня видим вокруг. Да, у нас демократия, которой мы так долго ждали. Ее главные признаки налицо: многопартийность, гражданские права и свободные выборы. Организуй любую партию! Вон есть партия общественно-го цинизма, и ее генеральный секретарь то и дело выступает по телевизору. Свобода слова? Выпускай любую газету, хоть сплошь из матерных слов. Можешь купить телестудию и перед камерой голым ходить или Путина ругать. Свобода передвижения и не-

прикосновенность жилища полные. Чуть Гусинскому повестка к следователю, он — в Гибралтар. А наши бездомные даже сочтают оба гражданских права: с часу ночи до шести утра они неприкосновенно живут в вагонах метро и одновременно передвигаются.

Денег у людей не хватает — газету выпускать, молока купить и т.д.? Так ведь еще Елена Боннэр предупреждала, что за демократию надо платить. Вот мы и платим, еще не расплатились. Некоторые плачут: «Хотим жить... Дайте хоть немного!» Это желание — отрывка диктатуры пролетариата. Жить — это уже отход от чистой демократии, это уже *социал*-демократия, получение *социальных* прав, а не гражданских. Об этом не договаривались. Никто, сдавая советский строй, не спросил: «А мы сохраняем право на хлеб и молоко?» Нет, просили только многопартийности и свободы выезда.

Чем же обернулась демократия и могло ли выйти иначе? Как это ни покажется архаичным, к этому вопросу лучше подойти не с классовым взглядом, а с примитивным делением на *бедных* и *богатых*. Классы на это деление накладываются, но не вполне. А у нас в России, где классы вообще не успели сложиться, а потом практически растворились в советском обществе, ничего к ним свести не удастся. Между тем демократия именно на делении богатые—бедные и возникла. Богатые объединились в гражданское общество — «республику собственников» — и учредили демократию как наилучший способ защитить себя от бедных (пролетариев — то есть неимущих). Как написано в западных учебниках, демократия есть холодная гражданская война богатых против бедных, ведущаяся государством. Как мы сами недавно видели, холодная война богатых даже более эффективна, нежели горячая. Хотя, конечно, в крайних случаях прибегают и к горячей — выпускают то Пиночета, то Ельцина.

Как же ведут свою войну богатые с помощью демократии? Соблазняют людей политическим равенством, которое путем промывания мозгов на время утверждают как наивысшую ценность — гораздо более ценную, нежели равенство социальное. Как дается политическое равенство? Равным разделением власти между гражданами. По принципу «один человек — один голос». Никаких королей или КПСС, обладающих особо весомым голосом, нет. Все равны: и Ротшильд, и нищий. Каждый свою частицу власти может осуществить через выборы. Вроде все логично, и против этого никто не возражает. И как только этот порядок принимается и закрепляется Конституцией — все!

Мышеловка захлопнулась. Богатые просто скупают голоса бедных, будь то безработные ткачихи Иваново, хитрые чукчи или гордые черкесы. Свободный рынок — прежде всего для политики, а уж потом для осязаемых товаров.

Впрочем, если быть точнее, богатые первым делом «выгоняют» бедных с рынка. Конечно, не насилем, упаси боже. Только ласковым словом — спектаклями непрерывных скандалов, передач «Куклы», демонстративным ничтожеством продажных политиков. В массовое сознание нагнетается мысль, что «политика — дело грязное» и на выборы лучше не ходить, не пачкаться. Таким образом, достигается первое условие — на выборы парламента у нас порой не приходит 75% избирателей, почти все бедное большинство, а на выборы президента — половина. Как видим, без всякого насилия и пока еще без преступных манипуляций с бюллетенями от выборов отсекается большинство бедных.

Это экономит богатым огромные деньги — выкупать голоса приходится у немногих. Нужно число тщательно рассчитывается, экономика должна быть экономной. Треть остается без оплаты — для КПРФ. Подавитесь, козлы! Треть и так проголодает правильно — это сами богатые и их челядь. Значит, торговаться приходится только с третью идущих на выборы избирателей. Это олигархам по карману. Тем более что многих подкупают «виртуальными ценностями». Мол, вот-вот войдем в наш общий европейский дом, уже и Шредер готов в православие записаться. Или запугивают «виртуальными ужасами». Бабушек — что Ельцин обидится и пенсии отнимет, верующих — что коммунисты снова Храм Христа Спасителя взорвут. Социологи работают, зря свои доллары не получают. Они знают, кого чем можно напугать.

Так возникает общественный строй-мираж. Бедные в нем как бы исчезают, благополучная половина их просто не видит. Из бедности выхватываются гротескные фигуры, даются с комическими комментариями. Их образ обволакивается рекламой «сникерсов», становится частью несуществующего мира. Все путем, мужики. Опыт (например, Бразилии) показывает, что при наличии продажной художественной интеллигенции и наркотического телевидения вполне достигим такой порядок, при котором одна половина граждан не просто не видит, но уже почти и не верит в существование второй половины, живущей вообще без регулярных доходов. Народ исчезает. У нас это сделать потруднее, чем в Бразилии, потому что зимы холодные, но

в целом к этому дело идет. Половина вымрет — и вторая половина этого не заметит.

Иначе в данной модели демократии быть не могло. Ибо демократия у нас — это снятие запрета на геноцид бедных. Если хотите, снятие запрета на убийство ближнего. В этом ее главная суть, все остальное — мелочи. Более того, дальше будет именно быстрое вымирание, и прежде всего русских, ибо черкесы, чукчи и буряты на самом деле эту демократию не приняли и продолжают свою жизнь как *народы*. Им главное, чтобы дети у них рождались. А что они свои голоса продают, так они на эти бумажки плевать хотели.

Что же такое была у нас диктатура пролетариата? Главный ее смысл был в запрете именно на эту демократию. Жесткий запрет на убийство ближнего — для тех, кто сам этого запрета не понимает. Диктатура пролетариата вдруг появилась, и почти все ее возжелали, именно потому, что наши либералы после Февраля 1917 г. наглядно суть этой демократии всем показали. И русские, которые тогда почти поголовно были крестьянами (хотя бы и фабричными или «в серых шинелях»), очень хорошо эту суть поняли.

Термин *диктатура пролетариата*, как уже было сказано, в России употреблялся как метафора и не имел *классового* смысла. Когда во время перестройки начались дискуссии о том, имел ли пролетариат в советской системе диктаторские полномочия, это вызывало недоумение: такие понятия никогда и не понимаются буквально.

В политическом смысле диктатура пролетариата означала, что у богатых изъято главное средство власти — возможность отвращать людей от участия в выборе жизнеустройства и скупать их голоса. Бедные действительно стали влиять на ход жизни — гораздо больше даже, чем того хотело Советское государство. Другое дело, что потом, став «средним классом» или номенклатурой, дети бедных стали легко подвержены соблазнам, но это уже другая история.

В социальном смысле диктатура пролетариата означала запрет на убийство бедных богатыми. Равный доступ к минимуму пищи, то есть право на жизнь, было утверждено как не подвергаемое обсуждению *Откровение*. Никаких голосований по этому вопросу не допускалось. Из этого и вытекали 34 млн. пайков во время военного коммунизма для всех горожан — и банкиров, и трубочистов. Из личных симпатий, злоупотребив своей властью, Ленин выхлопотал паек первой категории (как для

молотобойца) для антикоммуниста академика Павлова и его жены. Но без коррупции ведь никакая власть не обходится, хотя коррупция коррупции рознь.

Утвердив равенство в вопросе жизни и смерти, диктатура пролетариата была вынуждена наложить мораторий на равенство атомизированных голосов — на демократию для богатых. Иначе, как ни крути, убийство бедных было не остановить. Хотя бы на 70 лет. Как нам теперь вылезти — вот вопрос.

Российский капитализм и Октябрьская революция: комментарий из 2001 г. Одним из главных мотивов в антисоветской идеологической кампании в годы перестройки была мысль о якобы благодатном развитии России в конце XIX — начале XX века, прерванном революцией. «Россия, которую мы потеряли». Мысль эта глубоко ложная. Наши «демократы» и «патриоты-антисоветчики» обосновывают ее с помощью грубых подтасовок.

Говорят, например, о быстром росте промышленности. Да, в России развивалась та самая «дополняющая Запад» промышленность, почти целиком принадлежащая иностранному капиталу, за которую сегодня ратует Чубайс. Вот каково было положение к 1910 г. В металлургии банки владели 88% акций, 67% из этой доли принадлежало паришскому консорциуму из трех банков, а на все банки с участием (только участием!) русского капитала приходилось 18% акций. В паровозостроении 100% акций находилось в собственности двух банковских групп — паришской и немецкой. В судостроении 96% капитала принадлежало банкам, в том числе 77% — паришским. В нефтяной промышленности 80% капитала было в собственности у групп «Ойл», «Шелл» и «Нобель». В руках этих корпораций было 60% всей добычи нефти в России и 3/4 ее торговли.

В дальнейшем захват российской промышленности и торговли иностранным капиталом не ослабевал, а усиливался. В 1912 г. у иностранцев было 70% добычи угля в Донбассе, 90% добычи всей платины, 90% акций электрических и электротехнических предприятий, все трамвайные компании и т.д.

При сумме государственных доходов России в 1906 г. 2,03 млрд. руб. государственный долг составил 7,68 млрд., причем на 3/4 это был внешний долг. Дефицит госбюджета в России составлял почти 1/4 доходов и покрывался займами. Финансовое положение государства было крайне неустойчивым.

В марте 1906 г. председатель Совета Министров С.Ю.Витте

писал министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу: «Мы находимся на волоске от денежного (а следовательно, и общего) кризиса. Перебиваемся с недели на неделю, но всему есть предел». В апреле 1906 г. правительству удалось получить у западных банкиров заем в 843 млн. руб. (за вычетом процентов было получено 677 млн. чистыми). Как писал Витте, «заем этот дал императорскому правительству возможность пережить все перипетии 1906—1910 годов, дав правительству запас денег, которые вместе с войском, возвращенным из Забайкалья, восстановили порядок и самоуверенность в действиях власти». Западные банкиры спасли тогда царизм от финансового краха. Но уже в начале сентября 1906 г. министр финансов В.Н.Коковцов жаловался П.А.Столыпину на нехватку 155 млн. руб. Европейские банки при таком положении продолжили экспансию в Россию, полностью ставя под контроль ее экономику.

Вот выдержка из письма синдика фондовых маклеров Парижа В.Вернейля В.Н.Коковцову от 13.12.1906: «Я предполагаю образовать здесь, с помощью друзей, разделяющих мой образ мыслей, мощную финансовую группу, которая была бы готова изучить существующие уже в России коммерческие и промышленные предприятия, способные, с помощью французских капиталов, к широкому развитию... Само собой разумеется, речь идет только о предприятиях вполне солидных, на полном ходу и предоставляемых французской публике по ценам, которые позволяли бы широко вознаграждать капиталы, которые ими заинтересуются».

Из ответа В.Н.Коковцова от 21.12.1906: «Я принимаю вашу мысль вполне и обещаю вам самую широкую поддержку, как и поддержку правительства... Я разделяю также вашу мысль присоединить к французским капиталам главнейшие русские банки».

К началу мировой войны стало почти очевидно, что такой уровень присутствия иностранного капитала уже лишает Россию и политической независимости. Вот документ, который нам сегодня очень близок и понятен. Это выдержка из рапорта прокурора Харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 10 мая 1914 г., № 3942:

«В дополнение к рапорту от 25 апреля с.г. за № 3470 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в настоящее время продолжается осмотр документов, отобранных в правлении и харьковском отделении общества «Продуголь», причем выясняется, между прочим, что это общество, являясь распорядительным органом синдиката каменноугольных пред-

приятый Донецкого бассейна, находится в полном подчинении особой заграничной организации названных предприятий — парижского комитета».

Далее в письме прокурора приводятся выдержки из документов, которые показывают, что парижский комитет диктует предприятиям объемы производства угля и цены, по которым уголь продается на российском рынке. К началу войны в России был искусственно организован «угольный голод» и повышены цены на уголь.

А вот справка из книги М.Галицкого «Иностранные капиталы в русской промышленности перед войной» (М., 1922): «Добыча угля в 1912 г. на рудниках 36 акционерных обществ Донбасса составляла 806,78 млн. пудов. 25 АО имели почти исключительно иностранный капитал, они добывали 95,4% угля от добычи АО. Правления 19 АО из этих 25 находились в Бельгии и Франции. В руках иностранных обществ было свыше 70% общей добычи угля в Донбассе... Около 90% добычи платины в России находится в руках иностранных компаний... Помимо концентрации свыше 3/4 торговли нефтью в России, иностранные финансовые синдикаты располагали в 1914 г. собственной добычей нефти в размере около 60% общеимперской добычи» и т.д. по всем отраслям.

С этим положением царское правительство справиться не смогло. Но в таком же состоянии были дела и при Временном правительстве — восстановление экономического и политического суверенитета России было невозможно без того, чтобы затронуть интересы иностранного капитала, который вступил в союз с отечественным криминальным капиталом. А пойти на это либералы, понятное дело, не могли. Вот выдержка из доклада министра юстиции Временного правительства В.Н.Переверзева на III съезде военно-промышленных комитетов в мае 1917 г.: «Спекуляция и самое беззастенчивое хищничество в области купли-продажи заготовленного для обороны страны металла приняли у нас такие широкие размеры, проникли настолько глубоко в толщу нашей металлургической промышленности и родственных ей организаций, что борьба с этим злом, которое сделалось уже бытовым явлением, будет не под силу одному обновленному комитету металлоснабжения.

Хищники действовали смело и почти совершенно открыто. В металлургических районах спекуляция создала свои собственные прекрасно организованные комитеты металлоснабжения и местных своих агентов на заводах, в канцеляриях районных

уполномоченных и во всех тех учреждениях, где вообще нужно было совершать те или иные формальности для незаконного получения с завода металла. Новый строй здесь еще ничего не изменил, организованные хищники так же легко и свободно обделывают свои миллионные дела, как и при прежней монархии... При желании можно было бы привести целый ряд очень ярких иллюстраций, показывающих, с каким откровенным цинизмом все эти мародеры тыла, уверенные в полной безнаказанности, спекулируют с металлом, предназначенным для обороны страны».

Таким образом, в динамично развивающемся «современном» секторе хозяйства — промышленности, — о котором обычно только и говорят антисоветские идеологи, в России при активном участии западного капитала формировалась специфическая экономика *периферийного капитализма*. Но известно, что когда западный капитализм вторгается в иную культуру и превращает ее в свою периферию, происходит резкий разрыв между хозяйственной и социальной структурой общества — и ни о каком здоровом национальном развитии при этом не может быть и речи.

В.В.Крылов пишет: «В экономической сфере традиционные уклады развивающихся стран исчезают так же, как это было и в Европе XIX века, но в сфере социальной происходит нечто иное. Разоряемые трудящиеся не вбираются во всей своей массе в современные сектора, но продолжают существовать рядом с ними теперь уже в виде все возрастающего сектора бедности, незанятости, пауперизма, социального распада. И это нечто более грозное, нежели обычная резервная армия безработных в бывших метрополиях. В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних эпицентрах капитала, но к такому, когда могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, незанятости, бедности. Такого взаимодействия капиталистического уклада с докапиталистическими и таких его результатов европейская история в прошлом не знала. Это специфический продукт капиталоемкого, позднего, перезрелого капитализма».

Именно такой капитализм развивался в России. Иногда спрашивают, что же гнало в Россию западных «инвесторов» при ее

холодном климате и огромных расстояниях, вызывающих большие транспортные издержки? Ведь прибавочного продукта здесь много получить было нельзя. Ответ прост — именно наличие огромной «буферной емкости», из которой можно было добывать средства для содержания анклавов промышленности, как из природы, практически бесплатно. Эта «емкость» — крестьяне, составлявшие 85% населения России. Они производили большое количество вполне ликвидного продукта — зерна, — не только сами не получая при этом никакого прибавочного продукта, но даже отдавая существенную часть продукта необходимого. Выколачивать из них этот продукт взялось государство с его податями и денежными налогами и арендаторы-помещики. Из этих средств они обеспечивали достаточно высокий уровень прибыли для западных акционеров. Примерно половина хлеба, произведенного крестьянами, шла на экспорт, превращаясь в твердую валюту, как сегодня нефть и газ (при этом сами крестьяне получали от экспорта в среднем около 10 руб. в год на двор). При этом хлеботорговлей из России опять-таки занимались в основном банки с западным капиталом (точнее, доля иностранного банковского капитала в экспорте хлеба составляла 35—40%).

Что промышленные анклавы «питались» за счет крестьянства, видно из таких данных. Средняя зарплата рабочего в Петрограде в 1916 г. составляла 809 руб. (у металлистов — 1262 руб., у текстильщиков — 613 руб.). Средняя зарплата народного учителя к началу 1917 г. была 46 руб. в месяц, причем 65,6% учителей получали 40—42 руб. в месяц (эти точные данные были получены в ходе обследования всех начальных школ Смоленской губернии в декабре 1916 — январе 1917 г.). Все пропитание крестьянина в начале XX века обходилось, при переводе в рыночные цены, в 20—25 руб. в год на члена семьи (у самых богатых, «пятилошадных» — в 28 руб.).

Вкладывая деньги в развитие в России промышленного капитализма, иностранный капитал одновременно создавал рынок для продукции своих отечественных заводов. Потолок для этого развития был относительно невысок, но капитал стремился использовать весь потенциал. Вот какова была динамика производства и импорта машин в России (по статистике Министерства финансов*):

*Обширные данные дореволюционной статистики сведены в книге «Экономическое развитие России» (вып. 2). М. — Л., 1928.

Таблица 1

Машиностроение в России в 1910—1913 гг.

	1910	1911	1912	1913
Производство в России, млн. руб.	102	123,3	136	175
из них сельскохозяйственных	44	50,3	52,6	60,5
Импорт машин, млн. руб.	113,4	147	150,5	163,7
из них сельскохозяйственных	42	58	63,5	48,7

В общем, и производство, и импорт машин были относительно невелики (для сравнения можно сказать, что чистый доход железных дорог, акции которых в основном принадлежали иностранному капиталу, составил в 1912 г. 452 млн. руб.).

Сильнее всего он ударил по крестьянству, что и стало причиной революции. Промышленность, которая находилась под контролем западного капитала, не стала двигателем всего народного хозяйства, не вступила в кооперативное взаимодействие с крестьянством. Прежде всего, она не дала селу средства, которые позволили бы интенсифицировать хозяйство и повысить его продуктивность (машины и минеральные удобрения). С другой стороны, она не предоставила крестьянству рабочих мест, чтобы разрешить проблему аграрного перенаселения, которое все сильнее определяло положение в европейской части России.

В результате русские крестьяне не могли перейти от трехпольной системы к более интенсивной и продуктивной травопольной — у них для этого было слишком мало скота, чтобы удобрять поля. Более того, это положение в конце XIX века стало быстро ухудшаться, так как из-за роста населения приходилось распахивать пастбища. Оптимальным для трехполья считается соотношение пастбища и пашни 1:2, а в Центральной России оно уже в середине XIX века снизилось до 1:5 или менее того. За полвека количество крупного рогатого скота на душу населения и единицу площади сократилось в 2,5—3 раза и опустилось до уровня в 3—4 раза ниже, чем в странах Западной Европы.

Полноценная травопольная система требует около 10 т навоза или 6 голов крупного рогатого скота на 1 га пашни. А в России на десятину пара было 1,2—1,3 головы скота. Нормально для его прокорма надо было иметь 1 десятину луга на голову, а в России с десятины луга кормили 2—3 головы. При отсутствии минеральных удобрений это не позволяло повысить урожай-

ность, что заставляло еще больше распахивать пастбища. Замкнулся порочный круг.

За 1870—1900 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в Европейской России выросла на 20,5%, площадь пашни — на 40,5%, сельское население — на 56,9%, а количество скота — всего на 9,5%. Таким образом, на душу населения стало существенно меньше пашни и намного меньше скота.

Прокормиться людям было все труднее. В 1877 г. менее 8 дес. на двор имели 28,6% крестьянских хозяйств, а в 1905 г. — уже 50%. Количество лошадей на один крестьянский двор сократилось с 1,75 в 1882 г. до 1,5 в 1900—1905 гг. Это значительное сокращение тягловой силы, что еще больше ухудшало положение.

На Западе промышленность развивалась таким образом, что город вбирал из села рабочую силу и численность сельского населения сокращалась. Село не беднело, а богатело. В 1897 г. при численности населения России 128 млн. человек лишь 12,8% жили в городах. В Германии в 1895 г. сельское население составляло 35,7%, а в 1907 г. 28,7%. А главное, уменьшалась и его абсолютная численность вследствие оттока его в промышленность. В Англии и Франции абсолютное сокращение сельского населения началось еще раньше (в 1851 и 1876 гг.). В России же абсолютная численность сельского населения быстро возрастала. Таким образом, в странах Западной Европы длительных периодов аграрного перенаселения вообще не было, при этом сокращение сельского населения сопровождалось ростом производства в расчете на одного занятого вследствие перехода к интенсивной травопольной системе*.

Кроме того, избыточное сельское население перемещалось в колонии (например, в XIX веке французским колонистам была бесплатно передана половина исключительно плодородной и издавна культивируемой земли Алжира, Туниса и Марокко).

*В Японии численность населения, живущего сельским хозяйством, оставалась постоянной с 1872 по 1940 г., весь его прирост вбирался промышленностью. Кроме того, в Японии, как и в развивающихся странах с теплым климатом, секторного разрыва не произошло по той причине, что здесь имелась возможность применения трудоинтенсивных технологий с получением сначала двух, а потом и трех урожаев в год (биологический потенциал почв Индонезии, например, почти в 6 раз больше среднего по России; это значит, что без применения удобрений в Индонезии на единицу земли можно занять в 6 раз больше людей с получением того же количества продукции).

Значительная часть сельского населения Запада переместилась в США, Канаду, Латинскую Америку. Известный египетский историк и экономист Самир Амин пишет: «Демографический взрыв в Европе, вызванный, как и в нынешнем «третьем мире», возникновением капитализма, был компенсирован эмиграцией, которая населила обе Америки и другие части мира. Без этой массовой завоевательной эмиграции (население потомков европейцев вдвое превышает сегодня население регионов, откуда происходила миграция) Европа была бы вынуждена осуществлять свою аграрную и промышленную революцию в условиях такого же демографического давления, которое испытывает сегодня «третий мир». И заводимый на каждом шагу гимн спасительному действию рынка обрывается на этой ноте: принять, что вследствие интеграции мира человеческие существа — так же, как товары и капиталы, — всюду чувствовали бы себя как дома, просто невозможно. Самые фанатичные сторонники рынка находят в этом пункте аргументы в пользу протекционизма, который в остальном отвергают в принципе».

Таким образом, в зонах Запада «вне Европы» и речи не могло быть об аграрном перенаселении иммигрантами. В США размер обрабатываемой площади земли в расчете на одного занятого был в 5 раз больше, чем в России. При примерно одинаковом уровне урожайности это означало получение в 5 раз больше продукции на одного занятого.

В России же быстро росло именно сельское население: 71,7 млн. в 1885 г., 81,4 в 1897 г. и 103,2 млн. в 1914 г. Свыше половины прироста сельского населения не поглощалось промышленностью и оставалось в деревне. В начале XX века увеличение численности рабочей силы в промышленности стало почти полностью обеспечиваться за счет естественного прироста самого городского населения. В 1900—1908 гг. общая численность рабочих возрастала ежегодно на 1,7%, что равно естественному приросту населения. Ни о каком бурном росте не было и речи, промышленный город стал анклавом капитализма, окруженным морем беднеющего крестьянства.

В 1913 г. в Киеве прошел I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, в решении которого было сказано: «Группы мельчайших хозяйств включают в себя главную по численности часть сельскохозяйственного населения... Создание устойчивости в материальном положении этих групп составляет вопрос первейшей государственной важности, развитие же обрабаты-

вающей промышленности не дает надежды на безболезненное поглощение обезземеливающегося населения».

При этом сужался внутренний рынок для промышленной продукции, так что ход индустриализации был очень неустойчивым. Нынешние антисоветские идеологи ничего не пишут, например, о том, что и производство чугуна в России, и его потребление на душу населения в начале XX века сокращалось. А во Франции за 1900—1909 гг. его производство выросло на 40%, в Германии — на 67%, в США — на 87%.

С.В.Онищук, который в большой работе приводит обзор этих показателей, опирается на данные, сведенные в известном фундаментальном труде А.Финн-Енотаевского «Современное хозяйство России» (СПб., 1911), а также в некоторых подробных региональных исследованиях по ряду областей Центральной России. Он пишет: «В России возникает невиданное в странах индустриального мира явление — секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Данный феномен выражается в долговременном прекращении перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность вследствие снижения производства в расчете на одного занятого в земледелии... Возникновение секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством явилось решающим фактором, обусловившим буржуазно-крестьянскую революцию 1905—1907 гг.»*.

Это было одной из важных причин того, что потерпела неудачу реформа Столыпина — не было ресурсов, чтобы материально поддержать крестьян, выделявшихся на хутора или переселявшихся в Сибирь. С.В.Онищук пишет: «Эффект столыпинской кампании был ничтожным. Падение всех показателей на душу населения в сельском хозяйстве продолжалось, обостряя секторный разрыв. Количество лошадей в расчете на 100 жителей Европейской России сократилось с 23 в 1905 г. до 18 в 1910 г., количество крупного рогатого скота — соответственно с 36 до 26 голов на 100 человек... Средняя урожайность зерновых упала с 37,9 пуда с десятины в 1901—1905 гг. до 35,2 пуда в 1906—1910 гг. Производство зерна на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900—1904 гг. до 22 пудов в 1905—1909 гг. Ка-

*Онищук С.В.. Исторические типы общественного воспроизводства (политэкономия мирового исторического процесса). — Восток, 1995, 1, 2, 4.

тастрофические масштабы приобрел процесс абсолютного обнищания крестьянства перенаселенного центра страны. Избыточное рабочее население деревни увеличилось (без учета вытеснения труда машинами) с 23 млн. в 1900 г. до 32 млн. человек в 1913 г. В 1911 г. разразился голод, охвативший до 30 млн. крестьян».

Именно наличие этого *порочного круга*, а не просто тяжелые материальные условия жизни, создавало ощущение безысходности, что стало в России причиной такой специфической социальной болезни, как *алкоголизм*. В начале XX века русскими врачами и социологами было проведено несколько больших исследований алкоголизма в России. Их результаты приведены в статье социолога Ф.Э.Шереги*. Тогда пресса говорила о «вырождении русского народа» по причине «массовых недородов, алкоголизма, сифилиса». Согласно официальной статистике, из 227 158 призывников 1902—1904 гг. по причине «наследственного алкоголизма» было выбраковано 19,5%. Отягощенная в результате алкоголизма наследственность была причиной широкого распространения среди призывников таких заболеваний: золотушное худосочие — 15,5%, идиотизм и сумасшествие — 9,3%, глухота и глухонмота — 10,6%, «грудь узкая и рахитичная» — 19,2%, хроническое воспаление легких — 17,2%, хронический катар — 23,2%**. В 1909 г. в Московской губернии до 20 лет доживали менее трети родившихся! В Петербурге в 1911 г. было 35,1 смертного случая на почве алкогольного отравления (в расчете на 100 тыс. жителей). В 1923 г. таких случаев было только 1,7.

Именно в начале XX века была заложена тяжелая традиция семейного пьянства, которая обладала большой инерцией и которую с огромным трудом изживали в 20—30-е годы. В 1907 г. 43,7% учащихся школ в России регулярно потребляли спиртные напитки. Из пьющих мальчиков 68,3% распивали спиртное

*Шерега Ф.Э. Причины и социальные последствия пьянства. — Социологические исследования, 1986, № 2.

**Такое тяжелое воздействие алкоголизма было связано с плохим, несбалансированным питанием, а также с употреблением спиртных напитков низкого качества. Вообще же в 1900 г. Россия занимала в Европе 11-е место по потреблению алкоголя. Вот данные (в пересчете на 50%-ную водку): Норвегия — 35,0 л., Дания — 15,8, Австро-Венгрия — 11, Бельгия — 9,6, Франция — 9,2, Германия — 8,8, Швеция и Голландия — 8,1, Швейцария — 6,1, Великобритания — 5,08, Россия — 4,88 (США — 4,81).

с родителями (отцом, матерью или обоими родителями)*. С 1900 по 1910 г., как показали повторные обследования, доля школьников, которые потребляли спиртное, сильно увеличилась. В Петрограде доля школьников, которые употребляли водку и коньяк, за это время возросла с 22,7 до 41,5%.

В вышедшей в 1909 г. книге «Алкоголизм и борьба с ним» ее редактор М.Н.Нижегородцев писал: «Первая коренная группа причин алкоголизма масс заключается в условиях экономических (отрицательные стороны капиталистического строя и аграрных условий), санитарно-гигиенических (пища, жилище и пр.), правовых и нравственных в более тесном смысле слова (недовольство своим личным, гражданским и политическим положением)»**.

Порочный круг «секторного разрыва» между промышленностью и сельским хозяйством смог быть разомкнут, а секторный разрыв преодолен только при советском строе в результате единого процесса *коллективизации-индустриализации*. Как ни труден был этот процесс, он воссоединил промышленность и сельское хозяйство в единое народное хозяйство СССР, ликвидировал угрозу голода, поднял сельский труд на совершенно новый технологический уровень и предоставил уходящим из деревни молодым людям рабочее место в современном производстве.

И это — исторический факт. Такой же, как и то, что в нынешней «рыночной» России вновь возникла угроза этого секторного разрыва, и любимое детище реформы — фермеры имеют в среднем 3 трактора на 1000 га пашни вместо нормальных для этого уклада 120.

Духовные предпосылки краха монархической государственности. Частью антисоветского мифа о благодатном развитии России в начале XX века стала сказка о вере крестьянства в право-

*В 1926 г. обследование 22 617 деревенских детей показало, что в возрасте семи-восьми лет потребляли спиртное 61,2% мальчиков и 40,9% девочек.

**Второй группой причин он считал «питейные привычки и обычаи», а третьей — организацию потребления. «Вне всякого сомнения, — писал он, — потребление спиртных напитков находится в известной зависимости от числа питейных заведений, от личного интереса хозяев этих заведений, от способа продажи алкоголя (продажа в более мелкой и крупной посуде), от времени, в которое функционируют места продажи алкоголя и т.д.».

славного царя-батюшку. Эта наивная вера в крестьянский монархизм, которой был предан сам Николай II, в существенной мере предопределяла неадекватность всей его политической доктрины.

Летом 1905 г., уже в разгар революции, при обсуждении с царем предложения о выборах в Государственную думу один сановник предложил исключить грамотность как условие для избрания. Он сказал: «Неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Министр финансов Коковцов возразил, сказав, что неграмотные «будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие». Однако, как он вспоминает, царь обрадовался благонадежности неграмотных.

Речь здесь вовсе не идет о том, что крестьянство прониклось либеральными («демократическими») ценностями или отказалось от идеалов патерналистского государства в пользу гражданского общества. Здесь, кстати, надо подчеркнуть, что глубоко ошибочно мнение либералов, ставящих знак равенства между идеей патернализма (государства-семьи) и «рабской психологией», тягой к подчинению авторитарной власти.

Ф. фон Хайек с его известной книгой «Дорога к рабству», которую сделали своим знаменем наши эпигоны западного либерализма, просто ничего не смыслил в традиционном обществе и тем более в культуре России, он моделировал свои представления исходя из антропологии западного общества (кстати, как и Оруэлл). На деле крестьянская идея государства-семьи как раз сцеплена и идеалом воли. Историк В.П.Булдаков пишет: «Для предреволюционных масс был характерен не авторитарный, а патерналистский тип политической культуры, образованное общество, напротив, тяготело к «демократии вообще».

Крестьянское движение 1905 г. хронологически началось 14 февраля в Дмитровском уезде Курской губернии. В ту ночь было совершено нападение на одно из имений, а в следующие дни «разобрано» еще 16 имений в округе. Т.Шанин пишет: «Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались «разобрать» поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и

одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в «разборке» деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли «разобранного» зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...

Другие формы крестьянского бунта распространились к тому времени на большей части территории. Массовые «порубки» начались уже в конце 1904 г. Так же как и «разборки», «порубки» обычно происходили в виде коллективных акций с использованием телег. В ходе «порубок» крестьяне стремились обходиться без насилия. Тем не менее, когда в одном случае крестьянин был схвачен полицией на месте преступления и избит, его соседи в ответ полностью разрушили пять соседних поместий, ломая мебель, поджигая здания и забивая скот...

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития».

Попытки представить выступления крестьян следствием подстрекательской работы интеллигенции, масонов, эсеров, большевиков и т.д. были несостоятельны и в то время, и тем более сегодня, когда те события хорошо изучены. «Страшны не книжки, а то, что есть нечего ни тебе, ни скотине», — ответил в 1902 г. на суде по поводу «беспорядков» один сельский староста. Это основа, а второй фактор — это наличие у всего крестьянства России «молекулярной» неуничтожимой и всепроникающей организационной структуры, которая стала механизмом революции, — сельской общины.

Осенью 1905 г. крестьянские волнения вспыхнули с новой силой. Т.Шанин пишет: «Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни «бездумным бунтом», ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их цель — навсегда «выкурить» помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки».

И вот исключительно важное наблюдение: «Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи».

В июле 1905 г. возникла первая в истории общенациональная крестьянская организация — Всероссийский Крестьянский Союз. Уже на учредительном съезде он высказался против частной собственности на землю. Состоялось пять или шесть его съездов, хотя только один из них (в ноябре 1905 г.) легально. И то через несколько дней все избранное на нем руководство («главный комитет») было арестовано. Делегаты избирались общинными или волостными сходами. Среди делегатов первого съезда только 9% считали себя членами или сторонниками какой-либо партии.

К сентябрю 1905 г. были собраны отчеты о деятельности Союза из 42 губерний. Было в нем около миллиона членов, но документов осталось мало, протоколы собраний не велись, делегатов и активистов постоянно арестовывали. Например, в одном только Сумском уезде было арестовано или отправлено в ссылку 1100 активистов Всероссийского Крестьянского Союза. К концу 1907 г. Союз прекратил существование, но роль сыграл большую. Ленин писал о нем: «Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, но, безусловно, «почвенная», реальная организация масс, безусловно, революционная в своей основе».

Т.Шанин, уделивший в своей книге «Революция как момент истины» Всероссийскому Крестьянскому Союзу много места, пишет: «Протоколы и отчеты со съездов Всероссийского Крестьянского Союза 1905 г. оставляют впечатление эпической драмы — выступления звучали временами как крестьянские легенды, жития святых и речи на сельском сходе, слитые воедино. Большинство ораторов были крестьянами, их представления и аргументы исходили как из опыта крестьянской жизни, так и из Библии».

Он приводит составленное российскими историками такое

описание состава ноябрьского съезда Союза: «Стена крестьянских поддевок и бород; две женщины в платках (представляющие сход крестьянок из деревни неподалеку от Воронежа), делегат без ноги, который прошел весь путь на костылях, несколько интеллигентов в костюмах (в основном сельские учителя), священник в черной рясе (сразу после съезда лишенный духовного сана и сосланный в монастырь «за непослушание») и единственный в парадной форме армейский офицер в отставке крестьянского происхождения — делегат, который вызвал панику, явившись по такому случаю в мундире, которым он гордился».

Т.Шанин делает обзор выступлений делегатов двух съездов Всероссийского Крестьянского Союза в 1905 г., на которых было достигнуто общее согласие относительно идеального будущего. Он пишет: «Крестьянские делегаты продемонстрировали высокую степень ясности своих целей. Идеальная Россия их выбора была страной, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами их семей без использования наемной рабочей силы. Все земли России, пригодные для сельскохозяйственного использования, должны были быть переданы крестьянским общинам, которые установили бы уравнилельное землепользование в соответствии с размером семьи или «трудовой нормой», т.е. числом работников в каждой семье. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю — отменить».

Хотя между крестьянством и буржуазными либералами-конституционалистами имелись фундаментальные расхождения, выборы в Государственную думу породили в среде крестьян большие надежды на мирное разрешение земельного вопроса. Подавляющее большинство крестьян приняли участие в выборах, хотя революционные партии и беспартийный Крестьянский Союз их бойкотировали. Тогда, в момент поражения революции, все «политические» и активисты были из деревни вычищены — арестованы, высланы. Крестьяне «голосовали сердцем», никто на них не влиял. Избрание в Думу большого числа беспартийных крестьян обрадовало власти — считалось, что политика Думы будет благодаря этому консервативной и монархической.

Правительство сразу же постаралось «приручить» крестьянских депутатов. На деньги МВД для них было организовано прекрасное общежитие и роскошный стол по баснословно дешевым ценам. С другой стороны, в свою фракцию крестьян

старались привлечь кадеты. Получилось наоборот — крестьянские депутаты объединились в Трудовую фракцию и выдвинули именно те требования, что выдвигались Крестьянским Союзом. В посланиях от сельских сходов их просили «нести свой крест, так как они — последняя надежда» и что «с ними Бог и народ».

После разгона I Думы было запрещено вновь избирать ее депутатов. Ни партии, ни другой внепарламентской организации, которая могла бы обеспечить преемственность программы, у крестьян не было. И тем не менее депутаты от крестьян во II Думе вновь образовали фракцию, вдвое более многочисленную, чем в первой. Они вновь повторили все требования трудовиков, проявив полную враждебность по отношению к начавшейся реформе Столыпина. Их поддержала казачья фракция.

Новый избирательный закон почти не пропустил крестьян в III Думу. Но и немногие депутаты-трудовики (часто сельские учителя, выдвинутые общинным сходом) повторили в этом «заповеднике консервативных помещиков» главные крестьянские требования — передел земли, выборность государственных чиновников и отмену столыпинской реформы. Все это говорит о том, что у крестьян России имелась невидимая для европейского глаза, не выраженная в партиях, но целостная идеология и система общенациональной организации, способная четко выразить главные требования и поддержать своих депутатов, которые их выдвигали.

Понятно, как «белая кость» ненавидела этих депутатов. Т.Шанин приводит выдержки из брошюры одного правого деятеля, напечатанной в 1917 г. (Васильев Н. «Что такое трудовики»). Вот одна из них, обобщающая образ трудовика как «полунинтеллигентного разночинца, преимущественно недоучки, который слагается из следующих составных частей: 1) природных способностей, развитие которых, за бедностью или вследствие отсутствия выдержки, даваемой систематическим воспитанием, остановилось на полдороге; 2) необыкновенного самомнения, явившегося результатом господства в пределах своего муравейника, уже совершенно не культурного; 3) необузданного дерзания, как законного дитяти от сочетания полуобразования с самомнением; 4) ненависти ко всему, что почище, побелее, потоньше, той ненависти, без которой обыкновенное самомнение и необузданное дерзание сразу бы потеряли всякий смысл и всякое оправдание».

Думаю, такие брошюры вложили свою крупницу в победу Октябрьской революции. Мне лично приятно, что все-таки

дали тогда хорошего пинка под зад этой сытой сволочи. Сегодня на ее улице праздник, но пора думать и о похмелье.

Государственная дума вошла в 1906 г. в неминуемый конфликт со всем политическим устройством самодержавия и потому, что депутаты, связанные с крестьянством, сразу и, видимо, подсознательно внесли в работу Думы советское начало, идущее от традиций общинного самоуправления. Это, прежде всего, сказывалось в тяготении к соединению законодательной и исполнительной власти, то есть власти самодержавного типа, конкурирующего с самодержавием царским. Советский культурный стереотип проявлялся даже у некоторых депутатов-кадетов, хотя сама Конституционно-демократическая партия исходила из западного идеала разделения властей.

Историки Т.В.Панкова и А.П.Скорик, изучавшие работу во II Государственной думе депутатов-кадетов от Области Войска Донского, пишут: «В соответствии с историческими традициями казачьего самоуправления на Дону орган народного представительства — Войсковой круг — считался там высшей, последней инстанцией, постановления которого выполнялись всеми беспрекословно и немедленно. Черты этого представительства депутаты-казаки сознательно или бессознательно переносили на Государственную думу. Они полагали, что обсуждения вопроса на ее заседаниях и голосования по нему достаточно для того, чтобы этот вопрос был решен по существу. Но механизм Думы отнюдь не предусматривал контроля за исполнением воли, выраженной депутатами».

К работе Думы крестьяне проявляли большой интерес, который выразился в огромном потоке наказов, «приговоров» и петиций. Т.Шанин пишет: «Англо-саксонский парламент, в котором его члены, однажды избранные, вольны действовать, как они считают нужным, поразил бы российских крестьян как явно несуразный. Опыт общинного самоуправления учил их иному. Депутату ясно говорилось, что он должен передать на словах... Власти и особенно Дума должны были быть поставлены в известность о крестьянских трудностях и нуждах — отсюда приговоры и петиции».

Их изучение, кстати, показало, что Россия была единой страной с многонациональным сложившимся народом — настолько близки по мировоззрению, этике и даже культурному строю письма и петиции, оставленные в самых разных местностях и углах огромной территории. Петиции составлялись на общинных сельских и волостных сходах и в то время широко

публиковались в газетах. Как жаль, что в советское время мы их не читали — наша молодежь, уже не имеющая родных в деревне, по-другому бы смотрела на историю советского периода.

Т.Шанин приводит данные контент-анализа большого массива крестьянских наказов (146 документов Крестьянского Союза, 458 наказов и 600 петиций во II Думу и т.д.). Фундаментальная однородность требований по главным вопросам в наказах, полученных из самых разных мест России, поразительна. Обобщенные данные, опубликованные историком С.Дубровским, таковы. Требование отмены частной собственности на землю содержалось в 100% документов, причем 78% хотели, чтобы передача земли крестьянам была проведена Думой. 59% требовали закона, запрещающего наемный труд в сельском хозяйстве, 84% требовали введения прогрессивного прямого подоходного налога. Среди неэкономических требований выделяются всеобщее бесплатное образование (100% документов), свободные и равные выборы (84%).

Петиции и письма крестьян показывают очень высокий уровень самосознания крестьян, которое отмечал еще Лев Толстой. Вот, например, письмо в Думу от крестьянок трех деревень Тверской губернии, написанное на их тайной встрече (писала под диктовку девочка, ученица начальной школы). Вот что писали депутатам крестьянки: «Мужья наши и парни гулять с нами рады, а что касается разговоров, какие ведутся теперь про землю и про новые законы, то говорить о дельном с нами не хотят. Допрежь всего так было, что хотя и побьют иной раз, но о делах наших вместе решали. Теперь же они нам говорят: вы нам не товарищи. Мы пойдем в Государственную думу и будем государством управлять, или хотя не сами, а будем членов выбирать. Нам надо промеж себя сговориться. Кабы закон нас с вами равнял, тогда бы мы вас спрашивали, и выходит теперь, что бабы и девки, как обойденные, стоят в сторонке и в жизни своей ничего решать не смеют... Господа члены Государственной думы, явите божескую милость: обсудите наше положение. Заявите в Думе, что надо все дела решать по-божески и всех равно допускать в Государственную думу, и богатых, и бедных, и женщин, и мужчин, а то не будет правды на земле, а в семье не будет ладу».

Неисчерпаемый социологический материал дают письма того времени, перлюстрированные полицией. Они показывают настроения всех слоев общества. Один из князей Шаховских писал в мае 1906 г. о деревне: «Настроение крестьян самое

опасное. Озлобление, уверенность, что землю нужно отбирать силой, разговоры вызывающие. Жутко становилось во время бесед с крестьянами. Агитация и пропаганда, призывающие к бунту и резне, продолжаются. Почва для культивирования этих идей самая благоприятная. Мысль о праве на помещичью землю так укрепилась, что никакие доводы против не имеют значения».

В другом письме, из Самарской губернии от 17 мая 1906 г., описан такой эпизод: старик-крестьянин, узнав об отказе царя принять делегацию членов Думы, сказал, что все зло не в министрах, а в самом царе. И добавил: «Пусть-ка он разгонит наших, мы ему покажем» (он имел в виду крестьянских депутатов Думы).

Столыпинская реформа, начатая после поражения революции 1905 г., лишь углубила раскол между монархическим политическим строем и крестьянством. И как только многомиллионные массы крестьян были организованы в армию, получили оружие и достаточно измучены на войне, был запущен процесс быстрого созревания революции, и при малейшем толчке в феврале 1917 г. армия вместе с рабочими Петрограда упразднила монархию без всякого насилия.

Для быстрого созревания революции в начале XX века было важно общее ощущение нарастающего духовного неблагополучия в «верхах». Там «завелась гниль», а для идеократического государства, вся легитимность которого стоит на авторитете, это может стать смертельной болезнью. Это мы все видели и в 80-х годах XX века, и читали о Смуте XVI века (хотя бы «Бориса Годунова»).

Духовное расхождение, а временами и конфликт монархии с обществом в XIX веке был вызван тем, что не удавалось найти приемлемый проект модернизации России в условиях нарастающей на Западе после 1813 г. русофобии. Открываться Западу для освоения его технологий и политических институтов — и в то же время бороться с его разрушительным антироссийским и антисамодержавным влиянием становилось все труднее. Царствование Николая II означало уже не то недомогание российской монархии, которое назревало целый век, а настоящий срыв — кризис, которого монархия не пережила.

Сегодня в среде патриотов стало хорошим тоном идеализировать монархию Николая II и вспоминать, как царь дал «Манифест», как этот процесс был сорван революционерами. Эта идеализация, думаю, нам сегодня чрезвычайно вредна, она отворачивает нас от понимания российской Смуты, новый акт

которой мы сегодня переживаем. К тому же, как я подозреваю, вся эта идеализация неискренна. Могут ли наши патриоты (а сегодня и «присоединившиеся к ним демократы») не знать общеизвестных вещей, не вспомнить статьи Льва Толстого?

Ведь и «Манифест», и обещания свобод не могли быть восприняты основной массой русских людей иначе как издевательство. Вспомните: массовые порки крестьян (иногда поголовно целых деревень), которых никогда не бывало в России в прошлые столетия, начались сразу за принятием закона, отменяющего телесные наказания. Казни крестьян без суда, зачастую даже без установления фамилии, так что казненных хоронили как «бесфамильных», вошли в практику как раз после «Манифеста».

Мы сегодня предельно чутки к страданиям дворян, у которых мужики сожгли поместья. Но ведь надо вспомнить, что было до этого, — за волнения еще верноподданных крестьян для «урока» заставляли часами стоять на коленях в снегу, так что с отмороженными ногами оставались тысячи человек. Разве такие «уроки» забываются? Ведь это гибель для крестьянского двора. Никогда американский плантатор не наказывал раба таким образом, чтобы причинить вред его здоровью, — а что же делали российские власти с крестьянами!

В июне 1906 г. серьезные беспорядки произошли в Преображенском гвардейском полку. Как заметил один генерал, там было полное отчуждение офицеров от солдатской массы — а ведь царь числился одним из батальонных командиров этого полка. Комбат, батяня! В том же году помещики Дона обратились к министру внутренних дел с петицией против репрессий, говоря о карателях: «Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невинными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый полицейский сечет крестьян, и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

Конкретная историческая особенность положения России заключалась в том, что во время правления Николая II российская монархия выродилась, деградировала. Не надо даже спекулировать относительно причин этого явления, это надо принять как опытный факт.

О том, каков был этот царь по своему психологическому и мировоззренческому складу, что происходило в царской фамилии (она насчитывала 40 членов) и во всей «придворной кама-

рилье», сегодня опубликовано и стало доступным море литературы.

М.М.Пришвин 3 апреля 1917 г. записал в дневнике такую мысль: «Творчество порядка и законности совершается народом через своих избранников. Таким избранником был у нас царь, который в религиозном освящении творческого акта рождения народного закона есть помазанник божий. Этот царь Николай прежде всего сам перестал верить в себя как божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть, и втоптал ее в грязь. Распутин, хлыст — символ разложения церкви — и царь Николай — символ разложения государства — соединились в одно для гибели старого порядка».

Есть архивный фонд, в котором собраны рапорты полицейских чинов на вопиющую жестокость и противозаконность действий карательных экспедиций против крестьян. На этих рапортах пометки синим карандашом, сделанные рукой царя. Под каждой пометкой удостоверено каллиграфическим почерком: «Его императорским величеством собственноручно начертано» — и подпись начальника императорской канцелярии. Не стоило бы сейчас поминать эти позорные надписи и шуточки — недавно похоронили останки Романова. Но тут не о личности его речь, а об авторитете политического режима.

Лев Толстой подчеркнул именно моральное падение монархии, которое привело к оскорблению подавляющего большинства подданных, обретших к этому времени высокоразвитое самосознание, — крестьян. Вспомним его слова: «Для блага нашего христианского и просвещенного государства необходимо подвергать нелепейшему, неприличнейшему и оскорбительнейшему наказанию не всех членов этого христианского просвещенного государства, а только одно из его сословий, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное». Тут один из духовных истоков революции — всеобщее отвержение монархии. Зачем же сегодня патриотам выступать против важной исторической правды?

Другое оскорбление крестьянам был голод, который периодически охватывал большие районы России и которого раньше Россия не знала (не считая природных или политических катастроф). Но теперь и в «нормальные» годы положение было тяжелым. Об этом говорит очень низкий уровень установленного официально «физиологического минимума» — 12 пудов хлеба с картофелем в год (по подразверстке 1919 г. только зерна офи-

циально оставлялось 12 пудов). В нормальном 1906 г. этот уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн. человек.

Тяжелый удар авторитету власти нанесло Кровавое воскресенье*. И не только пролитая в большом количестве, в центре столицы, невинная кровь, а и поистине подлый, провокационный характер действий власти. 6 января было решено, что царь уедет из Петербурга, об этом будет сообщено рабочим и шествие не состоится. Царь уехал, но населению об этом не сообщили — напротив, над Зимним дворцом 9 января развевался царский штандарт, означавший, что царь во дворце. Войскам выдали боевые патроны по максимальной норме боевых действий — и неизвестно, кто и когда принял решение о такой беспрецедентной мере.

На какое-то время крестьян обнадежила I Дума: партия кадетов, чтобы предотвратить революцию, пыталась поставить вопрос о земле — и Думу через 72 дня, в июле 1906 г., разогнали. Были попытки восстаний в армии и на флоте, их подавили. Когда расстреливали матросов в Кронштадте и они копали себе могилы, комендант генерал Адлерберг издевался: «Копайте, ребята, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах». После расстрела могилы сровняли с землей, и по ним парадным маршем прошли войска и прогнали арестованных.

Исключительно подло и злобно повела себя после поражения революции 1905—1907 гг. буржуазия — как будто она вообще не думала о будущем. Сразу на 10—50% были понижены расценки зарплаты рабочих и увеличен рабочий день — по всей России. На многих заводах он стал 12—13 часов. Была вновь введена отмененная в 1905 г. система штрафов. Вот сообщения профсоюзов (опубликованы в газете «Пролетарий», 1908, № 39): «Штрафуют за случайный выход на лестницу, за питье чаю в 5 часов, за переход из одной мастерской в другую и даже за долгое пребывание в ватер-клозете (фабрика Хаймовича в Санкт-Петербурге). Штрафуют за мытье рук за 5 минут до гудка, за курение табаку от 1 до 2 руб. (Кабельный завод). Штрафуют за ожог, причиненный самому себе (Трубочный завод). Штрафуют за «дерзость», за «грубость», и штрафы превышают часто двухдневный заработок». 10 мая 1907 г. Департамент полиции

*По данным историков, было убито около 1500 и ранено около 5000 человек.

издал циркуляр, ставящий профсоюзы практически в полную зависимость от хозяев и властей (например, в Москве по ходатайству городского головы Н. Гучкова были закрыты профсоюзы металлистов, коммунальных работников, текстильщиков, типографов, булочников).

И все это сопровождалось глумлением. Директор Невского завода так сказал пришедшей к нему на переговоры делегации рабочих: «Господа, ведь вы же — марксисты и стоите на точке зрения классовой борьбы. Вы должны поэтому знать, что раньше сила была на вашей стороне, и вы нас жали, теперь сила в наших руках, и нам незачем церемониться».

Столыпин ввел военно-окружные и военно-полевые суды, даже запретив в них участие юристов. Суд был «скорострельным», а потом широко стали использовать виселицу. Ежедневно газеты сообщали о казнях. Это сломало в общественном сознании России очень важный стереотип и запустило спираль насилия. Поклонникам Столыпина надо помнить, что только военно-окружными судами за 1906—1909 гг. были приговорены к смертной казни 6193 человека (из них повешены 2694 человека), военно-полевыми — более тысячи, да без суда и следствия, по распоряжениям генерал-губернаторов расстреляны 1172 человека. На каторгу были отправлены десятки тысяч человек (так как политические выступления крестьян проводили на судах как уголовные, точное число вычленишь из 66 тысяч приговоренных к каторге трудно). Вот какими средствами велась «реформа сверху».

Толстой в статье «Не могу молчать», которая всколыхнула весь мир, отозвался на повешение 20 крестьян в Херсонской губернии. Он ужасался — до чего дошла Россия, еще в 80-х годах прошлого века на Россию был всего один палач и по всей стране не смогли найти на эту должность второго. За 80 лет после 1825 г. в России казнили в среднем 9 человек в год.

«Теперь не то, — пишет Толстой в 1908 г. — В Москве торговец-лавочник, расстроив свои дела, предложил свои услуги для исполнения убийств, совершаемых правительством, и, получая по 100 рублей с повешенного, в короткое время так поправил свои дела, что скоро перестал нуждаться в этом побочном промысле и теперь ведет по-прежнему торговлю».

Смысл реформы Столыпина был в превращении сословия крестьян — базы сословного общества России — в два враждующих класса: сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Иными словами, предполагалось через «реформу сверху» пре-

образовать за кратчайший срок традиционное общество в современное, западного типа. Это несравненно более глубокое потрясение, чем, например, преобразование традиционного общества царской России в традиционное общество советского типа. Судя по всему, сам Столыпин неадекватно оценивал силу традиционного общества и те разрушения, которые понадобятся для его «инженерной» трансформации.

Разрушительная идея программы Столыпина пугала даже либералов — поборников модернизации по западному типу. Е.Н.Трубецкой писал в 1906 г., что Столыпин, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения... ставит крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия». Он предвидел, что в политическом плане это ведет «к возбуждению одной части крестьянского населения против другой». Он предлагал не поддерживать реформу именно из-за того, что она вызовет «раздор и междуусобье в крестьянской среде».

Об опасном озлоблении крестьян в ходе реформы писали и те, кто был непосредственно связан с переселенческой программой Столыпина. Вот брошюра «Правда о переселенческом деле» (СПб, 1913). Автор ее — статский советник А.И.Комаров, прослуживший 27 лет в Сибири в лесном ведомстве. Он вышел в отставку, потому что не вынес «такого государственного расхищения или, вернее, разгрома сибирских земель и лесов, пред которым бывшее когда-то расхищение башкирских земель — сущие пустяки». Этот чиновник — противник революции, социал-демократов и эсеров. Именно поэтому он и предупреждает в своей брошюре об «обратных переселенцах», которых в 1911 г. возвращалось в европейскую Россию в количестве 60% от тех, кто переселялся в Сибирь: «Возвращается элемент такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль... Возвращается не тот, что всю жизнь был батраком, возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда и помыслить не мог о том, что он и земля могут существовать раздельно, и этот человек, справедливо обьятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить, — этот человек ужасен для всякого государственного строя»*.

*Это место процитировал Ленин в речи «К вопросу об аграрной политике современного правительства», которую должен был зачитать в Думе большевик-депутат (ему дали зачитать около половины текста).

Положение ухудшалось тем, что программу радикальной модернизации Столыпин начал на волне деградации верховной власти. Эта деградация носила явно регрессивный, *антимодернизационный* характер — в настроениях высших кругов, при дворе, господствовали суеверия, мистицизм, антиинтеллектуальные течения (Распутин — лишь наиболее одиозное проявление этого).

Регрессивной для России стала политика в области образования*. Даже то, что в ней шло с Запада, в силу несоответствия русской культуре приобретало черты архаизации. Николай II был одержим идеей учредить в России типичную школу «двух коридоров», что было одной из причин крайней неприязни к нему со стороны интеллигенции. В своих заметках «Мысли, подлежащие обсуждению в Государственном совете» он пишет: «Средняя школа получит двойное назначение: меньшая часть сохранит значение приготовительной школы для университетов, большая часть получит значение школ с законченным курсом образования для поступления на службу и на разные отрасли труда». Царь к тому же был одержим идеей уменьшить число студентов и считал, что такая реформа школы сократит прием в университеты.

Николай II требовал сокращения числа «классических» гимназий — как раз той школы, что давала образование «университетского типа». Он видел в этом средство «селекции» школьников, а потом и студентов, по сословному и материальному признакам — как залог политической благонадежности**. Царь был противником допуска в университеты выпускников реальных училищ, более демократических по составу, чем гимназии. Когда А.Н.Куропаткин подал предложение принимать «реалистов» на физико-математические факультеты как лучше подготовленных по этим предметам, нежели гимназисты, царь ответил отказом.

Конфликт с интеллигенцией, которая по мере ослабления официальной религиозности народа играла все более важную роль в легитимации (или подрыве легитимности) власти, после

*Иванов А.Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905—1907 годов. — Отечественная история, 1995, № 6.

**Министр просвещения Г.Э.Зенгер в 1902 г. с большим трудом отговаривал царя от приведения числа гимназий в соответствие с числом студентов в университетах, приводя как довод, что «недовольство достигло бы больших пределов».

1906 г. стал быстро углубляться. Во время студенческих волнений в конце 1910 г. Столыпин не только не обращал внимания на остатки университетской автономии, но и пытался обязать профессуру сотрудничать с полицией. Таким образом, он нанес тяжелый удар по «кадетскому» университету. Подали в отставку со своих постов ректор и проректор Московского университета, а их вообще уволили с должности профессора. В знак солидарности в отставку подали 130 профессоров и преподавателей, включая К.А.Тимирязева, В.И.Вернадского, П.Н.Лебедева, С.А.Чаплыгина.

Под «колпаком» охраны был едва ли не весь преподавательский состав университетов. В деле «О проф. Московского университета И.М.Сеченове» (1898) сказано: «Из секретных сведений особого отдела Департамента полиции усматривается, что в 1872 г. масса слушателей посещала лекции Сеченова и Боткина, которых вследствие этого Правительство изволило удалить из Медицинской академии, т.е. оттого, что они своими лекциями приобрели большую популярность между студентами»*.

Поразительно, что во время перестройки Столыпин стал кумиром той самой части интеллигенции, которая больше всего говорила о нравственности и ненавидела КГБ. Как они могли согласовать это с таким важным наблюдением С.Ю.Витте: «В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда... Столыпин развратил прессу, развратил многие слои русского общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент»**.

Создание охраны нового типа, безнравственность которой еще больше подорвала авторитет государства, бумерангом ударило по государству. Именно Столыпин организовал провокацию, которая привела к разгону II Государственной думы 3 июня 1907 г. Охранка скорее всего подбросила одному депутату от социал-демократов «наказ» солдатам столичного гарнизона с призывом к вооруженному восстанию, затем устроила

*Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура «под колпаком» у власти. — Вопросы истории естествознания и техники, 1994, № 2.

**Островский И.В. П.А.Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992. С. 68.

обыск и этот «наказ» обнаружила. 1 июня Столыпин потребовал от Думы разрешения на арест депутатов социал-демократов, но Дума даже не успела этот вопрос рассмотреть и отказать или согласиться с требованием, как ее распустили указом царя. Это вошло в историю как «переворот 3 июня».

Охранка пошла на абсолютно недопустимое, особенно в традиционном обществе, предоставление «лицензии на политическое насилие» против оппозиции. Размывание абсолютной монополии на легитимное насилие — начало гибели государства. Один из политических руководителей охранки П.И.Рачковский, по свидетельству многих историков (а главное, по сложившемуся тогда в обществе мнению), санкционировал политические убийства оппозиционных деятелей неформалами уголовного типа, которые рядились в «черносотенцев».

В России была учреждена перлюстрация писем — вскрытие писем на почте и их изучение в Департаменте полиции. Страна жила в атмосфере тотального сыска (просматривалась даже почта министров и великих князей). Кадет В.А.Маклаков, выступая в Думе, говорил в 1909 г.: «Правительство в плену у охранников... У него [охранного отделения] политика определенная: раздражать общество, возмущать общество, бороться с обществом, наконец, как венец всего этого, поддерживать атмосферу беззакония и произвола»*. К февралю 1917 г. только в московском охранном отделении имелась картотека на 300 тысяч политически неблагонадежных.

По распоряжению Столыпина в 1910 г. был образован секретный агентурный отдел, который курировал провокаторов. Возникла, как говорят, целая русская школа провокации. Денег на это не жалели, провокатор Р.В.Малиновский, член ЦК партии большевиков, имел жалованье 700 руб. в месяц (жалованье губернатора составляло 500 руб.). Провокатор в партии эсеров Н.Ю.Татаров только за 7—8 месяцев службы с марта 1905 г. получил 16 100 руб. (платежные документы были обнаружены в 1917 г.). Писатель М.А.Осоргин, разбиравший после Февраля архивы охранки, сообщает о курьезном случае: случайно встретились и заспорили два большевика-подпольщика, принадлежавшие к разным течениям в партии. Оба написали отчет в охранку о разговоре и о собеседнике — оба были провокаторами. А в партии всего-то было 10 тыс. человек на всю Россию!

*Островский И.В. П.А.Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992. С. 64.

Много написано про деятельность провокатора Е.Ф.Азефа, *осведомителя* полиции с 1893 г. Но при Столыпине он стал *провокатором* — планировал и осуществлял террористические акты на крупных сановников и министров и в то же время выдавал охранке весь состав боевой организации эсеров*. В прессе в то время ставился вопрос, кого же Азеф предавал больше и чаще — охранку эсеровской партии или террористов — охранке. У директора Департамента полиции А.А.Лопухина, например, сложилось убеждение, что гораздо больше урона Азеф нанес полиции. П. А. Столыпин, напротив, категорически отстаивал версию о выдающихся заслугах Азефа в деле охраны.

Охранка поддерживала прямую связь с террористами. Начальник Петербургского охранного отделения А.В.Герасимов давал согласие на приезд царя из загородной резиденции в столицу, только получив от Азефа сообщение, что его боевиков в этот день в Петербурге не будет. Для нас здесь важен не Азеф, а поведение Столыпина как самого способного и эффективного политика Российского государства в тот период. После провала Азефа Столыпину был сделан запрос в Госдуме, поскольку убийство агентами Департамента полиции государственных лиц такого масштаба, как министр внутренних дел Плеве и великий князь Сергей Александрович — дело в истории неслыханное и для государства разрушительное.

Убийство министра В.К.Плеве, которое полиция практически не стала расследовать, было своего рода «платой» за надежность такого ценного агента, как Азеф. Эта его «победа» стала для него гарантией безопасности в среде эсеров. В сентябре 1905 г. Л.П.Меньшиков, один из наиболее опытных (с 1887 г.) служащих политической полиции, но тайно убежденный революционер, передал в ЦК партии эсеров письмо, разоблачающее с неопровержимыми подробностями двух главных агентов охранки — Азефа и Н.Ю.Татарова. Но так был велик авторитет Азефа после покушения на Плеве и настолько эсеры не могли поверить в такую аморальность полиции, что Азеф смог свалить всю вину на Татарова и добился, чтобы его казнили.

На слушаниях по делу Азефа в Госдуме были, например, такие выступления депутатов: «В Твери окружной суд судит за убийство агента губернского жандармского управления, и под-

*Тот факт, что разоблаченному Азефу руководители эсеров Чернов и Савинков после допроса разрешили удалиться, трудно объяснить, если не считать и их связанными какими-то тайными договоренностями.

судимый оказывается агентом охранного отделения. В Екатеринославе обливают серной кислотой помощника полицейского надзирателя. Подсудимый заявляет, что служил в охранном отделении по специальности провокатора. В Гродно судебная палата разбирает дело об организации социалистов-революционеров, и главным организатором группы, создавшей целый план террористических действий, оказывается агент охранного отделения. В Киеве окружной суд рассматривает дело об экспроприации, и начальник сыскной полиции сообщает, что руководил экспроприацией отдел сыскного отделения...»

Для многих читателей сегодня, похоже, непонятно, почему раскрытие провокатора Азефа и последующее обсуждение нанесло такой тяжелый удар по всей государственности России. В этом непонимании — признак некоторой культурной деградации. Надо сделать усилие и понять, что тогда, в 1908 г., очень многие в России поняли, что монархическая государственность обречена, что она попала в порочный круг, из которого не видно выхода, — сам ее организм стал взращивать провокацию и требовать все больших и больших ее доз. Провокация как защитник государства неминуемо становится и его убийцей (после убийства Столыпина отмечали, что оно было организовано по тем самым канонам, которые и вырабатывал Столыпин, — связкой «провокатор — охранка»).

В 1991 г. в Москве вышла важная книга выдающегося русского историка-эмигранта Б.И.Николаевского «История одного предателя»*. Автор ее работал в 1917 г. в комиссии по изучению деятельности охранки и с тех пор собирал документы о провокаторах. В Гуверовском институте в Стэнфорде хранится огромная коллекция собранных им документов — более 250 фондов. Книгу об Азефе он закончил в 1931 г., и с тех пор этот классический труд регулярно переиздается за рубежом. Он считал, что без понимания дела Азефа нельзя понять многого в истории русской революции. Книга эта, действительно, исключительно много дает для понимания сути многих событий. Поразительно, что эта книга, изданная тиражом 280 000 экз., осталась почти неизвестной читателю и сейчас раздается бесплатно как макулатура. Приведу некоторые выдержки из этой книги.

Так вот, дело Азефа именно потрясло российское общество тем, что оно показало, как далеко зашло в России развитие сис-

*Николаевский Б.И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991.

темы провокаций как, образно говоря, «раковой опухоли государства». Один депутат в Госдуме сказал на слушаниях: «Нет ни одного уголовного процесса на политической почве, в котором не присутствовал бы и не играл бы своей роли провокатор. Провокация Азефа отличается от других только тем, что она более красочна и по составу убивающих, и по составу лиц убиваемых. Но она решительно по принципу ничем не отличается от всех обыкновенных политических провокаций, которые есть альфа и омега нашего политического управления».

Горький, которому о деле Азефа сообщила Е.П.Пешкова, писал 15 января 1909 г.: «Письмо твое — точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись, и такая тоска, такая злоба охватила — невыразимо словами, впечатление оглушающее». Тем более можно понять, как был деморализован делом Азефа сам государственный аппарат. Новые провокации только запутывали дело, и в высших кругах раздавались требования о предании военному суду то одного, то другого руководителя политической полиции, которых приходилось защищать лично Столыпину. Б.И.Николаевский пишет: «Уже сама возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создалась после дела Азефа на верхах политической полиции. Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах — с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире — с другой, — такова была месть Азефа-провокатора той системе, которая создала возможность его появления на свет божий».

Из возникшего порочного круга правительство и лично Столыпин нашли, пожалуй, худший выход — они встали на защиту Азефа. «В свое время, в дни после разоблачения Азефа, — пишет Б.И.Николаевский, — всех поразило определение роли последнего, данное в первом правительственном сообщении по этому делу: как известно, тогда он был назван «сотрудником правительства». Все были уверены, что это только злополучная обмолвка составителя сообщения, который «агента полиции» назвал небывалым титулом «сотрудника правительства». Но далее автор объясняет, что это выражение «по существу, несомненно, более точно отвечало действительной роли Азефа за последние годы его работы на полицию, чем стереотипное название «агент полиции».

Здесь есть важная для нас сегодня сторона. Азеф — провокатор-предприниматель, фигура новая и немислимая в культуре традиционного общества. Включение такой фигуры в систему

власти идеократического монархического государства неминуемо вело к его коррозии. Азеф строил всю свою работу на принципе максимизации чисто материальной, денежной выгоды — с помощью полиции он добился возможности распоряжаться очень большими средствами кассы боевой организации эсеров, а затем, шантажируя полицию угрозой терроризма, все время требовал повышения заработка. А по своим убеждениям он вовсе не был ни революционером, ни эсером, он был большой поклонник реформы Столыпина.

Начальник Петербургского охранного отделения и прямой руководитель Азефа в 1906—1909 гг. А.В.Герасимов пишет в важной книге воспоминаний «На лезвии с террористами» (Париж, 1985): «По своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком — не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением, отзывался о насильственных, революционных методах действия. Вначале я его этим заявлениям не вполне доверял. Но затем убедился, что они отвечают его действительным взглядам. Он был решительным врагом революции и признавал только реформы, да и то проводимые с большой постепенностью. Почти с восхищением он относился к аграрному законодательству Столыпина и нередко говорил, что главное зло России в отсутствии крестьян-собственников». Да и Столыпин находил общий язык с Азефом. Через Герасимова он советовался с ним перед разгоном I Государственной думы, а затем и относительно планов аграрной реформы.

Полезно сделать маленькое отступление и сказать несколько слов о «деле Лопухина» — не таком уж важном, но красноречивом*. Кадетская «Речь» писала: «Заключение в тюрьму лица, которое еще недавно занимало столь ответственный и столь политический пост, как должность высшего руководителя государственной полиции, не имеет за собою прецедентов в новейшей русской истории и невольно вызывает ассоциации, связанные с действиями XVIII столетия». 18 января (1 февраля) 1909 г. в Петербурге произошло событие, ошелолившее общественность не только России, но и европейских стран: по обвинению в принадлежности к революционерам был арестован А.А.Лопухин, занимавший с 16 мая 1902 г. по 4 марта 1905 г. пост директора Департамента полиции.

Другая газета вторила: «Кажется, не было еще случая ни в

*Балуев Б.П. Дело Лопухина. — Вопросы истории, 1996, № 1.

России, ни в Европе, чтобы в государственной измене обвинялся начальник полиции... Веет чем-то из времен Бирона, Остермана. Тень Малюты встает из гроба... Брр!».

А. А. Лопухин принадлежал к древнему дворянскому роду, к тому же, что и первая жена Петра I — Евдокия Лопухина*. К моменту своего назначения директором Департамента полиции Лопухин прослыл как блистательный юрист, прогрессист и либеральный законник.

По его словам, он принял эту должность потому, что предполагались реформы полиции. Сам он желал искоренить провокацию как метод работы полиции, и в этом с ним был согласен тогдашний министр внутренних дел, правый монархист Плеве, который отвергал внедрение провокаторов в революционную среду, считая, что от них больше вреда, чем пользы.

Поводом для ареста Лопухина и предъявления ему обвинения послужило раскрытие им того факта, что руководитель боевой организации эсеров Е. Ф. Азеф с 1893 г. являлся агентом царской охранки. Правые посчитали этот поступок Лопухина «предательством»**.

Вряд ли Лопухин мог предполагать, что он будет привлечен к суду как государственный преступник по инициативе Столыпина — его товарища по Орловской гимназии и даже дальнего родственника. Но дело не в Столыпине. Шурин Лопухина Урусов вспоминает: «На письменном докладе об аресте Лопухина, поданном министром Столыпиным царю, он, конечно, начертал: «Надеюсь, будет каторга».

«Преступление» Лопухина заключалось в расхождении с той позицией, которую власти заняли по отношению к разоблачению Азефа. В официальном сообщении в связи с арестом Лопухина было заявлено, что он «доставил [эсерам] доказательства против Азефа, известные Лопухину исключительно по прежней службе его в означенной должности, причем упомянутое деяние имело прямым последствием исключение Азефа из партии и прекращение для него возможности предупреждать поли-

*Отец его, прокурор Петербургской судебной палаты, был обвинителем по делу В. И. Засулич, не справился и был направлен в Варшаву председателем судебной палаты.

**Лопухин проявил в этом деле большое упорство. Он выдержал борьбу с Азефом и начальником Петербургского охранного отделения Герасимовым, которые просили его отказаться от своих свидетельств, и даже выехал в Париж, чтобы дать показания представителям ЦК эсеров по делу Азефа.

цию о преступных планах сообщества, ставящих целью совершение террористических актов первостепенной важности».

Суд был типичным фарсом — Лопухину вообще не позволили даже коснуться фактов, изобличающих Азефа в двойной игре. Приговор был — пять лет каторги, с лишением прав, Сенат несколько смягчил наказание — каторга была заменена ссылкой.

Конечно, после увольнения в 1905 г. Лопухин предпринимал недопустимо либеральные действия. В 1906 г. он, уже в качестве частного лица, явился на прием к Витте и сообщил, что в полиции под руководством Д.В.Трепова и при участии П.И.Рачковского была создана и действует секретная группа, изготовляющая «провокаторские прокламации». Он попросил Витте (а потом и Столыпина) закрыть эту «подпольную» типографию.

Витте потребовал доказательств, и Лопухин принес ему образцы отпечатанных «прокламаций». Но Витте, как сам он признается, не дал делу хода, считая некорректным разглашение служебной тайны. Тогда Лопухин отдал документы Урусову, и тот сообщил об издании провокационных прокламаций на заседании Думы 8 июня 1906 г.

В 1907 г. Лопухин выпустил книгу с критикой жандармско-полицейской системы в России — «Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции». Он писал о политической полиции: «Охрана государственной власти в руках корпуса жандармов обращается в борьбу со всем обществом, а в конечном счете приводит к гибели и государственную власть, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революцию. Вот почему деятельность политической полиции представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной».

После возвращения из ссылки в 1913 г. Лопухин стал виднейшим юристом в области банковского дела. После Октября он пять лет жил в Москве, затем с разрешения правительства выехал во Францию. Одна эмигрантская газета позже отмечала: «При захвате большевиками в Петербурге банков значительная доля забот и переговоров с новыми господами выпала на долю Лопухина, обнаружившего при этом обычную смелость и присутствие духа».

Что выявило его дело? Лопухин был в умеренной оппозиции к царскому правительству, но его разоблачения показывали обществу, что разложение царизма проникло даже в полицейский

аппарат. Даже в условиях чрезвычайных полномочий этот аппарат демонстрировал свое бессилие и стал практиковать аморальный прием — провокацию. А людей, подобных Лопухину, мыслящих своих доброжелателей, самодержавие зачисляло в разряд «предателей» за то, что они указывали на приближающийся революционный взрыв и пытались его предотвратить. Столыпин же, «модернизируя» государство с разрушением при-
сущей ему этики, этот взрыв приближал.

Б.И.Николаевский пишет: «Как ни относиться к деятельности самого Лопухина на посту директора Департамента полиции и как ни расценивать действительные мотивы его перехода в оппозицию, в одном историк должен во всяком случае отдать ему справедливость: он вполне прав, когда называет Столыпина прямым покровителем Азефа».

В верхах государственного аппарата в целом царила обстановка подозрительности. Это немаловажное обстоятельство разбирается в статье Б.В.Ананьича и Р.Ш.Ганелина «Николай II»*. После убийства Столыпина, в организации которого, видимо, участвовала охранка, подозрительность лишь усилилась. Министр внутренних дел Д.П.Святополк-Мирский вел свой дневник в форме дневника жены, диктуя ей записи. После смерти Витте его кабинет в Петербурге был опечатан, а на его даче во Франции агенты охранки произвели обыск в отсутствие хозяев — искали дневники. В 1905—1906 гг. Витте, тогда председатель Совета Министров, собрал коллекцию данных ему царем распоряжений в связи с подавлением революции. Когда Витте уходил в отставку, царь потребовал вернуть его записки, о чем Витте упоминает с сожалением — «там потомство прочло бы некоторые рисующие характер государя мысли и суждения».

Царь не ценил преданных России и самодержавию государственных деятелей, даже выдающихся (подобно Столыпину). Из-за болезненно развитого самолюбия он не любил спорить. Как-то он сам признался: «Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему». Генерал А.А.Мосолов, начальник канцелярии Министерства двора в 1900—1917 гг., писал: «Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам ус-

*Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II — Вопросы истории, 1993, № 2.

тановить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет... Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения».

Протопресвитер армии и флота Г.Шавельский, находившийся в ставке при царе в 1916—1917 гг., оставил подробные описания того, как царь проводил свои дни в качестве главнокомандующего. Чтение их оставляет тяжелое чувство. Видно, что революция, причем руками высших военных чинов, была неизбежна.

Глава 5

«ПРОЕКТ ЛЕНИНА» — ПУТЬ К ОБРЫВУ ИЛИ К СПАСЕНИЮ? КОММЕНТАРИЙ ИЗ 2001 ГОДА

Как-то после передачи по радио, посвященной манипуляции сознанием, позвонил в студию молодой слушатель Сергей и спросил, как ему разобраться в вопросе: кто Ленин — палач русского народа или великий деятель, открывший пути к лучшей жизни?

Знаю, что для многих старых людей Ленин — священный символ, и даже упоминать его имя в таком контексте есть святотатство. Но именно так вопрос уже заложен в сознание молодежи, и мы стоим перед выбором — вообще с молодежью не разговаривать и гибнуть гордо, как индейцы, или вести трудный диалог и помочь молодым подняться сначала на уровень той силы, что душит Россию, а потом и выше.

Вопрос о Ленине волнует многих и сам по себе важен. Жизненный порядок невозможен, когда сознание расщеплено. Подростки и молодежь каждый день слышат по телевизору, что Ленин — палач и т.д., а потом выходят на Ленинский проспект, едут на метро до «Библиотеки им. Ленина» и видят у Кремля его Мавзолей. Сознание их расщепляется, и его надо срочно чинить. А главное, Ленин — не история. Как мы видим, революция продолжается, Россия еще не устоялась.

Но не менее важно, что Сергей поставил, по сути, методологическую задачу: как ему разобраться с оценкой Ленина? Он не просит: скажите мне, кто Ленин, я вам поверю. Он хочет подойти непредвзято — из жизни нынешнего молодого человека, уже свободного от официального культа Ленина, но подозревающего, что поток антиленинской пропаганды направлен на него политическими жуликами. Поэтому я переделываю вопрос

Сергея в учебную задачу. Любой разумный человек с обычным средним запасом знаний, не копаясь в архивах и книгах, может построить цепочку рассуждений, которая приведет его к осмысленному, а не навязанному мнению. (Не говорю «ответу», потому что для ответа нужен верный вопрос, а его-то как раз поставить очень непросто.) Вот такую цепочку (метод) я и хочу здесь предложить. Она — не единственная, да и, наверное, не лучшая, но таковы все методы, кроме религиозного Откровения. Главное — убедиться, что такие цепочки можно в уме строить и это по силам каждому. Не надо только бояться и искать совершенства. Грубый и тяжеловесный, но надежный ход мысли лучше, чем блестящий и парадоксальный, новодящий по кругу. Так что начнем.

Смысл вопроса и смысл понятия. Для начала полезно вспомнить, когда встал такой вопрос: «палач или деятель?». Он встал не раньше 1988 г., так как первый период перестройки шел под лозунгом «возврата к Ленину». А до этого Ленин был иконой. За Ленина взялись, только как следует измазав Сталина и «застойный период».

Как возник этот вопрос в уме Сергея? Разве он получил какое-то новое знание о Ленине и его делах? Нет, практически никаких конкретных сведений о Ленине, каких бы мы не имели раньше, мы с 1988 г. не получили. Значит, формула «палач или деятель» не могла возникнуть в уме Сергея стихийно, из его опыта или нового знания. Следовательно, она была *незаметно* внедрена в его подсознание и стала штампом, который вертится в уме, как назойливый мотив. Она — продукт внушения, манипуляции сознанием.

Этот пункт ничего не решает, но он важен как сигнал тревоги. Он предупреждает: надо тянуть мысль осторожно и скептически. Первое правило — не принимать готовых формул, искать в них нестыковки, обязательно пересказывать их смыслом другими, своими словами. Что мы имеем в данном случае?

Формула «палач или великий деятель», если вдуматься, сразу выдает манипуляторов. Ее части, связанные союзом «или», есть *несоизмеримые* категории, а значит, они не стыкуются и формула смысла не имеет. Это все равно что спросить ребенка: «Что ты больше любишь: шоколадку или маму?». Вежливый ребенок про себя подумает: «Что за дурак этот дядька», — а иной и прямо это скажет. Но мы не дети и не дикари, нами легко манипулировать (хотя детей и дикарей легко *обмануть*).

Чтобы рассуждать, разделим вопрос на два, тогда обе части имеют смысл: 1) был ли Ленин палачом? 2) был ли Ленин великим деятелем? Есть три варианта совместить эти две части: можно быть чем-то одним — или палачом, или деятелем; можно быть тем и другим одновременно; можно не быть ни тем, ни другим.

Итак, первая часть задачи: был ли Ленин палачом? Заметим, что слово «палач» — иносказание, метафора. Политик такого ранга, как Ленин, сам головы не рубит (Петр I это сделал как символический жест, но его как раз палачом не называют). Так что не в этом дело. Именно о Ленине Есенин сказал: *«Он никого не ставил к стенке / Все делал лишь людской закон»*. Значит, надо сначала определить, что мы понимаем под словом «палач», иначе разумного умозаключения сделать будет нельзя.

Думаю, каждый согласится, что политика можно назвать «палач», если он при выполнении своей миссии («проекта») идет на очевидно излишние жертвы человеческих жизней, не ценит их, без нужды «тратит» людей своего народа. Сказкам о том, что у власти в государстве может держаться человек, который убивает по прихоти своего порочного характера, лучше не верить. Что же касается именно Ленина, то в этом пункте вообще проблем нет. Сергей Есенин, поэт не купленный, со свободной совестью, о Ленине написал: *«Слегка суров и нежно мил»*. А в другом месте:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?

На какое-то время, при перестроечном помрачении, русские люди вдруг стали верить жуликам вроде Льва Разгона или Волкогонова больше, чем Сергею Есенину. Но разве это время не прошло?

Самое трудное здесь, конечно, оценить, был ли губительным для народа тот «людской закон», который утвердил своей властью политик. Были ли жертвы «излишними» — в этом и вопрос. И речь может идти именно об очень большом излишке, а не о нюансах.

Еще одно очевидное замечание: в конкретный исторический период палачом можно назвать политика, который по своему образу мыслей (не ценит жизней) и образу действий (тратит жизни) резко выделяется из ряда всех других реальных и наиболее сильных политиков, воплощающих альтернативные проек-

ты. В случае Ленина мы имеем такой ряд: Керенский и П.Н.Миллюков (*либералы-западники*), Колчак и Деникин (*«белые»*), Савинков и Чернов (*эсеры*), Махно (*анархисты*) и Троцкий (*коммунисты-космополиты*).

Монархисты и меньшевики к концу 1917 г., когда Ленин пришел к власти, уже сошли с арены. Вообразить же «доброго царя» или «доброго генсека-меньшевика» с несуществующим политическим проектом — детская забава. Все перечисленные фигуры проявили себя словом и делом, все «предъявили» свои проекты, и их русские люди попробовали на зуб, а не изучали в кабинетах. Из этого будем исходить.

Главная причина гибели людей. Еще замечание из области очевидного, но как бы забываемого. Почему встал вопрос о «палаче»? Потому, что в ходе революции (и особенно Гражданской войны) в России погибло очень много людей. Точно неизвестно, но с вескими доводами говорят о 12 миллионах человек. Отчего погибла эта масса людей? Не от прямых действий организованных политических сил, например, боев и репрессий. За 1918—1922 гг. от всех причин погибли 939 755 красноармейцев и командиров. Значительная, если не большая часть их — от тифа. Точных данных о потерях белых нет, но они намного меньше. Значит, подавляющее большинство граждан, ставших жертвами революции (более 9/10), погибли не от «красной» или «белой» пули, а от хаоса, от слома жизнеустройства. Прежде всего, слома государства и хозяйства.

Главными причинами гибели людей в русской революции были лишение их средств к жизни и, как результат, голод, болезни, эпидемии, преступное насилие. Развал государства как силы, охраняющей право и порядок, выпустил на волю демона «молекулярной войны» — взаимоистребления банд, групп, соседских дворов без всякой связи с каким-то политическим проектом (но иногда прикрываясь им, как это бывало, например, у «зеленых»).

Точно установить смертность и рождаемость до переписи 1926 г. трудно, результаты разных групп демографов различаются. Если взять средние оценки, то картина такая: в 1920 г. на 1 тыс. человек умирало 45,2 и рождалось 36,7; в 1923 г. умирало 29,1 и рождалось 49,7. То есть в последние годы Гражданской войны Россия (даже без катастрофы неурожая 1921 г.) теряла 1,2 млн. жизней в год, а уже в 1923 г. население приросло почти на 3 млн. человек.

Какую жатву собирает смерть на поле хозяйственного хаоса, мы видим сегодня: государство и хозяйство всего лишь полуразвалены, но Россия (т.е. половина империи) за год несет чистые потери в 1 миллион жизней, а с учетом неродившихся теряет 2 миллиона. И ведь войны и репрессий нет, да и потери от убийств составляют лишь около 30 тыс. в год. За годы реформы «по неестественным причинам» отлетело уже не меньше душ, чем в гражданскую. Значит, есть «невидимый палач».

Что такое «революция 1917 г.»? Некоторое усилие должен Сергей сделать для того, чтобы вспомнить важную вещь, от которой старательно отвлекают демократы: слом жизнеустройства России и ее государственности произошел **в феврале** 1917 г. Царя свергали генералы и стоящие за ними масоны-западники, а не большевики. Так что когда С.Говорухин плачется о «России, которую мы потеряли», но при этом проклинает большевиков, а не ее истинных разрушителей, то он или лицемер, или марионетка манипуляторов.

Февральская революция — *революция западников*, и главный ее смысл был в расчистке поля для финансово-торгового капитала. Это была первая «революция чубайсов и гайдаров», хотя социалистические лозунги выкрикивались обильно. М.М.Пришвин записал в дневнике 11 марта: «Евреи-банкиры радуются, плачут — смеяться они, как вообще евреи, не могут, но плачут — если бы они думали, что будет торжество социалистов, то чего бы им радоваться?».

Большевики в Февральской революции не принимали никакого участия. О Ленине и говорить нечего, он в феврале был в Швейцарии, и весть о революции была для него полной неожиданностью. Как реальный политик он вышел на арену в России в апреле 1917 г. Демократы Керенского развалили армию, разогнали полицию, парализовали хозяйство и транспорт и стравивали крестьян. Вопреки официальной советской мифологии, летом 1917 г. крестьяне громили уже в основном не помещичьи усадьбы, а «середняков»-арендаторов. М.М.Пришвин, сам живший своим трудом в маленьком поместье, пишет: «Помешица заперлась в старом доме и думает, что все зло от мужиков, что это они сговорились грабить ее. А «их» нет, они вовсе не сговаривались, они грабят друг друга еще больше. Еще удивительно, как мало они грабят ее сравнительно с грабежом себя».

К осени 1917 г. крестьянскими беспорядками было охвачено 91% уездов России. Для крестьян (и даже для помещиков) на-

ционализация земли стала единственным средством прекратить войны на меже при переделе земли явочным порядком. Из дневников М.М.Пришвина видно, что тотальная Гражданская война началась в России именно летом 1917 г. — из-за нежелания Временного правительства решить земельную проблему. К лету 1918 г. она лишь разгорелась, обретя противостоящие идеологии.

Другая важная вещь, которая также общеизвестна, но которую телевидение сумело как-то вышибить из сознания, состоит в том, что революция в России в феврале победила полностью, тотально. Как сказал В.В.Розанов, царская Россия «слиняла в два дня». Соратник Керенского видный масон В.Б.Станкевич пишет в мемуарах о том, что возникло после свержения самодержавия: «Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений».

Ленину и не пришлось бороться с монархистами, их как реальной силы просто не было. Борьба при Ленине шла не между большевиками и «старой Россией», а между разными отрядами *революционеров*. Гражданская война была *«войной Февраля с Октябрем»*, должны же мы наконец усвоить эту важнейшую для всей нашей темы мысль! Против большевиков стояли березовские и собчаки начала века вместе с кровавым мясником Б.Савинковым. Тут, надо признать, сильно подгадила и официальная советская пропаганда, которая для простоты сделала из слова «революция» священный символ и представляла всех противников Ленина «контрреволюционерами». А братья Покрасс нам даже песню написали, как «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон».

Большевики, как вскоре показала сама жизнь, выступили как реставраторы, возродители убитой Февралем Российской империи — хотя и под другой оболочкой. Это в разные сроки было признано противниками большевиков, включая В.Шульгина и даже Деникина.

Так что наша задача — сравнить соперничавшие в России *революционные* проекты и представить себе, какой из них наносил России более тяжелые травмы, измеряемые числом потерянных жизней. Лидера такого проекта и можно считать «палачом» (или «более палачом, чем другие»). Есть, правда, среди нас странные люди, порой с титулом патриота, которые всех считают палачами, они «ни за кого». Мол, «чума на все ваши дома».

Из такой позиции вытекает известный вывод, будто Россия — выкидыш цивилизации и не имеет права на жизнь. Что же это за народ, если у него все до одного политические течения исходят из установки палача?

«Слезинка ребенка» и тоталитаризм морализаторства. Сделаю еще одну методическую оговорку, не связанную с идеологией и почти очевидную. Говоря о политиках и их делах, мы не имеем права соблазниться *тоталитарным морализаторством*. Нельзя исключать мораль, впадать в нигилизм и рассматривать людей как вещи, как средства для достижения целей. Но нельзя и судить о реальности исходя исключительно из *идеалов*. Они иррациональны и недоказуемы, а в земной жизни не обойтись без *разума* — «его сон рождает чудовищ». Земля и небо должны быть в согласии. Подавлять моральными принципами земную реальность — именно соблазн, это притягивает, возвышает тебя в твоих собственных глазах. Люди, охваченные таким соблазном, превращаются в фанатиков и много горя приносят ближним. Таким соблазном нас и свели с ума в годы перестройки.

Вспомните слова, которые замусолили демократы: «Если улица не ведет к Храму, то зачем она!». Вдумайтесь, ведь это кредо фанатика. Улица — это ряд домов, которые построены вовсе не затем, чтобы вести к Храму, а чтобы в них жили люди. Дорога к Храму вообще пролегает не по асфальтовой или булыжной мостовой, а по извилистой тропинке в душе человека. И вот приходит на нашу улицу провокатор (Абуладзе или кто-нибудь вроде Зиновия Гердта) и говорит, что наша жизнь в наших домах «не нужна», что наша улица якобы не ведет к Храму и будет взорвана. Так оно в общем и произошло, но мы-то каковы! Кивали и аплодировали.

А если разобраться, о каком вообще Храме болтали эти провокаторы? Мы даже не спросили, начали «перестраивать» улицу. А сегодня-то видно, что у них за Храм. Не храм, а языческое капище, где они молятся золотому тельцу и приносят человеческие жертвоприношения. Но это к слову. Главное, что мы не отвергли фанатичное морализаторство и тем виноваты перед нашими детьми.

Точно таким же соблазном был вытасненный из речи Ивана Карамазова образ «слезинки ребенка», которую ни в коем случае нельзя пролить даже ради вселенского счастья. Эту фразу тоже замусолили, как будто Иван Карамазов — не психопат с расщепленным сознанием, а как минимум святой мудрец всех

религий мира. Да разве образ карамазовской «слезинки» приложим к реальной земной жизни? В жизни-то перед нами выбор стоит всегда намного труднее. Что делать, если ради спасения *жизни* одного ребенка приходится пролить *слезинку* другого? Тоже нельзя? Стреляя в немца, наш солдат разве не знал, что заставляет пролить слезинку его невинного ребенка?

Можно даже высказать как аксиому: наверняка становится палачом тот правитель, который не выполняет своего тяжелого долга из опасения ненароком вызвать чью-то невинную слезинку.

В 1989 г. пресса крушила правоохранительные органы, так что в московской прокуратуре за два месяца уволились почти все следователи — не желали работать в обстановке травли. Тогда забойной поговоркой была такая: «Лучше оставить на свободе десять преступников, чем посадить в тюрьму одного невинного». Выкопали и вытащили все судебные ошибки за много лет — смотрите, мол, как советские суды сажают невинных. Никто и слова тогда не осмелился возразить (позже мне довелось прочесть материалы о судебных ошибках в Великобритании и Испании, и это действительно потрясает: нам с советской судебной системой такое и в страшном сне не могло присниться).

А ведь здравомыслящий человек, подумав, должен был бы спросить: а почему на свободе надо оставить *десять* преступников, а не пять, не двадцать, не сто? Откуда такая мера? Конечно, никакой меры у демократов и не было, речь шла о предоставлении свободы действий преступникам вообще, чтобы в период бесправия и полного паралича МВД, суда и прокуратуры разграбить государственную собственность. Речь не о них, а о нас. Как мы могли принять эту ложную дилемму!

Представьте, что глава государства из боязни осудить невинного и пролить слезинку перестает преследовать преступников. Ведь судебные ошибки бывают всегда, как всегда люди попадают под машины. Упразднить суды и тюрьмы — вот надежная гарантия против ошибок. Мораль торжествует, но обыватель становится жертвой безнаказанных убийц.

В целом для народа и общества наилучшим является положение, при котором сумма невинных жертв, павших от преступников и от судебных ошибок, была наименьшей. Сумма, а не число жертв государства. Глава государства, допустивший разгул преступников, становится палачом своего народа, даже если он допустил этот разгул из моральных соображений (боялся

быть палачом). В 1998 г. в России в результате преступлений погибли 64 545 человек и были ранены 81 565 человек. Частичным коллективным убийцей этих людей были те морализаторы, которые громили правоохранительные органы.

Действие убийцы и бездействие политика. Если примитивный убийца губит людей своим действием, то правитель в равной мере может совершать убийства бездействием — нежеланием быть «палачом» для убийцы. Вспомним, как начиналась большая кровь в Средней Азии и на Кавказе. Оставим пока в стороне скрытые политические интересы, рассмотрим лишь действия и бездействие. Бандиты начали в Фергане погромы против турок-месхетинцев. Они демонстративно сжигали их живьем, устроив большой кровавый спектакль — как разведку боем. За бандитами стояли организованные преступно-политические силы (службы контроля за эфиром засекли тогда в зоне беспорядков около тысячи радиопередающих станций).

Каков был ответ главного тогда правителя СССР М.Горбачева? Он направил против вооруженных автоматами и самыми современными средствами связи безоружных курсантов. Мол, нельзя стрелять в граждан, у которых проснулось национальное и демократическое самосознание! Ведь ради этого пробуждения и замысливалась перестройка! Чаше всего за бездействием, которое оправдывается морализаторским нежеланием стать палачом, скрывается циничный расчет, но это нас сейчас не интересует.

Та «разрешенная» кровь турок-месхетинцев перевела все бытие жителей Средней Азии в новую плоскость. Горбачев своим бездействием снял запрет на организованные массовые убийства по национальному признаку и на изгнание русских. Сожжение в Андижане шестерых безоружных русских солдат, ехавших в городском автобусе, также было «разрешено», а затем и прощено Горбачевым — и стало символическим событием. За ним накатил вал убийств, и объективно именно Горбачев стал первым палачом (хотя он милый человек, очень любит внучку и пиццу «Хат»).

На Северном Кавказе, где маховик убийств стал раскручиваться позже, случай еще прозрачнее. Когда Бурбулис и Старовойтова, посланные из Москвы, передали Дудаеву разрешение на разгон законных органов власти в Чечне, его «бандформирование» было еще очень небольшим — оружие им везли из Москвы, как сообщалось, в автомобилях «Жигули». В Чечне еще стояли гарнизоны и части Советской Армии, действовали КГБ

и МВД. Все мы помним, как было совершено первое, символическое убийство. Люди Дудаева схватили офицера КГБ, который по обычным служебным обязанностям находился на очередном митинге. Еще ничто не предвещало будущей беды — в 18 часов центральное телевидение передало встречу репортеров с задержанным офицером. А уже вечером то же телевидение сообщило, что дудаевцы выдали властям его труп — «он был судим и казнен народом».

В тот момент решалось будущее Чечни, а может быть, и всего Северного Кавказа. Вся банда Дудаева могла быть арестована в течение часа, не надо было даже никакого десанта. Но Ельцин, как верховный правитель, не предпринял никаких действий. Мы не знаем точно, был ли это сговор с Дудаевым и мировой закулисой или частная интрига, но факт, что все последующие потоки крови в Чечне начались с этого ритуального, демонстративного убийства (скрытые убийства начались раньше, но они не имели такого символического смысла для массового сознания).

Так что запомним простую и очевидную истину: в отличие от индивидуального убийцы политик может стать палачом, никого сам не посылая на смерть: он может убивать своим бездействием, своей «добротой». И, напротив, политик, который карает (а в крайних обстоятельствах даже жестоко), может на деле быть спасителем от палачей. Недавно наконец-то мы снова услышали от чеченских женщин те же слова, которые произносились многими в 1944 г.: решением о депортации чеченцев из кипящего кавказского котла «палач» Сталин совершил благодеяние чеченскому народу. Тогда это было настолько очевидно, что большая и хорошо вооруженная чеченская армия, воевавшая в тылу Красной Армии на стороне немцев, без боя подчинилась решению Сталина, и чеченцы чуть ли не за один день погрузились в теплушки и отправились в Казахстан.

Таким образом, отказ государственной власти от насилия (философский образ такой власти в русской истории представлен царем Федором Иоанновичем) ведет к Смуте и самым большим по масштабам страданиям населения. В условиях кризиса государственности принципом реального гуманизма является политика, ведущая к минимуму страданий и крови, а не к их отсутствию. Поэтому сам по себе факт, что в 1918—1922 гг. кто-то пал от рук Советской власти, ничего не говорит о том, был ли Ленин палачом или не был. И мотивы, и обстоятельства действий или бездействия надо взвесить на верных весах и непредвзято — как это делает Фемида. К этому мы и подвигаемся.

Политическая философия как предпосылка «быть или не быть палачом». Представления политика об обществе и человеке, образ его мыслей (политическая философия) оказывают большое воздействие на образ его действий. Большое, но не решающее. Это предпосылка, которую надо принимать во внимание, но не считать доказательством «вины или невиновности». Так же, как в суде важна мотивация поступков подозреваемого («хотел убить»), но она не может служить уликой.

На политической философии Ленина особо задерживаться не будем — она совершенно не содержит компонентов «мышления палача» (которые можно найти, например, у Робеспьера, Марата или Троцкого). Ленин не был сентиментален, но он был близок к Марксу в двух важных здесь установках: он был гуманист и не верил, что можно «толкать историю» усилием политической воли, через насилие. Поэтому, в частности, ему были так чужды и народовольцы, и анархисты, и эсеры с их верой в силу террора.

Как воспринимались социал-демократы (каким был до 1918 г. и Ленин) и другие революционные течения, хорошо видно из дневника М.М.Пришвина. Он не был искушенным философом, но был очень чутким наблюдателем. Он писал в марте 1917 г.: «Эсеры малосознательны, в своем поведении подчиняются чувству, и это их приближает к стихии, где нет добра и зла. Социал-демократы происходят от немцев, от них они научились действовать с умом, с расчетом. Жестоки в мыслях, на практике они мало убивают. Эсеры, мягкие и чувствительные, пользуются террором и обдуманым убийством. Эсерство направлено больше на царизм, чем с-дечество». Здесь важны обе мысли: большевики меньше уповают на насилие и они менее враждебны царизму, чем эсеры.

Если вспомнить то, что нам часто повторялось из Ленина — его определение революционной ситуации, — то оно уязвимо для критики именно за отказ от того, чтобы использовать насилие как катализатор, ускоритель революционных событий. Для Ленина революция возможна и необходима только как спасение от национальной катастрофы, когда «низы» уже так приперло, что они не только «не могут жить по-старому», но и готовы идти на любые жертвы, чтобы изменить положение. Но люди готовы идти через огонь только тогда, когда никакого иного выхода нет.

Другое дело, что, когда революционная ситуация назрела, и «низы» осознали гибельность грозящей катастрофы, Ленин

требовал решительных действий, с тем чтобы в момент неустойчивого равновесия толкнуть процесс к созданию нового жизнеустройства (то есть осуществить революцию). Потому-то сама Октябрьская революция была абсолютно бескровной.

Насколько известно, никто не обвинил Ленина в жестокости на основании его опубликованных трудов. Упоминали его телеграммы, записки, высказывания («расстрелять десяток саботажников», «посадить в тюрьму сотню хулиганов и спекулянтов» и т.д.), но серьезные историки предупреждали, что все эти выражения нельзя принимать буквально, и никто их буквально не принимал. Надо вспомнить тот объем работы, который выполнял Ленин, и понять, что у него не было времени облечь свои мысли в дипломатические выражения.

То, что напечатано в «собрании сочинений», написано или сказано без черновика и без спичрайтера, в основном в военной или чрезвычайной обстановке. Если учесть это, каждый читавший Ленина должен поразиться как раз тому, насколько ясно и корректно выражены мысли. Представьте, какую литературу мы бы получили, если бы были опубликованы все замечания, поручения и советы Ельцина, данные им в кругу «семьи» и узкой группы соратников.

В годы перестройки много напирали на то место, где Ленин сгоряча заявил, что «интеллигенция — это не мозг нации, а ее г...». Думаю, будь у него свободное время, он бы выразил мысль как-нибудь поприятнее. Но поражает мелочность этого упрека — по сравнению с планом ГОЭЛРО или заботой Ленина о питании ученых в годы Гражданской войны. К тому же сегодня-то, положи руку на сердце, должны же мы признать, что где-то прав был Владимир Ильич в своем высказывании. Хотя бы в первой его части. Не мозг мы, дорогие мои собратья-интеллигенты! Ведь никто не остался в таких дураках, как интеллигенция, тянувшая нас в нынешнюю реформу. 93% тех москвичей, которые отнесли свои сбережения в АО «МММ» и сдали их Мавроди без всякой надежды хоть что-то получить обратно, имели высшее образование. И это при том, что реклама «МММ» была вроде бы рассчитана на простоватого рабочего Леню Голубкова.

Но к вопросу «палач или не палач» это отношения не имеет. Давайте искать веские признаки.

Главный критерий оценки — «болезненность» проекта. Мы сделали ряд методических оговорок, которые достаточно очевидны и еще никак не связаны с выводом. Они лишь расчисти-

ли площадку для рассуждений. Теперь можно предложить главный критерий, согласно которому мы расположим в ряд ведущих политиков того времени по степени их приближенности к образу «палач». Под «ведущими» мы будем понимать политиков, выражающих тот или иной проект жизнеустройства после выхода из хаоса революции.

Поскольку основной причиной гибели людей была революционная разруха — слом государственности и систем жизнеобеспечения, — то менее всех будет палачом тот политик, чей проект вызывает наименее сильное сопротивление общества. Значит, при утверждении этого проекта прольется менее всего крови.

Мечтать о том, чтобы из революции можно было выйти без подавления какой-то части общества — наивная утопия. Трагедия любой революции в том и состоит, что противоречия в ходе ее обостряются настолько, что обратно пути нет и согласия достигнуть очень трудно — особенно если уже пролилась кровь. У нас Гражданская война кончилась, когда Россия «кровью умылась».

Для нашего главного вопроса достаточно сравнить два главных проекта, задающих России разные (и расходящиеся!) цивилизационные пути. Один проект — партии кадетов и более левых либеральных партий, предполагающий построение в России государства западного типа с рыночной экономикой. Этот проект воплощал сначала Керенский, а потом Деникин и Колчак. Были в нем и радикалы (Корнилов), так что однажды большевикам пришлось защищать умеренного Керенского — такое бывает в политике. К этому проекту присоединилась часть эсеров (Чернов, Савинков). Это — Февраль, «белые».

Другой проект — советский, его воплощал Ленин. Это — Октябрь, «красные». Советский проект также был неоднороден: вначале его поддерживали левые эсеры, временами анархисты (Махно), внутри большевизма было несколько течений, борьба между которыми разгорелась после смерти Ленина и кончилась 1937-м годом.

И белый, и красный проект Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте, через тысячи больших и малых дел. Сначала, с февраля по октябрь 1917 г., сравнение проходило в мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Это соревнование проект Керенского проиграл вчистую. Новая государственность по типу либерального Запада не

сложилась, а ее зачатки авторитета не завоевали и 25 октября без боя сдали власть Советам.

Однако под давлением и при активном участии Запада блок кадетов и эсеров попытался военным путем вернуть власть и продолжить свой проект. С середины 1918 г. сравнение обоих проектов происходило в форме Гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и это был второй этап «пробы на зуб». Военное соревнование, как известно, белые также проиграли вчистую. Антисоветский историк М.В.Назаров говорит определенно: «При всем уважении к героизму белых воинов следует признать, что политика их правительств была в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь — что и привело их к поражению так же, как незадолго до того уже потерпел поражение сам Февраль».

Этот факт мы должны себе объяснить и его затвердить, иначе дальше не продвинемся. Белые унаследовали остатки государственного аппарата, имели полную поддержку имущих классов России и большую поддержку (включая военную интервенцию) Запада. Поначалу у них был такой огромный перевес над красными, что они овладели практически всей территорией России, за исключением маленького пятячка в центре. Почему же они начали утрачивать эти территории и отступать перед Красной Армией, обутой в лапти?

Ответ известен, но его у нас из головы вытеснили при промывании мозгов. А он таков. Образно говоря, красные победили потому, что крестьяне им сплели миллион лаптей. А белым не сплели, и им пришлось просить ботинки и обмотки у англичан. Белая армия действовала в России как завоеватели, и ее продвижение сопровождалось восстаниями (по словам историка белых А.Зайцева, издавшего в 1934 г. в Париже большую книгу, вслед за белыми шла «волна восставших низов»). По выражению западных историков, в России тогда возникло «межклассовое единство низов», которые отвергли проект белых. Отвергли в целом, а не по мелочам и не из-за жестокостей и казней.

Надо четко высказать и иметь в виду важную вещь: несмотря на все глупости и злодейства «местных» большевиков, развязанная против них Гражданская война резко изменила отношение к ленинскому проекту в принципе. Даже в период максимальных успехов белых М.М.Пришвин, сам в то время убежденный антикоммунист, писал: «Сейчас все кричат против коммунистов, но по существу против монахов, а сам монас-

тырь-коммуна в святости своей признается и почти всеми буржуями».

Пришвин был противником большевиков, но хотя бы либералом. А вот ценное свидетельство человека более правых взглядов (близкого к октябристам) — Алексея Васильевича Бабина (1866—1930), в эмиграции Алексиса Бабине. В 1988 г. в Англии вышли его дневники под названием «Дневник русской Гражданской войны. Алексис Бабине в Саратове. 1917—1922». Ценность его дневника в том, что он отстраненно повествует о бытовой, фактологической стороне Гражданской войны, вплоть до подсчета оружейных выстрелов и пулеметных очередей. Из его дневников становятся ясны масштабы «стихийного» насилия в обстановке хаоса, агонии старой государственности. Рецензенты этой книги отмечают: «Разумеется, автор не смог скрыть своих политических симпатий. Они не на стороне большевиков... Но, странное дело, Бабин отмечает и оказываемую им поддержку со стороны «добропорядочных» граждан Саратова накануне перехода власти к Советам, и неожиданные симпатии к новым правителям со стороны «ультраконсервативной» университетской профессуры». На самом деле ничего странного в этом нет, об этом же говорил и Пришвин: большевики сразу проявили себя как сила, занятая строительством государства, и в этом была надежда на возрождение жизни. И у множества «ультраконсервативных» буржуа и профессоров инстинкт жизни пересиливал их классовую ненависть.

Пришвин и Бабин были людьми, мечтавшими о победе белых. А вот что читаем у крестьянского поэта Николая Клюева:

Ваши черные белогвардейцы умрут
За оплевание Красного Бога,
За то, что гвоздиные раны России
Они посыпают толченым стеклом.

Таким образом, проект белых, даже если бы им в первые месяцы удалось задушить Советскую власть, означал бы длительную, тлеющую, со вспышками, гражданскую войну. Он был отвергнут крестьянами — сословием, которое составляло 85% населения России. А крестьяне в то время и умели, и обладали возможностями для сопротивления, длительного и упорного. Рано или поздно, но они «сожрали» бы белых, как за два месяца сожрали Колчака в Сибири без всякой Красной Армии. Но до этого Россия была бы обескровлена несравненно больше, чем при организованном устранении белых Красной Армией. Из опыта вытекает, что проект Ленина был спасительным, а в

проекте белых, доведись ему на время победить, Россия обрела бы палача.

Мы сегодня можем повторить за Есениным слова, что он написал в 1924 г.: *«Мы многое еще не сознаем, // Питомцы ленинской победы»*. Кто это «мы»? Кто оказался «питомцами»? Все, кто вернулся к мирной жизни и воссоединился в народ — включая бывших белых. Именно «ленинская победа» создала такую возможность. Поэтому его проект — спасительный.

Мы это и сегодня плохо сознаем — но сознание начинает нам входить через взрывы домов в Буйнакске и Москве. Тридцать лет до Ленина в России гремели взрывы и выстрелы (по подсчетам некоторых историков, от рук террористов до 1917 г. погибли 17 тыс. человек). Короткий исторический период — когда воплотился проект Ленина — мы жили спокойно и безопасно. И не сознавали этого, думали, что это естественное состояние. Сегодня, когда этот проект мы позволили пресечь, взрывы загремели снова.

Главная причина спасительности проекта Ленина. Мы логично подошли к выводу, что «палаческим» политическим проектом надо считать тот, который при воплощении его в жизнь вызывает самое упорное сопротивление народа. И если уж революция произошла (как это случилось в Феврале), то «спасительным» проектом надо считать тот, который вызывает наименьшее сопротивление народа. О том, чтобы при выходе из революции вообще не было сопротивления и не было жертв, нечего и мечтать. П.А.Сорокин, оставивший очень ценные наблюдения о революции, выделяет даже особую стадию революционного процесса — *«обуздание»*.

Я утверждаю, что проект Ленина был для России спасительным. Не буду это доказывать, потому что говорю о методе и делаю упор не на выводе, а на способе рассуждений, стараясь показать его последовательность, не приводя исчерпывающих доводов.

Почти очевидно (и это подмечено крупными философами), что великий политик — тот, кто угадывает скрытые чаяния народных масс. Что это значит? Это значит, что он исходит не из того, что шумно требуют массы, а из того, что стоит за шумом, — исходит из скрытых чаяний. Величие политика в том и состоит, чтобы эти чаяния понять и прочувствовать. Это трудно, потому что, как сказал философ, «во времена кризиса общественное мнение не выражается расхожими суждениями».

Что понял Ленин такого, чего не могли понять современные ему другие ведущие политики? Он понял, в чем суть чаяний крестьянства («*земля и воля!*»), каким бы крестьяне хотели видеть жизнеустройство России и тип государства — в чем для крестьян град Китеж. В своей самой лирической поэме «Анна Снегина» Есенин пишет, как к нему подошли крестьяне:

«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

Во-вторых, Ленин понял, что крестьяне поднялись как огромная и сплоченная *антибуржуазная* сила. И что революция в России в главном своем потоке не буржуазная и не может привести к либеральной западной демократии. Демократия крестьян — Советы.

По уму и чувству Ленин просто был несравненно выше и Керенского, и Троцкого. Они даже после «университета» революции 1905 г. так и остались догматическими марксистами, а Ленин был марксистом творческим и отошел от догм. Хотя убеждать даже верхушку партии большевиков ему было очень трудно. Зато он имел поддержку в низах партии, которые были воспитаны не в эмиграции, а в гуще русской жизни.

Исследователь крестьянства Т.Шанин писал, что два политика в России верно поняли суть революции 1905 г. — Столыпин и Ленин. В них и стреляли люди, вышедшие из одной норы. Но Столыпин поставил своей целью спасти помещиков, а ради этого расколоть крестьянство, заменив общину капитализмом. Так же поначалу мыслил и Ленин, но после 1905 г. резко изменил позицию, а Столыпин потерпел поражение. Прозрение Ленина выражено в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», а затем в «Апрельских тезисах». От них отвлекла нас официальная «история КПСС», но теперь-то ее нет, и мы должны брать в расчет главное.

Сравните главные тезисы Ленина между Февралем и Октябрем и расхожее суждение по этим вопросам партийной интеллигенции всех направлений. *Немедленный мир* (Ленин) — война до победного конца; *национализация земли* (Ленин) — отложить до законного решения будущим парламентом; *республика Советов* (Ленин) — буржуазная республика; *немедленная социалистическая революция* (Ленин) — развитие капитализма до исчерпания его возможностей.

Надо отметить, что совершенно неважно, какая из этих про-

тивоположных позиций нам сегодня нравится больше. Важно не сегодня, а *тогда*. Тогда крестьяне не желали того, чего желало «расхожее мнение» всех революционных политиков, кроме Ленина. И потому-то крестьяне плели лапти для красноармейцев и не слишком сопротивлялись красным продотрядам (а белым сопротивлялись очень упорно).

Крестьяне не ошиблись, потому что Ленин верно угадал именно *чаяния*, а не лозунги. И после войны был начат нэп, а не новый вариант столыпинской реформы. Оттого сразу резко выросла рождаемость и упала смертность — верный показатель соответствия политики чаяниям. Такой проект я и называю «спасительным».

Конечно, спасение от катастрофы — еще не путь такого быстрого развития, которое нужно для спасения от другой грядущей катастрофы (мировой войны). В 30-е годы нэп пришлось сменить на политику форсированной индустриализации, но это уже другая эпоха, не Ленина, а его преемников.

Обыденные признаки «спасительности» проекта Ленина. Мы говорили выше о фундаментальной причине, по которой проект Ленина вызвал наименьшее сопротивление. Но с самого начала линия Ленина привлекла массы потому, что действия, которых он требовал, а потом и предпринимал, были прямо и очевидно направлены на спасение жизней простых обывателей. То есть проект Ленина по своему типу был деятельным и вытекающим не из доктрины, а из обыденных жизненных потребностей. Это редкое сочетание больших идеалов (чаяний) со здравым смыслом. Великий английский экономист Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, писал: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса».

В условиях национальной катастрофы именно такое сочетание и оказывается спасительным. В чем же был «бизнес» Ленина? В том, что в условиях разрухи, при, казалось бы, полном отсутствии средств, он заботился о восстановлении какого-то подобия жизнеустройства, чтобы свести гибель людей к минимуму. Напряженность в среде крестьянства была резко снята двумя декретами — о мире и о земле. Но посмотрим, что привлекло горожан. Затронем только две проблемы — личной безопасности и продовольствия.

В последние дни февраля, свергнув царя, либералы одновре-

менно упразднили полицию и выпустили всех уголовников. Всеобщая амнистия! Те, кто помнит лето 1953 г., широкую амнистию даже при сильной милиции, может представить себе состояние жителей крупных городов России в марте—апреле 1917 г. Страх перед преступным насилием был паническим (как говорили, главной мыслью обывателя было: «Уехать, пока трамваи ходят»). Каково было состояние умов, видно из такого мелкого факта: когда в Александринском театре в одной из пьес на сцене появились городской и пристав, публика встала и аплодировала.

Пытаясь как-то спасти положение, Временное правительство учредило милицию из числа студентов-добровольцев. На центральных улицах появились восторженные юноши и девушки с красными бантами на груди. Они не совали свой нос в темные переулки и грязные кварталы, где и свирепствовала преступность. А как ответили на эту жизненную проблему большевики? Они дали на заводы разнарядку — мобилизовать в Красную гвардию каждого десятого рабочего. Не добровольно, а мобилизовать, и не с гулькин нос, а каждого десятого. Именно эта рабочая милиция, знающая изнанку жизни, и навела в городах минимальный порядок. Вот первое важное дело, понятное и барыне, и кухарке, в котором Временное правительство проиграло соревнование с Советами.

Теперь о *продовольствии*. Мы все наслышаны о том, что большевики ввели военный коммунизм, продразверстку, пайки и прочие ужасные вещи. Так говорят те, кто никогда не голодал и плюет на голод ближнего. Я бы сказал, что в этой демократической критике как раз просвечивает мышление палача.

В те времена все в России, включая Николая II, думали иначе и считали необходимым предотвратить голод в городах. Но благими пожеланиями вымощена дорога в ад. Важно еще уметь это сделать, не боясь упреков какого-нибудь Бурбулиса. Когда в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», были установлены твердые цены и начались реквизиции. 23 сентября 1916 г. царское правительство объявило продразверстку. Как видим, вроде бы не имеющие никакого отношения к коммунистам министры царского правительства идут на меру, присущую военному коммунизму. Объявленная на 1917 г. продразверстка провалилась из-за саботажа и коррупции чиновников. Временное правительство, будучи по своей философии буржуазным (сегодня бы сказали «рыночным»), тем не менее также вводит

хлебную монополию — и также не может провести ее в жизнь из-за беспомощности государственного аппарата. По продразверстке 1917 г. было собрано ничтожное количество — 30 млн. пудов зерна. Ленин написал о надвигающемся голоде статью «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

Придя к власти именно в катастрофических условиях, большевики повели дело исходя из здравого смысла, как в случае с милицией. Обеспечить минимальное снабжение города через рынок при быстрой инфляции, разрухе в промышленности и отсутствии товарных запасов было невозможно. Реально покупать хлеб на свободном рынке рабочие не могли. Были приняты чрезвычайные меры.

Эти меры устранили угрозу голодной смерти (но не голода) в городах и в армии. Тот факт, что большевики без всякого доктринерства и болтовни, не имея еще государственного аппарата, обеспечили скудными, но надежными пайками все городское население России, имело огромное значение для того, чтобы проект Ленина был принят в целом. Ведь этих пайков не дало ни царское, ни Временное правительство, которые действовали в гораздо менее жестких условиях. Кусок хлеба был дан каждому именно без доктринерства. Ленин лично издал постановление «предоставить академику И.П.Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам», хотя И.П.Павлов при виде каждой церкви снимал шапку и крестился, моля Бога унести большевиков.

Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Остается обсудить репрессивную политику до войны, ответственность за которую несет Ленин как глава правительства. Она связана с деятельностью ВЧК. О ней созданы «симметричные» мифы — официальный героический, а сегодня официальный черный. Если вдуматься, оба они предельно неправдоподобны. Для нас сейчас важнее черный миф.

Достаточно задать себе простой вопрос: могло ли реально советское правительство, сидящее в Петрограде и Москве, без аппарата, без денег (банки отказывались оплачивать счета правительства), без кадров и без связи создать в одночасье мощную всеохватывающую спецслужбу, способную провести по всей стране массовые репрессии? Спросим друг друга: сколько сотрудников насчитывала ВЧК, скажем, в начале 1918 г.?

Число сотрудников ВЧК в конце февраля 1918 г. не превы-

шало 120 человек, а в 1920 г. 4500 — по всей стране. Провести широкие репрессии, которые приписывают ВЧК, она не могла просто в силу своей величины. В ноябре 1920 г. на ВЧК была возложена охрана границ (до этого граница охранялась «завесами» — подвижными отрядами). Тогда численность персонала ВЧК к 1921 г. достигла максимума — 31 тыс. человек. Если посмотреть на одно только здание ФСБ в Москве, то можно понять, насколько ничтожной по масштабам была эта страшная ВЧК, о которой создан миф как о палаче России.

Надо заметить, что даже «красный террор» никак не был действием *палача*. Палач сам не погибает, а красный террор был отражением *белого* террора, это было взаимоистребление, действие войны. И красных погибло от террора больше. Есенин сказал об этом так:

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под выюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали...

Объявление террора в 1918 г. было актом чрезвычайным, как встречный пожар, как рискованная попытка остановить Гражданскую войну. Такие акции всегда таят в себе неустранимую неопределенность и большой риск. И наивно думать, что этого тогда не понимали. Когда был объявлен красный террор, то, как вспоминает А.М.Коллонтай, часто выступавшая перед рабочими, они говорили так: «Конечно, надо ответить на покушение на Ленина красным террором, но кровь-то, она липкая, и последствия, которые принесет красный террор, нам неизвестны». В этом рассуждении очень верно подмечен тип того положения, в котором находилась Советская власть: *конечно, красный террор нужен — последствия его неизвестны*.

Другое дело, что на местах постепенно начали действовать губернские и уездные ЧК, которые создавались уже в обстановке войны. В их «молекулярных» делах было много эксцессов, произвола и преступлений. Правовая система только-только формировалась, местные органы власти, в том числе ревтрибуналы, руководствовались «классовым чутьем» и здравым смыслом. Потому нередко были приговоры типа «к расстрелу условно».

Многое определялось обстановкой, многое — кадрами. Во время любого общественного потрясения со дна поднимается множество ущербных, обиженных и злобных людей, которые тянутся к власти и особенно к карательным органам — там они отводят душу (это мы и сегодня видим). Более того, к Советской власти примазалось огромное число людей, этой власти органически враждебных. Партия большевиков, которая после Февраля 1917 г. имела около 20 тыс. членов, не могла заполнить проверенными кадрами даже самые важные посты. Надо лишь удивляться, как ее не сожрал враждебный ей бюрократический аппарат, в том числе и в карательных органах*. Здесь видна именно сила «проекта» — той матрицы, которую дали большевики и на которой шло стихийное строительство.

Но наивно думать, что местные ЧК следовали какой-то переданной из Москвы инструкции и находились под контролем центра и тем более лично Ленина. Даже среди сотрудников ВЧК высшего уровня были фракции, которые не подчинялись Дзержинскому и Ленину (они пошли с удостоверениями ВЧК и убили посла Германии Мирбаха). Вообще, государственная вертикаль складывалась медленно и уже после войны. А в 1918 г., бывало, отдельные волости объявляли себя республикой и учреждали Народный комиссариат иностранных дел. М.М.Пришвин оставил заметки о том, как происходило местное законотворчество до принятия в июле 1918 г. первой Конституции РСФСР. 25 мая 1918 г. Елецкий Совет Народных Комиссаров постановил «передать всю полноту революционной власти двум народным диктаторам, Ивану Горшкову и Михаилу Бутову, которым отныне вверяется распоряжение жизнью, смертью и достоянием граждан» («Советская газета». Елец, 1918, 28 мая, № 10).

Еще одно методическое замечание. В литературе, в том числе в мемуарах, описаны трагические судьбы людей, попавших в застенки ЧК. Они оказывают сильное впечатление на читателя — на то и литература и вообще искусство. Оно заставляет человека сострадать жертве, и это великое чувство. Если страда-

*М.М.Пришвин, который провел 1919 г. в Ельце, перечисляет известные ему «руководящие кадры» города из негодаев и приходит к выводу, что, переменись власть, они снова оказались бы на старых должностях — полицейских, урядников, инспекторов. Эти люди не только не заботились об авторитете Советской власти, но с удовольствием под шумок уничтожали и коммунистов.

ния убийцы, ожидающего электрический стул, опишет хороший писатель, нам станет близок этот убийца*. Но из этого нельзя делать никаких политических и социальных выводов — вот где мы поскальзываемся и становимся объектом манипуляции. Ведь из показа личных судеб ничего нельзя сказать о социальном явлении — о числе жертв и часто даже о виновности данных личностей.

Для самой жертвы, о которой пишет писатель или она сама, ее горе — это весь мир, оценить масштабы этого горя как социального явления она в принципе не может и не должна. Кроме того, в этих описаниях обычно и речи нет о том, что жертва (виновная или невинная) попала под колесо Гражданской войны. Никогда в этих мемуарах не приводятся описания или фотографии того, как в другой точке России запикивают живьем в топки уральских рабочих. А ведь между этими жертвами была прямая связь**.

И еще одно замечание. Поскольку историей манипулируют, особенно в моменты слома государства, как сейчас, для оценки исторических явлений надо учитывать, как оно отложилось в коллективной памяти. Очень редко бывает, чтобы карательный орган сохранился в памяти под именем, имеющим положительную окраску. *Чекист* — именно такое имя. Несмотря на все черные мифы последних лет, до сих пор сотрудники спецслужб желали бы, чтобы их называли уважительно «чекист». Это значит, что в глазах современников-обывателей ЧК своими жестокостями спасала несравненно больше невинных людей, чем губила. Этот баланс, который не выразить числом, коллективный разум очень хорошо определяет.

Говоря об отношении Ленина и большевиков к репрессиям, надо вернуться к главному историческому факту: за власть в России боролись разные *революционные* движения. И сравни-

*Разрушая правовую систему, демократическое телевидение часто крутило хорошо сделанный фильм о том, как женщина-адвокат влюбилась в своего подзащитного убийцу и принесла ему пистолет. Он пытался бежать и убил еще троих солдат, пока его не пристрелили. Финальный кадр — залитое слезами лицо героини во весь экран. Конечно, зритель сострадает, для него в этот момент жизни солдат-винтиков не имеют ценности в сравнении с горем влюбленной женщины.

**М.М.Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

вать «репрессивность» их идеологий надо в реальном ряду, а не с «добрым царским правительством».

В центре, где и вырабатывался тип репрессий Советской власти раннего периода, в дебатах участвовали большевики, меньшевики и эсеры. Эти дебаты показывают непривычную для нашего уха, но надежно установленную вещь: большевики были единственной партией, которая боролась за скорейшее восстановление правового, государственного характера репрессий — вместо политического, партийного. Они боролись за *обуздание* революции. Именно это и вызывало острую критику эсеров и меньшевиков.

Эсеры и меньшевики не возражали против внесудебных расстрелов в ВЧК, но подняли шумную кампанию протеста, когда в июне 1918 г. состоялся суд над адмиралом А.Щастным, который обвинялся в попытке передачи судов Балтфлота немцам, и он был приговорен к расстрелу. Лидер меньшевиков Мартов даже напечатал памфлет «Долой смертную казнь», где не стеснялся в выражениях: «Зверь лизнул горячей человеческой крови. Машина человекоубийства пушена в ход... Зачумленные, отверженные, палачи-людоеды...» и пр. Очень резко выступили эсеры на V съезде Советов.

На чем же был основан протест? Им было жалко адмирала? Ничуть нет. Они протестовали против вынесения смертных приговоров путем *судопроизводства*, поскольку это, дескать, «возрождает старую проклятую буржуазную государственность». Сегодня эта антигосударственная позиция покажется нам дикой, но она была настолько распространена в то время, что прокурор Крыленко отговаривался с помощью крючкотворства: мол, суд «не приговорил к смерти, а просто приказал расстрелять».

Я лично, на основании чтения исторических материалов, пришел к выводу, что из всех политических течений, которые в то время имели шанс прийти к власти в России, большевики в вопросах репрессий были наиболее умеренными и *наиболее государственниками*. А государственные репрессии всегда наносят народу меньше травм, чем репрессии неформалов.

Среди большевиков установкой на репрессии резко выделялись Троцкий и близкие к нему деятели. Его не раз блокировали на уровне ЦК РКП(б). Но, главное, Троцкий сам олицетворял крупный проект, в главных своих чертах несовместимый с проектом Ленина. По многим признакам это был для России именно «палаческий» проект. Каким образом Ленина обязали

соединиться с «проектом Троцкого» — очень большой и малоизученный вопрос. Здесь важно отметить, что «проект Троцкого» подавлялся и в конце концов был задушен — вплоть до конца 80-х годов, когда он вновь стал оказывать огромное влияние на жизнь России.

Можно задать себе и такой простой вопрос: какая власть была «более репрессивной» — советская при Ленине или демократическая сегодня, при Ельцине? В чем мера «репрессивности»? В том, какая часть населения лишена свободы. В принципе, неважно, по какой причине, важно, что государство подавляет какие-то действия своих граждан, хотя бы оно и само их вызвало, путем лишения свободы.

Общее число лиц во всех местах заключения в СССР составило на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. — 149 тыс. До срока тогда условно освобождались около 70% заключенных. Пополнение мест заключения было 30—40 тыс. человек в год. Сравним: в 1996 г. к лишению свободы были приговорены 560 тыс. человек. Это «новенькие», пополнение (правда, 200 тыс. получили отсрочку в исполнении приговора — мест в бывшем ГУЛАГе не хватает).

Репрессивность России Ельцина просто не идет ни в какое сравнение с положением в России Ленина. Учтем еще, что сегодня «репрессивность» искусственно снижается из-за развала правоохранительной системы. В 1997 г. в РФ было зарегистрировано 1,4 млн. тяжких и особо тяжких преступлений, а в 1999 г. — 1,8 млн., в 2000 г. — 1,74 млн. Тяжких и особо тяжких! В 2000 г. выявлено 1741 тыс. лиц, совершивших преступления. Вот каким должно было бы быть пополнение тюрем и лагерей, если бы преступники были схвачены. Создать условия, при которых за год миллион человек становятся жертвами тяжких преступлений (а другой миллион — грабителями), — это и быть палачом народа. Разве не так?

Мой заочный собеседник Сергей, возможно, скажет, что он имел в виду репрессии против бескорыстных «политических», а уголовники — что о них переживать. Но пусть покопается в памяти: что он знает о масштабах политических репрессий при Ленине? Что академик Лихачев попал на Соловки (за что — об этом говорится как-то туманно, намекается, что невинно). А сколько всего было политзаключенных при Ленине? Не странно ли, никогда эта цифра не называлась (это, кстати, признак манипуляции — отсутствие простых и четких данных).

Можно не верить официальным советским данным. Но тут

нам повезло — антисоветская эмиграция, которая грызлась, как пауки в банке, в этом вопросе сговорилась и образовала бюро, которое скрупулезно вело учет политических репрессий в СССР. По опубликованным за рубежом данным, предоставленным этим бюро, в 1924 г. в СССР было около 1500 политических правонарушителей, из которых 500 находились в заключении, а остальные были лишены права проживать в Москве и Ленинграде. Эти данные зарубежные историки считают самыми полными и надежными. 500 политических заключенных после тяжелейшей Гражданской войны, при наличии оппозиционного подполья и терроризма — и это репрессивное государство? Вернитесь, господа и товарищи, к здравому смыслу, не дергайтесь на ниточках у манипуляторов.

Не палач, а спаситель: главный довод. Есенин написал после смерти Ленина: *«Того, кто спас нас, больше нет»*. Что же главное сделал Ленин, чтобы его так назвал человек, переживавший то время сердцем крестьянина и поэта?

Когда читаешь документы того времени, дневники и наблюдения (в основном со стороны противников Ленина — его соратники дневников не вели), возникает картина, в которую поначалу отказываешься верить. Получается, что главная заслуга Советского государства, а в нем — именно Ленина, состоит в том, что оно сумело остановить, *обуздать* революцию и реставрировать Российское государство. Это настолько не вяжется с официальной историей, что вывод кажется невероятным.

В.В.Кожин замечательно показывает, что большевики овладели русским бунтом, возглавили его — и утихомирили. При этом он разделяет этот бунт и революцию как две разные категории. Это помогает анализу, но мне кажется, что реальность сложнее. Русская революция, как революция не буржуазная, а крестьянская, была с бунтом неразрывно связана, и разделить их невозможно. Буржуазная революция, которая смела царизм и империю, казалась такой мощной только потому, что она взорвала плотину. Ее результаты поражали; но сама она была лишь рябью на океанской волне бунта.

Овладеть этой волной, главным потоком революции, оказалось для Ленина самой важной и самой трудной задачей — хотя острая и прямая опасность исходила начиная с середины 1918 г. от белых. Поворот к «обузданию революции» происходит у Ленина буквально сразу после Октября, когда волна революции нарастала. Спасение было в том, чтобы согласиться в

главном, поддержать выбранную огромным большинством траекторию. Н.Клюев писал:

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».

П.Васильев, которому Клюев читал эти стихи, потом объяснял, что «Поморские ответы» — это катехизис русских старообрядцев-сектантов, как бы отрицание всякой модернизации, идущей от Москвы.

Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужна была огромная смелость и понимание именно чаяний народа, а не его «расхожих суждений». И не только смелость, но и чувство меры — и близость к массам, совершающим ошибку. С зимы 1918 г., вслед за национализацией земли, рабочие стали требовать национализации заводов. История оставила замечательные по смыслу и стилю документы — письма рабочих собраний с просьбой взять их завод или шахту в казну. Ленин сдерживал этот порыв, но сдерживал, не доводя до разрыва, не обескураживая людей.

Выступая в апреле 1918 г., Ленин сказал: «Всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано».

Ленин всеми силами стремился избежать «обвальной» национализации, остаться в рамках государственного капитализма, чтобы не допустить развала производства. На это не пошли капиталисты и с этим не согласились рабочие*. В недостатке ре-

*Владельцы не закупали сырье, а значит, по мнению рабочих, готовились закрыть производство. Кроме того, распродажа акций немцам создала риск утраты Россией самых важных предприятий. Но даже после национализации владельцев просили остаться в руководстве производством и в полном объеме получать прибыль — как и при частном владении.

волюционности Ленина тогда обвиняли не только троцкисты, но и меньшевики, которых мы по привычке считали умеренными реформистами.

Ленин требовал от Советского государства налаживать производство и нормальные условия жизни. А значит, налаживать контроль, дисциплину, требовать от рабочих технологического подчинения «буржуазным специалистам». И в апреле 1918 г. меньшевики в газете «Вперед» заявили о солидарности с левыми коммунистами: «Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер... Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Меньшевики обвиняют Ленина в соглашении с буржуазией! Это надо запомнить. Ведь что до сих пор ставится именно советскому строю в вину: при нем надо было честно и ответственно трудиться. М.М.Пришвин вспоминает, как 22 января 1919 г. беседовал он с одним большевиком о коммунизме в присутствии постороннего мужика: «Долго слушал нас человек мрачного вида, занимающийся воровством дров в казенном лесу, и сказал:

— Я против коммуны, я хочу жить на свободе, а не то что: я сплю, а он мне: «Товарищ, вставай на работу!».

Конечно, в душе каждого из нас дремлет «гунн». Все революционные течения в России потакали именно этому «гунну», духу разрушения и разделения — проедания того, что было накоплено цивилизацией. В этом заигрывании с «гунном» был присущий интеллигенции страх перед крестьянином (это прекрасно отразилось в дневниках М.М.Пришвина — мелкого помещика и либерала, вынужденного жить среди ненавистных ему крестьян). Когда рухнул старый порядок и тонкий «модернизированный» слой столкнулся лицом к лицу с народом, это вызвало настоящее потрясение — и многие возненавидели свой народ и свою страну. М.М.Пришвин, либерал и патриот, 11 февраля 1919 г. поехал в командировку по школьным делам. Он описывает ночевку в канцелярии райкома: «Скифия, страшная, бескрайняя... О, зачем я выехал в эту Скифию! Секретарь Исполкома принес мне кусок сахара, долго бил его, мял, трепал, наконец отгрыз себе и остальное мне подал:

— Вот вам!

Я спросил его, есть ли тиф у них.

— Много! далеко нечего ходить, у меня в доме все в горячке лежат.

...Дождался! Совершенно отдельный мир простого народа; как могли жить помещики у вулкана!»

Партия Ленина резко отличалась тем, что она открыто и даже жестоко подавляла «гунна» — она единственная была, по выражению М.М.Пришвина, «властью не от мира сего». Почему Ленин решился и действительно смог прямо и честно выступить против «гунна», откуда у него был этот запас прочности? Это можно объяснить только тем, что он обращался к глубоким чаяниям и не боялся идти на конфликт с «расхожими суждениями».

М.М.Пришвин пишет в дневнике 12 декабря 1918 г.: «Самое тяжкое в деревне для интеллигентного человека, что каким бы ни был он врагом большевиков — все-таки они ему в деревне самые близкие люди... В четверг задумал устроить беседу и пустил всех: ничего не вышло, втяпились мальчишки-хулиганы... Мальчишки разворовали литературу, украли заметки из книжек школы, а когда я выгнал их, то обломками шкафа забаррикадировали снаружи дверь и с криками «Гарнизуйтесь, гарнизуйтесь!» пошли по улице. Вся беда произошла, потому что товарищи коммунисты не пришли, при них бы мальчишки не пикнули».

Сразу после Октября большевики выступили против «бунта», против стихийной силы революции (это называлось «мелкобуржуазной стихией», но дело не в термине). Сегодня много чернил истратили, чтобы обвинить Ленина в лозунге «грабь награбленное». На деле это был лозунг «бунта», которым овладели большевики. Но тогда уже Ленин сказал: «После слов «грабь награбленное» начинается расхождение между пролетарской революцией, которая говорит: награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай...».

К чему привело потакание «гунну» со стороны либералов и эсеров? К тому, что вслед за сломом государственности началось «молекулярное» разрушение и растаскивание всех систем жизнеобеспечения России, и она «погрузилась во мглу»:

Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Это и было причиной гибели массы людей. Расхожие суждения вошли в конфликт с чаяниями. Ленин, который умело и

гибко стал с этим бороться, потому и был признан спасителем. Вот как видит Есенин его дело:

Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто живые,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Потакание стихии, «гунну» в человеке есть для политика именно установка палача — палача страны и самих людей. Дело не только в прямых утратах, хотя и они велики. Наши нынешние реформаторы открыли много частных лавочек для скупки медного провода, который отправляется в Эстонию. Они всячески побуждают опустившихся людей превратиться в активных «гуннов»: целые сельские районы уже остались без электричества, потому что кем-то сняты и проданы провода. Копеечный барыш — и страшный удар и по производству, и по цивилизованному еще быту.

Идет огромный откат в типе мышления, в навыках рассуждений, в отношении к образованию и созидательному порядку. А это важная предпосылка для вымирания народа даже без прямого убийства. М.М.Пришвин записал 2 июля 1918 г.: «Есть у меня состояние подавленности оттого, что невежество народных масс стало действенным».

Да, невежество было велико и раньше, но до Февраля оно было сковано государством — оно не было действенным. Его раскрепостило и сделало активным и даже агрессивным именно кадетское и эсеровское Временное правительство. Его сразу после Октября начало загонять в подчиненное положение Советское государство. Во времена Сталина изгонять «гунна» пришлось действительно жестокими методами. Но война показала, что эта жестокость была спасительной. Неожиданно для себя немцы в 1941 г. встретили многомиллионную армию деревенских парней, которые воспринимали время в секундах и владели сложной техникой.

Ленин много сделал, чтобы Гражданская война была закончена как можно быстрее и резко — без «хвостов». На это была направлена и военная стратегия мощных операций, и политика компромиссов и амнистий. Опыт многих стран показал, что часто гражданская война переходит в длительную «тлеющую» форму и в этой форме, соединяясь с «молекулярным» насилием, наносит народу очень тяжелые травмы.

В целом Гражданская война ленинского периода имела «два

завершения» — решительную и резкую победу красных над белыми в Крыму и прекращение стихийного крестьянского сопротивления через переход к нэпу. Это мы помним довольно четко, надо только задуматься над тем фактом, что завершение обеих войн было чистым. Это вовсе не обычная и тривиальная в гражданских войнах вещь. Напротив, общим правилом является длительное, изматывающее противостояние после номинального окончания войны.

В Испании преследования республиканцев после войны стояли народу почти столько же жертв, как и боевые действия. По деревням на крышах домов республиканских солдат сидели в ожидании их тайного возвращения засады фашистов. Сидели год за годом, иногда уже сыновья «первой смены» караульщики. Эти юноши мало знали о войне, но выслеживали тех, кто должен был вернуться — уже стариком. До сих пор в деревнях жители делятся на «красных» и «франкистов» и браки между детьми их семей — редкость. У нас же все стали советскими людьми, и миллионы людей, служивших в Белой армии, как бы растворились.

Официальная мифология героизировала ту войну, и в тень ушли некоторые важные явления. К ним надо отнести суровые преследования Советской власти против тех красных, которые затягивали боевые действия, когда белые уже склонялись к тому, чтобы разоружиться. Это называлось «красный бандитизм». В конце войны имели место судебные процессы против таких нарушителей общей политической линии (иногда под суд в полном составе шли городские партийные организации). Чтение документов о тех процессах поражает.

Перестроечная и нынешняя вязкая антиленинская кампания была очень недобросовестной и нанесла всему обществу огромный вред. В ней не было критики, и все действительно сложные проблемы так принижались, что мы отвыкли ставить вопросы хотя бы самим себе. Многие, в том числе из лагеря патриотов, обвиняют Ленина в том, что он предложил «неправильное» национально-государственное устройство СССР. Надо было, мол, создать вместо республик губернии — просто восстановить Российскую империю, и дело с концом.

Это говорится или неискренне, или безответственно. Февральская революция «рассыпала» империю, так что Гражданская война имела не только социальное, но и *национальное* «измерение». В разных частях бывшей империи возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали

против восстановления единого централизованного государства. Белые пытались бороться против них и, как выразился эстонский историк, «напоролись на национализм и истекли кровью».

Ленин предложил совершенно новый тип объединения — через «республику Советов», снизу, образуя промежуточные национальные республики. Но эти республики очень мягко, почти невидимо накладывались на единый скелет из Советов — и страна была именно единой. С этим предложением обратились к трудящимся, которые более всего страдали от своих князьков и были заинтересованы в воссоздании единого государства. При этом учреждение национальных республик, входящих в Союз, а не империю, нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку, и Красная Армия ни в какой части России не воспринималась как чужеземная армия. Она была общей армией трудящихся («республики Советов»). Таким образом, со стороны Советского государства Гражданская война в ее национальном измерении была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России очень много крови.

Ленин непрерывно объяснял ценность для трудящихся большого единого государства и умел находить для этого веские доводы — вместо истрепанного лозунга «России единой и неделимой». Вообще, большевики между Февралем и Октябрем были единственной партией, которая везде отстаивала целостность государства (это проявилось, например, при возникновении сепаратизма в Сибири — «областничества»).

В.В.Кожин приводит слова из «Книги воспоминаний» великого князя Александра Михайловича: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Тип нового государства в виде Советского Союза позволил не только резко «сократить» Гражданскую войну в 1918—1921 гг., но и оказался исключительно эффективным в большой войне 1941—1945 гг. Это тоже «сэкономило» русскому народу много крови (если говорить точнее, спасло его). Представьте, что к немцам присоединились не только часть чеченцев и крымских татар, а вообще все нерусские народы.

В чем было отличие проекта Ленина от всех других проектов того времени, которое позволило «остановить Россию над про-

пастью» — утихомирить революцию? Здесь требуется поразмыслить, официальная история этого нам не объясняет. Мы уже отметили вещь очевидную: проект Ленина не вошел в конфликт с главными, непобедимыми силами России. Более того, он был в сути своей признан справедливым даже многими противниками (одними раньше, другими позже). Вопрос в другом: почему Ленин смог нащупать этот путь?

Выскажу свою гипотезу. Читая сегодня Ленина со знанием тех исторических обстоятельств, которых и сам он тогда не знал, я вижу коренное его отличие от вождей других политических сил в том, что Ленин разом схватывал и чаяния главных частей народа, и их «выраженные» интересы. Беря чаяния за ориентир, за направление пути, он строил путь исходя из актуальных требований — но не подчинялся им! Не потакал. И не потакал даже своим собственным догмам и убеждениям (например, почерпнутым из марксизма). Он, не отрываясь от «своих» людей, вел их к цели — даже вопреки их конъюнктурным интересам и настроениям. Он мог их вести, потому что они, даже проклиная большевиков, чувствовали скрытую правду этого пути.

Никто другой это совместить не мог. Идеалисты (каких много было среди белых и среди интеллигенции) ненавидели «чернь» за противоречие между чаяниями и внешними интересами, готовы были уничтожить «хама» за это противоречие. Другие — кто по трусости, кто из-за комплекса «вины перед народом» — заискивали именно перед его расхожими суждениями.

Указанную способность Ленина, за которой стояли ум, чистая совесть и большое мужество, видно из того, как он овладел главным течением революции. Это главное течение (по выражению М.М.Пришвина, революция «скифов» или «горилла поднялась за правду») шло под лозунгом «Вся власть Советам!». Эти слова нам настолько привычны, что мы о них и не думаем. Но давайте задумаемся — ведь это страшные слова. Когда Ленин их поддержал в апреле 1917 г., просвещенные социал-демократы его посчитали сумасшедшим. Ведь это — лозунг анархии, полного уничтожения государства, построение крестьянской утопии под названием «Земля и воля».

Странно, что почти никто не может ответить на простой вопрос: что такое были Советы в конце 1917 г.? На ум приходят наши привычные сельсоветы и райисполкомы. Но ведь ничего этого не было! До выборов 1924 г. Советы представляли собой не государственную власть, а «прямую демократию». На заво-

дах все работники составляли Совет, в деревне — сельский сход. Они посылали своих представителей в крупные Советы (которые тогда называли «совдепами» — в отличие от просто Советов). Действия Советов были независимы, они не регулировались законами, у них была вся власть. С точки зрения нормального государственного управления это был хаос (иностранные обществоведы даже в 30-е годы признавали, что они не могут не только объяснить, но даже и описать систему Советской власти). Достаточно сказать, что многие местные Советы не признали Брестский мир и считали себя в состоянии войны с Германией.

И в то же время именно в Советах были зерна той власти, которой «чаяли» крестьяне и рабочие. Именно Ленин в своем проекте создавал образ нового государственного устройства, превращал хаос Советов в Советское государство. И речь шла о борьбе на два фронта — против анархизма Советов («бунта») и против левых партий, которые потакали «бунту» и по всем главным вопросам исходили из принципа «меньше государства!». Сегодня легко нашим кабинетным трибунам проклинать номенклатуру. А тогда принцип подбора советских кадров, который включал их в общегосударственную систему, был важнейшим шагом к соединению всех Советов в единую систему.

Нам трудно сегодня продираться сквозь ту ложь и полуправду, которыми насытили воздух нынешние противники Ленина. Уже десять лет как в сознание нагнетается миф, будто Ленин опирался на «чернь», на «люмпенов», на отсталое мышление. Редкий демократический политик или журналист не помянул Ленина, который якобы заявил, что управлять государством должна простая кухарка. Возникла даже привычная метафора «ленинской кухарки».

В действительности В.И. Ленин писал в известной работе «Удержат ли большевики государственную власть»: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели».

Таким образом, Ленин говорит совершенно противоположное тому, что ему приписывала буквально вся демократическая пресса — при поддакивании почти всей интеллигенции. Более того, он специально заостряет проблему, чтобы показать, насколько примитивно мышление демократов «февральского» помета. Для него кажется очевидным, что любая кухарка *не способна* [находясь в состоянии кухарки] управлять государством

(«верить в это было бы утопией»). Нет речи и о том, что кухарка *должна* управлять государством.

Стоит читателю задуматься: как же назвать поведение множества респектабельных интеллектуалов, которые продолжали вбивать людям в голову миф о «ленинской кухарке» — несмотря на то, что им неоднократно пытались указать на их ошибку. И лично, и через печать. Тогда, в 1988—1990 гг., мы еще понять не могли: как же так можно? Ты ему тычешь под нос книгу с точным текстом, а он моргает и через полчаса снова про Ленина и кухарку.

Но важна и вторая часть темы. Наши демократы, солгав в первой части, никогда не цитировали и продолжение мысли Ленина, мысли именно демократической. Он продолжал после *согласия* с кадетами (!) и др.: «Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники».

Именно в этом сочетании суть. Ленин, возглавив движение «Вся власть Советам!», смог овладеть этим процессом, а не вставать у него на дороге. А овладев процессом, он смог «укротить Советы» и направить их энергию на самопостроение сильного государства.

Посмотрите на тот тлен и распад, который мы наблюдаем сегодня, и станет понятно, почему Есенин сказал о Ленине: *«тот, кто спас нас»*.

А что касается роли Ленина как деятеля, открывшего пути к лучшему будущему, — это другая тема.

Глава 6

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Важнейшим испытанием, когда народ был снова поставлен перед выбором, стала *Гражданская война и иностранная интервенция* 1918—1921 гг.

Война — самое крайнее, острое выражение политики, когда выявляется суть всех институтов государства. Война — эксперимент над государством, открывающий историку важное знание. Советское государство прошло через две тотальные войны, когда столкновение было совершенно непримиримым. Первой была Гражданская война 1918—1921 г., сопряженная с ино-

странной военной интервенцией. Роль Запада в порождении нашей Гражданской войны у нынешних поколений как-то недооценивается. А в то время она была всем очевидна. Ленин говорил 2 декабря 1919 г. как о вещи общеизвестной: «Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании...». Вальтер Шубарт писал в книге «Европа и душа Востока»: «С 1914 года мы вошли в столетие западно-восточной войны». В 1918—1921 гг. Запад вел ее в основном руками российских белых, а потом поляков.

Гражданская война — катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже самую личность человека, она носит тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство в целом. В ходе Гражданской войны в России погибли несколько миллионов человек (количественные оценки резко различаются). Подавляющее большинство погибших потеряли жизнь не от «организованного насилия» — на поле боя или от репрессий, — а от голода, болезней и особенно эпидемий (тифа), а также от «молекулярных», местных конфликтов, не связанных с целями воюющих сторон.

Вялотекущая гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности. Военные столкновения и вспышки насилия большей или меньшей интенсивности происходили до конца 1917 г., и события Октября не выделялись из этой череды. Например, «корниловский мятеж» в августе по своим размерам был гораздо более крупной войсковой операцией. Но в тот период еще не существовало необходимой для войны психологической основы — стороны расходились миром или дело ограничивалось небольшими стычками. Взаимная ненависть назревала постепенно. Важным моментом в этом процессе было образование на Юге России Добровольческой армии белых и изданный в январе 1918 г. генералом Л.Г.Корниловым приказ: «пленных не брать».

Надо вспомнить важнейший исторический факт принятия вполне сознательного решения о начале Гражданской войны. Она вовсе не выросла из стихийных волнений крестьян или казаков против Советской власти — эти волнения были фоном всей политической жизни России с марта 1917 г. и вовсе не

обязательно должны были «сложиться» в войну. Фактически решение о войне было принято на Западе и реализовано в виде интервенции и мятежа чехословацкого корпуса. Именно это и послужило *для эсеров* сигналом к объявлению войны Советскому государству. Вот слова В.М.Чернова об этом решении, которое последовало после начала мятежа белочехов: «В этих условиях в июне 1918 г. Поволжский областной комитет ПСР [партии социалистов-революционеров] заключил с уральским казачьим войском союз для ликвидации большевистской диктатуры и провозглашения власти Учредительного собрания в Поволжье и Приуралье. Центральный комитет ПСР... этот союзный договор утвердил».

Далее белочехи заняли Самару, и 8 июня эсеры образовали Комитет членов Учредительного собрания, который объявил себя верховной властью в России, а затем начал мобилизацию в армию. 30 июня 1918 г. в Омске при участии интервентов было создано Сибирское правительство из меньшевиков, эсеров и кадетов. Оно провозгласило «государственную самостоятельность Сибири». Цепь этих акций и была началом полномасштабной Гражданской войны.

Таким образом, для всего понимания этого периода истории мы обязаны твердо запомнить и обдумать этот факт: Гражданская война против Советской власти не выросла стихийно, она была начата и даже *объявлена* в результате вполне конкретных решений, принятых вполне конкретными политиками. И начата была эта война *социалистической революционной партией*. Но той партией, которая вступила в союз с российской буржуазией и с Западом — против того большого проекта, который был порожден традициями и историей русского народа. И в этом столкновении изначально «белые» вовсе не были патриотами, которые хотели спасти царя-батюшку и Русь-матушку от злых большевиков-марксистов, агентов еврейского социализма. Главнокомандующий Русской армией (белых войск в Крыму) П.Н.Врангель назначил министром иностранных дел белого правительства бывшего марксиста П.Б.Струве.

Официальная советская история героизировала Гражданскую войну и создала ряд упрощающих мифов. Сегодня, в условиях общего культурного кризиса, легче эти мифы преодолеть. Легче — не значит легко, но это надо сделать.

Во-первых, Гражданская война была порождена не только классовым, но и *цивилизационным* конфликтом — по вопросу о том, как надо жить в России, в чем *правда* и *совесть*. В важной

работе П.А.Сорокина «Причины войны и условия мира», опубликованной в 1944 г., он пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения»*.

Народ России в разгар войны был расколот примерно пополам (значит, не по классовому признаку). В армии Колчака, например, были воинские части из ижевских и воткинских рабочих. Очень важен для понимания характера конфликта раскол культурного слоя, представленного офицерством. В Красной Армии служили 70—75 тыс. офицеров, т.е. 30% всего офицерского корпуса России (из них 12 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40%), остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте. В Красной Армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой — 750. Цвет российского офицерства разделился пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, не становились на «классовую позицию» большевиков и не вступали в партию. Они выбрали *красных* как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли *белые*.

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими талантливый марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, поддерживавшие большевиков (в этих Советах русские были в большинстве). В феврале 1918 г. Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Само собой, турки пошли в наступление, легко разбили грузин, и тем пришлось призвать на помощь немецкую армию, а потом и британскую. Какова же была внут-

*Сорокин П.А. Причины войны и условия мира. — СОЦИС, 1993, № 12.

ренная политика правительства Жордании? Типично социалистическая. Была проведена стремительная аграрная реформа — земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19% занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии — непримиримый враг Октябрьской революции, ведущий войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!». Дело, конечно, не в речи. Важнее, например, что Жордания считал крестьянство частью буржуазии, и аграрная реформа свелась к приватизации земли на началах чистого индивидуализма и с сознательным подрывом всяких общинных отношений в деревне.

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф.Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России». Он был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов. Находясь в ссылке в Сибири, он, по его признанию, «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния, очистился для западноевропейского влияния». В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX века. Даже не верится, как можно с такой точностью повторять старые тезисы.

Кстати, чтобы знали нынешние украинские патриоты, правовым основанием для войны против РСФСР Пилсудский считал подписанный 21 апреля 1920 г. тайный договор с С.Петлюрой, которого сегодня так чтят наши украинские друзья. Петлюра был интернирован в Польше и подписал с Пилсудским договор, согласно которому «Украинская Народная республика» уступала Польше Галицию и ряд других областей — до гра-

ниц 1772 г.! За это Польша бралась восстановить власть Директории на Украине. Текст договора можно прочесть в 5-м томе изданных в 1989 г. в Варшаве документов Пилсудского.

Важно подчеркнуть, во-вторых, что война белых против Советского государства не имела целью реставрировать Российскую империю в виде монархии. Это была «война Февраля и Октября» — столкновение двух революционных проектов*. Монархически настроенные офицеры в Белой армии были отеснены в тень, под надзор контрразведки (в армии Колчака действовала «тайная организация монархистов», а в армии Деникина, согласно его собственным воспоминаниям, монархисты вели «подпольную работу»). Виднейший деятель Белой армии генерал Елазов-Крымский (прообраз генерала Хлудова в пьесе М.Булгакова «Бег») писал, что по своим политическим убеждениям эта армия была «мешаниной кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов». Во всех созданных белыми правительствах верховодили деятели политического масонства России, которые были непримиримыми врагами монархии и активными организаторами Февральской революции. Противником сильной царской империи был и Запад, который на деле и определял действия белых.

Приняв от Антанты не только материальную, но и военную помощь в форме иностранной интервенции, антисоветская контрреволюция быстро лишилась даже внешних черт патриотического движения и предстала как прозападная сила, ведущая к потере целостности и независимости России (Колчак называл себя «кондотьером»). Это во многом предопределило утрату широкой поддержки населения и поражение Белой армии. Напротив, Красная Армия все больше воспринималась как сила, восстанавливающая государственность и суверенитет России.

Бескровно получив власть в октябре 1917 г., Советское правительство, естественно, делало все возможное, чтобы избежать гражданской войны. Известный тезис о «превращении войны империалистической в войну гражданскую» имел чисто теоретический характер и, поскольку до Февраля большевики поли-

*Вторым сходным по ожесточению, но краткосрочным столкновением, уже внутри лагеря красных, были репрессии 1937—38 гг. Это была одна из кампаний большой гражданской войны в России. И в этом случае речь шла о непримиримых цивилизационных противоречиях (во всяком случае, более глубоких, нежели между большевиками и монархистами).

тического влияния не имели, никакого воздействия на общественную практику не оказал. После Февраля он был снят и заменен лозунгом справедливого демократического мира. После Октября, во время наступления немцев, был выдвинут лозунг «Социалистическое Отечество в опасности».

С целью предотвратить столкновение было сделано много примирительных жестов: отмена смертной казни (это был первый декрет II съезда Советов), освобождение без наказания участников первых антисоветских мятежей, в том числе их руководителей (генералов Корнилова, Краснова и Каледина); многократные предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха) и амнистия в честь первой годовщины Октября.

В целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома ВЧК «анархистских центров» в Москве Н.Махно летом 1918 г. приезжал в Москву и имел беседы с Лениным и Свердловым.

Первые месяцы Советской власти породили надежды на мирный исход революции без крупномасштабной войны. О том, что эти надежды советского руководства были искренними, говорят планы хозяйственного и культурного строительства и особенно начавшаяся реализация крупных программ. Например, открытие в 1918 г. большого числа (33) научных институтов, организация ряда геологических экспедиций, начало строительства сети электростанций или программа «Памятники республики»*. Никто не начинает таких дел, если считает неминуемой близкую войну.

В целом Советское государство создавало механизм, подавляющий тенденцию к гражданской войне, но сила его оказалась недостаточной. Даже для тех действий, которые сегодня

*Эта программа была предписана декретом СНК и утверждена 30-го июля 1918 г. Только в Москве и Петрограде предполагалось установить 167 памятников великим революционерам и деятелям мировой и русской культуры (например, Андрею Рублеву, Тютчеву, Врубелю).

многие относят к разряду ошибочных или преступных, в тот момент было трудно предсказать итоговый эффект с точки зрения разжигания или гашения войны. К таким действиям относится *красный террор*.

Надо сделать общую оговорку. Подходить к социальным конфликтам масштаба революции с позиции абстрактного гуманизма в лучшем случае наивно. Более того, отказ государственной власти от насилия (философский образ такой власти в русской истории представлен царем Федором Иоанновичем) ведет к Смуте и самым большим по масштабам страданиям населения. В условиях кризиса государственности принципом реального гуманизма является политика, ведущая к *минимуму* страданий и крови, а не к их отсутствию.

Террор (от французского слова *ужас*) государства обычно имеет целью подавить эскалацию действий его внутренних врагов созданием обстановки страха, парализующего волю к сопротивлению. Для этого проводится краткая, но интенсивная и, главное, наглядная, вызывающая шок репрессия. Принцип террора — неотъемлемая часть революционной традиции Нового времени, он юридически обоснован Робеспьером и философски — Кантом. Робеспьер писал: «В революцию народу правительству присущи одновременно добродетель и террор: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна». В России все революционные партии принимали идею террора, социал-демократы отрицали лишь террор индивидуальный. Противниками любого террора были именно консерваторы и «реакционеры» (в частности, «черносотенцы»).

Советское государство объявило красный террор как ответ на обострившийся летом 1918 г. белый террор, после покушения на В.И.Ленина 30 августа (в организации белого террора были, кстати, замешаны английские спецслужбы, что признает в своих мемуарах посол Локкарт). Государственным документом, введшим эту меру, было воззвание ВЦИК (от 2 сентября), выполняющим ее органом — ВЧК. Самой крупной акцией был расстрел в Петрограде 512 представителей высшей буржуазной элиты (бывших сановников и министров, даже профессоров). Списки расстрелянных вывешивались (по официальным данным, всего в Петрограде в ходе красного террора было расстреляно около 800 человек). Прекращен красный террор был постановлением VI Всероссийского съезда Советов 6 нояб-

ря 1918 г., фактически в большинстве районов России он был закончен в сентябре—октябре.

Станкевич В.Б., занимавший в 1917 г. пост комиссара Временного правительства при Верховном главнокомандующем, в эмиграции писал, отвечая тем, кто возлагал вину за террор на большевиков: «Мы защищались». Но ведь и большевики тоже защищаются. И террор, и массовые казни появились лишь после того, как мы объявили им войну». Видимо, красный террор скорее подтолкнул к расширению Гражданской войны, чем отвратил от нее. Парализовать сопротивление Советской власти с помощью страха не удалось. Если же считать террор акцией уже начавшейся войны, то он привел к резкому размежеванию и «очистил тыл» — вызвал массовый отъезд активных противников Советской власти в места формирования Белой армии и районы, где Советская власть была свергнута (например, в Казани во время красного террора было расстреляно всего 8 человек, так как «все контрреволюционеры успели сбежать»).

Сегодня, когда хорошо изучен процесс разжигания и эскалации примерно десятка гражданских войн последних десятилетий (Ливан, Нигерия, Шри Ланка, Югославия и др.), когда выявлена роль в этом процессе государства, можно реконструировать весь период от февраля 1917 г. до конца 1918 г. как систему становления и воспроизводства гражданской войны (более строго эту систему следовало бы рассматривать начиная с 1905 г.). Советское государство было одним из действующих элементов этой системы — с очень небольшими средствами для воздействия на фундаментальные процессы самоорганизации.

За годы перестройки критики политики Советского государства в тот период, делая упор на известных дефектах и эксцессах, к сожалению, не выявили тех критических точек, на которых, по их мнению, был сделан принципиально неверный выбор. Такой структурный анализ был бы очень полезен. Даже частные решения, которые многие современные авторы представляют как явно ошибочные, выглядят по-иному, как только их помещаешь в более широкий контекст. Так, «демократизация» армии после Октября — выборность командиров и отмена символов иерархии (погон), — конечно, завершала разрушение старой армии и создавала большую опасность. Однако известно, что те корпуса и армии, где эти меры провести не удалось (1-й Польский корпус, Чехословацкий корпус, армии Румын-

ского фронта), стали готовой и организованной ударной силой, которая начала Гражданскую войну.

По-видимому, на всех фатальных «перекрестках», на которых ему приходилось делать выбор из очень малого набора вариантов, Советское государство не сделало тяжелых, а тем более *очевидных тогда* ошибок. Причина национальной катастрофы России — в совокупности массивных, фундаментальных факторов. Вопрос о том, могло ли советское правительство посредством более тонкой и точной политики предотвратить Гражданскую войну, имеет чисто академический интерес. Скорее всего ресурсов для этого у новой власти было недостаточно. Реальную ценность сегодня имеет выявление тех факторов, которые вели процесс к войне.

В качестве главной причины часто выдвигается экспроприация частной собственности (земли, предприятий, финансов). Это взгляд «от истмата». На деле никто и никогда не идет на смерть ради собственности. Причины гражданских войн лежат в сфере ценностей (идеалов): изъятие собственности важно не тем, что наносит экономический ущерб, а тем, что воспринимается как нестерпимое посягательство на порядок, признаваемый законным и справедливым. То есть к войне побуждает не рациональный интерес, а *ненависть* — категория духовная.

Наращение такой ненависти в среде имущих классов и значительной части культурного слоя России отмечалось многими наблюдателями уже начиная с лета 1917 г. До конца 1918 г. протекал период ее «созревания» и оформления ее идеологии. Темная ненависть к «восставшему хаму» приобрела культурно приемлемые формы ненависти к политической власти большевиков как узурпаторов и губителей России. Но она возникла до прихода большевиков, они лишь притянули ее к себе, как громоотвод разряжает заряд тучи. В.Шульгин пишет в воспоминаниях: «Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно, в его берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя».

На деле за политическими категориями стоял *социальный расизм* — невозможность вытерпеть власть «низших классов». Это был фундаментальный фактор, важнейшая культурная предпосылка к гражданской войне, снимавшая запрет на «убийство ближнего». Социальный расизм был характерен даже для умеренно левых философов из бывших марксистов, которые перешли на сторону противников революции. Например, Н.А.Бер-

даев излагал совершенно определенные расистские представления. В книге «Философия неравенства» он писал: «Культура существует в нашей крови. Культура — дело расы и расового подбора... «Просветительное» и «революционное» сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная, незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт». Потому и писал Есенин о Белой армии:

В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.

Идеологи либеральной интеллигенции уже с революции 1905—1907 гг. все больше и больше переходили на позиции радикального противопоставления себя народу как иной, враждебной расе. Это отразилось уже в книге «Вехи». Основная идея этой книги ясно была выражена в статье М.О.Гершензона, который писал: «каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

В значительной части буржуазии и привилегированных слоев расизм был не философским, а вполне обыденным. В ответ на этот все более интенсивно демонстрируемый расизм «простонародье», причем уже вооруженное и знающее свою силу, очень долго отвечало множеством разного рода примирительных жестов. Это отражено во многих документах эпохи (например, в очень скрупулезных дневниках писателя М.М.Пришвина, вовлеченного в гущу событий в деревне и в столицах). В целом примирительные жесты «простонародья» были имущими классами явно и четко отвергнуты. Это вызвало ответный социальный расизм, быстро достигший уровня ненависти и даже ярости. По накалу страстей Гражданская война в России на стадии столкновения добровольческих армий была сходна с войнами этническими и религиозными. В этих условиях логика и процедуры государственных органов приобретают особый характер, который бесполезно втискивать в рамки обычных представлений.

Вторым фундаментальным фактором, сыгравшим фатальную роль в возникновении Гражданской войны, был *«наполовину европейский»* тип мышления культурного слоя России — а значит, той части буржуазно-дворянской элиты, что и приняла решение разорвать гражданский мир и объявить войну новому государству. Этот тип мышления толкнул Россию к революционному и, соответственно, симметричному контрреволюционному способу разрешения противоречий в 1905 г. и в феврале 1917 г. Теперь он толкнул к Гражданской войне.

Из «освоенного наполовину» европейского рационализма интеллигенция восприняла *детерминизм* — уверенность в том, что общественным процессом, как разновидностью машины, можно управиться силой, как рычагами. Надо только скочырнуть слабую, верхушечную «машину управления» большевиков. Невидимый и мощный процесс самоорганизации народа идеологи Гражданской войны игнорировали (или, во всяком случае, недооценили). Возникла иллюзия слабости Советской власти, которая и повлекла за собой отказ от гражданского мира.

В то же время, следуя догмам европейского рационализма, идеологи Белого движения видели лишь социальный конфликт, игнорируя его *национальный* смысл. Сейчас кажется поразительным, как они могли не видеть несовместимости главных целей движения (либерально-буржуазный порядок — и «единая и неделимая Россия»). Но они действительно ее не видели. Иллюзия слабости противника усугубилась недооценкой внутренней слабости своего проекта.

Наконец, идеологи Белого движения питали необоснованные иллюзии относительно помощи Запада. Строго говоря, белые *«втянулись»* в полномасштабную Гражданскую войну вслед за иностранной интервенцией, как ее «второй эшелон». Первым актом систематической войны была высадка английских войск на Севере и мятеж чехословацкого корпуса в Поволжье. Белыми были неверно оценены и мотивы, и возможности западной помощи. Не имея здесь места, чтобы развивать эту тему, отметим лишь факт: как только правящие круги Запада убедились, что белые овладеть ситуацией в России не смогут, они прекратили их поддержку. Более перспективными для Запада стали представляться те силы внутри компартии, которые были ориентированы на «мировую революцию», то есть не на национальные интересы России, а на включение ее в глобальную систему (ее идеологическая окраска — вещь второстепенная).

Неверная оценка верхушкой белых соотношения сил толкну-

ла их к войне. Объективные, «массивные» факторы предопределили и исход этой войны. Во время Гражданской войны и мобилизация рекрутов, и реквизиция лошадей и фуража для армии проводились и белыми, и красными *насильно*. Вопрос был в том, какие усилия приходилось для этого прилагать. Причина победы красных была в том, что белым становилось все труднее и труднее пополнять армию, и в 1920 г. число новобранцев в Белую и Красную армии находились в отношении 1:5. По мере продвижения белых в их тылу вспыхивали восстания (по выражению историка Белой армии, «волна восставших низов»).

Кроме того, для населения очень важным был тот факт, который наконец-то признали историки: большевики смогли установить в Красной Армии более строгую дисциплину, чем она была в Белой. Дело тут и в идеологии, делающей упор на солидарности, и в самих философских установках — не потакать «гунну».

В Красной Армии существовала гибкая и разнообразная система воспитания солдат и действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения). Белая армия не имела для этого ни сил, ни идей, ни морального авторитета — дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать. М.М.Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

Установка советского режима на «обуздание гунна» имела особый смысл именно в России как стране с существенным развитием периферийного капитализма, испытывавшей резкое обеднение вследствие тяжелой мировой войны. Та присущая периферийному капитализму архаизация значительной части хозяйственной жизни в условиях военной разрухи приводит к появлению обнищавших, выпавших из классово-укладных рамок масс (в большой мере вооруженных). Это ведет к распаду части общества и появлению радикальных деидеологизированных сил. В этой обстановке население склоняется к поддержке той политической силы, в которой чувствует способность остановить этот распад. В.В.Крылов пишет об опыте других стран того времени: «Измельчание социальных интересов отдельных групп, примат фракционных интересов над общеклассовыми, эгоистических классовых целей над общенациональными озна-

меновался в странах, где отсутствовал прямой колониальный режим (Иран, Китай начала XX века), величайшим социальным распадом, засильем бандитских шайк и милитаристских групп, так что, например, для китайцев привлекательность русской революции была в том, что она создала могучий общественно-политический организм, воспрепятствовавший распаду этой великой державы на манер Австро-Венгрии или Османской империи». Очевидно, что тот «могучий общественно-политический организм», что привлекал китайцев, тем более привлекал жителей России — даже тех, кому он был идеологически чужд.

«Военный коммунизм». Отдельным важным этапом в экономической и социальной политике Советского государства был *«военный коммунизм»*. Он был даже больше чем политикой, на время он стал образом жизни и образом мышления — это был особый, чрезвычайный период жизни общества в целом. Поскольку он пришелся на этап становления Советского государства, на его «младенческий возраст», он не мог не оказать большого влияния на всю последующую его историю, стал частью той «матрицы», на которой воспроизводился советский строй. Сегодня мы можем понять суть этого периода, освободившись от мифов как официальной советской истории, так и вульгарного антисоветизма.

Главные признаки военного коммунизма — перенос центра тяжести экономической политики с производства на *распределение*. Это происходит, когда спад производства достигает такого критического уровня, что главным для выживания общества становится распределение того, что имеется в наличии. Поскольку жизненные ресурсы при этом пополняются в малой степени, возникает их резкая нехватка, и при распределении через свободный рынок их цены подскочили бы так высоко, что самые необходимые для жизни продукты стали бы недоступны для большей части населения. Поэтому вводится *нерыночное, уравнилельное распределение*.

На нерыночной основе (возможно, даже с применением насилия) государство отчуждает продукты производства, особенно продовольствие. Резко сужается денежное обращение в стране. Деньги исчезают во взаимоотношениях между предприятиями. Продовольственные и промышленные товары распределяются по карточкам — по фиксированным низким ценам или бесплатно (в Советской России в конце 1920 — начале 1921 г. даже

отменялась плата за жилье, пользование электроэнергией, топливом, телеграфом, телефоном, почтой, снабжение населения медикаментами, ширпотребом и т.д.). Государство вводит всеобщую трудовую повинность, а в некоторых отраслях (например, на транспорте) военное положение, так что все работники считаются мобилизованными.

Все это — общие (структурные) признаки «военного коммунизма», которые с той или иной конкретно-исторической спецификой проявились во всех известных в истории периодах этого типа. Наиболее яркими (вернее, изученными) примерами служит военный коммунизм во время Великой Французской революции, в Германии во время Первой мировой войны, в России в 1918—1921 гг., в Великобритании во время Второй мировой войны.

Тот факт, что в обществах с очень разной культурой и совершенно разными господствующими идеологиями в чрезвычайных экономических обстоятельствах возникает очень сходный уклад с уравнительным распределением, говорит о том, что это единственный способ пережить трудности с минимальными потерями человеческих жизней. Возможно, в этих крайних ситуациях начинают действовать инстинктивные механизмы, присущие человеку как биологическому виду. Возможно, выбор делается на уровне культуры, историческая память подсказывает, что общества, отказавшиеся в такие периоды от солидарного распределения тягот, просто погибли. Во всяком случае, «военный коммунизм» как особый уклад хозяйства не имеет ничего общего ни с коммунистическим учением, ни тем более с марксизмом. Сами слова «военный коммунизм» просто означают, что в период тяжелой разрухи общество (*социум*) обращается в общину (*коммуну*) — как *воины*.

В последние годы ряд авторов утверждает, что «военный коммунизм» в России был попыткой ускоренного осуществления марксистской доктрины построения социализма. Если это говорится искренне, то перед нами прискорбное невнимание к структуре важного общего явления мировой истории. Риторика политического момента почти никогда верно не отражает сути процесса. В России в тот момент, кстати, взгляды так называемых «максималистов», считающих, что «военный коммунизм» станет трамплином в социализм, вовсе не были господствующими в среде большевиков.

Серьезный анализ всей проблемы «военного коммунизма» в связи его с капитализмом и социализмом дан в книге видного

теоретика РСДРП(б) А.А.Богданова «Вопросы социализма», вышедшей в 1918 г. Он показывает, что «военный коммунизм» есть следствие *регресса* производительных сил и социального организма. В мирное время он представлен в армии как обширной авторитарной потребительской коммуне. Однако во время большой войны происходит распространение потребительского коммунизма из армии на все общество. А.А.Богданов дает именно структурный анализ явления, взяв как объект даже не Россию, а более чистый случай — Германию. Из этого анализа вытекает важное, выходящее за рамки истмата положение: структура военного коммунизма, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий (окончания войны) сама собой не распадается. Выход из военного коммунизма — особая и сложная задача. В России, как писал А.А.Богданов, решить ее будет особенно непросто, поскольку в системе государства очень большую роль играют Советы *солдатских* депутатов, проникнутые мышлением военного коммунизма.

Соглашаясь с видным марксистом, экономистом В.Базаровым в том, что военный коммунизм — «ублюдочный» хозяйственный уклад, А.А.Богданов показывает, что социализм не входит в число его «родителей». Это — порождение капитализма и потребительского коммунизма как чрезвычайного режима, не имеющего никакой генетической связи с социализмом как прежде всего новым типом сотрудничества в *производстве*. А.А.Богданов указывает и на большую проблему, которая возникает в сфере идеологии: «Военный коммунизм» есть все же коммунизм; и его резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвоения создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление».

К сожалению, уровень рассмотрения проблемы военного коммунизма в России в 90-е годы был намного ниже, чем в 1918 г. Ниже и уровень интеллектуальной ответственности: ни один автор, критикующий политику «военного коммунизма» в 1918 г., не сказал, каким образом следовало обеспечить город минимумом хлеба, не прибегая к такой мере.

Чрезвычайные продовольственные меры. Эти меры были наиболее очевидной и понятной частью «военного коммунизма». Декретом ВЦИК 9 мая 1918 г. в стране была введена *продовольственная диктатура*. Наркомупро продовольствия были предоставлены чрезвычайные полномочия. Хлебная монополия и твер-

дые цены были введены еще Временным правительством, но не выполнялись. Советский декрет был более суров, он предусматривал применение вооруженной силы в случае оказания противодействия «отбиранию хлеба или продовольственных продуктов». Все организации и учреждения обязывались «безоговорочно и немедленно» исполнять все распоряжения наркомма, касающиеся продовольственных вопросов. Крестьянам устанавливались нормы душевого потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т.д. Сверх этого весь хлеб считался излишками и подлежал отчуждению.

Летом и осенью 1918 г. Наркомпрод посылал в хлебные районы страны рабочие продовольственные отряды. Половина добытого ими зерна поступала предприятию, сформировавшему отряд, половина передавалась Наркомпроду. Был также издан декрет, по которому в хлебных местностях 85% стоимости товаров, отпущенных кооперативам, крестьяне должны были оплачивать не деньгами, а натурой. Была также сделана попытка (30 октября 1918 г.) ввести продналог. Из нее ничего не вышло, поскольку вся система сбора налогов рухнула.

Предприятиям было также дано право получать земельные участки и создавать на них подсобные хозяйства (совхозы) для своих нужд. В условиях начавшейся войны широко такая практика применяться не могла. В европейской части России (без Украины) в 1918 г. имелось 3100 совхозов, в 1919 г. — 3500 и в 1920 г. — 4400. Примерно половина совхозов была подсобными хозяйствами заводов. Продуктивность их была невелика, а главное, их появление враждебно встретили крестьяне, которые увидели в этом «восстановление помещиков под советским флагом». Директора совхозов занимали дома помещиков, а порой и сами бывшие помещики возвращались в свои дома в качестве директоров совхозов. Большой роли в снабжении городов совхозы не сыграли.

Докладывая на V Всероссийском съезде Советов, нарком продовольствия Цюрупа заявил, что для получения хлеба были использованы все обычные средства и «только когда ничего не получается, только тогда пускаются отряды». В отряды сначала рабочие посылались по очереди. Например, до января 1919 г. Петроградский Совет направил 189 отрядов общей численностью 72 тыс. человек. Эти отряды составили затем единую Продармию, которая к декабрю 1918 г. насчитывала 41 тыс. человек. Продармия была включена в состав войск внутренней охраны Республики (ВОХР).

11 января 1919 г. СНК принимает декрет о *продовольственной разверстке*, согласно которому все количество хлеба и фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось между производящими хлеб губерниями и дальше — между уездами, волостями, деревнями и дворами (использовался принцип круговой поруки). Крестьянам оставляли определенное количество продовольствия для питания, фураж для скота и зерно для посева. Все остальное зерно подлежало изъятию за деньги (так как деньги потеряли в то время свое значение, фактически у крестьян отбирали излишки хлеба бесплатно).

Эти чрезвычайные меры дали определенные результаты. Если в 1917/18 г. было заготовлено только 30 млн. пудов хлеба, то в 1918/19 г. — 110 млн. пудов, а в 1919/20 г. — 260 млн. пудов. Угроза голодной смерти (но не угроза голода) в городах и в армии была устранена. Пайками было обеспечено практически все городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн. человек). Впервые система дифференцированных пайков (три категории) была введена в августе 1918 г. в Москве и Петрограде. В 1920 г. система пайков постепенно была заменена оплатой труда натурой. Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн. семей военнослужащих.

За счет прямого внерыночного распределения городское население получало от 20 до 50% потребляемого продовольствия (эта величина колебалась от губернии к губернии). Остальное давал черный рынок («мешочничество»), на который власти смотрели сквозь пальцы. В сентябре 1918 г. рабочим было разрешено привозить в город продукты питания в количестве до полутора пудов (мешочники даже стали называться «полуторापудовики»). Эта временная мера продлевалась, а потом негласно была узаконена. Было также разрешено заготавливать продукты заводам и фабрикам для своих работников. Очень большое значение имел и тот факт, что Советское правительство сумело наладить сотрудничество с имевшейся в России огромной сетью потребительской кооперации и через нее организовать прямой товарообмен. Вообще, реальная история того периода поражает разнообразием и изобретательностью тех подходов, которые пробовали и применяли и государственные органы, и предприятия, и граждане, чтобы организовать распределение жизненно необходимых продуктов и товаров.

В последнее время, особенно в годы перестройки, чрезвычайные продовольственные меры Советского государства трак-

товались в прессе крайне поверхностно, а часто и недобросовестно. Во главу угла при этом были поставлены идеологические мотивы, а это вредит познанию. Применение Советской властью чрезвычайных мер — вопрос большой и принципиальный, и продрозверстка заслуживает особого разговора.

Ни одно правительство не вводит чрезвычайные меры без крайней необходимости, ибо они дороги и вызывают недовольство большей или меньшей части населения. Идя на чрезвычайные меры, правительство тратит свой политический «капитал». Поэтому вопрос стоит так: что вызовет большие по масштабу страдания — применение чрезвычайных мер или отказ от них? Ответ на это может дать лишь конкретный, а не идеологический анализ.

Твердые цены, запрет на спекуляцию, реквизиции хлеба — издавна известные меры предотвращения голода. В широких масштабах, как единая и всесторонне рассмотренная государственная программа, они были применены в 1793—1794 гг. во Франции. Этот опыт был хорошо изучен, из него был сделан ряд важных выводов для экономической теории. Он был известен и большевикам. Позднее, в 1928 г. был даже издан перевод книги ведущего историка Французской революции А.Матьеза «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» — скрупулезное описание французской «продрозверстки».

Вот главные ее уроки. Чрезвычайные продовольственные меры во Франции были введены сторонниками экономического *либерализма*, принципиальными противниками любого государственного регулирования рынка. Значит, дело не в доктринах и не в теориях. Меры были исключительно жесткими. Первым законом предписывалось реквизировать у земледельца лишь излишек урожая. Крестьянину оставляли «семейный запас» (достаточный для пропитания семьи в течение года) и семена для посева.

Позднее Конвент специальным декретом отменил семейный запас, и Продовольственная комиссия «превратила все продовольственные запасы республики в общую собственность». Проводились обыски домов и квартир, изымалось почти все продовольствие. Единой для всей страны нормы оставляемого жителям хлеба установлено не было, но она везде была очень мала. Например, в округе Шомон она составляла 1 пуд, то есть 16 кг на жителя, излишек он должен был сдать на военный склад в течение 5 дней. Реквизиции проводились национальной гвардией и часто сопровождалась боями. Были введены хлеб-

ные карточки и смертная казнь за спекуляцию. По словам А.Матьеа, результат был таков: «правительство Робеспьера спасло рабочую Францию от голода».

Известно, что государство царской России было добито нехваткой хлеба в городах в начале 1917 г. Предотвратить этот исход царское правительство пыталось теми же методами, что и во Франции. Когда в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», были установлены твердые цены и начались реквизиции. Они ударили только по крестьянам. 23 сентября 1916 г. правительство объявило продразверстку и ввело ее со 2 декабря. К 31 декабря она должна была быть доведена до каждого двора. Количество подлежащего сдаче хлеба составляло 772 млн. пудов. Как видим, вроде бы не имеющие никакого отношения к коммунистам министры царского правительства идут на меру, присущую «военному коммунизму».

Очевидно, что введенная Советским правительством продразверстка имела сравнительно небольшие масштабы: в 1914/15 г. правительственные заготовки составили, например, 302 млн. пудов — при наличии к тому же нормального еще рынка, а в 1919/20 г. — 260 млн. пудов. Продразверстка 1918—1920 гг. была весьма мягкой по сравнению не только с французской, но и с той, что была объявлена царским правительством на 1917 г.

Объявленная на 1917 г. продразверстка провалилась исключительно из-за слабости аппарата царского правительства, саботажа и коррупции чиновников. В феврале М.В.Родзянко подает Николаю II записку, в которой предупреждает о грядущей катастрофе: «Предполагалось разверстать 772 млн. пуд. Из них по 23 января было теоретически разверстано: 1) губернскими земствами 643 млн. пуд., 2) уездными земствами 228 млн. пуд. и, наконец, 3) волостями только 4 млн. пуд. Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки». Неспособность правительства осуществить продразверстку погубила Российскую империю.

Временное правительство, будучи по своей философии буржуазно-либеральным, тем не менее также вводит хлебную монополию — уже 25 марта. Все излишки зерна и фуража были объявлены государственной собственностью.

В литературе есть сведения, что большое количество продовольствия поступало на рынок через потребительскую кооперацию (360 млн. пудов за 8 месяцев существования Временного правительства), но, видимо, для большей части населения ры-

ночные цены были недоступны. За 1916 г. (до Февральской революции) цена на ржаной хлеб, главный тогда продукт питания в городах, выросла на 170%, между Февралем и Октябрем — на 258%, а между Октябрьской революцией и маем 1918 г. — на 181%.

Как пишет Н.Н.Суханов, 16 октября 1917 г. на заседании Предпарламента выступил министр продовольствия С.Н.Прокопович, который заявил, что «хлебная монополия, несмотря на удвоение цен, в условиях бестоварья оказывается недействительной и... при данном положении дел для хлебных заготовок придется употреблять военную силу». Таким образом, Временное правительство приходит к выводу о необходимости выполнения введенной еще царским правительством продразверстки уже с помощью *продотрядов* — но также не может провести продразверстку в жизнь из-за беспомощности государственного аппарата.

Продразверстка, введенная Советским правительством, была успешной не из-за жестокости продотрядов (хотя эксцессов не могло не быть). Причина в том, что крестьянство, получившее от Советской власти землю и освобожденное от долгов, выкупных и арендных платежей, не пошло на конфликт с властью (хотя, разумеется, реквизициям сопротивлялись, нередко возникали и вооруженные столкновения). Обеспечить минимальное снабжение города через рынок при быстрой инфляции, разрухе в промышленности и отсутствии товарных запасов, очевидно, было невозможно. Реально покупать хлеб на свободном рынке рабочие не могли.

В 1990 г. в США вышла большая книга профессора Калифорнийского университета Ларса Ли «Хлеб и власть в России. 1914—1921». Он сравнивает продовольственную политику царского, Временного и Советского правительств. По мнению Л.Т.Ли, только большевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения и тем укрепили свою власть. Более того, вопреки созданному нашими демократами ложному представлению, продразверстка (из которой, а не *вопреки* которой вырос и продналог) укрепила авторитет большевиков и среди крестьян. Крестьяне, пишет Л.Т.Ли, «поняли, что политическая реконструкция [восстановление государства] — это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики — это единственный серьезный претендент на суверенную власть».

Напротив, действия белых в отношении голода, от которого страдало население России в целом, носили идеологизирован-

ный характер. Находившееся в Париже Русское политическое совещание, которое было учреждено Деникиным и провозгласило себя руководящим центром «белого дела» (его возглавил бывший председатель Временного правительства князь Г.Е.Львов), 4 мая 1919 г. выступило с протестом против плана оказания продовольственной и медицинской помощи бедствующему населению России. Речь идет о плане, предложенном в апреле норвежским ученым и путешественником Ф.Нансеном. Такие акции подрывали легитимность Белого движения.

При проведении продразверстки Наркомпрод некоторое время опирался на особые чрезвычайные организации — *комитеты бедноты*. Они были созданы по декрету ВЦИК от 11 июня 1918 г. Перед комбедами стояли две задачи: распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельхозорудий среди сельской бедноты; содействие продовольственным органам в изъятии излишков хлеба у кулаков (за это часть зерна предоставлялась самим комбедам до 15 июля бесплатно, а затем с большой скидкой). В состав комбедов могли входить все жители села, кроме кулаков. В ряде губерний комбеды стали низовым аппаратом Наркомпрода, помогали продотрядам, вели борьбу со спекуляцией, создавали коммуны, общественные столовые, ясли и т.д.

Расчет был на то, что создание комбедов расколует деревню и приведет к изоляции кулака. В целом этот расчет не оправдался, поскольку удельный вес бедноты на селе резко снизился. Радикализм многих комбедов создал опасность конфликта власти как раз с середняками. Возникла напряженность между комбедами и Советами. Этот опыт был завершен тем, что в конце 1918 г. на комбеды было возложено проведение перевыборов Советов. Возникновение окрепших Советов сделало комбеды как чрезвычайные органы излишними, и они были упразднены в ноябре 1918 г. на VI съезде Советов. На Украине, где социальное расслоение на селе было более резким, чем в России, «комитеты незаможных крестьян» пережили даже введение нэпа. На примере комбедов видно, как исторические мифы искажают общественное сознание. Комбеды просуществовали всего пять месяцев (а реально действовали еще меньше), но в массовом сознании было создано мнение, будто они вершили власть на селе чуть ли не вплоть до коллективизации.

Советское государство и Церковь. Одной из важных «кампаний» Гражданской войны в России был конфликт Советской власти с Церковью. Этот конфликт вплоть до стабилизации го-

сударства в середине 20-х годов носил исключительно острый, сложный и тяжелый характер. Он отразил богоборческий (то есть подспудно религиозный) пафос большевизма — и в то же время глубокий, до времени скрытый конфликт между двумя течениями в самом большевизме. Примечательно, что жестокие удары, нанесенные в 20-е годы по Церкви, не были использованы в антисоветской кампании во время перестройки. Причина этого в том, что главные идеологи и исполнители антицерковной акции (Л.Д.Троцкий и ряд других) стали впоследствии жертвами сталинских репрессий, которые в отношении этих людей выглядели как возмездие или по меньшей мере как ритуал, необходимый для национального примирения. Так что лучше было этот вопрос замять, и в идеологической кампании перестройки главная ставка делалась поэтому на тему репрессий 1937—1938 гг. как наиболее сильно воздействующей на сознание интеллигенции.

Любое идеократическое государство, возникающее революционным путем, неминуемо вступает в конфликт с Церковью, которая была важнейшей частью старой государственности. Сосуществование на равных двух «носителей истины» — двух структур, претендующих на статус высшего арбитра в вопросах общей этики, невозможно. Даже такая «рациональная», целиком выросшая на идеалах Просвещения революция, как Великая Французская, в момент накала страстей проявила свой религиозный характер и на время «свергла» старых богов. 7 мая 1794 г. Конвент принял декрет о Верховном Существо, согласно которому каждый француз был обязан верить в существование этого демиурга и в бессмертие души.

Советское государство оказалось в таком же положении. Мирное разделение «сфер влияния» с Церковью могло быть сделано лишь в стабильный период, гораздо позже. Коммунистическое учение того времени в России было в огромной степени *верой*, особой религией, во имя которой большевики и повели борьбу с «неправильной» верой. М.М.Пришвин записал в своем дневнике 7 января 1919 г.: «Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального изнутри, бессознательно во имя нового бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога». Разрушение Храма Христа Спасителя с проектом построить на его месте Дворец Советов проявляет именно религиозный характер конфликта с

традиционным устройением нового храма именно на развалинах прежнего (затягивание стройки и «спускание на тормозах» всего ее проекта говорит о восстановлении здравого смысла, изживании религиозного компонента в советской идеологии).

Формы конфликта с Церковью (как и ряда других конфликтов) были обострены из-за того, что общая в первые месяцы уверенность в недолговечности режима большевиков толкнула Церковь на открытое выступление против Советской власти. 15 декабря 1917 г. Собор принял документ «О правовом положении Православной российской церкви», который явно шел вразрез с принципами Советской власти. Например, Православная церковь объявлялась первенствующей в государстве, главой государства и министром просвещения могли быть только лица православной веры, преподавание Закона Божьего в государственных школах для детей православных родителей обязательно и т.д.

19 января 1918 г. патриарх Тихон предал Советскую власть анафеме, и большая часть духовенства стала сотрудничать с белыми*. На это ответили «Декретом об отделении церкви от государства», целесообразность которого до этого вызывала сомнения в партии (хотя тезисы декрета были опубликованы ранее). Часть клира, включая некоторых иерархов, попала под репрессии, особенно во время красного террора. По архивным данным, в 1918 г. были расстреляны 827 священнослужителей (в 1919 г. — 19).

После окончания Гражданской войны была начата организованная кампания против Церкви (в частности, ликвидация по всей стране мощей православных святых и закрытие монастырей). Главный удар был приурочен к страшному голоду в Поволжье 1921 г. в виде кампании по изъятию церковных ценностей для помощи голодающим.

Это прикрытие атаки на Церковь обезоруживало ее защитников и усиливало раскол в среде священников (часть их поддерживала акцию). В то же время грубость акции провоцировала Церковь на активное противодействие, которое как бы оправдывало последующие репрессии. 28 февраля 1922 г. патриарх Тихон выпустил послание, в котором призвал верующих к защите церковного достоинства. Акция по изъятию ценностей про-

*В послании Советская власть прямо не упоминалась, но из контекста было понятно, что под «безумцами», чинящими «ужасные и зверские избиения ни в чем не повинных людей», в тот момент понимались именно большевики (и анархисты).

ходила трудно, с кровавыми столкновениями (их зафиксировано 1414). Начало было положено столкновением в г. Шуе 17 марта 1922 г., где набатным звоном было собрано около 3 тыс. верующих и в ходе стычки с красноармейцами погибли 6 человек. Возник неявный раскол и в среде большевиков, включая руководство. Часть коммунистов вышла из партии и даже активно участвовала на стороне верующих. Довольно упорное сопротивление оказывал председатель ВЦИК М.И.Калинин, осторожную позицию занимал В.М.Молотов. Большинство членов Политбюро поддерживали Л.Д.Троцкого. Примечательно, что большую и опасную работу по спасению ценностей проделали сотрудники Главмузея под руководством жены Л.Д.Троцкого.

Антицерковная кампания 1922—1923 гг. была именно целенаправленной «военной» операцией, а не выражением каких-то прирожденных нутряных установок. Пока эта операция не началась, в обыденных ситуациях установки были вполне терпимыми. Например, 21 января 1921 г. в Петрограде прихожане написали прошение в Наркомат юстиции с просьбой отменить ликвидацию их церкви и ее превращение в клуб. На чистой половине прошения Ленин 27 января написал резолюцию:

«Т. Красиков! Эту просьбу передал мне А.М.Горький. Удобно ли, даже при особых условиях, превращать церковь в клуб? Есть ли налицо какие-либо особые условия? Не лучше ли отменить и вернуть церковь?

Разберитесь, пожалуйста, и разузнайте повнимательнее, а мне пришлите краткое сообщение об итоге.

Ленин».

Какое место заняла эта кампания в делах партии, видно из того, что за 1922 г. церковный вопрос был включен в повестку 24 заседаний Политбюро ЦК РКП(б). 12 ноября официально кампания была закончена, и Л.Д.Троцкому было поручено реализовать собранные церковные драгоценности за рубежом (кстати, собрано было намного меньше, чем предполагалось). Папа римский предлагал выкупить все ценности разом, выплатив всю требуемую сумму. Ему было отказано.

В ходе этой кампании патриарх Тихон многократно и безуспешно пытался найти компромисс с властью. Так, он осудил резолюции собранного духовенством в эмиграции Карловацкого собора, который обратился к Генуэзской конференции с призывом объявить крестовый поход против Советского госу-

дарства. 6 мая 1922 г. он был заключен под домашний арест в Донском монастыре. Имеющиеся в архивах протоколы допросов и записи бесед, в том числе сделанные собственноручно патриархом, говорят именно о драматическом переосмыслении важного периода в жизни страны и Церкви. Именно о драматическом переосмыслении, а не о банальной смене политической позиции или даже простом компромиссе.

В ходе допросов и бесед патриарх Тихон изменил свое толкование ряда вопросов и признал ошибочным ряд своих действий (например, благословение осенью 1921 г. на созыв Карловацкого собора, который принял резолюцию о восстановлении монархии в России, признание Скоропадского гетманом Украины и благословение ему). 16 февраля 1923 г. патриарх написал: «Я признаю свою вину перед Советской властью в том, что в 1918 г., по осень 1919 г., издал ряд посланий контрреволюционного характера, направленных против Советской власти и использованных ген. Деникиным и другими белыми организациями в их борьбе с Советской властью... Я признаю, что мое послание от 19/І 1918 г. заключало в себе анафематствование Советской власти и призывало верующих сплотиться и сорганизоваться в духовные союзы для отпора всяким покушениям на церковь в политике Советской власти в отношении церкви». Готовился суд над Тихоном, он был заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ.

Патриарх Тихон пошел на компромисс с Советской властью, написав 16 июня 1923 г. «покаянное» заявление: «Я отныне Советской Власти не враг». 27 июня он был освобожден из-под стражи. Судебное дело против него было закрыто, выехать за границу он не захотел. 28 июня патриарх Тихон издал первое после освобождения послание, в котором говорилось: «Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило... Я понял всю неправду и клевету, которой подвергается Советская власть со стороны ее соотечественных и иностранных врагов». 1 июля 1923 г. после богослужения в Донском монастыре патриарх произнес проповедь, в которой решительно осудил всякую борьбу против Советской власти и призвал Церковь стать вне политики*.

*В январе 1924 г. патриарх Тихон издал указ «О стране Российской и властях ея» — о молитвенном поминовении государственной власти в богослужениях. Примирение Церкви с Советской властью было официально закреплено на уровне богослужений, доведено как закон до каждого священника.

По мере достижения, шаг за шагом, соглашений с патриархом (на «переговорах», в которых одна сторона находилась под домашним арестом или даже в тюрьме), менялась и позиция государства. Пленум ЦК РКП(б) 4 июля постановил: «Считая, что в некоторых организациях антирелигиозная пропаганда приняла нежелательный характер (массовое закрытие церквей и т.п., агитация за празднование понедельника и т.д.), поручить Политбюро срочно разослать организациям соответствующий циркуляр». Такой секретный циркуляр Политбюро, допускающий даже возвращение ранее закрытых храмов по ходатайствам приходов, был разослан. Н.А.Кривова, автор написанной по архивным источникам, но антисоветской книги «Власть и Церковь в 1922—1925 гг.» (М., 1997), представляет это действие как тактический ход Сталина в борьбе против Троцкого. Но это называется, по выражению Салтыкова-Щедрина, «читать в сердцах».

Патриарх, идя на примирение с властью, конечно, прежде всего стремился вывести Церковь из-под удара, однако признание ошибочности решения Церкви принять активное участие в политической борьбе имело принципиальный характер. Косвенно это признание подтверждено Архиерейским собором Русской православной церкви в 2000 г., который принял Основы социальной концепции РПЦ. В ней говорится: «Апостолы учили христиан повиноваться властям независимо от их отношения к Церкви... **Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молиться за нее...**»

Из документов 1922—1923 гг. видно, что патриарх Тихон понял, что Советская власть принята народом, и потому противостояние с нею в перспективе поведет к истощению и утрате связей Церкви с массой верующих. И он принял единственно верное решение — признать ошибочность политизации Церкви в момент социально-политического катаклизма. Антисоветская публицистика инфантильно представляет заявление патриарха Тихона следствием давления на него следователя ОГПУ (!), не понимая, какое место занимает в Церкви патриарх и, видимо, ничего не зная о личности В.И.Белавина. Никаких свидетельств неискренности его вывода не существует.

История послеоктябрьского конфликта между Советской властью и Церковью обросла легендами, и пока что заинтересованности новых идеологов в ее непредвзятом изложении не видно. Даже сведущие люди находятся в плену упрощенных

штампов, которые нагнетаются СМИ. Вот, например, очень полезное издание — «Русско-славянский календарь на 2001 г.», вышел под грифом Института славяноведения РАН и Международной славянской академии. Открываю случайно на статье «Патриарх Тихон и славяне» и читаю: «...5 ноября 1917 г. провозглашен патриархом. Началось его противостояние с большевиками. Умер в заточении, в Донском монастыре».

Что это? Откуда? Неужели трудно свериться с документами? В книге Н.А.Кривовой сказано, что в январе 1925 г. патриарх Тихон тяжело заболел, и его поместили в частную клинику Бакуниных на Остоженке. Как следует из донесения ОГПУ, «7 апреля 1925 г. в 23 часа 45 минут умер в больнице Бакуниных на Остоженке, 19 патриарх Тихон в присутствии постоянно лечивших его врачей Е.Н.Бакуниной и Н.С.Щелкана и послушника Тихона Пашкевича. Смерть произошла от очередного приступа грудной жабы».

Как пишет далее Н.А.Кривова, «последним актом патриарха Тихона стало воззвание, известное как «предсмертное завещание», оставленное им в день смерти 7 апреля 1925 г. ближайшему помощнику митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) и переданное лично последним и митрополитом Уральским Тихоном (Оболенским) в редакцию «Известий».

Главный смысл возвания таков: «Не погрешая против Нашей веры и Церкви, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе в СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее». В заключение Тихон обратился ко всем архипастырям, пастырям и мирянам «без боязни погрешить против Святой веры, подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть».

Если составители «Русско-славянского календаря» в 2001 г. пишут о «смерти в заточении» и противостоянии патриарха с большевиками, было бы честно сообщить нынешнему поколению русских и славян, что это противостояние кончилось *принципиальным примирением*.

После 1923 г. начался новый, сравнительно спокойный этап взаимоотношений государства и Церкви, который прерывался вспышками антицерковных кампаний. Эти кампании, и особенно действия 1918—1922 гг., сильно подорвали позиции Со-

ветского государства в сознании значительной части народа и были в полной мере использованы в идеологической кампании противников советского строя в ходе перестройки.

Но нам надо извлекать из истории уроки. Чтобы верно оценить и мотивы, и условия проведения антицерковной кампании, надо учесть, что к 1917—1918 г. авторитет Церкви сильно упал из-за ее слишком тесной связи с дискредитированным царским строем. Государство на излете монархии подмяло под себя Церковь, а когда само государство вошло в конфликт с крестьянством, подавляющим большинством населения, оно втянуло в этот конфликт и духовенство.

При обсуждении этой проблемы в Интернете один читатель написал, в частности: «То, что произошло с духовенством после 1917 г., — далеко не случайно. Над церковью довлела тень раскола — последствия он принес катастрофические. Большинство оставшихся в официальной церкви могли бы подписаться под словами келаря Новоспасского монастыря Иоакима, который сказал царю Алексею: «Аз де, государь, не вем ни старья, ни новья веры, но яко велят начальники, тако готов творити и слушати их во всем». Впоследствии Иоаким стал патриархом. Протопоп Аввакум назвал современных ему епископов земскими ярыжками, ибо что им велят, то и творят. Иные крепостники секли священников на конюшне и травили их собаками. Таким образом, в официальной церкви остались в основном духовные конформисты, принявшие и упразднение патриаршества, и обер-прокуроров-иноверцев, один из которых публично материл архиереев, и министров-масонов, и хлыста — царского советника».

Выше уже приводились слова о. Сергия Булгакова о том, какой вред эта подчиненность власти нанесла духовенству в глазах крестьян во время выборов 1906 г. Но еще раньше (в 1901 г.) возник весьма острый конфликт с интеллигенцией в связи с отлучением от церкви Льва Толстого, одного из виднейших духовных наставников той эпохи. В этом деле Синод поступил как чисто политическое учреждение, нарушив даже общие церковные правила, согласно которым отлучению должно предшествовать «длительное и терпеливое увещание» лично в Синоде, а само отлучение должно проходить по установленной процедуре в одном из соборов. В результате Толстому был направлен целый поток писем и телеграмм с выражением поддержки. На письме от киевских студентов стояло 1080 подписей. По тем временам очень много.

А когда Толстой в 1908 г. написал статью «Не могу молчать» — о казни через повешение 20 крестьян, именно церковь взяла на себя неприятную обязанность выступить с бранью. Иоанн Кронштадтский даже выступил с совсем уж ненужным посланием: «Господи, возьми с земли хульника твоего, злейшего и нераскаянного Льва Толстого». Зачем? Ведь смысл статьи был именно христианский, и в поддержку ее выступили такие люди, как А.Блок и И.Репин.

Сама Церковь остро переживала это положение, многие архиереи видели в нем истоки будущего кризиса и требовали реформ, направленных на освобождение Церкви от государственной зависимости. В конце 1904 г. митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) подал царю записку, в которой объяснял, почему Церковь должна быть освобождена от несения «прямой государственной или политической миссии». Этим воспользовался С.Ю.Витте, собрав Особое совещание по церковным вопросам, которое подготовило еще более радикальную записку (главным автором ее был епископ Сергей Страгородский, ставший патриархом после Тихона). В ней было требование восстановления автономии и соборности Церкви, освобождения ее от «мертвящего веяния сухого бюрократизма». Вся послепетровская система управления Церковью объявлялась незаконной, приводящей Церковь в состояние паралича. Именно на этой записке 1905 г. основывался в своей работе Собор 1917—1918 гг.

На идее разделения функций Церкви и государства («кесарю кесарево») стояли либеральные священники-«обновленцы», влиятельные деятели Церкви тяготели к социал-демократии, отвергали частную собственность. Внутренний кризис Церкви проявлялся во многих выступлениях, которые не согласовывались с общей линией и не приводили к обсуждению и разрешению явных противоречий. Епископ Сергей Страгородский благословил гапоновские союзы, епископ Антонин Грановский в петербургской газете назвал самодержавие сатанизмом. Но все это меркнет по сравнению с позицией старца Оптиной пустыни архимандрита Серапиона Машкина. Он пропагандировал социальную программу социал-демократов, но критиковал Маркса за мягкость и пассивность и потому приветствовал методы эсеров. Эффект от его проповедей был тем более велик, что он воспринимался как настоящий христианский подвижник — раздал все свое немалое состояние (200 тыс. рублей) бедным, отдавал нищим паломникам все, что имел, оставаясь без еды и

в одном нижнем белье. И при этом утверждал, что в борьбе против монархии и капитализма допустимы все средства, вплоть до тайных убийств. Каково было верующим разобраться в этом кризисе?

Поэтому начиная с 1906 г. из епархий в Синод стал поступать поток донесений о массовом отходе рабочего люда от Церкви. В 1906 г. один из сельских сходов направил в Государственную думу свое решение закрыть местную церковь, так как «если бы был Бог, то он не допустил бы таких страданий, таких несправедливостей». В начале века обозначился и явный отход от официальной Церкви интеллигенции. Тот поворот к религиозной философии, который происходил у части гуманитариев, во многом был связан с предчувствием революционных потрясений и их неприятием. Этот пессимистический реакционный поворот основная масса интеллигенции, не говоря уж об обществе в целом, не приняла.

В письме А.П.Чехова С.П.Дягилеву от 30 декабря 1902 г. читаем: «Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались. Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, само по себе, а вся современная культура сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя... Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает».

Примечательно, что многие искренние верующие из числа интеллигенции за первые десятилетия века отошли от веры. К их числу относится, например, академик И.П.Павлов. Протестуя после Гражданской войны в своем письме к В.М.Молотову против преследования Церкви, он писал: «По моему глубокому убеждению, гонение нашим Правительством религии и покровительство воинствующему атеизму есть большая и вредная последствиями государственная ошибка. Я сознательный атеист-рационалист и поэтому не могу быть заподозрен в каком бы то ни было профессиональном пристрастии». А ведь И.П.Павлова нередко приводят как пример сочетания глубокой религи-

озности с мышлением ученого (дискуссия о религиозности или атеизме Павлова породила целую литературу).

Но главное, в начале 1918 г., в момент массовых упований на мирное развитие революционного процесса, Церковь не встала над назревающим братоубийственным конфликтом как миротворческая сила, а заняла радикальную позицию на одной стороне, причем именно на той, которая не была поддержана народом. Есенин, посетив родную деревню, пишет в 1924 г. о рассуждениях монахов (в поэме «Русь бесприютная»):

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».
Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.

З.Гиппиус, ненавидевшая Советскую власть, записывает в дневнике 22 декабря 1919 г.: «Народ русский никогда не был православным. Никогда не был религиозным сознательно... Отрекается, не почесавшись! Невинность ребенка или идиота». Но дело было не в отходе от религии, а в отходе от Церкви. Поэтому антицерковная кампания 1922 г. не только не встретила реального массового сопротивления, но даже вызвала энтузиазм «на местах». Некому оказалось «вразумить» высшие органы государства, и в этом конфликте России была нанесена тяжелейшая травма.

Комментарий из 1995 г. Один из вопросов, часто задаваемых во время выборов избирателями кандидатам от КПРФ — отношение к религии. Говорят: большевики взрывали храмы и расстреливали священников. А что будет, если они снова придут к власти?

На этот вопрос кандидаты обычно отвечают так: нынешние коммунисты другие. Теперь даже устав КПРФ разрешает члену партии быть верующим — чего же еще? Еще вспоминают, что секретарь райкома помогал отремонтировать храм и что «у ме-

ня, коммуниста, бабушка была верующая, а я ее не обижал». Иной раз даже упомянут, что «моральный кодекс строителей коммунизма» — это те же десять заповедей. Что коммунисты сегодня — это как бы просто светские христиане.

На этом диалог обычно кончается, и вроде бы вопрос снят. На мой взгляд, это не так. Во-первых, слащавый тон лишь вредит, так что кое-кто про себя подумает: это сегодня коммунисты такие добрые, пока боятся Ельцина, а придут к власти — отыграются. А следовать заповеди «не укради» — вовсе не значит быть религиозным человеком. Я бы даже сказал, что эти обычные ответы — *не о том*, они оставляют у людей смутное разочарование. Более того, я считаю, что эти ответы неверны. Коммунизм — стремление устроить справедливую жизнь на земле, а Православие — о душе и совести. Они могут быть вместе, но не могут сливаться, не могут замешать друг друга.

Я вижу проблему по-другому. Религиозный вопрос был главным в перестройке, этой прелюдии к реформе Гайдара-Чубайса. Недаром А.Н.Яковлев твердил о Реформации России. Но главным он был совсем в другом плане, взорванными храмами только отвлекали от сути. Если бы удалось сломать религиозное чувство русского народа, дело реформаторов было бы решено. Но этот слом не удался. Как же стоит вопрос? Главный конфликт — не в столкновении большевиков с той *организацией* (Церковью), в которой оформлялись конкретные конфессии. Хотя это было, конечно, драматическое столкновение. Но несравненно более глубокой является борьба *внерелигиозного* мироощущения с любым религиозным чувством. Такой борьбы большевики не вели никогда, а вот рыночное общество ведет ее с самого своего возникновения.

Дело даже не в том, что действия большевиков в 20—30-е годы были частью Гражданской войны, в которой, на беду России, Церковь в целом не стала арбитром, а активно выступила на стороне одной, к тому же побежденной стороны (а до этого она была активной частью царизма, который деградировал и потерял авторитет). Это важно, но это не главное. Главное, что сама русская революция была глубоко *религиозным* движением (хотя и антицерковным). Большевизм был неоднороден, и можно было бы свалить его зверства на антиправославную западническую ветвь. Это было бы вполне законно, но не надо и такого упрощения. И почвенные большевики, патриоты и державники, долго были *антицерковниками*, вплоть до национального примирения в Отечественной войне с Германией.

Великий английский экономист Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, писал: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса». Я бы сказал, что этот почвенный большевизм был *ересью православия*, им двигала именно православная любовь к ближнему — но избыточная, страстная. Мы не поняли этой мысли философов-эмигрантов, ни даже этой мысли Андрея Платонова в «Чевенгуре».

Академик Шаталин издевался: мол, большевизм — это хилиазм XX века. Хилиазм — ересь ранних христиан, веривших в возможность построения Царства Божия на земле. Шаталин был в этом прав, а вот достойно ли это издевательства — вопрос совести. Большевики разрушали церкви как капища «неправильной» религии, они замещали их другими церквями и другими иконами. Это было страстное столкновение двух *религиозных* представлений о правде. Такие разломы пережили в молодости все нации, в Европе раньше, чем у нас (и несравненно тяжелее — в Германии при этом было уничтожено 2/3 населения). Когда страсть вошла в берега, конфликт большевиков с Церковью утих. КПРФ такую страсть в принципе не может разжечь, религии по заказу не создаются. С будущим ясно, этап религиозной страсти у нас уже позади. Но с прошлым надо разобратся.

И вот первый вывод о прошлом. Русские коммунисты не подавляли религиозного чувства, не посягали на него, они сами были его носителями. Советский человек был (и в большинстве своем остался) глубоко религиозным. Как же это понять? Как же наш атеизм? И русские философы, и западные теологи объясняют, что основой религиозного чувства является особая способность человека чувствовать, воспринимать сокровенный, священный смысл событий, действий, отношений. Это главное, а не вера в какого-то конкретного бога.

Такой человек ощущает священный смысл хлеба и земли, тайный смысл рождения, болезни, смерти. Для него может иметь священный смысл Родина, армия, даже завод, построенный жертвами отцов. Такой человек чувствует долг перед мертвыми и слушает их совет при решении земных дел. Говорят, что у тех, кто обладает такой способностью, есть «естественный религиозный орган». У советских людей, включая атеистов, этот орган был очень развит — и даже хорошо изучен нашими противни-

ками. Они его и использовали и разрушали все последние пятнадцать лет.

Государство, созданное «коммунистами и беспартийными», было также проникнуто религиозным чувством — в этом была и его сила, и его слабость. Н.Бердяев, отрицавший социализм, признавал: «Социалистическое государство не есть секулярное государство, это — сакральное государство. Оно походит на авторитарное теократическое государство. Социализм исповедует мессианскую веру. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особенная иерархия — коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью».

Итак, большевики не разрушили, а даже укрепили главную основу религии — саму способность одухотворять мир священным смыслом. Потому они и увлекли народ, и даже индустриализация была в России типичным религиозным подвижничеством, вроде немыслимого по страсти и творчеству строительства соборов в средневековой Европе. Борьба большевиков с Церковью была столкновением сходных сил, которое при общем примирении лишилось смысла, так что в самом коммунизме эта борьба не может возникнуть вновь.

А что же мы видим у противника коммунизма — *рыночного общества* — и легиона его бойцов? Видим именно последовательное уничтожение в человеке «естественного религиозного органа», удушение самой способности к религиозному чувству, покушение на духовную кастрацию вовлеченного в рыночные отношения человека. И, симметрично большевикам, взрывавшим здания церквей, «рыночники» могут строить и ремонтировать церкви — и в то же время быть душителями религии. При наличии кирпича, сборного бетона и наемных турок строить не трудно. Но еще Серафим Саровский предупреждал: «Церкви будут стоять, сиять, а молиться в них будет нельзя».

Немецкий писатель Генрих Бёлль приводит важную мысль из книги В.Шубарта «Европа и душа Востока» (1938): «Чем меньше религии, тем сильнее потребность в государстве. Там, где государство стало всем, религия угасает. Тотальное государство — это социальная форма безбожия». Г.Бёлль пишет: «Обратите внимание: Шубарт не говорит «тоталитарное» государство, он говорит «тотальное» государство, а такое государство вполне можно осуществить в условиях демократии и даже демократическими методами. Когда постоянно нагнетается и подпитывается страх, свобода незаметно, по кусочку может

приноситься в жертву безопасности. Организованное безбожие становится ненужным, пусть себе церкви занимаются своим делом, они будут сами лишь подтачивать и опустошать себя. Жернова их гигантских аппаратов сохраняются в неприкосновенности, но их помол пойдет в государственные закрома. «Дефицит религиозности даже в религиозных системах — признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе — признак Советской России», — пишет Шубарт».

Надо вдуматься в эту мысль, которую в разных формах высказывали многие мыслители Запада, современники русской революции: Запад безрелигиозен, Советская Россия — глубоко религиозна.

Не буду углубляться в эту деликатную тему, но замечу, что профанация религии и превращение Церкви в новое идеологическое ведомство при государстве подрывают Церковь гораздо сильнее, чем зажим или даже преследования. Посторонний человек, американская журналистка М.Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, подмечает: «По дороге в аэропорт Москва подарила мне прощальный, но впечатляющий образ лжи, которым проникнуто все их так называемое «обновление»: кумачовые плакаты с лозунгом «Христос воистину воскрес!». Сперва думаешь, что перед тобой какая-то новая форма атеистического богохульства...».

Но обратимся к истокам рыночной цивилизации. Главный ответ — там. Само понятие *цивилизации*, введенное французскими просветителями XVIII века, означало секуляризованную и рационализованную форму общежития — то есть внерелигиозную и основанную на разумном расчете. *Нецивилизованной* формой признавались средневековый образ жизни и образ жизни неевропейских народов. Подчеркнем эти два признака Запада в эпоху капитализма: секулярность (т.е. освобождение от церкви) и рациональность (расчет и логика).

Современный Запад и капитализм возникли как плод освободительных революций. В какой же свободе нуждался капитализм? В свободе от Природы, от человека и от Бога. Впрочем, все эти виды свободы — лишь разные ипостаси нового мировоззрения. Освобождение от человека, разрыв общинных связей — появление индивидуума вместо личности — было возможно именно вследствие отказа от Евангелия, от идеи коллективного спасения души. Капитализм возник как общество глубоко *антихристианское*, несмотря на его внешнюю набожность.

Знатор религиозных корней капитализма Макс Вебер пишет:

«Чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства. И она становилась все более невозможной, чем рациональнее и тем самым безличнее становился мир капиталистического хозяйства».

Как показывает Вебер, возникновение духа капитализма сопровождалось сдвигом от евангельских, христианских установок к законам Моисея как «естественному праву» — нужна была «вся мощь ветхозаветного Бога, который награждал своих избранных еще в этой жизни». Для капитализма нужно было религиозное оправдание наживы, которого не давало Евангелие.

Но этот скрытый антихристианизм незаметно привел к утрате *всякого* религиозного чувства. Вебер поясняет, почему так случилось: «Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. Мирозозрение теперь определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом обществе, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице. Капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору».

Но дело не просто в выгоде или невыгоде паразитирования на христианстве, дело глубже. Отказ от христианства с принятием «рынка» имеет глубокий, сокровенный смысл. По словам Вебера, «это было, по существу, принципиальным отказом от веры в спасение как цели, достижимой для людей и для каждого человека в отдельности. Такое воззрение, не основанное на братстве, по существу уже не было подлинной религией спасения».

В этом все и дело — не братство людей, а человеческая пыль индивидов. «Все в человеке, все для человека!» — вот их девиз. И ничего для Бога, ничего для братства!

Чем же мешала религия зрелому капитализму? Сама логика капитализма потребовала снять с предпринимателя оковы всеобщей, «тотальной» этики, которая есть в любой религии. Охранителем этой этики в традиционном обществе чаще всего выступает Церковь. Она-то в период буржуазных революций и вызвала наибольшую ненависть, отсюда и призыв Вольтера:

«Раздавите гадину!» Церковь утверждала существование общей для всех *совести*, пронизывающей все сферы общества. Гражданское общество устранило эту совесть, создав свою этику для каждой сферы. Тем самым исключалось общее для всех понятие *греха*. И сегодня любая попытка поставить вопрос об объединяющей общество этике рассматривается неолибералами как «дорога к рабству» (выражение духовного отца гайдаров, фон Хайека). Вот слова «демократа» Н.Шмелева: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно, и, наоборот, что эффективно — то нравственно». Это полный разрыв с православной, а затем советской этикой России: «Лишь то, что нравственно, — эффективно».

Изживание религиозного органа у человека Запада создавало вакуум, который заполнялся *идолами*, например, идолом прогресса. Возникла цивилизация огня и железа с культом силы — ее гордо называли прометеевской. Уже в этой гордости был отказ от христианства и от Бога вообще, ибо Прометей — титан, бог-борец.

Сдвиг к идолатрии, к *внерелигиозным культам* (примерами их могут быть такие разные явления, как масонство и фашизм) с тревогой отмечался самими западными мыслителями, особенно теологами. Они предупреждали, что, когда Запад отбросит ценности христианства, на которых он паразитировал, мы увидим нечто страшное. Немецкий богослов Р.Гвардини писал: «Вот нечестность Нового времени: двойная игра, с одной стороны, отвергавшая христианское учение и устройство жизни, а с другой — стремившаяся присвоить все, что они дали человеку и культуре... Теперь двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами, и воздух наконец станет прозрачен. Насыщен враждебностью и угрозой, но зато чист и ясен».

Култ силы вел к *культу государства* (любому, кто знает Запад, Советское государство покажется добрым дядюшкой — достаточно сравнить нашего тогдашнего милиционера и полисмена США). Крупнейший историк Запада А.Тойнби пишет об этом замещении христианства культом Левиафана (так назвал буржуазное государство философ Гоббс): «В западном мире в конце концов последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, ко-

торой могли позавидовать тираны всех времен и народов... В секуляризованном западном мире XX века симптомы духовного отставания очевидны. Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту». Страшные бомбардировки Ирака и Югославии, одобренные почти всеми американцами, — последний аккорд.

Удар по религиозному чувству нанесла и вторая культурная мутация Запада — рационализация мышления. Мы не говорим здесь о том, какую силу и свободу дал рационализм человеку — это другая тема. А вот чего он лишил человека? «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать это сомнению», — писал Декарт. Это — *культ Разума*.

Антрополог К.Лоренц указывал на тяжелые последствия принятия Западом этой «установки, совершенно законной в научном исследовании, — не верить ничему, что не может быть доказано». Ведь жизнь сложнее объекта науки, и подход к ней исключительно с меркой рационального расчета уродует человека. Жизнь теряет свою качественную сторону, те ценности, которые не поддаются измерению. Ценности заменяются их измеримым суррогатом — ценой (как сказал философ, Запад — «цивилизация, которая знает цену всего и не знает ценности ничего»). Сам отказ от культурных традиций, во исполнение наказа Декарта — огромная потеря, ибо, по словам Лоренца, «традиции содержат огромный фонд информации, которая не может быть подтверждена научными методами».

Для нас здесь важно подчеркнуть, что полностью рациональное мышление, свободное от ценностей, которые передаются традицией и не могут быть «научно доказаны», как раз и означает изживание религии.

Но главное, конечно, это «тихое» размывание христианства с помощью школы и идеологии, которая накачивается в сознание телевидением. Этот процесс целенаправленно ведется в *несоветской* России, давно начат в католических странах Европы и пока что блокирован в Латинской Америке, где большая часть священников соединилась с движением бедноты и индейцев («теология освобождения»). В Испании за 17 лет «открытости» и рыночной либерализации после смерти Франко удалось добиться поразительно эффективного вытеснения христианства из сознания. На одном «круглом столе» меня спросили, как бы

я назвал суть происходящих в Испании перемен, и я ответил: «тихая Реформация». Удивились, но согласились. И какой это тоскливый процесс! Кажется, что у людей душа ноет.

Читал я раз лекцию в школе в маленьком городке, школа — на всю округу. После лекции свободные дебаты. Выступил учитель, говорит об обмене учениками с Данией и что испанские ребята видят, что живут теперь не хуже, чем в Европе. Я спрашиваю: а что значит «жить не хуже» или «жить лучше»? Учитель отвечает: «Критерий такой — есть ли в доме видео; а вы как думаете?» А я говорю: «Ребята, видео вещь приятная, но важнее — есть ли дома дедушка или ты его отвез в приют для престарелых». Как захлопали в ладоши, запрыгали — будто камень у них с души свалился. Оказывается, пока что они еще живут лучше, чем в Европе!

В чем же дело? В чем «изживание» христианства светскими методами? Не в расстреле священников и не в крушении церквей. Это — *гонения*, совсем иное дело. А изживание может идти рука об руку с восстановлением здания Храма, оно — агрессия в душу человека, часто агрессия приятная, с наркотиком. Главное в этой агрессии — превращение соборной личности в индивидуума. В этом и была суть той мутации европейской культуры, которая привела к рыночной экономике, к появлению «свободного индивида»-предпринимателя. Для меня человеческий смысл христианства — в идее братства людей, в идее коллективного спасения души. Переход к рынку как основе человеческих связей — выхолащивание этого смысла.

И не существенно, использует ли рыночное общество маску христианства для выгодного паразитирования на его фразеологии — или отбрасывает эту маску с воплем Вольтера или Николая Амосова. Как пишет исследователь духовных основ капитализма Макс Вебер, «люди, преисполненные «капиталистического духа», если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви». Он не видит в этом противоречия с тем, что сам этот «дух» изначально был связан с мотивами протестантизма. Религиозные революционеры помогли буржуазии сломать «тоталитаризм» католической иерархии, как наши «демократы» помогли ворам сломать «тоталитаризм» советского строя — а потом были отодвинуты в сторону (а наши будут выброшены, как ненужная тряпка).

Что несет сегодня западному христианству волна неолиберализма с его фанатичным монетаризмом и идолами свободы и индивидуализма? Возможно, последний удар по религиозному

чувству, о котором говорил Гвардини. Вот три сообщения из одного номера газеты, за 24 сентября 1995 г.

В Голландии священник К. ван Флит в Вердене обвенчал двух лесбиянок церковным браком, надел им кольца, благословил их семью и призвал прихожан кончать с предрассудками и жить *свободно*. Это ли не удар по религии?

Но это мелочь по сравнению с другим событием: «Англиканская церковь с радостью восприняла новое издание Библии, которое совмещает священные тексты с советами и пожеланиями в области сексуальных отношений». Далее дается изложение этой «новой интернациональной версии» Библии. Такое свинство, что даже на мой взгляд неверующего это не просто святотатство, а плевок в душу любого нормального человека.

И вот, пожалуй, главное. Издание в США «политически правильной Библии». Массовый тираж разошелся за неделю. Как же подправили Священное писание идеологи в сани? Так, что, как сказано, из Библии «вычищены следы чего бы то ни было, что может вызвать раздражение любой социальной группы». Так, например, выброшено указание на то, что Христа распяли иудеи. Экая мелочь! Не раздражать же из-за нее финансовых магнатов. Чтобы не обидеть феминисток, подчистили анкету Саваофа — он теперь не Бог-отец, а «Бог отец-мать». «Отче наш!» отменяется. Даже слово *Господь* как синоним Бога устраниено — да здравствует демократия, никаких господ!

Любой человек с религиозным чувством скажет, что фальсификация и профанация священных текстов — это и есть удушение религии. Разве замахивались на это большевики! По сравнению с этими акциями разрушение церковных зданий или физическое убийство служителей культа наносят религии ущерб несравнимо меньший.

Что же мы видим сегодня в России, у доморожденных рыцарей Запада? Ту же попытку — именно они в белых перчатках, но эффективно удушают религию, высмеивают и пачкают все священное, все наши культы и сокровенные отношения. Началось это давно, с западников, а сегодня они выродились до русофобов. Утверждения о том, что тормозом развития России является воспитанный православием характер («лень и рабская психология») — элементарная идеологическая ложь. Но ведь за ней — философия. Как тиражировали «демократы» слова Чаадаева: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими [западными] народами Визан-

тии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания»!

Сегодня утверждается, что по сравнению с Западом Православие отличалось нетерпимостью и тоталитаризмом. «Несколько лидеров ереси были сожжены в 1504 г.», — обличают «демократы». И это в сравнении с католической инквизицией или сожжением миллиона (!) «ведьм» в период Реформации. Порой доходят до того, что Православие оказывается как бы и не христианством, и мы выпали из этой религии. Кумир наших «демократов», «грузинский Сократ», М. Мамардашвили так и пишет: «Любой жест, любое человеческое действие в русском культурном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России». Подумать только, любое наше человеческое действие в рамках русской культуры! Да разве имеем мы право на жизнь?

Изживание, по примеру Запада, религиозного органа русских и разрушение традиции было пафосом философии западников. В статье «Культурный мир русского западника» эмигрант В. Г. Щукин так характеризует эту часть интеллигенции: «В отличие от романтиков-славянофилов, любая сакрализация была им в корне чужда. Западническая культура носила мирской, посясторонний характер — в ней не было места для слепой веры в святыню... С точки зрения западников, время должно было быть не хранителем вековой мудрости, не «естественным» залогом непрерывности традиции, а разрушителем старого и создателем нового мира».

Сегодня эта псевдорационализация дошла до гротеска. Духовный лидер «демократов» академик Н. Амосов пишет даже: «Бог — материя. Нельзя отказываться от Бога (даже если его нет). К сожалению, «материальность» Бога, пусть самая условная, служит основанием для мистики, приносящей обществу только вред. Без издержек, видимо, не обойтись... Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо».

Все это — технократический бред, но ведь «демократы» чтят Амосова как пророка.

Сегодня мы являемся свидетелями огромного инженерно-идеологического проекта — попытки искусственного разрушения вошедших в подсознание религиозных структур огромного народа. Это — культурная диверсия, по своим разрушительным

масштабам далеко превосходящая другие известные в истории. Без традиций и «иррациональных» норм, запретов и ритуалов может существовать, да и то с болезненными припадками вроде фашизма, лишь упрощенное общество атомизированных индивидуумов. Сложные поликультурные, а тем более многонациональные общества устойчивы до тех пор, пока не позволяют навязать им «прогрессивные» западные нормы. Парадоксальным образом, именно оттеснив от власти экс-партократов со свечкой в руке, можно защитить религиозное чувство русского человека.

Понимают ли русские люди, на что они согласились, поддержав — или хотя бы попустив — такую реформу? Не понимают. И к смыслу их не допустили.

Я лично счастлив, что мне смысл этой реформы открыл в блестящей, поэтической лекции виднейший теолог Израиля раби Штайнзальц в 1988 г. Его тогда привез в СССР академик Велихов, и это было событие. Еще большую службу сослужил бы России Велихов, если бы опубликовал ту лекцию. Состоялась она в Институте истории естествознания АН СССР, где я работал. Раби Штайнзальц, в прошлом видный физик и историк науки, вроде бы приехал рассказать об истории науки в Израиле, но, выйдя на трибуну, сказал: «Я вам изложу самую суть Талмуда». Директора нашего при этих словах из зала как ветром выдуло, и пришлось мне, как заместителю директора, вести собрание. Для меня это была, пожалуй, самая интересная лекция, какую я слышал.

Лектор осветил три вопроса: *что есть человек, что есть свобода и что есть тоталитаризм* — как это дано в Талмуде. Потом то же самое, по сути, написали философы западного общества Гоббс и Локк, но, по-моему, хуже. Человек, сказал раби, — это целостный и самоценный мир. Он весь в себе, весь в движении и не привязан к другим мирам — это свобода. Спасти человека — значит спасти целый мир. Но, спасая, надо ревниво следить, чтобы он в тебя не проник. Проникая друг в друга, миры сцепляются в рой — это тоталитаризм. Раби привел поэтический пример: вот вы идете по улице и видите — упал человек, ему плохо. Вы должны подбежать к нему, помочь, бросив все дела. Но, наклоняясь к нему, ждущему помощи и благодарному, вы не должны допустить, чтобы ваша душа соединилась, слилась с его душой. Если это произойдет, ваши миры проникают друг в друга, и возникает микроскопический очаг тоталитаризма.

Я спросил самого авторитетного сегодня толкователя Талмуда: значит ли это, что мы, русские, обречены на тоталитаризм и нет нам никакого спасения? Ведь я ощущаю себя как личность, как Я лишь тогда, когда включаю в себя частицы моих близких, моих друзей и моих предков, частицы тела моего народа, а то и всего человечества. Вырви из меня эти частицы — что останется? И мой друг таков, какой он есть, потому, что вбирает в себя частицы меня — наши миры проникают друг в друга, наши души соединены. Значит, если мы от этого не откажемся, мы будем осуждены, как неисправимое тоталитарное общество?

На этот вопрос раби не ответил — хотя я и сидел рядом с ним за столом президиума. Он ответил всей своей лекцией. Принять дух капитализма и идею человека-индивидуума, в самом гуманном ее варианте, — это значит отказаться от идеи братства и любви, отказаться от христианства. Так прикиньте в уме — от чего нас зовут отказаться и чем за это заплатят.

Верующие в СССР — личные впечатления. Скажу о моих старых, с детства, впечатлениях о том, каково было верующим в обычных советских условиях после войны. Конечно, у самих верующих, особенно пострадавших из-за своей религиозности, впечатления совсем другие, но ведь нам приходится жить вместе — так лучше уж иногда обмениваться мнениями. То, как сегодня в антисоветской пропаганде нажимают на религиозный вопрос, верующим не на пользу, тут уж поверьте неверующему.

Мои родители и дед по матери, с которым я много общался, были неверующими. Но всякие насмешки над религиозными чувствами они не только не поддерживали, но и резко пресекали (это я о матери). Я в детстве считал, что это установленная позиция среди коммунистов и особенно интеллигенции, потому что так же поступали и учителя в школе.

Помню, во втором классе трое ребят опоздали на урок, пришли заспанные. Говорят: «Мы куличи святили» (вернее, они говорили «светили»). Мой сосед по парте, заядлый художник, тут же нарисовал карикатуру: «Денисенко с Подобедовым светят куличи» — ходят с фонарем и освещают ряд куличей. Так он это понял. Понес учительнице, но она его не одобрила — над этим не надо смеяться. Причем как-то так веско сказала, что художник притих, а ведь веселый и нахальный был мальчик.

Когда говорят, что в СССР религиозная жизнь была загнана чуть ли в подполье, мне это странно слышать — не было такого объективного впечатления. Повторяю, что субъективное вос-

приятие верующих — дело совсем другое. Но, по-моему, у простых верующих и такого субъективного впечатления не было. Много у меня было и родных, и знакомых из старшего поколения — верующих. И мне с детства приходилось ходить в церковь, когда кто-то умирал. У соседей старики были верующие, у них всегда горела лампада, приходил священник.

Другое дело, что верующим была заказана партийная и номенклатурная карьера, хотя по административной части ограничения не были очень жесткими и смягчались — были у нас в МГУ и преподаватели верующие, и в Академии наук на высоких постах. Бывали проблемы у тех, кто хотел ухватить два горошка на ложку, свою веру скрывал, потом это всплывало. Но у таких людей всегда проблемы, и вовсе не от религиозности. Я думаю, они-то особенно в пропаганде активны.

Вот где наблюдались радикальные антицерковные настроения — так это как раз в простонародье. Хотя там же был и оплот религиозности, и они между собой уживались. Может быть, и у религиозного простонародья были антицерковные настроения, но они их прятали? Помню, мы летом в 1950 г. отдыхали на Волге, в глухой деревне. Как-то сидели с мальчишками после дождя на берегу и пекли картошку. А по дороге, чуть поодаль, брел, утопая сапогами в грязи, поп — в соседнюю деревню. Мальчишки вскочили как один и стали ему кричать обидные вещи, свистеть, а один даже схватил картошку и кинул в него. Тот посмотрел и ничего не сказал.

Меня в жар бросило — так было жалко этого человека. Я, похоже, до этого вообще ни разу не видел, чтобы группа людей так ополчилась против кого-то, да без видимой причины. И я чуть в драку не полез против моих приятелей, с которыми до этого не имел ни малейших разногласий. А они с жаром стали мне доказывать, бормотать какую-то бессмыслицу: «Ты не знаешь, он в пост баранину трескает, а нам все время...». И прочее в том же роде. Я понял только, что в этой деревне вызрела старая неприязнь и, по-моему, вовсе не к этому конкретно священнику. Ведь мальчишки не сами это придумали.

Потом мы лето провели в большом селе под Геленджиком. Там уже не было церкви, и я, общаясь все время с ребятами из села, ни разу не слышал, чтобы кто-то ехал в город на службу и т.д. Но старшие почему-то поминали церковников — тоже неприятно недоброжелательно. Хотя были люди и верующие, на шее у многих крестики. Какой-то разлад с церковной организацией ощущался. Мне кажется, он именно в зрелом, спокойном

СССР стал сходиться на нет, как и многие другие разлады. Тип общественного строя этому не мешал.

Я, например, думаю, что этому очень способствовал тот факт, что Церковь была действительно освобождена от государственно-политических функций. Сейчас ее снова стали этими функциями нагружать, и те священнослужители, которые этим особенно увлекаются, сразу от части верующих отдаляются.

В 1994 г. на Рождество меня по какой-то причине пригласили на прием нашей патриотической знати. На лестнице всех встречал и чуть ли не целовал Анатолий Карпов и другие звезды, Руцкой лез со своими объяснениями, Солоухин, Зорькин — много интересных и много уважаемых людей. Был и митрополит в роскошном одеянии — прием по высшему классу.

Он и стал говорить речь, так что все лихорадочно выпили, что у них было налито, отбросили от себя закуску и приняли благостное выражение лица. Митрополит этот говорил долго, как на собрании. Между привычными церковнославянскими выражениями он вставлял какие-то туманные намеки, так что на лицах православных патриотов проступало недоумение. А закончил он речь совсем неожиданными словами: «Боже, храни Америку!» После этого даже выпивки не захотелось. Так что вроде та же Православная (Зарубежная) церковь, да не та. Активное участие в политике — палка о двух концах.

Сложная проблема возникает у любой церкви в связи с уменьшением числа верующих, а это число в переломные периоды истории может меняться очень резко — и вовсе не из-за антирелигиозной пропаганды. Ведь ясно, что между масштабами «материальных форм» культа и числом верующих должно быть соответствие. Иначе нельзя. Не знаю, как объяснить, но Церковь, слишком «материально богатая», что-то теряет. В СССР по сравнению с царской Россией число верующих резко сократилось, вряд ли кто-то станет с этим спорить. Что же надо было делать с опустевшими церковными зданиями, которые оставшиеся верующие и не могли содержать на свои пожертвования? К тому же богатых бар и купцов не стало.

Я никогда не слышал какого-то конструктивного предложения. В том, что эти здания реквизируют и переделывали в клубы или хозяйственные помещения, есть, конечно, религиозная бесчувственность и хамство — но хамство обыденное, крестьянское. Уничтожение церквей, да еще демонстративное — это совсем другое дело, это битвы религиозной войны двух идеологий. А вот как надо было решать этот практический во-

прос со зданиями? Он только кажется простым — потому что исполкомы взяли и, недолго думая, грубо употребили здания. Просто приняли ответственность на себя, людей от нее избавили.

Испания — католическая страна с очень сильными политическими позициями Церкви, с нами не сравнить. Но жизнь меняется, число верующих резко сократилось. Множество церквей опустело, а это даже в маленькой деревне величественные здания. Климат такой, что и через тысячу лет церковь как новая. Что делать? Хотя государство выделяет там большие бюджетные средства на содержание соборов, этих средств не хватает, и церковь отдает здания на баланс местной власти. А та, делать нечего, выставляет на продажу.

Лет пять назад возникла дискуссия — некий субъект купил церковь XI века и переоборудовал ее в бар. Газеты печатали фотографии этой церкви — прекрасное здание, и какой старины! Бар... Возникли те же проблемы, что у нас с клубами, да еще и с большим надрывом. Все-таки бар — не Дом культуры. Вопрос так и повис в воздухе, сами же представители Церкви ничего определенно не сказали. На баланс эту церковь взять — денег нет, прихожан мало. Власть тоже не может такое здание содержать. Покупатель тоже не злодей, он никого не обманывал и даже говорил: нельзя бар — не продавайте. Взорвать? Может, это и лучше было бы для религиозного чувства, но никто этого не предложил.

Сейчас много старых церквей реставрируется, в них будет вестись служба, строят и новые. Это прекрасно, если прихожане смогут эти здания содержать. Иногда думаешь: из каких денег? Ведь переходить на содержание «братков» тоже для церкви не очень-то полезно.

В июне 1996 г. сидел я во дворике больницы, пришел навесить человека. Рядом на скамейке сидела пожилая женщина, хотелось ей высказаться, она и стала мне жаловаться, незнакомому человеку. Она из подмосковного села, у них церковь не закрывали, и она всю жизнь, с детства, туда ходила. И вот она в прошлое воскресенье туда пошла, и вдруг во время службы пришла милиция и приказала всем «очистить помещение». Священник был в курсе дела и не препятствовал. Это приехали на джипах бандиты — отпевать их убитого товарища. Женщина даже прослезилась — так ей почему-то все это было обидно. Я понимаю, обидна вся эта связка — бандиты, милиция и священник — против верующих. А мне этого священника стало жалко — сильнее, чем того попа, в которого мальчик бросил свою картошку.

Лирическое отступление: революция и буржуазия. М.М.Пришвин писал в дневнике 16 июля 1917 г.: «Черты лица революции никто не видел, потому что никто не может забежать ей вперед. Те, кто мчится вместе с нею, — ничего не могут сказать о ней. А те, мимо кого она пронесется, тоже не видят, пыль, мусор и всякий поднятый хлам заслоняют от него свет. И революция, конечно, существо получеловеческое, полужверинное. Те, кто не мчится вместе с ней, видят только огромный, оставляющий после себя нечистоты, зад зверя».

Это неправда. Даже те, кто не мчался вместе с революцией, в большинстве своем видели не только нечистоты, оставляемые этим зверем. Ту запись Пришвин сделал в приступе пессимизма, видя, как иссякает импульс его любимой либеральной Февральской революции. Но в тяжелый момент после Октября, 14 декабря 1918 г., он написал так: «Анализировать каждую отдельную личность, и дела настоящего времени получаются дрянь, а в то же время чувствуешь, что под всем этим шевелится совесть народа». Именно это — дело совести народной — видели очень многие.

Официальная история советского периода сильно перегнула палку, представив его зарождение следствием классового конфликта между пролетариатом и буржуазией. Мне не встречалось каких-то количественных данных о том, какая часть русской буржуазии приняла революцию, а какая стала ее непримиримым врагом. Офицерство времен Первой мировой войны состояло в основном из молодежи средних буржуазных слоев, и оно раскололось примерно пополам. Значит, не просто «отдельные представители» буржуазии изменили своему классу.

Конечно, классовый конфликт имел место, а еще больше он был простым и удобным объяснением того, что происходило в России. Но из того, что нам уже доподлинно известно, следует, на мой взгляд, что этот конфликт никак не был главным. Не тут проходила линия фронта. Речь шла о выборе пути, а не о сведении счетов или «грабеже награбленного». И тот путь, к которому Россию толкнул Октябрь 1917 г., вовсе не был отвергнут всей русской буржуазией «как классом». Она раскололась, как и офицерство. И та часть, которая приняла советский строй (пусть и скрепя сердце), вовсе не стала «врагом народа». Это было бы более правильным понятием, чем «классовый враг».

Сошлюсь на историю моих близких со стороны отца. Это, конечно, не научный аргумент. Но все же аргумент, потому что этих близких довольно много и они не обладают какой-то уни-

кальной судьбой. Напротив, все в их жизни типично и никогда у меня не вызывало никакого удивления, а воспринималось как нечто естественное. Кстати, поэтому до сравнительно недавнего времени я и не интересовался социальной историей моих родственников. Знал ее приблизительно, и она мне казалась нормальной.

Бабушка моя, Марья Алексеевна Головкина, была из богатой купеческой и торговой семьи. Настолько богатой и видной, что у них был двухэтажный дом в Ипатьевском переулке — рядом с Кремлем (его снесли, когда строили здание ЦК КПСС). Она вышла замуж за моего деда, Сергея Георгиевича Кара-Мурзу, видного московского адвоката. Жили они в огромной квартире в доме «Россия» на Чистых прудах. Это был очень модный и дорогой дом в Москве. В начале века до самой революции в их квартире по вторникам собирался литературный салон, о котором написано в воспоминаниях многих писателей и поэтов. Налицо все атрибуты большой семьи из высшего буржуазного общества. Что произошло с ней после революции?

Первым делом произошло «уплотнение» — в квартиры буржуазии вселили пролетариев, военных и т.д. В дом моих родственников в Ипатьевском переулке сначала подселили семью латышского комиссара, а в 1923 г. всю семью «буржуев» выселили в барак за Рогожской заставой. Правда, у них было свое крылечко с улицы, и получилась маленькая квартирка. Это я уже так в детстве видел. Когда мы с сестрой и матерью вернулись осенью 1943 г. из эвакуации, мы иногда к ним ездили в гости (это называлось «к дядюшке Головкину»). Я это хорошо помню, потому что в их доме осталось много игрушек и мне там подарили большой деревянный паровоз. Ехать приходилось долго, перебираться через пути, зимой в темноте, в метель — все это запоминалось.

Семья эта, говоря сухим языком, «приняла революцию» — никто не эмигрировал, никто не стал воевать за собственность. Уехали в барак и стали налаживать новую жизнь. В бараке к ним относились хорошо, мою двоюродную бабушку долго продолжали называть «барыня». В 60-е годы, когда началось большое жилищное строительство, им на общих основаниях дали хорошие квартиры.

Что же стало с молодым поколением семьи Головкиных? Их я уже помню хорошо. Никаких препятствий в получении образования и дальнейшем продвижении им не чинилось, и они прошли нормальный трудный советский путь. Один сын стал

историком-архивистом, был начальником Государственного архива Туркменской ССР, писал книги. Его сестра училась в самом лучшем гуманитарном вузе СССР — ИФЛИ («лицей в Сокольниках»), но в 1941 г. пошла на фронт, воевала офицером-зенитчицей, вернулась с орденами, закончила курс уже в МГУ (туда влили ИФЛИ) и стала искусствоведом, она и до сих пор работает. Когда у нее собирается по случаю какого-то семейного торжества многочисленная родня по линии Головкиных, то в ней представлен весь спектр профессий типичной советской интеллигенции.

К слову сказать, ради своего довольно-таки тупого антисоветизма Говорухин вкрапил в модную одно время книгу «Великая криминальная революция» самые незатейливые подтасовки. Вот одна: «75 лет назад в России произошел интеллектуальный переворот. Дети рабочих и крестьян получили право на достойное образование. Дети интеллигенции, духовенства, дворянства не могли поступать в вузы — требовалась справка о рабоче-крестьянском происхождении. Они прожили жизнь в темноте, в нищете...»

Эта обобщающая тирада — ложь самого низкого пошиба. Да, в СССР за счет рабочих и крестьян была *расширена* база интеллигенции, но старая-то в массе своей воспроизвелась. Да возьмите биографии нашего корпуса академиков — почти все они из «родовитой интеллигенции, духовенства, дворянства» — это историкам хорошо известно, да и каждый может эти биографии просмотреть. А вспомним перестроечную книгу «Зубр» — в какой «темноте и нищете» жил дворянин Тимофеев-Ресовский, которого к тому же послали стажироваться в Германию?

Теперь о судьбе моего деда и бабушки, Кара-Мурзы и Головкиной. Их тоже «уплотнили» — сначала в меньшую квартиру на Мясницкой, потом оставили им одну комнату, а остальные заселили людьми из подвалов. Не думаю, чтобы это им понравилось, но они посчитали это справедливым — вот в чем все дело. Теперь это была большая коммунальная квартира, семей на пять, у всех по комнате. Когда я бывал там ребенком, в этих комнатах жили уже в основном люди второго поколения, но и старики были. Нередко застолье и разговор в «нашей» комнате затягивались, и меня вели и укладывали спать у соседей — то у одних, то у других. Я там во всех комнатах спал. Везде люди были приветливы и относились к моим родным не просто с уважением, а и с любовью — и те к ним так же относились. Тут о классовой вражде говорить было бы просто нелепо, а ведь

«объективно» она вполне могла возникнуть. «Уплотнение» — очень болезненная социальная операция. Кстати, я ребенком в обоих случаях вообще ничего не знал ни о «буржуазии», ни об «уплотнении». Никаких признаков этих заноз я просто не видел.

Скажу об образовании, о том, что «дети интеллигенции не могли поступать в вузы». Отец мой и его два брата нормально кончили вузы. Один брат, художник, учился во ВХУТЕМАСе, в мастерской Фаворского. Был профессором Полиграфического института, членом-корреспондентом Академии художеств СССР. Никогда он не жил в «темноте и нищете», как теоретизирует Говорухин. Конечно, во время Гражданской войны пришлось туго — но не из-за того, что отец был интеллигентом, а мать из крупной буржуазии. Всем было туго, и скорее всего пролетариям было более туго, чем моим дядьям. Отец мой в 25 лет стал профессором МГУ, и «орабочиться» ему пришлось только для того, чтобы вступить в партию. И заключалось это в том, что он читал на подмосковном заводе лекции по истории культуры. Кстати, как рассказывала мать, это ему очень понравилось — советские рабочие тогда любили слушать такие лекции, С.Говорухин им еще мозги не загадил.

Наконец, младший брат отца, Алексей. Он тоже учился в ИФЛИ. Любопытно, что «по наследству» от старого, «буржуазного» литературного салона его комната на Мясницкой получила уже «комсомольских» поэтов. Они там собирались, и мой дядя был в центре этого кружка. Почти все они одновременно в 1937 г. и попали на Колыму. Дядю, правда, во время волны освобождения 1939 г. выпустили, и он вскоре пошел на фронт. Был он человеком умным и очень жестким. Можно было бы даже назвать его сталинистом — он стал им не из-за социального происхождения, а по зрелом размышлении.

В русской (Октябрьской) революции народ нашел способ предотвратить разделение на антагонистические классы, а после этого классовые различия все больше и больше смягчались. Правда, начиная с 60-х годов стали вновь нарастать различия сословные (между трудящимися и номенклатурой), но это — другая история.

Комментарий из 2001 г. Антисоветизм в связи с культурным строительством. Давайте немного остановимся на этой мысли Говорухина о том, что Советская власть дала рабочим и крестьянам слишком большие льготы в образовании — в ущерб

бывшим привилегированным сословиям. Эта нота очень сильна во всем антисоветском хоре. На мой взгляд, она даже гораздо важнее, чем это кажется по силе ее звучания, в ней — скрытая причина ненависти к СССР. Скрытая потому, что даже те антисоветчики, у которых эта нота прорывается, ее стесняются — чувствуют, что здесь говорят их самые темные, позорные комплексы.

Представим себе, за что ненавидят советский строй люди типа Солженицына и Шафаревича (чубайсы и кохи — другая категория). Ведь, наверное, не за мелочи, не за ошибки и эксцессы, а за что-то главное — за фундаментальные принципы жизнеустройства. Эти принципы — не в идеологической коже марксизма и даже не в политическом устройстве. В принципе мог существовать советский строй и при монархии, как оно почти и было в самый критический период (сталинизм). Эти принципы — в представлении о человеке, его правах и обязанностях. Что же так возмутило наших аристократов духа, что они посчитали делом жизни уничтожение этого строя? Допустим, Солженицына обидели, а он человек, судя по всему, злопамятный. Но Шафаревич был обласкан с юности, как множество таких же представителей элиты, возненавидевших советский строй.

Я долго думал над этим странным явлением, спрашивал всех, кто мог подать мысль. Многие, с кем я говорил, сошлись на том, что сильнее всего таких людей оскорбляло и угнетало как раз то, что при советском строе «хамы, кухаркины дети» пошли в университет. Хамы забыли свое место, смешались с духовной аристократией, растворили ее в себе, портили ее расу. Вряд ли кто-нибудь из них в таких комплексах признается, но мечты наших «белых патриотов» о монархии и возрождении сословного общества, выступления типа говорухинского косвенно это подтверждают.

На словах, думаю, каждый признает, что охранять свои сословные привилегии, затрудняя детям из других социальных групп доступ к образованию, подло. Но ведь Советская власть лишь частично помогла детям рабочих и крестьян преодолеть тот громадный разрыв в «стартовых возможностях», какой был у них по сравнению с детьми интеллигенции и имущих классов. Этот разрыв далеко еще не был преодолен, пробились лишь самые способные и упорные — через рабфаки, курсы и даже льготы. И даже это вызывает ненависть!

В детстве, после войны, я по уровню материального благосо-

стояния мало отличался от моих сверстников — без отца, мать преподавательница техникума. Но я уже тогда видел, какими огромными преимуществами я обладал по сравнению с моими товарищами из рабочих семей. У меня дома была огромная библиотека, оставшаяся от отца. Я жил в атмосфере этих книг, энциклопедий, рукописей. Я жил в атмосфере разговоров моих родных — всех с высшим образованием, порой не с одним. В меня ежечасно, без труда, входили идеи, знания, символы, к которым мой сверстник из рабочей семьи должен был продирается с большим трудом, спотыкаясь, не имея впитанных с раннего детства навыков. Ему было трудно даже при формально одинаковом со мною доступе к знаниям. И вот за то, что Советская власть проявила об этих детях небольшую дополнительную заботу, Говорухин ее проклинает. И после этого я должен считать его патриотом?

Кстати, тот факт, что сегодня энтузиастами школьной реформы, которая отделит большинство детей нашего народа от хорошего образования, являются как раз те, кто при Советской власти вышел из низов, не меняет дела. Очень часто именно тот, кто поднялся «из грязи да в князи», становится самым подлым душителем и угнетателем простонародья.

Каковы же «концептуальные» аргументы этого антисоветизма в связи с культурой? Вот статья Н.Козловой, ст.н.с. Института философии АН СССР, в престижном академическом издании «Общественные науки и современность» (1991, № 2). Эта статья попала на глаза случайно, но таких статей тьма, и эта вполне представительна. В ней в целом отвергается все культурное строительство в СССР, советский тип образования и, в общем, тип советского образованного человека. Автор проводит, как он выражается, «культурно-антропологический анализ». Исходный тезис такой: «В 20-е годы культурный уровень общества в целом существенно понизился».

Статья содержит местами верные наблюдения и переполнена злобой — к чему? К тем, кого Советская власть ввела в круг универсальной культуры: «Ветер революции вымел на поверхность исторической жизни множество людей, живших в мире связей личного типа, характерных для традиционных доиндустриальных обществ. Это — люди безъязыкие, молчащие «от дурости и угнетения»... О какой науке они мечтали — сказать трудно». Далее следует издевательский анекдот: мол, «страна мечтателей, страна героев». То ли дело на Западе, где все делалось правильно.

И опять верные наблюдения вперемешку со злобой: «В результате оказалась освобожденной архетипическая фантазия низов, которая выплеснулась из цивилизационных рамок и «разлилась» по поверхности общества... Открылись десятки университетов, появились новые тысячи научных работников. Организация образования для тех слоев, которые ранее были отчуждены от культуры, стала способом достижения всеобщего равенства... Новых, «красных» студентов отличал удивительно низкий уровень грамотности, результатом же стала деградация университетов...»

Подобную же селекцию производит и «демократ» С.Аверинцев: «Нельзя сказать, что среди этой новой получившейся среды, новосозданной среды научных работников и работников умственного труда совсем не оказалось людей с задатками интеллигентов. Мы знаем, что оказались. Но... единицы» (Независимая газета, 03.01.92).

За всем этим — ностальгия по мифической царской России с высоким культурным сообществом: «Вхождение в это сообщество требовало длительного систематического труда. Кроме того, существовал и действовал закон о *кухаркиных детях*». Странно еще, что советская философия не сожалеет о телесных наказаниях — и ведь наверняка считает себя демократкой.

Философский пафос этого антисоветизма, на мой взгляд, заключается в отрицании народной культуры в пользу культуры сословной, культуры для какого-то привилегированного меньшинства. Об этом различии двух видов искусства писал Георгий Свиридов в своих «Записках» в 1979 г.: «1) Народное — которое способно восприниматься нацией целиком и само адресовано народу/нации как целому. 2) Сословное искусство — адресуемое наднациональной элите, своего рода «сливкам общества» или, как их называл А. Блок, «подонкам общества»...».

Статья Н.Козловой примечательна тем, что в ней самым наглядным образом предстает раскол, который произошел в нашем народе. Мы как будто говорим на двух разных языках. Мне, например, кажется дикой сама идея, будто ликвидация неграмотности почти сотни миллионов человек совместима с формулой «общее снижение культурного уровня». Дело в том, что Козловой интересно лишь то, что происходит в тонком слое элиты, а 85% населения, крестьяне, для нее как будто вообще не существуют. Как не существуют и миллионы жителей Азии.

Но поговорим сначала о русских. В середине 20-х годов рез-

ко снизилась младенческая смертность в России, которая в самом конце XIX века составляла 425 умерших на 1 тыс. родившихся. В результате средняя продолжительность жизни русских сразу подскочила на 12 лет. Это было достигнуто интенсивной культурно-просветительной работой. Врач и демограф С.А.Новосельский писал в 1916 г.: «Высокая детская смертность у православного, т.е. преимущественно русского, населения состоит, помимо общеизвестных причин, в связи с деревенскими обычаями крайне рано, едва ли не с первых дней жизни ребенка давать ему кроме материнского молока жеваный хлеб, кашу и т.п. Сравнительно низкая смертность магометан, живущих в общем в весьма антисанитарных условиях, зависит от обязательного грудного вскармливания детей в связи с религиозными предписаниями по этому поводу Корана»*. Замечу, что у мусульман в 1897 г. детская смертность составляла 166 на 1 тыс. родившихся.

Так давайте определимся, считать ли отказ русских крестьян от привычки давать новорожденному ребенку жеваный хлеб, от чего умирала треть младенцев, положительным явлением культуры — или это к культуре отношения не имеет? Считать ли явлением культуры ликвидацию в 20-е годы массового детского («бытового») сифилиса, вызванного элементарным незнанием правил гигиены? Для Козловой это — ничто. А для меня — именно то, что выражается суконной формулой «общее повышение культурного уровня». И оно могло быть достигнуто именно благодаря советскому строю, ибо в царской России слишком большая часть чиновников думала именно так, как философ-демократ Козлова.

Козлова с плохо скрытым злорадством говорит о низком уровне грамотности «красных» студентов. Допустим, низкий, не хочу спорить. Но разве он у них был ниже, чем у массы их старших братьев пять-шесть лет назад, когда эти братья и мечтать не могли об университете? Ведь ясно, что благодаря рабфакам уровень грамотности и культуры у существенной части молодежи резко вырос. Почему же злорадство, почему это ставится в вину советскому строю? Хотелось бы мне проникнуть в душу таких людей и понять, почему явное улучшение жизни

*Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Календарь для врачей на 1916 г. СПб., 1916. Цит. по: Андреев Е.М., Добровольская В.В., Шабуров К.Ю. Этническая дифференциация смертности. — СОЦИС, 1992, № 7.

немалой части народа вызывает такую неприязнь. Фрейда бы на них напустить, покопаться в их подсознании.

Видимо, не знает г-жа Козлова, что «красные» студенты в ходе учебы и работы очень быстро повышали свой «уровень грамотности», и из их среды вышли блестящие интеллигенты, в том числе гуманитарии. Начиная с некоторого порогового уровня знания главным фактором становятся природные способности и желание человека — при благоприятных социальных условиях. Это обычное дело, все мы это наблюдали в вузах. Или даже такой тривиальной вещи не заметила г-жа Козлова в свои студенческие годы?

Но попробуем встать на элитарную точку зрения, с которой смотрит г-жа Козлова. Не будем о хлебной жамке и сифилисе. Что произошло с культурой в «высоком» смысле слова? Тут, грубо говоря, философ говорит неправду. В 20-е годы произошел взрыв, протуберанец культурной деятельности высокого накала. Видимо, философ не считает науку частью культуры, поэтому о становлении советской науки не будем, хотя во многих отношениях это было замечательное явление. Но как можно говорить о падении уровня, например, литературы! Это просто немыслимо. Окиньте взором свои книжные полки, посмотрите на даты. Маяковский и Пастернак, Есенин и Заболоцкий, Клюев и Васильев, Мандельштам и Ахматова — и так далее. В каком смысле можно сказать, что их стихи 20-х годов — низкого уровня? А ведь так безапелляционно заявляют, что люди просто не осмеливаются не поверить. О театре и кино говорить нечего — советские мастера были участниками ведущей мировой бригады, никто в этом не сомневался. Тогда же начинался расцвет нашей музыки. Откуда взялись Прокофьев, Шостакович, композиторы-песенники? Из 20-х годов. Или нас будут уверять, что в СССР всегда был низок уровень музыкальной культуры?

Считается, что по сравнению с другими видами высокой культуры тогда отстала живопись. Может, и отстала, но ведь никак не низок был ее уровень. У меня дядя был довольно известный художник, я интересовался книгами по искусству того времени. Общее мнение таково, что 20-е годы были очень важным и интересным периодом. Кстати, развитие всех видов искусства в немалой степени было подкреплено тем прозаическим обстоятельством, что на них вследствие появления массы «красных» студентов возник массовый спрос. Например, искусствоведы отмечают, что небывалый наплыв в 20-е годы посети-

телей в картинные галереи побудил правительство выделить довольно большие деньги на поддержку художников. Рынок не рынок, а общественная потребность — дело великое.

Конечно, революция — это катастрофа, в том числе для культуры. Кто-то погиб, кто-то эмигрировал, у кого-то опустились руки. Но надо же судить по главному признаку — вызвали ли действия главных сил революции разрыв непрерывности в развитии культуры или нет. Соединить старую культуру с революционной молодежью — дело очень непростое. И бесспорно, что в русской революции это удалось сделать в огромной степени. Это надо оценить и над этим задуматься. Посмотрите, господа, что творится сегодня, как легко и бездумно вы ломаете то, что строили наши отцы. Не только втаптываете в ничтожество миллионы честных людей, но и разрушаете, как вандалы, великие культурные ценности. Вам ли упрекать кого-то?..

В советской культуре произошло то, чего до этого не наблюдалось нигде, — культуру высокого, «университетского» типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты типом культуры. Это именно то, о чем мечтали русские просветители, наши духовные наставники. Сегодня впервые в политической верхушке взят курс на разделение народа на классы по культурному признаку. Как раз в 20-е годы, когда обсуждалась школьная и культурная политика, началось это небывалое дело — снятие классовых различий через освоение единого мира символов и единого языка. Тот, кто жил на Западе, знает, что там об этом и помыслить невозможно.

Когда я начал писать этот раздел, именно обежал взглядом книжные полки, мои любимые книги, особенно издания 20-х годов, раз уж о них речь. Вот затрепанная, постоянно читаемая книга — переводы рассказов китайского писателя XVII века Пу Сунлина «Лисьи чары». Это одно из сокровищ великой китайской литературы, вещь исключительно тонкая. На Западе о ней мало кто знает, это достояние рафинированной элиты. Только у Ивлина Во один из его таких рафинированных персонажей берет в руки эту книгу — так автор подчеркивает исключительность этого героя.

В русскую культуру этот шедевр ввел «выдающийся советский знаток и исследователь китайской литературы» В.М.Алексеев (с 1918 г. — профессор Петроградского университета, с 1929 — член АН СССР). «Лисьи чары» вышли в СССР в 1922 г., вторая часть собрания Пу Сунлина «Монахи-волшебники» — в 1923-м, тиражом 5150 экз., с замечательным предисловием

В.М.Алексеева, которое само по себе есть произведение высокой культуры. Эти книги сразу стали библиографической редкостью, и в 50-е годы их переиздали уже большими тиражами. А я помимо первых изданий, от отца, купил издание 1970 г., тиражом 50 тыс., которые тоже разошлось за несколько дней.

Наши философы-демократы ничего этого не видят. Почему? Я думаю, просто злоба застит им глаза, и они жизнь видят в чудовищно искаженном образе — недобром и несправедливом. Понятно, что после любой большой революции часть людей и их дети не могут принять новый порядок — не лежит душа, и все тут. Болят душевные раны, и тут уж логикой не возьмешь. Но если эти люди честны и благородны, то они не лезут со своими старыми ранами отравлять жизнь другим. Они даже в душе признают, что это неприятие у них вещь сугубо личная, интимная. А если они по роду занятий и темперамента вынуждены обращаться к людям, то предупреждают их об этой своей личной антипатии, а в наблюдениях стараются быть объективными.

Пример — М.М.Пришвин, писатель и острый наблюдатель своего времени. На дух не терпел коммунистов и Советскую власть, в своих дневниках не скрывал этого — но всегда при этом оговаривался, что никакая другая власть не вытащила бы Россию из ямы. 26 сентября 1921 г. записал в дневник очередной крик души: «Часто приходит в голову, что почему я не приемлю эту власть, ведь я вполне допускаю, что она, такая и никакая другая, сдвинет Русь со своей мертвой точки, я понимаю ее как необходимость. Да, это все так, но все-таки я не приемлю». А позже добавил: «Чувствую, однако, что философия моя как-то краешком и очень неудачно прицепляется к моему личному раздражению...» Такую позицию можно уважать — человек покопался в себе и предупреждает, что его нелюбовь есть плод душевных мук, а не ума. А сейчас у нас в академических журналах, со всем авторитетом якобы научного знания, вбрасывают в общество совершенно иррациональные утверждения — и хоть бы малейшая оговорка. Может, у них это не плод ни ума, ни души? Актеры на сдельной оплате?

Но это, конечно, неважно — антисоветская интеллигенция, независимо от личной внутренней мотивации каждого приняла вполне определенную философскую антропологию, представление о сущности человека и его правах. В этой философии «низшие чины» человечества как бы вообще не существуют. Во всяком случае, их самые простые, фундаментальные жизненные потребности ставятся несравненно ниже права элиты на

духовный комфорт — а уж о пище или жилье элиты и речи нет. Ах, нас заставили жить в коммунальных квартирах!

Сам же Пришвин подметил эту установку еще до революции. Он писал о Мережковском: «Я никогда не забуду одного его спора с социал-демократическим рабочим. В ответ на поставленный ему вопрос о необходимости в человеке сознания своего собственного бессмертия рабочий говорил:

— Накормите меня.

Тогда Мережковский, возмущенный грубостью ответа, вдруг неистово закричал:

— Падаль, падаль!

Это была, конечно, чисто философская «падаль», то есть то, что падает, умирает, а рабочий принял за настоящую, ругательскую — и пошло, пошло».

Так вот, наши философы-демократы горазды рассуждать о бессмертии, но им претит разговор о хлебе насущном, о самом простом и прозаическом голоде людей.

Наконец, хочу обратить внимание еще на одну сторону проблемы. И Российская империя, и СССР были большими *многонациональными* государствами. Об этом сейчас вообще стараются забыть, но как шло строительство культуры других, нерусских народов при Советской власти? В принципе это, на мой взгляд, просто заострение того вопроса, с которого начали, потому что нынешние демократы и к русскому простонародью относятся как к иной расе, как к особым живучим индейцам, которые только-только догадались начать вымирать.

Мать моя из Семиречья, в детстве и юности навиделась, как жили простые казахи и киргизы — не баи и не муллы. И всю жизнь она с радостью замечала, как там меняется жизнь, как исчезает трахома, как здороваются дети, какая подрастает красивая и тонкая интеллигенция. Я подрастал, а эти замечания мельком откладывались в памяти. Потом и друзья появились, и в университете, и в лаборатории из АН Таджикской ССР. Так что скажу немного о таджиках.

Сейчас об их культурной эволюции появилось довольно много литературы. Таджикистан стал острием атаки панисламистов, там возник необычный альянс демократической интеллигенции («московских таджиков») с радикальной молодежью из сословия ишанов (дервишей) — привилегированной исламской элиты, которая в 20-е годы организовала вооруженную борьбу против Советской власти, потом нашла с ней компромисс и превратилась в местную советскую элиту. Теперь ее уго-

ворили вновь взяться за оружие, и возникла небывалая химера — «демо-исламисты», которые в начале 90-х годов привели к тяжелой и опасной гражданской войне. Она приобрела международный характер, получив базы в Афганистане, и возник объект интенсивных исследований. Их результаты поучительны.

Таджики — большой народ иранской группы, в 20-е годы в Туркестане и Бухаре их насчитывалось более 1,2 миллиона. Но они, окруженные узбеками, оказались под сильным давлением идеологии пантюркизма, так что даже малочисленная таджикская интеллигенция принимала идею «обузбечивания» и считала бесперспективным развитие своей культуры. Но в советской национальной политике, которая складывалась стихийно, из общих представлений о народе, не было курса на ассимиляцию. Проводить советские установки было очень трудно — в Средней Азии были популярны идеи Ататюрка о государстве-нации «по-тюркски», и этим идеям были привержены руководители узбекских коммунистов. Они считали, что сила региона зависит от его единства, а оно во многом укрепляется языковой общностью — и отвергали культурное обособление таджиков от тюрков. Под все это подводилось «научно-материалистическое» обоснование. Укрепление Советской власти послужило тому, что таджикские интеллигенты стали преодолевать и пантюркизм, и джадидизм — течение либеральных модернизаторов, идущих в русле младотурок. Одним из первых таких таджиков был писатель Садриддин Айни.

В 1924 г. стал издаваться журнал «Голос таджикского бедняка», орган обкома партии и исполкома Самарканда, потом еще два журнала. «Голос бедняка» стал, по сути, создавать историографию таджиков, которые до этого и не знали, что они таджики, не имели национального самосознания («я — мусульманин, персоязычный»). Журнал стал печатать переводы выдержек из трудов русского востоковеда В.Бартольда. Статьи в журнале начинались с таких разъяснений: «Вот кто мы, вот где мы географически расположены, в каких районах проживаем, в каком районе что выращивается».

Потом стали создавать газету на таджикском языке. О ней «Голос бедняка» писал в 1924 г.: «Газета — это язык народа, волшебный шар, в котором отражается мир, подруга в уединении, защитница угнетенных. Газета — источник бдительности, пробуждения народа. Да здравствует образование, да здравствует печать». Печать помогла становлению таджикской светской

школы. Как писал в стихах Айни, «лишь отсутствие школы в ту эпоху немного задержало полет таджика».

Говорят, «уровень культуры снизился в 20-е годы». Вот как обстояло дело со школами в Таджикистане:

Школьное образование в Таджикистане (1921—1929 гг.)

Годы	Число школ	преподавателей	учеников
1921/22	31	61	904
1925/26	62	85	2287
1926/27	154	184	5024
1927/28	258	?	9070
1928/29	307	393	12 000

Ликбезы

Годы	Число ликбезов	Число учеников
1925/26	63	1400
1926/27	140	2100
1927/28	271	7400
1928/29	318	12 400

И установка была опять же на развитие народной, а не словесной культуры. В декабре 1924 г. Наркомпрос образовал свой журнал на таджикском языке и писал: «Наш журнал должен быть справочником, в любой момент полезным учителю. Поскольку школьное дело в Таджикистане еще очень молодо и таджики не вполне понимают настоящий литературный персидский язык, наш журнал должен быть несложным и доступным для простого народа. Пусть нас не будут считать людьми высокого слога, но пусть каждый учитель сможет понять нас»^{*}.

Надо сказать, что к 1929 г. в начальную школу пошли только 12% таджикских детей школьного возраста — но это уже были 12%! А не 0,9%, как в 1922 г.

В 1929 г. был открыт первый таджикский драматический театр, в 1931 г. первый вуз — Педагогический университет с одним факультетом и 12 преподавателями; а затем в том же году — Университет сельского хозяйства. Таджики стали *наро-*

^{*}Цитаты и данные я беру из статьи исследователя Высшей школы социальных наук (Париж), генерального секретаря Ассоциации по исследованию Центральной Азии г-жи Гиссу Джахангири-Жанно «К вопросу о формировании таджикского национального сознания (1920—1930 гг.)», опубликованной в журнале «Восток» (1996, № 2).

дом. Это показали дотошные исследования документов и устных заявлений обеих противоборствующих сторон в гражданской войне 1992—1994 гг. Более того, изучение этих документов (например, некрологов по погибшим борцам) показало, что, независимо от конъюнктурной политической позиции, все части расколотого таджикского народа имели *советский* тип культуры*.

Завершая это отступление, я скажу, что «сытое презрение» к тому, что сделала Советская власть в сфере культуры для крестьян, «кухаркиных детей», таджиков и т.д., постоянное третирующее «красных» студентов и интеллигенции как «образованцев» есть, на мой взгляд, проявление низкого мещанского комплекса неполноценности — комплекса в той же мере антидемократического, как и антиаристократического. Через музыку это так воспринял Георгий Свиридов в своих «записках» 1979 г.:

«Тип лирического героя, открытый Стравинским в «Петрушке» (жалкая кукла вместо человека), оказался удивительно к месту и времени. Он как нельзя более соответствовал складу и типу характера, сложившегося в русском (достаточно, впрочем, пестром по художественному составу!) интеллигентском обществе. Дальнейшее развитие этот тип получил и в музыке, например у Шостаковича — «Петрушка на войне» (когда-то я слышал эту мысль у С. Городецкого, но на нее никто не обратил внимания, а между тем она верна!). Тип этот, вызывающий жалость (вместо сострадания!), действительно был жалок, униженный, третируемый, как скоморох (что вполне заслуженно!) в годы народного бедствия. Но, получив известную свободу действий, он более полно проявил свой характер. Тут сказалась нетерпимость ко всему на свете, сознание своей избранности, самодовольное, сытое презрение к более низким и более высоким социальным слоям, непомерное честолюбие и ужасающий душевный холод и злоба. Безбожие и органически с ним связанное бездушие».

*Кстати, согласно данным социологов, в 1992 г. «подавляющая часть опрошенных рабочих, колхозников, сельской и технической интеллигенции не разделяли идей суверенизации страны, 77% опрошенных выразили сожаление о распаде СССР, даже высказались против независимости Таджикистана... Иные настроения овладели политической и хозяйственной элитой, она решительно высказалась за независимость Таджикистана...» (Олимова С.К. Коммунистическая партия Таджикистана в 1992—1994 гг. — Восток, 1996, № 2).

Траектория советской культуры: отношение к языку. Каждый крупный общественный сдвиг потрясает язык. В частности, резко усиливает словотворчество. Цивилизационный слом традиционного общества средневековой Европы привел к созданию принципиально нового языка с «онаученным» словарем. Язык в буржуазном обществе стал *товаром* и распределяется по законам рынка. Французский философ, изучающий роль языка в обществе, Иван Иллич пишет: «В наше время слова стали одним из самых крупных товаров на рынке, определяющих валовой национальный продукт. Именно деньги определяют, что будет сказано, кто это скажет и тип людей, которым это будет сказано. У богатых наций язык превратился в подобие губки, которая впитывает невероятные суммы». В отличие от «туземного» языка, язык, превращенный в капитал, стал продуктом производства, со своей технологией и научными разработками.

Здесь берет свое начало «общество спектакля» — этот язык «предназначен для зрителя, созерцающего сцену». Из науки в идеологию, а затем и в обыденный язык перешли в огромном количестве слова-«амебы», прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни. Это «онаучивание» языка было одной из форм колонизации — собственных народов буржуазным обществом.

Создание этих «бескорневых» слов стало важнейшим способом разрушения национальных языков и атомизации общества. Недаром собиратель русских сказок А.Н.Афанасьев подчеркивал значение корня в слове: «Забвение корня в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие словозначений; вместе с тем связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступной».

Интенсивным словотворчеством сопровождалась и русская революция начала века. Каково было главное направление этого процесса у нас? Не на устранение, а на *мобилизацию* скрытых смыслов, то есть *соединяющей* силы языка. Даже у ориентированных на Запад символистов, как указывал В.Жирмунский, «между словами, как между вещами, обозначались тайные соответствия». Но наибольшее влияние на этот процесс оказали Хлебников и Маяковский. Б.Пастернак видел у Маяковского «множество аналогий с каноническими представлениями», наличие которых — важный признак языковой эстетики традици-

онного общества. Маяковский черпал построение своих поэм в «залежах древнего творчества». Он буквально строил заслоны против языка из слов-амеб.

У Хлебникова эта принципиальная установка доведена до полной ясности. Он, для которого всю жизнь Пушкин и Гоголь были любимыми писателями, поднимал к жизни пласты до-пушкинской речи, искал славянские корни слов и своим словотворчеством вводил их в современный язык. Даже в своем «звездном языке», в *заумях* он пытался вовлечь в русскую речь «священный язык язычества». Для Хлебникова революция среди прочих изменений была средством возрождения и расцвета нашего «туземного» языка («нам надоело быть не нами»). У Хлебникова словотворчество отвечало всему строю русского языка, было направлено не на разделение, а на соединение, на восстановление связи понятийного и просторечного языка, связи слова и вещи.

«Словотворчество, опираясь на то, что в деревне, около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем. Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи», — писал он. Это процесс, противоположный тому, что происходил во время буржуазных революций в Европе.

При этом включение фольклорных и архаических элементов вовсе не было *регрессом*, языковым фундаментализмом, это было развитие. Хлебников, например, поставил перед собой сложнейшую задачу — соединить архаические славянские корни с диалогичностью языка, к которой пришло Возрождение («каждое слово опирается на молчание своего противника»).

В целом Россию не успели лишить ее «туземного» языка. Буржуазная школа не успела сформироваться и охватить существенную часть народа. Надежным щитом была и русская литература. Лев Толстой совершил подвиг, создав для школы тексты на нашем природном, «туземном» языке. Малые народы и перемешанные с ними русские остались дву- или многоязычными, что резко повышало их защитные силы. Советская школа не ставила целью оболванить массу, и язык не был товаром. Каждому ребенку дома, в школе, по радио читали родные сказки и Пушкина. В СССР это была именно государственная политика — Пушкин и народные сказки были изданы фантастическими тиражами.

Это, кстати, привело к тому, что наличие в доме Пушкина и

сказок стало казаться чем-то вроде обыденного явления природы, а вовсе не особенностью определенного жизнеустройства. Можно ли поверить, что ребенок из среднего класса в Испании вообще не слышал, что существуют испанские сказки? Я спрашивал всех своих друзей, имеющих детей, — испанских сказок не было *ни в одной семье**. А мои дети в Москве их имели — целый большой том испанских сказок. Кое-кто в Испании слышал о сказках, как бы получивших печать Европы, ставших вненациональными (их знают через фильмы Диснея) — Андерсена, братьев Гримм. Но сегодня и с ними производят модернизацию. В Барселоне в 1995 г. вышел перевод с английского книги Фина Гарнера под названием «Политически корректные детские сказки». Человеку из нашей, «еще дикой», России это кажется театром абсурда.

Вот начало исправленной известной сказки (перевожу дословно): «Жила-была малолетняя персона по имени Красная Шапочка. Однажды мать попросила ее отнести бабушке корзинку фруктов и минеральной воды, но не потому, что считала это присущим женщине делом, а — обратите внимание — потому что это было добрым актом, который послужил бы укреплению чувства общности людей. Кроме того, бабушка вовсе не была больна, скорее наоборот, она обладала прекрасным физическим и душевным здоровьем и была полностью в состоянии обслуживать сама себя, будучи взрослой и зрелой личностью...». Все довольны: и феминистки, и либералы, и борцы за демократические права «малолетних личностей». Но даже то немногое «туземное», что оставалось в измочаленной сказке, устранено.

Мы в советское время «переваривали» язык индустриального общества, наполняли его нашими смыслами, но в какой-то момент начали терпеть поражения. Школа сдавала позиции, как и пресса и весь культурный слой. Нам трудно было понять, что происходит: замещение смыслов было в идеологии буржуазного общества тайной — не меньшей, чем извлечение прибавочной стоимости из рабочих. Иллич пишет: «Внутренний запрет, — страшный, как священное табу, — не позволяет человеку индустриального общества признать различия между капиталистическим и туземным языком, который дается без всякой эконо-

*Точнее говоря, в одном доме, где, кстати, не было детей, нашелся маленький томик сказок, изданных при Франко. Я его прочитал. Примечательно, что на Кубе именно эти испанские сказки изданы массовым тиражом и стали обычной книжкой — как у нас русские сказки.

мически измеримой цены. Запрет того же рода, что не позволяет видеть фундаментальной разницы между вскармливанием грудью и через соску, между литературой и учебником, между километром, что прошел пешком или проехал как пассажир».

Что же мы видим в ходе нынешней антисоветской революции в России? Именно разрыв непрерывности, принципиальное изменение той культурной траектории, которая была продолжена в советское время. Уже вызрело и отложилось в общественной мысли явление, целый культурный проект наших антисоветских демократов — насильно, через социальную инженерию задушить наш туземный язык и заполнить сознание, особенно молодежи, словами-амебами, словами без корней, разрушающими смысл речи. Эта программа настолько тупо проводится в жизнь, что даже нет необходимости ее иллюстрировать, — все мы свидетели.

О Гражданской войне в России: комментарий из 2001 г.

В конце перестройки, а потом и на всем протяжении последних лет в общественное сознание нагнетается представление о Белом движении, начавшем Гражданскую войну в 1918 г., как носителя русского государственного патриотизма. Даже на высших уровнях КПРФ культивировалась доктрина сплочения антиельцинской оппозиции как соединения «красной и белой идеи». «Красный» идеал в этом тезисе воплощен в советском проекте, а «белый» — в радикальном антисоветском Белом движении. Белое движение — вполне реальное историческое явление. Оно изучено довольно основательно, причем многими не-советскими и антисоветскими мыслителями.

Формула утверждала, что «красный» советский проект сосредоточился исключительно на идее социальной справедливости. Национальное чувство, государственный патриотизм, напротив, нашли своего носителя в «белом» движении. Теперь, мол, пришла пора оба идеала соединить.

Вся эта концепция была основана на большом и ложном историческом мифе, который создавался в интеллектуальных лабораториях и, считаю, нанес очень большой ущерб нашему общественному сознанию. Миф этот строился через создание неверного образа «белого» проекта. Какие основания есть сегодня считать Белое движение носителем идеи «национально осмысленной государственности»? Что вообще понимается под этой идеей? Д.И.Менделеев, приступая к созданию «россиеведения», поставил в этой идее условие-минимум: «уцелеть и про-

должить независимый рост» России. Если же при этом она становится сильной развитой державой, значит, задача русской государственности выполнена не на минимальном, а на высоком уровне.

Какие фигуры воплощали суть Белого движения и какова была их установка по отношению к такой государственной идее? Лубочная перестроечная картинка представляет белых как корнетов и поручиков, вставших «за веру, Царя и Отечество» и в свободную от боев минуту со слезами на глазах певших «Боже, Царя храни!». Эта картинка совершенно не верна, недаром генерал-лейтенант Я.А.Слащов-Крымский, покидая Белую армию, написал статью «Лозунги русского патриотизма на службе Франции».

Именно генералы — основатели Белого движения — с поддержавшим их офицерством были «военной рукой» космополитических буржуазно-либеральных сил, сокрушивших монархическую государственность в феврале 1917 г. Вот вполне представительная фигура Белого движения — адмирал А.В.Колчак, поставленный англичанами и США Верховным правителем России. Ни в коем случае не можем мы его считать носителем идеи «национально осмысленной государственности». О русском народе он писал буквально как крайний русофоб времен перестройки: «обезумевший дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ». И при власти Колчака в Сибири творили над этим народом такие безобразия, что его собственные генералы слали ему по прямому проводу проклятья. Он ходил на консультации к Плеханову, после Октября патетически пытался вступить рядовым в британскую армию, имел при себе комиссаром международного авантюриста, брата Я.М.Свердлова и приемного сына Горького капитана французского Иностранного легиона масона Зиновия Пешкова. Он сам признавал: «Я оказался в положении, близком к кондотьеру» — кондотьеру, воюющему против своей страны.

Сегодня у нас чуть ли не национальным героем делают Деникина — за то, что он не стал помогать Гитлеру и желал победы Красной Армии (это у многих сейчас уже верх патриотизма). Но ведь это на склоне лет, не у дел. А когда Деникин был практическим носителем «белого идеала», он сознательно работал на Запад, против российской государственности. Согласно выводу В.В.Кожина, «Антон Иванович Деникин находился в безусловном подчинении у Запада». Биограф А.И.Деникина Д.Лехович определил взгляды лидера Белого движения как ли-

берализм и надежды на то, что «кадетская партия сможет привести Россию к конституционной монархии британского типа», так что «идея верности союзникам [Антанте] приобрела характер символа веры».

Что же касается того «буржуазно-либерального субстрата», на котором возросло Белое движение, то его принципиальная *антигосударственность* отражена и в «Вехах», и в «Из глубины», и В.В.Розановым, и очевидцами «окаянных дней» — Буниным и Пришвиным. Отражена почти с надрывом — как же можно ее не видеть.

Можно даже сузить проблему и поставить вопрос так. Когда разгорелся конфликт «красного» и «белого» идеалов, офицеры русской армии, принявшие в нем активное участие, разделились точно поровну. Половина пошла в Красную, а половина — в Белую армию. В Красной Армии стала служить и ровно половина генералов и офицеров Генерального штаба, цвет армии. Какие же есть основания сегодня считать, что государственным чувством руководствовались именно те, кто оказался с белыми, а не генерал А.А.Брусилов или М.Д.Бонч-Бруевич? Ведь по этому критерию все говорит в пользу именно тех, кто стал служить Советской власти, а не эфемерным масонским «правительствам». В Красную Армию царские генералы и офицеры пошли служить почти исключительно не из идеологических, а из патриотических соображений, в партию вступило ничтожно малое их число. Приглашая их к строительству новой армии, Советская власть взяла обязательство «не посягать на их политические убеждения».

Сегодня тот, кто вершит свой маленький «суд истории», обязан учесть доводы тех, кто *тогда* сделал свой трудный выбор. Давайте прочитаем то воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», с которым обратилась большая группа бывших генералов русской армии во главе с Брусиловым 30 мая 1920 г., когда сложилось угрожающее положение на польском фронте: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно

может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию».

Отвечая на обвинения «белых» однокашников, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: «Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем».

Да, сегодня суд Чубайса и всей его идеологической клики обрушился не на тех, кто в 1919 г. пресмыкался перед иностранцами, а на «оставшихся в России и честно исполнявших свой долг». Но это суд не истории, а тех, кто жиреет в момент Смуты.

В.В.Кожин приводит оценки двух идеологически совершенно чуждых большевикам человек, находившихся в «оке урагана» революционных событий. Великий князь Александр Михайлович видел безвыходность положения белых, ставших пособниками Запада: «На страже русских национальных интересов стоит не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи». «Черносотенец» Б.В.Никольский признавал, что большевики строили новую российскую государственность, выступая «как орудие исторической неизбежности», причем «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей».

Это и есть главное, что пытаются замазать сегодня наши «либералы-западники» в союзе с некоторыми «патриотами», — большевики в Гражданской войне стояли «на страже русских национальных интересов». А белые — на страже интересов Запада. И это пропасть была глубже, чем пропасть социальная или политическая. По мере того как офицеры Белой армии это понимали, они перетекали в Красную. В личном плане это была трагедия. Но глупо сегодня ее повторять, надо же на опыте дедов учиться.

Что же касается других народов России, то их национальные интересы совпадали с интересами русского народа, и потому не получили поддержки сепаратисты независимо от их политичес-

кой программы — ни либеральные масоны на Украине, ни социалисты-меньшевики в Грузии, ни исламская буржуазия типа младохивинцев в Средней Азии. Везде Красная Армия воспринималась как общая многонациональная армия трудящихся России. А белые и тут нажили врагов. При министерстве внутренних дел Колчака был, правда, создан «туземный отдел», но вряд ли он сколько-нибудь помог делу. На ходатайстве бурят о самоуправлении министр В.Пепеляев наложил резолюцию: «Выпороть бы вас». Недаром эстонский историк сокрушался в 1937 г., что белые, «не считаясь с действительностью, не только не использовали смертоносного оружия против большевиков — местного национализма, но сами наткнулись на него и истекли кровью».

Но главное все же в отношении белых именно к русскому народу, даже, точнее, к русскому простонародью. В 1990 г. тиражом 400 000 экземпляров в издательстве «Советский писатель» была издана книга И.А.Бунина «Окаянные дни». Потом были и другие массовые издания, но и этот тираж «накрыл» активную часть интеллигенции. Редко кто из политиков всех цветов в последние годы перестройки и после нее не помянул эту книгу как выражение мудрости и высокого чувства русского писателя-патриота. Чуть ли не истина о революции и первом годе Советской власти, урок всем патриотам. Эта книга дышит дикой ненавистью к «русскому простонародью». Ее обязательно надо прочесть тем, кто заинтересован в нашей теме.

«Окаянные дни» — ценное свидетельство, оно бы очень помогло понять то время, если бы было воспринято хладнокровно. Достаточно было сказать, что по одному и тому же вопросу противоположные позиции занимали равно близкие нам и дорогие Бунин и Блок (или Бунин и Есенин) — это видно из дневников самого Бунина. Бунин изображает «окаянные дни» с такой позиции, которую просто немыслимо разделять русскому патриоту. Ведь в Бунине говорит прежде всего сословная злоба и социальный расизм. И ненависть, которую не скрывают, — святая ненависть. К кому же? К *народу*. Он оказался не добрым и всепрощающим богоносцем, а восставшим хамом.

Читаем у Бунина: «В Одессе народ очень ждал большевиков — «наши идут»... Какая у всех [у «всех» из круга Бунина. — К.-М.] свирепая жажда их гибели. Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга».

Смотрите, как Бунин воспринимает, чисто физически, тех, против кого в сознании и подсознании его сословия уже готовилась гражданская война. Он описывает рядовую рабочую демонстрацию в Москве 25 февраля 1918 г., когда до реальной войны было еще далеко:

«Знамена, плакаты, музыка — и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

— Вставай, подымайся, рабочий народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «*Cave furem*». На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно...

И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, папиросами. Восточный крик, говор — и какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышиные волосы! У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие».

И дальше, уже из Одессы: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь Муром, Чудь белоглазая...».

Здесь — представление всего «русского простонародья» как биологически иного подвида, как не ближнего. Это извечно необходимое внушение и самовнушение, снимающее инстинктивный запрет на убийство ближнего, представителя одного с тобой биологического вида. Это, кстати, и есть самая настоящая *русофобия*.

Кстати, эта ненависть элиты к русскому простонародью не утихла даже после Отечественной войны, когда наш народ представлял собой «нацию инвалидов и вдов». Как они ждали, чтобы начавшаяся холодная война переросла в горячую! Вот что пишет в эмиграции любимая нашими демократами писательница Н. Берберова в 1947 г. Керенскому: «Для меня сейчас «русский народ» — это масса, которая через 10 лет будет иметь столько-то солдат, а через 20 — столько-то для борьбы с Европой и Америкой... Что такое «его достояние»? Цепь безумств, жестокостей и мерзостей» (27 февраля). И позже: «Одно утешение: что будущая война будет первая за много десятилетий необходимая и нужная» (6 ноября).

Теперь о патриотизме, который якобы был сосредоточен в сословии Бунина («белый идеал»). В «Окаянных днях» на каждой странице мы видим одну страсть — ожидание прихода немцев с их порядком и виселицами. А если не немцев, то хоть каких угодно иностранцев — лишь бы поскорее оккупировали Россию, загнали обратно в шахты и на барщину поднявшее голову простонародье.

Читаем у Бунина: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!»... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоеывая, а «просто едут по железной дороге» — занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В.В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы идти оккупировать Россию» и т.п.

А вот из Одессы: «Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идет не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избави Бог, французский броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче». Читаешь все это и вспоминаешь, как наша нынешняя патриотическая оппозиция, представляя белых носителями идеала государственности, поносит Советскую власть, которая в том феврале лихорадочно собирала армию, чтобы дать отпор немцам. А ведь синеглазый рабочий, воплощающий в записках Бунина враждебный ему окаянный «красный» идеал, выразил самый нормальный патриотизм, сказав на улице призывавшим немцев буржуям: «Раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем».

При этом и белые офицеры, пошедшие в услужение Западу, и вся масса российской «белой кости», которая мечтала о приходе немцев, прекрасно знали об отношении Запада к России. Никакого секрета это не составляло. Русофобия, сложившаяся как устойчивое культурное явление после победы России над Наполеоном, к началу XX века лишь усилилась. Даже Керенский, масон и западник, так начинал в эмиграции в 1942 г. свою рукопись «История России»: «С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг

народов европейской высшей цивилизации не включали... Нашей музыкой, литературой, искусством увлекались, заражались, но это были каким-то чудом возвращенные экзотические цветы среди бурьяна азиатских степей».

И еще одно прискорбное свойство сословной элиты отразил Бунин — неспособность признать масштаб революции как разлома всего народа. В «Окаянных днях» обнаруживается удивительное отличие И. Бунина от его оппонентов из «просто народа». Те, вступая в разговоры с хозяевами прошлой жизни, предъявляют им обвинение не как личностям, а как выразителям общественного явления. У образованного Бунина мы видим подмену общей категории сугубо личными особенностями. Вот вспоминает Бунин: «Встретил на Поварской мальчишку солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного. Ткнул мне мордой в грудь и, отшатнувшись назад, плюнул на меня и сказал: «Деспот, сукин сын!» Пьяный солдат, не знающий лично Бунина, сказал ему, по сути: «Вы, деспоты» или «Ты, один из деспотов». А Бунин, вовсе не отказываясь от своей принадлежности к «ним, деспотам», начал перебирать в памяти свои личные благодеяния. Мол, да, я — один из них, но я лично лучше их. У Бунина я в этой подмене вижу нечестность — ввиду всего контекста книги.

Оскорбившись, Бунин далее вспоминает, как он в 1915 г. потешески отнесся к горничной, а в 1916 г. дал вместо положенных 70 копеек целый рубль бабе, которая привезла ему телеграмму. И после этого его называют деспотом! Он бы лучше вспомнил, что писал побывавший в голодающих деревнях Лев Толстой: «Перед уходом из деревни я остановился подле мужика, только что привезшего с поля картофельные ботовья... «Откуда это?» — «У помещика покупаем». «Как? Почему?» — «За десятину плетей — десятину на лето убирать». То есть за право собрать с десятины выкопанного картофеля картофельную ботву крестьянин обязывается вспахать, посеять, скосить, связать, свезти десятину хлеба». (Десятина — это гектар.)

Тогда же Толстой сделал очень тяжелый вывод (видимо, преувеличенный, но делающий понятными слова паскудного мальчишки-солдата): «Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия. Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было бы убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия,

которые воздержались бы от пожатия пуговицы, если бы это могло им доставить хоть малейшее удовольствие. И это не предположение только. Подтверждением этого служит вся русская жизнь, все то, что не переставая происходит по всей России. Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут от голода... богачи не сидят с своими запасами хлеба, ожидая еще больших повышений цен, разве фабриканты не сбивают цен с работы?»

И какая ненависть к тем, кто требовал земли и воли! Когда в 1906 г. расстреливали восставших матросов в Кронштадте и они копали себе могилы, комендант генерал Адлерберг издевался: «Копайте, ребята, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах». После расстрела могилы сровняли с землей, и по ним парадным маршем прошли войска и прогнали арестованных. Этого не вспомнил Бунин, а вспомнил рубль, щедро выданный им бабе Махотке. И записал этот рубль в книгу откровений!

Возьмем теперь случай посложнее — «Белую гвардию» (или скорее «Дни Турбиных») М.Булгакова. Прекрасная вещь, такая родная и близкая. Каких милых людей вышибла из колеи революция. Как спасителен дом Елены с кремовыми занавесками, поддержка людей своего круга. Многое говорит пьеса о русском человеке, недаром Сталин тринадцать раз ее смотрел. Но ведь это о той же катастрофе 1918 г., пьеса полна важными общественными идеями. И вот уже тридцать лет Турбиных представляют нам как носителей русской офицерской чести, как тот тип людей, с которых надо брать пример в трудные моменты истории. Как это возможно?

Давайте же называть вещи своими именами. Перед нами «белая гвардия» — офицеры и юнкера, стреляющие из винтовок и пулеметов в неких «серых людей». Кому же служат эти русские офицеры и в кого стреляют? Они служат немцам и их марионетке-гетману. Что они защищают? Вот что: «И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревням, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии: «Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок». Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такой распискою в штаб германцев в Город».

Кто же те люди, в которых стреляли (и очень метко) офицеры, защищая гетмана и немцев и мечтая о вторжении в Россию французов и сенегальцев? Эти люди, в которых стреляли Тур-

бины, — украинские и русские крестьяне и солдаты, доведенные господами до Гражданской войны. И вот эти-то офицеры даны нам как образец чести и патриотизма? Это расщепление сознания. Заметим еще, что многие реплики, смягчающие образ «белогвардейцев», были вставлены в пьесу под давлением цензуры и репертуарного комитета.

Конечно, треть белых офицеров перешла в Красную Армию, но это у Булгакова — за сценой. Не этим дорожи Турбины. Красная Армия — это уже «не их дни». Представляя нам «белую гвардию» как образец, на этот пункт никогда не напирали. Считалось, что это уступка автора. Да и вспомним, почему Турбин распускает дивизион, почему тянется к красным Мышлаевский. Потому, что белые генералы продажны и потому, что сил у белых мало, — не справиться с «мужичками». А если бы офицерам выдали полушубки и валенки, если бы немцев было побольше и подошло бы подкрепление сенегальцев, то и продолжали бы Турбины стрелять в «серых людей», не жалея патронов. Вчитайтесь сегодня в текст повести!

Как образец в массовое сознание «архитекторы перестройки» внедрили само *элитарное мышление* Бунина и Булгакова. Писатели и их лирические герои были даны как эталон достоинства, растоптанного советским строем. Напротив, этот строй воплотился в образе «серых мужичков», атавистических особей русского простонародья. Эти эталоны приняли и многие дети этого простонародья — и возненавидели дело своих отцов.

Ненависть низов (в основном крестьянства) и верхушки белых была взаимной и принимала почти расовый характер. Об этом пишет в своих воспоминаниях «Очерки русской смуты» А.Деникин. Полезно почитать и письма адмирала Колчака. Этой ненависти к простонародью не было и в помине у красных, которых видели крестьяне, — у Чапаева или Щорса. Они были «той же расы». Это и решило исход Гражданской войны — при том, что хватало жестокостей и казней с обеих сторон*.

*Но и в жестокостях белые отличились. Просвещенному правителю Колчаку даже его генералы слали проклятья по прямому проводу — такой режим он установил в Сибири. Устыдились белочехи, и 13 ноября 1919 г. они издали меморандум: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан...» и т.д. Напомним, что Колчак расстрелял депутатов Учредительного собрания, которые съехались в Омск. Все же разгон и расстрел — разные вещи.

В гражданской войне любая армия снабжается тем, что удается отнять у крестьян. Главное, что нужно для армии, — это люди, лошади и хлеб. Конечно, крестьяне не отдавали все это своей охотой ни белым, ни красным. Исход войны определялся тем, как много сил приходилось тратить на то, чтобы все это получить. Это и есть важнейший для нас эксперимент. Красным крестьяне сопротивлялись намного слабее, чем белым (некоторые историки даже оценивают эту разницу количественно, по числу рекрутов: в 5 раз слабее). Под конец все силы у белых уходили на борьбу за самообеспечение — и война закончилась*.

После Гражданской войны бывшие противники примирились уже на основе признания советской государственности. Всем уже было очевидно, что в этой оболочке восстановилась Россия и смогла укрепиться для большой войны с новым тевтонским нашествием. В этой войне на взаимных обидах Гражданской был поставлен крест. Те, кто снова начал растравливать раны и призывать к реваншу, на мой взгляд, являются самыми настоящими врагами народа — в самом простом и понятном смысле этого слова.

Глава 7

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД НЭПА

К весне 1921 г., когда окончилась Гражданская война и военная интервенция, политика «военного коммунизма» перестала быть терпимой для большей части крестьянства, разоренного войнами и истощенного неурожаем. Крестьяне начали выступать против Советской власти. Естественным ответом на отсутствие рынка, изъятие излишков через продразверстку было сокращение крестьянами площади посевов. Они производили то, что было необходимо для пропитания семьи. В 1920 г. сельское хозяйство давало около половины довоенной продукции. Одной из важных причин этого было наряду с общей военной разрухой измельчение наделов и исчезновение крупных хозяйств.

Положение промышленности было еще хуже. В 1920 г. продукция тяжелой промышленности составляла около 15% довоенной. Производительность труда составляла лишь 39% от

*Также исчезла великолепная армия Наполеона — когда все силы у нее стали уходить на поиск пропитания и фуража в деревнях и ничего не осталось для боев.

уровня 1913 г. Рабочий класс также был подорван хозяйственной разрухой. Многие фабрики и заводы стояли. Рабочие голодали и уходили в деревню, становились кустарями, мешочниками. Шел процесс деклассирования рабочих. Голод и усталость явились причиной недовольства части рабочих.

Основой экономики и главным источником ресурсов для развития страны в целом было сельское хозяйство. За время после Октября в нем произошло разительное выравнивание размеров хозяйств. Исчезли крупные помещичьи владения, стали резко преобладать крестьянские дворы с небольшими наделами и одной лошадей. В таблице показано распределение дворов по размеру посевных площадей:

Размер двора	1917	1919	1920
	%	%	%
С посевными до 4 дес.	58,0	72,1	86,0
от 4 до 8 дес.	21,7	17,5	6,5
свыше 8 дес.	9,0	3,8	1,7

В 1920 г. по сравнению с 1917 г. доля хозяйств с одной лошадей выросла от 49,2 до 63,6%, а доля хозяйств, имеющих более двух лошадей, упала с 4,8 до 0,9%. Это значит, что безлошадных было около 35%. Вообще, главный ущерб, который сельское хозяйство понесло от войн и разрухи, заключался, прежде всего, в гибели большого числа мужчин, а затем в потере большой части рабочего скота. По официальным данным, с 1916 по 1922 г. общее сокращение тягловой силы составило 39%, и даже в 1928 г. довоенный уровень не был восстановлен.

После чрезвычайного периода военного коммунизма государство должно было выбрать какой-то вариант нормальной и стабильной аграрной политики. Встряска войны, нарушившей привычные связи, позволяла ставить вопрос о вариантах политики. Двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России Л.Н.Литошенко и А.В.Чаянову было поручено подготовить два альтернативных программных доклада. Л.Н.Литошенко рассмотрел возможности продолжения в новых условиях так называемой «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. А.В.Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией. Доклады в июне 1920 г. обсуждались на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу

государственной политики была положена концепция А.В.Чаянова. На фоне реформ нашего времени надо отдать должное ответственному подходу Советского правительства в 1920 г. При выборе аграрной политики не было места ни доктринерству, ни риторике.

X съезд РКП(б) в марте 1921 г. принял решение о переходе от продразверстки к продналогу. Началась «новая экономическая политика» (нэп). Судя по документам той эпохи, речь шла не о продолжении курса 1918 г., а именно о *новой* политике, выработанной на новом уровне понимания происходящих в стране процессов. Иного и не могло быть после такого колоссального урока, как Гражданская война. Это надо отметить, поскольку дата начала нэпа вызывает споры среди ученых. Некоторые считают, что политика типа нэпа начала проводиться сразу после Октября, но была временно заменена вынужденной политикой военного коммунизма.

Выяснение сути нэпа породило в партии острые и болезненные дискуссии. Его называли «отступлением», «крестьянским Брестом». Ленин же подчеркивал, что в России «смычка с крестьянской экономикой» (главный смысл нэпа) — фундаментальное условие построения социализма. Иными словами, нэп был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

Размышления о нэпе незаметно отодвинули на второй план постулат марксизма о мировой пролетарской революции как условии социализма. Все внимание стало приковано к внутренним делам России, из чего позже выросла концепция «построения социализма в одной стране». Вообще, главный вопрос нэпа — отношения Советского государства и крестьянства — в 20-е годы преломлялся в спорах по всем, внешне совсем далеким проблемам. Прямо он стоял в государственном и партийном строительстве. Ответственный работник ЦК РКП(б) в 20-е годы А.Балашов вспоминает: «Меня оскорбляло, что я член партии по происхождению из крестьян-середняков и меня поэтому никуда дальше аппарата не выдвигали, на выборные должности не избирали. Только потому, что я крестьянин. Так и говорили. И Каганович напрямую говорил. Когда я спросил, почему вы выдвигаете из рабочих только, он сказал — такая установка наша. Это когда я с ним работал в 1922—1924 гг., еще при Ленине.

Из крестьянства выдвигали потом, при Сталине. На должность наркомзема один был выдвинут крестьянский вождь, си-

бирский предводитель отрядов партизанских. Но он сбежал домой, отпросился, чтобы его отпустили в Сибирь; сказал, что не хочет в аппарате работать, с бумагами возиться, что хочет среди крестьян работать. А там уж что у него в мозгах было, почему он выражал недовольство, неизвестно. Он объяснял просто: хочу отдохнуть, лечь на травку среди цветов, а меня милиционеры сгоняют из сквера, говорят, нельзя лежать».

Надо сказать, что ненависть к «крестьянскому» компоненту советского строя у части просвещенных большевиков была весьма устойчивой и наглядно проявилась во время перестройки, когда прямо увязывалась со сталинизмом. Философ Д.Е.Фурман в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) так писал о советском консерватизме: «Основные носители этих тенденций, очевидно, поднявшаяся из низов часть бюрократии, которая, во-первых, унаследовала многие элементы традиционного крестьянского сознания, во-вторых, хочет не революционных бурь, а своего прочного положения».

Неявно вопрос об отношении к крестьянству возник в годы нэпа и в культуре. Вот кусочек из письма Горького Бухарину (13 июля 1925 г.): «Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть дана теперь же. Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима... Город и деревня должны встать — лоб в лоб. Писатель-рабочий обязан понять это».

В открытой дискуссии о литературе сильное давление Пролеткульта, напротив, сдерживали ссылками на нэп. Докладчик по этому вопросу М.В.Фрунзе говорил, что «необходимость допущения в известных пределах капиталистического накопления в деревне» предполагает терпимость и к непролетарским элементам в литературе. Похожим образом стоял вопрос в острых спорах в комсомоле, который стал преимущественно *крестьянской* организацией: если сельские жители, в основном интеллигенция, составляли лишь 1/5 состава партии, в комсомоле 59% были крестьяне, причем главным образом середняки (доля батраков была 5—8%). Против этого, как и Пролеткульт в литературе, выступали «классовики», с которыми ЦК партии вел не-

простую борьбу. По сути, это был вопрос о выборе цивилизационного пути, который даже после победы в Гражданской войне не был «снят».

В то время в России было пять общественно-экономических укладов: социалистический, капиталистический, мелкотоварное производство (большинство крестьянских хозяйств, продававших излишки хлеба), госкапитализм, патриархальное хозяйство (не связанное с рынком). Основными являлись: социалистический, капиталистический и мелкотоварное производство. Госкапитализм в сильный экономический уклад развить не удалось. Патриархальное хозяйство, как считалось, не имело общеэкономического значения для государства. Недооценка и непонимание нерыночных типов хозяйства (патриархального в деревне, домашнего в городе), составляющего огромную, хотя и «невидимую» часть народного хозяйства, была большим изъяном политэкономии, в том числе марксистской. Для России эта слепота политэкономии сыграла особенно роковую роль — как во время коллективизации, так и в конце советского периода.

Мне кажется, что представление нэпа как «отступления» неверно и в глубоком культурном смысле этой программы. Введение в массовое сознание идей собственности и права и не могло быть «отступлением» для крестьянской общинной России. Это был огромный шаг вперед, и только по аналогии, как метафора, этот шаг назывался «отступлением к буржуазности» — это было освоение категорий собственности и права уже на траектории построения развитого и модернизированного, но не буржуазного жизнеустройства. Скорее всего это было самым сложным шагом в советском проекте, и он удался лишь частично из-за форсированных исторических обстоятельств.

М.М.Пришвин много думал об этой проблеме сразу после Февральской революции. Неготовность крестьян принять «буржуазные» ценности он считал главным препятствием на пути к социализму. 7 августа 1917 г. он записал в дневнике:

«Собственность — это кол, вокруг которого гоняют привязанного к нему человека до тех пор, пока он не научится заботиться о вещах мира сего, как о себе самом, потому что завет собственности: люби вещи материальные как самого себя. Эта заповедь о вещах сохраняется равно для мира буржуазного и мира социалистического.

У меня есть прошлогодняя лесная вырубка, всего восемь десятин, она расположена на овраге и служит защитой местности от размывания. При обезлесье и овражистости она есть цен-

ность не только моя, но и общественная. Около ста лет мои предки содержали на ней караульщика, и обыкновенный овраг, каких много вокруг, давал хороший доход. Весной наш комитет объявил этот лесок собственностью государственной, и сейчас же из леса потащили сложенные в нем дрова. Когда эти дрова были растащены, бабы стали ходить туда за травой, потом стали траву в лесу косить и скашивать вместе с травой молодые деревца, потом пустили табуны, и молодое все было исковеркано, искусано. Я целое лето боролся с этим, кланялся сходу, просил пожилых мужиков и ничего сделать не мог: все потравили.

Охраняя поросль, я всегда говорил, что эта поросль пусть не моя, я охраняю вашу собственную поросль, но слова эти были на ветер, потому что эти люди, не воспитанные чувством личной собственности, не могли охранять собственность общественную.

В отдельности каждый из них все хорошо понимает и отвечает, что нельзя ничего сделать там, где сорок хозяев.

И все признают, что так быть не может и нужна какая-нибудь власть:

— Друзья товарищи! Власть находится в нас самих.

— Стало быть, — говорят, — не находится».

Фактология нэпа. 21 марта 1921 г. ВЦИК издал декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». Размеры налога были почти в два раза меньше продразверстки — 240 млн. пудов зерновых вместо 423 млн. по разверстке 1920 г., из которых реально было собрано около 300 млн.; еще предполагалось получить около 160 млн. пудов через торговлю. Крестьянин мог свободно распоряжаться оставшимся после сдачи налога урожаем. Декрет был опубликован до начала посевных работ, что побуждало крестьян увеличивать посевы*.

Первый год нэпа сопровождался катастрофической засухой. (из 38 млн. десятин, засеянных в Европейской России, урожай погиб полностью на 14 млн., так что продналога было собрано лишь 150 млн. пудов). Была проведена эвакуация жителей пораженных районов в Сибирь, масса людей (около 1,3 млн. человек) шла самостоятельно на Украину и в Сибирь. Официальная

*Часто говорят, что толчком к введению нэпа послужил Кронштадтский мятеж в начале марта 1921 г. Это неверно, текст резолюции о нэпе был представлен в ЦК РКП(б) 24 февраля 1921 г.

цифра пострадавших от голода составляла 22 млн. человек. Из-за границы, в основном из США, была получена помощь в размере 1,6 млн. пудов зерна и 780 тыс. пудов другого продовольствия. Шок от неурожая послужил тому, что сельскохозяйственные работы 1922 г. были объявлены общегосударственным и общепартийным делом.

Нэп восстановил положение в народном хозяйстве. В 1922 г. урожай достиг 75% от уровня 1913 г., а в 1925 г. посевная площадь достигла довоенного уровня. Выйдя на эти показатели, главная отрасль экономики — сельское хозяйство — стабилизировалась. Однако в нем нарастал тот же самый кризис аграрного перенаселения, что поразил Россию в начале века и побудил к реформе Столыпина.

К 1928 г. абсолютный прирост сельского населения составил по сравнению с 1913 г. 11 млн. человек (9,3%), а общая посевная площадь выросла всего на 5%, причем посевы зерновых совсем не увеличились. Таким образом, посевы зерновых на душу населения сократились на 9% и составили в 1928 г. всего 0,75 га. За счет некоторого роста урожайности производство зерна на душу сельского населения выросло всего до 570 кг. При этом заметно возросло поголовье скота — до 60 голов крупного рогатого скота на 100 га пашни в 1928 г. против 55 в 1913 г. Больше стало и птицы. На их прокорм в 1928 г. расходовалось почти 32% зерна. Конечно, питание крестьян заметно улучшилось, но товарное производство зерна сократилось более чем вдвое и составило 48,4% от уровня 1913 г. В результате началось сокращение доли рабочей силы, занятой в промышленности и торговле, — процесс, несовместимый с индустриализацией. Доля занятых в промышленности к 1928 г. снизилась до 8% (в 1913 г. — 9%), занятых в торговле — до 3% (в 1913 г. — 6%). Напротив, доля занятых в сельском хозяйстве возросла за это время с 75 до 80%. Шла, как говорили, «натурализация и аграризация народного хозяйства».

Промышленность. Валовая продукция крупной промышленности к 1925 г. составила 3/4 от довоенной. Производство электроэнергии превзошло довоенный уровень в полтора раза. В промышленности был отменен закон от 29 ноября 1920 г., который предусматривал национализацию всех предприятий. В декабре 1921 г. был издан декрет о денационализации предприятий с числом работающих до 20 человек, если их использование государственными органами признано неэффективным.

Малые и средние предприятия стали сдавать в аренду. В основном их арендовали кооперативы и рабочие артели, частных было намного менее половины (в основном это были прежние владельцы). В марте 1923 г. была проведена перепись предприятий. Выяснилось, что 84,5% всех промышленных рабочих были заняты на государственных предприятиях, которые давали в стоимостном выражении 92,4% продукции. На долю частных предприятий приходилось 4,9% продукции и на кооперативы — 2,7%. Место нэпмана в промышленности было в сознании послевоенных поколений сильно преувеличено благодаря литературе и кино*.

Поворот от «военного коммунизма» к нэпу был очень непростой задачей. Введение действующих стихийно рыночных механизмов при острой нехватке сырья, оборудования и готовой продукции приводило к тому, что любое неравновесие начинало обостряться, порождая цепную реакцию кризиса. Промышленные предприятия, переведенные на хозрасчет, столкнулись с отсутствием оборотных средств. Чтобы выплачивать рабочим зарплату, они были вынуждены срочно распродавать готовую продукцию. В конце 1921 г. даже возник термин — «разбазаривание». Началась «безудержная конкуренция» предприятий на рынке, так что цены резко упали. 1 января 1921 г. аршин ситца стоил 4 фунта ржаной муки, а 1 мая — 1,68 фунта. В мае 1922 г. хлопчатобумажная ткань продавалась по цене в два с лишним раза ниже себестоимости. Видный экономист писал, что начало нэпа — время «диктатуры ржи и расточения нашего государственного промышленного капитала».

Шляпников, выступая на XI съезде партии, говорил о положении промышленности: «Конъюнктура рынка такова, что она бьет нас, мы не можем выдержать. Нам сейчас необходимы деньги, и в погоне за ними мы создаем такую анархию даже на голодном металлическом рынке, что продажная цена не окупает себестоимости голодной заработной платы — так низко падают цены на изделия». Это привело к тому, что в партии возникла «рабочая оппозиция», которая утверждала, что нэп проводится за счет рабочих.

* Самыми процветающими нэпманами стали посредники и знатоки рынка, которые вели дела с государственными предприятиями и учреждениями. Как говорил один делегат съезда Советов, «частный капитал охватывает государственные органы со всех сторон, питаясь ими и наживаясь за их счет».

Тяжелое положение сложилось в топливной промышленности. В марте 1921 г. ее перевели на хозрасчет. 959 работающих в Донбассе шахт не имели никакой машинной техники. К сентябрю часть их закрыли, 288 оставили у государства, а 400 сдали в аренду. Добытый уголь теперь продавали на рынке (кроме обязательных поставок для железных дорог), но рабочие лишились государственных поставок продовольствия. Шахтеров увольняли из-за отсутствия наличных денег для зарплаты. На шахтах начался голод, были случаи голодной смерти, и вне рыночные поставки продовольствия шахтерам были возобновлены.

В марте 1922 г. для укрепления позиции промышленных предприятий на рынке их стали объединять в большие группы (синдикаты), которые давали от 70 до 100% продукции своих отраслей. Конкуренция между предприятиями была устранена, цены стали сдвигаться в другую сторону, так что снова возникли «ножницы цен» — но теперь уже в ущерб сельскому производителю. Кроме того, в тяжелом кризисе оказывались крупная промышленность и транспорт. Это ставило под угрозу восстановление и развитие всего хозяйства. Все более очевидным и для партийного и хозяйственного руководства, и для профсоюзов было создание системы планирования и государственного финансирования.

Введение хозрасчета изменило и систему оплаты труда, хотя процесс этот шел очень трудно. В сентябре 1921 г. вышел декрет, который требовал «отделения от предприятия всего, что не связано с производством и что носит характер социального обеспечения». О зарплате было сказано: «Всякая мысль об уравнительности должна быть отброшена». После ноября 1921 г. прекратилось распределение пайков бесплатно или по заниженным ценам — пайки стали частью зарплаты исходя из их рыночной стоимости. К осени 1921 г. пайки получали 7 млн. человек, в основном рабочие. Денежный элемент в зарплате, который в 1921 г. составлял 6%, в 1922 г. вырос до 32%. Эти меры были очень непопулярны. Возникла и быстро возросла безработица (в октябре 1921 г. было зарегистрировано 150 тыс., в январе 1923 г. — 625 тыс. и в январе 1924 г. — 124 тыс. безработных).

В крупных городах это создавало сложную психологическую обстановку. Меньшевик Дан, выйдя из тюрьмы в январе 1922 г., был удивлен тем, что в Москве было изобилие продуктов по ценам, которые были по карману только новым богатым, повсюду в глаза бросались спекулянты, официанты и извозчики сно-

ва стали употреблять обращение «барин», а на Тверской улице вновь появились проститутки. Ленину приходилось непрерывно выступать в защиту нэпа.

Одной из малозаметных, но важных черт нэпа была либерализация производства и продажи спиртного. К 1923 г. государственное производство пищевого спирта упало почти до нуля. Были разрешены частное производство и продажа наливок и настоек (с 1924 г. крепостью до 30°). С 1922 г. борьба с самогонноварением в деревне полностью прекратилась. По данным анкетного опроса Госспирта, летом 1923 г. 10% крестьянских хозяйств производили самогон. В целом в тот год на самогон было переведено 100 млн. пудов хлеба (то есть около 2% урожая).

В условиях кризиса промышленности и неразвитости рынка товаров самогон стал в деревне суррогатом денег, им расплачивались по установленной таксе за работы, транспорт. Резко расширились масштабы обрядового пьянства (на свадьбах, похоронах, религиозных праздниках и т.д.). Наблюдения социологов в одной из деревень Вологодской губернии в 1924 г. показали, что 52 крестьянских двора потратили на самогонноварение по случаю 10 праздников около 50 ц ржаной муки, а всего на самогон перевели за год в среднем по 10 пудов муки.

После введения в 1925 г. государственной монополии на производство водки началось медленное вытеснение самогона и настоек. В 1925 г. было потреблено спирта заводского изготовления 0,88 л на душу населения, в 1932 г. — 1,04 л, в 1940 г. — 1,9, в 1950 г. — 1,85*. Государственная монополия на водку имела существенное экономическое значение — доходы стали поступать в бюджет. В 1927/28 финансовом году они составили 12% доходной части государственного бюджета (заметьте, что в царской России эти доходы составляли почти треть госбюджета — 31% в 1905 г., 30% в 1909 г.; максимум приходится на 1859 г. — 38%).

Но главное, контроль за оборотом спиртных напитков позволил начать планомерную антиалкогольную работу, которая развернулась с середины 20-х годов. С осени 1926 г. в школах были введены обязательные занятия по антиалкогольному просвещению. В марте 1927 г. были введены ограничения на продажу спиртного (малолетним, лицам в нетрезвом состоянии, в

*В 1913 г., накануне прекращения государственного производства алкоголя (в связи с войной), потребление в пересчете на чистый спирт составляло в России 3,41 л на душу населения.

выходные и праздничные дни, в буфетах заведений культуры и т.д.). Активное участие в этой кампании приняли видные ученые, в 1927 г. вышла книга В.М.Бехтерева «Алкоголизм и борьба с ним». Он, в частности, писал: «Отрезвление трудящихся есть дело самих трудящихся... Оно возможно только при достаточном культурном уровне широких масс». Именно повышение общего культурного уровня и изменение социальных условий (прежде всего типа питания детей и молодежи) позволили уже к концу 20-х годов значительно снизить уровень пьянства в СССР по сравнению с предреволюционной Россией.

Впоследствии, в ходе урбанизации, уровень потребления алкоголя в СССР быстро рос: 1960 г. — 4,82 л, 1970 г. — 9,22, 1980 г. — 12,63 л. Начиная с 70-х годов быстрая урбанизация, влекущая за собой ломку привычных устоев жизни и типа семьи, а также назревающие кризисные явления в духовной сфере вновь сделали актуальной проблему пьянства в СССР. Однако по сравнению с началом века было достигнуто одно важнейшее новое качество — алкоголизм *«постарел»*, он перестал быть социальной болезнью *молодежи*.

В 1907 г. 75,9% больных алкоголизмом имели возраст менее 30 лет, а 20,3% были моложе 20 лет. В 70-е годы среди алкоголиков было лишь 13,5% молодых людей в возрасте до 30 лет и 0,3% моложе 20 лет. В 80-е годы большое исследование было проведено сектором социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологии РАН. Согласно полученным данным, в 1984 г. среди школьников никогда не пробовали алкоголь 31,9%, среди учащихся ПТУ — 30%, после 13 лет — 48,2% школьников и 40,4% учащихся ПТУ*.

В конце 20-х годов нэп стал сворачиваться — хозяйство встало на путь форсированной индустриализации. Усилились административные методы руководства экономикой, действие рыночных механизмов ограничивалось и подавлялось планом. В годы перестройки многие авторы представляли это следствием субъективных и ошибочных воззрений Сталина, склонного к «нарушению объективных экономических законов». Однако никаких расчетов, которые бы показали реальную возможность иным способом осуществить за десять лет индустриализацию России с выведением ее оборонного потенциала на необходи-

*Климова С.Г. Изменения в алкогольном поведении молодежи (по данным сравнительных исследований в Московской области в 1984, 1988 и 1991 гг.). — СОЦИС, 1992, № 8.

мый для мировой войны уровень, ими сделано не было. А без этого критика «волютаризма» политики индустриализации СССР в рамках плановой системы, а не нэпа остается чисто идеологической риторикой. В 1989 г. было проведено экономическое моделирование варианта продолжения нэпа в 30-е годы. Оно показало, что в этом случае не только не было возможности поднять обороноспособность СССР, но и что годовой прирост валового продукта опустился бы ниже прироста населения — началось бы обеднение населения и страна неуклонно шла бы к социальному взрыву.

Перестройка государственного аппарата. Окончание Гражданской войны, переход к мирной жизни, образование СССР потребовали перестройки государственного аппарата. Главным в ней было упразднение чрезвычайных органов всех типов и создание систем власти и управления нормального режима.

В промышленности упраздняется система главков, и предприятия получают значительную хозяйственную самостоятельность, право реализации части своей продукции, более самостоятельно снабжают себя сырьем, в том числе приобретая его за границей (ранее все это делали главки ВСНХ). Часть предприятий была сдана в аренду, началось кооперирование мелкой и кустарной промышленности.

В экономике вводилось плановое начало. Еще в годы гражданской войны была начата разработка перспективного плана электрификации России. В декабре 1920 г. план ГОЭЛРО был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов и через год утвержден IX Всероссийским съездом Советов. Это был первый перспективный план развития народного хозяйства. В 1921 г. для работы по планированию народного хозяйства была создана Государственная плановая комиссия (Госплан).

О Госплане надо сказать особо. Мы в большинстве своем очень упрощенно понимали главную функцию Госплана — это, мол, разработка государственных народнохозяйственных планов. Планы — лишь инструмент. Проблема в том, что экономика есть арена конфликта интересов. Сталкиваются интересы социальных групп населения, интересы отраслей, регионов. Эти интересы воздействуют на соответствующие государственные органы — так возникают вполне реальные объективные противоречия в их политике, иногда конфликты. Это происходит при любом экономическом строе. Разница в том, что при малой степени огосударствления хозяйства разрешение значи-

тельной части противоречий и конфликтов (хотя, конечно, далеко не всех) возлагается на стихийно действующий механизм рынка. А в Советском государстве, роль которого в экономике резко возросла, стало необходимым создать авторитетное ведомство без своего особого «интереса». Его задача была находить приемлемый или даже хороший способ удовлетворения многочисленных конкурирующих между собой экономических интересов.

Это и был Госплан. И главной его функцией было изучение и согласование экономических интересов. Разумеется, значимость тех или иных интересов определялась политическими условиями. На первом месте стояла, конечно, оборона, а значит, развитие обеспечивающих ее отраслей промышленности и т.д. Но это были *осознанные* политические решения, которые Госплан вписывал в общую систему всех других интересов. Советские плановики разработали и главный методологический инструмент — межотраслевой баланс. Госплан рассчитывал баланс потребностей и ресурсов*. Госплан ставил конкретные экономические задачи без идеологической заданности. Этим он резко отличается от «программ» типа «программы Грефа», которая оценивается не по тому, как она скажется на жизни страны и реальны ли ее показатели, а по тому, насколько она «либеральна».

Иногда говорят, что конкретные задания Госплана в количественном выражении часто выполнены не были (хотя, кстати, ГОЭЛРО в своей главной части был выполнен в намеченные сроки). Это чисто формальная оценка значения планирования. Важно, в какой мере решались структурные задачи, поставленные пятилетними планами. Предвоенные пятилетки, которые были призваны превратить Россию в мощную индустриальную страну, полностью выполнили эту свою задачу. И неважно, что цифровые задания не были достигнуты. Послевоенная пятилет-

*При таком подходе было бы невозможно то, что случилось зимой 2001 г. в Приморье, где был резко нарушен баланс потребностей и ресурсов в энергетике. Уже в начале 80-х годов из балансов Госплана было ясно, что в перспективе здесь возникнет дефицит топлива и электроэнергии. Поэтому было принято решение о строительстве Бурейской ГЭС, и оно было начато в канун перестройки. В 1992—1993 гг. строительство ГЭС было заморожено. Балансы уже никого не интересовали. Средства на ее строительство выделены лишь в бюджете на 2001 г., а по заданиям Госплана ГЭС уже работала бы в 2000 г. И не было бы проблем с электроэнергией в Приморье.

ка была пятилеткой восстановления. И она тоже главную свою задачу выполнила.

Важные изменения нэп внес в систему власти. Лозунг революции «Вся власть Советам!» начал менять свое содержание уже в первые месяцы после Октября. Жизненные потребности государственного строительства направили процесс в сторону превращения Советов в местные органы власти и представительства центра на местах. Гражданская война смела эту хрупкую, едва возникшую систему. Те Советы, что выжили, во многом просто интегрировались в госаппарат или стали становиться в оппозицию к большевикам («Советы без коммунистов»). Ленин так выразил позицию активной части крестьянства: «Мы большевики, но не коммунисты. Мы — за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства». ВКП(б) была и физически мало представлена в деревне: даже в 1925 г. партийные ячейки имелись в среднем лишь в одном из 30 сел. Треть коммунистов на селе были присланные из города люди, не знавшие местных условий.

С 1924 г., в условиях недорода, экономическая власть кулаков на селе стала трансформироваться в политическую. С другой стороны, в условиях нэпа кулаки и зажиточные крестьяне были заинтересованы в появлении на селе организованной и стабильной власти. В связи с этим встали две задачи: восстановить систему органов местной власти с централизованной дисциплиной и контролем; обеспечить лояльность этой системы к центральной власти.

Для этого был нужен компромисс с массой крестьян, так как сильнее всего система была подорвана в уездном и волостном звене. На уровне волости реальное влияние в исполкомах было у кулаков, депутаты из бедноты просто боялись присутствовать на заседаниях, да и не имели транспорта. Сельсоветы по сути понимались как традиционные сельские сходы. Голосовать на выборы шел глава двора, уверенный, что «он один представляет всю семью». Типичный сельсовет никогда не слышал о «Положении о сельсоветах» и не получал никаких кодексов, законов или декретов. Малочисленные и неопытные партработники раздражали крестьян. Еще большие трения вызвала активная с 1924 г. деятельность комсомольцев. Один делегат из крестьян на совещании по советскому строительству жаловался, что комсомольцы проводят выборы Советов с заранее заготовленными списками: «Когда из 27 членов Совета выбирается 9 жен-

щин и 9 комсомольцев, я сомневаюсь, чтобы такой сельсовет был авторитетен для крестьянства, которое привыкло в сельсовете видеть не комсомольца, не женщин, а бородачей». В декабре 1924 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) резко осудило антирелигиозные крайности комсомольцев на селе.

В 1923 г. в выборах, по неполным официальным данным, участвовали около 35% избирателей, а в 1924 г. — около 31%, а по оценкам партийного руководства реальное участие в выборах 1924 г. было от 15 до 20%. Еще большее беспокойство вызывал тот факт, что при этом вырос процент в Советах коммунистов и комсомольцев. Это был признак безразличия массы крестьянства к основам государственного строя.

Была начата кампания так называемого «оживления» Советов — в тесной связи с кампанией «Лицом к деревне!». Вопросы советского строительства обсуждали подряд два съезда партии и III съезд Советов СССР. Серьезная попытка определить полномочия низовых Советов была предпринята уже в 1925 г. в связи с введением местных бюджетов, которые давали Советам реальные средства власти.

Президиум ЦИК СССР постановил, что выборы 1924 г. отменяются там, где на них явилось менее 35% избирателей. Повторные выборы были важным моментом всего периода. Главным было то, что в срочном порядке, в нарушение конституций союзных республик, были возвращены избирательные права «лицам, использующим наемный труд» — прежде всего кулакам, а также другим «лишенцам», например, казакам, воевавшим на стороне белых. Хотя количественно «лишенцев» было немного (около 1,3%), это оказало большое моральное воздействие. Насколько это было непростое решение, видно из того, что Конституция РСФСР 1925 г. восстановила запрет в прежней редакции, но практического эффекта это уже не имело, и Наркомюст издавал инструкции по возвращению избирательных прав. Было запрещено также заранее составлять списки кандидатов.

Повторные выборы весной 1925 г., как было заявлено официально, показали «резкое падение процента коммунистов и бедноты в Советах и высокую активность избирателей». В выборах зимы 1925/26 г. в РСФСР участвовали 47,3% избирателей (в других республиках еще больше). Связь Советской власти с крестьянством была восстановлена, хотя и дорогой ценой: на селе инструмент власти был передан в руки кулачества, а в партии усилилась оппозиция.

Побочным, но важным результатом всей кампании было то, что центральная власть осознала значение традиционных крестьянских форм власти — *сельских сходов*. Оказалось, что в период недееспособности сельсоветов именно они предотвратили анархию и полную дезорганизацию. С некоторым запозданием серией нормативных актов сельские сходы были включены в советскую государственную систему.

Отдельно был поставлен вопрос о деятельности Советов в регионах с нерусским населением. Были предусмотрены меры по «коренизации» госаппарата национальных регионов, привлечению в него представителей коренной национальности, введению их языка в делопроизводство. Ставилась задача подготовки местных работников для госаппарата. При приеме на государственную службу при прочих равных условиях преимущество должно было отдаваться лицам, знающим местные языки.

Органы правопорядка. В этой сфере чрезвычайные органы ликвидировались под лозунгом «революционной законности», усиления гарантий прав личности и имущества граждан. 6 февраля 1922 г. ВЧК и ее местные органы были упразднены. Впредь все дела о преступлениях подлежали рассмотрению судами, административные органы лишались судебных полномочий.

Вместо ВЧК было образовано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД под председательством наркома или его заместителя, назначаемого СНК. На местах создавались политотделы при губисполкомах, непосредственно подчиненные ГПУ. Декрет возложил на ГПУ борьбу с бандитизмом, шпионажем, подавление открытых контрреволюционных выступлений, охрану границ, железнодорожных и водных путей сообщения, борьбу с контрабандой. В распоряжении ГПУ были особые войска. ГПУ и его органам предоставлялось право обысков и арестов. Не позднее двух недель арестованному должно было быть предъявлено обвинение. Не позднее двух месяцев со дня ареста ГПУ дело должно было быть направлено в суд или арестованный должен быть освобожден. Вопрос о продлении срока ареста при особых обстоятельствах решал Президиум ВЦИК.

31 октября 1922 г. было принято «Положение о судеустройстве РСФСР», упразднившее общие ревтрибуналы. Сокращалось число военно-транспортных трибуналов, они были полностью упразднены в конце 1923 г. Военные трибуналы вре-

менно сохранялись. Однако они выдержали проверку временем и, с некоторыми изменениями, действовали еще долго.

Была создана следующая единая система судебных учреждений: народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей, губернский суд, Верховный суд РСФСР. Опыт проведения судебной реформы в РСФСР был использован другими советскими республиками. В связи с образованием СССР был создан Верховный суд СССР. К его компетенции относилось: разрешение судебных споров между союзными республиками, рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности. Он действовал в составе: пленарного заседания, гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий, военной и военно-транспортной коллегий. Кроме того, на Верховный суд были возложены задачи, близкие к задачам Конституционного суда.

Дореволюционная прокуратура была упразднена 22 ноября 1917 г. При ревтрибуналах создавались коллегии обвинителей, функции которых в определенной степени напоминали функции будущей *прокуратуры*. Вопрос о воссоздании прокуратуры был поднят на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в январе 1922 г. НКЮ разработал проект закона об учреждении прокуратуры как централизованного органа, главная задача которого — общий надзор за законностью. Критики во ВЦИКе выступали против централизации и независимости прокуратуры от местных Советов, за двойное подчинение прокуроров — губисполкомам на местах и в центре — прокурору республики. Предлагалось также ограничить деятельность прокуратуры работой в судах, как это было в дореволюционной России.

Критиков поддерживали комиссия ВЦИК и комиссия ЦК РКП(б). Против них решительно выступил В.И. Ленин. Он считал вопрос о принципах создания советской прокуратуры настолько важным, что предложил вынести его на обсуждение Политбюро. Оно рекомендовало отвергнуть принцип двойного подчинения прокуратуры и установить подчинение местной прокурорской власти только центру.

25 мая 1922 г. ВЦИК принял «Положение о прокурорском надзоре». На прокуратуру возлагалось: осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного пре-

следования и опротестования нарушающих закон постановлений; непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов, дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью ГПУ; поддержание обвинения на суде; наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

26 мая 1922 г. ВЦИК учредил *адвокатуру*. Впервые после Октября 1917 г. возникла профессиональная адвокатура. Защитники (адвокаты) объединялись в коллегии, создаваемые при губернских отделах юстиции. Адвокаты не могли занимать должности в государственных учреждениях и предприятиях. Руководил коллегией избираемый на общем собрании президиум. При создании адвокатуры возник вопрос, могут ли коммунисты защищать преступников, то есть быть адвокатами. ЦК РКП(б) в специальном документе разъяснил, что да, коммунисты могут работать адвокатами.

Армия к концу Гражданской войны насчитывала 5,5 млн. человек. Прежде всего была проведена демобилизация, и к началу 1923 г. численность армии была сокращена до 600 тыс. человек.

Вводился новый принцип организации армии. Сохранялся сравнительно небольшой контингент кадровых частей, а наряду с ними создавались *территориальные* формирования. В милиционно-территориальных частях служили прошедшие вневойсковую подготовку сроком в три месяца, а затем периодически отбывали краткосрочные сборы в течение четырех лет в войсках. В 1925 г. в Красной Армии было 46 территориальных и 31 кадровая дивизии. В 1924 г. были установлены следующие сроки действительной военной службы: в армии — два года, во флоте — четыре года. Устанавливалась всеобщая воинская служба для трудящихся мужчин в возрасте с 19 до 40 лет.

Развитие права. Вопреки стереотипным представлениям, период нэпа был едва ли не самым трудным и опасным для Советского государства. Оно лишилось важных факторов его легитимации — сплывающих людей бедствий войны и уравнительного разделения тягот («военный коммунизм»), утопии быстрого движения к братству трудящихся, надежды на мировую пролетарскую революцию, которая поддержит Советскую Россию. Вместо этого было начато «отступление» с возрождением буржуазии, новым социальным расслоением. Приватизация предприятий и торговли, введение хозрасчета на государственных предприятиях вызвали у существенной части победивших в

Гражданской войне трудящихся идеологический шок. Восстановление рынка создало много локальных неравновесий, которые жестоко ударили по трудящимся. В ряде мест возникают «красные банды», вступавшие в борьбу с Советской властью.

Еще более опасным было то, что отмена чрезвычайных мер и расширение демократических прав сразу были использованы буржуазными слоями, особенно кулаками на селе. Обладая материальными средствами, будучи более грамотными и способными к организации, они без труда завоевывали решающее положение в Советах и кооперации. База политической системы превращалась в силу, враждебную центральной власти. Это объективно создавало основу для острых дискуссий в компартии, доходящих до стадии раскола. Развал партии как объединяющего механизма всей политической системы, как предполагалось, неминуемо означал бы крах государства.

Все это привело к тому, что в системе права в период нэпа парадоксальным образом сочетаются два противоположных процесса: отмена чрезвычайных норм и классового подхода с упором на законность — и усиление репрессивного механизма (теперь уже узаконенного) для предотвращения «государственных» преступлений. Правовая система в своей особой части начинает поворот от борьбы с *классовым врагом* к борьбе против оппозиции *внутри* самой советской системы. К этому, конечно, не сводился правовой процесс. В общей части, которая регулировала главные, массивные элементы жизнеустройства, велась нормальная работа по упорядочению жизни.

Важную роль в дискуссиях по юридическим вопросам в период нэпа занимала концепция «революционной законности», возникшая в 1921—1922 гг. Она была идеологической основой для перехода от *«революционного правосознания»* к нормальной правовой системе со стабильными юридическими гарантиями, без которых был невозможен нэп и частная хозяйственная деятельность. В результате этих дискуссий резко возросла роль прокурора как стража революционной законности (эпитет *«революционная»* был вскоре тихо забыт).

В середине 20-х годов возникла волна *культы законности* в связи с лозунгом «Лицом к деревне!» и кампанией по «оживлению Советов», которые означали установление правовых гарантий для состоятельного крестьянина — главной фигуры в восстановлении хозяйства. Насколько сильной была массовая тяга к уравнительству по выходе из «военного коммунизма» видно из того, что этот поворот приходилось пояснять такой

доходчивой аллегорией: «Если по нашим законам гражданин имеет право владеть комплектом одежды, то никто не имеет права раздевать его на основе принципа равноправия только потому, что ему случилось встретить на улице человека без одежды».

Другой стороной лозунга законности было стремление ограничить произвол («хотя бы даже и революционный») работников госаппарата, упорядочить и сделать более эффективной систему власти. Упущения, ошибки, волокиту стали трактовать как «беззаконие». Здесь также расширились функции прокуратуры и произошло ее размежевание с Рабкрином (прокурор занялся *законностью*, Рабкрин — *эффективностью*).

Хотя неясность понятия «революционная законность» позволяла в течение всего периода нэпа придавать ему разные оттенки для использования в политической борьбе, в целом связанные с ним дискуссии стимулировали развитие правового обеспечения.

За прошедшие после революции годы накопился значительный нормативный материал. В РСФСР к концу 1922 г. было более 4 тыс. опубликованных в Собрании Узаконений нормативных актов. Чтобы сделать эти нормы доступными, следовало их систематизировать, ликвидировать пробелы, противоречия. Встала грандиозная задача по кодификации норм советского права. Эта работа была проведена в основном за 1922—1923 гг. Кодексы РСФСР служили образцом для союзных республик, в которых были затем приняты аналогичные кодексы.

В Гражданском кодексе утверждалось, что гражданские права охраняются законом (вне зависимости от пола, расы, национальности, вероисповедания и происхождения), за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их назначением. Каждый гражданин РСФСР и союзных республик имел право свободно передвигаться и селиться на территории РСФСР, избирать не воспрещенные законом занятия и профессии, приобретать и отчуждать имущество (с ограничениями, указанными в законе), совершать сделки и вступать в обязательства, организовывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех постановлений, регулировавших промышленную и торговую деятельность и охранявших применение труда.

Кодексом предусматривалась государственная, кооперативная, частная собственность. Земля, недра, леса, горы, железные дороги, их подвижной состав и летательные аппараты могли

быть исключительно собственностью государства. На правах частной собственности могли быть: строения, торговые предприятия, предприятия промышленные с числом рабочих не выше установленного законом, орудия производства, ценности, не воспрещенные законом к продаже товары, предметы хозяйства и домашнего обихода и всякое имущество, не изъятое из частного оборота. Предприятия с неограниченным числом работающих могли быть собственностью кооперативных организаций.

Разрешались договоры займа с ограничением взимаемых процентов не свыше 6% годовых (при этом было запрещено начисление сложных процентов). Сделки, явно наносящие ущерб государству, признавались недействительными. Кодекс вводил наследование как по закону, так и по завещанию. Однако было оговорено, что передаваемая наследственная масса не должна превышать 10 тысяч золотых рублей (в 1926 г. это ограничение было отменено, но наследство облагалось высоким налогом).

В 1923 г. ВЦИК принимает Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РСФСР 1923 г.), согласно которому процесс основывался на началах гласности и публичности, с делопроизводством на языке большинства населения данного района.

В 1921—1923 гг. упорядочивается *налоговая* система. Натуральный налог заменяется денежным, вводятся косвенные налоги. В 1921 г. в принципе восстанавливается финансовая автономия местных (губернских) властей, размер их бюджетов постепенно растет, хотя необходимость получения средств из центра сохраняется. Начинают восстанавливаться и уездные бюджеты. Большие усилия, предпринятые для учреждения волостных бюджетов, не увенчались успехом — из-за нехватки местных доходов и квалифицированных кадров. Волостные бюджеты в 1924 г. были установлены лишь на Украине, где и раньше местное самоуправление было более развито. Сравнительно успешно шел этот процесс на Северном Кавказе и на Урале. Был принят ряд решений о передаче в волостной бюджет части сельхозналога, о разрешении учреждать некоторые независимые налоги (но не с населения), о передаче волостям предприятий и имущества (мельниц, кузниц и т.п.).

Идея превратить волость в «финансово-хозяйственную единицу», организующую крестьян и выведенную из системы госаппарата (с исключением местных бюджетов из госбюджета СССР), была реализована далеко не в полном объеме, хотя и обещала резко упростить задачи государства. В 1925 г. 70% до-

ходов местные власти получали из местных источников, в основном от предприятий, а не от налогов. В ходе кампании по «оживлению Советов» началось движение за введение бюджетов на уровне сельсоветов. Это стимулировало изучение финансового состояния деревни, которое показало очень низкий уровень жизни и невозможность введения денежной экономики на уровне сельсоветов. В целом курс на финансовую децентрализацию проводился настойчиво.

Наряду с Госбанком создавались коммерческие, кооперативные, коммунальные банки, сельскохозяйственные кредитные товарищества. Образование СССР привело к установлению единой для всех республик денежной и кредитной системы. Бюджеты всех союзных республик, кроме РСФСР, получали дотацию из общесоюзного бюджета. К компетенции Союза было отнесено введение внутренних займов. Разграничение бюджетных прав Союза и союзных республик, расширяющее бюджетные права последних, было сделано в 1927 г.

Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1922 г. принципиально отличался от КЗоТ 1918 г. От методов принуждения в регулировании трудовых отношений государство переходит к методам свободного найма рабочей силы с заключением добровольного трудового договора. Кодекс допускал в исключительных случаях (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий) привлечение граждан к труду в порядке трудовой повинности по специальным постановлениям СНК.

Трудовой договор заключался как при наличии коллективного договора, так и без него. Договор заключался или на неопределенный срок, или на время выполнения работы, или на определенный срок (не более одного года). Договор на неопределенный срок мог быть расторгнут по соглашению сторон, по требованию нанимателя в случаях, установленных законом, и по желанию работника в любое время, предупредив нанимателя за семь дней. Договоры, ухудшавшие положение трудящегося сравнительно с условиями, установленными законами о труде, условиями коллективного договора и правилами внутреннего распорядка, распространявшимися на данное предприятие или учреждение, признавались недействительными.

В кодексе 1922 г. появились положения о коллективных договорах. Они являлись соглашением, заключаемым профсоюзом, как представителем рабочих и служащих, и нанимателем. Недействительными признавались статьи коллективного дого-

вора, ухудшавшие условия труда по сравнению с условиями, установленными КЗоТ и другими нормативными актами о труде. Профсоюзы имели право выступать перед различными органами от имени работавших по найму.

КЗоТ 1922 г. вместо социального обеспечения вновь вводил *социальное страхование*. Оно распространялось на всех лиц наемного труда. Страховые взносы вносились предприятиями, учреждениями, хозяйствами или работодателями без права обложения страхуемого и без вычета взносов из заработной платы. Социальное страхование предусматривало: оказание лечебной помощи, выдачу пособий при временной нетрудоспособности и дополнительных пособий (на кормление ребенка, погребение), выдачу пособий по безработице, инвалидности, членам семей трудящихся в случае смерти кормильца.

Земельный кодекс РСФСР 1922 г. подтвердил, что право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах РСФСР «отменено навсегда». Запрещались покупка, продажа, завешание, дарение, залог земли. Такие сделки признавались недействительными, а виновные наказывались в уголовном порядке.

Право пользования землей из единого государственного земельного фонда предоставлялось: трудовым земледельцам и их объединениям, городским поселениям, государственным учреждениям и предприятиям. Право на пользование землей для ведения сельского хозяйства имели все граждане РСФСР, желавшие обрабатывать ее своим трудом. Правда, в 1925 г. бывшие помещики были лишены права землепользования в своих прежних имениях.

Землю крестьяне получали в бессрочное пользование. Допускалась трудовая аренда. Допускались любые способы землепользования — общинный с переделами, хуторской, выделение на отруба, образование коммун и артелей. Самым сложным было определение права двора на выход из общины (мира). 16 мая 1919 г. такое право было подтверждено, но местные власти и сама община чинили препятствия — из-за того, что это вело к дроблению участков. При обсуждении Кодекса было признано, что адекватно решить этот вопрос в общем законодательстве трудно, и губерниям было дано право самим устанавливать нижние пределы для величины земельных наделов.

В тех случаях, когда трудовое хозяйство по состоянию своей рабочей силы не могло выполнить своевременно сельскохозяйственные работы, допускалось применение наемного труда с

соблюдением норм об охране труда в сельском хозяйстве. В апреле 1925 г. было разрешено применение подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах (с подробным определением прав батраков). Допускались различные формы землепользования. Кодекс регулировал правовое положение крестьян-землепользователей, крестьянских дворов, обществ.

Задачей *Уголовного кодекса* была объявлена правовая защита государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов путем применения к нарушителям наказания или других мер социальной защиты. Преступлением признавалось всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку. Целью наказания и других мер социальной защиты являлось общее предупреждение новых нарушений со стороны как нарушителя, так и других неустойчивых элементов общества. По некоторым статьям предусматривалась высшая мера наказания — расстрел. Так смертная казнь, которая до этого рассматривалась в советском праве как чрезвычайная мера возмездия, как акт военных действий, теперь вводилась в обычную практику уголовного права.

УК РСФСР 1922 г. закрепил и освятил законом разделение между обычными и «государственными» преступлениями. Само понятие «*государственное преступление*» впервые появилось в официальном правовом акте. В Особенной части УК на первом месте перечислены наиболее опасные государственные преступления — контрреволюционные. Контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное на свержение завоеваний пролетарской революции, власти рабоче-крестьянских Советов и правительства, а также помощь той части международной буржуазии, которая стремилась к свержению советского строя путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и тому подобными средствами.

Ст. 67 УК 1924 г. вводила принцип обратной силы закона (наказания за активные действия против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных постах при царском строе). Репрессивные меры такого типа служат обычно не для наказания, а для устрашения, как превентивное воздействие на современников. Как политические акции, они применяются и так называемыми «демократическими» режимами. Ярким примером являются приговоры Э.Хонеккеру, которого судили по законам ФРГ за действия, совершенные в условиях юрисдикции ГДР, а также приговор секретарю ЦК

компартии Латвии А.Рубиксу за его поддержку ГКЧП в августе 1991 г., когда Латвия находилась под юрисдикцией советских законов, согласно которым даже в действиях самих членов ГКЧП не было найдено состава преступления.

На деле эта реформа, смысл которой внешне заключался в устранении различий в двух видах преступлений, усилила эти различия и превратила чрезвычайные меры в узаконенные и постоянные. ЧК была органом временным и чрезвычайным, ГПУ — постоянным и официальным, наделенным такими полномочиями, которых никогда не давали ЧК. С образованием ОГПУ как союзного органа и самостоятельного наркомата власть его возросла.

УК 1922 г. возрождает ряд методов царской юстиции. Так, вводится превентивная административная высылка (на срок до трех лет), решение о которой выносится не судом, а Особой комиссией. Вскоре эти превентивные меры дополняются внесудебными карательными: ГПУ получает право назначать наказания вплоть до расстрела «за бандитизм и вооруженный грабёж», а Особая комиссия — заключать за антисоветскую деятельность в концлагерь на срок до трех лет. С созданием ОГПУ сфера госбезопасности стала расширяться, включая в себя все новые и новые типы важных преступлений. Сам термин «контрреволюционный» с самого начала трактовался очень расширительно. Наиболее важные уголовные правонарушения изымались из юрисдикции республик и передавались в ведение централизованного союзного органа.

Дискуссии по уголовному праву в середине 20-х годов несут на себе следы «последствия» идеологической доктрины. В ранний период советского права идея «классовых судов против буржуазии» почти не оказала никакого влияния на судебную практику (саму идею выяснять на суде классовую принадлежность преступника Ленин назвал «величайшей глупостью»). Суды просто поддерживали порядок и закон против любых нарушителей. В УК 1922 г. принцип классового суда не упомянут. Но в 1924 г. видные юристы (особенно прокурор РСФСР Н.В.Крыленко) подняли вопрос о применении классового подхода при назначении наказаний. После периода колебаний и противоречивых приказов Верховный суд РСФСР 29 июня 1925 г. издал инструкцию со специальным предостережением против классовой дискриминации в уголовном судопроизводстве.

По официальным данным, общее число лиц во всех местах

заклучения в СССР составило на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. — 149 тыс. и на 1 января 1927 г. — 185 тыс. человек. (Для сравнения: в 1905 г. в тюрьмах России находилось 719 тыс. заключенных, а в 1906 г. — 980 тыс.). До срока в середине 20-х годов условно освобождались около 70% заключенных. По опубликованным за рубежом данным, предоставленным антисоветской эмиграцией, в 1924 г. в СССР было около 1500 политических правонарушителей, из которых 500 находились в заключении, а остальные были лишены права проживать в Москве и Ленинграде.

В исправительно-трудовом праве был заложен основной принцип, что приговор к лишению свободы всегда предполагает принудительные работы (хотя на срок до трех месяцев они возможны и без лишения свободы). «Арестные дома» для лиц, ждущих суда, были в ведении НКВД. Осенью 1918 г. появляются упоминания о концентрационных лагерях, вначале как о месте превентивного, а не карательного заключения (поэтому принцип принудительных работ там не применялся). С весны 1919 г. заключение по решению ЧК в концлагерь использовалось и как карательная мера.

16 октября 1924 г. ВЦИК утвердил Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК), который регулировал организацию и режим содержания осужденных. В Кодексе отмечалось, что вместо тюрем нужно усовершенствовать и максимально развивать сеть трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительно-трудовых домов, устраиваемых преимущественно вне городов. Труд заключенных из трудящихся засчитывался из расчета два дня работы за три дня. В особую категорию выделялись профессиональные преступники и нетрудящиеся, совершившие преступления вследствие своих «классовых привычек», которые содержались в условиях более строгого режима.

ИТК не содержал никаких упоминаний о местах заключения, находившихся под контролем ОГПУ (этот пункт был изъят в ходе обсуждения). Между тем в ведении ОГПУ находились не только самые суровые места заключения, но и самые гуманные — «рабочие коммуны» для молодых правонарушителей, которые действовали по принципу «открытой тюрьмы». Кстати, в течение 20-х годов в местах заключения ОГПУ еще поддерживалась старая традиция уважительного отношения к политическим заключенным из числа оппозиции (заключение в предназначенный для политических концлагерь считалось более лег-

ким наказанием). С обострением противоречий внутри партии это положение менялось.

В Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. был узаконен *фактический* брак. Достаточными условиями для его признания были совместное проживание, ведение общего хозяйства, совместное воспитание детей. Третьи лица могли быть свидетелями наличия этих оснований в случае споров между совместно проживающими. Устанавливался единый минимальный возраст вступающих в брак — 18 лет. Местным исполкомам было предоставлено право в исключительных случаях снижать брачный возраст женщины, но не более чем на один год. Признавалось совместным (общим) имущество супругов, нажитое в браке. Кодекс дал право суду выносить решения об отбирании детей до 14 лет у родителей и передаче их органам опеки и попечительства, разрешил усыновление несовершеннолетних.

Одно из тяжелейших наследий, которое получила Советская власть, — *сиротство*. Согласно некоторым оценкам, с 1914 по 1921 г. Россия потеряла около 16 млн. человек, вследствие чего распалось множество семей и возникла массовая беспризорность. Вопрос о ней был поставлен на государственном уровне уже во время Гражданской войны — на Всероссийском съезде по защите детства, который состоялся в 1919 г. В январе 1921 г. была создана Деткомиссия, которую возглавил Ф.Э.Дзержинский.

Изучение вопроса юристами и педагогами привело к выводу, что решение проблемы возможно только при сочетании усилий государства с «молекулярной» инициативой людей, и был взят курс на укрепление семьи. В 1926 г. был отменен запрет на усыновление, установленный в 1918 г.

С 1923 по 1925 г. Наркомюст разработал три новых проекта закона о семье. Проекты эти были либеральными, они уравнивали фактический брак с официально зарегистрированным, а также упрощали процедуру развода. Проекты были опубликованы и получили большой общественный резонанс.

Резко отрицательно отнеслись к ним крестьяне. По их мнению, фактический брак без регистрации подрывал основы сельского домохозяйства и был несовместим с принципами патриархальной семьи. По другим основаниям с ними были солидарны так называемые «*протекционисты*», которые считали, что новый закон поставил бы женщин в более тяжелое положение. В эту группу входили партийные работники, квалифици-

рованные рабочие и служащие, а также ведущие юристы. К сторонникам законопроектов относились так называемые «прогрессивные юристы», которые приветствовали освободительное влияние новых норм, ослабляющее гнет патриархальной семьи. К ним примыкали те, кого с натяжкой можно назвать «феминистами» (*защитники интересов женщин*).

Новый закон был принят в 1927 г. и сильно отличался от проекта. Он утверждал большое значение регистрации брака и для семьи, и для общества, но в то же время существенно либерализовал отношения полов, признавая фактический брак как совместное проживание и ведение хозяйства, содержание и воспитание детей.

В 1920 г. Россия стала первой страной в мире, которая легализовала аборты. К концу 20-х годов это стало одним из важных факторов снижения рождаемости (в 1934 г. в Москве на 100 родов приходился 271 аборт). Указ 1936 г. о запрещении абортов несколько поправил дело, но к прежнему репродуктивному поведению население уже не вернулось.

С 1917 по 1936 г. в СССР произошел полный пересмотр официальных воззрений на роль семьи в обществе — от утопии «отмирания семьи» к ее государственной и идеологической поддержке. Как пишет американская исследовательница, автор книги «Женщины, государство и революция: советская политика в области семьи и общество, 1917—1936» (1993) В.З.Голдман, наряду с понятиями «социалистическая государственность» и «социалистическая законность» семья вошла «в новую святую троицу партийной идеологии»*.

Замечание: «источники и составные части» советского проекта. В 20-е годы стали все более четко просвечивать основные черты строящегося советского порядка. СССР восстанавливался как держава со своим особым представлением о мироустройстве, исключавшим как империалистическую глобализацию под эгидой Запада, так и униформизацию человечества через мировую пролетарскую революцию. Восстанавливались и развивались основные черты России-СССР как цивилизации.

*В книге дан интересный анализ отношения к семье в разных революционных движениях России начала века. Взгляды большевиков сильно отличались «от социального экспериментаторства радикальных движений» и были скорее нацелены на анализ проблемы, с акцентом на процесс трансформации семьи при переходе от аграрного к индустриальному обществу. См. рецензию в СОЦИС, 1994, № 8—9.

В советское время через школу и прессу в массовое сознание вошло очень упрощенное представление о том, что советский строй создавался исключительно в рамках *доктрины большевиков*. Это мнение исторически неверно. На деле основные черты советского строя складывались в сотрудничестве, диалоге или борьбе всего спектра культурных и политических течений, отражающих идеалы и интересы всех частей российского общества, очень сложного и социально, и культурно, и этнически. Более того, большое влияние на это «строительство СССР» оказывало участие, в той или иной форме, и зарубежных сил, и находящихся в эмиграции элементов российского общества.

Главный поток в становлении нового порядка жизни складывается путем отбора форм, перебираемых и испытываемых на «молекулярном уровне» — в мысли и опыте миллионов людей. Чем лучше и умнее ведется наблюдение за молекулярными процессами, тем быстрее и точнее выбираются тенденции грубыми политическими силами. Вообще, плодотворность или бесплодность социальных движений устанавливается и получает «оценку» в официальной истории позже, когда победившая ветвь строит свою мифологию. Сама же эта ветвь вбирает в себя материал «бесплодных» или потерпевших поражение, и этот материал обычно составляет большую часть массы победившей ветви. Какова, например, роль «бесплодных» народников в становлении советского проекта и потом строя? Думаю, она гораздо больше, чем роль марксистов.

Начать с того, что в момент выбора огромное значение имеют «аргументы от противного», осознание того, *чего мы не хотим*. Поэтому даже противник, который сумел наглядно и жестко показать нам тот альтернативный путь, которого мы не хотим, становится важнейшим участником выработки решения, нашим необходимым «соавтором». Когда Центральная рада Украины для защиты от «великодержавных большевиков» опиралась на военную силу немцев, германская оккупация была важным доводом за то, чтобы отойти от Рады. Когда после этого Петлюра поехал за помощью к Пилсудскому и на Украину нахлынули поляки, для украинского крестьянства это было простым и убедительным доводом за то, чтобы поддержать Красную Армию и воссоединиться с Россией в виде СССР.

Другой важный вид участия «соавторов-оппонентов» заключается в испытании, прохождении альтернативного пути вплоть до наглядного исчерпания его возможностей. Такую работу проделали в 1906—1913 гг. консервативные реформаторы Рос-

сии в виде «столыпинской реформы». П.А.Столыпин верно понимал суть той исторической ловушки, в которую попала Россия в начале XX века. Необходима срочная модернизация хозяйства и общества — при мощном сопротивлении практически всех сословий России. Столыпин испытал вариант такой модернизации через развитие капитализма в деревне, через разрушение общины и превращение крестьян в предпринимателей-фермеров и рабочих. И самому Столыпину, и марксистам казалось, что шансы на успех велики. Во главе реформы стоял сильный, умный и знающий человек, большой патриот России. В его руках были все реально имевшиеся ресурсы государства. Он все сделал лучшим образом, выявил сущность и возможности этого пути полностью, наглядно и честно. Не будь огромного опыта реформы Столыпина, не было бы и нэпа.

То же самое с возможностью обойтись без революции. Член ЦК партии кадетов Н.А.Гредескул писал 5 июня 1906 г.: «Наша цель — исчерпать все мирные средства, во-первых, потому, что если мирный исход возможен, то мы не должны его упустить, а во-вторых, если он невозможен, то в этом надо *вполне и до конца* убедить народ до самого последнего мужика».

Раньше уже говорилось, как выкристаллизовывались черты советского строя между Февралем и Октябрем — в сотрудничестве, диалоге и борьбе между либералами и социалистами, разделившимися на два пути. Обычно мы не задавались вопросом, а куда девались после Гражданской войны те культурные силы, которые были с белыми или хотя бы не с большевиками? В массе своей эти люди, тяготевшие к кадетам, меньшевикам и эсерам, а то и бывшие активными деятелями этих партий, как раз и занялись советским строительством — на тех постах, что соответствовали их знаниям и квалификации.

Кто-то из них побыл в эмиграции и вернулся быстро. Например, В.И.Вернадский, член ЦК партии кадетов, заместитель министра Временного правительства, вернулся и стал одним из виднейших руководителей союзной науки. Председатель Центральной рады Грушевский тоже вернулся и стал академиком АН УССР. Эти люди, конечно, не стали большевиками, но этого от них и не требовалось, это было бы нелепостью. И, разумеется, приняв советский проект в главном, они в своей работе использовали все те культурные ресурсы, которые накопили во время своих раздумий и действий, будучи кадетами, меньшевиками и т.д.

Русская культурная эмиграция в малой степени интегрирова-

лась в духовное и научное творчество на Западе. Эмигранты думали и писали о России, а даже если и о Западе, то в большой степени для России, смотря на Запад «русскими глазами». Нам в известной мере повезло, что западная элита, в общем, не сумела оценить того культурного потенциала, который принесла с собой эмиграция из России. Немецкий писатель Г.Бёлль пишет в статье «Россия глазами европейца» (Общественные науки и современность, 1995, № 4): «Между Западом и высланными или эмигрировавшими диссидентами истинного сближения не произошло. Использовать их в своих целях, втягивать в поверхностную и эгоистическую партийную борьбу, действительные причины которой не могли быть им понятны, — было преступлением со стороны западных «правых», а за западными «левыми» остается вина в том, что к религиозным мотивам русских они относились с пренебрежением или презрением». Интеллектуальный продукт эмиграции негласно тек в Россию*.

Трудно точно оценить, какое влияние на сознание руководящих и научных кадров СССР оказали труды специалистов, далеких от большевизма, но это влияние, без сомнения, было велико. Достаточно упомянуть А.В.Чаянова, вклад которого в разработку концепции нэпа очевиден. Ведущие ученые, тяготевшие к кадетам, вырабатывали основы научной политики СССР и принципы становления научной системы, которая стала одним из столпов, оснований советского строя (потому так жестоко разрушалась эта система в 90-е годы). Учительский съезд 1918 г. определил самые важные принципы строительства советской школы, едва ли не главного «генератора» советского общества, — но ведь среди учителей авторитет эсеров и меньшевиков был гораздо сильнее, чем большевиков.

Во время перестройки сильно заостряли внимание на том, что некоторые из бывших кадетов или меньшевиков были репрессированы. Да, это так — весь верхний слой политически активной интеллигенции во время репрессий потерпел тяжелый урон. Но, думаю, никак нельзя сказать, что при этом оппоненты большевиков истреблялись больше, чем «ленинская гвардия». Пожалуй, даже наоборот. Более вероятно, что репрессии в среде элиты проводились не по партийному признаку, а сле-

*Во время перестройки, когда труды эмигрантов довольно широко публиковались в СССР, вызывал удивление тот факт, что с их основными идеями мы, оказывается, были знакомы. Много «переносчиков» внутри и вне СССР работали для этого.

дую логике групповой войны в ходе большого столкновения двух тенденций в самом советском руководстве. При этом, конечно, первыми жертвами становились самые активные люди, которые и раньше проявили свой мятущийся характер.

Хороший пример дает случайно попавшая мне на глаза биография видного специалиста по международному праву профессора Ю.В.Ключникова (1886—1938). Накануне Октября он был приват-доцентом Московского университета. Летом 1918 г. участвовал в левозсеровском мятеже в Ярославле. Был заместителем министра в первом антисоветском правительстве Гражданской войны — «Уфимской директории». Затем примкнул к Колчаку и стал министром иностранных дел в его правительстве. В 1919 г., после разгрома Колчака, эмигрировал и входил в Парижский комитет партии кадетов. Читал курсы лекций в Париже и Брюсселе. Затем совершил поворот от радикального антисоветизма к идее примирения с Советской властью и стал редактором журнала «Смена вех» (его статья дала название и первому сборнику «Смена вех»). Одна из научных статей Ю.В.Ключникова, посвященная подготовке Генуэзской конференции, привлекла внимание Ленина, и он пригласил его в качестве эксперта советской делегации в Генуе. В 1923 г. Ю.В.Ключников вернулся в СССР и стал преподавать в Коммунистической академии. Позже был репрессирован.

Вклад Ю.В.Ключникова в развитие советского международного права сегодня оценивается очень высоко. Нет сомнений и в том, что на геополитические представления советского руководства (и, думаю, самого И.В.Сталина) повлияли труды, созданные в эмиграции в русле культурно-научного направления, называемого *евразийством*. Это было развитие концепции России-СССР в рамках *цивилизационного* подхода. Наверняка можно сказать, что только в эмиграции, вне контроля жесткой в то время идеократической системы Советского государства, только и могла быть разработана доктрина евразийства, так важная именно для самопознания СССР. Сложность была в том, что Сталин, внимательно наблюдая за мыслью евразийцев и «переводя» их идеи на язык советской идеологии, в то же время был вынужден отрешиваться от них, чтобы не размывать в то трудное время фундамент официальной марксистской идеологии*.

*Один из деятелей евразийства, Устрялов, вернувшийся в СССР, в своих записках удивляется тому, что Сталин периодически отмежевывается от евразийцев, в то время как они говорят по сути то же самое, что сам Сталин.

Почему советское руководство не вбирало плодотворных идей и целых концепций альтернативных течений? Потому, что их плодотворность зачастую была «безопасна», когда эти концепции были «сбоку» от главного ствола, хотя бы они и были связаны с неприемлемыми для этого главного ствола идеями. Но при включении их в главную доктрину они могут обернуться «разрушительным творчеством». И тут главное — не перейти допустимую грань риска.

Культура первого периода — комментарий из 2001 г. По отношению к советскому строю и ко всему советскому проекту наш нынешний культурный слой (возможно, даже в большинстве) совершил, на мой взгляд, огромную историческую нечуткость и несправедливость. Дело тут не в политике, а в чем-то более глубоком, оттого и кризис у нас пока что безвыходный. И нечуткость эта — не только к советскому строю, но и к тем светочам нашей культуры, которые этот строй художественно, чувством осмыслили — М.Шолохову и С.Есенину, А.Платонову и Н.Рубцову. Дело не в морали, из этой несправедливости вытекает огромная ошибка, которая может нас погубить. Ныне живущая интеллигенция не проявила интереса и воли, чтобы понять суть советского строя через слово культуры, она увлеклась вторичными, а часто всего лишь политическими вопросами.

Г.Свиридов писал в своих «Записках»: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому — великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

А мы именно перестали слышать великих русских поэтов и отбросили «свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен». Не поняв главного, интеллигенция убедила читающий народ не ценить этого сокровища, выбросить его на помойку. Сегодня, чувствуя уже на своей шкуре, что случилось что-то неладное, наш культурный слой, однако, не задумывается о главном, а все еще надеется продрасться к чему-то хорошему по той же дорожке, по какой повел его Горбачев. К чему именно? Чего вы хотите и к чему зовете людей?

То, что пришлось наблюдать за последние пятнадцать лет в среде интеллигенции — и у нас, и на Западе, — для меня остается тяжелой загадкой и рождает плохие предчувствия. Ведь

культура невозможна без исторической преемственности, без того, чтобы прислушиваться к слову предшественников. Я знаю, например, что человек не может встать на ноги как химик, если он не поймет интеллектуального и духовного подвига Роберта Бойля, а потом Джона Дальтона и Лавуазье. Ведь чтобы оторваться от натурфилософии и алхимии и совершить переход в науку, создать представления об атоме, химическом элементе и веществе, им пришлось преодолеть мировоззренческую пропасть — знать и чувствовать оба ее края. Как же можно к ним не прислушаться! Конечно, можно взять учебник 2000 г., освоить кое-какие навыки и стать хорошим служащим в лаборатории. Но случись серьезный кризис самих оснований твоей науки — и ты поплывешь, как щепка.

Так же и в наших взглядах на общество. Вот интеллигенция десять лет благосклонно внимала злобным и, по всем признакам, недостойным людям типа Волкогонова, которые лили грязь на Ленина. Допустим, такая пошла идеологическая волна. Но ведь надо вспомнить уважаемых людей, которые близко наблюдали труд Ленина. И если среди них были такие, кто этот труд ценил очень высоко, к ним надо было бы прислушаться — даже если мнения великих современников расходились. Когда умер Ленин, махатмы Индии прислали в СССР послание, где говорилось, что умер самый великий человек на Земле. А ведь это писали не политики, надо же постараться их понять. Великий экономист Запада Кейнс, который в те годы работал в России, считал сам тип мышления Ленина выдающимся явлением культуры — плевать нам и на Кейнса? А на кого не плевать нашему демократическому интеллигенту?

Если какой-нибудь Лев Разгон скажет нынешнему русскому интеллигенту: «Не читайте Горького и Маяковского!», — он и не будет. А завтра какой-нибудь Радзинский скажет: «Не читайте Толстого и Чехова», — и их не будут читать. Вот отсюда и плохие предчувствия.

Об Октябрьской революции привыкли слушать: переворот! Переворот! Нелегитимный! Керенского свергли! Но почему же в этот момент память не подсказывает те слова, что сказал Александр Блок о тех «Двенадцати», что выгоняли из России этого пошлого масона? «В белом венчике из роз // Впереди Иисус Христос». А Блок именно знал оба края пропасти.

В интересных рассуждениях Н.И.Бухарина на I съезде советских писателей (1934) о поэзии «попутчиков революции» звучит смесь высокомерия и ревности пришедшего к власти поли-

тика, который с наивностью неопита считает именно себя и «своих» носителями сокровенного знания, революционной истины. Но то, что он считал свидетельством ограниченности, заблуждений великих поэтов, сегодня открывает нам важный смысл русской Октябрьской революции в их восприятии. Н.И.Бухарин говорил о философии творчества А.Блока: «Здесь есть нечто и от старого славянофильства, которому стал противен торгаш, подправленного народничеством; с великой болью Блок угадывал по вечерним кровавым закатам и грозовой атмосфере грядущую катастрофу и надеялся, что революционная купель, быть может, приведет к новой братской соборности». Вот что видел православный поэт в Октябре — признак новой братской соборности!

Да, Н.И.Бухарину это противно, А.Блок понял революцию не так, как понимал ее сам Н.И.Бухарин, и он отвергает прозрение поэта: «Но разве эта опозитизированная идеология, эти образы, эти поиски *внутреннего*, мистического смысла революции лежат в *ее* плане? Разве «тайный смысл» поэтической речи Блока хоть в малой степени родственен пролетариату? Разве это — прелюдия к новому миру? Конечно, нет...» Но в этом споре с Блоком Бухарин выступает как умный, но все же доктринер. Он именно не понимает русской революции как «бие-ния кармического сердца», как броска к граду Китежу. Она для него — всего лишь приведение в соответствие производительных сил и производственных отношений.

Надо подчеркнуть, что Блок выступает вовсе не только как мистик, искатель тайных смыслов и признаков соборности. А.Блок говорил о революции на языке геополитики, мироустройства, идеи прорыва всемирного диктата Запада. И это, конечно, не нравится Н.И.Бухарину, мечтающему именно о *пролетарской* мировой революции по канонам евроцентризма: «Социалистический машинизм и расцвет на этой основе новой культуры не витали перед его [Блока] умственным взором».

Н.И.Бухарин говорит о «Скифах» Блока, будучи, видимо, уверен, что слушателей ужаснет намек на то, что Блок грешит *евразийством*. Сегодня нас это не ужаснет, и полезно вспомнить оценку видного идеолога, которого во время перестройки нам представили как лидера «антисталинской» альтернативы в большевизме. Н.И.Бухарин судит «Скифы» так: «Это воспевание новой расы, азиатчины, самобытности, *скифского* мессианизма, очень родственное философской позиции Блока, не на-

поминает ли оно некоторыми своими тонами и запахами цветов евразийства?»

А вот другой поэт, свидетель и мыслитель революции, патриарх русского символизма и художественный идеолог крупной буржуазии, на склоне лет вступивший в коммунистическую партию, — Валерий Брюсов. Разве можем мы отмахнуться, не прислушаться к его словам? Ведь для него революция была именно пропастью, и он тоже разглядел оба ее края. Он написал:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в поражения, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Дни просяют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты.

И, наконец, вспомним Есенина. Для меня он — именно лирическое выражение советского строя с предчувствием тех тягот, что нас ждали впереди. Когда люди поверили, что град Китеж существует, что он возможен, но еще не хочется думать, что за него придется рвать жилы в труде и войне. Стоит опять прочесть Н.И.Бухарина, это был умный ненавистник крестьянской и аристократической культуры: «С мужицко-кулацким естеством прошел по полям революции Сергей Есенин, звонкий песенник и гуслир, талантливый лирический поэт». Н.И.Бухарин признает, что Есенин был певцом социализма и задает вопрос: «Но что это за социализм? Это «социализм» или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашню, где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где «дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш с сыченою брагой». Этот «социализм» прямо враждебен пролетарскому социализму».

Н.И.Бухарин, на мой взгляд, верно ухватил идеал Есенина, но только враждебен он был вовсе не социализму русского пролетариата, а социализму самого Н.И.Бухарина и его идейных соратников. Хорошо это или плохо, но подсознательный идеал советского человека был именно близок к тому, что писал Есенин.

Глава 8

ЗАПАДНОЕ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПОРОЖДЕНИЕ ДВУХ РАЗНЫХ ТИПОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Советский строй — особый период в истории государственности Руси, а затем России. Шире — это период в истории той цивилизации, которая сложилась в Евразии, отделенной более или менее четкими природными и культурными границами от западной цивилизации и от того, что условно понималось как «Восток» (Турция, Иран, Афганистан и Китай).

В моменты глубоких кризисов государства, подобных революциям 1917 г. или ликвидации СССР, речь идет не об изолированных конфликтах и противоречиях — политических и социальных, — а об их соединении в одну большую, не объяснимую частными причинами систему *цивилизационного* кризиса. Он охватывает все общество, от него не скрыться никому, он каждого ставит перед «вечными» вопросами. Под сомнение при этом ставится не законность и праведность той или иной структуры государства или нормы права, а и те исторические события, которые предопределили путь всей цивилизации. Например, в начале 90-х годов одним из доводов в подрыве легитимности Советского государства была его генетическая связь с двумя якобы фатальными историческими решениями: решением князя Владимира в X веке принять для Руси христианство от Византии (Православие) и решением в XIII веке Александра Невского признать власть монгольского хана, но дать непримиримый отпор Ливонскому ордену в его крестовом походе на православных славян.

Революция 1917 г. и перемены 90-х годов — это два эпизода в единой цепи событий, отражающих цивилизационный кризис России в ходе индустриализации. Эти события представляли собой более или менее открытую борьбу в связи с созданием, изменением и ликвидацией институтов государства и права. Всего полтора десятилетия (1939—1953 гг.) Советское государство находилось в относительно стабильном внутреннем состоянии, и то эта стабильность была обусловлена катастрофой, угрожающей извне, — войной против фашистской Германии и ее союзников и добровольных помощников. Сразу после восстановительного периода возобновилась борьба (принявшая но-

вые формы холодной войны), которая закончилась поражением Советского государства.

Таким образом, для понимания смысла событий, происходивших в государственном строительстве (и разрушении) в советский период, его необходимо поместить в исторический контекст. История помогает понять настоящее. Давайте четко зафиксируем факт, который на Западе и не отрицается: между Западом и Россией издавна существует напряженность, неизбежная в отношении между двумя разными цивилизациями, одна из которых очень динамична и агрессивна (Запад немислим без экспансии). Истоки и основания русофобии на Западе совершенно спокойно изучаются историками*. Самое поразительное как раз в том, что этот факт отрицается в России, но спокойно и в целом верно объясняется, например, во «Всемирной истории», написанной 80 «лучшими» историками мира. На Западе это базовая книга, стоит на полках в каждом школьном кабинете истории. Том 31 — «Россия» — написан немцами.

Вальтер Шубарт в известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» писал: «Никогда еще Европа, даже во времена Рима цезарей, не была так далека от Востока и его души, как ныне в прометеевскую эпоху. Противоположность между Востоком и Западом достигла своего высшего напряжения, но столь же огромно и стремление к его изживанию... Как бы это ни показалось смелым, но с полной определенностью следует сказать: Россия — единственная страна, которая может освободить Европу и ее освободит, так как по отношению ко всем жизненным проблемам она занимает позицию, противоположную той, которую заняли все европейские народы»**. Чтобы следовать этому важному завету и в то же время выжить самим как самобытной культуре, надо знать основные вещи и о Западе, и о себе.

Наш честный демократ, желая добра своим согражданам, мечтает о превращении России в либеральное открытое общество — в часть Запада. Сам Запад появления у него такого «родственника» не желает и никогда не желал — потому и откололся с такой ненавистью от Византии и стал тем, что мы понимаем как *Zanad*. Так что, даже если бы отказ русских от самих себя

*Люкс Л. О возникновении русофобии на Западе. — ПОЛИС. 1993, № 1, с. 173—178.

**Шубарт В. Европа и душа Востока. — Общественные науки и современность, 1992, № 6; 1993, № 1.

был заведомым благом, оно нереализуемо просто из-за того железного занавеса, которым отгорожен от нас Запад, — гораздо более железного, чем сталинский.

Что Россия не имела никаких оснований ожидать приглашения в «общий дом», говорилось совершенно открыто и не могло ускользнуть от антисоветских идеологов. Кумир нашей демократической интеллигенции Милан Кундера прямо писал: «Воистину ничто не может быть более чуждым Центральной Европе с ее одержимостью многообразием, чем Россия, одержимая идеей единообразия, стандартизации и централизации... Я просто хочу лишний раз напомнить, что на восточной границе Запада больше, чем где бы то ни было на земле, Россия воспринимается не как европейская держава, а как обособленная, иная цивилизация». Таким образом, все разговоры об «общем доме» были циничной и целенаправленной манипуляцией.

Думаю, почти всех в России поразило то, что мы совсем недавно видели воочию, — с какой ненавистью и жестокостью хозяева Запада и их пресса отнеслись к сербам в ходе югославского конфликта. Здесь даже нельзя говорить о «двойной морали» — по отношению к сербам не было никакой морали вообще, они как целое, как народ были представлены исчадиями ада. Как цинично пишут газеты, была произведена «сатанизация» сербов в общественном сознании Запада. Это никак нельзя объяснить ненавистью к коммунистам — хорват генерал Туджман был таким же коммунистом, как Милошевич (и вообще коммунизм Тито, восставший против СССР, был баловнем Запада). Здесь — тысячелетняя тлеющая ненависть к Православии и Византии.

Скажут: зачем ворошить прошлое? Ведь нынче славян не режут и квадригу с Большого театра, как из Византии, не увозят. Но изменилось ли отношение в принципе? И разве Запад извинился за 1204 г., подобно тому, как извинились перед Галилеем? Западные историки XIX века называли Карла I, «очистившего» Центральную Европу от славян, главной фигурой истории Запада — выше Цезаря и Александра Македонского и даже выше христианских героев. Когда Наполеон готовил поход на Россию, его называли «воскресшим Карлом». В 30—40-е годы XIX века в Европе считали неизбежным «крестовый поход» Запада против «восточного тирана». В 1942 г. фашисты пышно праздновали 1200 лет со дня рождения «Карла-европейца», а в разгар эры Аденауэра кардинал Фрингс из Кёльна назвал холодную войну «реализацией идеалов Карла Великого».

Наш демократ скажет: все это история, чего там только нет. А сейчас Запад — открытое общество и желает принять русских в «наш общий европейский дом». И все эти кардиналы и адептауэры — вымершие на Западе динозавры. Всем нам хотелось так думать, потому и поверили Горбачеву. Но реальность совсем иная. На сербах она поставила ясный эксперимент. Вы ему не верите? Тогда соберите все кусочки западной прессы, где что-то говорится о России и русских, и посмотрите, *как* говорится. Если выкинуть спорт и погоду, где наши дела освещают объективно, практически все сообщения о России окрашены отрицательно, а в очень многих случаях необъяснимо злобно. Русские — второй объект сатанизации после сербов.

Сейчас даже трудно понять, как наши демократы клюнули на это словечко западного «новояза» — *открытое общество*, которым якобы является Запад. Они его поняли совершенно неправильно. В смысле «входа посторонним» Запад — не просто закрытое общество, а неприступная крепость. Изначально агрессивная и недоверчивая, замешанная на расизме молодая цивилизация Запада была представлена каким-то добрым дядюшкой, который следует мифическим «общечеловеческим ценностям» и больше всего заботится о правах каждого маленького человечка. Директор Национального архивного центра Администрации США Дж.Тэйлор, который проработал в нем 57 лет, вспоминает: «В 1945 г., вскоре после того, как я пришел работать в архив, я узнал, что США имели план войны практически со всеми странами мира. Каждый план имел свой цвет. Черный для Германии, красный для Великобритании, белый для Кубы... Никто не думал в тот момент, что Соединенные Штаты могли начать войну против Великобритании, но у Пентагона имелся хорошо разработанный план такой войны».

Советский строй: тип общества и тип государства. Сущность институтов государства и права может быть понята лишь исходя из типа того общества, которым они порождены. Определять тип общества по признаку господствующей в нем социально-экономической формации (феодальное, капиталистическое, социалистическое) — недостаточно. Россия, Китай и Англия всегда были различны независимо от экономической формации.

В Новое время, по мере того как складывалась современная западная цивилизация («Запад») и колониальные империи, в западной общественной мысли возникло различие двух образов жизни человека — цивилизованного и дикого. В пределах западной культуры человек живет в цивилизованном (гражданском)

обществе, а вне этих пределов — в состоянии «природы». Представление о гражданском (цивильном) обществе возникло в так называемой натуралистической школе политической мысли, которая противопоставляла «естественное» общество (*societas naturalis*) «цивилизованному» или гражданскому (*societas civilis*). Поскольку наблюдать на практике естественное общество и становление гражданского общества в Европе было уже нельзя, объектом наблюдения стали индейцы недавно открытой Америки. Их Гоббс и взял как стандарт человека «в природном состоянии»*.

Так возникла идеология, получившая название *евроцентризм*. Ее главная идея в том, что существует единственный правильный путь развития общества («столбовая дорога цивилизации»), который удалось пройти Европе (Западу). Остальные страны и народы уклонились от этого пути или отстали. Однако рано или поздно они пройдут весь этот путь, но с излишними страданиями и потерями.

Кредо евроцентризма российских реформаторов выражено в книге-манифесте «Иного не дано» Л.Баткиным: «*Запад*» в конце XX века — не географическое понятие и даже не понятие *капитализма* (хотя генетически, разумеется, связано именно с ним). Это всеобщее определение того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого немислимо существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества»**.

Евроцентризм не имеет под собой научных оснований и состоит из набора мифов, который меняется в зависимости от обстановки (например, после краха фашизма миф о расовой неполноценности «дикарей» выведен в тень). Однако как идеология, отвечающая интересам господствующих классов, евроцентризм обладает огромной живучестью и время от времени овладевает даже массовым сознанием***.

*Тут была совершена большая ошибка, которая, впрочем, уже никого не волнует. До появления европейцев индейцы не были кровожадными, не воевали друг с другом и никаких скальпов не снимали. «Естественный» человек, о котором писал Гоббс, возник именно под разрушительным воздействием «цивилизованного» человека — европейцы, очищая территорию, стравливали племена индейцев, продавая им ружье за 18 скальпов.

**Баткин Л. Возобновление истории. — Иного не дано. М., 1988.

***Краткий обзор главных идей евроцентризма в связи с нашими событиями дан в моей книге «Евроцентризм как скрытая идеология перестройки». М.: Слово, 1995.

В противовес евроцентризму и на Западе, и в России многими учеными и философами развивалось представление о человечестве как сложной системе многих культур и цивилизаций. Их разнообразие необходимо не только для здорового развития, но даже и для существования человечества.

Во второй половине XX века это представление приобрело строгие научные формы. С точки зрения теории государства и права важным стало различие обществ *современного* и *традиционного*. Современное общество возникло в Западной Европе на обломках традиционного общества Средневековья (Возрождение было переходным периодом, его «перестройкой»). Те культуры и цивилизации, в которых такой глубокой ломки не произошло, продолжали развиваться в условиях той или иной разновидности традиционного общества. Россия — как в облике империи, так и в образе СССР — была классическим примером традиционного общества.

Названия «традиционный» и «современный» условны, первоначальный смысл их уже не отражается выбранными словами. Кроме того, для многих само слово «современный» звучит как положительная оценка. Но раз уж эти названия давно вошли в обиход, лучше не изобретать новых. Понятия «современное» и «традиционное» общество есть абстракции. В чистом виде эти модели нигде не встречаются. Любое самое примитивное общество в какой-то мере модернизировано. А любое общество Запада (скажем, США) несет в себе какие-то архаические черты — не только как пережитки, но и порождает их в своем развитии.

Современное общество есть продукт индустриальной цивилизации, а традиционное общество корнями уходит в цивилизацию аграрную. Иногда этот признак переносят в наши дни и ошибочно считают, что в промышленно развитых странах везде сложилось современное общество. Степень промышленного развития не служит существенным признаком. Япония — в высшей степени развитая промышленная страна, но сохранившая самые главные черты традиционного общества. С другой стороны, плантации в Зимбабве — очаги уклада современного общества.

Понятия «современное» и «традиционное» не содержат в себе оценки, они возникают лишь при взгляде через фильтр идеологии. Например, вопреки идеологическим установкам евроцентризма традиционное общество не является *косным*. В определенных условиях оно выполняет проекты быстрого и мощ-

ного развития (это видно на примере России, Японии, сегодня Китая). Сам по себе тип общества не предопределяет, будет ли оно в тот или иной исторический момент жестоким или терпимым, деспотическим или свободным.

Современное (гражданское) общество выходцев из Европы в США без всяких моральных проблем триста лет использовало рабство — считаясь при этом идеалом демократии (но в то же время с Запада осыпали проклятиями «деспотическую Россию» за крепостное право, просуществовавшее очень недолго и лишь в центральных областях). Основатель теории гражданского общества английский философ Джон Локк помогал составлять конституции рабовладельческих штатов США и вложил все свои сбережения в работорговлю.

Для понимания смысла государственного строительства в России после Октября 1917 г. надо хотя бы на время отвлечься от идеологических оценок. Особенно искажает реальность рассмотрение истории Советского государства и права через идеологический фильтр евроцентризма. Через него все видится неправильным, а часто и необъяснимым. Поневоле приходится прибегать к вульгарному психоанализу, сводя дело к комплексам и психическим отклонениям «тиранов» или мистическим тайнам «русской души». Напротив, в свете теории современного и традиционного общества история Советского государства и права укладывается в рациональные рассуждения, приводящие к логичным выводам.

Главное для нашей темы — представление о человеке и тот набор интересов, идеалов и культурных норм, которые соединяют людей в общество, порождающее государство. Представления о человеке (то есть антропологическая модель, ответ на вопрос «*что есть человек?*») в традиционном и современном обществе различаются кардинально.

Космическое (*соборное*) представление о человеке вырабатывала уже философия Древней Греции. Для нее человек — и гражданин *Космоса* (*космополит*), соединенный невидимыми струнами со всеми вещами в мире, и общественное животное (*zoon koinonikon*). В славянском мироощущении этому соответствовала идея всеединства, выраженная в концепции *мира* — как Космоса, так и общины.

Понятно, что соборный человек не изолирован и не противопоставлен миру и другим людям, он связан со всеми людьми и со всеми вещами и *отвечает* за них. Наш поэт-философ Державин так определил место человека в Космосе:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества...

В чем же долг человека, что ему вменено богом в обязанность («И цепь существ связал всех мной»)? Вот как это всеобщее ощущение видится Державиным:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю.

При возникновении современного общества в результате Реформации, Просвещения и буржуазных революций возникло новое представление о человеке — *свободный индивидуум*. *Индивид* — это перевод на латынь греческого слова *атом*, что по-русски означает *неделимый*. Человек стал атомом человечества — свободным, неделимым, в непрерывном движении и соударениях. При этом каждый имел в частной собственности свое *тело*. Оно стало самым исходным, первичным элементом частной собственности, и в обладании ею все были равны. В России сам смысл понятия «индивид» широкой публике даже до сих пор неизвестен — это слово воспринимается как синоним слова «личность», что совершенно неверно.

В западной общественной мысли понятие индивидуума развивалось на протяжении четырех веков философами начиная с Гассенди, Гоббса и Декарта, вплоть до Поппера и фон Хайека, а затем самыми разными школами политэкономии, социологии, антропологии, поведенческих наук и даже психоанализа. В России альтернативная антропологическая модель (человек как *соборная личность*) оформилась в четких терминах в конце XIX века в трудах философов-немарксистов (П.Хомяков, К.Леонтьев, Вл.Соловьев). Тело никак не рассматривалось как частная собственность личности (говорилось: «земля — Божья, а люди — царевы»).

Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Капитализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы. Поэтому *община* всегда была главным врагом буржуазного общества и его культуры.

В России разрыва этих связей не произошло, несмотря на воздействие капитализма и реформу Столыпина. В антропологической модели, развитой в России в начале XX века православными философами, человек есть *соборная личность*, средоточие множества человеческих связей. Здесь человек всегда включен в солидарные группы (семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива, пусть даже шайки воров). Обыденным выражением этой антропологии служит девиз: «Один за всех, все за одного».

Очень важно для традиционного общества понятие *народа* как надличностной общности, обладающей исторической памятью и коллективным сознанием. В народе каждое поколение связано отношениями ответственности и с предками, и с потомками. На Западе же понятие «народ» изменилось, это — граждане, сообщество индивидов. Консерватор де Местр писал, отвергая буржуазную революцию: «Народ обладает всеобщей душой и неким подлинным моральным единством, которое и приводит к тому, что он есть то, что есть». Другой французский традиционалист, Ламеннэ, писал, что следствием Реформации явился капитализм с его жадной наживы, превративший Францию начала XIX века в «собрание 30 млн. индивидуумов».

Будучи неделимыми, индивиды соединяются в народ через гражданское общество. Те, кто вне его, — не народ. С точки зрения западных исследователей России, в ней даже в середине XIX века не существовало народа, так как не было гражданского общества. Путешественник маркиз де Кюстин писал в своей известной книге о России: «Повторяю вам постоянно — здесь следовало бы все разрушить для того, чтобы создать народ».

Важным устоем западного общества стало представление о человеке, данное философом XVII века Т.Гоббсом. Он утверждает, что природное, врожденное свойство человека — подавлять и экспроприировать другого человека. Таким образом, естественное состояние для человека — *война всех против всех* (*bellum omnium contra omnes*). В условиях цивилизации, гражданского общества эта война вводится в рамки закона и становится конкуренцией. Запад — единственная культура на земле, антропологический миф которой утверждает, будто человек по своей природе кровожаден. Во всех остальных культурах считается, что человек утратил рай за совершенный им грех, а в своем исходном естестве он создан по образу и подобию Бога.

Видный современный американский антрополог М.Салинс пишет: «Гоббсово видение человека в естественном состоянии

является исходным мифом западного капитализма. Современная социальная практика такова, что история сотворения мира бледнеет при сравнении с этим мифом. Однако также очевидно, что в этом сравнении и, на деле, в сравнении с исходными мифами всех иных обществ, миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы — единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством»*.

На уровне религиозного сознания главное изменение в представлении о человеке на Западе произвела протестантская Реформация в Европе. Она отвергла идею коллективного спасения души, религиозное братство людей. Именно эта идея и соединяла ранее людей в христианстве: все люди — братья во Христе, он *за всех нас* пошел на крест. На Западе, напротив, возник религиозно обоснованный *индивидуализм*. Это общество возникло на идее *предопределенности*. Это значит, что люди изначально не равны, а делятся на меньшинство, избранное к спасению души, и тех, кому предназначено погибнуть в геенне, — *отверженных*.

Вот фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.): «Хотя и говорят, что Бог послал сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была его цель: он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных»**. Шотландские пуритане даже не допускали к крещению детей тех, кто отвергнут Богом (например, пьяниц). Это отход от сути христианства назад, к идее «избранного народа». Видимым признаком избранности стало *богатство*. Бедность ненавиделась как симптом отверженности. Кальвин настрого запретил подавать милостыню.

*Sa hl i n s M. Uso y abuso de la biología. Madrid: Siglo XXI Eds., 1990. P. 131.

**Не все протестанты принимают этот принцип. Например, секта квакеров (трясунов) категорически не признает тезиса о предопределенности. Квакеры называют учение Кальвина «ужасной и кошунственной теорией». Но в становлении западного общества главную роль сыграли кальвинисты, наиболее радикальные сторонники идеи предопределенности.

Принятые в Англии «Законы о бедных» поражают своей жестокостью*.

Важным идеологическим следствием из религиозного деления людей на избранных и отверженных, дополненного идеями социал-дарвинизма, стал *расизм*, которого не существовало в традиционном обществе. Вначале он развился в отношении народов колонизируемых стран (особенно в связи с работорговлей), затем был распространен на отношения классов в новом обществе самого Запада. В XIX веке основатели политэкономии говорят о «расе рабочих», а премьер-министр Англии Дизраэли — о «расе богатых» и «расе бедных». Пролетарии и буржуа стали двумя разными расами.

Таким образом, колонизация *предшествует* становлению буржуазного государства, и капиталистический порядок заключался в обращении с рабочими Запада так же, как прежде Запад обращался с населением колоний. Отношение между капиталистом и пролетарием было не чем иным, как частным случаем отношений между колонизатором и колонизируемым.

В России не произошло протестантской Реформации, а идеи Просвещения и научной революции не произвели идеологического переворота, потому что они внедрялись в культурную среду России постепенно и без религиозного подкрепления. Представления Гоббса вообще не были восприняты, как и социал-дарвинизм (то есть идея, что среди людей, как и в дикой природе, идет *борьба за существование*, в которой слабые должны погибнуть). В России была даже развита особая ветвь дарвинизма, делающая упор не на борьбу за существование, а на *взаимопомощь* — даже в приложении к животному миру.

Таким образом, на всех уровнях сознания господствующие в России представления о человеке к моменту установления Советской власти принципиально отличались от тех, которые сложились в гражданском обществе Запада. Из представлений о человеке вытекали и взгляды на общество и государство.

Во-первых, взгляды на общество в западной социальной философии от Гоббса и до наших дней следуют принципам *методологического индивидуализма*: «действия индивидуумов создают общество». В России социальная философия (как православ-

*Очень важно было бы прочесть фундаментальный труд М.Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (М., 1990). Помимо того, что он объясняет главные моменты нашей темы, он еще и представляет из себя замечательное в художественном отношении произведение.

ная, так и либеральная, а тем более марксистская) вообще считала саму постановку вопроса некорректной, поскольку личности вне общества просто не существует. Общество и личность связаны нераздельно и *создают друг друга*.

Различны и те силы, процессы, которые скрепляют общество двух разных типов. На Западе этим процессом является эквивалентный обмен между индивидами, их контракт *купли-продажи*, свободный от этических ценностей и выражаемый чисто количественной мерой *цены*. Каждый человек выступает по отношению к другому человеку как собственник. Общество формируется через акты обмена, посредством которых каждый ищет максимально возможную выгоду за счет приобретения собственности другого за наименьшую цену. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится **рынок**. Каждый акт обмена должен быть *свободным и эквивалентным*.

Напротив, в обществе традиционном люди связаны множеством отношений зависимости. Акты обмена между ними по большей части не приобретают характера свободной и эквивалентной купли-продажи (обмена равными стоимостями) — рынок регулирует лишь небольшую часть общественных отношений. Зато велико значение отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Все эти отношения с точки зрения либерала несвободные и не поддающиеся рациональному расчету, они в значительной части мотивируются этическими ценностями. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в традиционном обществе **семья**.

В православной культуре это идет от представления о братстве людей, коллективном спасении души и христианской общине. Апостол Павел в Послании римлянам писал: «Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии». И далее: «Мы — дети Божии... а если дети, то и наследники». Христианская община имеет своей моделью семью, связанную двумя векторами любви — любовью отеческой-сыновней и любовью братской.

В цивилизованном обществе, где кровожадность «естественного» человека была усмирена правом, так что «война всех против всех» приняла форму конкуренции, движущей силой, соединяющей людей в общество, является *страх**. Уже Гоббс вводит этот постулат: «Следует признать, что происхождение много-

*Об эволюции «западного страха» рассказано в моей книге «Манипуляция сознанием» (М., 2000).

численных и продолжительных человеческих сообществ связано... с их взаимным страхом»*. То есть под той положительной мотивацией, какой А.Смит считал *поиск выгоды* на рынке, лежит страх быть побежденным в конкуренции. При этом страх должен быть *всеобщим*. Кроме того, должно существовать *равенство в страхе*. Гоббс пишет: «Когда же частные граждане, т.е. подданные, требуют свободы, они подразумевают под этим именем не свободу, а господство»**.

В России всегда была важна идея «общего дела», скрепляющего личности в общество. Наличие общей идеи («общего дела»), принятой большинством граждан, придавало государству большую силу. Напротив, сомнения или разочарование в этой идее («*живем не по правде*») могло привести к быстрому и для либерального мышления непостижимому разрушению всего государства.

Принципиальное отличие традиционного общества от западного состоит в том, что в нем всегда есть ядро этических ценностей, признаваемых общими для всех членов общества («неписанный закон»). Само западное общество и возникло через расчленение этой общей (тоталитарной) этики на множество частных, профессиональных этик — коммерческой, административной, политической и т.д. В большой мере очистив отношения людей от внерациональных сил (заменяв *ценности* *ценной*), гражданское общество приобрело большую устойчивость, стало нечувствительным к потрясениям в сфере идеалов. Так, оно стало полностью равнодушным к проблеме признания социального порядка справедливым или несправедливым — критерий справедливости исключен из процесса легитимации общественного строя.

Напротив, для традиционного общества идеал справедливости играет огромную роль в обретении или утрате легитимности. Ведущий современный философ либерализма Ф. фон Хайек в своей книге «Дорога к рабству» подчеркивал, что возникновение в обществе каких-то общих этических идеалов означает его сдвиг к социализму.

В соответствии с представлениями о человеке и с теми связями, которые соединяют людей в общество, строится *политический* порядок, определяющий тип государства. Имея как образец идеал семьи, традиционное общество порождает так называемый

*Гоббс Т. Избранные соч. М., 1964. Т. 1, с. 302.

**Там же, с. 367.

мое *патерналистское* государство (от лат. *pater* — отец). Здесь отношения власти и подданных *иерархичны* и строятся по образу отношений отца и детей. Ясно, что представления о свободе, взаимных правах и обязанностях здесь принципиально иные, нежели в государстве западного общества, роль которого сведена к функции полицейского на рынке (государство — «ночной сторож»).

Сегодня большой интерес вызывает типичное традиционное общество — Южная Корея. Она быстро развивается: еще в 1954 г. по доле ВВП на душу населения она уступала не только полуколониальному тогда Египту, но и Нигерии. Это было отсталое аграрное общество. Индустриализация и развитие происходили здесь в рамках специфического «конфуцианского капитализма». Корейский социолог пишет в самой популярной книге о национальном характере: «Иерархичность — способ существования корейца, а выход из иерархической структуры равносителен выходу из корейского общества». Так что индивидуализация людей вовсе не является необходимым условием развития. Российский востоковед А. Н. Ланьков пишет: «Конфуцианство воспринимало государство как одну большую семью. Вмешательство государства в самые разные стороны жизни общества считается в Корее благом — хотя образованные корейцы прекрасно знакомы с европейскими воззрениями на государство и гражданское общество. В докладе о южнокорейской экономике, подготовленном по заказу Всемирного банка, говорится: «Озадачивающим парадоксом является то, что корейская экономика в очень большой степени зависит от многочисленных предприятий, формально частных, но работающих под прямым и высокоцентрализованным правительственным руководством». Другой американский экономист пишет: «Корея представляет из себе командную экономику, в которой многие из действий отдельного бизнесмена предпринимаются под влиянием государства, если не по его прямому указанию»*.

В Европе Реформация стала революцией не только в религиозной сфере, но и в идее государства. Раньше государство обосновывалось, приобретало *авторитет* через божественную благодать. Монарх был помазанник Божий, а все подданные были в каком-то смысле его детьми. Впервые Лютер обосновал превращение патерналистского государства в *классовое*, в котором

*Ланьков А. Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина. — Восток, 1996, № 1.

представителями высшей силы оказываются *богатые*. Богатые стали носителями власти, направленной против *бедных*. Государство перестало быть «отцом», а народ перестал быть «семьей». Общество стало аренной классовой войны.

Назвав новое общество *«республикой собственников»*, теоретик гражданского общества Локк так и объяснил суть государства: «Главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам, — сохранение их собственности» (слово «республика», т.е. «общее дело», изначально применялось к любому государству, в том числе и монархии).

Таким образом, гражданское общество основано на конфронтации с неимущими. Внутреннее единство общества отрицается принципиально, как утрата свободы, как тоталитаризм*. В норме государство гражданского общества должно поддерживать условия для конкуренции, а периодически — вести войну и испытывать революции. В фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах, читаем: «Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата — собственности и капиталу. Демократическое государство — исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как «народ» утверждается через революцию, а политическое право — собственностью... Таким образом, эта демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством».

Напротив, *единство общества («народность»)* всегда является идеалом и заботой государства традиционного общества. Источник его легитимности лежит не в победоносной гражданской войне, а именно в авторитете государя как отца. Единство — главная ценность семьи, поэтому во всех своих ритуалах это государство подчеркивает существование такого единства.

Различие двух типов государства хорошо видно при сравнении голосования в парламентах и Советах. Голосование — древнейший ритуал любой разновидности демократии от родо-

*Когда в России возникает партия под названием «Единство» и ее руководство заявляет, что оно привержено к либеральным ценностям, то это нонсенс, признак полного непонимания самого смысла слова «либерализм».

вой до современной либеральной. Этот ритуал лишь завершает процесс согласования интересов и выработки решения, приемлемого для всех влиятельных групп. В парламенте голосование есть ритуал, символизирующий *конкуренцию*, в которой побеждает сильнейший (пусть даже с перевесом в один голос). В Советах (любого вида — от совета старейшин племени до Верховного Совета СССР) голосование есть ритуал *согласия*. Здесь стремятся обеспечить единогласность.

Этот смысл ритуала голосования в государстве традиционного типа прекрасно изучен в антропологии и культурологии. В оставшихся кое-где на земле культурах с племенной демократией существуют даже изощренные специальные обряды, в ходе которых люди отставляют в сторону обиды и разногласия (танцы, ритуальные инсценировки боя, омовения и пиры). Лишь после этих обрядов приступают к голосованию, которое должно быть единодушным.

Знарок русской деревни А.Н.Энгельгардт пишет в «Письмах из деревни»: «Я уже говорил в моих письмах, что мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не пойдем. Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел поля произведен математически точно — и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, все принято в расчет, что счет сведен верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей убежден в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть *хоть один* сомневающийся.

То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются — вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг ввернет слово — одно только слово, восклицание, — и этим словом, этим восклицанием перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное».

Итак, в традиционном обществе ищутся *единогласные* реше-

ния, и само голосование как заключительный акт переговоров становится ритуалом, который символизирует единство. Тот же смысл имеют выборы в представительные органы власти. В гражданском обществе выборы представлены как политический рынок, на котором партии «продают» свои программы и получают плату в виде голосов граждан. В свободной конкуренции здесь побеждает сильнейший. Выборы в традиционном обществе, как мы это видели в СССР, являются на деле плебисцитом (ответ типа «да—нет»). Назначение их — явиться и одобрить общую линию государства. Поэтому так была важна в СССР *явка* на выборы, хотя мало кто из избирателей вообще заглядывал в бюллетень — он говорил «да» самим фактом голосования неиспорченным бюллетенем. Каждый не принявший участия в выборах означал наличие сильного недовольства.

Для либерального государства массовое участие в выборах существенного значения не имеет, правомочный кворум сокращается порой до 1/4 граждан, а в некоторых случаях (как в США) вообще до одного человека. Социолог Р.Мёрфин пишет: «Порой при анализе местных выборов обнаруживается, что лишь 5% имеющих право голоса пришли голосовать. Это означает, что в итоге таких выборов кандидат может занять государственную должность, собрав лишь 2,5% голосов плюс один голос. На выборах 1990 г. некоторые конгрессмены были избраны менее чем 20% от общего числа имеющих право голоса. А во Флориде, к примеру, избирательный закон допускает, чтобы кандидат, у которого нет оппонента на выборах, был «избран» автоматически, без включения его имени в бюллетень. Именно так два кандидата и прошли в Конгресс в 1990 г., получив ноль голосов»*.

Различны и подходы к наделению граждан «голосом». Возникновение нового типа человека — индивидуума (атома) — привело к «*атомизации*» голоса. Предельным выражением демократии западного типа стал принцип «один человек — один голос». До этого в разного рода солидарных коллективах «голос» или часть его отдавались тем, кто считался выразителем разума и воли этого коллектива (например, отцу крестьянской семьи, священнику, старейшинам и т.д.). В любом государстве советского, а не парламентского типа носителями голоса являются не только граждане, но и коллективы, общности людей.

*Мёрфин Р. Технология избирательных кампаний в США. — ПОЛИС, 1991, № 3.

На ранних этапах становления государства в Советской России даже выборы в Советы проводились в коллективах предприятий или в общинах деревень, так что голос члена коллектива «весил» больше, чем голос изолированного гражданина*. В дальнейшем возник «коллективный голос» народов и национальностей. Народы получили представительство в государстве не как совокупность атомов, но как целостность (Совет Национальностей), а каждый гражданин имел «голос» и как представитель своей национальности, что было даже зафиксировано в личном документе (паспорте).

Смысл голосования как одного из механизмов волеизъявления граждан, соединяясь с другими элементами мировоззрения, определяет источник легитимации государства в двух типах общества. В гражданском обществе государство *профанное*, лишенное святости — рационально построенная в интересах общества машина. Оно обретает легитимность на каждый новый срок «снизу», через избирательную урну — путем сложения голосов людей-атомов.

В традиционном обществе государство *сакрализовано*, оно обладает неким высшим смыслом, святостью, которая возникает не из сложения голосов индивидуальных граждан, а из благодати того или иного вида. В крайнем случае *теократического* государства эта благодать, легитимирующая политическую власть, целиком исходит из божественного откровения. На языке, понятном людям, это откровение выражает Церковь. Легитимность, полученная таким образом, может даже не подвергаться экзамену через выборы, пока силен авторитет Церкви. В таком обществе, даже в формальном смысле слова атеистическом, многие институты, отношения, социальные явления имеют частицу святости — и потому с ними нельзя обращаться «вольнo». Какая может быть «свобода слова», если, как сказано в Евангелии от Иоанна, «слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины». Русский философ Г.Федотов писал в 1931 г. в Париже: «Самодержавие царей было не только политическим фактом, но и религиозной доктриной, для многих почти догматом».

*Первые выборы в Советы в 1923—1924 гг. вызвали переполох в партийном руководстве, так как на них явились всего около 30% избирателей. А причина была в том, что по разумению крестьян (а они составляли 85% населения) идти голосовать должен был только отец — за всю семью. Члены семьи «вручали» свои голоса отцу.

Наиболее распространенным вариантом государства традиционного общества является государство *идеократическое*. В нем источником благодати является набор идеалов, признаваемых за общепринятые и не подвергаемых проверке через диалог или выборы. Иногда хранителем таких идеалов выступает Церковь, иногда нет. Так, царская Россия не была теократическим государством, но роль Православной церкви в легитимации власти была очень велика. Кризис официальной Церкви, религиозные искания в русском обществе в конце XIX — начале XX века были важным фактором подрыва легитимности царской власти. Лев Толстой как религиозный мыслитель, вошедший в конфликт с Церковью, действительно стал «зеркалом русской революции».

Советская власть была типично идеократическим государством традиционного общества. Но набор идеалов, в котором заключалась благодать, придающая власти легитимность, выражался на языке «мечты пролетариата» о правде и справедливости. Авторитет Советского государства опирался на небольшое число священных идей. Философ Н.Бердяев даже писал в эмиграции (1923): «Социалистическое государство не есть секулярное государство, это — сакральное государство... Оно походит на авторитарное теократическое государство... Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особенная иерархия — коммунистическая партия».

Со временем сакральный компонент ослабевал, перейдя из мессианской веры в мировую революцию, в «культ Сталина», связанный с идеей прежде всего укрепления *своей* страны, а после завершения восстановительного периода (середина 50-х годов) Советское государство исключительно быстро становилось все более открытым, все менее идеократическим. Однако его тип оставался прежним. Его легитимность достигалась прежде всего через идеалы и соответствующую им социальную практику и подтверждалась выборами плебисцитарного типа (по принципу «да — нет»). Это было типичное государство традиционного общества, несущее на себе печать крестьянского мироощущения. Д.Е.Фурман в «Иного не дано» пишет о становлении в СССР такого государства: «Основные носители этих тенденций, очевидно, поднимавшаяся из низов часть бюрократии, которая, во-первых, унаследовала многие элементы традиционного крестьянского сознания, во-вторых, хочет не революционных бурь, а своего прочного положения».

В структуре процесса легитимации необходимой была роль

партии прежде всего как хранителя и толкователя благодати. Поэтому сама партия — ВКП(б) и потом КПСС — имела совсем иной тип, нежели партии западного гражданского общества, конкурирующие на «политическом рынке». Будучи единственной партией у власти, КПСС по сути была особым «постоянно действующим» *собором*, представляющим все социальные группы и сословия, все национальности и все территориальные единицы. Внутри этого собора и происходили согласования интересов, нахождение компромиссов и разрешение или подавление конфликтов — координация всех частей государственной системы. Понятно, что в партии соборного типа, обязанной демонстрировать единство как высшую ценность и источник легитимности всего государства, не допускалась фракционность, естественная для «классовых» партий.

Все требования многопартийности, «свободной игры политических сил», плюрализма и т.п., которые раздавались с середины 80-х годов, в действительности ставили вопрос не об «улучшении» Советского государства, а о смене самого *типа государственности* (и даже глубже — смене типа цивилизации). То есть о революции гораздо более фундаментальной, нежели социальные революции. На протяжении всего советского периода возможные последствия такой революции оценивались обществоведами (в том числе антисоветскими философами-эмигрантами) как катастрофа, масштабы которой трудно было даже предсказать. Опыт 90-х годов в целом подтвердил эти оценки.

Парламент и Советы. Евроцентризм утверждает существование лишь одной «правильной» формы демократии — *парламентской*. Она основана на представительстве главных социальных групп общества через партии, которые конкурируют на выборах («политическом рынке»). Парламент есть форум, на котором партийные фракции ведут торг, согласовывая интересы представленных ими групп и классов. Равновесие политической системы обеспечивается созданием «сдержек и противовесов» — разделением властей, жесткими правовыми нормами и наличием сильной оппозиции. В зрелом виде эта равновесная система приходит к двум партиям примерно равной силы и весьма близким по своим социальным и политическим программам. Сама такая политическая практика процедурно сложна, так что возникает слой профессиональных политиков («политический класс»), представляющих интересы разных социальных групп в парламенте. Как и политическая экономия в

концепции равновесного рынка, так и политическая философия парламентаризма возникла как слепок с механистической картины мироздания Ньютона. Так, теория конституционной монархии в Англии прямо выводилась из модели Ньютона. Конституция США — классический пример представления государства как равновесной машины.

В Советах выразился иной тип демократии. Во-первых, с самого начала эта демократия выражала *самодержавный* идеал, несовместимый с дуализмом западного мышления — склонностью видеть в каждой сущности борьбу двух противоположных начал (этот дуализм в конечном счете привел к двухпартийной политической системе). «*Вся власть Советам!*» — лозунг, отвергающий и конкуренцию партий, и разделение властей, и правовые «противовесы». Во-вторых, Советы с самого начала несли в себе идеал *прямой*, а не представительной демократии. В первое время создаваемые на заводах Советы включали в себя всех рабочих завода, а в деревне Советом считали сельский сход. Впоследствии постепенно и с трудом Советы превращались в представительный орган, но при этом они сохранили соборный принцип формирования. За образец брали (явно бессознательно) земские соборы Российского государства XVI—XVII веков, которые собирались в основном в критические моменты*. Депутатами Советов становились не профессиональные политики (как правило, юристы), а люди из «гуши жизни» — в идеале представители всех социальных групп, областей, национальностей. С точки зрения парламентаризма выглядит, конечно, нелепостью «подбор» состава Советов по полу, возрасту, профессиям и национальностям. Но когда корпус депутатов состоит не из профессионалов, а из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, этот подход имеет глубокий смысл.

В отличие от парламента, где победитель в конкурентной борьбе выявляется быстро, Совет, озабоченный поиском единства (консенсуса), подходит к вопросу с разных сторон, трактуя острые проблемы в завуалированной форме. Это производит впечатление расплывчатости и медлительности («говорильня») — особенно когда ослабевают механизмы закулисного согласования позиций. Для тех, кто после 1989 г. мог наблюдать парал-

*Слово «собор» — перевод греческого слова *ekklesia*, что значит «собрание» и «церковь». Земские соборы созывались не для того, чтобы принимать конкретные решения, а чтобы «найти истину» — определить или одобрить путь государства.

тельно дебаты в Верховном Совете СССР (или РСФСР) и в каком-нибудь западном парламенте, разница казалась ошеломляющей.

Дело в том, что в парламенте собираются политики, которые представляют конфликтующие интересы разных групп, а Совет исходит из идеи народности. Отсюда — разные установки и процедуры. Парламент ищет не более чем приемлемое решение, точку равновесия сил. Совет же «ищет правду» — то решение, которое как бы скрыто в народной мудрости. Потому и голосование в Советах носило плебисцитарный характер: когда «правда найдена», это подтверждается единогласно. Конкретные же решения вырабатывает орган Совета — исполком.

Риторика Совета с точки зрения парламента кажется странной, если не абсурдной. Парламентарий, получив мандат от избирателей, далее опирается лишь на свой ум и компетентность. Депутат Совета подчеркивает, что он — лишь выразитель воли народа (из его мест). Поэтому часто повторяется фраза: «Наши избиратели ждут...» (этот пережиток сохранился в Госдуме даже через десять лет после ликвидации Советской власти). В Советах имелаась ритуальная, невыполнимая норма — «наказы избирателей». Их, как считалось, депутат не имел права ставить под сомнение (хотя ясно, что наказы могли быть взаимно несовместимы).

Советы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру. Судить их принципы, процедуры и ритуалы по меркам западного парламента — значит, впадать в примитивный евроцентризм. В практике Советы выработали систему приемов, которые в конкретных условиях советского общества были устойчивой и эффективной формой государственности. Как только само это общество дало трещину и стало разрушаться, недееспособными стали и Советы, что в полной мере проявилось уже в 1989—1990 гг.

Советы и партия. Государство строится и действует в рамках определенной политической системы. В ней органы и учреждения государства дополнены общественными организациями (партиями, профсоюзами, кооперативами, научными и другими обществами). Главные общественные организации советской политической системы возникли до революции 1917 г., но после нее их совокупность сильно менялась. Главным изменением было становление *однопартийной системы* — по мере того как союзные и даже коалиционные вначале левые партии

переходили в оппозицию к большевикам. Это происходило, несмотря на неоднократные, вплоть до 1922 г., попытки большевиков восстановить признаки многопартийности. Идея единства все больше довлела. Рядовые эсеры и меньшевики быстро «перетекали» в РКП(б), а лидеры эмигрировали, были сосланы или арестованы в ходе политической борьбы.

Партия заняла в политической системе особое место, без учета которого не может быть понят и тип Советского государства. В литературе нередко дело представляется так, будто превращение партии в скелет всей системы и ее сращивание с государством — реализация сознательной концепции В.И.Ленина, возникшей из-за того, что политически незрелые и малограмотные депутаты рабочих и крестьянских Советов не могли справиться с задачами государственного управления. Видимо, проблема глубже. Необходимость в особом, не зависящем от Советов «скелете» диктовалась двумя причинами.

Лозунг «Вся власть Советам!» отражал крестьянскую идею «земли и воли» и нес в себе большой заряд анархизма. Возникновение множества местных властей, не ограниченных «сверху», буквально рассыпало государство. Советы не были ограничены и рамками закона, ибо, имея «всю власть», они в принципе могли менять законы. Была нужна обладающая непрерываемым авторитетом сила, которая была бы включена во все Советы и в то же время следовала бы не местным, а общегосударственным установкам и критериям. Такой силой стала партия, игравшая роль «хранителя идеи» и высшего арбитра, но не подверженная критике за конкретные ошибки и провалы. Именно партия, членами которой в разные годы были от 40 до 70% депутатов, соединила Советы в единую государственную систему, связанную как иерархически, так и «по горизонтали». Значение этой связующей роли партии наглядно выявилось в 1990 г., когда эта роль была законодательно изъята из полномочий КПСС.

Вторая причина превращения партии в связующий «скелет» государственной системы состоит в том, что Советы соборного типа, в отличие от парламента, не могли быть *быстрыми* органами управления. Они выделяли из себя чисто управленческий исполком, а сами выполняли лишь одобряющую, легитимирующую роль. Для общества традиционного типа эта роль очень важна, но требовался и форум, на котором велась бы выработка *решений* через согласование интересов и поиск компромисса. Таким форумом, действующим «за кулисами» Советов, стала партия большевиков.

Эта конструкция власти необычна с точки зрения либерального демократа, но она выполняет те же объективно присущие государству функции, что и при парламентской демократии. Закулисный форум для поиска компромиссов и выработки решений есть и при парламенте. Так, в США высшая финансовая, промышленная, политическая, военная и научная элита соединена в сеть закрытых клубов, где и происходит невидимое согласование интересов и выработка решений. Другим типом «надпартийного» форума является политическое масонство, в некоторые моменты играющее очень активную роль (особенно в кадровой политике). Так, сложившееся в 1906 г. российское политическое масонство объединяло в своих рядах руководителей всех левых партий, кроме большевиков. Из 29 министров Временного правительства всех составов 23 были масонами. Все три члена президиума ЦИК Петроградского Совета первого состава (Керенский, тогда трудовик, и два меньшевика) также были масонами. Виднейшие деятели Февраля отмечали в мемуарах, что масонские ложи и были тем «круглым столом», за которым велись переговоры революционных (эсеры и меньшевики) и либеральных (кадеты и трудовики) политиков*.

В годы индустриализации ВКП(б) стала массовой, а в 70-е годы включала в себя около 10% взрослого населения. Главным способом воздействия партии на деятельность государства был установленный ею контроль над кадровыми вопросами. Разгром к началу 30-х годов оппозиции внутри партии и ликвидация фракционности дали ЦК ВКП(б) полноту контроля за назначением служащих на все важные посты в государстве. Уже в конце 1923 г. стала создаваться система *номенклатуры* — перечня должностей, назначение на которые (и снятие с которых) производилось лишь после согласования с соответствующим партийным органом. В номенклатуру стали включаться и выборные должности, что было, разумеется, явным нарушением официального права.

Процессы, происходящие после ликвидации какой-то структуры, многое говорят о ее реальном месте в обществе. Сама по себе ликвидация явно недемократической номенклатурной системы (в 1989 г.) не сделала назначение государственных чиновни-

*Отношения коммунистов с масонами были сложными, и один из руководителей Коминтерна Г.Димитров, изучавший этот вопрос, заявил о несовместимости членства в компартиях с принадлежностью к масонству.

ков ни более открытым, ни более разумным. Скорее — наоборот. Поэтому критика номенклатурной системы как вырванного из контекста частного механизма имела сугубо идеологический смысл.

В условиях острой нехватки образованных кадров и огромной сложности географического, национального и хозяйственного строения страны, номенклатурная система имела большие достоинства. Она подчиняла весь госаппарат единым критериям и действовала почти автоматически. Это обусловило необычную для парламентских систем эффективность Советского государства в экстремальных условиях индустриализации и войны. Важным в таких условиях фактором была высокая степень *независимости* практических руководителей от местных властей и от прямого начальства. Эта «защищенность» побуждала к инициативе и творчеству — если только они соответствовали главной цели.

Главным дефектом такой системы, который был известен с самого начала, была тенденция номенклатуры к превращению в сословную касту, к образованию кланов, приобретающих большую силу, если местным и хозяйственным руководителям удавалось воздействовать на партийные органы (в широком смысле слова «коррумпировать» их). Таким образом, номенклатурная система со временем неизбежно «портилась» и превращалась в систему сплоченных групп, которые следовали не интересам государства, а своим частным групповым интересам. В рамках Советского государства это противоречие не было разрешено, и номенклатура в конце концов совершила «революцию сверху», уничтожив Советское государство и приняв активное участие в разделе государственной собственности.

Особенности советского права. Будучи порождением традиционного общества, Советское государство выработало соответствующую такому обществу систему права. Во многих отношениях оно принципиально отлично от права гражданского общества. Люди, мыслящие в понятиях евроцентризма, не понимают традиционного права, оно им кажется *бесправием*. В связи с этим в сфере идеологии возникает подмена понятий и взаимное непонимание.

Так, слова «правовое государство» житель России воспринимает совсем не так, как на Западе. Там имеется в виду именно либеральное государство, отдающее безусловный приоритет *правам индивидуума*. В обыденном сознании России считается,

что правовое государство — это то, которое строго соблюдает установленные и известные всем нормы и всех заставляет их соблюдать. В таком государстве человек может достаточно надежно прогнозировать последствия своих действий — он вполне защищен и от преступника, и от внезапного обесценивания своего вклада в сберкассе.

Постараемся уйти от идеологии и условного понятия «правовое государство». Неправового государства в норме не бывает, даже если теократическое или идеократическое право с либеральной точки зрения жестоко или недостаточно рационально. Бывают длительные отклонения от права, что на деле есть и частичная утрата государственности. Это нестабильное состояние, ведущее или к революции, или к полному разрушению государства, которое выражается в утрате *монополии на насилие*.

Основа основ права — это полная монополия государства на применение насилия. Если монополия сохраняется — государство *правовое*, хотя бы и предельно жестокое. Если в стране легитимировано негосударственное насилие и наказание (например, «суд Линча» в США), то можно говорить о нестабильном состоянии неполной государственности. Если же государство предоставляет оружие и лицензию на насилие неформальным организациям — оно *неправовое*. Предоставление государством средств насилия неформальным организациям для борьбы с политическим противником внутри и вне собственной территории есть государственный терроризм, что по меркам международного права является признаком *преступного* государства.

Так, тяжелейший кризис в России вызвало предоставление вооружения неформальным силам Д.Дудаева (1991—1992 гг.) в Чечне для ликвидации органов Советской власти. Для восстановления контроля над территорией затем вооружили другую группу чеченских неформалов — «оппозицию» Дудаеву. И не только вооружили, но и послали туда набранных по контракту военнослужащих без военной формы и знаков различия. Это привело к возникновению очага войны в Чечне и временной утрате суверенитета России над нею. Восстановление этого суверенитета стоит теперь огромных жертв и усилий.

Средства господства. Любое государство побуждает людей к поведению, не выходящему за рамки установленных норм. Это осуществляется двумя принципиально разными способами — *принуждением* и *внушением*. Государство традиционного общества издавна действует *открытым* принуждением и вну-

шением. Называя его «недемократичным», «тираническим», обычно имеют в виду именно его авторитарность. Государство гражданского общества породило новый тип господства — через *манипуляцию сознанием*.

Манипуляция — способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении.

Манипуляция сознанием как средство власти возникает только в гражданском обществе, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии. Ведущие американские социологи П.Лазарсфельд и Р.Мертон пишут: «Те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие». Власть монарха (или генерального секретаря ВКП(б) нуждалась в легитимации — приобретении авторитета в массовом сознании. Но она не нуждалась в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии — от насилия и подавления до навязывания, внушения, приказа — с использованием грубого простого принуждения».

В идеократических обществах, каким были царская Россия и СССР, воздействие на человека религии или «пропаганды» отличаются от манипуляции своими главными родовыми признаками. Главный признак манипуляции — скрытность воздействия и внушение человеку желаний, противоречащих его главным ценностям и интересам. Ни религия, ни официальная идеология идеократического общества не только не соответствуют этому признаку — они действуют принципиально иначе. Их обращение к людям не просто не скрывается, оно громогласно. Ориентиры и нормы поведения, к которым побуждали эти воздействия, декларировались совершенно открыто, и они были жестко и явно связаны с декларированными ценностями общества.

И отцы церкви, и «отцы коммунизма» считали, что то поведение, к которому они громогласно призывали — в интересах спасения души и благоденствия их паствы. Поэтому и не могло стоять задачи внушить ложные цели и желания и скрывать

акцию духовного воздействия. Конечно, представления о благе и потребностях людей у элиты и большей или меньшей части населения могли расходиться, вожди могли жестоко заблуждаться. Но они не «лезли под кожу», а дополняли власть Слова прямым подавлением. В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь — поможем. Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим». Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя *заставлять*, мы влезем к тебе в душу, в подсознание, и сделаем так, что ты *захочешь*. В этом — главная разница и принципиальная несовместимость двух миров: религии или идеократии (в традиционном обществе) и манипуляции сознанием (в гражданском обществе).

В ходе Великой Французской революции с помощью пропаганды удалось натравить городские низы на церковь и монархию. В своем роде это было блестящее достижение ума и слова. Орудием буржуазии стало именно то, что ей враждебно, — стремление человека к равенству и справедливости. Так во Франции впервые появилось слово *идеология* и была создана влиятельная организация — Институт, в котором заправляли идеологи. Они создавали «науку о мыслях людей». Переноса разработанные на Западе понятия в иные культуры, мы часто обозначаем ими явления иного рода. В строгом смысле слова советская идеология — не совсем идеология, она не изучает мысли людей с целью манипуляции их сознанием. Она «вещает с амвона» и требует, чтобы люди исполняли ритуал веры и вели себя соответственным образом. А что они думают в действительности, советскую идеологию мало трогало. Советское государство до последнего момента даже не пользовалось услугами социологов.

Человек либеральных взглядов считает, что манипуляция сознанием — более гуманное и приятное средство господства, чем открытое принуждение и императивное внушение. Такой человек (который сегодня вроде бы господствует в «культурном слое» России) убежден, что переход от насилия и принуждения к манипуляции сознанием — огромный прогресс. В действительности это дело вкуса (например, Ф.М.Достоевский считал, что манипуляция гораздо глубже травмирует душу человека и подавляет его свободу воли, нежели насилие — об этом его «Легенда о Великом инквизиторе»). Но и на Западе, среди ведущих специалистов, есть такие (хотя их немного), кто прямо и открыто ставит манипуляцию сознанием в нравственном отношении ниже открытого принуждения и насилия. Манипуляция

сознанием, производимая всегда скрытно, лишает индивидуума свободы в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Об идеалах и вкусах нет смысла спорить, однако надо уметь различать явления.

Формализация права. Главное внешнее отличие правовых систем двух типов общества — в степени формализации норм права, их представления в виде законов и кодексов. За этим стоит отношение между *правом* и *этикой*. Конечно, в любом обществе система права базируется на господствующей морали, на представлениях о допустимом и запретном, но в западном обществе все это формализовано в несравненно большей степени, поскольку в нем устранена единая этика. Отказ от единой этики породил *нигилизм* — особое свойство западной культуры.

В правовом плане этот нигилизм означает безответственность, замаскированную понятием свободы. Понятие свободы в традиционном обществе уравновешено множеством запретов, в совокупности порождающих мощное чувство ответственности (поэтому, в частности, такое общество выглядит как неправовое — в нем нет такой острой нужды формализовать запреты в виде законов). В западном обществе контроль общей этики заменяется контролем закона. В традиционном обществе право в огромной своей части записано в культурных нормах, запретах и преданиях. Эти нормы выражены на языке традиций, передаваемых от поколения к поколению, а не через формальное образование и воспитание индивидуумов.

В России право ассоциируется с *правдой* — сводом базовых этических норм. Эти нормы до такой степени сливаются с правовыми, что большинство людей в обыденной жизни и не делают между ними различия. СССР не был, в понятиях либерализма, правовым государством, но существовали неписанные моральные нормы, которые считались даже законом (то есть большинство людей искренне верили, что где-то эти моральные нормы записаны как закон)*. Когда власти эти нормы нарушали, они старались это тщательно скрыть.

Традиционное государство *«стыдливо»*. Государство граж-

*Вот слова из песни В.Высоцкого: «Расстреливать два раза уставы не велят». Разумеется, ни в каких уставах это не записано. Однако в России издавна действует этическая норма: при неудавшейся казни осужденный должен быть помилован. Почти на столетие на династию Романовых лег грех Николая I, ставший преданием, — повторная казнь декабристов, сорвавшихся с виселицы.

данского общества в принципе «стыда не имеет», в нем бывают лишь нарушения закона. Кровавое воскресенье доконало царизм, а расстрел в Чикаго никакого чувства вины в США не оставил. Это видно и по близкому нам времени. Хрущев пошел на уличные репрессии в Новочеркасске (в масштабах, по меркам Запада, ничтожных) — но это тщательно скрывалось. Это был позор, Хрущев его и не пережил как руководитель. Сегодня, после либерализации общества, танки могут расстреливать людей в течение целых суток в центре Москвы с показом по телевидению на весь мир. И понятие *греха* при обсуждении этой акции вообще исключено.

Мы говорим об идеальном проекте, а в действительности западная демократия в случае целесообразности применяет подходы, чуждые правовым принципам собственного общества, например, принцип круговой поруки в наказании. Важным экспериментом над правосознанием стал весь опыт блокады Ирака. Строго говоря, против народа Ирака сознательно совершают смертельные репрессии за действия режима Саддама Хусейна — небольшой и неподконтрольной этому народу части. То есть, на языке западного же права, используют невинных людей как заложников и убивают их. Но вернемся к «чистым моделям».

Такие общественные явления, которые со временем становятся привычными, лучше понимаются в момент их трансформации, а тем более быстрого, радикального слома. Ставшее за многие десятилетия привычным советское право (до которого действовало генетически родственное ему *традиционное право* Российской империи) относится к числу таких явлений. Для его понимания полезно наблюдать за теми изменениями, что происходят сегодня на наших глазах. При этом, конечно, надо прилагать немалые усилия, чтобы отделять «идеологические шумы». Много таких шумов создало правозащитное движение, исходившее прежде всего из политических, а не правовых категорий. Например, правозащитники постулировали: лучше оставить на свободе десять преступников, чем осудить одного невинного. При этом речь шла о судебных ошибках, а не о сознательных преступлениях правоохранительных органов (такие преступления знают самые «правовые» западные государства). И все приняли некорректный с точки зрения права постулат, не спросив, идет ли речь именно о десяти преступниках. А если о ста? О тысяче? Обо всех?

Глубокое изменение отражает сам язык: идеологи либераль-

ной реформы принципиально стали называть правоохранительные органы *силовыми структурами*. Слово, корнем которого является *право*, заменен термином, полностью очищенным от всякой этической окраски. *Сила* нейтральна, равнодушна к добру и злу, она — орудие. Это разрыв с традиционным правом, где «человек с ружьем» есть или носитель добра, или слуга зла.

Искренним идеологом либеральной реформы был академик А.Д.Сахаров. В отношении концепции правового государства он провозгласил: «Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» должен пониматься буквально». Эта лаконичная мысль означает разрыв с системой права традиционного общества, разрыв непрерывности всей траектории правосознания России. Она означает, что в обществе снимаются все не записанные в законе запреты и культурные нормы. Конечно, в предложенной «абсолютной» форме это не может быть реализовано, так как имело бы катастрофические последствия. Ведь речь идет о радикальном внедрении правовых норм в том виде, как они сложились на протестантском Западе, в многонациональной стране с православной и мусульманской культурой. Кажется курьезом, а на деле принципиальное значение имел недавний случай заключения в Италии брака между братом и сестрой — не нашлось закона, который бы это запрещал. А рациональные аргументы молодоженов были неотразимы: это экономично, они гарантированы от СПИДа, а потомству вреда они не нанесут, так как детей заводить не собираются. Западное свободное общество это приняло (как и нередкие уже браки между лицами одного пола). Значит ли это, что к подобному освобождению права от традиционных моральных норм готовы Россия и все населяющие ее народы?

Естественное право. Какие бы разделы права мы ни рассматривали (хозяйственное, гражданское, трудовое, семейное право и т.д.), всегда под ними лежат более или менее сознательные представления о *естественном* праве. То есть о таком идеальном, не зависящем от государства праве, которое как бы вытекает из велений разума и самой природы мира и человека. Разумеется, естественное право суть порождение культуры, в нем нет ничего «естественного». Просто оно настолько тесно связано с мироощущением, что кажется, будто оно выводится из природы вещей. «Так устроен мир», — вот обоснование естественного права. Поскольку мироощущение и представления о

человеке в современном и традиционном обществе различны, то различаются и основания естественного права. А следовательно, разным содержанием наполняются и внешне схожие нормы конкретного права.

Так, одним из социальных прав как в СССР, так и в некоторых странах при социал-демократических правительствах (например, в Швеции) было право на бесплатное медицинское обслуживание. При внешней схожести этого конкретного права его основания в СССР и в Швеции были различны. Согласно концепции индивидуума (в Швеции), человек рождается вместе со своими неотчуждаемыми *личными* правами. В совокупности они входят в его естественное право. Но бесплатное медицинское обслуживание не входит в естественное право человека. Он это право должен завоевать как *социальное* право — и закрепить в какой-то форме общественного договора.

В советском (традиционном) обществе человек является не индивидуумом, а членом общины. Он рождается не только с некоторыми личными, но и с неотчуждаемыми *общественными*, социальными правами. Поскольку человек — не индивидуум (он «делим»), его здоровье в большой мере есть национальное достояние. Поэтому бесплатное здравоохранение рассматривается (даже бессознательно) как естественное право. Оберегать здоровье человека — *обязанность* и государства как распорядителя национальным достоянием, и самого человека. Примечательно, что в ходе реформы 90-х годов не было не только протестов, но и общественных дебатов в связи с планами отмены бесплатного здравоохранения и образования. Эти блага настолько воспринимались как неотчуждаемое естественное право человека, что даже представить себе никто не мог, что их может отменить государство. Реформа в России привела к неожиданному эффекту: еще до перехода к платному здравоохранению резко снизилась обращаемость к врачам, несмотря на рост числа заболеваний. Люди почувствовали себя свободными от обязанности беречь свое здоровье как национальное достояние, но еще не осознали свое тело как частную собственность.

Одной из главных задач государства в любом обществе является регулирование отношений в сфере *хозяйства* (производства и распределения). Этому посвящено хозяйственное право. Для советского строя эта функция стала особенно важной, поскольку в СССР произошло глубокое огосударствление хозяйства. Главные основания права в этой сфере также очень раз-

личны в современном и традиционном обществе, они уходят корнями в глубокую древность.

Уже Аристотель сформулировал основные понятия, на которых базируется видение хозяйства. Одно из них — *экономия*, что означает «ведение дома», домострой, материальное обеспечение экоса (дома) или полиса (города). Эта деятельность не обязательно сопряжена с движением денег, ценами рынка и т.д. Другой способ производства и коммерческой деятельности он назвал *хрематистика* (рыночная экономика). Это изначально два совершенно разных типа деятельности. Экономия — это производство и коммерция в целях удовлетворения потребностей. А хрематистика — это такой вид производственной и коммерческой деятельности, который нацелен на накопление богатства вне зависимости от его использования, то есть накопление, превращенное в высшую цель деятельности.

Для того чтобы такой тип хозяйства смог стать господствующим, должно было произойти глубокое изменение в культуре (и даже религии). Этому послужила в Западной Европе Реформация, породившая аскетическую «протестантскую этику». Накопление богатства не ради его траты на радости жизни, а ради его превращения в капитал, позволяющий получать еще богатство, стало религиозно освященным. Маркс писал о буржуазной политической экономии, что ее идеал — «аскетический, но ростовщический скряга и аскетический, но производящий раб». «Ее главный догмат, — писал он, — это самоотречение, отказ от жизни и всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, покупаешь книг, чем реже ты идешь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты мыслишь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, удишь и т.д., тем больше ты сберегаешь, тем значительнее становится то твое достояние, которое не смогут съесть ни моль, ни ржавчина, — твой капитал».

Рыночная экономика, ставшая господствующим типом хозяйства в западном обществе, не является чем-то естественным и универсальным. Это недавняя социальная конструкция, возникшая как глубокая мутация в специфической культуре Запада. В ходе перестройки в СССР рынок был представлен идеологами просто как механизм информационной обратной связи, стихийно регулирующий производство в соответствии с общественной потребностью через поток товаров и денег. То есть как механизм контроля, альтернативный *плану*. Но противопоставление «рынок—план» несущественно по сравнению с фун-

даментальным смыслом понятия *рынок* как общей метафоры всего общества в западной цивилизации.

Как возникло само понятие «рыночная экономика»? Ведь рынок продуктов возник вместе с первым разделением труда и существует сегодня в некапиталистических и даже примитивных обществах. Рыночная экономика возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления никак не могли быть товаром: деньги, земля и свободный человек (рабочая сила). Это глубокий переворот в типе рациональности, в мышлении и даже религии, а отнюдь не только в экономике.

Взять хотя бы такой момент, как превращение денег в товар. Как пишет Маркс в «Капитале», согласно римскому праву, было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром. Там действовала юридическая догма: «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Катон Старший писал: «А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора при-суждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо». По этому можно судить, насколько ростовщика они считали худшим гражданином против вора. В советском хозяйстве деньги товаром не были и не продавались. Напротив, современный капитализм не может существовать без финансового капитала, без превращения денег в товар.

Кстати, движения за «бесплатные» деньги, за беспроцентный кредит периодически возникают и на Западе, и на Востоке, хотя на Западе они более или менее упорно преследовались. В царской России в начале XX века были развиты беспроцентные кредитные товарищества и кооперативные банки. Сегодня крупные банки подобного типа действуют в исламских странах. Например, в Бангладеш есть крупный «Грамин банк», который предоставляет кредиты населению. 90% его акций принадлежит заемщикам, из которых 94% — женщины, он охватывает 50% деревень страны. В 1994 г. он выдал займов на 500 млн. долларов — без всяких процентных ставок*.

Соответственно, хозяйственное и трудовое право строилось в гражданском обществе в русле представлений *хрематистики* (рынка), а в советском обществе — согласно представлениям *экономики*, то есть хозяйства, ведущегося не ради прибыли, а

*А базов Р. Исламская политэкономия: императивы развития. — Восток, 1995, № 3.

ради потребления. Понятно, что различными были в этих двух системах права категории собственности, капитала, труда, денег и т.д. Эти категории наполнялись в советской системе конкретным содержанием в основном под давлением обстоятельств хозяйственной практики, а не какой-либо теоретической доктрины (хотя задним числом обычно доказывалась необходимость введения той или иной нормы именно исходя из доктрины).

Не имея возможности провести здесь широкий сравнительный анализ западного и советского обществ как продуктов двух разных типов цивилизации, я лишь обращаю здесь внимание на необходимость постоянного учета их различий при изучении истории советского строя.

Коммунизм и социал-демократия. Актуальным для нас стало сейчас понятие «социал-демократия». Разведка этого пути совершенно необходима. Так же, как ненадежен человек, не преодолевший искусы и соблазны, а просто убрeженный от них, не будет мудрым гражданин, не проникший в суть альтернативных проектов.

В чем разница между социал-демократами и коммунистами? Сложность в том, что нам хочется разобраться в сути по простым, «внешним» признакам. Признаешь революцию — коммунист, не признаешь — социал-демократ. Это «технологический» признак, но он вторичен. А ведь даже и в простых словах мы часто путаемся. Социальный — значит *общественный* (от слова *социум* — общество). А коммунистический — значит *общинный* (от слова *коммуна* — община). Это огромная разница.

Конечно, над главными, исходными философскими основаниями любого большого движения наслаивается множество последующих понятий и доктрин. Но для проникновения в суть полезно раскопать изначальные смыслы.

Маркс, указав Европе на *призрак коммунизма*, видел не просто принципиальное, но «потустороннее» отличие коммунизма от социализма. Говоря о «призраке» коммунизма, Маркс подчеркивал его трансцендентный характер. Он, как тень отца Гамлета, ставит «последние» (по выражению Достоевского) вопросы, даже не обязательно давая на них ответы. Во время перестройки ее идеологи не без оснований уподобляли весь советский проект *хилиазму* — ереси раннего христианства, предполагающей возможность построения Царства Божия на земле.

Вступление в коммунизм — завершение огромного цикла

цивилизации, в известном смысле конец «этого» света, «возврат» человечества к коммуне. То есть к жизни в общине, в семье людей, где преодолено отчуждение, порожденное собственностью. Социализм же — всего лишь экономическая формация, где разумно, с большой долей солидарности устроена совместная жизнь людей. Но не как в семье. «Каждому — по труду» — принцип не семьи, а весьма справедливого общества (кстати, главная его справедливость в том, что «от каждого — по способности»).

Оставим пока в стороне проблему: допустимо ли спускать «призрак коммунизма» на землю — или он и должен быть именно *призраком*, который ставит перед нами гамлетовские вопросы. Для нас важно, что рациональный Запад за призраком не погнался, а ограничил себя социал-демократией. Ее великий лозунг: «движение — все, цель — ничто!». Уже здесь — духовное отличие от коммунизма. А подспудно — отличие религиозное, из которого вытекает разное понимание времени.

Время коммунистов — цикличное, мессианское. Это значит, что в ощущении времени предчувствуется избавление — «приход мессии». Еще говорят: эсхатологическое время — то, в котором предполагается в каком-то смысле «конец этого мира», переход его в новое, светлое состояние. Такое время устремлено к некоему идеалу (светлому будущему, царству свободы — названия могут быть разными, но главное, что есть ожидание идеала как избавления, как возвращения, подобно второму пришествию у христиан). Напротив, время социал-демократов — *линейное*, рациональное: «цель — ничто». Здесь — мир Ньютона, бесконечный и холодный.

Можно сказать, что социал-демократов толкает в спину *прошлое*, а коммунистов притягивает *будущее*. История для социал-демократии — не движение к идеалу, а уход от дикости, от жестокости родовых травм цивилизации капитализма, но без отрицания самой этой цивилизации. Это постепенная гуманизация, окультуривание капитализма без его отказа от самого себя. А в чем же его суть? В том, что человек — товар на рынке и имеет цену, в зависимости от спроса и предложения. А значит, не имеет ценности (святости), не есть носитель искры Божьей. Если это перевести в плоскость социальную, то человек сам по себе не имеет права на жизнь, это право ему дает или не дает рынок.

Менее очевидны различия в представлении о пространстве, но они тоже есть. Большевизм сформировался под заметным

влиянием русского космизма и несет в себе *космическое* чувство, уходящее корнями в крестьянское мироощущение (очень характерно отношение большевиков к Циолковскому). Социал-демократия в своей философии сильно сдвинулась к механизму, к ньютоновской картине мира. У них уже нет Космоса, осталось лишь *пространство*. Полезно задуматься, почему у нас *космонавты*, а в США *астронавты*. Почему слово «космический» так тщательно изъято из их языка, который вроде бы описывает те же явления и те же технические программы, что и у нас. Потому что Космос — это организм, огромный дом, упорядоченное и закрытое целое, в которое включен человек. Запад порвал с этим мироощущением, для него мир «открылся» и стал объектом изучения и эксплуатации. Человек же остался вне мира. Когда он двигался даже по земле, она для него была пустой. А если попадались индейцы, венды или русские, то этих «жаб и червяков» надо было просто убирать с дороги.

Социал-демократия выросла там, где человек прошел через горнило Реформации. Она очистила мир от святости, от «призраков» и надежды на спасение души через братство людей. Постепенно индивидуум дорос до рационального построения более справедливого общества — добился *социальных* благ и прав. А *индивидуальные* права и свободы рождались вместе с ним как «естественные».

Вспомним, откуда взялся сам термин *социал-демократия*. Демократия на Западе означала превращение общинного человека в индивидов, каждый из которых имел равное право голоса («один человек — один голос»). Власть устанавливалась снизу, этими голосами. Но индивидуум не имел никаких социальных прав. Он имел право опустить в урну свой бюллетень, лечь и умереть с голоду. Социал-демократия — движение к обществу, в котором индивидуум наделяется и социальными правами.

Становление рыночной экономики происходило параллельно с колонизацией «диких» народов. Необходимым культурным условием для нее был *расизм*. Отцы политэкономии А.Смит и Рикардо говорили именно о «расе рабочих», а первая функция рынка заключалась в том, чтобы через зарплату регулировать численность этой расы. Все формулировки теории рынка были предельно жестокими: рынок должен был убивать лишних, как бездушный механизм. Это могла принять лишь культура с подспудной верой в то, что «раса рабочих» — отверженные. Классовый конфликт изначально возник как расовый.

Историки указывают на важный факт: в первой трети XIX

века характер деградации английских трудящихся, особенно в малых городах, был совершенно аналогичен тому, что претерпели африканские племена: пьянство и проституция, расточительство, потеря самоуважения и способности к предвидению (даже в покупках), апатия.

Огрубляя, обозначим, что коммунизм вытекает из идеи общины, а социал-демократия — из идеи общества. Разное у них равенство. В общине люди равны как члены братства, что не означает одинаковости. В обществе, напротив, люди равны как атомы, как индивидуумы с одинаковыми правами перед законом. Но вне этих прав, в отношении к Богу, они не равны и братства не составляют. Гражданское общество имеет своим истоком идею о предопределенности. Это значит, что люди изначально не равны, а делятся на меньшинство, избранное к спасению души, и тех, кому предназначено погибнуть в геенне, — отверженных.

Чтобы возникло *общество*, надо было полностью уничтожить, растереть в прах *общину* с ее чувством братства и дружбы. Читались проповеди, разоблачающие дружбу как чувство иррациональное. Макс Вебер, показывая, как из всего этого вырос «дух капитализма», приводит массу примеров, каждый из которых поражает глубиной перестройки, обрушившейся на Европу.

Как же социал-демократы «окультурили» этот расово-классовый конфликт? Доказав, что выгоднее не оскорблять рабочих, а обращаться с ними вежливо, как с равными. Так же теперь обращаются с неграми. Но социал-демократы были частью этого процесса: отказавшись от «призрака коммунизма», они приняли расизм. В этом смысле социал-демократия уходит корнями в протестантизм, а коммунизм — в раннее христианство (к которому ближе всего Православие).

Вот слова лидера Второго Интернационала, идеолога социал-демократов Бернштейна: «Народы, враждебные цивилизации и не способные подняться на высшие уровни культуры, не имеют никакого права рассчитывать на наши симпатии, когда они восстают против цивилизации. Мы не перестанем критиковать некоторые методы, посредством которых закабаляют дикарей, но не ставим под сомнение и не возражаем против их подчинения и против господства над ними прав цивилизации... Свобода какой-либо незначительной нации вне Европы или в Центральной Европе не может быть поставлена на одну доску с развитием больших и цивилизованных народов Европы». Большеизм же исходил из идеи братства народов.

Чтобы понять социал-демократию, надо понять, что она преодолевает, не отвергая. Рабочее движение завоевало многие социальные блага, которые вначале отрицались буржуазным обществом, ибо мешали Природе вершить свой суд над «слабыми». Сам Дарвин, например, сожалел о том, что прививки сохраняют жизнь «слабым». Он писал: «У каждого, кто наблюдал улучшение пород домашних животных, не может быть ни малейших сомнений в том, что эта практика [прививки] должна иметь самые роковые последствия для человеческой породы». Хлебнув «дикого» капитализма, рабочие стали разумно объединяться и выгрызать у капитала социальные права и гарантии. Шведская модель выросла из голода и одиночества начала века (не устану рекомендовать прочесть роман Кнута Гамсуна «Голод»).

На какой же духовной матрице выростала «социальная защита»? На *благотворительности*, из которой принципиально была вычищена человечность. Социал-демократия произвела огромную работу, изживая раскол между обществом и «расой отверженных», превращая подачки в социальные права. Только поняв, от чего она шла, можно в полной мере оценить гуманистический подвиг социал-демократов. Но мы-то в России начинали совершенно с иной базы — с человека, который был проникнут солидарным чувством. Глупо считать это лучшим или худшим по отношению к Западу — это иное. Не может уже Россия пройти путь Запада, что же тут поделать! Не было у нас рабства, да и феодализм захватил небольшую часть России и на очень недолгое время. А капитализм вообще быстро сник. Русский коммунизм исходит из совершенно другого представления о человеке, поэтому между ним и западной социал-демократией — не тротуар и даже не мостик, а духовная пропасть. Но именно духовная, а не политическая.

В то самое время, когда установку социал-демократов формулировал Бернштейн, установка русских большевиков по тому же вопросу была совершенно иной. В политическом ли интересе дело? Нет, в разных культурных (а под ними — религиозных) основаниях социал-демократии и большевизма. Россия не имела колоний, в России не было «расы» рабочих, в русской культуре не было места Мальтусу — иным был и смысл коммунистов (большевиков).

Общинное сознание не перенесло капитализма и после Февраля 1917 г. и Гражданской войны рвануло назад (или слишком вперед) — к коммунизму. Индивида так и не получилось из со-

ветского человека. Здесь ребенок рождается именно с коллективными правами как член общины, а вот личные права и свободы надо требовать и завоевывать.

Именно глубинные представления о человеке, а не социальная теория, породили нашу революцию и предопределили ее характер. Ленин, когда решил сменить название партии с РСДРП на РКП(б), думаю, понял, что революция занесла не туда, куда он предполагал, — она не то чтобы «проскочила» социал-демократию, она пошла по своему, иному пути.

В этом и есть суть развода коммунистов с социал-демократами: мы в России сочли, что можем не проходить через страдания капитализма, а проскочить сразу в пострыночную жизнь. Идея народников (пусть обновленная) победила в большевизме, как ни старался поначалу Ленин следовать за Марксом. И мы убедились, что это было возможно. Но сейчас нас пытаются «вернуть» на место.

С 60-х годов, в условиях спокойной и все более зажиточной жизни, в умах заметной части горожан начался отход от жесткой идеи коммунизма в сторону социал-демократии. Это явно наблюдалось в среде интеллигенции и управленцев, понемногу захватывая и квалифицированных рабочих. Для перерождения были объективные причины. Главная — глубокая модернизация России, переход к городскому образу жизни и быта, к новым способам общения, европейское образование, раскрытие Западу. Общинная, советская Россия могла бы это пережить, переболеть. Не вышло — ее попытались убить, но только искалечили.

Идеологическая машина КПСС не позволила людям увидеть этот сдвиг и поразмыслить, к чему он ведет. Беда в том, что левая интеллигенция, вскормленная рационализмом и гуманизмом Просвещения, равнодушна к фундаментальным, «последним» вопросам. А обществоведы не могли нам внятно объяснить, в чем суть отказа от коммунизма и отхода к социал-демократии, который мечтал осуществить Горбачев.

Что же позволило социал-демократам «очеловечить» капитализм, не порывая с ним? Есть ли это условие в России сегодня — ведь от этого зависит шанс нашей социал-демократии на большой успех. Это условие дал западным социал-демократам изначальный расизм капитализма, вытекающий из деления рода человеческого на избранных и отверженных. Он позволил не просто изъять невероятные средства из колоний, но и обес-

ва» ресурсами почти всего мира. Этот же расизм позволил долго подвергать и рабочих своей нации страшной, именно нечеловеческой эксплуатации, чтобы через двести лет, «прокрутив» награбленное, выделить часть на социальные нужды.

Мы не понимали фундаментальных оснований советского строя («не знали общества, в котором живем»). Внешне блага социал-демократии, например, бесплатная медицина в Швеции, кажутся просто улучшенными советскими благами. А ведь суть-то их совершенно разная.

Сегодня практически всем стало ясно, что частью Запада Россия не станет, ее туда не пустят, да и мирового пирога на всех не хватает. Но надо же подойти к делу и с другой стороны: *хорошо* ли было бы нам стать сейчас частью Запада, освоить его ценности? Демократы говорят, что очень даже хорошо, но по всей их прессе и даже по тону, которым это говорят, я вижу, что они и сами не уверены. Они чувствуют, что не знают предмета, и весь их радужный облик Запада основан исключительно на вере и мечте — и на отвращении к традиционному обществу России. Как же можно звать поверивших тебе людей куда-то, о чем сам хорошенько не знаешь? «Если слепой ведет слепого, оба упадут в яму».

Глава 9

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Теория. В 20—30-е годы в СССР стал складываться особый тип хозяйства и жизни людей. Это была разновидность хозяйства, присущего традиционным обществам. Экономическая теория (политэкономия) принципиально не изучает хозяйства такого типа. Многое можно было бы понять, внимательно читая Маркса. Он прекрасно показал в «Капитале», что происходит при вторжении рыночной экономики в натуральное хозяйство. Например, внедрение монетаризма в любое некапиталистическое хозяйство приводит к катастрофе: «Внезапный переход от кредитной системы к монетарной присоединяет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения содрогаются перед непроницаемой тайной своих собственных отношений».

Маркс пишет о том, как это происходило во Франции: «Ужасная нищета французских крестьян при Людовике XIV была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из на-

туральных в денежные налоги». Он приводит слова видных деятелей Франции того времени: «Деньги сделались всеобщим палачом»; «деньги объявляют войну всему роду человеческому»; финансы — это «перегонный куб, в котором превращают в пар чудовишное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок» и т.п. Многие страны спаслись только тем, что смогли защититься от монетаризма с помощью государства (например, сохранив натуральные налоги и взаимозачеты). «Эта форма платежей составляет одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи. Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец», — писал Маркс в середине XIX века. Но с того времени все это подтвердилось несметное число раз. И мы это видим у нас под носом, в России — и вызванный монетаризмом «кризис неплатежей», и паралич хозяйства, и обнищание.

Вся сила советского строя и чудесный рывок в развитии хозяйства были связаны с тем, что, обобществив средства производства, Советская Россия смогла ввести «*бесплатные*» деньги, ликвидировать ссудный процент, укротить монетаризм. Это и было впоследствии объявлено «нарушением объективных экономических законов». За это советский строй и заклеили как «неправильный»*. Однако, придя в России к власти и начав грандиозный советский проект, коммунисты приняли в качестве официальной идеологии учение, объясняющее совершенно *иной* тип общества и хозяйства — западный. Это несоответствие теории и реальности временно маскировалось бедствиями и перегрузками, которые заставляли действовать просто исходя из здравого смысла в очень узком коридоре возможностей. Но оно сразу выявилось в благополучный период «застоя».

То хозяйство, которое реально создавалось в СССР, было сильно втиснуто в непригодные для него понятийные структу-

*Замечу, что во время таких тяжелых кризисов, как сейчас в России, государство просто вынуждено взять на себя контроль за денежными потоками. В обращении к нации 12 марта 1935 г. Ф.Рузвельт говорил: «В стране создано напряженное положение с банками. Некоторые банкиры, распоряжаясь средствами людей, показали свою некомпетентность или пошли на нечестные пути. Доверенные им деньги они вкладывали в спекуляции или рискованные ссуды. Они потрясли народ Соединенных Штатов и на время лишили его ощущения безопасности».

ры *хрематистики*. Была создана химера «политической экономики социализма». Этот процесс, впрочем, был непростым и длительным. В начале пути стали быстро восстанавливаться традиционные («естественные», по выражению М.Вебера) взгляды на хозяйство и производственные отношения. Главными укладами во время нэпа становились трудовая крестьянская семья и вертикальная кооперация на селе (изученные А.В.Чаяновым), малые предприятия традиционного капитализма (нэп в городе), первые крупные предприятия социалистического типа в промышленности.

Поразительно, как Ленин, став во главе правительства, моментально смог проникнуться мышлением и чувством *экономики* (в смысле Аристотеля). Когда читаешь его документы и об «очередных задачах Советской власти», о гидроторфе или обводнении нефтяных скважин Баку, видишь хозяина, воспринимающего мир во всей его материальной фактуре, как воспринимает его мастер. Здесь и следа нет хрематистики, товарного фетишизма и трудовой теории стоимости.

Маркс отмечал кардинальное отличие капиталистического общества (хрематистики) от хозяйства некапиталистического (экономики — на примере античной древности). Вот что он говорил в отношении использования техники: «Единственной руководящей точкой зрения здесь [то есть в *экономии*, в «натуральном», естественном хозяйстве] является сбережение труда для самого работника, а не сбережение цены труда». Он приводит стихотворение Антипатера, современника Цицерона, посвященное изобретению водяных мельниц. Античный поэт радостно обращается к работницам:

Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом кружат глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой.

В главах «Капитала» VIII и XIII («Рабочий день» и «Машины») Маркс показывает, что в условиях капитализма введение машин, напротив, приводит к интенсификации труда и стремлению хозяина удлинить рабочий день и противодействие этому оказывает лишь сопротивление рабочих. Уже Адам Смит видел смысл разделения труда лишь в том, чтобы рабочий произ-

водил *больше продукта*, — ему и в голову не приходило, что улучшение техники и организации может быть использовано для сокращения рабочего дня при *той же* количестве продукта. А вот как Ленин в статье «Одна из великих побед техники» излагает выгоды предложенного Рамзаем способа подземной газификации угля, почти словами поэта Антипатера из Тесалоники:

«При социализме применение способа Рамсея, «освобождая» труд миллионов горнорабочих, позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне».

На начальном этапе становления советской экономической системы основная дискуссия шла именно по вопросу о применимости к ней теории трудовой стоимости. История этой дискуссии подробно изложена в книге Д.В.Валового «Экономика: взгляды разных лет» (М.: Наука, 1989). Видимо, большая часть советских экономистов склонялась тогда к тому, что «ни ценность, ни стоимость в социалистическом обществе существовать не могут и не будут» (В.Осинский, 1925). Существование политической экономии социализма активно отвергал Н.Бухарин (вообще-то он ортодоксально следовал выраженной в подзаголовке «Капитала» мысли Маркса, который считал свой труд *критикой политэкономии* вообще). Бухарин писал в «Экономике переходного периода»: «Ценность, как категория товарно-капиталистической системы в ее равновесии, менее всего пригодна в переходный период, где в значительной степени исчезает товарное производство и где нет равновесия».

О том, насколько непросто было заставить мыслить советское хозяйство в понятиях трудовой теории стоимости, говорит тот факт, что первый учебник политэкономии удалось подготовить, после двадцати лет дискуссий, лишь в 1954 г.! К.Островитянов писал в 1958 г.: «Трудно назвать другую экономическую проблему, которая вызывала бы столько разногласий и различных точек зрения, как проблема товарного производства и действия закона стоимости при социализме».

Были попытки и связать экономическую теорию с энергетическими представлениями. В 1920—1921 гг. среди советских

экономистов велись дискуссии о введении неденежной меры трудовых затрат. Предлагалось (С.Струмилиным) ввести условную единицу «*тред*» (трудовая единица). В противовес этому развивалась идея использования как меры стоимости энергетических затрат в калориях или в условных энергетических единицах «*энедах*». Этот подход был навеян работами «экологического утописта» Отто Нойрата, вышедшими в 1919 и 1920 гг.*. Оценивая ту дискуссию, Д.В.Валовой справедливо считает, что предложение меры энергетических затрат было противопоставлением «марксовой трудовой стоимости».

О непригодности категорий политэкономии для верного описания советского, явно не капиталистического, хозяйства предупреждал А.В.Чаянов. Он писал: «Обобщения, которые делают современные авторы современных политэкономических теорий, порождают лишь фикцию и затемняют понимание сущности некапиталистических формирований как прошлой, так и современной экономической жизни». Достаточно сказать, что фундаментальным фактором рыночной экономики, даже при монополистическом капитализме, является *конкуренция*. Напротив, в советском хозяйстве плановая деятельность была направлена на «отключение» конкуренции для обеспечения концентрации ресурсов на главных участках хозяйственного развития.

Но Чаянов, занимаясь экономикой сельского хозяйства, не был прямо вовлечен в теоретическую дискуссию, которая состоялась в январе 1925 г. в Коммунистической академии. Главным был вопрос о предмете политэкономии. Докладчиком был И.Скворцов-Степанов, который утверждал, что политэкономия изучает *любой* вид хозяйственной деятельности и что необходимо разрабатывать «политэкономия социализма». Это встретило поддержку только двух ораторов — историка М.Покровского и А.Богданова, остальные 12 выступавших решительно возражали, утверждая, что политэкономия — наука, изучающая товарное производство и меновые отношения.

В отчете о конференции Скворцов-Степанов выговорил оппонентам строго: «Невыразимая методологическая нелепость

*Это, кстати, противоречит мнению историков экологии, будто О.Нойрат как видный представитель Венского кружка, который назывался вначале «Кружок Эрнста Маха», был поставлен под запрет в среде большевиков из-за резкой критики Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме».

подобных разграничений не бьет в глаза ни авторам, ни читателям: установившаяся у нас «предвзятость» делает и авторов, и читателей слепыми к подобной чепухе». Расшумелся Скворцов-Степанов зря, потому что из всего контекста «Капитала» прямо следует, что политэкономия исследует именно и только товарное производство и движение меновых стоимостей. Всякое «натуральное» хозяйство (*экономия*, а не *хрематистика*) выводится за рамки политэкономии, и Маркс берет сведения из натурального хозяйства только для иллюстрации, для контраста. В словарях западных языков слово «хрематистика» даже отмечено как устаревший синоним слова «политэкономия».

Наш современник, американский экономист и историк экономики И.Кристал также вводит вполне определенное разграничение: «Экономическая теория занимается поведением людей на рынке. Не существует некапиталистической экономической теории... Для того чтобы существовала экономическая теория, необходим рынок, точно так же, как для научной теории в физике должен существовать мир, в котором порядок создается силами действия и противодействия, а не мир, в котором физические явления разумно управляются Богом» (цит. по книге Н. Макашевой «Этические принципы экономической теории». М., 1993).

Давлению сторонников политэкономии социализма помогало понятное желание иметь свою «законную» теорию хозяйственного строительства. В книге Н.Бухарина «Экономика переходного периода» (1920) на полях против слов «Итак, политическая экономия изучает товарное хозяйство» Ленин написал: «не только!». Это политическое «задание» экономисты, понимавшие природу некапиталистических форм хозяйства, пытались обойти с помощью уловок. А.В.Чаянов считал, что следует разрабатывать частную, особую политэкономия для каждой страны. Но при этом явно терялся сам смысл политэкономии как общей, абстрактной теории, само название «политэкономия» становилось чисто условным. С начала 30-х годов экономисты начали «сдаваться» — разработкой политэкономии социализма занялись Н.Вознесенский, К.Островитянов, Л.Гатовский и др. Однако вплоть до 1941 г., как пишет А.Пашков, «советские экономисты упорно твердили: наш товар — не товар, наши деньги — не деньги» (а после 1941 и до 1945 г., видимо, не до того было)..

В январе 1941 г. при участии Сталина в ЦК ВКП(б) состоялось обсуждение макета учебника по политэкономии. А.Паш-

ков отмечает «проходившее красной нитью через весь макет отрицание закона стоимости при социализме, толкование товарно-денежных отношений только как внешней формы, лишенной материального содержания, как простого орудия учета труда и калькуляции затрат предприятия». Д.Валовой видит в этой «вульгаризации политэкономии социализма» руку Сталина, который на том совещании предупреждал: «Если на все вопросы будете искать ответы у Маркса, то пропадете. Надо самим работать головой, а не заниматься нанизыванием цитат».

Д.Валовой крайне негативно оценивает роль Сталина в той многолетней подспудной дискуссии. Мы же, не давая сейчас оценок, обратим внимание на тот факт, что, не имея возможности оторваться от «научного марксизма» в экономике, Сталин, видимо, интуитивно чувствовал неадекватность трудовой теории стоимости тому, что реально происходило в хозяйстве СССР. Он сопротивлялся жесткому наложению этой теории на хозяйственную реальность, но сопротивлялся неявно и нерешительно, не имея для самого себя окончательного ответа. В феврале 1952 г., после обсуждения нового макета учебника (оно состоялось в ноябре 1951 г.), Сталин встретился с группой экономистов и давал пояснения по своим замечаниям. Он сказал, в частности: «Товары — это то, что свободно продается и покупается, как, например, хлеб, мясо и т.д. Наши средства производства нельзя, по существу, рассматривать как товары... К области товарооборота относятся у нас предметы потребления, а не средства производства».

Очевидно, что такие товары и такой товарооборот существуют и при натуральном хозяйстве, начиная с зачатков земледелия. «Рыночная экономика» как особый тип общественного производства возникает именно с превращением в товар средств производства и, главное, рабочей силы. В «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталин сказал несколько туманно, но все же достаточно определенно: «Не может быть сомнения, что при наших нынешних социалистических условиях производства закон стоимости не может быть «регулятором пропорций» в деле распределения труда между различными отраслями производства».

В неявном виде, дав в «Экономических проблемах социализма в СССР» определение Аристотеля для двух разных типов хозяйства — экономики и хрематистики, — И.В.Сталин предупредил о непригодности трудовой теории стоимости для объяснения советского хозяйственного космоса в целом. После

смерти Сталина тех, кто пытался, по выражению Чаянова, зарабатывать «частную» политэкономия советского хозяйства как *нетоварного*, загнали в угол, хотя дискуссия периодически вспыхивала, пока давление «рыночников» не соединилось с интересами партийно-государственной номенклатуры и не привело к реализации всей «программы Горбачева—Ельцина».

Несмотря на эти дискуссии, советская экономическая наука начиная с конца 50-х годов стала пользоваться языком и интеллектуальным аппаратом хрематистики, что в конце концов привело к ее фатальной гибридизации с неолиберализмом в его разрушительной версии. Самые тяжелые последствия это имело для советского проекта. Как только, после смерти И.В.Сталина, в официальную идеологическую догму была возведена «*политэкономия социализма*» с трудовой теорией стоимости, в советском обществе стало распространяться мнение, что и в СССР работники производят прибавочную стоимость и являются объектом *эксплуатации*. В воображении был создан и «класс эксплуататоров» — бюрократия. Отрицание присущего натуральному хозяйству «фетишизма вещей» породило разрушительный фетишизм призрака эксплуатации. Сам марксизм создал «тройского коня», в чреве которого в СССР ввозились идеи, разрушающие общество, принявшее марксизм в качестве идеологии.

Реальность. Для понимания советского хозяйства чрезвычайно важен тот огромный убийственный эксперимент, который осуществляется в СССР начиная с 1989 г. Цель его — сознательное превращение советского хозяйства в *рыночную экономику*. В ходе этого эксперимента получен большой запас нового (во многом неожиданного) знания в области экономической теории. Именно когда ломают какой-то объект, можно узнать его внутреннее устройство и получить фундаментальное знание. Но этот миг короток. Мы только сегодня начинаем понимать суть советского хозяйства.

Недавно целая группа американских экспертов (из школы Гэлбрайта) признала: «Политика экономических преобразований в России потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества». Экзистенциальный страх либерального интеллигента — особая важная тема. Для нас здесь интересно *невежество*. Почему оно?

Как сказано выше, советское хозяйство описывалось и официальной советской наукой, и либеральными советологами на Западе в понятиях *политэкономии* — науки, которая изначально

возникла как наука о хрематистике, о рыночной экономике Запада. Но хрематистика — тип хозяйства, господствующий лишь в современном капиталистическом обществе, то есть на Западе. В России до 1917 г. и затем, после хаоса революции, в период сталинизма и вплоть до перестройки Горбачева индустриализация осуществлялась в рамках традиционного общества и свойственного такому обществу нерыночного, «натурального» хозяйства.

В чем же суть советской системы?

Сталин буквально определил советское хозяйство в категориях Аристотеля. А именно, его цель — *удовлетворение потребностей*. В понятиях Аристотеля это есть «натуральное хозяйство» — *экономия*, что означает «ведение дома» (экоса). Другой тип — *хрематистика* (рыночная экономика). Она нацелена на получение дохода, накопление как высшую цель деятельности. В царской России хрематистика не смогла занять господствующего положения, а в СССР она была подавлена или ушла в «теневую экономику». Господствовали нетоварные отношения, хотя сохранялась внешняя форма товарообмена и денег.

Теория и практика начиная с 50-х годов расходились между собой все больше и больше, так что и появились такие теоретики, как Егор Гайдар. Насколько велико было непонимание, говорит тот поразительный факт, что Н.И.Рыжков, чье правительство в 1989—1990 гг. уничтожило советскую экономическую систему, до сих пор искренне не понимает, как это произошло (во всяком случае, он считает принятые по инициативе его правительства законы «хорошими»).

Различия между хозяйством традиционного общества и рыночной экономикой фундаментальны. Различна их антропология — представления о человеке, его теле и естественных правах. Для рыночной экономики нужен субъект — *homo economicus*, — который возник с превращением общинного человека аграрной цивилизации в свободного индивида («атом») с картезианским разделением «дух—тело». Ни в России, ни в СССР этого превращения не произошло, поэтому и не возникло антропологической основы для восприятия частной собственности как естественного права.

На исходное представление о теле как первичной частной собственности надстраиваются и все представления о земле, деньгах, труде, конкуренции, обязанностях государства — все категории, в которых мыслится хозяйство. Содержание всех этих понятий настолько различалось в СССР и на Западе, что

нередко даже специалисты просто не понимали друг друга, хотя формально говорили об одном и том же. Сегодня в России совещания хозяйственников — это театр абсурда. После ритуальных рыночных заклинаний начинается обычный «партийно-хозяйственный актив», где в рыночную терминологию втиснуто мышление натурального хозяйства. Благодаря этому мышлению хозяйственников мы еще и живы.

Советская система хозяйства сложилась в своих основных чертах в процессе индустриализации, войны и послевоенного восстановления (30—50-е годы). Это эпоха так называемого *мобилизационного социализма* (иначе его называют «сталинизмом»). Многие называют первейшим признаком этого хозяйства *огосударствление собственности*. Это верно, но в любом тезисе важна мера. К сожалению, за годы перестройки мы привыкли к тоталитарности мышления («иного не дано», «реформы должны идти любой ценой» и т.д.). Говорилось, что в СССР произошло *полное* огосударствление собственности и это якобы стало причиной краха экономики. На деле личная собственность в СССР не только существовала и была узаконена, но уже представляла собой очень значительную часть национального богатства и была вовлечена в хозяйство.

Возьмем хотя бы такую важную его составляющую, как жилой фонд. Какая же здесь монополия государства? Один из самых радикальных рыночников В. Найшуль пишет о 70-х годах: «По новому жилищному кодексу человека вынуть из квартиры нельзя было практически ни при каких условиях. У нас на улице никто не мог оказаться. Фактически мы стали страной буржуа. И в рыночные преобразования вступили, будучи де-факто страной домовладельцев. У нас каждый обладал немалой собственностью в размере нескольких тысяч или десятков тысяч долларов. Не хухры-мухры! Поэтому сначала многие люди даже не понимали, зачем им приватизировать свои же квартиры. Она и так моя!»

На селе в СССР жили 100 млн. человек. Практически все они имели подворья, которые играли существенную роль в производственной структуре страны. Антисоветские идеологи эту роль даже сами многократно преувеличивают, противореча сами себе. Да и рассматривать колхозы как часть государственного производства — очень большое искажение. Даже как с метафорой с этим трудно согласиться. На личной собственности было основано в СССР *домашнее хозяйство*, в которое была вовлечена очень большая часть трудовых усилий нации (порядка

30%). Сварить борщ для семьи — сложное производство, со своей технологией и материальной базой. Маркс домашнее хозяйство из политэкономии исключил, но он же изучал абстрактную модель. Когда говорим о реальной жизни, его забывать нельзя.

Конечно, избыточное огосударствление производства стало мешать некоторым направлениям развития, но эта избыточность вовсе не была тяжелой болезнью строя и тем более не привела его к гибели. Кроме того, для развития предпринимательства, к которому после мощного идеологического давления в перестройке стала благосклонно относиться часть граждан, вовсе не требуется полной собственности (то есть права пользования, распоряжения и владения), достаточно пользования, максимум распоряжения. Дж.Гэлбрайт основательно показывает, что за послевоенные годы в частных корпорациях США предпринимателями реально стали не собственники капитала, а слой управляющих — те, кто не *владеет*, но *распоряжается* собственностью.

Тезис о фатальном воздействии государственной собственности на советскую экономику ошибочен, он противоречит множеству исследований. До заключительной фазы перестройки проблема собственности вообще не волновала сколько-нибудь значительную часть общества и не могла послужить причиной отрицания советского строя. Даже и сегодня, после глубокого промывания мозгов, поворота к частной собственности на главные средства производства в массовом сознании не произошло.

Радикальный рыночник академик Н.Я.Петраков признал в журнале «Вопросы экономики» в 1996 г.: «Анализ политики правительств Гайдара—Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы». Это о катастрофе. А кризис был создан усилиями правительства Рыжкова при демонтаже советской системы в 1988—1990 гг. Можно утверждать, что ликвидация плановой системы в СССР, кем бы она ни была проведена, привела бы именно к этому результату — немного хуже, немного лучше в мелочах.

В действительности советская система была исключительно эффективна (конечно, если под эффективностью понимать соотношение *эффекта* и *ресурсов*). «У кого пироги пышнее» (название одной из первых открыто антисоветских статей об эко-

номике) зависит не только от умения хозяйки, но и от того, сколько она потратила денег на муку, масло и яйца.

Обобщенный показатель эффективности экономики — темп роста валового национального продукта (ВНП). В конце концов, все остальное вытекает из этого показателя. Растет ВНП — значит, растет материальное благосостояние, больше можно выделять средств на спорт, культуру, науку (духовные блага). А значит, растет и качество жизни, и качество товаров.

Когда Горбачев призвал сломать плановую систему, ВНП прирастал на 3,5% в год. Тогда говорили: это же недопустимо мало, какой кризис! Но дело не в этих процентах — они не отражают сути. Вплоть до перестройки Россия (СССР) жила, по выражению Менделеева, «бытом военного времени». Иными словами, лучшие ресурсы направлялись на военные нужды — как бы мы ни оценивали сегодня эту политику.

В СССР в 70—80-е годы были ресурсы, чтобы разработать и произвести хорошие самолеты и ракеты, но не было возможности сделать пылесосы и джинсы не хуже, чем в США. В те годы сложился совокупный научно-технический потенциал Запада и его общий рынок. По масштабам этот потенциал был просто несравним с советским, а нам очень многие его продукты не продавали и за большие деньги. В то же время номенклатура изделий и материалов, необходимых для самых приоритетных программ, стала столь широкой, что средства, оставляемые на производство ширпотреба, были действительно малы. Наукоемкость всех вещей повысилась скачкообразно, а мощность рутинной доводки (ОКР), в отличие от генерации идей и прототипов (НИР), у нас скачкообразно отстала от НИОКР Запада. Если был до резки нужен какой-то материал, то в СССР приходилось его производить по технологии с выходом 3%, а на Западе их ОКР доводили выход, скажем, до 60%.

Та часть хозяйства, которая работала на оборону, не подчинялась критериям *экономической* эффективности (а по критериям обороноспособности она была весьма эффективной). По оценкам экспертов, нормальной экономикой, не подчиненной целям обороны, было лишь около 20% народного хозяйства СССР. Запад же, при его уровне индустриализации, подчинял внеэкономическим критериям не более 20% хозяйства. Если говорят, что прямо «на прилавки» работала лишь 1/5 советской экономики — против 4/5 всей экономики Запада, то сравнивать надо именно эти две системы.

Подойдем формально. Чтобы оценить эффективность, надо

учесть изъятие ВВП — ту часть, которая теряется для воспроизводства хозяйственного организма. Иными словами, надо измерять прирост той части ВВП, которая возвращается в дело — в воссоздание и улучшение земли, заводов, человека. Той части, которая «работает». Главное ежегодное изъятие ВВП — расходы на оборону. И эффективность экономической системы определяется тем, каков ежегодный прирост ВВП, остающегося после этого изъятия.

Восстановив свое хозяйство после войны к 1951 г., СССР вышел на стабильный экономический режим вплоть до 1985 г. Эти 35 лет и возьмем для сравнения, хоть бы с США. Известно, что за эти годы ВВП США прирастал в среднем на 3,19% в год. Военные расходы составляли 5% ВВП. Чтобы обеспечивать такой темп роста при данном уровне изъятия ВВП на военные нужды, оставляемая для хозяйства и потребления часть ВВП должна была прирастать на 8,62% в год. Вот реальный ежегодный рост экономики США за период 1951—1985 гг. (Этот показатель очень близок у двух других самых динамичных экономик — ФРГ и Японии, где он составляет 8,71 и 8,57% соответственно.)

В СССР за это время изъятие ВВП на оборону составляло в среднем около 15%. Это значит, что даже если бы общий прирост ВВП был нулевым, для покрытия такого изъятия «хозяйство» СССР должно было бы расти на 18% в год. Это нетрудно видеть, составив простейшее уравнение: $0,85 \text{ ВВП} \times \text{ВВП}$; $x = 1 : 0,85 = 1,18$. Чтобы к концу года наверстать изъятие, остающиеся 85% должны напрячься очень сильно. «Приходится быстро бежать, только чтобы оставаться на месте».

Реально же общий ВВП рос в СССР в темпе 5% в год. Это значит, что прирост «хозяйства» поддерживался на уровне 23,5%! Против 8,6% у США! Вот действительные возможности советской экономики. И именно в годы «застоя», когда прирост ВВП «упал» до 3,5%, а военные расходы из-за афганской войны выросли до 18% ВВП, хозяйство вынуждено было прибавить оборотов — его рост был 25,5% в год. «Период застоя» — это, слава богу, время огромных инвестиций и строительства. Это никак не вяжется с самим понятием «кризис».

В 1996 г. рынок всех «инвестиционных продуктов» (материалов для капитального строительства и оборудования) сузился до 10% от уровня 1991 г. А ведь в 1991 г. уже состоялся катастрофический спад инвестиций, после того, как план 1990 г. был выполнен на 30%. Даже карликовые инвестиционные програм-

мы правительства Черномырдина были сорваны полностью (например, их выполнение в 1994 г. составило 3%).

Перейдем от макроэкономики к жестким, *натуральным* объектам.

Разберем вещь абсолютную: *конкурентоспособность* товаров, соотношение «качество—цена». Рассмотрим три очень сложных товара: алюминий, антибиотики, поездка на метро. Чистый алюминий — идеальный пример стандартного товара. СССР производил много этого товара, и по такой низкой цене, что побеждал бы всех своих конкурентов.

Возьмем антибиотики. Передо мной тюбик глазной мази из тетрациклина — тонкая штучка. Из последних партий советского продукта. Цена 9 коп. Как-то за границей пришлось мне купить абсолютно такой же тюбик — 4 доллара. СССР производил товар с розничной ценой по официальному курсу в 400 раз, а по курсу черного рынка в 4 тысячи раз ниже, чем на Западе. Если бы он мог выбросить на рынок этот товар пусть по 2 доллара, то разорил бы всех конкурентов, а на полученную огромную прибыль мог бы расширить производство настолько, что обеспечил бы тетрациклином весь мир.

Наконец, метро. «Произвести» одну поездку — значит, приобрести и соединить огромное количество разных ресурсов, производимых страной (НИОКР, стройматериалы, машины, энергия, кадры). Сумма этих ресурсов производилась в СССР за 5,1 коп. По качеству наше метро даже сегодня намного лучше, чем в Нью-Йорке. В США сумма ресурсов для обеспечения одной поездки на метро в Нью-Йорке производится за 1,5 доллара (плюс дотации мэрии, нам неизвестные). Итак, СССР предлагал ту же (или лучшую) услугу по цене 0,05 доллара (по официальному курсу) — против 1,5 доллара. А по ценам черного валютного курса, якобы реальным, — в 3 тысячи раз дешевле! И не надо сказок про громадные дотации государства — у метро их было 0,1 коп. на поездку. Да и не может государство никакими дотациями покрыть разницу в тысячи раз, а если может, то это дела не меняет. Значит, какая-то другая часть экономики так сверхэффективна, что позволяет концентрировать у государства совершенно немыслимые средства. И то же самое — по всем базовым товарам.

Я специально выбрал такие товары, в производство которых вовлекается большая часть экономики, на их цене сказывается состояние множества отраслей. Трех-четырёх таких примеров

из разных областей вполне достаточно, чтобы сделать вывод об экономике в целом.

«Жестким» показателем является и динамика производства не в макроэкономических индикаторах, а в натуре. Из динамики видно, что вплоть до реформы наблюдался стабильный и хороший рост. Форма интегральных кривых «здоровья промышленности», которые рассчитываются ЮНИДО по десяткам показателей, показывает, что в СССР не было кризиса, но в 1989—1992 гг. произошла *катастрофа*. Три страны имеют структурно сходные кривые «разрушенной экономики» — республики СССР, Ирак и Югославия. Просто прошедшая в СССР война более странная, чем в Ираке и Югославии.

Один из самых устойчивых антисоветских «экономических» мифов — отсталость советского сельского хозяйства. Ниже мы специально его разберем, а сейчас скажу только, что западные фермеры, поставь их в те же природные и ресурсные условия, как советские колхозы и совхозы (машины, инфраструктура, дороги и т.д.), производили бы намного меньше. Это доказывает эксперимент с нашими фермерами, которые, конечно, лучше адаптированы к условиям, чем иностранцы.

Важным показателем работы экономики является уровень потребления материальных благ — при мысленном приведении в сравнимые условия. Чтобы понять систему, хорошо бы нам, как сделал Бродель для Европы, занудливо описать реальность быта: что ели советские люди, как одевались, чем болели. Чего боялись! «Карта страхов» очень красноречива. В зрелой советской системе люди вообще не включали в обычный для социологов набор важнейшие для большинства стран страхи: перед бедностью, голодом, безработицей, бездомностью, насилием преступников, репрессиями государства и межнациональными конфликтами. Сейчас все эти страхи возникли и вышли в России на первые места. Это важнейший показатель, гораздо важнее, нежели «пышность пирогов». Но коснемся потребления «пирогов».

Первая жизненная потребность — *питание*. В СССР был обеспечен достаточный и сбалансированный рацион питания, и он улучшался (при всех известных дефектах в системе переработки и распределения). СССР входил в десятку стран с наилучшим уровнем питания (7-е место в 1990 г., 40-е — в 1996 г.). Имея 6% населения Земли, СССР производил, по разным оценкам, 13—16% продовольствия.

Отдельно мы остановимся и на пресловутой проблеме «урав-

ниловки» — мол, обедали люмпены нашу трудолюбивую и умелую элиту. Тут замечу лишь, что распределение не по труду, а по едокам, в той или иной мере, присуще *всем* обществам. К минимуму оно было сведено, на короткий исторический период, лишь на Западе в эпоху «дикого» капитализма, но и там произошел впечатляющий откат к «уровниловке». Конечно, ее культурная, даже антропологическая основа была иной, чем в СССР, но с экономической точки зрения это не так важно.

В 70—80-е годы советское общество стало в целом «обществом среднего класса», с симметричной и довольно узкой кривой распределения людей по доходам. В ходе либеральной реформы «средний класс» разрушен и возникло *аномальное* общество с провалом в середине кривой: в России имеется очень небольшой контингент с гипертрофированными доходами — и масса обедневших людей, отброшенных в «военный коммунизм». Их потребление сводится к «витальной корзине», то есть они на деле уже ушли с рынка потребительских товаров — они как бы по талонам получают единообразный физиологический минимум. У них нет никакого выбора — все рассчитано до грамма.

Положение с товарами сверх физиологического минимума еще хуже. Сама Т.И.Заславская с ужасом признает «снижение социальных запросов населения вследствие постепенного свывкания с бедностью и утраты надежд на восстановление прежнего уровня жизни». Согласно выводам ВЦИОМ, происходит долговременное «сужение спектра потребностей населения». То есть советская экономика характеризуется сегодня как хозяйство с *широким и расширяющимся спектром потребностей*.

Рынок жилья для трудящихся практически недоступен. В 1993 г. стандартная квартира из 2 комнат в среднем стоила на рынке в России 15,2 средней годовой зарплаты. В 1994 г. — 26,1 годовой зарплаты. В 70-е годы покупка такой квартиры (через жилищный кооператив) стоила 3,4 средней годовой зарплаты. Я в 1972 г. был м.н.с. с зарплатой 200 руб. Я купил кооперативную квартиру, которая стоила 7 тыс. руб. (получил 15 лет рассрочки под ничтожный процент). В 1999 г. моя дочь, научный сотрудник (то есть на один ранг выше м.н.с. — меня 1972 г.) с зарплатой 21 доллар, получила с мужем-военным квартиру того же класса, что тогда купил я (только сделана чуть хуже). Такая же квартира в том же доме продавалась за 30 тыс. долларов. Итак, мне моя квартира стоила меньше трех годовых зарплат. Моей дочери она стоила бы 120 годовых зарплат. Сколько она стоила бы, если бы пришлось брать в банке кредит на 15 лет под 18%

годовых? А ведь речь идет не о роскоши, а именно о фундаментальных благах — питании, жилье.

К пониманию советской экономики очень полезно подойти и через анализ *смертельных ударов*. Рассмотрим лишь два простых удара, которые оказали мощное воздействие на общественное сознание, — разрушение *финансовой системы* и *потребительского рынка* в 1988—1990 гг.

В Советском государстве действовала особая финансовая система из двух «контуров». В производстве общались *безналичные* (в известном смысле «фиктивные») деньги, количество которых определялось межотраслевым балансом и которые погашались взаимозачетами. По сути, в СССР отсутствовал ссудный процент. На рынке потребительских товаров обращались нормальные *деньги*, получаемые населением в виде зарплаты, пенсий и т.д. Их количество строго регулировалось в соответствии с массой наличных товаров и услуг. Это позволяло поддерживать низкие цены и не допускать инфляции. Такая система могла эффективно действовать — при условии жесткого запрета на смешение двух «контуров» (запрета на перевод безналичных денег в наличные).

Второй особенностью была принципиальная *неконвертируемость* рубля. Масштаб цен в СССР был совсем иным, нежели на мировом рынке, и рубль мог циркулировать лишь внутри страны (это была в известном смысле «квитанция», по которой каждый гражданин получал свои дивиденды от общенародной собственности — в форме низких цен). Поэтому «контур» наличных денег должен был быть строго закрыт по отношению к внешнему рынку государственной монополией внешней торговли.

В 1988—89 гг. оба «контура» финансовой системы СССР были раскрыты. Прежде всего была отменена монополия внешней торговли. Согласно Закону о кооперативах быстро возникла сеть кооперативов и совместных предприятий, занятых вывозом товаров за рубеж, что резко сократило их поступление на внутренний рынок. Следующим шагом, через Закон о государственном предприятии, был вскрыт «контур» безналичных денег — было разрешено их превращение в наличные.

Произошел скачкообразный рост личных доходов вне всякой связи с производством. Ежегодный прирост денежных доходов населения в СССР составил в 1981—1987 гг. в среднем 15,7 млрд. руб., а в 1988—1990 гг. — 66,7 млрд. руб. В 1991 г. лишь за первое полугодие они выросли на 95 млрд. руб. (при этом зар-

плата в производстве выросла всего на 36%). Средства перекачивались из накопления (инвестиций) в потребление — «проедалось» будущее развитие и будущие рабочие места. Перестройка приобрела характер праздника (вернее, гульбы), о похмелье не предупредили.

Такой рост доходов при одновременном сокращении товарных запасов в торговле привел к краху потребительского рынка («товары сдуло с полок»). Были введены талоны на получение водки, сахара, ботинок. Был резко увеличен импорт. До 1989 г. СССР имел стабильное положительное сальдо во внешней торговле, в 1987 г. превышение экспорта над импортом составляло 7,4 млрд. руб., а в 1990 г. было *отрицательное сальдо* в 10 млрд. руб.

Надо подчеркнуть, что страшная нехватка в торговле товаров, которую часто поминают реформаторы, была следствием именно *антисоветских* акций в хозяйстве. Спад производства составил в 1991 г. около 13% (в некоторых производствах — до половины). Но поступление товаров потребителю упало непропорционально этому снижению. По оценкам, в 1990 г. из страны была вывезена примерно *треть* произведенных товаров. Многие товары давали выручку до 50 долларов на 1 рубль затрат и покупались у предприятий «на корню». Некоторые изделия (алюминиевая посуда) превращались в удобный для перевозки лом и продавались как материал. Фирма «Бурда моден» даже была под следствием за то, что наладила скупку алюминиевой посуды, превращала ее прессом в металлолом алюминия и вывозила. Выручка же на перепродаже нержавеющей стали составила в 1991 г. 26 млн. руб. на 1 млн. руб. затрат — прибыль 2600%.

В том, что оценки нелегального вывоза товаров не преувеличены, говорил официальный прогноз московской мэрии по легкой промышленности Москвы на 1992 г.: «В обмен на сырье и современные технологии за рубеж будет уходить до 80—90% готовой продукции. Это относится прежде всего к московским предприятиям швейной, обувной и трикотажной отраслей, продукция которых и сейчас имеет высокий уровень дизайна».

Замечу, что объяснение мэрии абсурдно — кому нужны «современные технологии» и какое-то фантастическое «сырье», если за них надо отдавать 90% готовой продукции? Тем более что и без этих «технологий» отечественная продукция «и сейчас имеет высокий уровень дизайна»? Кому вообще нужно такое производство? Ведь выходит, что землю, природные ресурсы,

энергию и рабочую силу ему надо предоставлять практически бесплатно! Это бред, скрывающий большую коррупцию (реальная стоимость отправленной за рубеж «готовой продукции» просто присваивалась кучкой «новых почти-собственников» и оставалась за рубежом). И бред этот можно было нести только благодаря общему помрачению умов.

Но для нас здесь важно то, что в 1990—1991 гг. в стране оставалось и шло на потребительский рынок уже *вдвое* меньше того, что давало до перестройки нормальное советское хозяйство. Кроме того, большая часть произведенного накапливалась на тайных складах перекупщиков в ожидании либерализации цен (в Москве перекупщики арендовали даже множество железных гаражей, которые набили товарами). Таким образом, в торговлю поступало, видимо, не более трети от того, что население получало до перестройки. В этом — причина краха потребительского рынка.

Комментарий из 2001 г.: восприятие советского хозяйства.

Представительство ОБСЕ в Минске устроило в 1998 г. большой семинар о том, как надо устраивать рыночную экономику в Белоруссии. Меня пригласили из РФ как докладчика по первому вопросу: «Советская хозяйственная система: теория и реальность». Я сделал доклад чисто научный, теорию и реальность изложил наглядно, так что возразить было трудно. Приехавшая из Женевы как оппонент по моему докладу почетный советолог Юдит Шапиро пыталась, правда, доказать, что в СССР простому человеку нельзя было купить в аптеке лекарства, но даже самые крутые демократы посмотрели на нее с жалостью.

Я упрощенно и кратко объяснил, что советский строй, корнями уходящий в культуру России, по своему типу относится к общинным цивилизациям (в отличие от рыночной цивилизации Запада). Этим и были обусловлены главные черты хозяйства, странные или даже неправильные для глаза и марксиста, и либерала.

За этот доклад я получил самую большую похвалу, какую только получал в жизни. И от кого! От Станислава Шушкевича, героя Беловежской Пуши. Он сказал, что если бы он прослушал такой доклад десять лет назад, то он не сделал бы того, что сделал после 1989 г. Он не знал, что СССР относится к цивилизациям общинного типа.

После такого откровения Шушкевича другие лидеры оппозиции (бывший председатель Верховного Совета Шарецкий,

бывший управляющий Центральным банком Богданкевич и др.) начали выдвигать обвинения советской системе «по-крупному», говорить самое, на их взгляд, главное. Поскольку я как докладчик после каждого цикла выступлений имел слово для ответа (тут я снимаю шляпу перед западными порядками), получился редкостный диалог. Скажу о моих главных впечатлениях.

Похоже, впадшие в антисоветизм интеллектуалы настолько уверовали в схоластические догмы (политэкономии, монетаризма и черт знает чего еще), что рассуждать в понятиях здравого смысла просто не в состоянии. Вот их тезисы:

— *Да, при советском строе люди были сыты и в безопасности, но это надо было поломать, потому что хозяйство было нерентабельным!*

Что за чушь! При чем здесь рентабельность, если хозяйство было *нерыночным* и его цель — не прибыль, а чтобы все были сыты? Ведь мы только что об этом договорились. Зачем же к нерыночному хозяйству прилагать мерку, которая имеет смысл только для рыночного? Бесполезно, как об стенку горох. С доводами здравого смысла никто не спорит — их просто не замечают.

— *Советскую систему надо было менять, потому что низка была экономическая эффективность.*

Это из той же оперы. Само понятие «эффективность» придумали недавно, а до этого тысячи лет вели хозяйство и следовали простым житейским меркам. Но допустим, вы испытываете к этой «эффективности» непонятное почтение. Как, спрашиваю, вы определили, что советское хозяйство было неэффективным? Почему финский фермер, которого нам ставят в пример, эффективный, а колхозник — нет? Ведь колхозник на 1000 га имел в 10 раз меньше тракторов, чем европейские фермеры, и давая всю последнюю советскую пятилетку пшеницу с себестоимостью 92—95 руб. за тонну. А у финского фермера себестоимость 482 доллара за тонну. Объясните, говорю, почему же производить один и тот же продукт вдвадцать раз дороже — это эффективно? Молчат. Ну хоть бы что-нибудь ответили. Какой же это диалог!

— *При советском строе жить было невозможно из-за дефицита. А сейчас в России хотя бы дефицита нет.*

Ну что тут скажешь. Ведь только что на экране мы видели динамику производства продуктов по годам. Как же так, спрашиваю? Было много молока — это вы называете дефицит. Стало вдвое меньше — нет дефицита, изобилие. А ведь слово «де-

фицит» означает «нехватка». Ведь, получается, для вас важнее образ молока на витрине, чем само молоко на обеденном столе. Да, кроме того, известно, что все это нынешнее «изобилие» — липовое. Если бы вдруг людям выдали зарплату, все продукты смело бы с полок в два дня (так и получилось там, где перед выборами 1996 г., чтобы задобрить избирателей, сдуру выдали зарплаты и пенсии).

— *Самое главное в реформе — выполнить требование МВФ о снижении дефицита госбюджета, не считаясь ни с какими жертвами. А иначе не дадут займов.*

Как это, говорю, «не считаясь с жертвами»? Вы что, людоеды? Да и что это за идол такой — бездефицитный бюджет? Ведь в трудные моменты разумно «взять в долг у будущего года», у себя самого. Почему же займы МВФ, которые затягивают на шее долговую петлю, лучше?

Ответы на такие простые вопросы получить невозможно. Похоже, люди уже настолько не способны оторваться от рыночных штампов, что просто этих вопросов не понимают. Как бы не слышат. Интересно, что тут даже пример США не помогает. Ведь президент Рузвельт, когда приперло в годы «великой депрессии», послал куда подальше всех своих экспертов-монетаристов и заявил, что в условиях кризиса сводить бюджет без дефицита — преступление против народа. Пусть бы объяснили эту позицию Рузвельта.

Вот еще один тезис, который повторяется в разных вариациях:

— *То-то и то-то в советской системе надо было сломать, потому что на Западе это устроено лучше.*

На том семинаре особенно часто говорили, что надо сломать «предприятия-монстры, унаследованные от советской системы»: Минский тракторный завод, МАЗ и т.д. Зачем же, спрашиваю, ломать? Ведь там люди работают, на этих заводах хозяйство держится. Нет, надо сломать — на Западе заводы лучше.

Вообще-то какой завод лучше — это дело вкуса (на наших заводах люди почему-то меньше уставали, даже хотя работали с более отсталой техникой). Но я не стал спорить о вкусах, меня больше волновала логика. Допустим, говорю, западные учреждения лучше, но дальше-то ваши рассуждения нелогичны. Предположим, тебе не нравится твоя жена, а нравится Софи Лорен. Ну, убей свою жену — ведь Софи Лорен от этого у тебя в постели не появится. А вы хотите поступить с заводами именно так.

Похихикали над таким сравнением и опять за свое. Выступают другой знаток Запада:

— *Тот, кто побывал у западного зубного врача, никогда (!) не пойдет к советскому зубному врачу!*

И ведь это говорил какой-то известный в Белоруссии экономист — а каков уровень мышления! Ради бога, ходи к немецкому врачу, если есть у тебя лишних 200 долларов на пломбу. Но зачем губить советского врача? Ведь в действительности нам вовсе не предложили выбор: плохой советский врач или прекрасный западный. На деле реформа означает, что советскую систему сломают и большинство людей оставят вообще без всякого врача. Пока что мы лечимся, худо-бедно, в недобитой советской системе. А дальше что? В богатейших США 35 млн. человек не имеют доступа ни к какой медицинской помощи. Ни к какой! А у нас сколько таких людей будет, если подобные экономисты и дальше будут командовать?

Я сказал и белорусским демократам, и мадам Шапиро с ее коллегами, что мы, к несчастью, говорим на разных языках. Причем разница не в мелочах, а в самом отношении к жизни. Трудно дать определение их языку и их мышлению. Не желая никого обидеть, я бы сказал, что это — язык и мышление религиозного фанатика. Для него не важна земная жизнь, счастье и страдания людей. Это мелочь по сравнению с той истиной, которая, как он думает, ему открылась.

Вот выступает тот же экономист. Он признает, что Белоруссия при Лукашенко, восстановив то, что демократы не успели сломать в «семейном» (советском) хозяйстве, добилась удивительных успехов. Даже по их, западным, показателям. Рост промышленного производства составил в 1997 г. почти 18%, зарплату всем платят вовремя, налоги собирают исправно, дефицита госбюджета нет и т.д. «Всему этому можно было бы порадоваться, — сказал экономист, — но...» И начал сокрушаться. Выходит, радоваться этому нельзя, потому что все *неправильно*. Слишком много денег вкладывают в жилищное строительство, спасают Минский тракторный завод, не разгоняют колхозы.

Я опять подал голос. Смотрите, говорю, как ненормальна ваша логика. В Белоруссии удалось, пусть с точки зрения теории не вполне правильно, но остановить разруху. Это и вы, и Запад признаете. Людям дали отдышаться, они успокоились, накапливаются средства. Казалось бы, надо именно *радоваться* — а затем уже выражать сомнения относительно следующих шагов. Но вы *не радуетесь*! Для вас теория важнее очевидных и жизненно важных для простого человека успехов.

Но этим я только подлил масла в огонь. Г-н Богданкевич вы-

ступил еще радикальнее. Известно, что Россия поставляет Белоруссии газ на 35% дешевле, чем на Запад, — как союзному государству. Так вот, говорит главный экономист оппозиции, это для Белоруссии вредно. Я, мол, требую, чтобы Россия брала с Белоруссии за газ не 51 доллар, а 80. А если меня выберут президентом, тут же добьюсь, чтобы проклятые москали брали с нас подороже.

Ну как тут не ахнуть! Вы представляете человека, которому по дружбе делают скидку, а он готов за это в морду дать и желает заплатить побольше. Ну кого могут привлечь на свою сторону такие политики? А ведь привлекают, и немалую часть интеллигенции. Что-то стряслось у всех нас с головой. Ведь даже те, кто с Богданкевичем не согласен, все же не поражаются, они «уважают его точку зрения». Да как ее можно уважать? Налицо явная патология сознания. Наша общая беда, с которой что-то надо делать.

Как это и бывает у религиозных фанатиков, несвязность мышления сопровождается у этих людей сильнейшим эмоциональным подъемом и агрессивностью. Уж как они проклинали Лукашенко за то, что «остановил реформы»! Остановил движение к «светлому будущему» и устраивает жизнь в Белоруссии неправильно — не так, как сказано в их религиозном учении. Г-н Шарецкий так и объяснил: Лукашенко восстанавливает «хозяйство семейного типа» (то есть такое, какое бывает в обществах, устроенных по типу семьи, а не рынка). А процветающей западной экономики так не построишь.

Я предложил взглянуть на дело не с высоты политики, а с уровня простого человека, обывателя. Ведь всегда и везде, когда страна переживает бедствие, люди сдвигаются к хозяйству и обществу «семейного» типа. Это сокращает число жертв и страдания людей, и тут ни при чем идеологии и доктрины. Все республики СССР переживают реформу как *бедствие*, и, конечно же, люди пытаются спастись. Вот в Белоруссии сумели восстановить кое-что из разрушенного хозяйства. Вы, демократы, считаете, что это средства негодные. Допустим, в принципе вы правы. Но сейчас людям важнее всего удержаться на плаву — они хватаются за любую доску, лишь бы не утонуть, собраться с силами, подгрести к берегу. Что же делаете вы? Вы пытаетесь вышибить у них эту спасительную доску да еще кричите: «А ну, совок, люмпен, брось эту рухлядь! На ней ты далеко не уплывешь!»

Я думал, такому сравнению возмутятся. Нет, наоборот. Оно

показалось правильным, и мне так и ответили: да, мы стараемся эти «бревна», за которые люди уцепились, у них из рук вышибить. Потому что эдак они к рыночной экономике не придут. Они даже посчитали это не досками, а бревнами — спасительным средством гораздо более солидным, чем оценил я, — но и его они вышибают.

Выходит, демократы в глубине души понимают, что если люди к рыночной экономике не идут, то пусть уж тогда пойдут все ко дну. «Неправильно» жить они нам не позволят. Вот это и есть, на мой взгляд, фанатичное тоталитарное мышление.

Все это я пишу не для того, чтобы выставить в дурном свете, уязвить моих идейных противников. Сегодня наша общая беда несравненно больше, чем идейные стычки. То мышление, которое в чистом виде и в довольно спокойной, корректной обстановке обнаружили белорусские противники советского строя, присуще ведь широкому кругу нашей интеллигенции. Как же нам с ними найти общий язык? Ведь все мы на своей шкуре получаем все более тяжелые уроки, а учимся медленно.

Сегодня все избегают серьезно ставить вопрос: что нас ждет в ближайшем будущем? Это можно понять — Россию загнали в такую точку, из которой любой путь к разумной жизни кажется невозможным. На любой тропе заложены мины, на которые никак нельзя напороться, а как их разрядить — неизвестно. Понятно, что об этих минах политики говорить и не хотят — люди могут отшатнуться.

Посмотрите — производство и в городе, и на селе упало вдвое. А нефти и газа, что нам оставляют, уже не хватает даже на обогрев жилищ, все чаще перебои, мерзнет Сибирь. Между тем открыто говорится об увеличении экспорта нефти и газа. Только и слышно: тот газопровод пойдет по дну Черного моря, этот через всю Сибирь в Корею, тут немцы и американцы помогут, там японцы. Это значит, что и речи не идет о росте отечественного производства. Ведь это законы физики, а не истмата, их не нарушишь. Топлива на восстановление хозяйства нет, и распродажа последних месторождений ставит на этом вопросе точку.

Как только Россия бросит свои энергоресурсы на мировой рынок, практически всякое производство в нашей холодной стране станет нерентабельным. Известен расчет: в СССР, если бы был одинаковый с США технологический уровень, затраты энергии на каждую единицу валового продукта были бы на 30% выше, чем в США, — из-за климатических условий производ-

ства и быта. Но это было для СССР в среднем! Сейчас без теплых зон Средней Азии, Кавказа, Украины, Молдавии и Прибалтики и с учетом деградации технической базы энергоемкость продукта в России сильно подскочила. Это очевидность, и не могу понять, как еще могут разумные люди, видя это, верить в рыночную утопию.

Зная, что почти все наши товары стали дороже импортных, торопятся втолкнуть Россию во Всемирную торговую организацию. Но ведь тогда Россия будет обязана снять все таможенные барьеры и прекратить всякие дотации отечественным предприятиям. Значит, все производство должно будет остановиться — дешевле станет покупать, чем производить свое. И дело не в отсталости — у новейших предприятий положение не лучше. Какой-то обозреватель с телевидения, рассуждая о Норильске, сказал как вещь очевидную и разумную: придется эвакуировать все население с Севера, бросить эти города. Чтобы оживить их, средств у России никогда не будет. Надо было только добавить: средств не будет у *этой* России. Прямо в воздухе висел вопрос: а почему же для этого были средства у *той* России? У России советской и даже царской, пока ее не опутали банки, — но когда опутали, то царя вместе с банкирами сковырнули.

Почему же в Советской России были средства и строить Норильск, и привозить в Эрмитаж и Артек детей с Камчатки? Потому, что на несколько десятилетий общество устроилось как *семья* — при всех неудобствах, несвободах и даже тирании, какие бывают в семье. Отсюда вытекал и принцип хозяйства — думать обо всей семье, производить не для прибыли, а для *потребления* и жить *по средствам*. Внутри семьи понятие рентабельности не имеет смысла. На этом строилась вся наша советская цивилизация.

Ее отличие от того, что мы видим сегодня, составляет как бы загадку, которую в приличном обществе избегают даже формулировать. В СССР всякое производство было выгодным, всякий клочок годной земли использовался. Росло общее недовольство тем, что бюрократические нормы *мешают работать*. Это значит, что для обеспечения труда сырьем и инструментами находились средства. Денег хватало и на вполне сносное потребление, и на огромную по масштабам науку (одну из двух имевшихся в мире научных систем, охватывающих весь фронт фундаментальной науки), и на военный паритет с Западом — и даже на дорогостоящие «проекты века». Никому и в голову не могло прийти, что шахтеры могут голодать, а академики кон-

чать с собой из-за того, что голодают их подчиненные ученые-ядерщики.

И при всем этом за 1980—1985 гг. ежегодные капиталовложения в СССР возросли на 50% (а на Западе совсем не выросли). Если бы мы сейчас мысленно «вычли» эти инвестиции из нашего хозяйства, вообразили бы, что СССР уже за десять лет до реформы стал вести себя, как ельцинская РФ, то сегодня страна была бы уже экономическим трупом. Мы еще питаемся остатками советского жира.

Сегодня те же самые работники, те же самые земли и те же самые технологии оказываются совершенно недееспособными. Настолько, что иностранцы даже бесплатно не хотят брать наши заводы, а в отношении наших людей возникло новое понятие: *«общность, которую не имеет смысла эксплуатировать»*. Тому, что у нас произошло, есть довольно близкая аналогия. В начале XX века европейцы позарились на Патагонию — обширную область на юге Южной Америки. Индейцы создали там особую аграрную цивилизацию, и эксплуатация этой земли обещала быть выгодной. Индейцев уничтожили (три года назад в Испании вышло два тома документов об этой кампании, собранных католическими миссионерами). Европейцы освоили земли (1 млн. кв. км), построили железную дорогу. Но оказалось, что рентабельным хозяйство на этих холодных землях так и не смогло стать. Все заброшено, дорога заросла травой. То же самое происходит в России — даже переспелые леса перестали рубить, вывозить лес невыгодно.

В отказе от своего, приспособленного к нашей земле типа хозяйства — суть того поворота, на который согласился русский народ. Согласился по незнанию, по лени, под влиянием обмана — неважно. Важно, не почему согласился, а что не видно никакой воли к тому, чтобы осознать тот выбор, во весь голос заявить о нем — признать его или отвергнуть. Пока что политика и режима, и оппозиции сводится к умолчанию.

Глава 10

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПЕРИОД ТОТАЛИТАРИЗМА

Суть модернизации 30-х годов. К концу 20-х годов были решены основные задачи, которые возлагались на нэп. Было восстановлено разрушенное войнами хозяйство, стабилизирова-

лась социальная и демографическая ситуация, сложилась и укрепилась система государственных органов и учреждений, правопорядок. Были мобилизованы значительные средства для индустриализации. Вместе с тем выявились и стали быстро нарастать новые противоречия, которые уже в 1928—1929 гг. воспринимались руководством государства и партии как угрожающие.

Внутри страны возникло нестабильное равновесие, быстро сдвигающееся к острому противостоянию в отношениях между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством. Поправив свои дела в условиях нэпа, получив землю и стабильный правопорядок, село оказалось в большой степени самодостаточным и не имеющим внутренних стимулов для интенсивного развития, 90% пашни вернулось к трехпольному севообороту. Производство зерновых остановилось примерно на довоенном уровне: 1913 г. — 76,5 млн. т; 1925 г. — 72,5; 1926 г. — 76,8; 1927 г. — 72,3; 1928 г. — 73,3; 1929 г. — 71,7. Освобожденное от арендных платежей и выкупа земли село снизило товарность и возможности экспорта хлеба — главного тогда у России источника средств для развития. В 1926 г. при таком же, как в 1913 г., урожае экспорт зерна был в 4,5 раза меньше (и это был самый высокий за годы нэпа показатель).

Индустриализация, которая в силу очевидной необходимости была начата с создания базовых отраслей тяжелой промышленности, не могла еще обеспечить рынок нужными для села товарами. Снабжение города через нормальный товарообмен нарушилось, продналог в натуре был в 1924 г. заменен на денежный. Возник заколдованный круг: для восстановления баланса нужно было ускорить индустриализацию, а для этого требовалось увеличить приток из села продовольствия, продуктов экспорта и рабочей силы, а для этого было нужно увеличить производство хлеба, повысить его товарность, создать на селе потребность в продукции тяжелой промышленности (машинах).

Разорвать этот порочный круг можно было только посредством радикальной модернизации сельского хозяйства. Теоретически для этого было два пути. Один — новый вариант «столыпинской реформы», поддержка набирающего силу кулака, перераспределение в его пользу ресурсов основной массы хозяйств середняков, расслоение села на крупных фермеров и пролетариат. Второй путь — ликвидация очагов капиталистического хозяйства (кулаков) и образование крупных механиз-

рованных коллективных хозяйств. Третий путь — постепенное развитие трудовых единоличных крестьянских хозяйств с их кооперацией в «естественном» темпе — по всем расчетам оказывался слишком медленным. После срыва заготовок хлеба в 1927 г., когда пришлось пойти на чрезвычайные меры (твердые цены, закрытие рынков и даже репрессии), и еще более катастрофической кампании хлебозаготовок 1928/29 г. вопрос должен был решаться срочно. Чрезвычайные меры при заготовках в 1929 г., воспринятые уже как нечто совершенно ненормальное, вызвали около 1300 мятежей. В 1929 г. карточки на хлеб были введены во всех городах (в 1928 г. — в части городов).

Путь на создание фермерства через расслоение крестьянства был несовместим с советским проектом. Но главное, он был нереальным, так как пробуждал те же источники сопротивления, что парализовали реформу Столыпина и погубили Временное правительство. В новых условиях шансов на успех буржуазного пути было еще меньше, чем в 1906—1914 гг. Был взят курс на коллективизацию. Это предполагало и ликвидацию кулачества «как класса».

Второй кардинальный вопрос — выбор способа индустриализации. Дискуссия об этом протекала трудно и долго, и ее исход предопределял характер государства и общества. Не имея, в отличие от России начала века, иностранных кредитов как важного источника средств, СССР мог вести индустриализацию лишь за счет внутренних ресурсов. Влиятельная группа (член Политбюро Н.И.Бухарин, председатель Совнаркома А.И.Рыков и председатель ВЦСПС М.П.Томский) отстаивали «щадящий» вариант постепенного накопления средств через продолжение нэпа, И.В.Сталин — форсированный вариант. Победила точка зрения Сталина.

В годы перестройки (в 1989 г.) было проведено моделирование варианта Бухарина современными математическими методами. Расчеты показали, что при продолжении нэпа был бы возможен рост основных производственных фондов в интервале 1—2% в год. При этом нарастало бы отставание не только от Запада, но и от роста населения СССР (2% в год). Это предопределяло поражение при первом же военном конфликте, а также внутренний социальный взрыв из-за нарастающего обеднения населения. Был взят курс на *форсированную* индустриализацию.

Это означало конец нэпа. Усиливается централизованное плановое руководство экономикой страны. Ликвидируются

элементы хозрасчета, усиливается налоговое бремя на частные предприятия, к 1933 г. исчезают концессии, предоставленные иностранным предпринимателям (кроме японских на Дальнем Востоке). Всего за 1921—1928 гг. было рассмотрено 2400 предложений о концессиях, заключено 178 договоров. В целом иностранные инвестиции были небольшими, государство не стремилось расширять ввоз капитала. К концу 1927 г. иностранные капиталовложения в СССР составили 52,2 млн. руб.

Темпы индустриализации были небывало высокими (а сегодня они кажутся *невероятными*): с 1928 по 1941 г. было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий. Промышленность по отраслевой структуре, техническому оснащению, возможностям производства важнейших видов продукции вышла в основном на уровень развитых стран. Был осуществлен массовый выпуск самолетов, грузовых и легковых автомобилей, тракторов, комбайнов, синтетического каучука и т.д. Стала быстро развиваться оборонная промышленность с использованием оригинальных отечественных разработок.

Это было достигнуто через трудовое и творческое подвижничество всего народа при общем энтузиазме, по силе сходном с религиозным. Однако условием и в какой-то мере следствием этого порыва был тоталитаризм — соединение общества жесткими скрепами, которые из всех и из каждого «выжимали» все физические и духовные ресурсы. Одним из главных механизмов этой тоталитарной системы было государство (другим — идеология и общественное сознание).

Индустриализация, коллективизация, создание новой армии — все это были части большой программы *модернизации* СССР. Главным в ней было превращение человека с крестьянским типом мышления, восприятием времени, стилем труда и поведения — в человека, оперирующего точными отрезками пространства и времени, способного быть включенным в координированные, высокоорганизованные усилия огромных масс людей. То есть в человека, сходного по ряду признаков с человеком современного индустриального общества, способного быть оператором сложной производственной и военной техники.

Запад создавал такого человека в течение 400 лет, в основном возложив эту задачу на частного хозяина, который дубил шкуру рабочего угрозой голода. Но и государство действовало на Западе в том же направлении такими жестокими методами, которые России были неведомы (например, законы о бедных и о бродяжничестве). Уважение к собственности также вбивалось

вчерашним крестьянам жестокими способами: в начале XIX века в Англии вешали даже детей за кражу в лавке на сумму более 5 фунтов стерлингов, а за бродяжничество клеймили с 14 лет. Гражданское общество Запада изобрело для бедных новый тип наказания — *тюрьму* такого типа, какого Россия и СССР никогда не знали*.

В СССР на воспитание дисциплинированного, точного и ответственного человека отводилось менее десяти лет. Эта задача была выполнена, при этом любовь переплеталась с жестокостью. Сегодня многие видят в той жестокости преступный характер Советского государства (или его руководителей). Видимо, в те времена моральные оценки какого-нибудь Сванидзе 90-х годов не были главным критерием. На личном уровне мало кому нравится жизнь в казарме. Вполне понятна и психология дезертира, особенно если ему удалось спрятаться. В 30-е годы таких было немного. Главное, что было достигнуто почти невозможное: поколение точных и дисциплинированных людей было воспитано без подавления их духовной свободы и творческой способности. Это показала война.

Международное положение. В 1929 г. капиталистический мир вступил в полосу острого и затяжного экономического кризиса. На его волне в 1933 г. к власти в Германии пришли фашисты, которые применили жесткие методы государственного регулирования экономики. В США с целью преодоления «великой депрессии» был начат «новый курс», в основу которого также был положен принцип государственного вмешательства в рыночную стихию с допущением большого дефицита госбюджета и массированными капиталовложениями. В целом положение в мировой системе стало крайне неравновесным. Выходом могла стать мировая война.

В СССР с приходом к власти фашистов в Германии общим ощущением стало ожидание неизбежной войны. СССР, по сути, стал жить «военным бытом», и все происходящие в стране события и процессы могут быть правильно поняты только с учетом этого главного фактора.

*Видный французский философ М.Фуко показал суть западного общества через его институты — тюрьму, больницу, сумасшедший дом и др. Тюрьме посвящен его большой и важный труд «Надзирать и наказывать». Если бы его у нас знали, трудно было бы нашим перестройщикам представить западное государство гуманным по сравнению с советским.

Советское государство развило исключительно высокую активность на дипломатическом фронте. В ноябре 1933 г. были установлены дипломатические отношения СССР и США. В 1934 г. СССР стал членом Лиги Наций, заключил договоры о коллективной безопасности с Францией и Чехословакией. Согласно Договору о взаимопомощи между СССР и Чехословакией от 16 мая 1935 г., стороны договорились немедленно оказывать друг другу помощь при нападении со стороны какого-либо европейского государства — при условии, что помощь жертве нападения будет оказана со стороны Франции.

В 1936—1941 гг. происходит дальнейшее осложнение международной обстановки. В октябре 1935 г. Италия напала на Эфиопию. В августе 1936 г. фашистские правительства Германии и Италии открыто вмешались во внутренние дела Испании, поддержав мятеж Франко. Осенью 1936 г. Япония и фашистская Германия заключили «антикоминтерновский пакт», направленный против СССР. К этому пакту вскоре присоединилась и Италия.

В 1927 г. Япония напала на Китай. СССР в 1937 г. заключил с Китаем договор о ненападении и оказал ему помощь в борьбе с агрессором. Японские войска в этот период неоднократно совершали военные нападения на СССР и на союзную ему Монгольскую Народную Республику: в июне 1938 г. японские войска вторглись в СССР в районе озера Хасан, но были разгромлены. В мае 1939 г. Япония крупными силами напала на МНР в районе реки Халхин-Гол. Советские войска нанесли исключительно сильный и эффективный удар, который во многом повлиял на планы Японии относительно ее участия в войне против СССР.

В марте 1938 г. фашистские войска оккупировали Австрию и стали угрожать Чехословакии. СССР заявил о готовности оказать ей помощь на условиях договора о взаимопомощи, но Франция отказалась от переговоров о совместных действиях. Тогда СССР заявил, что готов оказать военную помощь Чехословакии независимо от Франции. Правительство Чехословакии помощь отвергло. В сентябре 1938 г. на Мюнхенской конференции глав правительств Германии, Англии, Франции, Италии было принято решение о передаче Германии западных районов Чехословакии.

Это имело для судеб Европы фатальное значение, став причиной огромных по масштабам страданий. В тот момент Германия не имела еще возможности вести войну ни с одной держа-

вой Запада и даже с Чехословакией (она имела 40 дивизий против 39 немецких, более 1500 самолетов, достаточно танков и артиллерии). Запрет на вторжение в Чехословакию предотвратил бы скатывание к мировой войне. Оккупировав Чехословакию и разоружив ее армию, Гитлер сразу смог мобилизовать и вооружить 2 млн. человек.

Политикой уступок фашизму Запад подталкивал Германию к войне с СССР, чтобы разгромить или ослабить Советский Союз, а заодно ослабить и Германию. Президент США Г.Трумэн, тогда еще сенатор, сказал после начала Второй мировой войны: «Если мы увидим, что войну выигрывает Германия, мы должны помогать России, а если выигрывает Россия, то должны помогать Германии; в любом случае надо стараться, чтобы они как можно больше убивали друг друга». Немецкий писатель Г.Бёлль писал в 1995 г. об этой политике США: «Дать двум презируемым народам уничтожить друг друга — расчет простой и хладнокровный, расчет чисто римский, т.е. языческий, расчет, который к тому же никогда не сбывается...»

Достигнуть прочного сговора с Гитлером Западу не удалось. Даже не поставив в известность Лондон и Париж, весной 1939 г. Германия захватила остальную часть Чехословакии, отторгла от Литвы Мемельскую область и предъявила ультимативные территориальные претензии Польше.

С марта по август 1939 г. между СССР, Англией и Францией велись безрезультатные переговоры о взаимопомощи в случае нападения на одну из сторон. Германия предложила СССР заключить Пакт о ненападении, который был подписан в Москве 23 августа 1939 г. СССР и Германия брали на себя обязательства воздерживаться от нападения друг на друга, разрешать споры мирными средствами и соблюдать нейтралитет, если одна сторона будет вовлечена в военные действия. Аналогичные соглашения Германия подписала с Польшей в 1934 г., с Англией и Францией — в 1938 г., с Литвой, Латвией и Эстонией — в 1939 г.

В тех конкретных условиях у СССР, не готового к большой войне, было два выхода: или добиться создания в Европе надежной системы коллективной безопасности, или оттянуть начало войны, срочно укрепляя собственную обороноспособность. Первый путь был блокирован Англией и Францией. Пришлось использовать второй вариант, не питая никаких иллюзий насчет предотвращения войны.

Сегодня надо подчеркнуть, что советскому руководству удалось решить отнюдь не тривиальную задачу — войти в войну

так, что Запад оказался расколотым и в состоянии «внутренней войны». На Западе в 30-е годы была сильна, даже среди части левых, идея «крестового похода» против большевистской России как цивилизационного противника. И в этом «крестовом походе» главная роль отводилась именно гитлеровской Германии. В 1993 г. в Англии вышла огромная биография Черчилля, написанная Дж.Чамли. В рецензии на нее историк из Кембриджского университета Я.Хоуллетт замечает: «В «Таймс» член парламента правый консерватор и бывший министр обороны Алан Кларк соглашается с Чамли в том, что Черчилль разрушил величие Британии и ее империи. Он утверждает, что Черчилль был не прав, выбирая союз со Сталиным против Гитлера, поскольку Сталин был большим тираном, чем Гитлер, и социализм представлял собой большую угрозу для Британии, чем нацизм».

Здесь стоит также отметить, что и в коммунистическом движении идея изоляции СССР и его конфронтации со всем Западом имела поддержку со стороны влиятельных марксистов. Л.Люкс пишет: «В 1936 г. Троцкий придерживался мнения, что коалиция Советского Союза с западными державами против третьего рейха невозможна. Он говорил о солидарности «империалистических» стран против Советского Союза и был убежден, что в случае нападения Гитлера на Советский Союз надежда на западную помощь будет напрасной. Но оказалось, что с 1941 по 1945 г. западные державы вовсе не вели себя в соответствии с предсказанной Троцким закономерностью. Тем самым был существенно поколеблен один из основных тезисов ортодоксального марксизма о конфликте между «буржуазным» и «пролетарско-марксистским» лагерем как главным конфликте современного мира».

Когда деятели типа А.Н.Яковлева заявляют, что Сталин, заключая пакт с Германией, якобы «поверил Гитлеру», то это явная чушь. В стратегических документах военного планирования заключение пакта 1939 г. никакого отражения не нашло. В основе военной доктрины СССР с 1935 г. лежала возможность войны с Германией. В 1940 г. был принят документ «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940—1941 гг.». В нем говорилось: «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на востоке — против Японии». Этот документ пере-

сма­три­вал­ся и уточ­нял­ся в мае, сен­тя­бре и ок­тя­бре 1940 г. и в мар­те и мае 1941 г. Эта фор­му­ли­ровка оста­ва­лась неиз­мен­ной, хо­тя ме­ня­лось оп­ре­де­ле­ние ожи­да­е­мо­го глав­но­го у­да­ра нем­цев.

В 1989—1991 гг. в СССР была проведена крупная идеологическая кампания в связи с так называемыми секретными приложениями («протоколами») к Пакту о ненападении, в которых Молотов и Риббентроп якобы договаривались «о разделе сфер влияния». На основании этого ставился вопрос о денонсации договоров о вхождении республик Прибалтики в СССР в 1940 г. Подлинники этих секретных протоколов ни в советских, ни в зарубежных архивах найдены не были. Эта кампания поучительна тем, как с помощью манипуляции сознанием удается легитимировать самые невероятные вещи — этнократический сепаратизм против своей собственной страны, декларируемый с трибуны парламента. При этом ни для кого не было секретом, что явные или негласные договоры о сферах влияния были обычной практикой того времени. Так, в октябре 1944 г. Черчилль выговорил для Великобритании 90% влияния в Греции (а СССР — в Румынии и Болгарии). Сегодня открытое провозглашение всего Ближнего Востока сферой влияния США ни у кого не вызывает ни малейшего удивления или возмущения.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война. С целью отодвинуть границу от жизненно важного Ленинградского района СССР вел безуспешные переговоры с Финляндией об обмене территориями, с 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г. велась советско-финляндская война (она выявила ряд дефектов в военном строительстве в СССР). После прекращения войны с Финляндией отошедшая от нее территория была передана Карельской АССР, которая в марте 1940 г. была преобразована в Карело-Финскую ССР. Это имело лишь политический смысл — оказывать давление на Финляндию. В 1956 г. Карело-Финская ССР была вновь преобразована в Карельскую АССР в составе РСФСР.

Германия вела в Европе молниеносную войну нового типа. Весной 1940 г. немецкие войска оккупировали Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Люксембург и в мае вторглись во Францию, которая уже в июне 1940 г. капитулировала. Поставив себе на службу громадные производственные, экономические и людские ресурсы оккупированных стран Европы, Германия уже со второй половины 1940 г. начала прямую подготовку к войне против СССР. В конце 1940 г. был утвержден план молниеносной войны против СССР («План Барбаросса»). Нем-

цы ввели свои войска в Финляндию, Болгарию, Румынию, Венгрию, которые стали вассалами фашистской Германии. Весной 1941 г. немецкими войсками были оккупированы Греция и Югославия.

С нападением Германии на Польшу настала возможность и необходимость вернуть области, отторгнутые от СССР после неудачной войны с Польшей в 1921 г. — Западную Украину и Западную Белоруссию. 17 сентября 1939 г., когда польское государство фактически перестало существовать (правительство и командование бежали из страны), советские войска вошли в Польшу и остановились на «линии Керзона» — границе 1919 г.

В октябре 1939 г. на основании всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании были избраны Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, которые приняли декларации о вхождении Западной Украины и Западной Белоруссии в СССР. С правовой точки зрения выборы сразу за введением войск сомнительны. Однако нет сомнений в том, что подавляющее большинство белорусов и украинцев желали воссоединения, побуждаемые как национальными, так и социальными интересами.

В конце 1939 г., в обстановке начавшейся Второй мировой войны правительства Литвы, Латвии и Эстонии заключили с СССР договоры о взаимопомощи, согласно которым в эти страны вводилось по одному корпусу советских войск. В качестве жеста доброй воли советское правительство передало Литве г. Вильнюс и Виленский край. Летом 1940 г. обстановка резко изменилась, военные успехи Германии побудили прибалтийские правительства переориентироваться на Берлин и начать с немцами секретные переговоры. СССР, опираясь на поддержку левых сил и массовые демонстрации в столицах, предъявил ультиматум, и правительства ушли в отставку. Были проведены выборы в парламенты, на которых победили левые блоки («союзы трудового народа»), получившие более 90% голосов. Правые силы были деморализованы демонстрациями и проведенной накануне выборов депортацией около 80 тыс. человек (фабрикантов, активных правых политиков, журналистов и военных).

Акция СССР нарушала правовые нормы, но опиралась на реальное недовольство населения буржуазными режимами. 21 июля 1940 г. новые парламенты приняли декларации с просьбой о вступлении в СССР Литвы, Латвии и Эстонии. В эконо- мику новых республик были сделаны крупные вложения для

быстрого выхода из кризиса. После отделения от России эти республики не смогли встроиться в западную экономическую систему, и социальное положение было тяжелым. Оно еще ухудшилось с началом мировой войны, так как республики оказались отрезаны от своего главного рынка (английского). Резко подскочила безработица, режимы стали сдвигаться вправо. Так, правительство Ульманиса, нарушая конституцию Латвийской республики, не проводило выборов в сейм, а затем и вообще упразднило его. С включением этих республик СССР значительно усилил оборону северо-западных границ.

В результате мирного разрешения с Румынией вопроса о захваченной ею в 1918 г. Бессарабии (которая была частью России с 1812 г.) и о передаче СССР населенной украинцами Северной Буковины, в Бессарабии и Северной Буковине была установлена Советская власть. Мирное решение было достигнуто после ультиматума СССР. Германия посоветовала румынам уступить, намекнув, что уступка будет временной. Северная Буковина России не принадлежала. СССР добивался ее присоединения к Украине ввиду очень важного стратегического значения (по ней проходила рокадная железная дорога). Бессарабия была объединена с Молдавской АССР (левобережное Приднестровье) с образованием Молдавской ССР и включением ее в СССР в качестве союзной республики. Конституции Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии допускали наряду с социалистическим частный сектор хозяйства (частные хозяйства единоличных крестьян, ремесленников и кустарей, мелкие частные промышленные и торговые предприятия в пределах, установленных законом).

В таком обновленном составе СССР вступил в 1941 г. К этому времени сложился небывалый по масштабам агрессивный блок, нацеленный против СССР. Ядром его была Германия — тоталитарное фашистское государство, обнаружившее и в организации промышленного производства, и в войне необычную силу.

Однако те десять лет, за которые сложился этот блок, СССР также превратился в военный лагерь, создав особый, также тоталитарный, мобилизационный режим. В рамках этого режима были проведены индустриализация, коллективизация, создание сильной научно-технической системы и вооруженных сил. В социальной и идеологической сфере *тоталитаризм* выразился в достижении так называемого морально-политического единства советского народа и культе личности И.В.Сталина. В правовой — в широком применении чрезвычайных мер, массовых

репрессиях, которые сопровождались крайней жестокостью. Этот сложный период в жизни Советского государства (называемый иногда «сталинизмом») — неотъемлемая часть всего процесса, тесно связанная со всей предыдущей историей России и во многом предопределившая последующие победы и поражения СССР.

Приведу показательный отрывок из книги Зиновьева «Нашей юности полет»:

«...Кто дал Сталину право распоряжаться мною? На этот вопрос ответил мне следователь Лубянки: народ! Я рассмеялся: мол, такой демагогией сыт по горло.

— Ты, сопляк, — спокойно ответил следователь, — не знаешь еще, что такое народ и что такое власть. И запомни: выражение «враг народа» — не пустышка для пропаганды и не абстрактное обобщение, а точное и содержательное понятие, отражающее сущность эпохи. Тот, кто восстает против Сталина, восстает против народа. Он есть враг народа. Мы, органы, выражаем волю народа.

Потом, скрываясь от органов и скитаясь по стране, я присматривался к власти и народу. Мне достаточно было всего несколько месяцев, чтобы понять, как прав был тот следователь. Я с абсолютной ясностью понял одно: противопоставление народа и власти в нашем (сталинском) обществе лишено смысла, что власть здесь есть прежде всего организация всего народа в единое целое. Сталинизм способствовал созданию новой сети власти, выросал на ее основе, но вместе с тем противостоял ей, боролся против нее, стремился сдержать ее рост.

Миллионы шакалов устремились в эту сеть власти. И не будь сталинской сверхвласти, они сожрали бы все общество с потрохами, разворовали бы все, развалили. Когда эта сеть власти приобрела более-менее приличный вид, сталинизм как форма власти был отброшен.

НАРОДОВЛАСТИЕ закончилось, и власть перешла в руки «законной» партийно-государственной системы».

Коллективизация. Коллективизация — это глубокое революционное преобразование не только села и сельского хозяйства, но и всей страны. Она повлияла на всю экономику в целом, на социальную структуру общества, демографические процессы и урбанизацию. Она вызвала на первом этапе тяжелую катастрофу, которая сопровождалась массовыми страданиями и человеческими жертвами. Именно в ходе этой реформы были, ви-

димо, допущены самые принципиальные ошибки с самыми тяжелыми последствиями за весь советский период (не считая стадии демонтажа советского строя после 1988 г.). Тот факт, что Советское государство пережило эту катастрофу, говорит о его большом потенциале и запасе доверия, которое возлагал на него народ.

Сама по себе идея товариществ по совместной обработке земли не была, конечно, советским изобретением. О ней уже в XIX веке писал в Письме десятом (3 декабря 1880 г.) А.Н.Энгельс: «Если бы крестьянские земли и обрабатывались, и удобрялись сообща, не нивками, а сплошь всеми хозяевами вместе, как обрабатываются помещичьи земли, с дележом уже самого продукта, то урожаи хлебов у крестьян были бы не ниже, чем у помещиков. С этим согласны и сами крестьяне. Узкие нивки, обрабатываемые каждым хозяином отдельно, препятствуют и хорошей обработке, и правильному распределению навоза. При обработке земли сообща эти недостатки уничтожились бы и урожаи были бы еще лучше».

Во время реформы Столыпина производственная кооперация рассматривалась как главный путь подъема бедных крестьянских хозяйств. В 1913 г. в Киеве прошел I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, постановление которого заканчивалось таким призывом к землеустроительным органам и правительству: «Одно из первых мест должна занять организация товариществ для совместного использования земли как собственной, так и особенно арендной, путем коллективной обработки ее. Роль землеустройства в отношении этих товариществ должна заключаться в выделении при разверстывании земель маломерных участков к одному месту и возможно ближе к селениям, на что Съезд обращает внимание правительства. Роль же агрономии будет состоять в самой широкой пропаганде самой идеи товариществ и в проведении ее в жизнь».

Состояние отношений власти с крестьянством в такой стране, как Россия, было едва ли не главным вопросом государства. Середина 20-х годов прошла под лозунгом «Лицом к деревне», что на деле означало экономическую поддержку *зажиточных* крестьян. Проведенная в 1924 г. либерализация избирательного права была в полной мере использована кулаками как наиболее организованной и обладающей средствами категорией крестьян. В ходе выборов в местные Советы в 1925 г. доля безлошадных крестьян среди депутатов упала до 4%. Обретение кулаками реальной политической власти на селе создавало опасное

положение и в партии — недовольство сельских парторганизаций подкреплялось усилением левой оппозиции в центре.

Изменение политической обстановки способствовало и социальному расслоению. В 1927 г. 3% хозяйств, относимых к категории кулацких, имели 14—20% всех средств производства и примерно треть всех сельхозмашин на селе. Расширились сдача земли в аренду, теневой наем батраков, ссуды семян и инвентаря за отработки. Получение достоверного «социального портрета» села стало важной государственной задачей.

Над ней работали несколько групп ученых-аграрников, органы статистики, группы ЦКК-РКИ, изучавшие хлебофуражный баланс, а также специальная комиссия СНК СССР под руководством А.И.Рыкова. «Аграрники-марксисты» (например, бывший «максималист» Л.Н.Крицман, возглавивший в 1928 г. Аграрный институт) делили крестьянство на три упрощенные категории: кулаки, середняки, бедняки. А.В.Чаянов и его школа, исходя из теории трудового крестьянского хозяйства, различали шесть социальных типов и выделяли в категорию кулацких лишь то хозяйство, «центр тяжести доходов которого лежит в торговых оборотах, ростовщическом кредите, в том числе сдаче в аренду инвентаря на кабальных условиях».

После XV съезда ВКП(б) была образована Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации под руководством А.Я.Яковлева (Эпштейна), которая должна была рекомендовать модель колхоза. 7 декабря 1929 г. постановлением ЦИК СССР был образован Наркомат земледелия СССР (вопреки Конституции, которая не предполагала союзного наркомата в этой отрасли). На него было возложено проведение коллективизации и функции перспективного и оперативного руководства сельским и лесным хозяйством. Наркомом был назначен А.Я.Яковлев. В ведение Наркомзема перешла и Академия сельскохозяйственных наук с сетью ее институтов.

Поначалу образование колхозов шло успешно, крестьяне воспринимали колхоз как артель, известный вид производственной кооперации, не разрушающий крестьянский двор — основную ячейку всего уклада русской деревни. Более того, идея совместной обработки земли, *производственной* кооперации существовала в общинном крестьянстве давно, задолго до коллективизации и даже до революции.

Коллективизация виделась как возрождение и усиление общины. Вскоре, однако, оказалось, что обобществление заходит так далеко (в колхоз забирался рабочий и молочный скот, ин-

вентарь), что основная структура крестьянского двора рушится. Возникло сопротивление, затем административный нажим, а потом и репрессии. 2 марта 1930 г. в «Правде» была напечатана статья Сталина «Головокружение от успехов» с критикой «перегибов». Нажим на крестьян был ослаблен, начался отток из колхозов, степень коллективизации, которая к тому моменту достигла 57% всех дворов, в апреле упала до 38%, а в июне — до 25%. Затем она до января 1931 г. стабилизировалась на уровне 22—24%, а потом стала расти вплоть до 93% к лету 1937 г.

Много было написано о «перегибах» в коллективизации: вопреки намеченным в центре темпам, местные парторганизации, а с ними и органы власти стремились силой загнать крестьян в колхозы за невероятно короткий срок, развивая при этом огромную энергию и упорство. «Разверстка» на число раскулаченных означала *предельные* цифры (типа «раскулачить не более 3% хозяйств») — но они во многих местах перевыполнялись. Поскольку непосредственно коллективизацией на местах занимались не менее миллиона партийных и советских работников, речь идет о массовом явлении, которое нельзя объяснить карьеризмом отдельных чиновников. Перед нами явление, отражающее то особое состояние людей, которое и было движущей силой тоталитаризма, — массовая страстная воля выполнить признанную необходимой задачу, не считаясь ни с какими жертвами. Центральные органы Советского государства часто должны были сдерживать рвение местных*. Этот энтузиазм (или фанатизм — идеологические оценки здесь не важны) представляет собой сложное явление. Но его надо принимать во внимание как важный факт, без которого нельзя понять сути Советского государства, тем более в период 30—40-х годов.

В целом коллективизация была огромным и глубоким изменением, в том числе в государственном строительстве. Например, в ходе коллективизации пришлось принимать специальные меры против слияния сельсоветов с колхозами или передачи прав Советов колхозам, которые воспринимались как новая власть. В ряде мест пришлось произвести досрочные перевыборы сельсоветов.

Процесс коллективизации в 1931—1932 гг. принял катастро-

*Это проявляется особенно четко на фоне того, что сравнительно недавно царское и тем более Временное правительство были совершенно не способны заставить местные органы выполнять даже явно нужные решения центра.

фический характер (он был усугублен снижением из-за недорода сборов зерна в 1932 г. до 68,4 млн. т против 83,5 млн. т в 1930 г., спадом поголовья коров и лошадей вдвое, овец — втрое)*. Этот кризис завершился страшным голодом зимы 1932/33 г. с гибелью большого числа людей (в основном на Украине). Судя по статистике рождений и смертей, на Украине от голода умерли около 640 тыс. человек. Считается, однако, что был большой недоучет смертей. Ряд зарубежных исследователей считает, что всего от голода умерли 3—4 млн. человек.

В годы перестройки широко распространялось мнение, будто голод был вызван резким увеличением экспорта зерна для покупки западного промышленного оборудования. Это неверно. В 1932 г. экспорт был резко сокращен — он составил всего 1,8 млн. т против 4,8 млн. т в 1930 г. и 5,2 млн. т в 1931 г., а в конце 1934 г. экспорт вообще был прекращен. Не были чрезмерными и государственные заготовки — они составляли менее трети урожая. Согласно усредненным данным четырех оценок урожая, поставок и остатков зерна на селе, сделанных американскими специалистами по истории колхозного строительства в СССР, эти показатели в 1928—1939 гг. были таковы:

Сбор и поставки зерна в СССР (млн. т)

Год	Валовой сбор	Остаток	Год	Валовой сбор	Остаток
1928	71,6	60,5	1934	69,7	43,6
1929	70,1	59,3	1935	74,3	45,9
1930	78,8	62,7	1936	61,1	35,4
1931	66,6	44,4	1937	96,3	64,4
1932	66,1	43,3	1938	72,2	40,7
1933	69,3	50,0	1939	76,6	41,6

Из этой таблицы видно, что зимой 1932/33 г. поставки зерна государству не были чрезвычайно высокими, так что в распоряжении крестьян оставалось столько же зерна, как и в 1934 г., и намного больше, чем в 1936 г., однако голода в эти годы не возникало. Причина голода 1932/33 г., видимо, в том, что тогда был впервые введен порядок изымать зерно у колхозов и хранить его на элеваторах. Вероятно, при этом считалось, что, как и при продразверстке, на селе останется количество зерна,

*Американские советологи, историки коллективизации, считают, что в 1932 г. было собрано 66,1 млн. т зерна, а в 1931 г. — 66,6 млн. т.

обеспечивающее безопасность жителей. Однако колхозы — это не миллионы автономных дворов, и зерно было вывезено полностью. Когда появились признаки голода, бюрократическая машина не смогла быстро отреагировать на необычную проблему, а возникший на селе и на транспорте хаос не позволил быстро спасти положение. Технократическая социальная инженерия дала колоссальный сбой. Для массы людей он стал катастрофой.

Катастрофа была следствием состояния многих подсистем новой, еще не сложившейся государственной машины. Например, зимой 1933 г. возник голод на Северном Кавказе, где у колхозников изымалось даже зерно, выданное им как аванс на трудодни. М.А.Шолохов написал письмо Сталину, и на Дон по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля для расследования выехал М.Ф.Шкирятов. Но уже до его приезда, 8 февраля на бюро Вешенского райкома председатель колхоза А.А.Плоткин (двадцатипяти тысячник, руководивший хлебозаготовками) был исключен из партии, обезоружен и посажен под арест, а другой руководитель хлебозаготовок, А.А.Пашинский, 9 мая 1933 г. на показательном процессе выездной сессии краевого суда был приговорен к расстрелу*. Доклад Шкирятова обсуждался на совещании у Сталина 2 июля 1933 г., на которое были приглашены, среди прочих, Плоткин, Пашинский и Шолохов.

В марте 1933 г. состоялся судебный процесс против ряда работников Наркомзема СССР как виновных в возникновении голода (это было и официальным признанием наличия голода в стране).

Несмотря на множество разумных, но запоздалых постановлений, устраняющих перегибы, положение выправилось лишь в 1935 г. Начали расти сборы зерна, поголовье скота, оплата труда колхозников. С 1 января 1935 г. в городах были отменены карточки на хлеб. В 1937 г. валовой сбор зерна составил уже 97,5 млн. т (по американским оценкам, 96,3 млн. т).

На первом этапе коллективизации эффект был достигнут за счет простой кооперации и за счет распахки земель. Принципиально улучшить технологию за счет машин и удобрений еще не было возможности, перейти к травопольным севооборотам тоже — из-за нехватки скота для удобрения пашни. Поэтому на

*Этот приговор был отменен в июле Верховным судом РСФСР. Подробно об этой важной для нашей темы истории — в сборнике документов «Писатель и вождь. Переписка М.А.Шолохова с И.В.Сталиным. 1931—1950 годы» (сост. Ю.Мурин). М.: Раритет, 1997.

первых порах был использован экстенсивный фактор. Общая посевная площадь под зерновыми возросла к 1932 г. на 7 млн. га, а в целом посевная площадь колхозов по сравнению с входившими в них дворами до коллективизации — на 40%. Этого удалось достичь за счет кооперации, более эффективного использования рабочего скота и инвентаря, соединения их с трудовыми ресурсами тех крестьян, которые в единоличных хозяйствах не имели лошадей и инвентаря. Важно подчеркнуть, что это было достигнуто даже при резком сокращении числа рабочих лошадей на первом этапе коллективизации (см. рис. 2).

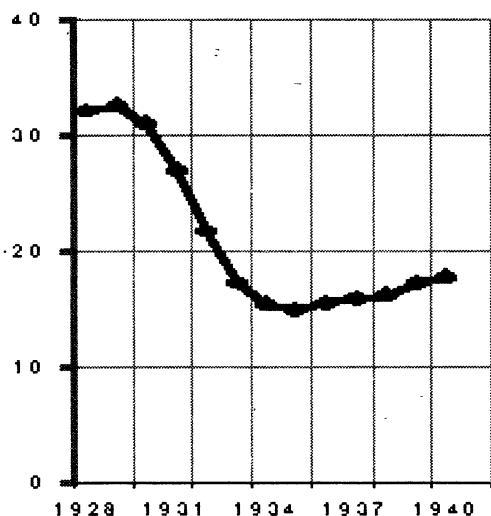

Рис 2. Изменение численности лошадей в СССР в годы коллективизации (млн. голов)

Уже при простой кооперации, без машин, крестьяне на одну и ту же работу стали затрачивать на 30% меньше труда, чем раньше. А для целей индустриализации важнейшим результатом стало резкое повышение товарности колхозов — до 50% по сравнению с менее чем 20% у единоличных хозяйств. Создание МТС с тракторами и грузовиками, взявших на себя самые трудоемкие работы по вспашке, уборке и перевозке урожая, привело к высвобождению больших трудовых ресурсов. К 1940 г. мощность тракторного парка выросла в десятки раз и достигла 13,9 млн. л.с. (то есть почти сравнялась с суммарной мощнос-

тью тяглового скота, которая оценивалась в 15,8 млн. л.с.). На закупки тракторов и комбайнов за рубежом была израсходована примерно половина доходов от экспорта зерна.

Провал первого этапа в коллективизации как крупнейшей программе Советского государства по модернизации страны был столь тяжелым, что на его исследование и гласное обсуждение было, по сути, наложено табу. Это помешало извлечь важный урок. Те частные причины, которые обычно называют (слишком высокие темпы коллективизации, низкая квалификация проводивших ее работников, разгоревшиеся на селе страсти и конфликты, злодейский умысел Сталина) недостаточны, чтобы объяснить катастрофу такого масштаба.

Между тем причина провала была фундаментальной: несоответствие социально-инженерного проекта социально-культурным характеристикам человека. Тот тип колхоза, в который пытались втиснуть крестьян, был несовместим с их представлениями о хорошей и даже приемлемой жизни. Не имея возможности и желания сопротивляться активно, основная масса крестьян ответила пассивным сопротивлением: уходом из села, сокращением пахоты, убоем скота. В ряде мест были и вооруженные восстания (с января до середины марта 1930 г. на территории СССР без Украины было зарегистрировано 1678 восстаний), росло число убийств в конфликтах между сторонниками и противниками колхозов.

Историки коллективизации до последнего времени не ответили на самый естественный и простой вопрос: *откуда и как* в Комиссии Политбюро по вопросам коллективизации, а потом в Наркомземе СССР появилась модель колхоза, положенная в основу государственной политики? Насколько известно из воспоминаний В.М.Молотова, сам И.В.Сталин, посетив вместе с ним несколько возникших еще ранее колхозов, был воодушевлен увиденным. Но в тех «старых» колхозах не обобществлялся домашний скот, а каждой семье был оставлен большой приусадебный участок.

Из зарубежных источников следует такая история программы. Опыт разных типов сельскохозяйственных кооперативов, которые возникали во многих странах начиная с конца XIX века, в 20-е годы был обобщен в нескольких крупных трудах (прежде всего, изданных в Германии). Самым удачным проектом (некоторые авторы называют его «гениальным») оказался *киббуц* — модель кооператива, разработанная в начале века во Всемирной сионистской организации. Эта разработка была начата учеными-аграрниками в Германии, затем продолжена сионистами (трудовиками и социалистами) в России. Главным

идеологом проекта был ученый из Германии видный сионист А.Руппин, руководивший затем всей программой создания киббуцев в Палестине, для которых закупались участки земли. Он описал эту программу в книге, вышедшей в Лондоне в 1926 г.

Проект был разработан для колонистов-горожан и вполне соответствовал их культурным стереотипам. Они и не собирались ни создавать крестьянское подворье, ни заводить скота. Обобществление в киббуцах было доведено до высшей степени, никакой собственности не допускалось, даже обедать дома членам кооператива было запрещено. Строительство киббуцев сильно расширилось после Первой мировой войны. Они показали себя как очень эффективный производственный уклад (и остаются таковым вплоть до нынешнего времени). Видимо, руководство и Наркомзема, и Аграрного института было под большим впечатлением от экономических показателей этого типа кооперативов и без особых сомнений использовало готовую модель. Вопрос о ее соответствии культурным особенностям русской деревни и не вставал. После того, что мы наблюдали в ходе экономической реформы в России в 90-е годы, эта самонадеянность А.Я.Яковлева и Л.Н.Крицмана не удивляет.

Уже в марте—апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд важных решений, чтобы выправить дело, но инерция запущенной машины была очень велика, а созданный в селе конфликт разгорался. Начатое зимой «раскулачивание» было продолжено. Лишь весной 1932 г. местным властям было запрещено обобществлять скот и даже было предписано помочь колхозникам в обзаведении скотом. С 1932 г. уже не проводилось и широких кампаний по раскулачиванию. К осени 1932 г. в колхозах состояло 62,4% крестьянских хозяйств, и было объявлено, что сплошная коллективизация в основном завершена.

Новый устав артели гарантировал существование личного подворья колхозника. Вступили в действие крупные тракторные заводы, начала быстро создаваться сеть МТС, которая в 1937 г. обслуживала уже 90% колхозов. Переход к крупному и в существенной мере уже механизированному сельскому хозяйству произошел, производство и производительность труда стали быстро расти. Советское крестьянство «переварило» чуждую модель и приспособило колхозы к местным культурным типам (приспосабливаясь и само). Экзаменом для колхозного строя стала война*.

*Надо отметить, что к январю 1941 г. СССР смог создать государственный запас в 6,162 млн. т зерна и муки.

Для оценки крупного социального института полезно сравнить *кризис становления* и *кризис ликвидации*. Для колхозно-совхозного строя история дала нам это сравнение как чистый эксперимент. Кризис коллективизации привел к снижению производства зерна в 1931, 1932 и 1934 гг. по сравнению с 1929 г. на 3%. Засуха 1933 г. была *стихийным бедствием*, а затем производство стало расти и через пять лет коллективизации превысило уровень 1929 г. на 36%. Войдя после войны в стабильный режим, колхозы и совхозы довели производство зерна в 1986—1987 гг. до 210—211 млн. т, то есть увеличили его более чем в 3 раза (а молока, яиц, технических культур — в 8—10 раз). Каков же был кризис ликвидации?

Колхозный строй ликвидировали в 1991—1992 гг. С тех пор в течение 9 лет производство всех видов продукции стабильно снижается и упало вдвое. А главное — в отличие от 30-х годов нет никаких признаков оживления. Подорвана база производства. На рис. 3 видна динамика поголовья крупного рогатого скота в России (РСФСР, а затем РФ). В 1997 г. впервые в России в XX веке количество коров на 10 человек упало ниже 1. Другим историческим провалом было снижение поголовья коров после массового забоя скота в 1933 г. (1,3 головы на 10 чело-

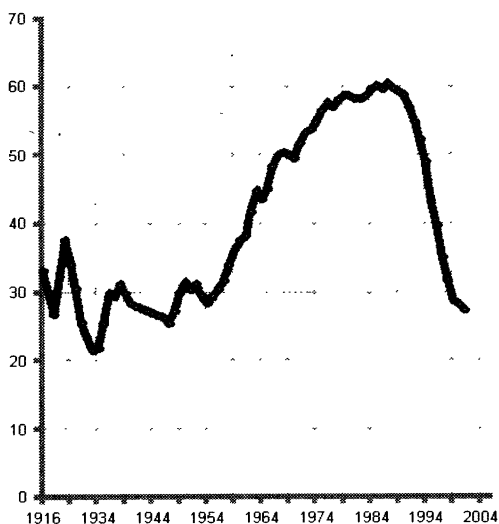

Рис 3. Численность крупного рогатого скота в РСФСР и РФ (млн. голов)

век). Количество овец и коз во время коллективизации ниже всего упало в 1935 г. — до 2,6 головы на 10 человек, в годы «застоя» держалось на уровне 4,9, а в конце 1997 г. составило 1,3.

Если бы сегодня страна не имела созданной ранее нефтяной и газовой промышленности, в России наступил бы всеобщий и смертельный голод, поскольку половина продовольствия поступает по импорту за нефть и газ.

Раскулачивание и репрессии. Раскулачивание («ликвидация кулачества как класса») представляло собой огромную по масштабам внесудебную репрессию против крупной социальной группы. Это крупный проект социальной инженерии, которые часто ведут к массовым страданиям. Подлежащие раскулачиванию крестьяне делились на три группы: те, кто оказал активное сопротивление коллективизации и подлежал суду (они составили около 10% глав семей); наиболее богатые кулаки, которые подлежали переселению в другие области; те, кто выселялся в другое село или деревню той же местности с наделением земель. Создать условия для третьей группы оказалось очень сложно, и на практике большинство вливалось во вторую группу.

Списки подлежащих раскулачиванию по группам составлялись местными властями, принимались сельскими сходами и утверждались районными властями. Судьбу людей решали «тройки» в составе первых секретарей райкома партии, председателя райисполкома и начальника районного управления ОГПУ.

Почти вся масса репрессированных была выселена в 1930—1931 гг. На спецпоселения прибыли 388 тыс. семей (1,8 млн. человек). Это максимальные из достоверных данных, проверенных через перекрестный анализ независимых учетных документов. Официальные цифры — 366,5 тыс. семей, или 1,68 млн. человек. Масса направленных на спецпоселения составляла около 1,5% крестьянских семей или около половины тех, кого относили к категории кулаков*. На деле в созданном на селе хаосе под репрессии попадала и часть середняков, то есть число пострадавших «настоящих» кулаков составляло существенно менее половины этой социальной группы. Около 250 тыс. се-

*По данным Наркомфина СССР, в 1929/30 г. в стране было 708,1 тыс. кулацких хозяйств. Из них около 200—250 тыс. «самораскулачились» и около 400 тыс. были ликвидированы в ходе коллективизации. См.: Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (1930—1932 гг.). — История СССР, 1990, № 6.

мей кулаков успели «самораскулачиться» — продать или раздать родным имущество и уехать в город.

Я оставляю в стороне тот важный, но малоизученный факт, что во многих местах раскулачивание вели именно кулаки, занимавшие важные позиции в местной власти. Коллективизация означала временное создание на селе обстановки революционного хаоса. В эти моменты возникает «молекулярная» гражданская война — сведение всяческих личных и политических счетов. Такой обстановкой наиболее эффективно пользуется самая сильная и организованная часть. Так, например, был «раскулачен» мой дед, бывший казаком-бедняком, все семеро сыновей и дочерей которого были коммунистами. Старшие из них были в 1918 г. организаторами подпольной партийной и комсомольской ячейки в станице. Таким образом, момент коллективизации стал маленьким рецидивом, вспышкой тлевших в станице угольков гражданской войны.

20 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о прекращении массового выселения кулаков, оставив возможность лишь «выселения в индивидуальном порядке». 25 июня 1932 г. ЦИК СССР принял специальное постановление «О революционной законности» — о прекращении репрессий по «инициативе снизу». ЦК ВКП(б) разослал Инструкцию («Всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры»). В ней объяснялось, что массовые репрессии не нужны, что они затрагивают многих крестьян и помимо кулаков. В частности, говорилось:

«Правда, из ряда областей все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессии.

В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей. В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правления колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все кому только не лень, и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания... Эти товарищи цепляются за отжившие

формы работы, уже не соответствующие новой обстановке и создающие угрозу ослабления Советской власти в деревне» (цит. по: Курицын В.М. История государства и права России. 1929—1940. М.: Международные отношения, 1998).

Главными районами расселения были Казахстан, Урал и Новосибирская область. В 1937 г. в народном хозяйстве было занято около 350 тыс. трудпоселенцев, в основном в сельском хозяйстве и лесной промышленности, а также в угольной, золотодобывающей и тяжелой промышленности. В первые годы среди переселенных была очень высока смертность (в 1932 г. — 6,8%, в 1933 г. — 13,3%, в 1934 г. — 3,7%), затем она стала снижаться, а в 1935 г. рождаемость превысила смертность. Во время войны около 100 тыс. человек, не бывших во время выселения главами семьи, были призваны в армию, а их семьи сняты с учета как спецпоселенцы. На 1 января 1949 г. в спецпоселениях оставалось 130 тыс. человек из бывших кулаков.

Государственное строительство и Конституция СССР 1936 г.

С ликвидацией многоукладной экономики в стране была ликвидирована эксплуатация человека человеком. Изменился классовый состав населения. Значительно вырос рабочий класс, новым, существенно иным классом стало колхозное крестьянство. Возникла большая по численности интеллигенция, почти на 90% состоявшая из выходцев из рабочих и крестьян. По объему промышленной продукции СССР вышел на 2-е место в мире после США. По структуре промышленного производства СССР вышел на уровень развитых стран мира.

В годы перестройки об общественном строе СССР говорилось, что он ничего общего не имел с научным социализмом, что это был «феодальный» социализм, «казарменный», «бюрократический» и т.д. Это типичная схоластика. Продуктивнее не пытаться подобрать ярлык из небогатого набора идеологических терминов, а представить себе то жизнеустройство, которое реально сложилось в СССР, в осязаемых, четко определяемых понятиях.

В 1936 г. была принята новая Конституция СССР, завершившая большой этап государственного строительства. Главным при выработке проекта было привести Конституцию в соответствие с новой социально-экономической реальностью и перейти к принципу равных политических прав всем гражданам.

Осенью 1935 г. ЦИК СССР создал Конституционную комиссию под председательством И.В. Сталина и 12 подкомиссий.

12 июня 1936 г. проект Конституции был опубликован и обсуждался в течение полугода на всех уровнях — от собраний трудящихся на предприятиях до республиканских съездов Советов. В обсуждении участвовало более половины взрослого населения, комиссия получила 154 тысячи предложений, поправок, дополнений.

25 ноября 1936 г. Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР начал обсуждение. Редакционная комиссия приняла 47 поправок и дополнений более чем к 30 статьям. Важные дополнения касались Совета Национальностей (прямые выборы, равное число депутатов с Советом Союза). 5 декабря 1936 г. постатейным голосованием, а затем в целом единогласно проект Конституции СССР был утвержден.

Конституция преобразовала Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Советы депутатов трудящихся и отменила ограничения избирательного права для лиц, которые в прошлом эксплуатировали чужой труд. Конституция СССР 1936 г. не содержала программных положений. Глава I утверждала существование в СССР двух дружественных классов: рабочих и крестьян. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, а экономическую основу — социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства. Конституция предусматривала две формы социалистической собственности — государственную (всенародное достояние) и колхозно-кооперативную. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, МТС и т.п.), а также коммунальные предприятия и основной жилой фонд в городах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием. Собственность колхозов и кооперативных организаций составляют общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, общественные постройки. Земля закреплялась за колхозами в бесплатное и бессрочное пользование, то есть навечно.

Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, имеет в личном пользовании приусадебный участок земли и в личной собственности — подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, про-

дуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь. Конституция допускала мелкое частное хозяйство одиноличных крестьян и кустарей, исключаящее эксплуатацию чужого труда.

Конституция гарантировала правовую охрану личной собственности граждан СССР, приобретенной на трудовые доходы и сбережения, жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, личного потребления, а также право наследования личной собственности. Конституция утвердила положение о том, что хозяйственная жизнь страны регулируется государственным народнохозяйственным планом. Конституция закрепила принцип труда и распределения: «от каждого — по способности, каждому — по труду». В идеологических дебатах последнего десятилетия основной упор делался на распределении («каждому — по труду»). Между тем первая часть единого принципа имеет более фундаментальный характер. Конституционный принцип «от каждого — по способности» означает обязательство государства организовать хозяйство таким образом, чтобы всем трудоспособным было обеспечено рабочее место. Очевидно, что это несовместимо с принципами рынка рабочей силы. Безработица в СССР официально была ликвидирована в начале 30-х годов, реально — к моменту выработки Конституции.

В главе II Конституции «Государственное устройство» закрепились принципы федерализма, добровольность объединения равноправных союзных республик, разграничивалась компетенция Союза и союзных республик. Каждая союзная республика имела свою конституцию, находившуюся в соответствии с Конституцией СССР. За каждой республикой сохранялось право свободного выхода из СССР, территория союзных республик не могла быть изменена без их согласия. Конституция закрепила приоритет союзных законов над законами союзных республик. Устанавливалось единое союзное гражданство, каждый гражданин союзной республики являлся гражданином СССР.

В главах III—VIII рассмотрена система органов власти и управления. Утвержден принцип верховенства представительных органов государственной власти, которые образуют подотчетные и подконтрольные им органы управления. Высшим органом власти в СССР являлся Верховный Совет СССР, исключительно он осуществлял законодательную власть. Законы считались принятыми, если получали в обеих палатах простое большинство голосов. Совет Союза избирался по норме — 1 депутат на

300 тыс. населения. В Совет Национальностей избиралось от каждой союзной республики по 25 депутатов, от автономной республики по 11, от автономной области — по 5 и от национального округа — по 1 депутату. Конституция установила сессионный порядок работы Верховного Совета СССР (две сессии в год, не считая внеочередных).

Высшим органом власти в период между сессиями ВС СССР являлся подотчетный ему Президиум, избиравшийся на совместном заседании обеих палат. Правительство СССР (Совнарком), образуемое ВС СССР, было высшим исполнительным и распорядительным органом. В нем было 8 общесоюзных наркоматов: обороны, иностранных дел, внешней торговли, путей сообщения, связи, водного транспорта, тяжелой и оборонной промышленности, и 10 союзно-республиканских наркоматов: пищевой, легкой, лесной промышленности, земледелия, зерновых и животноводческих совхозов, финансов, внутренних дел, внутренней торговли, юстиции и здравоохранения.

Аналогично высшим органам власти и управления СССР строилась система высших органов власти и управления союзных и автономных республик. Местными органами государственной власти являлись Советы депутатов трудящихся, избиравшиеся сроком на 2 года. Исполнительными и распорядительными органами Советов были избираемые ими исполкомы. Они были подотчетны как избравшему их Совету, так и исполнительному органу вышестоящего Совета.

В главе IX Конституции «Суд и прокуратура» было определено, что правосудие в СССР осуществляется Верховным судом СССР, Верховными судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

Народные суды избирались гражданами района сроком на 3 года. Все остальные звенья судебной системы избирались соответствующими Советами сроком на 5 лет. Конституция закрепила важные принципы: независимость судей и подчинение их только закону, рассмотрение дел во всех судах с участием народных заседателей (кроме случаев, специально предусмотренных законом), открытое разбирательство дел (поскольку законом не предусмотрены исключения), обеспечение права обвиняемому на защиту, ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с

обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также право выступать на суде на родном языке. Высший надзор за исполнением законов наркоматами и учреждениями, должностными лицами и гражданами Конституция возлагала на Прокуратуру. Органы Прокуратуры были независимы от любых местных органов и подчинялись только Прокурору СССР. На практике в тот период из-под контроля органов Прокуратуры были фактически выведены органы НКВД.

В главе X закреплялись основные права и свободы граждан СССР: право на труд; на отдых; на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности; право на образование; равноправие граждан СССР независимо от пола, национальности и расы. Конституция исходила из равноправия наций и рас, прямое или косвенное ограничение прав или установление преимуществ граждан в зависимости от расовой или национальной принадлежности, всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения карались законом. Были определены социально-экономические условия, которые служили гарантией осуществления главных прав трудящихся.

Глава XI Конституции была посвящена избирательной системе СССР. Впервые был утвержден принцип «один человек — один голос» (не участвовали в выборах умалишенные и лица, осужденные с лишением избирательных прав). Изменения Конституции СССР могли быть произведены лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее 2/3 голосов в каждой из палат.

В Конституции СССР 1936 г. закреплялась руководящая роль ВКП(б) («руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»).

Для своего времени Конституция СССР 1936 г. была самой демократической конституцией в мире. Насколько ее положения были реализованы в политической практике — другой вопрос. Конституции всегда в той или иной мере служат декларируемым идеалом, ориентиром, и принятие именно тех, а не иных деклараций, конечно, важно. Это видно хотя бы из того; какие изощренные усилия предпринимались в 1991 г., чтобы незаметно изъять из Конституции СССР положение об общенародной собственности на промышленные предприятия. Когда депутаты — противники проекта Закона о приватизации с

изумлением убедились, что это положение из текста Конституции исчезло, они были полностью обезоружены.

В целом политическое развитие СССР после чрезвычайного периода войны и восстановления соответствовало ориентирам, заданным Конституцией 1936 г., — в рамках именно того типа общества, каким был СССР. Изменить традиционное по своему типу общество на гражданское — вопрос не конституций и законов, а глубоких социальных и культурных революций. От политической культуры зависит и использование прав, утвержденных конституцией. Многие права декларируются, но принимаются как «нецелесообразные» (к такой категории, например, относилось в СССР право республик на отделение). Нарушение права на бесплатное медицинское обслуживание, конечно, вызвало бы в СССР тех лет возмущение и немедленные санкции, а попытка воспользоваться «свободой слова» для антисоветской пропаганды — общее изумление.

Видимо, самое принципиальное сомнение в правильности сделанного при разработке Конституции выбора связано с продолжением линии на *нацестроительство* — огосударствление наций и народов. При составлении первой Конституции СССР в дискуссии о национально-государственном устройстве, как уже говорилось, победила точка зрения В.И.Ленина. Видимо, тогда это было вынужденной необходимостью, условием прекращения Гражданской войны и объединения в Союз. В принципе же В.И.Ленин не считал огосударствление народов лучшим выбором, и к 1936 г. формула могла быть уже изменена. Однако и дискуссий по этому вопросу не велось. По какой причине — точно сказать нельзя. Вероятно, центральная власть и сплоченность Союза уже считались навсегда гарантированными. Сказывалась и общая теоретическая неразработанность проблемы нации, народа, этноса.

Сейчас знания в этой области вышли на качественно более высокий уровень, верно оценивается роль государства в этногенезе, тем более роль такого документа, как конституция. Она может приглушить, а может и возбудить искусственное формирование наций и «национального сознания» (иногда говорят: «национализм порождает нацию»). Конституция 1936 г. этот процесс возбуждала и закладывала в него тяжелые будущие противоречия. Сами примененные в ней принципы выделения наций (народы численностью не менее 1 млн. человек, проживающие по периметру СССР) были сугубо схоластическими. Они не только не помогали решать практические задачи госу-

дарственного строительства, но и закладывали под все здание государства множество мин замедленного действия. Но эти мины должны были взорваться лишь в сравнительно отдаленном будущем.

Государственный аппарат. За 30-е годы в основном сложилась та система государственных органов и учреждений, которая просуществовала до 1989 г. — вплоть до системы должностей и ученых степеней.

Конституция СССР 1936 г. отменила все ограничения избирательного права, установила равные нормы представительства от сельского и городского населения. Выборы Верховного Совета СССР состоялись 12 декабря 1937 г. В них участвовали 96,8% избирателей, из них почти 99% отдали голоса «за кандидатов блока коммунистов и беспартийных». Ясно, что это были выборы *плебисцитарного* типа — избиратели, по сути, должны были сказать «да» или «нет», одобрить или не одобрить политику государства, а не выбрать из нескольких кандидатов то или иное лицо.

Всего в Верховный Совет СССР были избраны 1143 депутата. Рабочих среди депутатов было 460 (42%), крестьян — 337 (29,5%), из служащих и интеллигенции — 326 (28,5%). Было представлено более 50 народностей Советского Союза. Это был представительный орган типично *соборного*, а не парламентского типа. В декабре 1939 г. прошли выборы в местные Советы депутатов трудящихся. В выборах участвовали свыше 99% избирателей, всего в местные Советы депутатов трудящихся были избраны 1,3 млн. человек.

С форсированием индустриализации резко возросла роль *планирования*. План превращался из прогноза в план-директиву. Изменился статус Госплана, в 1931 г. он был наделен правами наркомата. Во втором пятилетнем плане (1933—1937 гг.) были учтены просчеты и ошибки первой пятилетки, и в 1937 г. СССР стал второй экономической державой мира. Темпы роста за две пятилетки не имели прецедента в мировой практике. Крупная промышленность была выведена из-под контроля республик и перешла под управление союзных органов — формировался единый общесоюзный народнохозяйственный комплекс. Система упрощалась: сокращались число трестов и их функции, укреплялись прямые связи наркоматов с предприятиями. Разукрупнялись наркоматы, росло их число. ВСНХ СССР был преобразован в общесоюзный Наркомат тяжелой промышлен-

ности (из ВСНХ были выделены наркоматы легкой и лесной промышленности).

Наркомат труда СССР был слит с ВЦСПС, что повысило роль профсоюзов. Им передавались все средства и кадры органов труда и социального страхования, санатории, дома отдыха, научные институты и другие учреждения Наркомата труда. ВЦСПС осуществлял общее руководство социальным страхованием, представлял на утверждение СНК СССР сводный бюджет социального страхования и тарифы страховых взносов. При ЦК профсоюзов и их местных органах создавались отраслевые инспекции труда с правом наложения штрафов за нарушение законодательства о труде. ВЦСПС давал СНК СССР заключения на вносимые Госпланом планы по труду (численность работников, фонды заработной платы, производительность труда).

В 1930—1931 гг. была проведена кредитная реформа, которая повысила роль Госбанка как кредитного, расчетного, кассового и эмиссионного центра страны. Главный смысл был в концентрации собираемых с огромным трудом финансовых средств, в предотвращении их распыления и «проедания».

Сильно изменились контрольные органы, сократилась их автономия и ослаблен партийный характер. В 1940 г. был создан Наркомат госконтроля СССР, отменялось привлечение трудящихся к контролю, его осуществляли штатные контролеры-ревизоры. Произошло «огосударствление» контроля.

Вооруженные силы. Территориально-милиционная система 20-х годов уже не отвечала новым условиям и была ликвидирована, к 1939 г. вооруженные силы стали *кадровыми*. К концу 20-х годов по техническому оснащению армия совершенно не соответствовала времени. Достаточно сказать, что в 1928 г. в Красной Армии было 92 танка и 300 тракторов-тягачей; боевых самолетов почти не было. Для сравнения: ВВС Франции имели в тот момент 6 тыс. самолетов.

В 30-е годы создавалась новая, насыщенная техникой и современными кадрами, соответственно организованная армия. Началось создание сильного флота. Основой для этого стала форсированная индустриализация и развитие образования. К 1939 г. в СССР было 14 академий и 6 военных факультетов при гражданских вузах, в которых высшее военное образование получали 20 тыс. слушателей. Число военных училищ достигло 107, в 1936 г. была открыта Академия Генерального штаба.

Расширилась система военкоматов, стал улучшаться учет и призыв в армию. В 1939 г. был принят новый закон «О всеобщей воинской обязанности», по которому защита СССР с оружием в руках стала правом и обязанностью не только трудящихся, а всех мужчин без различия национальности, вероисповедания, образования, социального происхождения и положения. С января 1939 г. был введен новый текст присяги, теперь она принималась не коллективно, а индивидуально, с собственноручной подписью военнотружашего.

Правоохранительные органы. В течение 1938—1939 гг. была перестроена вся судебная система СССР. Она соответствовала административному делению страны: народный суд (в районах) рассматривал большую часть уголовных и гражданских дел; областной, краевой, окружной суд, суд автономной области и Верховный суд автономной республики рассматривали уголовные и гражданские дела, отнесенные к их подсудности, а также кассационные жалобы и протесты на приговоры и решения народных судов. Верховный суд союзной республики рассматривал особо важные дела, мог принять к производству любое дело любого суда на территории республики, рассматривал кассационные жалобы и протесты на приговоры и решения областных судов, мог пересматривать дела в порядке надзора.

Общесоюзными являлись Верховный суд СССР и подчиненные ему специальные суды. На него возлагался надзор за всеми судебными органами СССР и союзных республик. Он имел право отменить приговор или решение любого суда и давать разъяснения по вопросам судебной практики. Специальными судами в рассматриваемый период являлись военные трибуналы, линейные суды железнодорожного и водного транспорта. Они действовали на тех же принципах, что и все другие суды СССР.

В 1934 г. был образован общесоюзный Наркомат внутренних дел, в него было включено ОГПУ и входящее в него Главное управление милиции (финансирование милиции уже в 1932 г. было переведено с местного бюджета на союзный). ОГПУ было преобразовано в Главное управление госбезопасности, которое быстро расширялось (в нем было в 3,5 раза больше сотрудников, чем в милиции). На него были возложены функции внешней разведки, контрразведки и госбезопасности, а также руководство особыми отделами в армии. В 1935 г. в НКВД был об-

разован новый вид мест заключения для особо опасных преступников — *тюрьмы*.

Функции и структура милиции расширялись, в них входили паспортный режим и ОВИР, «детские комнаты» и ОБХСС, военный учет и МПВО. Рос и численный состав милиции: 87 тыс. сотрудников в 1931 г., 177 тыс. — в 1932 г., 227 тыс. — в 1941 г. По нынешним меркам — очень немного.

На НКВД возлагалось обеспечение порядка и госбезопасности, охрана общественной собственности, запись актов гражданского состояния, пограничная охрана. В ведении НКВД были управление шоссейными и грунтовыми дорогами, картография, управление мер и весов, переселенческое и архивное дело. С созданием ГУЛАГа НКВД стал распорядителем трудовой армии из заключенных колоний и лагерей и из «спецпоселенцев» (до 30-х годов места заключения были в ведении республиканских НКВД). НКВД СССР превратился в крупное хозяйственное и строительное ведомство. Он также отправлял заключенных на стройки и предприятия других ведомств. С 1938 г. в системе НКВД создаются даже закрытые НИИ и КБ, в которых работают заключенные ученые и конструкторы. Но все же утверждать, как это делают некоторые «историки» и публицисты, будто индустриализация в СССР была проведена трудом заключенных, нелепо. Например, в момент наибольшего своего размаха, в 1937 г., НКВД осваивал 6% всех средств на капитальное строительство.

В первой половине 30-х годов свертывались структуры НКВД, выполнявшие судебные функции, в 1932 г. «тройкам» ОГПУ было запрещено приговаривать к высшей мере. В 1934 г. Судебная коллегия ОГПУ была упразднена, и все дела по окончании следствия должны были направляться в суд. Однако при наркоме внутренних дел СССР создавалось Особое совещание, которому предоставлялось право применять в административном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылку за пределы Союза ССР. Таким образом, этот административный орган наделялся судебными полномочиями, однако более ограниченными, чем ранее Судебная коллегия. В состав ОСО был введен Прокурор СССР или его заместитель. Примечательно, что Положение об Особом совещании при НКВД СССР почти дословно повторяет Положение об Особом совещании при МВД Российской империи 1881 г. Осенью 1937 г. полномочия ОСО

были расширены, оно могло приговаривать к расстрелу, а также проводить разбирательство дел списками.

Чрезмерное расширение функций и структуры НКВД делало его трудноуправляемым. В феврале 1941 г. он был разделен на два наркомата: НКВД СССР и Наркомат госбезопасности СССР.

Право. В 30-е годы право было инструментом и в такой же мере продуктом сплочения советского общества в тоталитарное. Три взаимосвязанных процесса определяли образ государства и права в тот период: коллективизация, индустриализация, подготовка к большой войне. Сопутствующим явлением, круто менявшим весь уклад жизни больших масс населения, была урбанизация — быстрый рост городов.

В целом государство выполняло необычную по масштабам мобилизационную программу. С начала 30-х годов всем было очевидно, что против СССР будет развязана крупнейшая война. СССР стал, как это бывало и в прошлом в России, «страной окопного быта». Название «казарменный социализм» недалеко от истины. В целом мобилизационный проект был принят подавляющим большинством народа.

Только в контексте этой реальности могут быть верно поняты правовые нормы того времени. Понятия прав человека и гуманности в окопах и в казарме имеют совсем иное содержание, чем в мирном и благополучном доме. В 30-е годы изменения в праве были направлены на укрепление всех систем жизнеустройства в таком их виде, который обеспечивал быструю мобилизацию ресурсов для вывода страны на необходимый уровень обороноспособности.

В это время было явно отвергнуто положение марксизма об *отмирании* права — просто советское право было определено как особый исторический тип, который не только не отмирал, но и должен был укрепляться. Конституция 1936 г. определила источник права — *закон*, принимать который мог только Верховный Совет. Все остальные акты были подзаконными (на деле такие новые источники права, как постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), приобретали силу закона). Однако сам закон был представлен как орудие государства, то есть государство как бы не было связано правом — оно было самодержавным. При такой трактовке любая жестокость и произвол государства выглядели правовыми.

В ряде областей права вводимые нормы были близки к чрезвычайным. Они ограничивали важные свободы граждан и в не-

котором смысле возрождали нормы крепостного права («модернизация через варварство»). Такими нормами было введение паспортов с пропиской и трудовых книжек (отмененных в 1923 г.), запреты на перемену места работы, обязательные нормы труда в колхозах, создание трудовых резервов. По сути, этому же служило ужесточенное уголовное право, через которое создавались большие контингенты работников, направляемых на самые трудные участки.

Гражданское и семейное право. Главной была задача укрепления и защиты социалистической собственности, создания условий для хорошей работы народного хозяйства. Новым был упор на *договорные* отношения. Были, например, введены письменные договоры поставки (товаров, услуг), была усилена ответственность за неисполнение договора. Направляющая роль народнохозяйственного плана была закреплена в Конституции 1936 г. Развивалась и практика поставки некоторых видов продукции без заключения договоров — по нарядам, выданным на основании плана, то есть усиливались административные формы в ущерб гражданско-правовым. Критической стала проблема качества продукции. В 1939 г. вышла инструкция Госарбитража о «претензиях при поставке товаров ненадлежащего качества», установившая высокие штрафы.

Размах капитального строительства поднял роль договора подряда. С февраля 1936 г. формировались постоянно действующие строительные организации: тресты и стройконторы, подряды с частными лицами были запрещены.

Нормы семейного права в данный период были направлены на укрепление семьи, защиту интересов детей и здоровья матери. Нигилизм первых лет революции в отношении института семьи изживался и из права, и из общественного сознания. Но это не было реставрацией архаических принципов — подчеркивалось закрепленное в Конституции СССР 1936 г. равноправие женщины и мужчины.

Важное значение в то время приобрел институт патроната: дети-сироты, а также дети, изъятые по постановлению суда от родителей, могли передаваться в семьи трудящихся на воспитание. Это оформлялось договором, заключенным органами здравоохранения или народного образования либо сельсоветами с лицами, берущими детей на воспитание.

27 июня 1936 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной по-

мощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Оно было подкреплено крупными бюджетными ассигнованиями. Срочные меры по укреплению семьи потребовались из-за снижения рождаемости при переходе к городскому образу жизни. Кроме того, выявились размеры демографической катастрофы, вызванной голодом 1933 г.

Брак расторгался при вызове супругов в загс, где принимались меры к примирению супругов. При разводе в паспортах делалась отметка. Повышалась оплата развода (каждый последующий — вдвое дороже). Заявление о взыскании алиментов теперь мог подать не только один из родителей (многие женщины этого стыдились), но и прокурор, профсоюз, органы загса, органы охраны материнства и детства. Устанавливались размеры алиментов: 1/4 заработка — на одного ребенка, 1/3 — на двух, 1/2 — на трех и более детей. Неплатеж алиментов влек лишение свободы на срок до двух лет.

Трудовое право. Конституция 1936 г. гарантировала право на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, закрепив и обязанность трудиться.

С октября 1930 г. в связи с ликвидацией безработицы прекращалась выплата пособий по безработице. 23 июня 1931 г. был принят закон, поощряющий основные кадры рабочих — членов профсоюза, длительно работающих на одном предприятии. Трудовое право тех лет усиливало поощрение добросовестных работников (особенно проявивших трудовую доблесть) — и ужесточало нажим на лодырей, прогульщиков и разгильдяев. Так, были введены разные нормы страхового обеспечения по болезни в зависимости от стажа работы на данном предприятии. В 1932—1934 гг. были приняты более суровые дисциплинарные уставы железнодорожного и водного транспорта, связи, гражданского воздушного флота и т.д. Постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г. вводились единые трудовые книжки.

В 1940 г. была повышена обязательная мера труда. Был установлен 8-часовой рабочий день, за исключением профессий с вредными условиями труда (был утвержден список таких профессий, для которых сохранялся 6- или даже 4-часовой рабо-

чий день). Предприятия и учреждения были переведены с пятидневной на шестидневную рабочую неделю.

В условиях нарастания военной опасности 26 июля 1940 г. были запрещены самовольное увольнение рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Администрация была обязана передавать дела о прогулах и самовольном оставлении работы в суд. С октября 1940 г. наркомам СССР было предоставлено право переводить ИТР и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие независимо от их территориального расположения.

После завершения коллективизации прекратился стихийный приток рабочей силы в город. Предприятия стали испытывать острый недостаток в кадрах. Так, в 1937 г. промышленность, строительство и транспорт недополучили свыше 1,2 млн. рабочих, в 1938 г. — 1,3 млн. и в 1939 г. — более 1,5 млн. рабочих. 2 октября 1940 г. был принят указ «О государственных трудовых резервах» — о плановой подготовке кадров в ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО. Государственные трудовые резервы находились в распоряжении правительства СССР и не могли использоваться ведомствами без его разрешения.

Колхозное и земельное право решали задачи введения коллективизации в разумные рамки, укрепления колхозов и их правового статуса. Первый этап коллективизации на основе «Примерного устава сельскохозяйственной артели» (он был разработан Колхозцентром, одобрен Наркоматом земледелия СССР и утвержден СНК и ЦИК СССР 1 марта 1930 г.) привел, как было сказано, к тяжелейшим последствиям. Исправление их шло в рабочем порядке. Исходя из накопленного опыта, в 1935 г. II Всесоюзный съезд колхозников-ударников обсудил и принял новый «Примерный устав». На его основе колхозы должны были выработать, обсудить и утвердить на общем собрании в присутствии не менее 2/3 членов артели свой устав.

Примерный устав 1935 г. в разделе «О земле» отмечал, что земля — общенародная государственная собственность, закрепляется за артелью в бессрочное пользование и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче в аренду. Размеры приусадебного участка устанавливались наркомземами союзных республик. Они колебались от 1/4 до 1/2 га, кое-где доходя до 1 га.

Раздел «О средствах производства» определял, что подлежит обобществлению при вступлении в колхоз, а что остается в личном пользовании колхозного двора (включая скот). Раздел

«О членстве» устанавливал, что в члены артели не принимались кулаки и лица, лишённые избирательных прав, — за исключением бывших кулаков, которые в течение трех лет честной работой доказали свою лояльность. Исключение из артели могло быть произведено только по решению общего собрания, на котором присутствовало не меньше 2/3 числа членов артели. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1938 г. запретило проведение «чисток» колхозов под каким бы то ни было предлогом.

Устав определял порядок распределения доходов колхоза. Из произведенных артелью продуктов она была обязана выполнить обязательства перед государством по поставкам и возврату семенных ссуд, расплатиться с МТС, засыпать семена для посева и страхования от неурожая и бескормицы, создать неприкосновенный семенной и кормовой фонды, а по решению общего собрания — фонды помощи инвалидам, старикам, временно нетрудоспособным, нуждающимся семьям красноармейцев, на содержание детских яслей и сирот. Остальную часть продуктов артель распределяла между своими членами по трудодням.

Раздел «Организация, оплата и дисциплина труда» устанавливал, что все работы в колхозе производятся личным трудом его членов. По найму могли привлекаться только лица, обладавшие специальными знаниями (агрономы, инженеры и т.д.). Оплата была сдельной — правление разрабатывало, а общее собрание утверждало нормы выработки по всем работам и расценки в трудоднях.

Конституция СССР 1936 г. закрепила объекты колхозно-кооперативной собственности, правовое положение колхозного двора. Эти нормы время от времени подкреплялись. Так, 28 мая 1939 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Оно обязывало произвести до 15 августа 1939 г. обмер всех приусадебных участков и изъять все излишки, присоединив их к землям колхозов. Обмер показал, что от колхозов было незаконно отторгнуто 2,5 млн. га земли. К февралю 1940 г. 1,7 млн. га были возвращены колхозам. Постановление также установило начиная с 1939 г. обязательный минимум трудодней в году (от 60 до 100, в зависимости от местных условий) для каждого трудоспособного колхозника. С 1941 г. велись попытки преодолеть «уравниловку» в оплате труда колхозников введением дополнительных вознаграждений за перевыполнение плана по урожайности или продуктивности.

Уголовное право. Конституция СССР 1936 г. и закон о судостроительстве 1938 г. демократизировали уголовный процесс, утвердив гласность судопроизводства, независимость судей и подчинение их только закону, обеспечение обвиняемому права на защиту, участие в составе суда народных заседателей, ведение судопроизводства на языке союзной, автономной республики или автономной области и т.д. В уголовном законодательстве все большее значение приобретали общесоюзные нормы. В то же время характерным было ужесточение мер наказания. По нынешним представлениям, суровость предусмотренного наказания часто не соответствовала опасности преступления. Но в те времена исходили не из оценок, сделанных из нашего «прекрасного далека».

В феврале 1931 г. была установлена уголовная ответственность за порчу или поломку принадлежавших колхозам, совхозам и МТС тракторов и сельхозмашин. Если порча была вызвана халатным отношением, наказанием были принудительные работы на срок до шести месяцев. За те же неоднократные или повлекшие крупный ущерб действия — лишение свободы на срок до трех лет.

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Оно возвело расхитителей в ранг врагов народа, приравнивало хищения к государственным преступлениям, предполагало суровые репрессии и ограниченный выбор у суда мер наказания. Постановление не содержало градаций размеров похищенного, и его проведение в жизнь сопровождалось произволом (лишь с сентября 1937 г. перекосы стали выправляться).

В 1934 г. в уголовном праве появилась статья об измене Родине (действия, совершенные гражданами СССР в ущерб его военной мощи, государственной независимости или неприкосновенности его территории). При смягчающих обстоятельствах измена Родине каралась лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией имущества, а для военнослужащих — высшей мерой с конфискацией имущества.

Постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 г. за особо опасные государственные преступления — шпионаж, вредительство, диверсию повышался срок наказания с 10 до 25 лет лишения свободы. В 1940 г. был признан преступлением выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции или с

нарушением стандартов, и виновные лица (директор, главный инженер, начальник ОТК) наказывались лишением свободы на срок от 5 до 8 лет.

10 августа вышел указ «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство», по которому мелкие кражи наказывались лишением свободы сроком на один год. Устанавливалась уголовная ответственность с 12-летнего возраста за тяжкие преступления (убийства, насилия и увечья). К этой же группе относились действия несовершеннолетних, которые могли вызвать крушение поездов. За все остальные преступления уголовная ответственность наступала с 14 лет (к несовершеннолетним не применялась высшая мера). В уголовном порядке преследовались привлечение несовершеннолетних к участию в преступлениях, принуждение их к занятию проституцией, спекуляцией, нищенством.

В начале 30-х годов в связи с урбанизацией и ломкой патриархальных норм, с наплывом в города больших масс насильно выброшенных из деревни во время раскулачивания озлобленных людей произошел всплеск уголовной преступности: убийств, разбоев, грабежей и злостного хулиганства. С этим велась борьба мерами административного права (паспортный режим) и ужесточением обычного уголовного права. Однако эти меры не достигли цели, и государство пошло на внесудебные репрессии.

При управлениях милиции на уровне области были созданы милицейские «тройки» для рассмотрения дел рецидивистов и неработающих лиц, связанных с преступной средой (в основном скупщиков краденого и держателей притонов). Дела разбирались в присутствии обвиняемого и прокурора. «Тройки» рассматривали до трети подобных дел. Применяемые ими репрессии были в большой мере *превентивными* — они не столько наказывали индивидуального преступника, сколько разрушали преступную среду, что несовместимо с нормами правового государства. Этими мерами волна преступности была сбита, за один год число грабежей снизилось почти вдвое, квалифицированных краж — на треть, конокрадства — в 3 раза. Сильный удар с помощью внесудебных репрессий был нанесен *организованной преступности*. Она быстро формировалась в России в начале века, была подорвана репрессиями ВЧК, а затем ожила в условиях нэпа. Жестокие меры 30-х годов надолго парализовали ее, что было особенно важно во время войны. Надо вспомнить, что крах Российской империи в 1917 г. частично был вызван тем, что во время войны организованная преступность ус-

тановила контроль над целыми секторами хозяйства (например, рынком металла) и стала диктовать свою волю государству.

Убийство С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. было использовано для ужесточения норм в отношении преступлений, относимых к государственным. Был установлен особый порядок производства по делам о «террористических организациях» с необычайно кратким сроком расследования дел — не более 10 суток. Вместо 3 суток копия обвинительного заключения вручалась обвиняемому за сутки до слушания дела. Прокурор не участвовал в таких процессах, то есть был устранен надзор прокуратуры за соблюдением законов. Защитник участвовал только на стадии судебного разбирательства. Отменялось обжалование приговора в кассационном порядке и возможность ходатайства о помиловании. Позже аналогичные нормы стали действовать по отношению к обвиняемым во вредительстве и диверсиях. Созданное в 1934 г. Особое совещание при НКВД вообще действовало вне процессуальных норм и не было строго связано нормами права.

Некоторые секретные, не подлежавшие публикации нормы открыто противоречили Конституции, например, постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов» (1935 г.). Оно установило, что на аресты руководителей предприятий и специалистов требовалось разрешение соответствующего наркома (профессора вуза нельзя было арестовать без санкции наркома высшего образования). Для ареста члена партии требовалась санкция секретаря райкома. Это нарушало конституционный принцип равенства граждан перед законом. Разумеется, это положение часто нарушалось: маршал Тухачевский был арестован без санкции прокурора, санкция на арест кандидата в члены Политбюро наркома земледелия Эйхе была оформлена задним числом через несколько месяцев после ареста.

Тем не менее примечателен сам факт, что принимались специальные усилия, чтобы создать правовое обеспечение политических репрессий. Советское государство не пошло по пути возложения репрессий на неформальные организации и никогда не выпускало из рук монополии на физическое насилие.

Сталинские репрессии. Этим термином определяют репрессии 30-х годов, особенно в 1937—1938 гг. (и их слабый рецидив в 1948 г.) — в отличие от «красного террора» и репрессий «досталинского периода». При этом имеются в виду именно репрессии по *политическим* мотивам. В последние годы, когда анти-

советская риторика была узаконена, перестали говорить «*необоснованные репрессии*», так как борьба со сталинизмом стала представляться положительным и даже героическим явлением. Иными словами, даже репрессии, направленные против действительно подрывной деятельности, стали рассматриваться как преступление государства. Это говорит о том, что подрывная антисоветская деятельность оценивается теперь с позиций врагов Советского государства.

Во всей послевоенной истории Советского государства образ репрессий играл ключевую роль. Используемый политиками через средства массовой информации, он оказывал мощное воздействие на общественное сознание и буквально ставил под вопрос само существование идеократического советского государства. Оно устояло перед реформами Н.С.Хрущева (десталинизация), было кое-как отремонтировано, но после смены поколений и появления более мощных культурных технологий было уничтожено в ходе перестройки.

Репрессии 30-х годов — важное явление в судьбе России и русского народа. Его объективного анализа еще не было и не могло быть. Боль утрат еще слишком велика, и любая попытка хладнокровного анализа выглядит аморальной. На политической арене большую роль во время перестройки играли родственники и даже сыновья погибших в 30-е годы политиков. Сам образ репрессий — настолько важный инструмент политики, что все средства создания или изменения этого образа охраняются жесткой, хотя и не всегда явной цензурой. В результате общественное сознание пока что не готово к восприятию не только логического анализа, но и просто достоверной информации о явлении. После кратковременного раскрытия архивов в специальной литературе были опубликованы точные и несколькими способами проверенные детальные количественные сведения. Массовая пресса и те круги либеральной интеллигенции, для которых эти сведения были доступны, их просто игнорировали. Образ репрессий устойчив и оберегается.

Поскольку избежать этой темы нельзя, приведем сначала фактические данные, а затем сделаем методологические замечания, которые могут помочь каждому упорядочить свои личные размышления.

Статистика приговоров точна и не вызывает разночтений. Точная статистика исполнения приговоров пока не опубликована. Но число расстрелов заведомо меньше числа смертных приговоров. Причина в том, что работники ОГПУ, сами состав-

лявшие очень уязвимую группу, скрупулезно выполняли предписания и документировали свои действия. Никого не расстреливали «без бумажки». По отрывочным данным судить в целом нельзя, но в некоторые годы расхождения между числом приговоренных к высшей мере и числом казненных были большими. Так, в первой половине 1933 г. по закону о хищениях были приговорены к расстрелу 2100 человек, в 1 тыс. случаев приговор был приведен в исполнение, остальным заменен разными сроками лишения свободы.

Созданная в 1930 г. система ГУЛАГа (Главное управление лагерей) включала в себя спецпоселения (ссылка), колонии (для осужденных на срок менее 3 лет) и лагеря. Затем в систему ГУЛАГа были включены «Бюро исправительных работ» (БИРы), которые ведали лицами, осужденными к принудительным работам без лишения свободы (то есть с вычетом до 25% заработка). Так, к началу Великой Отечественной войны на учете БИРов ГУЛАГа состояли 1264 тыс. осужденных. 97% их работали по месту своей основной работы. Это надо учитывать, когда приходится читать фразы типа «он был отправлен в ГУЛАГ» или «за опоздание на работу приговаривали к ГУЛАГу».

К «сталинским репрессиям» относятся приговоры по ст. 58 о контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлениях (бандитизм, разбой и др.). Это приговоры к высшей мере или к лишению свободы в лагере. В феврале 1954 г. Н.С.Хрущеву была дана справка за подписью Генерального прокурора СССР Р.Руденко, министра внутренних дел С.Круглова и министра юстиции СССР К.Горшенина, согласно которой с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. за контрреволюционные преступления были осуждены 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980.

Вопреки распространенному мнению, основная масса осужденных за контрреволюционные преступления находилась в лагерях ГУЛАГа не в 1937—1938 гг., а во время и после войны. Например, таких осужденных было в лагерях в 1937 г. 104 826 человек и в 1938 г. 185 324 человека (12,8 и 18,6% всех заключенных лагерей соответственно), а в 1947 г. — 427 653 человека (54,3%).

О «движении» состава лагерей можно судить по таким данным на 1937 г.: всего за год прибыло 884 811 человек, убыло 709 325 человек, в том числе освобождено 364 437 человек, переведено в другие места заключения 258 523 человека, умерло 25 376 человек, бежало 58 264 человека.

Пребывание в лагере в личном плане было страшным испытанием, но как социальный институт ГУЛАГ «лагерем смерти» не был — смертность в нем не слишком превышала смертность тех же возрастных категорий на воле (стабильно она составляла около 3%; лишь в 1937—1938 гг. она подскочила до 5,5 и 5,7%, когда назначенный наркомом внутренних дел Ежов приказал уменьшить рацион питания).

С началом войны по указам Президиума Верховного Совета СССР проводились досрочные освобождения заключенных с призывом годных к службе в Красную Армию. Всего с начала войны до июня 1944 г. в армию было передано 975 тыс. заключенных.

Обратимся к структуре проблемы. Следует различать, идет ли речь о репрессиях как *реальном явлении* — или об *образе репрессий*, сформированном в сознании. Это можно пояснить уже изученным старым явлением: репрессиями Ивана Грозного. За 35 лет его правления было казнено от 3 до 4 тыс. человек. В те же годы в Париже *за одну ночь* было казнено, по разным данным, от 4 до 12 тыс. человек, а в Голландии за короткий срок около 100 тысяч. Однако по ряду причин в общественном сознании был создан образ Ивана IV как кровожадного зверя, а в действиях французского и испанского королей не видят ничего необычного. Поразительно, что из массового сознания это перешло в учебники истории, даже фундаментальные*.

Реальность и ее образ — разные вещи, но обе они существуют в нашем общественном бытии и оказывают на него влияние. С точки зрения исторической реальности рассказ А.И.Солженицына о «43 миллионах расстрелянных» — нелепость, а с точки зрения реальности 70—90-х годов — часть силы, с которой не справилось Советское государство. Обе реальности требуют изучения и осмысления, обе — часть нашей жизни. Отмечен такой признак: те, кто оперирует «образом» (политики и публицисты), не ссылаются на достоверные источники и всегда завыв-

*Иногда встречаются возражения против такого сравнения Ивана Грозного с европейскими монархами, основанные на том, что во времена Ивана Грозного произошли жестокие расправы с жителями мятежного Новгорода и другие подобные репрессии. Я считаю, что эти доводы неосновательны, поскольку казни и подавление мятежей — разные категории. XVI век — век гражданских войн, и потери в них определяются гораздо более сложным комплексом причин, нежели жестокость государственной власти.

шают масштабы репрессий. Не отмечено ни одного случая занижения цифр.

За последние десять лет вышло довольно много работ с точными данными о репрессиях — статьи, статистические сводки и целые сборники. Скрупулезно собрал и систематизировал эти данные, например, В.Н.Земсков, который опубликовал большую серию статей в журнале «Социологические исследования» (СОЦИС). Можно указать его статью «ГУЛАГ (историко-социологический аспект)» в журнале СОЦИС (1991, № 6).

В.Н.Земсков обращает внимание на важный факт большого завышения реальных масштабов репрессий как иностранными, так и рядом отечественных авторов. Так, известный американский историк-советолог Стивен Коэн со ссылкой на не менее известного Р.Конквеста (его книга «Большой террор» была несколько раз издана и в России) пишет: «К концу 1939 г. число заключенных в тюрьмах и отдельных концентрационных лагерях выросло до 9 млн. человек». В действительности на январь 1940 г. во всех местах заключения в СССР находилось 1 850 258 заключенных. То есть Конквест и Коэн преувеличивают реальные размеры в 5 раз.

Один из политических активистов перестройки Рой Медведев тоже писал в 1988 г.: «В 1937—1938 гг., по моим подсчетам, было репрессировано от 5 до 7 миллионов человек... Большинство арестованных в 1937—1938 гг. оказались в исправительно-трудовых лагерях, густая сеть которых покрыла всю страну». На деле численность заключенных в лагерях, «покрывших страну густой сетью» (всего было 52 лагеря), за 1937 г. увеличилась на 175 486 человек, в том числе осужденных по 58-й статье — на 80 598 человек. В 1938 г. число заключенных в лагерь подскочило на 319 тыс., из них осужденных за контрреволюционные преступления — на 169 108 человек. При этом Рой Медведев публиковал свои измышления в массовой прессе уже тогда, когда он мог получить надежные и проверенные исследователями данные. И это был человек, приближенный к М.С.Горбачеву, народный депутат СССР.

Более того, член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Комиссии по расследованию убийства С.М.Кирова и политических судебных процессов 30-х годов О.Г.Шатуновская писала в массовой прессе («Аргументы и факты») в 1990 г.: «С 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн. 840 тыс. «врагов народа». Из них 7 млн. было расстреляно. Большинство остальных погибли в лагерях». Таким образом, деятель

КПСС весьма высокого ранга сознательно преувеличивает масштаб репрессий более чем в 10 раз — в то время как истинные данные были уже достаточно широко известны даже в обществе, а уж она была обязана их знать по своему партийному положению члена Комиссии, которая этим вопросом занималась. По ее словам, 7 млн. были расстреляны, а большинство из остальных 13 млн. «врагов народа» погибли в лагерях, между тем как доподлинно известно, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерли 963 766 заключенных, из коих большинство были не «врагами народа», а уголовниками. И основное число смертей приходилось на годы войны.

Выступления людей типа Стивена Козна, Роя Медведева или О.Г.Шатуновской следует считать хладнокровными идеологическими акциями, маленькими эпизодами психологической войны против СССР. Сейчас это уже история. Однако важно сделать несколько общих замечаний о репрессиях, подобных тем, что произошли в СССР.

Все известные в истории крупномасштабные репрессии, кажущиеся потомкам необъяснимыми вспышками массового психоза, на деле есть лишь кульминация более или менее длительного процесса «вызревания». У этого процесса всегда есть начало, «семя», незаметное на фоне грандиозного результата. Для понимания результата надо видеть всю систему: ее зарождение и все критические точки — перекрестки, на которых процесс толкался в фатальный коридор. После кульминации система «выгорает», и в данном обществе повторения массовых репрессий быть не может.

Крупнейший историк нашего века А.Тойнби, говоря о месте репрессий в истории, отметил, что «меч репрессий, отвлекая кровь, не может усидеть в ножнах». Иными словами, начав однажды кровавые репрессии, трудно пресечь этот процесс, пока он не пройдет кульминацию: на каждом шагу этого процесса порождаются мотивы для следующего, расширенного этапа. В России этот процесс был, видимо, начат Кровавым воскресеньем и казнями крестьян в ходе столыпинской реформы. О них писал в непонятном тогда волнении Л.Н.Толстой. Он пророчески видел в тех казнях семя будущих трагедий. Затем были важные вехи: белый и красный террор, Гражданская война, жестокое подавление крестьянских волнений в 1921 г., расстрелы священников, раскулачивание и коллективизация, страшный

голод 1933 г. Все это накапливало в обществе огромный «потенциал мести».

Такой потенциал накапливается в ходе всех крупных, цивилизационного масштаба, общественных преобразованиях, а именно таковыми и были сдвиги, происходившие в СССР. В сравнении с другими аналогичными событиями репрессии 30-х годов в количественном измерении невелики. Становление буржуазного общества на Западе (Реформация) породило несообразные репрессии — сожжение около миллиона «ведьм» только протестантскими правительствами, при том что все население Западной Европы в зонах, охваченных Реформацией, тогда составляло около 20 млн. человек. Широкие (относительно более крупные, чем в СССР) репрессии провела Великая Французская революция. Особенностью России следует считать не кровопролитие, а именно священный трепет перед пролитой кровью.

Потенциал мести в СССР прорвался, как только гражданская война (в смятой форме) переместилась внутрь самой правящей партии. Это было неизбежно, и раскол был принципиальным. Большевизм изначально содержал в себе два проекта: один — глобалистский, в наиболее чистом виде представленный Л.Д.Троцким («мировая революция»), другой — державный российский, представленный И.В.Сталиным («строительство социализма в одной стране»). В.И.Ленин, балансируя, соединял обе силы, пока они были союзниками в Гражданской войне. После окончания войны и смерти В.И.Ленина союз был разорван.

В ходе репрессий произошло избиение «ленинской гвардии», в котором пострадало и множество невинных людей. Самые большие жертвы понес именно «правлящий слой» — работники управления, партийного и государственного аппарата, интеллигенция. Достаточно сказать, что за 1934—1941 гг. численность заключенных с высшим образованием увеличилась в лагерях ГУЛАГа в *восемь раз*.

Расскажу о письме одного рабочего (я получил его в 1992 г.). Человек этот сам сформулировал гипотезу, выработал понятия и поставил вполне научный эксперимент. Такой, что заслуживает быть введенным в оборот. Каюсь, не смог я уберечь все эти письма, не было материальных условий. Суть дела такова.

Человек усомнился в кампании, посвященной сталинским репрессиям. Он составил список своих взрослых и старых родных и знакомых. Вышло около 100 человек, в основном из ра-

бочих, но были и военные, учителя, бюрократы и др. Жили они в Донецке, но знакомые родом были из разных мест Союза. Автор задал каждому вопрос: «знал ли он лично кого-то, кто был репрессирован по политическим мотивам?» К его изумлению, таких не оказалось ни одного. Он рассудил, что каждый из тех, кого он опросил, имел тоже около сотни достаточно близких знакомых. Это значит, что в непредвзято сделанной выборке в 10 тыс. человек из типичного, массового социального слоя не оказалось ни одной жертвы политических репрессий. При этом весьма многие (в том числе отец самого автора) побывали в ГУЛАГе по уголовным делам. Из этого автор делал вывод, что репрессии были сконцентрированы в каком-то особом узком слое и народ в целом не затронули. Он посчитал, что его опыт понятен простому человеку, и предлагал провести его пошире. Кстати, отец автора был вором, сидел долго и много порассказал сыну про состав «политических», согласно их убеждениям. Мы обычно слышим об этом «с другой стороны», от самих бывших политических узников.

Важнейшая сторона «сталинских репрессий» заключается в том, что действия власти получали массовую поддержку, которую невозможно было ни организовать, ни имитировать. Да и провести такие репрессии было бы невозможно без того, чтобы они воспринимались как правомерные персоналом карательных органов и самими жертвами (хотя каждая жертва в отдельности, возможно, по отношению к себе лично считала приговор ошибкой). Это видно не только из того, что практически не было попыток скрыться от репрессий — даже среди тех, кто имел для этого возможность. В репрессиях против высшего командного состава армии смертные приговоры жертвам выносили их коллеги, которые на следующем этапе сами становились жертвами.

Когда мы говорим о репрессиях, избегаем взглянуть на эту почти очевидную, но тяжелую вещь. Репрессии 1937—1938 гг. в большой мере были порождением не государственного тоталитаризма, а именно глубокой *демократии*. Но демократии не гражданского общества рациональных индивидов, а общинной, архаической. Это огромная темная сила, и стоит ее чуть-чуть выпустить на волю — летят невинные головы. Ибо община легко верит в заговоры и тайную силу чужаков, «врагов народа». Когда приступ такой ненависти, имеющей свойства эпидемии, овладевает общиной, горят костры всяческих ведьм. И русская община тут вовсе не является более жестокой, чем, например,

западноевропейская — просто там эти приступы происходили раньше, чем у нас.

В 2000 г. газета «Дуэль» опубликовала куски из очень поучительных воспоминаний адвоката Б.Г.Меньшагина из Смоленска — о том, как происходили в 1937 г. процессы против «врагов народа» в их области. Он просто рассказывает, без прикрас, случаи из своей практики, когда его назначали адвокатом на такие процессы. Вот обвиняются во вредительстве 8 человек — руководители областного управления животноводства, ветеринары, секретарь райкома. Трое признали себя виновными, другие нет. Один, научный сотрудник московского ВНИИ экспериментальной ветеринарии, был командирован в их область на диагностику бруцеллеза. У недавно заболевших животных никаких внешних симптомов нет, диагноз ставится на основании иммунной реакции — при инъекции антисыворотки образуется нарыв, как при прививке оспы.

И вот этого сотрудника, а за ним и остальных обвинили в заражении скота. Свидетелями на суде были доярки — на их глазах эти вредители губили лучших коров, сами же их заражали, а потом отправляли на живодерню. Одна доярка так и говорила на суде: «Такая хорошая коровка! Он как кольнет ее, она на другой день и заболела! Нарыв большой». Другие доярки в том же роде: «Ну как же, такая хорошая коровка, так жалко ее. Как кольнул ее, так и погубил. Коровку задрали».

Во всех колхозах и совхозах прошли общие собрания, суду был представлен целый том постановлений. Все они звучали примерно одинаково: «Просить пролетарский суд уничтожить гадов!» Каково было в такой обстановке адвокату взывать к разуму, просить об экспертизе! Всех восьмерых приговорили к расстрелу. При этом крестьяне скорее всего были искренни, а судьи и прокурор боялись пойти наперекор ясно выраженной «воле народа», которая приобрела действительную силу. Приговор обжалованию не подлежит! В данном случае жены осужденных собрали деньги и послали адвокатов в Москву, где они попали на прием к помощнику Вышинского, и тот сразу разобрался в деле и оформил помилование, но так получалось далеко не всегда.

Можно предположить, что массовая волна «охоты на ведьм» была порождена межфракционными схватками в высшей партийной элите, которые разрешались репрессиями с ритуальными обвинениями (вредительство, шпионаж и т.д.). Но затем возникло массовое аномальное состояние, и оно уже было ис-

пользовано властью для решения срочных политических задач. Затем пришлось решать сложную задачу «обуздания» — вывода общества из этого страстного состояния.

Думаю, нечто похожее произошло и в Китае с их «культурной революцией». Для борьбы со сложившимися кланами номенклатуры Мао Цзэдун обратился к прямой демократии молодежи, призвав ее «громить штабы», а потом эта волна обрела собственную силу и логику, так что разрушения оказались избыточными. Когда происходят такие трагедии национального масштаба, думаю, надо оценивать, сумело ли руководство хотя бы использовать этот разрушительный напор для решения необходимых для дальнейшего развития задач — или хаос остался слепым. Избави бог от таких методов, но раз уж случилось...

В случае Мао Цзедуна это явно удалось сделать — была предотвращена «революция номенклатуры» типа нашей перестройки и был открыт идейный и организационный простор для обновительной реформы, которую мы наблюдаем в Китае. Ведь практически весь кадровый состав, который эту реформу проводит, это бывшие хунвэйбины — студенческая молодежь, сформированная «культурной революцией». Хотя никто, конечно, эту «культурную революцию» не одобряет.

Идеологическая кампания перестройки затруднила осмысление репрессий, представив явление слишком упрощенной его моделью. Так, много говорилось о том, что процессы были «сфабрикованы». Но никто и не понимал буквально ритуальные вещи, важно понять, как они трактовались. Тухачевского обвиняли в «организации заговора и шпионаже», а люди про себя думали: его наказывают за то, что он расстреливал заложников в Тамбовской губернии в 1921 г. и предлагал применить против крестьян химическое оружие. Когда казнили Л.П.Берию как «английского шпиона», никто не возмущался нелепым обвинением — все понимали это таким образом, что его покарали как кровавого палача, который перебил много невинных людей (мы здесь говорим о восприятии, а не о достоверной оценке реальных дел Берии).

Как ни странно, идеологи перестройки и сами пошли по пути мистификации, отойдя от принципов права: огульная реабилитация «списком» вполне симметрична огульному приговору «списком». Вот пример явно абсурдного решения: всю группу осужденных вместе с Н.И.Бухариным реабилитируют, так как обвинения в шпионаже были сфабрикованы. Но при этом не реабилитируют проходившего по тому же делу и с тем же обви-

нением Ягоду. Он, разумеется, плохой человек, но обвинение, по которому он приговорен, *сфабриковано* в той же степени, что и у Бухарина.

Как это всегда бывает в гражданской войне, во время репрессий было очень трудно определить «линию фронта». Было просто непонятно, кто кого и за что бьет. Как сказано, например, в протесте Генерального прокурора СССР А.М.Рекункова по делу Н.И.Бухарина и др., «бывшие работники НКВД СССР Ежов, Фриновский, Агранов и др., принимавшие непосредственное участие в расследовании данного и других дел, за незаконные аресты и фальсификацию доказательств были осуждены. Бывший заместитель наркома внутренних дел СССР Фриновский, осужденный 3 февраля 1940 г. за фальсификацию уголовных дел и массовые репрессии, в заявлении от...» и т.д.

Иными словами, репрессии были результатом сложного противоречивого процесса, в котором сталкивались разные группировки и течения. Это вовсе не была простая машина, действующая по нажатию кнопки из какого-то кабинета. Это была борьба, острые операции затухающей Гражданской войны. Ведь тот работник НКВД, который посылал на расстрел «бывших работников НКВД за незаконные аресты», на завтра сам отдавал приказ о незаконном аресте — прекрасно зная, чем ему это грозит послезавтра.

В массовых репрессиях надо различать две стороны — целенаправленную и иррациональную (ту, что видится как «массовый психоз», логически необъяснимое поведение в остальном разумных людей и коллективов). На первую сторону процесса политики могут влиять в полной мере, на вторую — в существенной мере, но не вполне. Известно, что репрессии 30-х годов произошли, когда общество в целом находилось в состоянии сильнейшего эмоционального стресса, вызванного перегрузками XX века (тому есть много признаков). Прибегая к религиозным понятиям, можно сказать, что во второй половине 30-х годов большая часть тех, кто был прямо вовлечен в индустриализацию, находилась в *страстном* состоянии.

Это видно на примере непонятого ни в истмате, ни в либерализме явления стахановцев. Стаханов, выполнивший в забое 14 дневных норм, учил своих последователей особому искусству — «чувствовать материал». Он «видел» внутреннее напряжение угольного пласта, те критические точки, удар в которые разрушал пласт его собственной силой. Эта способность (так называемый «гениальный глаз») открывается в людях в состоя-

нии высокого духовного напряжения. По данным психофизиологии труда, произведенная в СССР в 30-е годы работа теоретически не могла быть сделана при доступном тогда уровне питания. Но была сделана — потому что массы людей были «немножко Стахановыми». Строительство и работа стали *подвижничеством*. Частые неудачи, поломки и аварии, вызванные неумелостью, воспринимались как результат действия тайных враждебных сил. Это толкало к поиску врага («ведьм»).

Рациональная сторона репрессий (о ней можно говорить, лишь абстрагируясь от морали) заключается в решении или предотвращении трудных проблем власти. В литературе указывается ряд таких проблем:

— Ликвидация остатков оппозиции и недовольной части номенклатуры, которая в будущей войне могла стать «пятой колонной» противника.

В феврале 1937 г. начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) Г.М.Маленков подал на имя И.В.Сталина записку, в которой сообщал, что в результате «чисток» партии и снятия с должностей образовался слой обиженных представителей номенклатуры численностью около 1,5 млн. человек, которые озлоблены и представляют опасность для государства. В ходе массовых репрессий уничтожалась эта социальная группа, без выяснения личной вины. Это была «превентивная гражданская война», очищающая тыл будущей большой войны. Видимо, опасения были преувеличенными, но не абсурдными. Сильное впечатление произвел опыт гражданской войны в Испании, где троцкистская партия (ПОУМ) 1 мая 1937 г. подняла мятеж в Барселоне, в тылу республиканских войск, и открыла арагонский фронт, что сильно повлияло на исход войны.

— Репрессии против виднейших деятелей «красного террора», антицерковной кампании, подавления крестьянских волнений и коллективизации были жертвой на алтарь национального примирения в виду грядущей народной войны. «Революция пожрала своих детей», и в этом смысле был прав Троцкий, называвший сталинизм контрреволюцией и «термидором».

— Репрессии позволили одним махом, не соблюдая обычных административных процедур, сменить целое поколение старой номенклатуры на новое, подготовленное уже в современных условиях, более грамотное и воспитанное вне партийной фракционности. В 1939 г. в руководящем составе номенклатуры четверть работников имела возраст 20—29 лет, 45% — возраст 30—39 лет, старше 50 лет было всего 6,5%. В те же годы была

проведена «чистка» партии: в 1933—1937 гг. из нее было исключено свыше 1 млн. членов.

В то же время репрессии разрушили все начавшие складываться через самоорганизацию номенклатурные кланы, ориентированные на групповые цели и ускользающие от контроля. После того как мы наблюдали действия таких кланов, которые в конце 80-х годов хладнокровно ликвидировали СССР, опасения И.В.Сталина также нельзя считать абсурдными.

Во время перестройки и после нее не раз звучали призывы ко всему русскому народу *покаяться* за то, что он в 30-е годы «принял» репрессии и тем самым стал соучастником Сталина. Это, на мой взгляд, политическая демагогия. Эти люди, сами, как правило, принадлежавшие к политической элите, делают вид, будто те репрессии были очевидным и для всех понятным делом. Это не так. Виднейшие представители западной либеральной интеллигенции не только поддерживали эти репрессии, но и явились в СССР, чтобы засвидетельствовать их законность. Я лично, например, читал книгу Лиона Фейхтвангера «Москва. 1937». От родных я имел иную информацию о судебных процессах 1937 г., и то книга произвела на меня некоторое впечатление. Даже в 1952 г. Ж.-П.Сартр писал о Н.И.Бухарине: «Бухарин — конспиратор и изменник, который униженно признался в своей измене революции, гнилой член революционного коллектива». Одним из самых проникательных оппонентов сталинизма на Западе считается Андре Жид. Но в 1932 г. он писал после прочтения переданных ему материалов Троцкого: «Несмотря на правдивость некоторых критических замечаний, мне кажется, что нет ничего вреднее партийных разногласий».

То, как велась борьба против культа личности Сталина в 1956 г. и затем в годы перестройки, нанесло тяжелый удар по исторической памяти советских людей. Массы граждан как будто забыли реальность и стали воспринимать государственный строй СССР как нечто уникальное и патологическое. Между тем именно кризис западной капиталистической системы привел к тому, что предчувствие огромного катаклизма сделало сдвиг к обществам тоталитарного типа общим явлением для Европы. Английский историк Я.Хоуллетт, обсуждая биографию Черчилля, в 1993 г. назвал «главной загадкой XX века — как случилось, что Англия, Германия, Италия, Испания, СССР (и Франция, Венгрия, Румыния...) — все возвели своих лидеров в положение полубогов?» Так давайте принимать те трагические

события именно в том историческом контексте, в котором они происходили.

Есть еще один штрих, о котором и не следовало бы вспоминать, если бы политические репрессии не стали оружием в идеологической войне. Ведь в очень многих случаях речь шла о борьбе между политическими группировками, а вовсе не о борьбе государства с простыми гражданами. И тот, кто становился жертвой, еще недавно, возможно, сам был палачом. Вот, например, после «свержения коммунизма» в Венгрии невинной жертвой и национальным героем был представлен Имре Надь, расстрелянный после подавления восстания в 1956 г. Само это восстание, повлекшее трагические последствия, стало возможным именно из-за предательской политики Имре Надя, но здесь не об этом. Когда в 1989 г. новое руководство ВНР решило представить Надя жертвой, на закрытом пленуме ЦК ВСРП решили не обнародовать истинной истории «Володи» (под этой кличкой Надь работал в Венгрии агентом КГБ, близким к Берию). Не сообщили и о делах Имре Надя в Сибири, где он работал в ВЧК во время Гражданской войны в России. Трудно политикам сказать всю правду.

В годы перестройки было создано неверное впечатление и о том, будто репрессии представляли собой действие настолько могучей силы, что никакой возможности повлиять на нее не было и никто таких попыток не предпринимал. Однако в крайне антисоветских статьях о репрессиях, которые публиковались в середине 90-х годов, есть важные сведения о судебных процессах 1931—1933 гг. против работников ОГПУ, надсмотрщиков, бригадиров и др., жестоко обращавшихся с выселенными кулаками. Упор в этих статьях делался на тех фактах издевательств, которые были вскрыты на процессах. Но нельзя не обратить внимания и на сам факт таких процессов, возбуждаемых обычно или партийными работниками, или инспекторами ОГПУ. Трудно верно взвесить, насколько страдания репрессированных были следствием государственной политики, а насколько — следствием «молекулярного» насилия, связанного с культурными факторами. В массовые репрессии было вовлечено множество людей, речь шла о кампании большой гражданской войны, которая в разных формах продолжалась в России-СССР более трех десятилетий.

Вот еще пример. В дискуссии о репрессиях в 1990 г. доктор исторических наук Ю.П.Шарапов рассказывал об ИФЛИ: «Ректором института тогда была Анна Самойловна Карпова,

член партии с 1904 г. Когда нас исключали из ВЛКСМ за то, что арестовывали наших отцов и матерей, она была бессильна против Сокольнического райкома комсомола. Но за все время вплоть до 1940 г., пока ее не сняли с работы, она не дала исключить из института ни одного сына, ни одну дочь репрессированных родителей, ссылаясь на конституционное право на образование: ни Марину Симонян, которую мы недавно похоронили (дочь Николая Васильевича Крыленко), Ни Елку Муралову (племянницу Николая Ивановича Муралова, начальника гвардии Троцкого), ни других. Так было, и об этом надо помнить».

Однако все это — лишь попытки реконструировать возможные рациональные объяснения в целом страшного и жестокого дела, которое, даже если и решило срочные и чрезвычайные проблемы, заложило под советскую государственность мину замедленного действия.

С января 1938 г. маховик репрессий начали тормозить, был принят ряд «охлаждающих» постановлений, сняты, судимы и расстреляны ведущие работники НКВД во главе с наркомом, прекращена работа «троек» на местах. Нарком юстиции потребовал от судов строго соблюдать процессуальные нормы, и суды стали возвращать НКВД дела на доследование (было возвращено 50% дел по политическим обвинениям), резко увеличилось число оправдательных приговоров, несмотря на протесты нового наркома внутренних дел Л.П.Берии. В 1939 г. была проведена массовая реабилитация (освобождены 837 тыс. человек, в том числе 13 тыс. офицеров, которых восстановили в армии). Многие события (не только приговоры и казни, но и неожиданное освобождение и быстрое продвижение некоторых групп работников) пока не находят убедительного объяснения, многие сделанные под давлением политических факторов выводы требуют проверки.

В целом сталинские репрессии остаются малоизученным явлением в истории России и нуждаются в ответственном, свободном от идеологических пристрастий кропотливом исследовании.

Страх перед репрессиями: комментарий из 2001 г. Уже в годы перестройки в массовое сознание стали вбивать мысль, будто склонность к репрессиям есть родовая, генетическая особенность советского коммунизма. Именно особенность, которой якобы лишены антисоветские идеологии и движения. Эта важ-

ная и ложная мысль стала укорененной и играет большую роль в кризисе общественного сознания в России.

Замечу прежде всего, что антикоммунизм нынешних антисоветских идеологов сложился в процессе их перехода на сторону противника СССР в холодной войне и никакой связи с антикоммунизмом Столыпина или даже Корнилова не имеет. Это важно, потому что от истоков и природы антисоветизма зависит истинное содержание тех понятий, которые используют критики.

От чьего имени обвиняют СССР антисоветские идеологи? От имени западной демократии, которую олицетворяют США. Более того, в действительности наши антисоветские ораторы довольно быстро превратились просто-напросто в инструмент вещания на советскую публику той «черной пропаганды», которая готовилась в идеологических службах США, — готовилась без всякого чувства, как чисто профессиональный продукт.

Американская журналистка М.Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, пишет в журнале «Век XX и мир» (1991. № 6): «Побывавший в этой стране десять лет назад не узнает в первую очередь интеллектуалов — то, что казалось духовной глубиной, таящейся под тоталитарным прессом, вышло на поверхность и превратилось в сумму общих мест, позаимствованных, надо полагать, их кумирами из прилежного слушания нашей пропаганды (я и не подозревала, что деятельность мистера Уика во главе ЮСИА была столь эффективна)».

Так что вот первое замечание: на фоне недавней истории и даже современных действий США стоны по поводу советских репрессий более чем полувековой давности — не более чем прием манипуляции сознанием. Никакой моральной силы не имеет голос тех, кто взял сторону США, которые совсем недавно вели позорную войну во Вьетнаме с крупномасштабным геноцидом, без зазрения совести бомбят любую слабую страну в «зоне своих интересов» и готовят в своих академиях кадры «эскадронов смерти» для Латинской Америки.

В этой реальной «системе координат» вообще неразумно спорить о делах наших дедушек. Нам надо исходить уже из той действительности, которую мы имеем сегодня, — созданной именно антисоветскими силами. Но о репрессиях нам все время говорят, люди о них думают, поэтому я выскажу ряд методических соображений.

Сегодня, когда все уже перегорело и гнева нет, я прихожу к многократно обдуманному выводу, что антисоветская кампа-

ния 80—90-х годов была крайне недобросовестной и нанесла всему обществу огромный вред. Именно всему обществу, включая молодую поросль новых «хозяев жизни». В этой кампании не было критики, и все действительно сложные проблемы так принимались, что мы отвыкли ставить вопросы хотя бы самим себе.

Разделим два вопроса: установка на насилие как часть политической философии и насилие как политическая практика. Историческая правда заключается в том, что из всех политических течений, которые в начале XX века имели шанс прийти к власти в России, большевики в вопросах репрессий были наиболее умеренными и наиболее государственниками.

Конечно, в большевизме, как и во всех мессианских социально-философских учениях, присутствует установка на насилие («железной рукой — к светлому будущему»). Вопрос в том, в какой философии эта установка выражена сильнее и какова динамика ее ослабления или усиления. История показала, что эта установка реализуется в практике на двух этапах «жизненного цикла» учения — в его героический ранний период и на излете, на этапе фундаментализма, «возврата к истокам». Но сам соблазн возврата к истокам возникает вовсе не во всех учениях.

Из проектов универсального жизнеустройства самым беззаветным и безжалостным был, конечно, либерализм, воспринявший свою страсть от Реформации (кальвинизма) и учения о предопределенности. Отсюда и массовые сожжения «ведьм» вплоть до XVII века, и террор якобинцев, и повешение детей за мелкую кражу в лавке в Англии XIX века, и геноцид индейцев вплоть до 30-х годов прошлого века, и необычная жестокость немецких фашистов, и необычная жестокость американцев во Вьетнаме.

Можно предположить, что в основе этой жестокости лежит механистический детерминизм, воспринятый либерализмом от научной революции. От него и жесткость всей философской конструкции либерализма, ее постоянные откаты «к истокам» при каждом серьезном кризисе. В полной мере это проявляется и сегодня в виде неолиберализма, этого типично фундаменталистского ответа на кризис индустриальной цивилизации (фундаментализм вплоть до идеи «конца истории»).

Безжалостность программы МВФ, которая как бульдозером сметает живые и в чем-то прекрасные культуры стран-должников, поражает многих современных западных мыслителей. Эта

жестокость даже стала какой-то философской загадкой конца XX века.

Мессианиззм евроцентристского крыла большевиков (его самым полным выражением был Троцкий) был симметричен структурам либерализма. Здесь — тот же детерминизм и сверхчеловеческое право на универсальный проект. Перманентная революция! Дециморий (расстрел каждого десятого) в отношении колеблющихся:

Иной была идущая от Православия, хотя и в виде ереси, утопия почвенных большевиков (Лев Толстой — зеркало русской революции). Поиск града Китежа означал — уже в апреле 1917 г. — отказ от мессианизма мировой революции, отступление к «строительству социализма в одной стране». Ведь именно за это советский проект был проклят как «славянофильство», как измена марксизму — и бундовцами, и эсерами, и нынешними марксистами-ортодоксами вроде Бузгалина и Бутенко.

Но ведь этот «выход из революции» в стране, которая была очагом революции, и не мог совершиться без насилия. Кого оплакивает общество «Мемориал»? Факельщики мировой революции, «комиссаров в пыльных шлемах». Кого проклинает? Тех, кто не желал стать дровами в мировом костре и вышиб факелы из рук (зацепив при этом множество невинных — но не по ним плачут струны Окуджавы).

Что для нас важно в этом сравнении? То, что, пройдя на раннем этапе «страстное состояние», в дальнейшем крупное «почвенное» течение всегда бывает защищено от соблазна кровопролития. У него возникает иммунитет, и оно в этом смысле гораздо безопаснее нового, «молодого» движения.

Католическая инквизиция уже в начале XVI века постановила, что «ведьм» не существует, и прекратила сожжения, а протестанты через сто лет после этого затмили все ужасы инквизиции. Русский большевизм прошел свое страстное состояние очень быстро. Достаточно вспомнить ряд фигур, которые его представляли: Ленин — Сталин — Хрущев — Брежнев — Андропов... — Зюганов. Ясно, что на этой траектории не приходится ждать никаких чудовищ.

Иное дело — движение, которое именно входит в свое страстное состояние (это не раз отмечалось самими его лидерами). Ельцин и Гайдар, Чубайс и Греф, Березовский и Доренко. Их переполняют клокающие чувства и непримиримость. Это набирающие скорость носороги.

На это их состояние накладывается и опасность неолибе-

рального фундаментализма. Наши «носороги» страшны как раз тем, что страсть их «героического» этапа прямо совпала с фундаментализмом того учения, что они взяли как знамя, — протестантского неолиберализма. За последние годы уже на трех больших международных форумах «Трибунала народов» (он возник из «Трибунала Рассела», который морально судил преступления войны во Вьетнаме) прямо говорится о том, какую угрозу для жизни больших масс людей представляет сегодня это учение, положенное в основу «нового мирового порядка». Так что из двух конкурирующих сегодня в России идеологий именно в неолиберализме «правых» таится угроза жизням людей — на философском уровне.

Напротив, никаких признаков «возврата к истокам» советский строй не обнаруживал и его наследники не обнаруживают. И дело тут не только в расслабляющем «византийском» влиянии русской культуры. Дело в том, что марксизм уже в классике отошел от механистического детерминизма, включив в себя идеи термодинамики и эволюции (в «Капитале»), а затем и идеи неравновесности (Ленин, Грамши). В философии науки марксизм трактуется как учение, построенное на «науке становления» — в отличие от либерализма, стоящего на «науке бытия». Недаром в больших базах данных имя А. Грамши чаще всего встречается в связке с именем М. Бахтина.

Диалектика такого типа в принципе не может толкать к выходу из кризиса «назад, к истокам». Покуда коммунисты следуют главным своим методологическим принципам, угрозы фундаментализма в их среде не может возникнуть. Потому-то идеи Нины Андреевой могут здесь быть не более чем почитаемым реликтом. Молодое пополнение тех, кто «мыслит по-советски», — люди открытые. Как мне не раз пришлось убедиться, преподаватели вузов, независимо от своих политических пристрастий, гордятся студентами, близкими к коммунистам. Ведь это что-нибудь да значит!

Однако политическая философия служит лишь предпосылкой к определенной практике, главные коррективы вносит жизнь — обстоятельства и особенно культура действующих лиц. Что говорят факты? Почему так остро стоит вопрос о репрессиях? Потому, что в России после 1917 г. погибло очень много людей, и все смерти связаны в один клубок.

Вообще, говоря о репрессиях, мы должны исходить из баланса смертей и спасений. Можно ведь губить людей и путем отказа от репрессий — поощряя убийц. Главная заслуга большеви-

ков, как я уже писал в начале книги, состоит в том, что они сумели остановить, обуздать революцию («бунт гунна») и реставрировать Российское государство.

Что же касается репрессий 1937—1938 гг., то это последняя фаза Гражданской войны, уже в стане красных, между почвенными большевиками и евроцентристами. Эта операция прямо связана с надвигавшейся большой войной и была частью превращения нашего «казарменного социализма» в «окопный». Глупо рассуждать на тему, какой социализм лучше — окопный или, например, курортный. Когда в тебя начинают стрелять, а ты должен держать оборону, то лучше окопный. Но дезертирам этого не объяснишь.

Есть еще одна болезненная сторона нашей темы, которая просвечивает через обвинения в адрес большевиков. Не хотелось бы ее трогать именно потому, что она болезненная, но нельзя уже и не сказать. К мессианизму русской революции, к общему нашему горю, примешался особый мессианизм *радикального еврейства*, который был порожден кризисом традиционной еврейской общины. Об этом достаточно писали и русские философы начала XX века, и видные сионисты. К сожалению, вместо тактичного и ответственного подхода к этой теме мы видим сегодня пошлую политическую суету, попытку увести от этой темы истерическими обвинениями.

На деле речь идет именно о страстном состоянии радикалов-евреев всех направлений, которое стоило моря крови всему обществу и особенно русским. Вспомним, как раскручивалось колесо этого механизма.

Евно Азеф возглавил боевую организацию эсеров — а жертвы, которые понесло от нее чиновничество, были поистине массовыми. Богров взялся убить Столыпина — что его толкало? Урицкий, возглавив Петроградскую ЧК, проявил потрясшую город жестокость — убить его и вызвать ответный красный террор идет Каннегисер. Тут же Фанни Каплан стреляет в Ленина. Троцкий организует убийственную кампанию по «изъятию церковных ценностей» — посмотрите состав комиссии. Кровавую вакханалию, культ жестокости воспевают Багрицкий и Бабель.

За рубежом Р.Якобсон и В.Шкловский в модных ресторанах «тешатся байками» сотрудника ГПУ Осипа Брика о том, как пытаются и расстреливают русских священников («Для нас тогда чекисты были — святые люди», — вспоминает Лиля Брик в 60-е годы, и А.Ваксберг в 1998 г. тает от умиления). Не будем уж говорить о катастрофе первого этапа коллективизации с разруши-

тельной попыткой превратить русскую деревню в киббуц. Да и сталинские репрессии почему-то были поручены охотно взявшимся за них аграновым и шварцманам, и они старались вовсю — хотя в результате под нож пошли и якиры с гамарниками и сами же аграновы. Бывает.

Тут речь о еврейском мессианизме. Сегодня еврейский поэт с гордостью признает:

Мы там, куда нас не просили,
Но темной ночью до зари
Мы пасынки слепой России
И мы ее поводыри.

Беда наша в том, что мессианизм этот не ослабевает, а приобретает культурную и философскую базу. И философия эта жестока. В «Независимой газете» главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт на исходе перестройки дал мистическое обоснование для уничтожения СССР: «Гематрия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова «Мицраим» — «Египет» и «СССР» одинакова. Так же и ситуация сейчас во многом сходна». Значит, наша страна олицетворяла «египетский плен», а мы, «египтяне», должны претерпеть все ужасы, насланные Саваофом на Египет?

А вот Иосиф Бродский, накануне смерти оплевав в «Известиях» Россию, так объясняет суть еврейства. Он, мол, стопроцентный еврей не только по родству, но и по духу: «В моих взглядах присутствует истинный абсолютизм. А если говорить о религии, то, формируя для себя понятие верховного существа, я бы сказал, что Бог есть насилие. Ведь именно таков Бог Ветхого Завета».

Так от кого же, с какой стороны нам надо опасаться репрессий?

И еще одно соображение, методологического характера. В последнее время, когда повторять сказку о «миллионах расстрелянных» стало неприлично, во всяком случае для образованного человека, в среде антисоветских идеологов, эксплуатирующих тему репрессий, появился новый прием. Стали говорить, что неправомерно вообще пытаться рассуждать о репрессиях рационально — тем, кто сам на Колыме не страдал. Мол, у тех, кто страдал, своя, недоступная нам мера и недоступная нам рациональность. А мы все, не страдавшие, суть потомки палачей, и мои претензии к обманщикам типа Разгона или Солженицы-

на, выдвинутые в «рациональном по-палачески» плане, имеют ничтожное значение. Мол, цифры Солженицына («43 млн. расстрелянных») — выражают не обычные физические величины, а имеют особый мистический смысл.

Да, в этой позиции есть зерно типа «слезинки ребенка» Достоевского. Как только эту слезинку помянут, у людей парализует здравый смысл. Снимаю шляпу перед чуткостью людей, которые это зерно в себе культивируют. Но когда они его расширяют в пространстве и времени и используют в качестве политической дубинки, встает проблема со слезинками детей следующих поколений.

Мне кажется, что у всех нас есть трудность в переходе между уровнями «личное—социальное» и «моментальное—историческое». То есть, сопереживая что-то личное, мы распространяем его вширь до социального, а во времени — на многие будущие поколения. Этим и пользуются идеологи.

Когда человека забивают в застенке или на Колыме, для него лично рушится весь мир, для многих необратимо. И для него это главное событие в жизни. Но если мы на этом основании через 60 лет отказываемся рационализировать это событие как частичку социального процесса, чтобы понять его и разумнее устроить жизнь наших детей (детей и внуков того человека), то мы уже сами расширяем это разрушение мира на все общество. Мы из солидарности и сострадания с жертвой как бы отказываемся жить и давать жить детям.

Это, на мой взгляд, неправомерно и граничит с сумасшествием. Я думаю, что если бы истязаемые на Колыме люди узнали о таком результате, их муки бы многократно усилились. Из личных контактов с людьми, реально страдавшими на Колыме, я делаю именно такой вывод. То есть сами эти люди, кому повезло пережить удар, вернуться живыми и восстановить образ мира, четко разделяли личное и социальное, владели временем и никак не хотели, чтобы мир из-за их страданий рушился для всех и навсегда.

Дело не в том, что нельзя слиться душой со страдающим человеком, как бы оставив без своей души тех, кто живет сегодня. Дело, думаю, в том, что нельзя и «разделить» свою душу по разумному расчету. Надо, чтобы душа была полностью «и там, и здесь», чтобы она научилась трудиться в разных плоскостях, в разных ипостасях. Не знаю, разрабатывал ли кто-нибудь этот вопрос, но на практике мы видим жуткие перекосы в обе стороны. Одни готовы из-за репрессий уморить ныне живущих и

даже прямо выводят из этого свои политические установки. Другие, чуя гибельность такого подхода, ищут ложные оправдания репрессиям.

Когда говоришь, что надо помянуть наших погибших на Колыме соотечественников, вынести из прошлого уроки и закрыть тему репрессий, то такой подход отвергают как жестокость (цензуру) традиционного общества. А-а, не желаете, мол, слышать «неудобные вопросы». Антисоветские идеологи в принципе отвергают «закрытость» темы страданий, запрет на растягивание образа страданий в пространстве и времени.

Я же думаю, что для жизни общества цензура на определенного типа «социализацию» личного страдания необходима. Думаю даже, что «сокрытие» страдания, как и «сокрытие» благодеяния, есть вещи симметричные. Почему нельзя давать милостыню явно? Милостыня — именно «неудобный вопрос». То ли дело Армия спасения — все гласно, распишись в ведомости и получай. Или Никита Михалков — прямо на сцене дает чек для бедных актеров, растроганный Вячеслав Тихонов, беря чек, плачет.

Николай I регулярно выдавал деньги всем действительно нуждающимся семьям казненных и сосланных декабристов. При этом он скупое считал, прибавлял, убавлял. Все это делалось на уровне государственной тайны, которая хранилась всеми причастными к ней лицами под строжайшим контролем. Сложные чувства, которые возникли бы в обществе, узнай оно об этих неудобных делах, были исключены этой цензурой. Иррациональность жизни в этом вопросе была под замком.

Идея об особой статистике и особой рациональности числа жертв репрессий схожа с тем, как евреи иррационализировали Холокост, но они эту иррациональность экспортировали вовне, в мировую культуру (при этом отдельные недостойные люди на этом вполне рационально наживаются). Здесь же нам предлагается глотать иррациональность самим. Причем А.Н.Яковлев, я уверен, сам предельно рационален и все прекрасно знает.

Социальная проблема возникает потому, что *иррационализация* репрессий проводится не во время схоластического спора в монастыре, а в определенном политическом контексте. Большую часть общества втянули в позицию, которую можно выразить такой моделью: дети узнают, что построенный покойными родителями дом обошелся родителям очень дорого, и на этом основании решают этот дом сжечь. Общественный строй — это дом народа. Его строительство стоило много пота и крови, но

эти пот и кровь были материалом для дома. Так это понимало и подавляющее большинство тех, кто страдал на Колыме. И теперь этот дом, за который они отдали свою кровь, дети сжигают именно как искупление этой крови. Мне кажется, это просто чудовишно.

При идеологической эксплуатации репрессий используется еще один общий и, вероятно, необходимый для жизни дефект восприятия. Вернее, он необходим с точки зрения нравственности отдельной личности, но недопустим в социологии. Он состоит в том, что восприятие, в том числе у очевидцев трагедии и писателей мемуаров, выхватывает из реальности и фиксирует события аномальные, потрясающие — а массивную обыденность вообще может стереть из памяти настолько, что люди начинают искренне верить, что ее вообще не было. Поэтому страдания людей (репрессии), независимо даже от их масштабов, становятся главным событием и для читателя. У писателя даже возникает потребность настолько преувеличить трагедию, чтобы она в уме читателя заслонила массивную обыденность и устранила тревогу от ее забвения. Но когда начинаешь вникать в материалы типа истории по Броделю (история, дотошно воспроизводящая «структуры повседневности»), то замечаешь это чудовищное искривление меры. Да, для какой-то части состоялась трагедия — но ведь при этом и другие люди жили, где-то надо и о них вспомнить.

И тут сразу возникает конфликт с нормальным, но нормальным в совсем ином плане, искривляющим восприятием. В тебе начинают видеть сатанинскую хитрость. Этот разрыв я еще в детстве пережил, сравнивая литературу о Гражданской войне с обыденными воспоминаниями родных, которые жили в ее эпицентре. Да, была война и были трагедии, их помнят, но при этом и жизнь продолжалась. Потом то же самое — о репрессиях.

Теперь мне повезло, и я сумел вывезти из библиотеки института, закрываемой из-за нехватки денег, подписки всех главных российских исторических и социологических журналов за 7 лет и прочел их все. Кстати, только после 1992 г. пошли статьи о советском строе, дающие реальное знание, совместимое с тем, что я видел лично и слышал от родных. Официальная доктрина советской истории убивала именно самое ценное в знании о советском проекте и строе. И только в этих постсоветских (и даже антисоветских) работах закрывается тот разрыв, который у меня был с официальной историей с детства.

Из этого чтения я сделал вывод, что мы просто обязаны при-

лагать усилия и разделять эти два универсума — массивную обыденность и потрясающие, трагические события. Оба универсума важны, беда в том, что мы их смешиваем. В результате у очень большой части граждан возникло расщепленное, несовместимое с жизнью сознание. Тип его прекрасно выразила одна дама в магазине. В январе 1992 г., когда вздули цены и очередь взвыла, она сказала: «Люди в ГУЛАГе страдали, так теперь цены вздули справедливо».

О советском тоталитаризме: комментарий из 2001 г.

В проклятиях советскому тоталитаризму во время и после перестройки соединились как антисоветские марксисты и либералы, так и самые православные патриоты, включая некоторых коммунистов из КПРФ («мы — партия Жукова и Гагарина», мы, мол, не партия Сталина — так это надо было понимать).

Хотя временные границы нашего тоталитаризма очерчены туманно и это понятие вообще стараются четко не излагать, все же из совокупности утверждений ясно, что тоталитаризм — это то состояние советского строя, при котором СССР провел коллективизацию и индустриализацию, подготовку к войне, и саму Отечественную войну, и послевоенное восстановление. Потом началась «оттепель», «застой» и наконец праздник антитоталитарного духа — горбачевская перестройка. Так что советский тоталитаризм — тип организации общества в 30—40-е годы, созданный (или возникший) в связи с необходимостью решить совершенно конкретные исторические задачи.

С самыми яростными обличителями тоталитаризма типа Льва Разгона, Антонова-Овсеенко и прочими потомками «пыльных шлемов» спорить не будем — они сами были операторами тоталитарной машины и попали под ее колесо. Таким людям следовало бы молчать или говорить что-нибудь умное и честное. Также отставим в сторону всяческих пройдох вроде генерала КГБ Калугина, который за небольшие суммы выдает ЦРУ старых советских разведчиков. Главная фигура, с которой нужен мысленный диалог, — это разумный патриот России, в общем не оболваненный пропагандой Разгона, но возненавидевший советский тоталитаризм. В мыслях у меня встает фигура такого умного и честного патриота — В.Зорькина.

Вот он отмежевывается от тех, кто впал в «ностальгию» по советскому строю. Для них, мол, «великая Россия есть непременно интернациональная тоталитарная империя сталинского типа, лишенная всякой национальной самобытности, коснею-

шая в убогих идеологических догмах, разделенная внутренними «классовыми» противоречиями, страна, медленно, но неуклонно хиреющая под непосильной ношей «добровольной» помощи многочисленным «братским» народам». Так в газете «Завтра» Зорькин дословно повторяет формулу, с помощью которой разваливали СССР, принимая первую Декларацию о суверенитете. Приложим эту формулу к самому «черному» периоду советской истории. Критический момент в становлении советского тоталитаризма — поворот к сталинизму, к восстановлению державы, то есть явный отказ от идеи мировой революции, для которой Россия — дрова. Все альтернативы пути продолжения советского проекта, которые тогда столкнулись яростно, вплоть до крови, известны. И сейчас, давая оценки тому выбору, каждый должен взять на себя ответственность.

Пусть В.Зорькин скажет, что он в тот момент был бы с Троцким или Бухариным — вот реальный выбор (о Гитлере уж не будем говорить, хотя и с ним были «русские патриоты»). Не думаю, чтобы кто-то из наших патриотов был согласен с большим проектом Троцкого. Что же касается Бухарина, то в начале перестройки его пытались представить абстрактной лучшей альтернативой, чем Сталин. Но вышли его труды, и эта попытка лопнула как мыльный пузырь. Я почти уверен, что все сегодня в душе понимают, что в конце 20-х годов сталинизм, при всех его видимых уже тогда ужасах, оказался с точки зрения судьбы России (СССР) лучшим выбором — и потому подавляющая масса народа сделала именно этот выбор.

Да, революция всегда скликает многонациональную волну пролетариев-разрушителей (не путать с рабочим классом) — делать страшную и грязную работу. Потому-то революциям и приходится пожирать своих детей. Что, не знали этого? Россия вошла в берега и залечила раны именно в советском образе — и тут-то явились пролетарии типа Булата Шалвовича и Льва Разгона, отомстить и попользоваться. Но разве им не помогает множество патриотов, обличая сталинизм так же, как Вера Фигнер обличала царизм?

Когда утвердился Сталин — оставалось 10 лет до войны, и их Россия прожила, по выражению Д.И.Менделеева, «бытом военного времени». Как странно: в середине 90-х годов прошел ряд российско-германских конференций историков, посвященных предвоенным годам. И германские историки почти все подчеркивали, что советскую историю 30-х и последующих (!) годов нельзя понять, если не учесть, что война изначально готовилась

в Германии как война на уничтожение, на *истребление* советских славян. Германские историки говорят, а у нас об этом никто — ни слова.

Что такое «быт военного времени»? Это тоталитаризм, самопожертвование (и неизбежно невинные жертвы тоталитарной машины). И дело в том, что эти жертвы принимаются теми, кто воюет за страну, и ненавидятся теми, кто в этой стране есть «пятая колонна». Разве не так стоит вопрос? Так давайте честно определять свою позицию.

Вот тотальная коллективизация — зачем? Чтобы решить срочную проблему хлеба, так как промышленность не поспела кормить город через товарообмен. Чтобы изымать средства из села для индустриализации. Чтобы механизировать поле и обеспечить заводы массой рабочих. Это проблемы, отложить которые было нельзя, не отказавшись от советского проекта в целом. Но ведь уже и отказаться от него было нельзя, даже если бы Сталин захотел, — неужели этого кто-то не видит? Вызывать из Америки Керенского, чтобы он «демократически» готовился к войне с Германией? Искать среди сектантов нового Григория Распутина?

Наш тоталитаризм оказался слишком жесток, потому что лишних денег для смягчения шока не было. Коллективизация — самая трагическая глава советской истории. Формула «не все было плохо в СССР», которую одно время употребляли наши левые патриоты, предполагает, что уж это, уж коллективизация-то, наверняка было плохо. Так пусть Бабурин скажет, как бы он в тот момент решал эту проблему, окажись он на месте Сталина. И скажет не об эксцессах и дефектах, а о принципиальном выборе.

Я не представляю, как можно, взвешивая историю не на фальшивых весах, не признать, что советский строй проявил небывалую силу и провел страну, раненную, но полную жизни, через самые тяжелые периоды. Представьте, что мы входим в войну или послевоенную разруху не с ВКП(б), а с «Выбором России» во главе не с Жуковым и Молотовым, а с Грачевым и Козыревым, не с солидарными карточками, а с либерализацией цен. Допустим, мы в 1990 г. этого еще не могли себе представить и вдоволь изгалялись над советским тоталитаризмом с его карточками, но сегодня-то мы повидали альтернативу воочию, причем даже без войны с сильным противником. Представьте, что это сегодня, при Немцове и Хакамаде, у нас уничтожили 2/3 жилищ — это ведь не два дома в Москве.

Сравните два сходных явления: эвакуацию миллионов жителей и половины промышленности в 1941 г. на земли «братских», по выражению В.Зорькина, народов — и нынешнее положение русских беженцев в РФ. Тогда я, ребенок, был уверен, что могу пешком пройти до Тихого океана и в каждом доме я буду родным — хоть в избе, хоть в юрте или яранге. Почему же сегодня, без войны, так жалко положение даже наших братьев по племени, русских, при всем гуманизме нового, недогматического и нетоталитарного мышления? Недоработка нового строя? Нет — его суть. Говорят: ах, нет закона о статусе беженца, в этом все дело. Чушь! Никакого закона о статусе «выковыранных» не было в 1941 г., а была Советская власть и ее «убогие идеологические догмы».

Так скажите прямо, дорогие наши патриоты, что было бы лучше для России? Какова была реальная альтернатива? Стесняются, молчат. Ибо вот что пришлось бы ответить: лучше было бы отказаться от индустриализации, для которой не было средств. Лучше было бы не механизировать поле, а поддержать кулаков с дешевой батрацкой силой. Лучше было бы вновь начать гражданскую войну, расстреливая этих батраков в селе и безработных в городе. Лучше было бы сдать Гитлеру и отдать Сибирь Японии. Разница в том, что демократическая антисоветская элита это фактически и заявляет, а патриотическая просто молчит.

Наши демократы и патриоты обходят тот факт, что тоталитаризм был принят, а если строго говорить, то и создан народом — это был общий порыв. По-разному, но к этому должны же с уважением отнестись и демократы, и патриоты. С патриотами того времени ясно — и с М.Шолоховым, и с Джамбулом. Ну так послушайте хоть демократов. Б.Пастернак так объясняет тот факт, что он написал целый поэтический цикл во славу Сталина: «Искренняя попытка жить думами времени и ему в тон». А.Сахаров писал в письме в день смерти Сталина: «Я под впечатлением смерти великого человека. Думаю о его человечности». Зачем же замалчивать эти факты? Или Пастернак и Сахаров глупее нынешних демократов?

Не знаю, почему от западных историков сегодня можно услышать гораздо более разумные и взвешенные суждения о советском тоталитаризме, чем от наших патриотов. Или они могут подходить к вопросу хладнокровнее, или они не так трусливы? Вот прошел международный симпозиум, посвященный

тоталитаризму. И американский историк Билл Мартин в докладе «Либерализм модерна и постмодерна» сказал, в частности:

«Вначале критика тоталитаризма развивалась в двух направлениях: одно ассоциировалось с Адорно и Хоркаймером, другое — с Ханной Арендт. Последнее было вознесено до небес либералами холодной войны, ибо оно вытаскивало из болота Европу и США. Критика Арендт ставит проблему в хорошо известные нам рамки, прекрасно устраивающие США.

В частности, в соответствии с интересами США она противопоставляет Сталина и Гитлера «открытому обществу». Но это слишком упрощенная картина. Правда, что Сталин внедрял марксизм тотализирующим образом, видимо, усугубляя некоторые тенденции, которые изначально присутствовали в марксизме. Однако с какого рода задачами столкнулся Сталин? Этот вопрос никогда не задавали себе Рорти и другие либералы в стиле Арендт и Дьюи.

Сталин и другие лидеры КПСС решали задачу преобразования типа жизни, приведшего к огромным страданиям, в тип жизни, ведущий к постоянному улучшению для основной массы населения, при том что это одновременно было самым концентрированным выражением войны двух миров. Сталин и другие лидеры решали задачу освобождения значительной части земли и населения всего мира из тисков империализма...

Сталин сделал огромное количество ошибок и принес много зла; можно сказать, что он отдал народ на заклание ради марксизма, который стал к тому времени закрытой диалектикой, катехизисом. Однако при всех этих ошибках именно Сталин и советский народ разбили нацистов, понеся неизмеримые жертвы. Ни тогда, ни сегодня «либералы» не могут похвастать чем-либо подобным, и вопрос о столкновении двух тотализирующих идеологий должен рассматриваться именно в этом плане...

Правда состоит в том, что «либералы», которые предложили рассматривать историческую действительность как «столкновение либерализма с тоталитаризмом», были либералами холодной войны, чье понимание мира было совершенно манихейским и, таким образом, тоталитарным» (Bill M. Liberalism: modern and postmodern. Social Epistemology, 1993, vol. 7, № 1).

Мне кажется, здесь сказаны верные слова. Отрицание советского тоталитаризма носит манихейский характер и является прежде всего философским и психологическим продуктом и оружием холодной войны. Печально, что многие наши патри-

ты в этой далеко еще не законченной войне по ошибке оказались в армии противника.

И еще, на мой взгляд, необходим диалог с людьми другого культурного типа — теми демократами нового поколения, которые отвергают советский строй именно вследствие якобы имманентно присущего ему «гена» тоталитаризма того типа, который проявился в виде сталинизма. Иными словами, они в сталинизме видят не особое специфическое состояние «военного быта», а выражение неустранимой тяги к подавлению личности и разнообразия.

Это важный тезис. Но, обдумав доводы в его обоснование и вспомнив все повороты нашей жизни, я прихожу к иному выводу. Я вижу, что советское общество, выйдя в 1941 г. из «хвостов» еще тлеющей гражданской войны, обнаружило в своем ядре демократизм и терпимость высокого качества. И вытекали они не из модернизации, не из того, чему мы учились у Запада, а именно из генотипа нашей культуры, нашего традиционного общества. Хотя, конечно, модернизация была нужна, чтобы снять кожуру старых привычек и предрассудков, запустить процесс выявления и укоренения этих демократических (по-нашему) свойств.

И вот как я вижу главное противоречие философии этого вообразимого «молодого демократа». Он отвергает весь советский проект в принципе — потому, что он, городской образованный человек, чувствовал себя в нем обездоленным и желал демократии, терпимости и интеллектуального разнообразия. Слишком медленной по сравнению с его притязаниями была наша модернизация. Отвергнув советский «медленный» путь, он вступил в армию Боннэр и Егора Гайдара (не буду называть более одиозных военачальников).

Но сегодня уже видно, что он был обездоленным в СССР именно потому, что вырос в СССР и питался его соками. Именно потому, что советский проект в силу своей сути не душил, а культивировал в нем потребность в демократии и разнообразии — самым типом жизни, образования, отношений между людьми. Удовлетворить эту свою духовную потребность этот «молодой демократ» смог бы, только осторожно разрушая чешуйки той кожуры, что служила отмирающей кожей нашего общества, — но только на пути сохранения и развития советского строя.

Множество таких людей этим незаметно и занимались. При этом мы, не задумываясь над этим, ценили тот советский гено-

тип, на матрице которого вырастали наши потребности в демократии и разнообразии. Ведь эти потребности во всех нас были, они не так уж уникальны в «молодых демократах», в них они лишь фонтанируют красиво. В отличие от них, мы ценили даже ту корявую кожуру, которая, отмирая, нас угнетала — потому что в недавнем прошлом без этой защитной кожуры не уцелел бы и генотип.

Из нашей же среды возникли Сахаров, Боннэр, а за ними, скромненько, и Гаврила Попов с чубайсами. Они, много говоря о чешуе и коже, на самом деле предложили разрушить генотип («вплоть до детских садов, в которых таится ген коммунизма»). Тут и произошло наше разделение — «молодой демократ» пошел с ними, а мы против них. Отвергая советский проект за то угнетение «молодого демократа», которое имело место, он пошел именно с теми, которые были носителями генотипа угнетателей. Ломать советский строй стала именно та часть номенклатуры, которой была ненавистна именно его демократическая и «симфоническая» суть. То, что этот поход они начали под знаменем демократии, — прием тривиальный и уже давно несущественный.

Можно понять Ельцина, который под лозунгами борьбы с привилегиями строил лично себе быт с роскошью царского типа. Человек циничный и с комплексами — пошлая квинтэссенция той части номенклатуры, о которой я говорю. Но он всем антисоветским силам был нужен именно как таран, выполняющий грязную работу за Боннэр и за «молодого демократа». Теперь они отказываются от грязи, но не от смысла, сердечника этой антисоветской работы.

Трудно не видеть, что угнетение и неудобства в позднем СССР, о которых только и знают «молодые демократы», были продуктом мысли и дела нового поколения номенклатуры, которая обрела сословное антисоветское сознание. Она уже пришивала к старой отмиравшей коже оболочку из нового материала. Она все больше ненавидела таких людей, как, например, я (говорю о типе людей, а не о себе лично), но ей были близки Боннэр и Евтушенко, хотя Юрий Афанасьев еще обязан был на них покрикивать. Прошло немного времени — и они обнародовали свое родство и дружбу.

И каков же был выбор «молодого демократа»? Он вступил в ряды тех, кто и был философом и исполнителем того угнетения, против которого он якобы восставал. Хотелось бы услышать, как можно объяснить это противоречие. Оно сложилось в

четкую систему, вскрыто, описано, выражено в виде вопросов — но никогда не было на них ответа.

Можно понять верхушку западных коммунистов, прикормленную нашей номенклатурой. Они видели советский строй через встречи в Колонном зале, отдых на даче ЦК КПСС или поездки делегации в гостеприимную потемкинскую деревню. К интригам в этой узенькой нише они сводили проблематику советского проекта.

У меня возник конфликт с друзьями, видными испанскими коммунистами, которые не раз бывали в СССР. Я сказал на одной встрече, что единственные два человека, понявшие суть советского строя, которых я встретил в Испании, были два старика, ветераны «Голубой дивизии». Оба они, неграмотные крестьяне, от голодухи согласившиеся записаться «добровольцами», попали в Псковскую область. Один из них, замерзая, постучал в избу, его отогрели старики, и он, не зная языка, жил у них и наблюдал. Через 54 года после этого я с ним разговаривал так, будто он вчера вернулся из СССР — он ухватил самое главное, о чем и не подозревали самоотверженные коммунисты.

Это испанским коммунистам не в упрек — они бывали у нас в искусственной, в известном смысле маргинальной, среде. Но можно ли было ожидать такого же инфантилизма от людей, которые выросли в среде трудовой интеллигенции?

Носителями сути советского строя (пусть и не понимая и сознательно не защищая ее) были те, кто был жизненно заинтересован в жизнеустройстве, *устраняющем источники массовых страданий*, а также те, кто желал демократии и симфонии на основе устранения массовых страданий. Эти две части общества не совпадали, но в главном были союзниками. Но «молодой демократ» перешел на сторону тех, кто пообещал (весьма неубедительно) демократию для меньшинства *за счет допущения массовых страданий*.

Ввиду того, что страдающая масса стала пусть неявно, но сопротивляться, эти вожди уже отказались от демократии даже для меньшинства, а симфония с самого начала в таких условиях представилась невозможной. Очевидно, что эти вожди уже вошли в неразрешимое противоречие с собственными мифами и декларациями, попали в порочный круг и вырваться из него могут, только идя напролом — все больше и больше зверея, независимо от фразеологии. Невозможно поверить, что наш демократ, как бы он ни был молод, не видит этой перспективы.

Рано или поздно, но он встанет перед выбором — или его сожрут внутренние противоречия. Чем дальше, тем дороже цена выбора.

СССР перед войной: комментарий «с Запада». В СССР наша Отечественная война была всеми принята так близко к сердцу, что мы мало знали и почти не интересовались тем, как она вызревала на Западе. Для большинства из нас слова «мюнхенские соглашения» были пустым звуком. А потом, когда громить Советский Союз начали само руководство КПСС и наши любимые поэты и артисты, вообще стало не до этого. Нам внушили, что «пакт Риббентропа—Молотова» был несравненно важнее. В какой-то момент казалось, что он был важнее всего на свете.

Я приведу здесь короткие выдержки из книги Андре Симона «Я обвиняю! (О тех, кто предал Францию)». А.Симон — псевдоним видного французского журналиста, личного знакомого видных министров предвоенных правительств Франции. Книга его вышла в 1940 г. в США и посвящена в основном работе этих правительств и обстановке во Франции во время ее короткой войны с Германией в 1940 г. В СССР она вошла в сокращенном виде в сборник «О тех, кто предал Францию» (М., 1941) вместе со статьями видных французских политиков и писателей о том времени, напечатанными в Англии.

Нам сегодня было бы полезно ее почитать, потому что состояние и власти, и правящего слоя в России в наши дни поразительно напоминает то, что творилось во Франции в 1936—1940 гг. Тяжело читать о большой и культурной стране, в которой на время власть, деньги и пресса попадают в руки «пятой колонны». Полтора месяца боев — и небольшая армия немцев оккупирует Францию*. Но здесь я приведу мысли А.Симона именно о созревании мировой войны, которая для нас стала Отечественной.

Сначала автор излагает события первого этапа — когда правительство Франции при молчаливом согласии Англии позволило совершить первые агрессивные действия на мировой арене фашистским Италии и Германии. Италия захватила Абиссинию, а Гитлер провел плебисцит в Саарской области, которая по Версальскому договору находилась под управлением Лиги

* «Страшно становилось, — пишет А.Симон, — от того, насколько немцы были информированы. Саботаж был не только делом рук гитлеровских агентов. В нем участвовала большая часть делового мира, а также высокопоставленные лица из числа гражданских и военных властей... Франция не была побеждена Гитлером. Она была разрушена изнутри «пятой колонной», обладавшей самыми влиятельными связями в правительстве, в деловых кругах, в государственном аппарате и в армии».

наций. Было известно, что саарцы, в основном католики, желали воссоединиться с Германией. С Лигой наций у них была договоренность о проведении такого плебисцита в 1945 г., когда, как предполагалось, фашизм отойдет в прошлое. В первых числах января 1935 г. даже должна была быть опубликована такая декларация. А.Симон пишет: «Всесторонние обследования, проводившиеся нейтральными наблюдателями, говорили о том, что большинство жителей этой области с преобладающим католическим населением предпочло бы воздержаться от присоединения к национал-социалистской Германии». Плебисцит был проведен в январе 1935 г. в условиях жесткого террора штурмовиков. Саарская область вошла в Германию, и Гитлер тут же нарушил пятую часть Версальского договора — в марте он издал декрет о всеобщей воинской повинности в Германии. Правое правительство Лавалля во Франции пало, к власти пришел Народный фронт с большинством социал-демократов (Блюм, Даладье).

Но главным перекрестком, на котором Запад бесповоротно пошел к мировой войне, стал мятеж 18 июля Франко в Испании, поддержанный Гитлером и Муссолини. Поначалу силы мятежников были невелики, и, по мнению французских военных, хватило бы 50 самолетов, чтобы их остановить. Франция отказалась отдать испанскому правительству эти самолеты, оплаченные задолго до мятежа. 8 августа правительство социалиста Блюма официально запретило вывоз самолетов и вооружения в Испанию. Мало того, Франция обратилась к другим странам заключить соглашение о «невмешательстве».

А.Симон пишет: «Возмущение и крики были напрасны. Самолеты и оружие текли из Германии и Италии в лагерь Франко... Делегация испанских республиканцев явилась к Блюму с просьбой о помощи. Блюм ответил, что «вся имеющаяся информация говорит о прекращении национал-социалистами и фашистами посылки оружия Франко». После этого премьер заплакал. Госпожа Блюм прервала беседу, гневно воскликнув: «Какое право вы имеете так волновать моего мужа!»...

Сторонникам тоталитаризма в момент подписания соглашения о невмешательстве приписывались мирные намерения и верность договорам, точно так же, как это делалось и после Мюнхена. Без этого пакта о невмешательстве — который на деле санкционировал интервенцию в Испании — было бы невозможным и торжество Гитлера в Чехословакии. Из Испании прямая дорога вела в Мюнхен...

Были отклонены предложения Советского правительства, сделанные еще до соглашения о невмешательстве. Русские были готовы обсудить пути и способы помощи республиканской Испании и договориться о необходимых мероприятиях на тот случай, если оказание помощи Испании привело бы к всеобщему конфликту...»

А.Симон присутствовал на заседании Совета Лиги наций, куда обратилась Испания. Он пишет: «Республиканская Испания требовала применения 16-й статьи устава Лиги, предусматривающей коллективную помощь против агрессии. Лорд Галифакс в весьма холодном тоне заявил, что Великобритания не намерена присоединиться к предложению испанского делегата... Наконец, резолюция, предложенная Совету сеньором дель Вайо, была поставлена на голосование. «Нет», произнесенное среди мертвой тишины лордом Галифаксом и Жоржем Боннэ, прозвучало как пощечина. Напряжение в зале становилось невыносимым. Один только советский представитель поддержал республиканскую Испанию».

Теперь о завершающей фазе подготовки к войне — мюнхенских соглашениях 1938 г.

«15 сентября Гитлер потребовал от Чемберлена проведения плебисцита во всех округах Чехословакии с преобладающим немецким населением по вопросу присоединения этих территорий к Германии. Чемберлен обещал в течение недели самостоятельно доставить Гитлеру устраивающее его решение. 18 сентября на состоявшемся в Лондоне совещании Чемберлен, Галифакс, Даладье и Боннэ договорились о том, что те округа Чехословакии, в которых немецкое население превышает пятьдесят процентов, должны быть переданы Гитлеру без плебисцита...

Французский кабинет на своем заседании согласился с лондонскими предложениями. Но, по настоянию Мандела и Рейно, было решено не оказывать никакого давления на чешское правительство... Вот как было выполнено решение «не оказывать давления» на чехов.

19 сентября лондонские предложения были изложены в официальной ноте чешскому правительству. Французский народ узнал о полном объеме этих предложений лишь неделю спустя.

20 сентября чешское правительство отклонило лондонские предложения. Вечером этого дня английский посланник Ньютон сообщил чешскому правительству, что «в случае, если оно будет упорствовать, английское правительство перестанет инте-

ресоваться его судьбой». Французский посланник де Лакруа полностью поддержал это заявление.

21 сентября, в 2 часа ночи, президент Бенеш был поднят с постели приходом обоих посланников; это был уже их пятый демарш на протяжении одних суток. Они очень спешили, так как недельный срок ответа Чемберлена Гитлеру был на исходе. Они поставили ультиматум: «Если война возникнет вследствие отрицательной позиции чехов, Франция воздержится от всякого вмешательства, и в этом случае ответственность за провоцирование войны полностью падет на Чехословакию. Если чехи объединятся с русскими, война может принять характер крестового похода против большевизма, и правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне».

Содержание этого ультиматума было после Мюнхена оглашено чешским министром пропаганды.

Бенеш предложил посланникам Англии и Франции изложить свои заявления в письменном виде, после чего он созвал заседание своего кабинета. Оказавшись перед таким ультиматумом, исходящим от союзной Франции, правительство Чехословакии приняло лондонские предложения.

В тот же день Боннэ доложил французскому кабинету, что чехи согласились принять англо-французские предложения без всякого давления извне...

Днем 28 сентября стало официально известно о капитуляции демократических держав. Чемберлен сообщил в палате общин, что при посредничестве Муссолини премьер-министры Англии и Франции приглашены Гитлером в Мюнхен для личного свидания.

На следующий день Даладье и Чемберлен вылетели в Мюнхен, где они встретились с Гитлером и Муссолини. Вечером был подписан мюнхенский договор, и судетские округа Чехословакии перешли к Гитлеру... 15 марта 1939 г. Гитлер вступил в Прагу».

А.Симон приводит сведения о том, что в правительстве Франции знали о неспособности Германии к войне за Чехословакию, так что согласие на захват Чехословакии и резкое усиление Гитлера было решением чисто политическим, а не военным. В сводке Генштаба, в частности, отмечалось: «1. Глава германского генерального штаба генерал Бек 3 сентября отказался от занимаемой им должности, ибо «не желал вести армию к катастрофе». 2. Германская «Западная стена» далеко не закончена и, согласно сообщению французского военного атташе в

Берлине, «ее так же легко прогрызть, как кусок сыра». 3. Германская армия еще ни в коей мере не готова, и ей потребуются не меньше года самых напряженных усилий, прежде чем она решится начать войну... 5. Прекрасно вооруженная чешская армия, насчитывающая 40 дивизий, тысячу самолетов и полторы тысячи танков, могла бы сопротивляться самое меньшее 2—3 месяца, даже если бы сражалась одна».

После захвата Чехословакии политика правительства Франции сдвинулась резко вправо, был разогнан Народный фронт и запрещена компартия. А.Симон пишет: «Русское предложение о созыве конференции с участием Франции, Великобритании, России, Польши, Румынии и Турции для обсуждения мер сопротивления дальнейшему развитию агрессии поступило через три дня после падения Праги. Однако оно было отвергнуто как «преждевременное»...»

Затем, уже в конце 1939 г., тон становится откровенно анти-советским, и эта направленность лишь усилилась во время войны с Германией. «За эти месяцы, — пишет А.Симон, — французские газеты, за небольшим исключением, стали открыто называть русских «врагом номер первый». Германия была разжалована на второе место. Помню, один из членов британского парламента сказал мне как-то на митинге в Париже: «Читаешь французскую прессу, и создается впечатление, будто Франция воюет с Россией, а с немцами она разве что находится в натянутых отношениях»... Чтобы спасти свой кабинет, Даладье чуть не довел дело до войны Франции с Советской Россией. Он тайно отправлял в Финляндию самолеты и танки, отсутствие которых очень сильно сказалось вскоре на французском фронте».

В этих кратких выжимках из книги Андре Симона самое важное для нашей темы то, что Запад буквально вскормил гитлеровскую Германию, рассчитывая, что она станет его бастионом против СССР. Грядущая мировая война трактовалась как «война цивилизаций». Даже когда «внутри» самого Запада уже шла война, Франция снимала со своего фронта танки и самолеты и посылала их против СССР. Любая страна, принимавшая помощь СССР, автоматически становилась врагом. Как с врагом Запада поступили с республиканской Испанией — причем так поступило французское правительство Народного фронта. по политическому строению очень схожего с Народным фронтом, который пришел к власти в Испании. Еще более красноречива фразеология, с которой западные политики обращались к президенту Чехословакии, заставляя его принять ультиматум

Германии. Приняв помощь русских, Чехословакия стала бы врагом всего Запада и жертвой его *крестового похода*. Советская Россия, как и православная Византия в 1204 г. и Новгородская Русь в середине XIII века, была объектом крестового похода.

Понятно, почему такую ненависть вызывал у наших перестройщиков конца 80-х годов Сталин, сумевший расколоть западный блок, а потом и организовать Отечественную войну. Горбачев, Яковлев и Ельцин — это наши Блюм, Даладье и Петен Франции конца 30-х годов.

Глава 11

СОВЕТСКОЕ И ФАШИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВА

Одно из важнейших понятий, с помощью которых сегодня обеспечивается манипуляция сознанием в странах европейской культуры, — *фашизм*. И на нынешнее восприятие истории Советского государства сильное влияние оказала проведенная за последние десять лет широкая идеологическая кампания, утверждающая его принципиальное сходство с фашистским государством, возникшим в Германии в 1933 г. и ликвидированном в результате его поражения во Второй мировой войне.

Отвлечемся от эмоциональных оценок, о которых бесполезно спорить (типа «Сталин хуже Гитлера» или «жаль, что немцы не победили»), хотя за их наигранной страстностью скрыт холодный расчет. Логическими доводами в пользу соединения советской и фашистской государственности под одной шапкой «тоталитаризм» служат сходные черты применяемых ими технологий в легитимации политического порядка, во взаимодействии государства и партии, в репрессивных мерах. Конечно, вполне правомерно сравнивать и *внешние* признаки и результаты, те травмы, которые нанесли обществу и фашизм, и коммунизм как два радикальных мессианских проекта в крайнем напряжении физических и духовных ресурсов. Но без выявления *коренных* черт никакого достоверного исторического знания так получить нельзя, а уж тем более знания для понимания настоящего момента и предвидения будущего.

Когда сравниваешь систематически именно коренные черты советского строя и фашизма, разница буквально потрясает. Мы действительно не знали фашизма, и в каком-нибудь фильме про Штирлица появляются обычный Куравлев или Табаков, только в черной форме. Папа Мюллер — обычный человек,

винтик жестокой тоталитарной машины, только воюет против СССР. Особенно поразительна нечувствительность к смыслу фашизма наших реформаторов-демократов. Они действительно будто родились как чистая доска, говорят вещи, чудовищные в своей невинности. Вот как в 1998 г. разглагольствует о фашистах С.Степашин, видный демократ, тогда министр внутренних дел РФ: «Появился Шеленберг как идеал профессионала. Мы его знаем по исполнению Табакова в «Семнадцати мгновениях весны». А в жизни это был совершенно удивительный человек, умница, который в 26 лет возглавил крупнейшую службу Германии, причем чисто интеллектуальную службу, со сложными играми, как и Канарис, тут и разработки агентов, и сложнейшие подставы... Сейчас читаю мемуары и размышления Гелена. Он очень интересно трактует мировые события 60—70-х годов, как он их видел из Западной Германии. А мне еще интересна психология человека, как он входил в должность, что несколько напоминает мне мою нынешнюю ситуацию».

Хорошо бы и нам забыть, как Степашин, об этой страшной странице истории, но не дают. И раз уж призрак фашизма бродит по Европе, придется с ним познакомиться поближе. В лицо мы его знаем, но теперь он в маске. Так надо знать, что у него в голове и на сердце.

Идеологи до рационального анализа сходства и различий никогда не доходят, ибо анализ даже самых сходных технологий в «сталинизме» и фашизме показывает, что речь идет о совершенно разных явлениях, лежащих на двух разных цивилизационных путях. Их сравнительный анализ очень полезен для понимания Советского государства и права вообще и особенно в его «тоталитарный» период.

Понять сущность фашизма мы срочно должны по многим причинам. Кое-какие очевидны. Во-первых, новый вид фашизма, уже в пиджаке и галстуке демократа, формируется как простая альтернатива выхода из мирового кризиса — через сплочение расы избранных («золотой миллиард»). Заметьте: ни один наш «демократ» — ни Горбачев, ни Яковлев, ни Явлинский ни разу ни словом не выразил своего отношения к этому проекту. Может быть, они о нем не знают, хотя и пасутся в Римском клубе?

Вторая причина в том, что сегодня идеологи неолиберализма активно деформируют реальный образ фашизма, вычищая из него суть и заостряя внешние черты так, чтобы этот ярлык можно было прилепить к любому обществу, который не желает раскрыться Западу. Как только Россия попытается «сосредото-

читься», ее станут шантажировать этим ярлыком. И на это мы не можем ответить, как Чапаев, — «наплевать и забыть». Война идей и образов нам давно навязана, в ней надо хотя бы обороняться. И не только в районном суде, где Жириновский может отспорить миллион за то, что его обозвали фашистом. Для нас знание важно потому, что противнику труднее будет деморализовать нас ярлыком фашизма. К тому же, когда это знание будет доступно, нашим честным интеллигентам станет стыдно того доверия, с которым они отнеслись к Шахраю и Бурбулису.

Но для меня важнее всех третья причина: пугало фашизма сковывает наше собственное мышление. Вот я читаю статью фашиста, и меня прошибает холодный пот: почти текстуальное совпадение с какими-то моими мыслями. Первое побуждение — послать все подальше и помалкивать. В крайнем случае писать, как Ричард Косолапов, а то шаг вправо, шаг влево — и напоролся. Потом начинаешь разбираться: почему же говорим вроде одно и то же, а исходим из разных аксиом и приходим к разным выводам? И когда докапываешься до сути, то выходит, что смысл всех главных слов совершенно различен. Более того, лоя души, фашисты и не могли не употреблять множества идей и образов, которые привлекали людей, затрагивали их глубоко скрытые чувства. И в оболочке этих образов, как в троянском коне, главные идеи фашизма преодолевали защитную стену культуры и здравого смысла — и даже инстинкта самосохранения. Но нельзя же, поверив однажды деревянному коню, возненавидеть живых лошадей. И обратно: из-за того, что ты любишь лошадей, нельзя доверять хорошо сделанному чучелу — а ведь у нас кое-кто уже соблазняется дудочкой фашизма, лишь бы она звучала, как родная свирель.

Поняв суть фашизма, мы, при нашем хаосе мыслей и утрате жестких шор и поводов марксизма, сможем избежать многих подводных камней и ловушек, которые нас стерегут на пути к новому пониманию категорий «народ», «нация», «государство», «солидарность». Если мы в потемках забредем в болото фашистских идей, мы, конечно, фашистами не станем, так как некоторые необходимые признаки мы у себя развить не сможем, даже если бы старались, — тут нужна иная культура. Но грязи в таком болоте нахлебавшись. Лучше уж, не боясь слов и ярлыков, разбираться в сути и в болото не лезть.

Думаю, пришло для нас время самим разобраться в проблеме. Нет в ней ничего потустороннего, все поддается разумному изучению, туману напустили нарочно. Помимо обществоведов,

которые следуют невидимой дирижерской палочке, много частных и надежных сведений собрано учеными без претензий — историками науки и культуры, психологами, антропологами, в том числе теми, кто сам переболел фашизмом (как, например, Конрад Лоренц). Собрав по крупицам это знание, мы можем обрисовать то ядро идей, установок, вкусов и привычек, которые определяют фашизм и отделяют его от других видов тоталитаризма, национализма и т.д.

Понятие фашизма сегодня. Фашизм — исключительно важное, но очень четко отграниченное явление западной (и только западной) культуры и философии, которое породило жестокое, поставившее себя «по ту сторону добра и зла» государство.

К сожалению, само понятие фашизма зарезервировано идеологами как мощное средство воздействия на общественное сознание и выведено из сферы анализа. Вторая мировая война и преступления немецкого нацизма оставили в памяти народов Европы и США такой глубокий след, что слово «фашизм» стало очевидным и бесспорным обозначением абсолютного зла. Тот, чье детство прошло во время и сразу после войны, помнит, что у нас не было большего оскорбления, чем обозвать кого-нибудь фашистом — это считалось самым бранным словом, обиженный мог ответить на него кулаками.

Идеологи всех цветов накачивали это понятие в сознание, чтобы в нужный момент использовать его как мощное оружие. Политического противника, которого удавалось хоть в небольшой степени связать с фашизмом, сразу очерняли в глазах общества настолько, что с ним уже можно было не считаться. Он уже не имел права ни на диалог, ни на внимание. Сегодня раздутое и ложное понятие фашизма становится все более важным оружием для добивания (как предполагают умники-победители) коммунизма. Целый ряд «признаков» фашизма можно прилепить к коммунистам, как и ко всем другим политическим и философским течениям, которые вошли в конфликт с нынешней элитой Запада. И если бы мы знали, как тщательно из общественного сознания вымарывалось знание сути фашизма, то могли бы догадаться, что куется важное оружие холодной войны. Тогда не удивлялись бы, что нас вдруг начали называть фашистами. И на Шахрая с Бурбулисом сердиться не надо — не они это придумали, им дали зачитать готовые методички. Да и то они читали запинаясь.

Идеологам, чтобы использовать ярлык фашизма, необходи-

мо было сохранять это понятие в максимально расплывчатом, неопределенном виде, как широкий набор отрицательных качеств. Если этот ярлык описан нечетко, его можно приклеить к кому угодно, — если контролируешь прессу. Особенно легко поддавались на манипуляцию фашизмом интеллигенты, выросшие на идеалах Просвещения и гуманизма. За это дорого поплатилось европейское левое движение уже в начале 30-х годов. Немецкий исследователь фашизма Л.Люкс пишет: «Пожалуй, наиболее чреватым последствием было схематическое обобщение понятия «фашизм» и распространение его на всех противников коммунистов. Этим необдуманным употреблением понятия «фашизм» коммунисты нанесли урон прежде всего самим себе, ибо тем самым придали безобидность своему наиболее опасному врагу, по отношению к которому использовалось первоначально это понятие».

Нынешней интеллигенции сегодня можно сделать упрек: почему она не разглядела важную вещь — такое колоссальное событие в истории Запада, как фашизм, осталось практически не изученным и не объясненным? Попробуйте вспомнить основательный, серьезный и доступный труд, который бы всесторонне осветил именно сущность фашизма — как философского течения, как особой культуры и особого социального проекта. Думаю, что такого труда никто не назовет, и ни одной ссылки на него мне нигде не встречалось. Мы видим лишь обрывки сведений, которые сводятся в основном к конкретным обвинениям: концлагеря, национализм, жестокие убийства врагов и конкурентов, преследование евреев, бесноватый фюрер и т.д. Но эти конкретные обвинения совершенно не объясняют, чем подкупил этот бесноватый фюрер такой рассудительный и осторожный народ, как немцы. К каким струнам в их душе он воззвал. Ведь в Германии произошло нечто совершенно невероятное. Немцы демократическим путем избрали и привели к власти партию, которая, не скрывая своих планов, увлекла их в безумный, безнадежный проект, который означал разрыв со всеми привычными культурными и моральными устоями.

Все это происходило не за тридевять земель и не в древнем Вавилоне, а на наших глазах. Все материалы для исследования доступны, но мы в делах Вавилона разбираемся лучше, чем в образе мыслей фашистов. На знание об этой болезни Европы наложено негласное табу, которое никто не осмелился нарушить. Это тем более поразительно, что уже более полувека нам твердят об угрозе неофашизма. Казалось бы, обществоведы

всех стран должны были бы дать ясное определение фашизму, чтобы мы могли различать угрозу, видеть противника, выявлять неофашистов в любом их обличье, даже замаскированных, без свастики и побритой головы. Пока же как бы специально создан карнавальный образ неофашиста как тупого маргинала, который развлекается тем, что избивает нищих и иностранцев.

Иногда приходится слышать, что вроде бы и изучать нечего эту гадость. Мол, не было ничего, кроме нагромождения лжи, гипноза и кучки преступных маньяков. Все, дескать, нам Кукрыниксы объяснили. Но стоит чуть-чуть вникнуть, выходит наоборот — одна из причин молчания в том, что явление фашизма сложно (как и целый ряд других болезней культуры, например, терроризм). Оно не по зубам ни вульгарному марксизму, для которого вся жизнь общества сводится к классовой борьбе, ни вульгарному, механистичному либерализму. Своего Достоевского ни Запад, ни СССР не родили. Но только этим объяснить молчание невозможно, ведь не написано и таких трудов, которые были бы первым, хотя бы упрощенным приближением к проблеме. Довод, что европейцы не хотят «ворошить свое собственное дерьмо» (я и такое слышал), мне не кажется убедительным. По отношению к другим своим черным историям такой чистоплотности не проявляют. Тем более что все нынешние интеллектуалы называют себя антифашистами и это вроде бы «не их дерьмо».

Возможно, здесь зарыта часть собаки, и через «соблазн фашизма» прошло гораздо больше интеллектуалов Запада, чем мы думаем. И этот их увязший коготок вскрыется как раз не через свастику и кровавые преступления, а через анализ сущности. Анализа и не хотят, а на описания кровавых мерзостей не скупятся. Л.Люкс замечает: «Именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов». Не потому ли стали скандальными опубликованные недавно дневники философа-антифашиста Сартра? Он в них признал, что «добавлял фашизм в свою философию и свои литературные произведения, как добавляют щепотку соли в пирожное, чтобы оно казалось слаще». Но это признания-намеки, из них много не выудишь.

Думаю, что есть и простое объяснение: идеологам, чтобы использовать в своей борьбе сатанинский образ фашизма, необ-

ходимо было сохранять это понятие в максимально расплывчатом, неопределенном виде, как широкий набор отрицательных качеств. Если этот ярлык, бьющий по сознанию, описан нечетко, его можно приклеить к кому угодно, — если контролируешь прессу. А если дотошно изучена и сообщена людям сущность явления, сфера его применения в идеологической борьбе резко сужается.

Мы наблюдаем постоянное размывание понятия и расширение сферы его применения. Так, фашистом называют Саддама Хусейна, не приводя для этого никаких оснований, кроме того, что он «кроважадный мерзавец» и не дает установиться в Ираке демократии, — а там все о ней только и мечтают.

В Испании говорят о «баскском фашизме», потому что небольшая (около 100 человек) группа сепаратистов-басков прибегает к терроризму. Недавно в Испании напечатана большая статья «Баскский фашизм», где утверждается, будто движение сепаратистов-басков отражает все главные признаки фашизма. Статья написана профессором истории политической мысли и претендует на то, чтобы кратко дать критерии фашизма. Автор даже критикует журналистов и политиков, которые и раньше часто называли баскских радикалов фашистами, используя этот термин как ругательство, как общее обозначение антидемократического мышления. Далее профессор (сам баск) дает свое определение и утверждает, что баскские «радикальные патриоты» соответствуют самому строгому понятию *исторического фашизма*. Вот в чем это соответствие: «одержимость идеей политического единства народа, которая несовместима с демократическим плюрализмом; презрительное отношение к представительной демократии (единственной, которая функционирует); фальшивый синтез национализма и социализма, без которого не может быть и речи об истинном фашизме». Говорится, что баски к этому предрасположены традицией их коллективного поведения — «антилиберальной тенденцией к народному единомыслию».

Если строго следовать определению этого баска-либерала, то к фашистам следует причислить всех тех, кто обладает этническим сознанием и в то же время исповедует идею социальной справедливости («социализм»). Например, к лику фашизма следует причислить предвоенную Японию, которая явно фашистской не являлась. Один испанский историк мне откровенно объяснил: японцы не могли быть фашистами, потому что они азиаты («чумазый играть на фортепьяно не может»). Сегод-

ня под это определение фашизма попадают почти все страны незападной культуры. Все, кто использует понятие «народ» вместо понятия «индивидуум». А наш Л.И.Гумилев с его этногенезом автоматически становится чуть ли не главным идеологом фашизма конца XX века.

Мало-помалу разворачивают и тему «русского фашизма». В «войне идей и образов» идеологи деформируют реальный образ фашизма, вычищая из него суть и заостряя внешние черты так, чтобы этот ярлык можно было прилепить к любому «неудобному» обществу, политическому движению и даже отдельному человеку. Американский историк фашизма С.Пэйн определяет так: «Слово «фашист» и производные от него применяются в самом широком смысле для обозначения приверженности к авторитарной, корпоративной и националистической системе правления». То есть оказывается фашистским социальное устройство японцев, южнокорейцев, фашистским становится и Израиль. Зато уж коммунистов Пэйн вроде прощает, поскольку они не националисты. Но так как признаки размыты, чем-то можно и пожертвовать (например, итальянскому фашизму не был присущ антисемитизм, а многие считают его ключевым качеством фашизма).

Испанский литературовед Х. Родригес Пуэртола издал в 1986—1987 гг. большую антологию «Испанская фашистская литература» в двух томах. В первой части он дал обзор всех основных западных авторов, которые изучали фашизм как явление. Здесь — огромный набор признаков, масса важных и ценных наблюдений, все очень интересно. Но все эти авторы избегают выделить то, что в математике мы научились считать «необходимыми и достаточными признаками», — то, что позволяет отличать одно явление от другого, имеющего схожие черты, но иного по сути. В результате, если собрать все эти признаки, отобранные западными специалистами, и использовать их по своему усмотрению, то с одинаковым основанием можно назвать фашистами и Тэтчер, и Исхака Рабина, и Горбачева, и Ельцина. А вот Жириновского, как ни странно, назвать фашистом нельзя, так как в признаки фашизма входила «защита, не на жизнь, а на смерть, западных ценностей». Концы с концами явно не вяжутся, и литературовед признает, что отобрал для своей антологии около двух сотен писателей и поэтов (кстати, печатно приклеив им ярлык фашиста), следуя такому критерию: «В этой антологии фашистами считаются все те, кто тем или иным способом поставил свое перо и мысль, каковы бы ни

были оттенки, на службу [франкизму]... а также те, кто просто отражает какую-либо антидемократическую идеологию».

Подумайте: франкизм существовал 30 лет, мог ли кто-то из жителей Испании «тем или иным образом» не послужить режиму? То есть автор присваивает себе право *любого* испанца назвать фашистом. А что такое «антидемократическая идеология»? Автор, как и вообще «демократы», не дает определения этому понятию. Католический священник в своей мессе — какую идеологию «отражает»? Ясно, что «антидемократическую». Значит, если будет надо, и его можно назвать фашистом. Так неопределенность термина «фашизм» многократно увеличивается неопределенностью его антипода — демократии, отталкиваясь от которой нам якобы объясняют фашизм. Не говоря уж о строгой логике, даже с точки зрения здравого смысла это культурная диверсия. И самое печальное, что многие люди ее совершают искренне, даже не понимая, что они делают (а многие понимают).

Когда в Европе оформился зрелый фашизм, его смысл был достаточно ясен для всех. Вальтер Шубарт в известной книге «Европа и душа Востока» писал: «Смысл немецкого фашизма заключается во враждебном противопоставлении Запада и Востока... Когда Гитлер в своих речах, особенно ясно в своей речи в рейхстаге 20 февраля 1938 г., заявляет, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением Советского Союза, он ясно показывает, как глубоко ощущается на немецкой почве противопоставление Востоку — как судьбоносная проблема Европы». Антисоветские российские идеологи, готовя сегодня миф о «русском фашизме», этого, естественно, стараются не вспоминать.

Да и вообще сейчас, судя по прессе, из перечня признаков фашизма срочно удаляют «западные ценности», выдвигают на первый план именно идею *народа*. Пугало фашизма готовится для атаки на следующего, после коммунистов, противника — любую этническую общность, не желающую превращаться в «человеческую пыль». Подумайте только: профессор-баск видит корень фашизма в «традиции коллективного поведения» своего народа. Значит, суть уже не в терроризме, не в идеологии, а в *традициях*, которые сложились за две тысячи лет и формируют лицо басков как народа. Но ведь антропологи установили, что подавляющее большинство человеческих существ живет, сплотясь в этносы и народы, в своем коллективном поведении высоко ценя единство. Значит ли это, что во всех них

дремлет фашизм? Конечно, нет, это дешевые разработки новых, уже демократических хранителей «западных ценностей».

Введем четкие, хорошо разработанные понятия, лежащие в основе любой социальной философии, которая задает тип государства, предопределяет его сущность. По тому, как трактуются эти понятия в советском и в фашистском государстве, можно судить о сходстве и различии их сущностей.

Человек — народ — нация — раса. Нынешние демократы видят признаки фашизма во всех идеологиях, которые употребляют понятие *народ* — как некий организм, носитель общего сознания и духа множества поколений его «частиц»-личностей. Это, дескать, тоталитаризм. Демократы, если и применяют иногда (очень редко), как уступку традиции, слово «народ», то в совсем ином смысле — как гражданское общество, состоящее из свободных индивидуумов. Эти «атомы» есть первооснова, главное начало. Они соединяются весьма слабыми узами в классы и ассоциации для защиты своих интересов, связанных с собственностью.

И фашистское, и советское государства опирались на понятие *народ* (впрочем, фашисты чаще использовали термин «нация»). Какой смысл вкладывался в это понятие?

В России не произошло рассыпания народа на индивидуумы. В разных вариациях общество всегда было целым, образованным из соборных личностей. Вот слова двух очень разных религиозных философов. С.Франк: «Индивид в подлинном и самом глубоком смысле слова произведен от общества как целого. Существует недифференцированное единство сознания — единство, из которого черпается многообразие индивидуальных сознаний». Вл.Соловьев: «Каждое единичное лицо есть только средоточие бесконечного множества взаимоотношений с другим и другими, и отделять его от этих отношений — значит отнимать у него всякое действительное содержание жизни».

Русский коммунизм и советский строй полностью унаследовали эту антропологию, это представление о народе и обществе (удалясь при этом от Маркса). Вошедшая в государственную советскую идеологию категория народа не вырабатывалась и не навязывалась, а была унаследована без всякой рефлексии, как нечто естественное. Фашизм, напротив, «наложил» на индивидуализированное общество догму общности как *идеологию* (что изуродовало многие черты общества). Вот слова из программы Муссолини: «Нация не есть простая сумма живущих сегодня

индивидуумов, а организм, который включает в себя бесконечный ряд поколений, в котором индивидуумы — мимолетные элементы». Это как будто переписано у наших евразийцев, только вместо *личности* (принципиально отличной от категории *индивидуума*), частицы нации представлены атомами, мимолетными элементами.

И в советской идеологии, и у философов фашизма есть много высказываний против индивидуализма и свободной конкуренции, за солидарность и первенство общественных интересов. Но суть определяется ответом на вопрос «что есть человек?». Отсюда исходят разные смыслы похожих слов. В русском и в прусском социализме (идеями которого питался фашизм) речь идет о несовместимых вещах. Между ними — пропасть, которой, кстати, нет между либерализмом и фашизмом. Коммунизм — это квазирелигиозная идея соединения, даже братства народов. Фашизм — идея совершенно противоположная. В. Шубарт писал в своей книге: «Фашистский национализм есть принцип разделения народов. С каждым новым образующимся фашистским государством на политическом горизонте Европы появляется новое темное облако... Фашизм перенес разъединительные силы из горизонтальной плоскости в вертикальную. Он превратил борьбу классов в борьбу наций».

Примечательно интервью, которое дал недавно последовательный антисоветский идеолог Ю.Афанасьев. Он сказал, что одно из главных противоречий XX века — это противоречие между коллективизмом и универсализмом, с одной стороны, и индивидуализмом, либерализмом — с другой. Ему говорят:

— Это любопытно... А, скажем, социальную философию фашизма вы к какой из этих сторон относите?

Ю.А.: Она, конечно, сугубо сингуляристская, абсолютно. Она делает ставку на индивидуум и замкнута на индивидуальное сознание. Причем индивидуальное сознание, которое приобретает гипертрофированный, как у Ницше, характер и воплощается уже в образе вождя.

Журналист удивляется:

— То есть фашизм — это гипертрофированный либерализм?

Ю.А.: Абсолютно — да. Иными словами, социальный атомизм.

— Мы, кажется, далеко зашли... — пугается журналист.

Фашизм — извращенное гражданское общество, но в каком-то смысле это прототип гражданского общества будущего — общества «золотого миллиарда». Фашизм — «опытная установка»

в технологии Запада. Здесь отработывались средства господства через манипуляцию сознанием, которые в глобальном масштабе Запад стал применять в конце XX века. Здесь, например, разрабатывалась первая государственная программа «Эвтаназия» — убийство больных. Для ее реализации в нацистской Германии были созданы особые организации — Имперское общество лечебных и подшефных заведений и Имперский общественный фонд попечительных заведений. Врачи из этих «обществ» предписывали больным смерть часто без всякого осмотра, заочно. Как было установлено в ходе Нюрнбергского процесса, только за один год по этой программе в Германии было умерщвлено 275 тыс. человек.

Международный трибунал в Нюрнберге определил активную эвтаназию (то есть умерщвление — в отличие от пассивной эвтаназии как прекращения оказания помощи) как преступление против человечности. А сегодня в 23 штатах США уже легализована пассивная эвтаназия, а в ряде судебных процессов оправданы врачи, занимающиеся активной эвтаназией. В Голландии без всяких законов уже с начала 80-х годов врачи делают по 5—10 тыс. смертельных инъекций в год*.

Фашизм доводит до логического завершения либеральную идею конкуренции. Вот что взял фашизм у Шпенглера: «Человеку как типу придает высший ранг то обстоятельство, что он — хищное животное». Отсюда и представление о народе и расе: «Существуют народы, сильная раса которых сохранила свойства хищного зверя, народы господ-добытчиков, ведущие борьбу против себе подобных, народы, предоставляющие другим возможность вести борьбу с природой, с тем чтобы затем ограбить и подчинить их».

Здесь — полное отрицание идеи *всечеловечности*, лежавшей в основании советского социализма, и отрицание политической практики СССР, созданного в нем способа сосуществования народов. Фашизм вырос из идеи конкуренции и подавления друг друга — только на уровне не индивидуума, а расы. Советский строй — из идеи равенства, сотрудничества и взаимопомощи людей и народов. А те «русские» и всемирные либералы, которые клеют нам ярлык фашистов, следуют рецепту Шпенглера: нашим народам они предоставляют вести борьбу с природой, добывая нефть в болотах Тюмени, чтобы затем ограбить

*Бородин С., Глушков В. Убийство из сострадания. — Общественные науки и современность, 1992, № 4.

нас. Разве это прямо не записано в программе МВФ, обязывающей снять таможенные тарифы на экспорт нефти?

Почему же коллективизм и чувство народа не вызывали у нас ни фанатизма, ни болезненного чувства превосходства, которое овладело немцами, как только они стали «товарищами в фашизме»? Потому что солидарность традиционного общества культурно унаследована от множества поколений и наполнена множеством самых разных смыслов и человеческих связей. Солидарность фашизма внедрена с помощью идеологического гипноза в сознание человека, который уже много поколений осознает себя индивидуумом. Возникает внутренний конфликт, деформирующий человека. Фашизм был болезнью общества, аномалией — как случаются болезни и припадки (например, эпилепсии) в людях.

Фашизм был болезненным припадком *группового инстинкта* — инстинкта, силой культуры подавленного в западном атомизированном человеке. Человек солидарный традиционного общества не испытывает этой тоски и не может страдать этой болезнью. Страдания людей, ставших «беспорядочной пылью индивидов», давно занимают психологов и социологов. В конце XIX века Э.Дюркгейм назвал это явление *аномией* — разрывом традиционных человеческих связей. Аномия, по его мнению, — главная причина нарастающего в индустриальном обществе числа самоубийств.

Замечательного антрополога К.Лоренца травили до самой недавней смерти за то, что он в молодости был фашистом. А надо бы ему быть благодарным за то, что он прошел через это, осознал, преодолел и смог потом сказать очень важные вещи. Судя по воспоминаниям, большим потрясением для него был плен и сам акт пленения под Витебском в 1943 г. Насмотревшись на дела немцев, он был уверен в бесконечной ненависти русских. Выходя из окружения, он ночью побежал к тем окопам, из которых стреляли по русским, и его ранили. Он смог уйти и заснул во ржи. Утром его разбудил русский солдат: «Эй, камрад, выходи!» И когда он вышел и сдался, солдат стал ему объяснять, какого они ночью свалили дурака — в неразберихе две наши роты стреляли друг в друга. Лоренца потрясло, что русский после такой незадачи хотел по-дружески выговориться перед ним, пленным немцем. Он здесь увидел «инстинкт общности» в его привычном, естественном выражении и потом много думал над тем, как болезненно этот инстинкт проявляется в тех, кто давно стал индивидуумом.

Фашисты отвергли деление людей на индивидов, наличие «пустоты» между ними. Отсюда и название: по-латыни *fascis* значит *сноп*. Стремление плотно сбиться в рой одинаковых людей достигло в фашизме крайнего выражения — все надели одинаковые коричневые рубашки. Они были символом: *одна рубашка — одно тело*. Достаточно прочесть статьи философов фашизма о смысле рубашки, чтобы понять, какая русских от них отделяет пропасть.

Советское государство не предполагало и не могло звать к сплочению в рой, ибо для такого сплочения люди должны были сначала пройти до конца атомизацию, превратиться в индивидов. У советского человека не было болезненного приступа инстинкта группы, ибо он постоянно и незаметно удовлетворялся через множество, в идеале через полноту, солидарных связей соборной личности. «Русскому тоталитаризму» не нужно было одной рубашки, чтобы выразить единство. Да, у фашизма был важен народ, но это был народ, спаянный из людей-атомов с помощью идеологической магии. Это слово было наполнено совсем иным содержанием, чем в СССР.

Теперь о расизме. Наше вульгарное обществоведение оставило в наследство примитивное представление о национализме и расизме. Люди считают примерно так: кто бьет негров — тот расист. Кто хвалит свой народ — националист. Конечно, привычки и культура высказываний и действий имеют отношение к вопросу, но очень небольшое. Суть глубже — в системе взглядов и коллективном бессознательном относительно человека и человечества. Взгляды, а затем и подсознание разошлись по двум пока что разным путям при возникновении в Европе современного буржуазного общества. Россия осталась именно на иной ветви культуры, хотя русский хулиган вполне может обругать и побить негра. При этом он не станет расистом, а лишь выразит, в тупой и грубой форме, общее и естественное для всех народов свойство *этноцентризма* — неприязни к иному. Но суть в том, что он обругает негра как *человека*, как бы он его ни обзывал. «Все мы люди, все мы человеки», хоть и костыляем друг друга. Но это вовсе не тривиальное мнение. Запад мыслит иначе.

Вспомним первый год немецкого вторжения. Тогда советским людям, размягченным сказкой о пролетарском интернационализме, стоило огромных трудов поверить в то, что идет война на *уничтожение* нашего народа. Они кричали из окопов: «Немецкие рабочие, не стреляйте. Мы ваши братья по классу».

И большое значение для перемены мышления имело мелкое, почти вульгарное обстоятельство: из оккупированных деревень стали доходить слухи, что немецкие солдаты, не стесняясь, моются голыми и даже отправляют свои надобности при русских и украинских женщинах. Не из хулиганства и не от невоспитанности, а просто потому, что не считают их вполне за людей. Откуда же это взялось? Из самых прекрасных теорий Просвещения и гражданского общества, из самого понятия «цивилизации».

Расизма не было в средневековой Европе. Он стал необходим для колонизации, и тут подоспело религиозное деление людей на две категории — избранных и отверженных. Это деление быстро приобрело расовый характер: уже Адам Смит говорит о «расе рабочих», а Дизраэли — о «расе богатых» и «расе бедных». Колонизация заставила отойти от христианского представления о человеке. Западу пришлось позаимствовать идею избранного народа (культ «британского Израиля»), а затем прийти до расовой теории Гобино. Как писал А.Тойнби в середине XX века, «среди англоязычных протестантов до сих пор можно встретить «фундаменталистов», продолжающих верить в то, что они избранники Господни в том, самом буквальном смысле, в каком это слово употребляется в Ветхом Завете». Именно пуританский капитализм породил идею о делении человечества на высшие и низшие подвиды. А.Тойнби пишет: «Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим Заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики».

Великий немецкий философ Ницше развил идею деления людей на подвиды до предела — до идеи сверхчеловека, который освобождается от «человеческого, слишком человеческого». Достаточно прочесть сравнительно мягкую книгу Ницше «Антихристианин», чтобы понять, насколько несовместимы идейные истоки фашизма и коммунизма. Фашисты произвели из метафоры Ницше упрощенную версию — белокурой бестии. Эту версию у нас достаточно обругали, но здесь для нас важнее именно ее философская основа. Советский коммунизм отверг ее не по невежеству — ницшеанство было изучено, «ощупано» русской мыслью, она прошла через соблазн ницшеанства. Достаточно вспомнить Горького с его образами сверхчеловека —

Данко и Ларры. Советская культура отвергла эти образы, даже с некоторым преувеличением отторжения. Культ героя-сверхчеловека не привился, наш герой — Василий Теркин.

Советский строй в этом вопросе стал именно антиподом фашизма. Это особо подчеркивает Л. Люкс: «После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интеллигенции — всеобщего равенства, и для марксистского идеала — пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в «капиталистической Европе» межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций. Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано, прежде всего у национал-социалистов, с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились на более низкой ступени выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами, и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип».

Подчеркну, что сущность фашизма — не выверты и зверства нацизма, не геноцид евреев и цыган, а сама уверенность, что человечество не едино, а подразделяется на сорта, на высшие и низшие «расы». Обоснование этой уверенности сводится к тому, что человеческие ценности (идеалы, культурные установки) записаны в биологических структурах человека (генах) и передаются по наследству. Это — *биологизация культуры*. По этому поводу уже в XVI веке произошел теологический спор в связи с индейцами. Католики установили, что «у индейцев есть душа» и они — полноценные люди. Протестанты считали, что индейцы — низший вид, так как не способны освоить ценности рационального мышления, и на них не распространялись права человека. С точки зрения науки (которая совпадает с христианской точкой зрения), человечество — единый биологический вид, ценности же — продукт *культуры*, который передается человеку не «через кровь», а через общение. Коммунисты восприняли эту точку зрения из исторического материализма и, подспудно, из православия. Мы отвергаем биологизацию культуры и по разуму, и по совести. Идеология фашизма, напротив, строилась на философском идеализме и на мифе крови. Так воз-

ника расовая теория, согласно которой одни народы биологически лучше (благороднее, трудолюбивее, храбрее и т.д.), чем другие. Это и есть расизм.

Кстати, расизм биологически делит людей не только по национальному, но и по *социальному* признаку. «Стихийными» расистами оказываются и некоторые наши антикоммунисты (демократы и патриоты), культивирующие идею о *«генетическом вырождении»* советского народа, в котором якобы уничтожили «справных хозяев», так что остались две-три сотни миллионов человек, *биологически* лишенных каких-то ценных качеств.

Заметим, что в Россию биологизацию культуры контрабандой импортировал Горбачев (хотя, думаю, он не знал, что делает). Это — понятие об *общечеловеческих ценностях*. То есть ценностях, якобы присущих всем людям без исключения, иначе говоря, записанных в биологических структурах. Из этого понятия следует, что те группы или народности, которые какими-то из установленных «мировым правительством» ценностей не обладают, не вполне принадлежат к человеческому роду. Список этих обязательных ценностей составляет «мировая демократия», и достаточно взглянуть на этот список, чтобы понять его сугубо идеологический смысл. Иракцы не разделяют некоторые ценности демократии — и они практически вычеркнуты из списка людей. От эмбарго погибли 600 тыс. малолетних детей, а западные газеты до сих пор пишут, что Кувейт освобожден «ценой очень небольшого числа жизней». Но вернемся к чистому фашизму.

Из вариантов определения расы немцы выбрали *миф крови*. Но это произошло не автоматически, а по расчету. Так, Меллер ван ден Брук возражал против чистоты крови как главного критерия, для него «раса — это все то, что духовно и физически объединяет определенную группу высших людей». Немецкие фашисты решили упростить вопрос расы и заострить его до предела, итальянцы по этому пути не пошли, но, суть одна. И она устойчива, ей не мешает ни демократия, ни рынок. Это видно в моменты кризисов. Психолог Фромм пишет: «Во время войны во Вьетнаме было много примеров того, как американские солдаты утрачивали ощущение того, что вьетнамцы принадлежат к человеческому роду. Из обихода было даже выведено слово «убивать» и говорилось «устранять» или «вычищать» (wasting)». Но это же мы видим в последних фильмах. Скажем, в фильме Коппола «Апокалипсис сегодня», который накачива-

ет ТВ России (приличная публика Запада отметила его как *расистский*). Там летчики США разгружают напалм на деревни Вьетнама (даже зная, что никаких партизан там нет), включая на полную мощность динамики с музыкой Вагнера — чтобы вьетнамцы, перед тем как сгореть, знали, что идет белый человек, *сверхчеловек*.

Расизм настолько глубоко вошел в ткань западной культуры, что даже сегодня, когда он официально отвергнут как доктрина, когда принята декларация ЮНЕСКО о расе и тщательно пересмотрены учебные программы, расизм лезет из всех щелей. Совсем недавно, в 80-е годы, телевидением и такими престижными журналами, как «National Geographics», создан целый эпос о белых женщинах-ученых, которые многие годы живут в Африке, изучая и охраняя животных. Живут в *одиночестве*, посреди дикой природы, их ближайший контакт с человеком — в городке за сотню километров. Те помощники-африканцы (в том числе с высшим образованием), которые живут и работают рядом с ними — просто не считаются *людьми*. Тем более жители деревни, которые снабжают женщин-ученых всем необходимым. В одном случае даже должен был по вечерам приходить из деревни музыкант и исполнять целый концерт — женщина-ученый очень любила народную африканскую музыку. Африканцы бессознательно и искренне трактуются как часть *дикой природы*. И уже совсем, кажется, мелочь — но как она безыскусна: бригады приматологов (исследователей обезьян-приматов) после полевых сезонов в тропических лесах любят сфотографироваться, а потом поместить снимок в научном журнале, в статье с отчетом об исследовании. Как добрые товарищи, они фотографируются вместе со всеми участниками работы (и часто даже с обезьянами). И в журнале под снимком приводятся полные имена всех белых исследователей, включая студентов, и часто клички обезьян — и почти никогда имена африканцев, хотя порой они имеют более высокий научный ранг, чем их американские или европейские коллеги. И здесь африканцы — часть *природы*.

Поэтому смешно говорить, будто расистская Германия Адольфа Гитлера не была частью западной демократии, а Германия Гельмута Коля — да. Тогда это была бы не демократия, не огромная историческая ценность, а дрянь какая-то. Напротив, тяжелый припадок немецкого фашизма только и мог произойти в лоне их демократии и красноречиво высвечивает ее генотип. Фашизм вырос из идеи конкуренции — на уровне расы. И это

было задано уже философом нового Запада Гоббсом: «хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее, подавляя других, чем объединяясь с ними». Поэтому нынешние либералы, которые следуют Гоббсу, близки к фашизму (хотя сегодня им претят его грубые методы), а коммунизм — нет. Кстати, либералы очень легко откатываются вправо. Видный теоретик рыночной экономики П.Кристол говорит: «неоконсерватор — это обманутый реальностью либерал». Нынешняя концепция «золотого миллиарда» — типичная расистская концепция, только ее фашизм носит теперь не национальный, а глобальный характер. Вместо расы арийцев теперь стараются создать расу богатых «цивилизованных» людей.

Такова суть того «национализма» и того «социализма», которые соединились в фашизме. Но это только скелет. Он будет обрастать реальными чертами, когда мы увидим, как трактуется в фашизме личность и государство, человек и природа. Узнаем необычную картину мира, воспринятую в философии фашизма. Тогда мы начнем чувствовать фашизм не просто как злобный и жестокий политический проект, который нанес нам столько ран, но и как глубокую, даже трагическую болезнь всей западной цивилизации, которая не излечена и грозит проявиться в новых формах.

Общественный строй. Социализм. Определения фашизма, которые используют идеологи, крутятся лишь в социальной и политической плоскости, и мы видим лишь «внешние» результаты. Фашизм остается «черным ящиком», из которого вылетают странные и страшные вещи. Но мы не можем их предсказать, не можем различить скрытого фашизма. И наоборот, в один мешок с фашизмом мы сеем явления принципиально иные. Например, называем фашистами латиноамериканских диктаторов. Но мулат Батиста и помещик Сомоса никакие не фашисты, а просто кровавые царьки, касики. Кроме того, не всякий фашист имеет возможность сформировать фашистский порядок. Однако начнем с социальной сферы.

Вспомним привычные определения фашизма, данные с двух сторон — марксистами и либералами. Г.Димитров сказал, что это «открытая террористическая диктатура самых реакционных, шовинистических и империалистических сил финансового капитала». То есть смертельный враг коммунистов. Либералы нажимают на то, что фашизм — это прежде всего тоталита-

ризм и национал-социализм, отрицающий свободный рынок и вытекающие из него демократические права человека. То есть нечто очень близкое к коммунизму. Сейчас они готовят общественное мнение к следующему идеологическому ходу. Схема его такова: Ленин и Троцкий были хотя бы интернационалистами, замыслили мировую революцию; Сталин, перенеся внимание на дела России (построение социализма в одной стране), уже стал полуфашистом, но еще декларировал, хотя бы для виду, интернационализм; Горбачев был очень хорошим — выступал и за рынок, и за западные ценности; а уж КПРФ, говорящая на патриотическом языке, — типичный национал-социализм. Прилепить ли к ней и другим патриотическим движениям в России уже сейчас ярлык фашистов или подождать — вопрос политической конъюнктуры.

Пока что этого хода не делают, мальчиков-«фашистов» для битья создали в виде Жириновского, Баркашова и т.п. Для этого Жириновский встречается с Ле Пенем, пишет письма правым экстремистам США и т.д. Но тему «русского фашизма» мало-помалу разворачивают. Нам надо быть готовыми и как можно раньше вступить в дебаты — как внутри страны, так и в мире. Относиться халатно к ярлыку фашиста и просто фыркать на «дураков», которые его нам приклеивают, ни в коем случае не следует.

Говорят: коммунизм и фашизм сходны в том, что отрицательно относятся к либерализму, к свободному рынку и буржуям (фашисты обзывали их плутократами). Но антибуржуазные и антирыночные установки — общая черта очень широкого спектра культурных и философских течений. Большую роль в культуре Европы сыграл романтизм, обличавший капитализм и буржуазный дух, но кто же назовет Шатобриана или Гюго идеологами фашизма? Из романтизма вырос «феодальный социализм» — идеология союза аристократии с пролетариатом против буржуазии. Но феодальный социализм как философия с фашизмом несовместим абсолютно. Пророчески и непримиримо описал буржуазное общество Достоевский в «Великом инквизиторе» — и его считать фашистом? Нет, конечно, хотя его глубоко почитал отец фашистской философии Меллер ван ден Брук. Глубоко антибуржуазным был Лев Толстой с его идеалом всеобщего братства — полный антипод фашизма. Антибуржуазность не есть признак фашизма, это его идеологическая маска, маска фашизма как ловца человек.

Своеобразие этой маски как раз в том, что, несмотря на

жесткую антибуржуазную фразеологию и широкое привлечение в свои ряды рабочих, фашизм возник в тесном и глубоком взаимодействии с крупным капиталом — взаимного отторжения между ними не возникло. Фашизм не был для крупного капитала, как иногда представляют, просто инструментом для выполнения грязной работы. Переговоры между Гитлером и руководством Веймарской республики о передаче власти фашистам велись через «Клуб господ», в который входили крупнейшие промышленники и финансисты. Для крупного капитала фашизм был средством овладеть массами и «выключить» классовую борьбу с помощью мощной идеологии нового типа. Ничего общего со всей траекторией социалистического движения это не имело. Для капитала принять флаг «социализма» и антибуржуазную риторику оказалось вполне приемлемой жертвой. Важно, что *под* риторикой. В отношении к капитализму и социализму никакого сходства между советским проектом и фашизмом нет, это два полюса.

Советское и фашистское государства вкладывали в понятие социализма совершенно разный смысл. В СССР это был способ нормальной, мирной жизни без классовой борьбы. Для фашистов — способ преодолеть раскол нации на классы, чтобы сплотиться для великой войны за «жизненное пространство». С самого начала социализм фашистов был *проектом войны*. В СССР видели социализм как желанный образ жизни для всех людей на земле, как путь соединения всех во вселенское братство (Лев Толстой — действительно зеркало русской революции). Это имело своим истоком православное представление о человеке.

Фашизм, национал-социализм, означал соединение лишь «избранного народа» (арийцев у немцев, потомков римлян у итальянцев) — против множества низших рас, которым предназначалось рабство в самом буквальном смысле слова. Истоком этого было протестантское учение об избранности к спасению, которое у Ницше выросло в крайний антихристианизм и утопию «сверхчеловека».

Важной для возникновения фашизма была мысль привлечь рабочих на сторону крупного капитала, используя совместно две сильные идеи, резко разделенные в марксизме, — *социализм* и *национализм*. Можно считать это огромным достижением идеологической алхимии. Фашистские шаманы получили варево огромной наркотической силы. «Западник» Шпенглер развивал идею социализма, «очищенного от Маркса», — идею прусского

(а затем «немецкого») социализма. А «антизападник» Меллер ван ден Брук развивал теорию национализма для немцев, которых «марксизм отвратил от идеи нации». Потом эти два компонента были соединены в бинарный заряд фашизма.

Государство. В разных типах общества по-разному видится роль государства. В традиционном обществе государство — ипостась народа, выражение его воли и духа, оно создается «сверху», через откровение (Бога, революции, традиции). У гражданского общества государство — его служащий, прежде всего полицейский, защищающий собственность граждан от пролетариев и голодных орд «дикарей». Оно создается «снизу» — волей массы индивидов (тех, кого не отлучили от выборов цензами, апатией и наркотиками).

Хотя в отношении государства формулировки коммунистов (вообще всех наших патриотов-государственников) и фашистов внешне во многом схожи, сущность, а также сам генезис, зарождение советского и фашистского государств различны принципиально. Советское государство возникло как революционный разрыв с несостоявшимся либерально-буржуазным государством. Но эта революция восстановила, в новой форме и с новым обоснованием «сверху», типичное государство традиционного общества. Главным в нем, как и ранее, было понятие народа, теперь не разделенного на классы, но понятие в принципе то же самое, что и раньше, в царской России. М.М.Пришвин в первые дни после Октября признал: «Просто сказать, что попали из огня в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минув свободу личности». Фашизм же мог вырасти только из демократии, из общества свободных индивидов (по неправильному выражению Пришвина, только из «свободы личности»).

Фашистское государство в Германии возникло, по словам первого вице-канцлера Папена, «пройдя до конца по пути демократизации» Веймарской республики. То есть в условиях крайнего кризиса гражданское общество с помощью присущих ему *демократических* механизмов породило фашистское государство. Философ Хоркхаймер, которого любят цитировать наши либералы, сказал о фашизме: «Тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник, буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения». А вот что пишет об этом Маркузе, которого А.Н.Яковлев в ЦК громил, не читая: «Превращение либерального государства в авторитар-

ное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм «вынул» из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития». Фашизм — это западная демократия на высшей ступени развития.

По-разному создавались наши государства. Советское — как продукт революции, которая резко сдвинула равновесие сил. Фашистское государство возникло как особый выход из нестабильного равновесия, к которому привел тяжелый кризис Запада: буржуазия не могла справиться с рабочим движением «легальными» методами, а пролетариат не мог одолеть буржуазию. Фашисты предложили выход: считать разоренную войной Германию «пролетарской нацией» и объявить национал-социализм, направив свою «классовую борьбу» вовне. Покорив необразованные народы, немецкий рабочий класс перепоручит им всю грязную работу и тем самым перестанет быть пролетарием — в Германии будет осуществлен социализм. (Почти так же рассуждают наши «теоретики», говорящие, что в США уже социализм.)

Разными были и основания репрессий как инструмента государства. Репрессии в СССР были прямым следствием и частью гражданской войны, ее битвами среди разных групп *победителей* ради достижения той степени единства, которую называют тоталитаризмом. Иными были задачи репрессий в фашистской Германии. Создав свое государство с очень сложной идеологией, фашисты были вынуждены срочно начать превентивные массовые репрессии против левых сил. Эти репрессии не были *судорогами гражданской войны* — это была особая война, нужная для стабилизации нового, необычного равновесия, достигнутого через союз буржуазии и пролетариата. Поскольку этот союз опирался на сложнейшую и хрупкую систему манипуляции сознанием, было необходимо удалить из общества всех тех, кто мог разрушить эту систему, нарушить очарование.

Если мы вспомним теорию гражданского общества Локка, то увидим, что социализм фашистов был ее логическим продуктом, в котором скрытый расизм евроцентризма переводился в видимую часть идеологии. По Локку, человечество состояло из трех элементов: ядра (гражданского общества, «республики собственников»), пролетариата, живущего в «состоянии, близком к природному», и «дикарей», живущих в природном состоянии. Фашизм означал соединение первых двух компонентов немец-

кой нации в одно ядро — гражданской пролетарской нации, устанавливающей свой «социализм» путем закабаления «дикарей». То есть фашизм не отвергал антропологию гражданского общества. Он вместо преодоления классового антагонизма путем «экспроприации экспроприаторов» направлял эту экспроприацию вовне.

Таким образом, и по своему «генетическому аппарату», и по образу рождения советское и фашистское государства принадлежат к совершенно разным типам, они на разных ветвях цивилизации. Одно было государством традиционного общества под шапкой модернизма, другое — уродливым порождением гражданского общества под шапкой традиционализма. Шапка, конечно, важна, но голова важнее. Разница видна, например, в сфере этики. Традиция предписывает наличие в государстве общей этики, в частности, множества запретов и табу, прямо не записанных в законе. Эта этика носит как бы религиозный характер, устанавливается «сверху». Поэтому советское государство называли идеократическим — по аналогии с теократическим, в котором действует религиозное право.

Фашистское государство было принципиально *анти*традиционным, это был именно плод западного общества на новой, больной стадии развития. Восприняв концепцию Ницше о сверхчеловеке «по ту сторону добра и зла», оно, устами корифея юридической науки К.Шмитта, провозгласило себя всемогущим, не ограниченным «никакими формальными или моральными табу». Более того, множество действий фашистов было специально направлено на то, чтобы натренировать персонал государственных институтов на работу в условиях снятия табу.

Советское и фашистское государства изначально строились на разных принципах *власти*. Фашизм исходил из древней и типично западной концепции цезаризма. Л.Люкс пишет: «Большевикам были непонятны причины популярности на Западе «цезаристской» идеологии, ибо в русской традиции нет предпосылок для ее возникновения... «Цезаристские» образы практически не возникали в русской истории. Правда, в России были цари, осуществлявшие в русском обществе не менее глубокие преобразования, чем «цезари» в западном. Но при этом имеются в виду этатистские революции сверху, которые задумывались и осуществлялись законными властителями России... В истории большевизма, равно как и в истории России, цезаристская идея не играла сколько-нибудь заметной роли. Большевицкая

партия, в противоположность правоэкстремистским партиям, ни до, ни после захвата власти не являлась партией вождя. Партийная дисциплина и беспрекословное повиновение ни в коем случае не были идентичны. Многие важные решения принимались после жарких дискуссий внутри партийного руководства. В 1936 г. Троцкий писал, что вся история большевистской партии — это история фракционной борьбы». Поэтому и процесс возникновения культа личности Сталина и концентрации власти в его руках был принципиально иным, нежели в фашистском государстве.

Фашисты категорически отвергали всякое самоуправление, государство было корпоративным и предельно иерархическим. Население было разделено на профессиональные цеха-корпорации. У нас же огромная часть функций выполнялась в рамках самоуправления: в сельсовете, в колхозе, в трудовом коллективе завода. Мы этого и не замечали, а когда на Западе просто начинаешь перечислять повседневные функции этих «институтов», тебя слушают недоверчиво. Представительство граждан во всех органах власти не было корпоративным — напротив, принципиальной политикой было создание условий для соединения людей разных групп, культур, национальностей.

Снова сошлюсь на интервью Ю.Афанасьева. Огорчаясь, что в Российской Федерации принят старый советский гимн, он объясняет это так:

— Обе России — и Россия «советская», и Россия молодая — устремлены, как оказывается, в брежневское время своими идеалами и помыслами. Вот этот сложный массив и составляет «путинское большинство». Но когда большинство высказывается за гимн — тогда в силу вступают и другие характеристики инерции советского периода. Ведь огромная часть населения в советское время была непосредственно вовлечена во власть, в систему власти на всех уровнях — от Политбюро до домоуправления.

Удивленный журналист спрашивает:

— Гимн поддержали люди, испорченные властью?

Ю.А.: Именно так. Они чувствовали свою причастность власти....

Ему говорят:

— Ну что ж, ведь это и есть демократический суверен?

Ю.А.: В том-то и дело. Теперь возникает вопрос: что должен делать руководитель — подчиниться, слиться с этим большинством, следовать за ним или он должен найти в себе мужество,

смелость и риск и выступить против? Или по крайней мере не следовать тем же курсом.

Вот тебе и демократия!

Идея *элиты* была просто болезненным пунктом фашизма (это отмечают как особое свойство все историки и психологи). Особенностью элитаризма фашистов была, однако, ненависть к *аристократии* как «непроницаемой» для них иерархии. В СССР, напротив, центральной догмой идеологии было равенство, но при этом элита (писатели, академики, генералы) быстро приобрела типичные черты аристократии. Не у всех выдвиженцев это получалось, но важны сами побуждения.

Кстати, и элитаризм фашизма сник под давлением глубокого пессимизма и ограниченности его философии. Ницше сказал западному обывателю: «Бог умер! Вы его убийцы, но дело в том, что вы даже не отдаете себе в этом отчета». Ницше еще верил, что после убийства Бога Запад найдет выход, породив из своих недр сверхчеловека. Такими и должны были стать фашисты. Но Хайдеггер, узнав их изнутри (он хотел стать философом фюрера), пришел к гораздо более тяжелому выводу. Коротко пересказывая его мысль, можно сказать так: «сверхчеловек» Ницше — это средний западный гражданин, который голосует за тех, за кого «следует голосовать». Это индивидум, который преодолел всякую потребность в смысле и прекрасно устроился в полном обесмысливании, в самом абсолютном абсурде, который совершенно невозмутимо воспринимает любое разрушение; который живет довольный в чудовищных джунглях аппаратов и технологий и пляшет на этом кладбище машин, всегда находя разумные и прагматические оправдания.

Язык идеологии государства. Фашисты пришли к власти, сумев на время превратить рассудительный немецкий народ в *толпу*. Предпосылкой к этому было именно состояние атомизированности, разобщенности немцев, порожденное протестантской Реформацией. Связь между фашизмом и Реформацией — большая и сложная тема, к которой с разных сторон подходили многие крупнейшие философы. Фашизм стал огромным экспериментом. Оказалось, что в атомизированном обществе овладение средствами массовой информации позволяет осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект. Соратник Гитлера А.Шпеер в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе признал: «С помо-

шью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление». Советское государство строилось из сословного общества старой России, к тому же «упорядоченного» Православием и другими «сильными» религиями. Оно было очень устойчиво против «превращения в толпу».

Фашизм (особенно германский) проявил большую творческую силу и осуществил новаторский прорыв к новым технологиям манипуляции массовым сознанием. Тщательно изученные на Западе уроки фашизма используются сегодня и в построении «нового мирового порядка», и широко применялись во время перестройки в СССР. Следуя идеям психоанализа (не ссылаясь, конечно, на Фрейда), фашисты обращались не к рассудку, а к инстинктам. Чтобы их мобилизовать, они с помощью целого ряда ритуалов превращали аудиторию, представляющую разные слои общества, в *толпу*.

Эффективность обращения к подсознанию была связана, видимо, с особой историей Германии, в которой на мышление человека наложилось несколько «волн страха»: страх перед Страшным судом и адом раннего Средневековья, страх перед чумой XIV века, а затем «страх Лютера» времен Реформации и последующий за ним страх, вызванный разрушением общины. На исход из этого «страха индивида» указывает психолог Э.Фромм: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм». Все эти волны страха соединились в Германии с тяжелым духовным кризисом поражения в мировой войне и страшным массовым обеднением. В конечном счете, фашизм — результат параноидального, невыносимого страха западного человека.

Ни в русской православной культуре, ни тем более в оптимистическом советском мироощущении этого страха не было и в помине. Обращения к подсознанию не было в русском коммунизме. Вся его риторика строится на ясной логике и обращении к здравому смыслу. В пределе — на «*деидеологизации*» проблемы. Видный немецкий философ науки, недавно умерший П.Фейерабенд широко использует тексты Ленина, особенно «Детскую болезнь левизны в коммунизме», как классический пример текста, снимающего соблазн, *отрезвляющего* аудиторию. Это был шаг вперед от Маркса в развитии традиции тако-

го изложения проблемы, при котором из нее устраняются все фетиши, все «идолы». Сталин довел эту линию до предела — стоит лишь перечитать его статьи и выступления. Его самые заклятые враги признавали: «слова, как пудовые гири, верны». Это слова не соблазнителья, а учителя и командира (хотя и тот, и другой могут быть тираном — для нас сейчас не это важно). Это надо подчеркнуть, ибо тип речи (дискурса) надежно отражает сущность политического проекта и идеологии. Дискурс фашистов и коммунистов строится принципиально по-разному.

Какие же средства использовали фашисты? Прежде всего, они по-новому применили *язык*. Они создали слово, сила которого заключалась не в информационном содержании, а в суггесторном воздействии, во внушении через воздействие на подсознание. Возник особый класс слов-символов, заклинаний. Гитлер писал в «*Mein Kampf*»: «Силой, которая привела в движение большие исторические потоки в политической или религиозной области, было с незапамятных времен только волшебное могущество произнесенного слова. Большая масса людей всегда подчиняется могуществу слова». Муссолини также высказал сходную мысль: «Слова имеют огромную колдовскую силу».

Языковую программу фашизма иногда называют «семантическим терроризмом», который привел к разработке «антиязыка». В этом языке применялась особая, «разрушенная» конструкция фразы с монотонным повторением не связанных между собой утверждений и заклинаний. Этот язык очень сильно отличался от «нормального». Писатель Итало Кальвино, которого мучила сама эта возможность превратить человека «в абстрактную сумму заранее установленных норм поведения», с этой точки зрения оценивал и «семантический террор» фашистов — «уход от всякого слова, обладающего смыслом, как будто *кувшин, печка, уголь* стали неприличными словами, как будто *пойти, встретить, узнать* — грязные дела».

Ничего подобного не было в «советском» языке, несмотря на период революционного словотворчества. Надежным щитом были советская школа и русская литература. Лев Толстой совершил подвиг, создав для школы тексты на нашем природном, «туземном» языке — и задав стандарты подобных текстов. Малые народы и перемешанные с ними русские остались дву- или многоязычными, что резко повышало их защитные силы. Язык, который вырабатывало Советское государство, последовательно устранял «идолов театра». Чтобы убедиться в этом, стоит

прочитать речи Сталина и вспомнить его довольно широко известное выступление 3 июля 1941 г.

Новаторская практика фашизма сыграла очень большую роль в привлечении *зрительных образов* к манипуляции сознанием. Перешагнув через рационализм Нового времени, фашизм «вернулся» к древнему искусству соединять людей в экстазе через огромное шаманское действо — но уже со всей мощью современной технологии. При соединении слов со зрительными образами возник язык, с помощью которого большой и расудительный народ был превращен на время в огромную толпу визионеров, как в раннем Средневековье.

Сподвижник Гитлера А.Шпеер вспоминает, как он использовал зрительные образы при декорации съезда нацистской партии в 1934 г.: «Перед оргкомитетом съезда я развил свою идею. За высокими валами, ограничивающими поле, предполагалось выставить тысячи знамен всех местных организаций Германии, чтобы по команде они десятками колоннами хлынули по десяти проходам между шпалерами из низовых секретарей; при этом и знамена, и сверкающих орлов на древках полагалось так подсветить сильными прожекторами, что уже благодаря этому достигалось весьма сильное воздействие. Но и этого, на мой взгляд, было недостаточно; как-то случайно мне довелось видеть наши новые зенитные прожектора, луч которых поднимался на высоту в несколько километров, и я выпросил у Гитлера 130 таких прожекторов. Эффект превзошел полет моей фантазии. 130 резко очерченных световых столбов на расстоянии лишь двенадцати метров один от другого вокруг всего поля были видны на высоте от шести до восьми километров и сливались там, наверху, в сияющий небосвод, отчего возникало впечатление гигантского зала, в котором отдельные лучи выглядели словно огромные колонны вдоль бесконечно высоких наружных стен. Порой через этот световой венок проплывало облако, придавая и без того фантастическому зрелищу элемент сюрреалистически отображенного миража».

Немцы действительно коллективно видели «явления», от которых очнулись лишь в самом конце войны. Эти их объяснения (в том числе на Нюрнбергском процессе) принимались за лицемерие, но, когда их читаешь вместе с комментариями культурологов, начинаешь в них верить. Например, всегда было непонятно, на что немцы могли надеяться в безумной авантюре Гитлера. А они ни на что не надеялись, ни о каком расчете и речи не было, в них возникла коллективная воля, в которой и

вопроса такого не стояло. Немцы оказались в искусственной, созданной языком вселенной, где, как писал Геббельс, «ничто не имеет смысла — ни добро, ни зло, ни время и ни пространство, в которой то, что другие люди зовут успехом, уже не может служить мерой».

Фашисты эффективно использовали зрелища и кино. Они целенаправленно создавали огромные спектакли, в которых реальность теряла свой объективный характер, а становилась лишь средством, декорацией. Режиссером таких спектаклей и стал архитектор А.Шпеер, автор труда «Теория воздействия руин» (иногда его переводят как «Теория ценности руин»). Исходя из этой теории перед войной был разрушен центр Берлина, а потом застроен так, что планировался именно вид руин, которые потом образуются из этих зданий. Вид руин составлял важную часть документальных фильмов с русского фронта, руины стали языком фашизма с огромным воздействием на психику*.

В 1934 г. фюрер поручил снять фильм о съезде партии нацистов. Были выделены невероятные средства. И весь съезд с его миллионом (!) участников готовился как съемка грандиозного фильма, целью был именно фильм: «Суть этого гигантского предприятия заключалась в создании искусственного космоса, который казался бы абсолютно реальным. Результатом было создание первого истинно документального фильма, который описывал абсолютно фиктивное событие», — пишет современный исследователь того проекта.

В 1943 г., после разгрома в Сталинграде, Гитлер для подъема духа решает снять во фьорде Нарвит суперфильм о реальном сражении с англичанами — прямо на месте событий. С фронта снимаются боевые корабли и сотни самолетов с тысячами парашютистов. Англичане, узнав о сценарии, решают «участвовать» в фильме и повторить сражение, в котором три года назад они были разбиты. Поистине «натурные съемки» (даже генерал Дитль, который командовал реальной битвой, должен был играть в фильме свою собственную роль). Реальные военные действия,

*Поразительно, как долго это сидит в немецких политиках: присоединив ГДР, они приказали разрушить только что застроенный огромными зданиями центр Берлина — новый спектакль, уже демократов. Глядя, с каким вкусом НТВ передавало «сверхдокументальные» снимки руин Грозного, начинаешь думать, что персонал нашего «независимого телевидения» тщательно изучил труды Шпеера.

проводимые как спектакль! Вот как высоко ценились зрительные образы идеологами фашизма.

Тогда не удалось — началось брожение среди солдат, которые не хотели умирать ради фильма. И фюрер приказывает начать съемки фильма о войне с Наполеоном. В условиях тотальной войны, уже при тяжелой нехватке ресурсов, с фронта снимаются для съемок двести тысяч солдат и шесть тысяч лошадей, завозятся целые составы соли, чтобы изобразить снег, строится целый город под Берлином, который должен быть разрушен «пушками Наполеона» — в то время как сам Берлин горит от бомбежек. Строится серия каналов, чтобы снять затопление Кольберга.

Уроки фашистов были тщательно изучены. Соединение слова со зрительным образом было взято на вооружение пропагандой Запада. Целая серия интересных исследований показывает, как Голливуд подготовил Америку к избранию Рейгана, «создал» рейганизм как мощный сдвиг умов среднего класса Запада вправо. Очень поучительна работа историка кино из США Д.Келлнера «Кино и идеология: Голливуд в 70-е годы». Можно выразить уважение к специалистам: они работали упорно, смело, творчески. Операторы искали идеологический эффект угла съемки, специалисты по свету — свой эффект.

В СССР для сплочения народа вокруг государства не нужно было факельных шествий — ритуалов *фанатичной* спайки. Советские массовые праздники были *гуляньями*, дети ехали на отцовских шеях с флажком и мороженым в руке, при остановках колонны появлялась гармошка, под которую плясали старики. Советскому государству был абсолютно чужд пессимизм и «воля к смерти» (при том, что смерти было порядочно). Достаточно сравнить симметричные фильмы и сказки начала 30-х годов — всю серию немецких фильмов о Зигфриде и нибелунгах — против советских «Руслана и Людмилы» и «Конька-горбунка». Нашим строителям и в голову бы не пришло «строить будущие руины». Даже снятый уже во время войны крайне идеологизированный фильм Эйзенштейна «Александр Невский» не идет ни в какое сравнение с серией о Зигфриде. В нем нет фанатизма, нет тяжелой мистики, давящей на подсознание.

Приведу пример изощренного применения зрительных образов в целях манипуляции сознанием, открытого немецкими фашистами. Они первыми предприняли для идеологической обработки населения крупномасштабное использование *географических карт*. Дело в том, что карта как способ «свертывания» и

соединения разнородной информации обладает не просто огромной, а почти мистической эффективностью. Карта имеет не вполне еще объясненное свойство — она «вступает в диалог» с человеком, как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Карта мобилизует пласты неявного знания работающего с нею человека (а по своим запасам неявное, неформализованное знание превышает знание осознанное, выражаемое в словах и цифрах). В то же время карта мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки — надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. Как мутное и потрескавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек. При этом возможности создать в воображении человека именно тот образ, который нужен идеологам, огромны. Ведь карта — не отражение видимой реальности, как, например, кадр аэрофотосъемки. Это визуальное выражение представления о реальности, переработанного соответственно той или иной теории, той или иной идеологии.

В то же время карта воспринимается как продукт солидной, уважаемой и старой науки и воздействует на сознание человека всем авторитетом научного знания. Для человека, пропущенного через систему современного европейского образования, этот авторитет столь же непререкаем, как авторитет священных текстов для религиозного фанатика. Фашисты установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие на сознание в нужном направлении. И они не скупились на средства, так что фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического издательского дела. Эти карты заполнили учебники, журналы, книги. Их изучение сегодня стало интересной главой в истории географии (и в истории идеологии).

Мы сами совсем недавно были свидетелями, как во время перестройки идеологи, помахав картой Прибалтики с неразборчивой подписью Молотова, сумели полностью парализовать всякую способность к критическому анализу не только у депутатов Верховного Совета СССР, но и у большинства нормальных, здравомыслящих людей. А попробуйте спросить сегодня: какую же вы там ужасную тайну увидели? Почему при виде этой филькиной грамоты вы усомнились в самой законности существования СССР и итогов Второй мировой войны? Никто

не вспомнит. А на той карте ничего и не было. Просто наши манипуляторы хорошо знали воздействие самого вида карты на сознание. Поскольку тоталитарный контроль над прессой был в их руках и никакие призывы к здравому смыслу дойти до масс не могли, успех был обеспечен.

В ведомстве Геббельса были отработаны методы «фабрикации фактов». Они были во многом новаторскими и тогда ставили в тупик западных специалистов. Так, фашисты ввели прием *подстраховки ложных сообщений правдивыми*, даже очень для них неприятными. В такой «упаковке» ложь проходила безотказно. На широкую ногу была поставлена разработка и распространение *слухов*. Впервые в Германии стали публиковаться ложные «научные» работы, в которых давались сфабрикованные цитаты со всеми научными атрибутами — с указанием ссылок на несуществующие источники, с номерами страниц, выходными данными и т.д.

Особую роль в пропаганде фашистов играла *театральность*. Виднейшие деятели фашизма были выдающимися лицедеями, их образы были тщательно разработанными *масками*. Немецкий философ и писатель Э.Канетти, наблюдавший фашизм и оставивший огромный «труд целой жизни», трактат «Масса и власть» (1960), уделяет особое внимание проблеме *маски* — именно как тому инструменту власти, которым она воздействует на сознание через воображение. Большое внимание уделялось *провокациям*, многие из которых были большими спектаклями (например, поджог рейхстага). Провокации порой проводились с единственной целью — снять «правдивый» пропагандистский фильм. Так, например, жителям оккупированного Краснодара было объявлено, что через город проведут колонну советских пленных и что им можно передать продукты. Собралось большое число жителей с корзинками, полными продуктов. Вместо пленных через толпу провезли машины с ранеными немецкими солдатами — и сняли фильм о «теплой встрече».

В выработке технических приемов фашисты проявляли большое знание психологии и интуицию. Вот какой прием был, например, введен в практику радио немецкими фашистами — они специально инсценировали всяческие «накладки», чтобы создать образ бесхитростных, неуклюжих людей. То «забудут» отключить микрофон и в эфир попадает дружеская перебранка сотрудников, за которую они потом извиняются, то «нечаянно» вторгается посторонний разговор или шум. Это на первый взгляд примитивный, но действенный прием «захвата аудитории». По-

зже, отталкиваясь от этого опыта, в отношении телевидения было также обнаружено, что искажения на экране телевизора, вызванные работой оператора в реальных условиях, не только не снижают силы воздействия на зрителя, но даже наоборот — создают ощущение большей подлинности репортажа.

Этим приемом злоупотребляло НТВ, когда делались телерепортажи о Чечне в 1995—1996 гг. Вот тропинка вдоль разрушенного дома, вдалеке от боя. По этой тропинке бегут какие-то люди, за ними следует камера. Камера дергается, люди выпадают из кадра, сбивается фокусировка. Все так, будто оператор, в страшном волнении, под огнем снимает реальность. Но камера дергалась и сбивалась с фокуса только для того, чтобы создать иллюзию боевой обстановки. Создается мощный эффект присутствия, мы как будто вброшены в страшную действительность Чечни. Трюк, который должен имитировать реальность, описан в учебниках телерекламы и телерепортажа как прием, оказывающий сильное эмоциональное воздействие от иллюзии достоверности. Это дешевый прием телерепортера, манипулирующего сознанием зрителя, — *reality show* (имитация реальности). Советским радио и телевидением он не употреблялся.

Роль женщины и молодежи в концепции советского и фашистского государств. Не будем брать крайности и копаться в вывертах евгеники, включенной в идеологию фашизма, — в расовых брачных нормах, идее улучшения породы, организации борделей, где производители-арийцы из СС оплодотворяли ариек для заселения новых жизненных пространств. Возьмем фундаментальную формулу фашизма для средней немки. Она сводилась к магическим «трем К»: *Kirche, Kinder, Küche* (т.е. *церковь, дети, кухня*). В этом отношении к женщине декларировался откат назад от современного общества.

Советское государство, напротив, декларировало освобождение женщины от «паранджи» (в широком смысле слова) и от экономического подчинения — в рамках наших исторических возможностей. Перед выборами 1995 г. по телевидению была пушена целая серия тупых маленьких пасквилей на советское прошлое. В одном из них Нонна Мордюкова представляла в виде страшной, загубленной этим прошлым женщины, которая с кувалдой трудилась на железной дороге. Что хочет сказать Мордюкова своим паскудным скетчем? Что русская женщина не желала ни образования, ни работы, а желала «церковь—дети — кухня»? А если не это, то пусть Мордюкова прочтет до-

клад ООН о детской проституции в «нетоталитарных» странах — единственной замене учебы и работы для девочек из «семей с низкими доходами». Но вернемся от Мордюковой к обыкновенному фашизму.

В отношении молодежи мы видим в фашизме сознательное разрушение традиционных отношений. Для превращения молодежи в «женихов смерти» нужна была глубокая культурная революция. Она заключалась в снятии естественных для детского и подросткового возраста культурных норм, запретов, отношений подчинения и уважения к старшим. Сначала — «раскрепощение» сознания, доведение атомизации до полного предела, чтобы затем слепить в рой, в военизированные группы. Идеологи поставили задачу: создать особый фашистский стиль — так, чтобы «молодежи стало скучно в лагере коммунистов» (этот прием не так давно успешно использован и нашими антикоммунистами). Этот стиль был развит как философия под названием «а мне что за дело» или стиль «бродяги и фанфарона» — говоря попросту, хулигана. Взрослые наставники молоденьких фашистов поощряли уличное насилие, ножи и кастеты. Сам фюрер заявил: «Да, мы варвары и хотим ими быть. Это почетное звание. Мы омолодим мир». Это принципиальное отличие от установки коммунизма в отношении молодежи: ее дело — учиться и овладевать всем культурным богатством, которое накопила цивилизация. Надеюсь, ленинские слова еще читатель помнит.

И здесь речь идет не о конъюнктуре, а о фундаментальном открытии философов фашизма, о котором очень много думал и писал К.Лоренц: «Демократизация» подростков, то есть освобождение их от иерархических связей со взрослыми и от гнета традиций, предоставление им самим устанавливать этические нормы и связи подчинения, неизбежно ведет к фашизации их сознания». Это надо подчеркнуть, ибо многие наши демократы сейчас с энтузиазмом бросились «раскрепощать» школу и детей вообще. Большинство из них не понимают, что творят. Никита Михалков в своем фильме «Утомленные солнцем», за который ему еще будет очень стыдно, издевается над «тоталитаризмом» советских детей. Они у него хором декламируют: «Ленин-Сталин говорит: надо маму слушаться!». Вот чему учили проклятые коммунисты. Тут сын сталинского детского поэта, сам того не понимая, сказал важную вещь. В этой позиции коммунистов соединялась *традиция* русской культуры с *наукой*, хотя тогда научных данных о развитии детской психики было еще недо-

статочно — их как раз добавило изучение фашизма. Дети должны «маму слушаться», а не создавать свой мирок с демократией.

Изучение процесса фашизации молодежи отражено в романе-антиутопии английского писателя У.Голдина «Повелитель мух» и в классическом фильме по этому роману. Почему-то наши демократы его не вспоминают. А в нем показано, как сотня нормальных детей, попавших без взрослых на тропический остров, решает воспроизвести политический строй «как у взрослых» — с выборами парламента, президента и т.д. И как этот строй неизбежно перерождается в жестокую фашистскую диктатуру. Наш коммунизм (и тут, думаю, большая заслуга Ленина и уже старого Горького) охранил детство и юность от радикалов Пролеткульта. Первым делом была проведена огромная государственная программа по массовому изданию и внедрению буквально в каждую семью *сказок народов СССР* (прежде всего русских сказок), а также Пушкина и сказок писателей-классиков. Официальная («рекомендованная») советская литература о детстве («Детство Темы», «Детство Никиты») задавала определенный тип отношений взрослых и детей. Она смогла нейтрализовать «Тимура и его команду» — абстрактную и убогую модель «взрослой» детской организации «для нас». Мы эту книжку переварили.

Картина мира в фашизме. На какие же болезненные позывы немецкой души так эффективно ответил фашизм? Была ли такая же потребность у русской души и если была, какие ответы дал советский строй? Начать придется с истоков, чуть ли не с проблемы пространства и времени — с картины мира. На картине мира (в конечном счете, на представлении пространства и времени) строится социальная философия и видение общества и государства.

За двадцать тысяч лет цивилизации человек остался существом с сильным космическим чувством, с ощущением себя в центре Вселенной как родного дома. Он воспринимал Природу как целое, а себя — как часть Природы. Все было наполнено смыслом, все связано невидимыми струнами. Природа не терпит пустоты! Ощущение времени задавалось Солнцем, Луной, сменами времен года, полевыми работами — время было циклическим. У всех народов и племен был миф о *вечном возвращении*. Научная революция разрушила этот образ: мир предстал как бездушная машина Ньютона, а человек — как чуждый и даже враждебный Природе субъект (Природа стала объектом

исследования и эксплуатации). Время стало линейным и необратимым. Это было тяжелое потрясение, из которого родился европейский нигилизм и пессимизм (незнакомый Востоку).

Особо тяжело эта смена картины мира была воспринята в странах, где одновременно произошла Реформация. Крах Космоса дополнился крахом веры в спасение души и разрушением общинных, братских связей между людьми. Не знаю объяснения, но самая тоскливая философия мира и человека возникла в Германии, а в период формирования фашизма эта тоска была умножена горечью поражения и ограбления победителями в мировой войне. Когда читаешь некоторые строки Ницше и Шопенгауэра, поражаешься: откуда столько грусти? Почему нельзя просто прожить на белом свете, радуясь солнцу?

Шопенгауэр сравнивал человечество с плесенным налетом на одной из планет одного из бесчисленных миров Вселенной. Эту мысль продолжил Ницше: «В каком-то заброшенном уголке Вселенной, изливающей сияние бесчисленных солнечных систем, существовало однажды небесное тело, на котором разумное животное изобрело познание. Это была самая напыщенная и самая лживая минута «всемирной истории» — но только минута. Через несколько мгновений природа заморозила это небесное тело, и разумные животные должны были погибнуть».

И именно там, где глубже всего был прочувствован нигилизм («Бог мертв», — заявил Ницше), началось восстановление архаических мифов и взглядов — уже как философия. Фашизм целиком построил свою идеологию на этих мифах, отрицающих научную картину мира, — на анти-Просвещении. Это был бальзам на душу людей, страдающих от бездушного механицизма научной рациональности. Глубокая связь между протестантской Реформацией, научной революцией XVI—XVII веков и фашизмом — отдельная большая тема в философии и культурологии. (Сразу замечу, что и на Западе, и в России антимеханицизм был представлен целым рядом течений, которые вовсе не вели к фашизму, — вспомним хоть Руссо и Вернадского.)

Для взглядов фашистов характерен *холизм* — ощущение целостности Природы и связности всех ее частей («одна земля, один народ, один фюрер» — выражение холизма). Философы говорят: «фашизм отверг Ньютона и обратился к Гёте». Этот великий поэт и ученый развил особое, тупиковое направление натурализма, в котором преодолевалось разделение субъекта и объекта, человек «возвращался в Природу» (о значении натура-

лизма Гёте для культуры писал М.Бахтин). Конечно, философия, созданная в лаборатории, служит для конкретных политических целей. «Возврат к истокам» и представление общества и его частей как *организма* (а не *машины*) оправдывали частные стороны политики фашизма как удивительного сочетания крайнего консерватизма с радикализмом.

Ницше развил идею вечного возвращения, и представление времени в фашизме опять стало *нелинейным*. Идеология фашизма — постоянное возвращение к истокам, к природе (отсюда сельская мистика и экологизм фашизма), к ариям, к Риму, построение «тысячелетнего Рейха». Было искусственно создано мессианское ощущение времени, внедренное в мозг рационального, уже перетертого механицизмом немца.

Именно от этого и возникло химерическое, расщепленное сознание (многие народы имели и имеют ощущение времени как циклического — без всяких проблем). Мессианизм фашизма с самого начала был окрашен культом смерти, разрушения. «Мы — женихи Смерти», — писали фашисты-поэты. Известный современный философ-гуманист Э.Фромм отмечал: «Унамуно в своей речи в Саламанке в 1936 г. говорил о том, что девиз фалангистов «Да здравствует смерть!» есть не что иное, как девиз некрофилов». Режиссеры массовых митингов-спектаклей возродили древние культовые ритуалы, связанные со смертью и погребением. Идея была не банальная — разжечь в молодежи архаические взгляды на смерть, предложив, как способ ее «преодоления», самим стать *служителями* Смерти. Так удалось создать особый, небывалый тип нечеловечески храброй армии — СС.

О массовой психологии фашистов, которая выросла из такой философии, написано довольно много. Ее особенностью видный философ Адорно «читает *манихейство* (четкое деление мира на добро и зло) и болезненный инстинкт группы — с фантастическим преувеличением своей силы и архаическим стремлением к разрушению «чужих» групп. Кстати, когда читаешь его описание этого психологического портрета, то приходишь к выводу, что он не является монополией фашизма. Это описание удивительно подходит к состоянию наших «демократов» в 1990—1992 гг., когда они вели борьбу с коммунистами. То же манихейство и те же нелепые фантазии и страхи. Но фашистами их считать нельзя — пока не доросли, хотя успехи делают.

Русская культура освоила науку без слома присущего ей мироощущения, а значит, без глубокого нигилизма и пессимизма

(хотя и это было непросто, как пишут русские философы начала XX века). Модель мира Ньютона ужилась в русской культуре с крестьянским космическим чувством — они находились в сознании на разных полках. Ни русских, ни другие народы СССР не надо было соблазнять холизмом и антимеханицизмом в виде идеологии. Поэтому Советскому государству не надо было прибегать к анти-Просвещению и антинауке. Наоборот, наука была положена в основу государственной идеологии. Большевики по тюрьмам изучали книгу В.И.Ленина о кризисе в физике — даже смешно представить себе фашистов в этой роли*.

Русская культура не теряла ощущения цикличности времени — оно шло и из крестьянской жизни, и из Православия. Коммунизм отразил это в своем мессианском понимании истории, но это не было откатом от рационализма, а шло параллельно с ним. При этом «возвращение к истокам», цикл истории был направлен к совершенно иному идеалу, чем у фашистов: к преодолению отчуждения людей во всеобщем братстве (идеальной общине), а у них — к рабству античного Рима, к счастью расы избранных. Как ни старались антисоветские идеологи времен перестройки, они не могли отрицать того факта, что советское мироощущение было *жизнерадостным*. Мы верили в добро.

Это хорошо сформулировал в своей речи на I Всесоюзном съезде писателей СССР (1934 г.) Н.И.Бухарин. Здесь его вполне уместно процитировать, ибо в важных отношениях его речь несла в себе зерна будущего «антисоветского марксизма», была отрицанием цивилизационного пути советского проекта. Таким образом, его общая оценка особенностей советской поэзии была очевидной, даже тривиальной. Она отражала то, что видели в то время виднейшие деятели мировой культуры. Н.И.Бухарин сказал:

«На фоне капиталистического маразма, гипертрофированной и нездоровой эротики, пессимистической разнузданности и цинизма или же вульгарных потуг поэтических «расистов» а *la Хорст Вессель*, у нас выступает поэзия бодрая, глубоко жизнерадостная и оптимистическая... Здесь нет мистического тумана,

*На это нередко замечают, что в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин был в том-то и том-то неправ. Конечно, ошибался — но совершенно не в этом дело. Главное, что это было политическое течение, которое считало себя обязанным задуматься о диалектике природы и кризисе ньютоновской картины мира.

поэзии слепых, ни трагического одиночества потерявшей себя личности, ни безысходной тоски индивидуализма, ни его беспредметного анархического бунтарства; здесь нет покоя сытых мещан, глядящих холеной рукой вещи и людей; здесь нет разнужданных страстей зоологического шовинизма, неистовых гимнов порабощения и од золотому тельцу».

Оптимизм, которым было проникнуто советское мировоззрение, сослужил нам и плохую службу, затруднив понимание причин и глубины того кризиса Запада, из которого вырел фашизм. Л.Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

Советский строй и фашизм — два разных и несовместимых цивилизационных пути.

Глава 12

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ДОКУМЕНТЫ: КАК ЖИЛОСЬ СТРОИТЕЛЯМ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В 1996 г. был опубликован ряд писем руководителям Советского государства о том тяжелом положении, которое сложилось перед войной в снабжении продовольствием в 1939—1941 гг.*. Составитель опубликованной коллекции Осокина Елена Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Сами документы хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). При подготовке к публикации стиль авторов сохранен, явные описки и опечатки исправлены, текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации.

Эти письма, по-моему, очень полезно почитать тем, кто ставит в вину советскому строю те трудности со снабжением, ко-

*Кризис снабжения 1939—1941 гг. в письмах советских людей. — Вопросы истории, 1996, № 1.

которые им приходилось переживать в 70—80-е годы. Перед войной, когда срочно создавался чрезвычайный государственный запас продовольствия, люди действительно находились на грани голода, но спасение они видели именно в советском строе и в более уравнительном распределении. На мой взгляд, письма хорошо показывают, что советский строй был людям именно родным и облегчения своего трудного положения они ожидали с ощущением своего права. В общем, комментарии к этим документам и не требуется. Жаль, что из-за нехватки места нельзя привести их здесь все. Вот избранные письма:

1. С. Абуладзе — В. М. Молотову

Уважаемый Вячеслав Михайлович!

Опять чья-то преступная лапа расстроила снабжение Москвы. Снова очереди с ночи за жирами, пропал картофель, совсем нет рыбы. На рынке все есть, но тоже мало и по четверной цене. Что касается ширпотреба, то в бесконечных очередях стоят все больше неработающие люди, какие-то кремневые дяди и дворники, ранние уборщицы или незанятые. Сейчас — колхозники, которые часто складывают купленное в сундуки как валюту. Как быть служащему человеку? У нас нет времени часами стоять в очередях или платить бешеные цены на рынке. Вячеслав Михайлович! Неужели нельзя урегулировать снабжение продовольствием и ширпотребом? Просим Вас как нашего депутата содействовать ликвидации всяких махинаций и бескультурия в снабжении, ведь очереди развивают в людях самые плохие качества — зависть, злобу, грубость и изматывают людям всю душу.

С совершенным уважением *С. Абуладзе*.

19 декабря, 1939 г.

2. Б. И. Морозов — А. И. Микояну

Дорогой Анастас Иванович!

Вот уже несколько раз перечитывал я Вашу речь на XVIII съезде ВКП(б). Сколько ценных знаний взял я из нее. Читая Вашу речь, я во многом убедился, в чем еще сомневался или хорошо не представлял, много чего понял, во многом нашел подтверждение тому малому, но правильному пониманию мною жизни, на рельсы которой я еще только становлюся. Иногда я прямо-таки восхищался. Уж так, ну как Вам сказать, бьете Вы в самую точку. Ну разве не воскликнул я «правильно», когда

читал об «универмагах, крупнейших, чем в Америке», которые в данный момент действительно не подходят. Разве не вырвалось из моих уст — «Ах, вот как!», когда я узнал, что недостаток товаров текстильной промышленности является результатом отставания некоторых ее областей. Кто посмеет отрицать факт о «холостых выстрелах», который Вы так правильно подметили, который я сам наблюдал в своей школьной жизни, но он не доходил до моего сознания.

Вообще, открыто сказать, Ваша речь послужила кладом для моих знаний. Если бы было время, я рассказал бы Вам о моей жизни, о том, как бросил меня отец, о том, как я учился, как начал читать книги и как роднили они меня с миром. Извините, последнее выражение не мое. Я его где-то слышал или вычитал. Кажется, в сочинениях Горького. Написал бы Вам о том, как много и часто приходилось мне рассказывать неграмотным соседям о международном положении нашей страны, о войне в Абиссинии, Испании, Китае и Хасане, о конфликте в районе озера Буир-Нур в МНР, об англо-франко-советских переговорах, договоре о ненападении с Германией, о пактах взаимопомощи с Прибалтийскими странами, о II мировой войне и вообще об империалистических войнах, о надеях* в Финляндии и о пр.

Приступим к цели. Что заставило меня писать это письмо? На этот вопрос я отвечу так — безобразие, которое творится в нашей стране. Ответ не очень-то приятный, но считаю его правильным. Дело в том. Когда не было крупы, я говорил маме — «крупка будет», когда не стало сахара, я сказал маме — «сахар будет. Не должно быть, чтобы в нашей стране не было сахара!» Дальше. Придя один раз из очереди за мануфактурой, мама начала обижаться, что нет мануфактуры, рассказывая, как много было ее раньше. Я сказал, что мануфактуры нет, потому что наша страна переживает разруху, нанесенную ей империалистической и гражданской войнами. К тому же, и царская Россия была не очень-то развитой. В ответ на это она сказала: «Не развитая, да зато мануфактуры было сколько хочешь, а очереди даже не знали!» Я сослался на возросшую потребность, на широкого потребителя. Но сам подумал: «А и вправду в царской России индустрии совсем не было, сейчас мы ее построили. Текстильная ж промышленность была, а все-таки она не удовлетворяет нашего потребителя. Виной этому я считал малое

*Смысл этого слова не ясен. Возможно неправильное прочтение слова машинисткой Совнаркома при перепечатке письма.

внимание ЦК ВКП(б) и СНК. Почему бы, например, не поставить текстильную промышленность наряду с черной металлургией и не заботиться о ее росте. Но это я уже здорово отвлекся.

Да, в конце разговора я сказал матери, что не дождемся мы и конца 2-й пятилетки, как будет у нас мануфактуры сколько хочешь. Но вот прошла 2-я пятилетка, началась третья, а мои предсказания не оправдались — мануфактуры не было и нет. Привезут ее иногда — народ давится. Почему ж нет рыбы, дык <так> я и сам не придумаю. Моря у нас есть и остались те же, какие были и прежде, но тогда ее было сколько хочешь и какой хочешь, а сейчас я даже представление потерял, какая она на вид. А между прочим японцу сдаем [моря] в аренду, чтобы он угнаивал рыбой свои поля. Наконец, где девался хлеб? Кажется и собрали мы 6 млрд. пудов зерна. Посчитаешь по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной не было, а хлеба уже 2 месяца как нет. Или это безобразие творится только по Гомельской области, или по всей стране. А мы еще хотим построить коммунистическое общество, главным принципом которого будет «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Дальше, в газетах пишут, что во Франции, Англии, Германии буржуазия уводит <отменяет — ?> карточную систему, которой недоволен пролетариат. А у нас в стране, где победил пролетариат, в стране, на полях которой проливали кровь наши отцы и матери, сейчас вводится настоящая карточная система — железнодорожники и станционные рабочие (грузчики и другие) выписывают (хлеб) из Гомеля (наверное для всего народа), получают его по карточкам (личностям), посылая ко всем чертям посторонних, педагогов, получают хлеб из своего буфета и пр. И кто им только давал право позорить страну! Мы еще хотим победить в грядущих боях, когда столкнутся две системы — капиталистическая и социалистическая. Нет, при таких порядках и при таких недостатках никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!

Прошу Вас, дорогой Анастас Иванович, ответьте мне на все вопросы: почему нет мануфактуры, крупы, рыбы, обуви, сахара, конфет, спичек, почему не стало хлеба?

С нетерпением жду ответа. Морозов. Мой адрес — БССР, Гомельская область, ст. Буда-Кошелевская, Сталинская школа № 1, уч. 9-го класса «А» Морозову Борису Ивановичу.

(Написано не ранее декабря 1939 г. и не позднее февраля 1940 г.)

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Извините за беспокойство, но разрешите высказать Вам свою мысль.

Возможно, что она неправильна, но мне думается, что свободная торговля в стране Советов не соответствует социалистической структуре, тем более при нынешнем запросе потребителя.

Я думаю, что для Вас не секрет, что многие у нас кричат во всю глотку, что у нас всего много и все можно купить в любом магазине нашего Союза. На самом деле, не совсем правильно, и, по-моему, эти возгласы исходят от тех преступных элементов, для которых свободная торговля является доходной статьей разгульной жизни. Спрашивается, почему примерно гр. Бастынчук — рабочий с 14-летнего возраста, с производственным стажем 17 лет, с небольшой семьей в 3 человека, с зарплатой 500—600 рублей в месяц, не пьяница, не картежник — не может при свободной торговле в течение четырех лет купить хотя бы метр ситца или шерстяного материала! Разве он не нуждается в этом? Или не в состоянии? Нет, не в этом дело. Причина кроется в свободной торговле, от которой честные труженики в очередях попусту задыхаются, а преступный мир сплелся с торгующими элементами, и хотя «скрыто», но зато свободно — безучетно, разбазаривают все, что только попадает в их распоряжение для свободной торговли. И на этой преступной спекуляции — устраивают для себя все блага жизни.

Мне кажется, что вопросом свободной советской торговли надо заняться немедленно и построить, и организовать ее также на социалистических началах — планировании и точном учете, чтобы мы, граждане Советского Союза, могли иметь действенный рабочий контроль и правильную отчетность в распределении жизненных потребностей человека.

Пусть стыдятся враги народа, прислуги капитализма, ибо в капиталистической системе это невозможно сделать, а у нас в стране Советов, стране, строящей коммунистическое общество на основах плановости, равноправия и точном учете, все можно сделать, не исключая и советскую торговлю, что осуществимо при карточной или вроде ее систем.

Пусть для этого дела увеличится аппарат распределительно-торгующих организаций, но мы будем уверены, что удалим тысячи спекулянтов и связанных с ними тысячи преступных работников нынешней свободной торговли. Кроме этого, мы будем уверены, что каждый гражданин СССР получит столько, сколько ему нужно и положено получить на такой-то промеж-

уток времени. И не будет у нас того, чтобы одни делали запас на 20 лет вперед, а другие нуждались на сегодняшний день.

За такую гарантированную плановую распределительную советскую учетную торговлю, я более чем уверен, поднимут руки все честные труженики нашего Советского Союза. Надеюсь, в получении письма известите.

4.1.1940 года. Рабочий мехцеха № 2 Автозавода им. Молотова Бастынчук Григорий Савериянович. Адрес: г. Горький, 4, Комсомольская улица, д. 11-а, кв. 1.

9. П. С. Клементьева — И. В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я домохозяйка. В настоящее время живу в г. Нижнем Тагиле по ул. Дзержинской, д. 45, кв. 10. Прасковья Степановна Клементьева. Имею мужа и двоих сыновей, возраст 3,5 года и 9 месяцев. Муж до выборов в депутаты Советов работал в Сталинском райсовете в должности зав. отд. кадров. После выборов нашли, что должность можно упразднить — уволили. Но это ничего. Сейчас он, т. е. с 25.1 40 г. устроился в Осоавиахим, инструктором. Это тоже не плохо, я очень довольна, что он на военной работе. Я всю жизнь стремлюсь изучить военное дело, но у меня положение неважное, двое маленьких ребятишек, кроме мужа, никого родных и родственников не имею, значит, и ребят оставить совершенно не на кого. Правда, постарший сын у меня ходит в садик № 4, где хорошо поправился и хорошо развивается, а вот с меньшим Боренькой положение очень серьезное. Кормить ребенка совершенно нечем. Раньше хотя при консультации работала молочная кухня. Теперь она закрыта. Готовить не из чего. Все магазины пустые, за исключением в небольшом количестве селедка, изредка если появится колбаса, то в драку. Иногда до того давка в магазине, что выносят в бессознательности.

Иосиф Виссарионович, что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получишь 2 кг ржаного, а белого достать очень трудно. Я уже не говорю за людей, но скажу за себя. Я настолько уже истощала, что не знаю, что будет дальше со мной. Очень стала слабая, целый день соль с хлебом и водой, а ребенок только на одной груди, молока нигде не достанешь. Если кто вынесет, то очередь — не подступиться. Мясо самое нехорошее — 15 руб., лучше — 24 руб. у колхозников. Вот как хочешь — так и живи. Не хватает на существование, на жизнь. Толкает уже на плохое. Тяжело смотреть на голодного ребенка. На что в столовой, и то

нельзя купить обед домой, а только кушать в столовой. И то работает с перерывом — не из чего готовить. Иосиф Виссарионович, от многих матерей приходится слышать, что ребят хотят губить. Говорят, затоплю печку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут. Кормить совершенно нечем. Я тоже уже думаю об этом. Ну как выйти из такого положения, уже не могу мыслить. Очень страшно, ведь так хочется воспитать двух сыновей. И к этому только стремишься — воспитать, выучить. Я и муж поставили перед собой задачу — старший Валерий должен быть летчиком, меньший Боренька — лейтенантом. Но вот питание пугает, и очень серьезно. Иосиф Виссарионович, почему это так стало с питанием плохо. Кроме того, еще сегодня объявили, что пельмени были 7 руб., теперь будут 14 руб., колбаса была 7 руб., теперь — 14 руб. Как теперь будем жить? По-моему, Иосиф Виссарионович, здесь есть что-то такое. Ведь недавно было все и вдруг за несколько времени не стало ничего, нечем существовать дальше. Иосиф Виссарионович, лучше бы было по книжкам. Я бы хотя получила немного, но все бы получила, а за спекулянтами не получишь. Они целыми днями пропадают в магазинах.

Иосиф Виссарионович, может быть, еще где есть нехорошие люди, и вот приходится так страдать. Напишите мне, Иосиф Виссарионович, неужели это будет такая жизнь. Совершенно нечего кушать. Вот уже 12 часов, а я еще ничего не ела, обежала все магазины и пришла ни с чем. Иосиф Виссарионович, жду ответа, не откажите написать.

Клементьева П. С.

(Поступило в ЦК ВКП(б) 2 февраля 1940 г.)

10. С. Мелентьев — А. А. Андрееву

Дорогой Андрей Андреевич!

Еще раз прошу прочесть мое письмо, так как на посланное мною Вам письмо от 13 января с. г. ответа не получил и не чувствуется никакой действенности. Второй раз ставлю Вас в известность об исключительно катастрофическом состоянии дела торговли в Нижнем Тагиле (Свердловская область). На 180 тысяч населения городу вместе с сельской местностью на февраль установили лимит на муку в 2680 тонн. Это только на выпечку хлеба, хлебо-булочных и мучных изделий для торговой сети и треста столовых. И ни одного килограмма муки для продажи.

Вот уже больше месяца в Н. Тагиле у всех хлебных магазинов массовые очереди (до 500 и больше человек скапливается к мо-

менту открытия магазинов). Завезенный с ночи хлеб распродается в течение 2—3 часов, а люди продолжают стоять в очереди, дожидаясь вечернего завоза. И так некоторые покупатели стоят с 4—5 часов утра до 6—7 часов в очереди и только после этого смогут купить два килограмма хлеба. Повторяю еще раз, что хлебом в Тагиле торгуют утром часа 2—3 и вечером также часа 2—3. Вот и все часы торговли хлебом. Крупы разной в январе продали 27 тонн. Это на 180 тысяч населения! В феврале крупной еще не торговали. В магазинах кроме кофе ничего больше не купить, а за всеми остальными видами продуктов массовые очереди. Ежедневно в магазинах ломают двери, стекла, просто кошмар. Трудно даже все происходящее описать. Некоторые торгующие организации приспособляются торговать хлебом в производственных ларьках, и получается то, что вместо работы — люди стоят в очереди в рабочее время.

Постановление ЦК ВКП(б), ВЦСПС и правительства потеряло на этих предприятиях всякую силу. Люди, нарушившие его, простоявшие 2—3 часа в очереди в рабочее время, никем не наказываются.

Особо хочется описать такой момент — в Тагил приехало более 2-х тысяч бывших безработных из Западной Белоруссии. По указанию горкома ВКП(б) и горсовета, хлеб, сахар, мануфактура, обувь продаются им без очереди. Приходят в магазин жители Тагила, им в продаже всего этого отказывают. Часто бывает так, что белорусы начинают убеждать продавцов, чтобы они продавали сахар для детей, но их убеждения для продавцов не закон. Они имеют приказ не отпускать тагильчанам. Эта мера, хотя и временная, но вредная...

Положение исключительно тревожное, и мне кажется очень странным то, что ЦК ВКП(б) не вмешивается в дела тагильские. А вмешаться, тов. Андреев, нужно, потому что областные организации медлят с оказанием помощи району.

Очень прошу сообщить, получено ли мое письмо, посланное в Ваш адрес 13.1.40.

Член ВКП(б), п/б № 0396993. С. Мелентьев. Н. Тагил, Свердловская обл., редакция «Тагильский рабочий». 9.2.40.

11. В. Игнатьева — ЦК ВКП(б)

Уважаемые товарищи!

Я хочу рассказать о том тяжелом положении, которое создано за последние месяцы в Сталинграде. У нас теперь некогда спать. Люди в 2 часа ночи занимают очередь за хлебом, в 5—6 часов утра в очереди у магазина 600—700—1000 человек. Когда

вечером возвращаемся с работы, в хлебных магазинах хлеба уже нет. По вечерам они совершенно не торгуют хлебом. В центре Сталинграда имеется хлебный рынок, но там тоже ларьки закрывают в 7 часов вечера и не всегда бывает хлеб.

В городе нет дежурных магазинов, которые бы торговали до 3—4 часов ночи. Спрашивается, когда же рабочему человеку покупать хлеб и может ли он, особенно женщины-матери, оставлять детей на весь день голодными без хлеба и сами вынуждены работать натошак, не считая того, что перекусишь немножко в цеховой столовой, да и здесь хлеб к обеду не всегда подают.

Вы поинтересуйтесь, чем кормят рабочих в столовых. То, что раньше давали свиньям, дают нам. Овсянку без масла, перловку синюю от противней, манку без масла. Сейчас громадный наплыв населения в столовые, идут семьями, а есть нечего, никто не предвидел и не готовился к такому положению.

На рынке у нас творится что-то ужасное. Мясо кг стоит 25—30 руб., картофель — 50—60 руб. ведро. Кислая капуста — 3 руб. блюдечко, пшено — 2 руб. 50 коп. — 3 руб. стаканчик, яйца — 15—16 руб. Молоко — 7—8 руб. литр и т. д. Рынок, т. е. торговля продуктами первой необходимости вся находится в частных руках.

Допустимо ли при социалистической системе государства, чтобы на рынке орудовали частники?

Мы не видели за всю зиму в магазинах Сталинграда мяса, капусты, картофеля, моркови, свеклы, лука и др. овощей, молока по государственной цене. Возмутительнее всего, что частники треплют наши нервы как хотят. Цены повышают ежедневно, совершенно не торгуют вразвесную на весах. Капусту трусят ложечкой в малюсенькое блюдечко, это за 3 рубля. Картофель на 5—6 руб. сыпят в обрезную консервную банку, кислое молоко продают 1 руб. 70 коп. за граненый стаканчик, а не на литр. Если наш обком ВКП(б), облисполком, торгующие организации не умеют выполнять решения XVIII партсъезда о снабжении населения своей области, то ЦК ВКП(б) необходимо крепко заставить их выполнять свои решения.

Они даже не могут такого пустяка добиться — обязать продавать все продукты государственной мерой — килограммами и литрами. Наверное, скоро наперстки пустят в ход хитрые спекулянты, если они уже пустили в ход стаканы и блюдечки и нагло выжимают с нас последнюю копейку.

Спрашивается, где же рабочему человеку брать денег на прожитие. Зарабатываем в день 7—10 руб., а прожить — надо 20—

25 руб. Почему же нам никто не соберется повысить ставки, а с нас везде берут втридорога.

У нас в магазинах не стало масла. Теперь так же, как в (бывшей) Польше, мы друг у друга занимаем грязную мыльную пену. Стирать нечем и детей мыть нечем. Вошь одолевает, запаршивели все. Сахара мы не видим с первого мая прошлого года, нет никакой крупы, ни муки, ничего нет. Если в городе у нас на поселке что появится в магазине, то там всю ночь дежурят на холоде, на ветру матери с детьми на руках, мужчины, старики по 6—7 тысяч человек. В городе в центре только в одном магазине торгуют булками и кренделями. Здесь беспрерывно стоят у магазина три-четыре тысячи. Жди, рабочий человек, пока купишь плюшку для ребенка.

Одним словом, люди точно с ума сошли. Знаете, товарищи, страшно видеть безумные, остервенелые лица, лезущие друг на друга в свалке за чем-нибудь в магазине, и уже нередки у нас случаи избиения и удушения насмерть.

В рынке на глазах у всех умер мальчик, объевшийся пачкой малинового чая.

Нет ничего страшнее голода для человека. Этот смертельный страх потрясает сознание, лишает рассудка, и вот на этой почве такое большое недовольство. И везде, в семье, на работе, говорят об одном: об очередях, о недостатках. Глубоко вздыхают, стонут, а те семьи, где заработок 150—200 руб. при пятерых едоках, буквально голодают — пухнут.

Дожили, говорят, на 22-м году революции до хорошей жизни, радуйтесь теперь!

Меры надо принимать немедленно и самые решительные, пока еще (народ) не взорвался.

Игнатьева Вера, член ВКП(б).

Сталинград, Верх(ний) пос. СТЗ, 261-й дом, кв. 10.

13. Н. С. Неугасов — в Наркомторг СССР

Уважаемые товарищи!

Алапаевск Свердловской области переживает кризис в хлебном и мучном снабжении, небывалый в истории. Люди, дети — цветы будущего, мерзнут в очередях с вечера и до утра в 40-градусные морозы за два или за 4 килограмма хлеба.

Кто поверит! Если вы не поверите, то я уверяю вас. Нам говорят местные власти, что по плану все израсходовано и что хлебом кормят скот, и центр не может больше отпустить. Мы, рабочие гор. Алапаевска, ни в коем случае не верим и не будем

верить, что центр об этой махинации местной власти не уведомлен. Мною послано 15/ХІІ—39 г. письмо лично тов. Сталину, но оно не дошло, потому что мне ответа нет. Ни хлеба, ни муки в Алапаевск не забрасывается столько, чтобы уничтожить очереди. Я уверен, что Правительство СССР в лице тов. Сталина откликнется на сие письмо и примет срочные меры, т. е. забросит муки в мучные магазины и хлеба печеного будут выпекать столько, сколько потребуется, а людей, руководящих этим делом, привлечет к суровой ответственности, как было в 1937 году.

Мой адрес: гор. Алапаевск Свердловской области. Рабочий городок, барак № 11, кв. 73. Неугасов Ник(олай) Сем(енович).

Уверен, что партия и правительство не позволят никому издеваться над рабочим классом так, как здесь издеваются, и хочу узнать, дошло ли мое первое письмо.

Неугасов Н. С.

(Поступило в НКТ 10 марта 1940 г.)

14. Рабочие артели «Наша техника» — в ЦК ВКП(б)

Решение это, правительства или тульских областных работников, — вредительство для полного возмущения масс. В Туле ввели карточную систему, не хуже, чем были карточки. То, что в настоящее время делается в гор. Туле, это даже ужасно думать об этом, не то, что говорить об этом. Во-первых, с 23-го все магазины в Туле отдали рабочим оружейного завода, рабочим патронного завода и т. д. В артели, а также другим учреждениям совершенно книжек не дали. А дети ходят и просят, стоя около магазина: «Дядя, пропусти взять хоть хлеба». Его не пускают и, выходит, или его назвать рабочим, или паразитом. Он говорит: «А где у тебя работает отец?» — «Дядя, я сам работаю в артели подростком. Мама работает в больнице, а папа убит финнами на войне». — «Нет, мальчик, тебе здесь не полагается брать. Иди отсюда, а то отправлю в милицию». Тогда он говорит: «Отправляй, может быть, мне там дадут хлеба. Во все магазины не пускают. А ты, дядя, как паразит. Ты жалеешь хлеба и меня посылаешь на рынок за 140 р. пуд покупать».

Вот теперь прямо можно сказать, где правда. Оружейники и патронники не ходили на защиту Ленинграда*, а они получили книжки. Да не как-нибудь, а по 4—3, по 2 книжки на семью, а другие — ни одной. И теперь так говорят, что придется им

* Речь идет о советско-финской войне.

справлять 1 мая, а нам — маевку. И верно. До этого тульские ответственные вредители доводят. Где сравнить Николая и других с настоящим положением Тулы? Вот где вредители, а не руководители. Хотя бы это сделали после 1 мая. А еще хуже, детишки прямо между собой говорят: «Вот, видишь, нам дают, а вы лишенцы с малых лет». И вызывается травля детей. Одни будут справлять май, а другим он противен и горек этот май. Не май, а черт знает что. Стыдно и даже никуда не лезет такое решение жирных свиней — тульских областных руководителей. Если дать, так нужно дать было хотя бы всем по килограмму сахару да муки к маю. А то даже ни хлебного магазина, ни продуктового, ничего не оставили и даже двери их закрыты. Вот где нужны слова Владимира Ильича Ленина: борьба нужна не только рабочей массы, но и крестьянства против существующих беспорядков, паразитизма. И этого Жаворонкова* требуется действительно назвать весенним жаворонком, который только попусту поет.

Рабочие артели «Наша техника» Давыдов, Николаев, Семенов, Захаров, Деднов и др. Все совместно диктовали данное письмо и отправили. 25.4.40.

*15. Зайченко — Председателю Совнаркома В. М. Молотову.
Копия — Вышинскому*

Уважаемый т. Вышинский, прошу прочитать мое письмо с начала и до конца и принять меры воздействия на виновников безобразий, которые творятся в г. Казани. Я хочу описать Вам то кошмарное положение, которое имелось и имеется у нас в Казани. Но прежде мне хочется задать вопрос, почему наши депутаты молчат, каким образом выполняется план торговли в магазинах, когда до потребителя буквально ничего не доходит, все расхищается на базах, а в магазинах это расхищение только завершается.

Почему не обратят внимание на сильное истощение детей, дошкольников и школьников, которые не имеют ни сладкого, ни жиров.

Почему молчат, что в колхозах не желают работать, бегут в город, посевы остались не убранными в 1939 г. и не вся земля засеивается в 1940 г. Почему у нас страшный голод и истощение? Почему такое хулиганство на улицах, среди подростков бандитизм, милиция для них ничто. Почему говорят о достиже-

*Первый секретарь Тульского обкома ВКП(б) в 1938—1943 гг.

ниях и всеми силами скрывают, что у нас творится. Почему народ озлобляется?

Теперь расскажу все. Вы, мне кажется, даже не представляете, что у нас делается, а наше Правительство мало заботится о нуждах населения и не видит голода и истощения среди населения, особенно среди детей. Почему у нас спекуляция растет не по дням, а по часам.

Разве наши дети — не такие, как в Москве, в Ленинграде? Почему наши дети не имеют сладкого и жиров совершенно, почему они обречены на гибель? В магазинах у нас буквально ничего нет. Дети вот уже больше года не имеют даже самого необходимого, они истощены до крайности. Какие же они «будущие строители коммунизма». Где забота об их здоровье?

На рынке у нас тоже ничего нельзя достать. Даже картошки нет. До 15 мая на рынке были продукты, но цены на них таковы: мясо — 50—60 руб. кило, масло топленое — 87 руб. кило, сливочное — 75 руб. кило, картофель — 5 руб. кило, молоко — 18—20 руб. (3 литра), капуста соленая — 8 руб. кило, яйца — 15 руб. десяток. Цены без преувеличения, честное слово.

Какую зарплату нужно получать, чтобы прокормить семью. Ведь рабочий и служащий, а тем более технический персонал не имеет возможности покупать по таким ценам ничего, кроме картофеля, хлеба и воды. Ведь если купить 1 кило картофеля в 1 день, то в месяц выйдет 150 руб. только на картофель, по одной штуке на человека, а на что покупать остальное? Подумайте, что это значит!

Чтобы устранить такое положение с ценами, в Горсовете решили ввести с 15 мая установленные цены на продукты, вполне приемлемые и для населения и для колхозников...

А что получилось? Около месяца на рынке ничего нет. Я прошу Вас дать и мне понять — это правильно или нет. Описать все, что делается — надо много бумаги, но я думаю Вы поймете и обратите внимание на культурную торговлю. Я задавал, а они ответили, что ты о людях заботишься, должен сам о себе. Люди здесь не все хорошие. Прошу Вас не бранить меня за неграмотность.

Адрес: г. Фергана, ст. Бойток, совх. 8. Ноябрь 1940 г.

17. Н. В. Сыромятников — В. М. Молотову

Дорогой Вячеслав Михайлович Молотов!

Недород (засуха) хлебом 1939 года сильно увеличил цены на хлеб. Весной нынешнего года у нас хлеб в Юмагузинском райо-

не Башкирской АССР на рынке был: пшеничная мука — 110—115 руб. пуд (16 кг), ржаная мука — 80—90 рублей пуд (16 кг).

Несмотря на то, что в 1940 году урожай был обильный, все же традиции цен 1939 года снижены в незначительной степени. Цены на рынке: пшеничная мука — 80—85 рублей пуд (16 кг), ржаная мука — 60—65 рублей пуд (16 кг). Колхозное крестьянство наравне с рабочим классом и трудовой интеллигенцией пользуются покупкой всех товаров по государственной стоимости из кооперации, а хлеб на рынке продают по дорогой цене (сколько им захочется, столько и берут).

Есть отдельная часть колхозников (несознательная часть), когда станешь говорить, что почему дорого просите, то они отвечают, что если надо, то возьмешь и за 200 рублей. А есть отдельные колхозники, придерживают хлеб и в удобный им момент продают по дорогой цене.

При такой цене на хлеб вся заработная плата уходит на покупку хлеба. Пример я возьму с себя. Работаю я пом(ощником) секретаря райкома партии, получаю приличную зарплату (500 рублей). На иждивении имею 4 души, сам 5-й. Для того, чтобы прожить один месяц, мне требуется:

4 пуда муки по цене 80 рублей, $80 \times 4 = 320$, 10 кг мяса по цене 12 рублей, $12 \times 10 = 120$, 2 пуда картофеля по цене 22 руб, $22 \times 2 = 44$.

Удержания из заработной платы, уплата членских взносов, выписка газет, радио и т.д. — 91 р. 43 коп. Итого расхода: 575 руб. 43 коп., а зарплату получаю всего 500 рублей. Кроме вышеупомянутого требуется приобрести одежды, обуви и производить другие мелкие расходы. Выходит, что у меня вся зарплата уходит на покупку хлеба.

Вячеслав Михайлович, такое положение не только со мной, а и с другими товарищами.

Много я слышал разговоров от рабочих, служащих и передовиков социалистических полей, а также от видных партийно-советских работников, «что хлеб очень дорогой, хорошо бы было, если наше Правительство вынесло решение о продаже хлеба на рынке не выше стоимости, отпускаемой кооперацией». Но все эти разговоры остаются только разговорами, а написать никто не напишет.

Из Истории ВКП(б) видно, что наша Партия-Правительство вело, ведет и будет вести трудящихся от победы к победе, учит массы и прислушивается к голосу масс, поэтому я решил написать и думаю, ругать меня никто не будет, а только укажут, если я понимаю неправильно.

Вячеслав Михайлович!

Исходя из вышеизложенного мною в письме, я Вас прошу, чтобы наше Правительство вынесло решение производить продажу хлеба на рынке не выше государственной, кооперативной стоимости.

Я уверен, что такое решение нашего Правительства будет встречено с большим удовлетворением рабочего класса, передовиками социалистических полей и нашей трудовой интеллигенцией.

Дорогой Вячеслав Михайлович, я прекрасно знаю, что у Вас очень, очень и очень много работы, но Вы, пожалуйста, уделите время, прочтите мое письмо и напишите мне ответ, а Вашим любым ответом я буду доволен.

С просьбой, большевистским приветом — Сыромятников. 24.X—40 г.

Мой адрес: Башкирская АССР, Юмагузинский район, Юмагузинский РК ВКП(б). Сыромятников Николай Васильевич.

18. Аноним — в Наркомторг СССР

Мы имеем к Советской стране большой счет. Все люди равны. Это одна из основ. Разве только московские или киевские рабочие воевали за Советскую власть? Другие города тоже боролись против буржуазии. Почему же теперь они должны страдать из-за отсутствия хлеба? В Кратком курсе истории партии мы читаем, что Советская власть отдала землю крестьянам, а фабрики — рабочим, и что положение каждого будет улучшено. Как раньше ни угнетали рабочего и крестьянина, но хлеб он имел. Теперь в молодой советской стране, которая богата хлебом, чтобы люди умирали от голода? Тот, кто работает, получает 1 кило хлеба.

Что же делать рабочему, у которого 3 или 4 детей. Каждому дороги его дети, которые теперь все хотят расти инженерами и летчиками, и он отдает им хлеб. Как может такой рабочий работать, когда он голоден? В Бердичеве ни за какие деньги нельзя купить хлеба. Люди стоят в очереди всю ночь, и то многие ничего не получают. Приходится также стоять в очереди за 1 кило картофеля, чтобы рабочий, придя домой, мог хоть что-нибудь поесть. Действительно, время сейчас военное. Страна нам всем достаточно дорога. Нужно себе отказывать во многом. Пусть нет сахару, соленого. Но чтобы не было хлеба? Надо давать хлеб немцам, но раньше нужно накормить свой народ, чтобы он не голодал, чтобы, если на нас нападут, мы могли дать отпор. Нужно ввести карточки, чтобы каждый, кто имеет

детей, мог получать на них хлеб. А не так, чтобы старики сохли от голода, а дети росли туберкулезными.

Сейчас рабочий не может по желанию переменить работу, чтобы найти лучший заработок. Прежде чем вводить этот закон, нужно было сделать так, чтобы обеспечить каждого семейного человека. Нужно улучшить положение рабочих не агитацией, что будет хорошо, а чтобы сейчас стало лучше. После введения 8-часового рабочего дня многие были сокращены, и теперь они не могут получить даже кило хлеба. Где им с семьями взять на жизнь? А ведь они ни в чем не виноваты. Где взять хлеб старикам, которые живут на иждивении детей?

В артели тоже трудно. Нормы одни для молодых и стариков. Сталин сказал, что с каждого — по способностям и каждому — по труду, а старики не могут угнаться за молодыми. Что же им на старости лет и жить не надо?

(Поступило в НКТ 23 января 1941 г. Перевод с еврейского)

Глава 13

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

22 июня 1941 г. Германия начала войну против СССР. Это была война нового типа, какой не знала Россия, — тотальная война на уничтожение. Декларированные цели войны были полностью подтверждены практикой. Речь шла о ликвидации СССР как цивилизации и как страны, в буквальном смысле о порабощении ее народов и *истреблении* значительной части населения.

Немецкий писатель Г. Бёльл писал в 1980 г. об этом опыте «сближения» Запада с Россией: «Агрессия нацистов была опустошительным «сближением», масштабы которого и сейчас, спустя 35 лет после конца войны, никто еще на Западе не представил себе по-настоящему: 20 миллионов погибших, несколько тысяч разрушенных городов, 70 тысяч уничтоженных деревень, 250 миллиардов марок материального ущерба, огромная страна, почти уничтоженная под аккомпанемент воинственных воплей пошлых убийц»*.

*Бёльл Г. Россия глазами европейца. — Общественные науки и современность, 1995, № 4.

Идея геноцида претворялась в жизнь на оккупированных территориях с удивившим всех хладнокровием. Так, на Украине было преднамеренно истреблено мирного населения 3 091 987 человек, из них детей 73 887 (только в Ровенской области убито 25 тыс. детей). Подробная справка без комментариев по всем областям и районам дана в работе А.А.Шевякова «Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны» (СОЦИС, 1992, № 11). Например, «в станице Широчанская (Краснодарский край) живьем закопаны в яму 214 воспитанников детского дома».

На эту войну СССР ответил *Отечественной войной*. Это было столкновение цивилизаций с крайним напряжением их сил, организованных тоталитарными государствами. Суть войны, после краткого замешательства, была осознана советским народом правильно, и переход в ней на сторону врага не мог быть оправдан никакими доводами.

Война закончилась полным разгромом агрессоров примерно с равными потерями в живой силе СССР и Германии. В освобожденных Красной Армией от фашизма странах были установлены дружественные СССР или нейтральные режимы. СССР вышел из войны великой мировой державой.

Эта война была главным, полным и беспристрастным экзаменом всей советской государственности. Для понимания сути Советского государства достаточно изучить его в период этой войны и в период «перестройки» — в момент максимальной силы и полной беспомощности. Следующая война цивилизаций — холодная война, в которой Россия потерпела поражение, программировалась противником на основе тщательного изучения опыта Отечественной войны.

К моменту начала войны военный и экономический потенциал СССР и направленных против него сил был несопоставим: Германия использовала промышленность и людские ресурсы практически всей континентальной Европы. Перестроенная фашистами на военный лад промышленность была очень эффективной: только заводы «Шкода» в Чехии в 1940 г. выпускали столько же вооружения, сколько вся английская промышленность. Источники техники, вооружений и материалов для ведения войны были у Германии почти неисчерпаемыми, а качество очень высоким. В СССР промышленность не успевала освоить производство новых видов техники, и первый этап перевооружения армии планировалось закончить лишь в 1942 г. Война с Финляндией 1940 г. выявила неготовность армии к

большой войне нового типа. На Западе СССР считался «колосом на глиняных ногах» и был списан со счетов как военная сила.

Тяжелейший урон производству нанесло быстрое продвижение немцев летом 1941 г. На оккупированной территории СССР до войны производилось 63% угля, 71% чугуна, 58% стали и проката, почти вся военная техника, оружие и боеприпасы. Выпуск военной продукции на Урале в 1942 г. вырос по сравнению с 1940 г. в 5 раз, в Западной Сибири — в 27 раз, в Поволжье — в 9 раз.

Поставки снаряжения и материалов во время войны из США по «лендليзу» составили около 4% использованных СССР в войне объемов. Они, однако, были большой подмогой в самые критические моменты — и не столько в форме готовой техники, сколько особо важными материалами и компонентами (по некоторым из них доля поставок из США достигала 20—30% расхода, а это очень много). К сожалению, американцы удивили после войны, когда по договору им возвращали технику в отремонтированном и заново окрашенном виде, а они после торжественной приемки здесь же на причале пускали автомобили под пресс, а буксиры топили на виду у провожавших. Культура такая*.

Что же показала большая и длительная война?

— *Силу, эффективность и гибкость всего государственного аппарата СССР.*

В краткие сроки и в условиях шока от тяжелого внезапного удара госаппарат выполнил небывалые по масштабам программы. Примерами служат: перемещение из европейской части за 4—5 тыс. км на восток половины промышленности страны почти без перерыва в ее работе; эвакуация 12 миллионов жителей, их размещение и трудоустройство; перемещение огромного ко-

*В конце 70-х годов в журнале «Research Policy» было опубликовано интересное исследование по истории техники — по рассекреченным материалам. По договору между союзниками в антигитлеровской коалиции стороны должны были предоставлять друг другу военные технологии, необходимые для той войны. Технические сведения в области радаров были совместной собственностью США и Великобритании. Они не давали их СССР из-за позиции то одного, то другого собственника. Сначала Англия требовала передать технологию СССР, так как была заинтересована в успехе его действий в Европе, — США наложили вето. Потом США были заинтересованы в том, чтобы СССР эффективно действовал против Японии, — вето наложила Англия.

личества скота и машин из колхозов и совхозов оставляемых районов. Это было возможно лишь при условии, что все звенья аппарата помимо точного выполнения команд проявляли большую инициативу и ответственность.

— *Огромные возможности плановой системы производства и распределения.*

Переналадка промышленности на военные цели с быстрым наращиванием общего объема производства по темпам и эффективности превзошла все ожидания западных экспертов. Объем валовой продукции промышленности с июня по декабрь 1941 г. уменьшился в 1,9 раза. Но уже в 1943 г. уровень промышленного производства достиг 90% от уровня 1940 г., а продукции машиностроения — 142% от уровня 1940 г.

В оборонной промышленности довоенный уровень был превзойден уже в 1942 г. В 1942 г. СССР превзошел Германию по выпуску танков в 3,9 раза, боевых самолетов — в 1,9 раза, орудий всех видов — в 3,1 раза. При этом быстро совершенствовалась организация и технология производства: в 1944 г. себестоимость всех видов военной продукции сократилась по сравнению с 1940 г. в два раза.

Система заготовок и снабжения населения продовольствием (карточки) обеспечила армию и тыл приемлемым питанием. Система распределения не была столь тупой, как в 80-е годы. Наряду с карточной системой имела сеть так называемых «коммерческих» магазинов, где в особом случае (приезд с фронта на побывку или по ранению и т.п.) можно было по рыночным ценам купить почти любые продукты.

Планирование быстро осваивало новые методы: снабжение, подготовка и проведение Сталинградской битвы планировались по программно-целевому методу с линейным программированием (за разработку метода впоследствии Л.В.Канторович получил Нобелевскую премию). Устойчивость плановой системы проявилась и в том, что уже с августа 1943 г. Госплан начал разработку пятилетнего плана восстановления народного хозяйства СССР, что помогло возродить экономику в невиданно короткий срок. С начала 1943 г. готовилась и денежная реформа, и СССР смог провести ее с отменой карточек уже в 1947 г., намного раньше других стран. Эффективная работа Госбанка, Наркомфина и Госплана позволила сохранить в условиях войны финансовую систему и не допустить гиперинфляции. Снабжение армии и боевые действия надежно финансировались, но дефицит госбюджета был очень небольшим, а в 1944 г. доходы

уже значительно превысили расходы. Рубль сохранился как платежное средство и на оккупированных территориях, причем немцы организовали скупку рублей и вывоз их в Германию. После войны они были изъяты из Рейхсбанка и возвращены в СССР.

— *Устойчивость социального и национального жизнеустройства.*

Доктрина войны против СССР исходила из наличия глубокого и массового подспудного возмущения экспроприациями, коллективизацией, национальным угнетением и репрессиями. Рационально было предположить, что внешняя стабильность советского строя держится на страхе и силе и в условиях тяжелой войны этот строй будет взорван внутренними противоречиями. На деле все социальные группы (включая сосланных кулаков) и все народы, за исключением части националистов в Крыму, на Кавказе и на Украине, выступили на защиту СССР. Это подвело итог, баланс обид и приобретений, дефектов и достоинств. После войны начался новый исторический счет.

— *Силу и благородство советской системы образования и воспитания.*

Немецкие специалисты отметили важное отличие советского солдата: общую для всех готовность при гибели командира быстро и без колебаний брать на себя командование. Советская школа воспитала уверенных в себе, духовно свободных людей с широким кругозором и внутренним достоинством. В боевой обстановке выявилась суть единой общеобразовательной школы, не делящей людей на массу и элиту. Вторая особенность — общая для советского солдата способность быстро преодолевать ненависть, так что при ведении войны на территории Германии произошло небывалое малое число эксцессов*.

— *Эффективность системы здравоохранения.*

В условиях, когда основная масса врачей была мобилизована на фронт, страна прошла войну без крупных эпидемий и большого повышения смертности от болезней. В СССР был достигнут самый высокий уровень возврата раненых и больных в строй (за время войны 72,3% раненых и 90,6% больных воинов). Лишь в Красной Армии устав предписывал выносить ра-

*Видный антрополог, лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц провел в советском плену два года. Он вспоминает и саму процедуру пленения, и отношение к пленным охраны в полевом и тыловых концлагерях как выражение особого типа советского человека, отмечая попутно жестокое отношение к пленным немцам в английских и американских лагерях.

ненных с поля боя под огнем. В целом высокая эффективность здравоохранения определялась бесплатным характером медицинской помощи и большими усилиями в профилактике — тем, что здоровье каждого человека было и национальным достоянием*.

Война была проверкой прочности Советского государства исходя из *абсолютных* критериев. Она показала не умозрачительно, а через самые критические события, что в СССР уже состоялось национальное примирение после столкновений Гражданской войны, коллективизации и репрессий. СССР вошел в войну с единым народом и как единое государство.

— *Силу и гибкость советской системы науки и техники.*

Государственная система организации науки позволила с очень скромными средствами выполнить множество проектов с высоким уровнем творчества и новаторства, соединяя чисто практические технические разработки с самым передовым фундаментальным знанием. Примерами служат не только лучшие и оригинальные виды военной техники (танк «Т-34», система реактивного залпового огня «катюша» и ракеты «воздух—воздух», создание кумулятивного снаряда, а потом и кумулятивных гранат, мин, бомб, резко повысивших уязвимость немецких танков, автомат Калашникова и т.д.**), но и крупные научно-технические программы типа создания атомного оружия.

Победы СССР в войне нельзя понять, если не учесть необычайно интенсивного и эффективного участия ученых. То, что рассказывают о реальности этого процесса его видные участники, сегодня с трудом укладывается в голове (мне посчастливилось иметь об этом личные беседы с великим советским ученым и изобретателем И.В.Петряновым-Соколовым). Наука тогда буквально «пропитала» все, что делалось для войны. Пре-

*К.Лоренц, бывший врачом немецкой армии, в полевом лагере для пленных был поставлен помогать советскому врачу. Он был про себя возмущен тем, что врач отказался ампутировать конечности у многих раненых (К.Лоренц считал, что врач из чувства мести обрекает этих раненых немцев на смерть). Потом он с изумлением обнаружил, что в советской медицине такие ранения лечат, не прибегая к ампутации.

**Примеры даже небольших разработок, за которыми стояла высокая наука, можно множить. Так, благодаря новаторским расчетам математиков в СССР была сделана лучшая в мире каска с очень сложной кривизной поверхности, обеспечившей ее наилучшую отражательную способность.

зидент АН СССР С.И.Вавилов писал: «Почти каждая деталь военного оборудования, обмундирования, военные материалы, медикаменты — все это несло на себе отпечаток предварительной научно-технической мысли и обработки».

Все участники этого процесса, от академиков до рабочих, находились в состоянии высокого душевного подъема, вдохновения. То, что им удалось сделать, поражает и масштабом, и качеством. Создали первую в мире автоматизированную линию агрегатных станков для обработки танковой брони — производительность труда сразу возросла в 5 раз. Сварщики под руководством Е.О.Патона в 1942 г. создали линию автоматической сварки танковой брони под флюсом, что позволило организовать поточное производство танков. Немцы за всю войну не смогли наладить автоматической сварки брони.

Важно подчеркнуть, что военные разработки делались на самом высоком уровне фундаментальной теории — от сложных математических расчетов кривизны каски или траектории полета ракеты «катюши» до применения М.А.Лаврентьевым новой теории струй для создания кумулятивного снаряда. Замечательные успехи были и в разработке и приложении теории горения и взрывов (Н.Н.Семенов, Ю.Б.Харитон, Я.Б.Зельдович).

Мобильность и эффективность советской научно-технической системы не укладывалась в западные стандарты. В 1939—1940 гг., показывая свою верность пакту о ненападении, Германия продала СССР ряд образцов новейшей военной техники и новейших технологий. Гитлер разрешил это, получив от немецких экспертов заверения, что СССР ни в коем случае не успеет освоить их в производстве. Это было ошибкой.

Основные действия государства и изменения в его структуре и процедурах. 22 июня 1941 г. было введено военное положение в европейской части СССР и объявлена мобилизация ряда возрастов. Организация ведения войны стала основной функцией Советского государства, а все остальные функции — подчиненными.

Была начата активная деятельность по созданию антигитлеровской коалиции. Уже 12 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне с обязательством не заключать мира и перемирия с Германией без обоюдного согласия. 26 мая 1942 г. заключен договор с Великобританией о союзе в войне против Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после

войны. 11 июня 1942 г. подписано соглашение с США о принципах взаимопомощи в войне против агрессоров. После 1943 г. были заключены договоры о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с Чехословакией, Францией, Югославией и Польшей. В конце 1943 г. прошла важная Тегеранская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. В феврале 1945 г. состоялась Ялтинская конференция глав этих же государств, на которой решалась судьба фашистской Германии, создание ООН. На этой конференции СССР дал согласие вступить в войну с Японией через два-три месяца после окончания войны в Европе. 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии. 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. На Потсдамской конференции, проходившей в июле—августе 1945 г., главы трех государств — СССР, США и Англии — установили основные принципы послевоенного устройства мира.

Изменения в государственном аппарате. Во время войны действовали обычные общесоюзные, республиканские и местные органы власти и управления. На срок войны были продлены полномочия ВС СССР, которые истекали осенью 1941 г. Выборы были проведены лишь в марте 1946 г. За время войны было три сессии ВС, посвященные ратификации союзных договоров, бюджету и расширению прав союзных республик в области обороны и внешних сношений. Кроме того, создавались чрезвычайные органы. При СНК СССР был создан Совет по эвакуации и другие специальные органы: Комитет по учету и распределению рабочей силы, Управление по эвакуации населения, Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и др. В сентябре 1941 г. был создан Наркомат танковой промышленности, а в ноябре — Наркомат минометного вооружения.

С первых дней войны Госплан перешел к составлению *военно-хозяйственных* планов. Первый такой план на 3-й квартал 1941 г. был представлен через неделю после начала войны, а в августе — уже план до конца 1942 г. Органы статистики регулярно проводили срочные переписи имеющихся в стране материалов и оборудования (за время войны было проведено 105 переписей). Создавались чрезвычайные хозяйственные организации. Так, 8 июля 1941 г. были созданы Особые строительно-монтажные части (ОСМЧ), которые быстро перебрасывались с места на место для строительства и монтажа оборонных предприятий. Всего было создано 100 крупных ОСМЧ с 400 тыс. че-

ловек (они находились на казарменном положении), а всего в ОСМЧ было преобразовано 90% организаций Наркомата строительства. За годы войны наркомат заново построил в восточных районах 3500 крупных предприятий и восстановил в европейской части 7500 предприятий.

Был учрежден Государственный Комитет Оборона, сосредоточивший всю полноту власти в вопросах войны (возглавил его И.В.Сталин). Вначале в ГКО входили пять человек, затем девять. ГКО не имел своего аппарата и использовал аппарат СНК и ЦК ВКП(б). В прифронтовых городах создавались городские комитеты обороны (всего более 60).

В июле 1941 г. органы госбезопасности и охраны общественного порядка вновь объединились в один НКВД. Когда в 1943 г. военная обстановка улучшилась, они были опять разделены. При этом органы военной контрразведки были выведены из состава НКВД и переданы в наркоматы обороны и военно-морского флота (Главное управление контрразведки «СМЕРШ»).

В местностях, объявленных на военном положении, все полномочия власти в области обороны, обеспечения порядка и госбезопасности передавались Военным Советам фронтов, армий, военных округов. Они могли издавать постановления, неисполнение которых влекло ответственность до уголовной.

2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. В ее состав были введены видные общественные деятели (писатель А.Н.Толстой, академик Е.В.Тарле, митрополит Николай и др.). Она собрала и систематизировала огромный фактический материал. На оккупированной территории разными способами оккупанты непосредственно уничтожили 6,39 млн. человек гражданского населения. 5,62 млн. гражданских лиц были насильно вывезены на работы в Германии. Из них более 2,8 млн. погибли в Германии, и около 0,6 млн. скончались сразу после репатриации от тяжелых болезней и увечий.

Были расширены права союзных республик: в 1944 г. были учреждены наркоматы обороны республик и созданы республиканские воинские формирования. Тогда же союзным республикам были предоставлены полномочия в области внешних сношений и созданы наркоматы иностранных дел. Белорусская и Украинская ССР участвовали в учреждении ООН и подписании ее Устава.

Вооруженные силы. 23 июня 1941 г. по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР для стратегического руководства Вооруженными Силами была создана Ставка Верховного Главнокомандования, в которую вошли члены Политбюро и руководители Наркомата обороны. С 10 июля ее возглавил И.В.Сталин. 19 июля И.В.Сталин был назначен наркомом обороны, а 8 августа — Главнокомандующим Вооруженными Силами. Генштаб был переподчинен Верховному главнокомандующему и стал оперативным органом Ставки. При Ставке был также создан Центральный штаб партизанского движения.

С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. в Вооруженных Силах существовал институт военных комиссаров, однако без права контроля над командным составом. В январе 1943 г. для личного состава Красной Армии были введены новые знаки различия — погоны. Были учреждены новые ордена: Победы, Славы, Отечественной войны, Суворова, Кутузова, Нахимова, Невского и др.

Военные трибуналы. 22 июня 1941 г. были учреждены военные трибуналы в районах военных действий и местностях, объявленных на военном положении. Они рассматривали все преступления, совершенные военнослужащими, а также все дела о преступлениях против обороны, общественного порядка и государственности, хищение социалистической собственности, разбой, убийства, уклонение от исполнения всеобщей воинской повинности. Жалобы и протесты на приговоры трибуналов не допускались. Лишь о приговорах к высшей мере сообщалось телеграммой председателю Военной коллегии Верховного суда СССР, и если до истечения определенного времени она не требовала дело, приговор приводился в исполнение. В 1943 г. было объявлено военное положение на железнодорожном, речном и морском транспорте. Работники транспорта объявлялись мобилизованными до конца войны.

По приказу наркома обороны СССР от 28 июля 1942 г. в армиях было сформировано по 3—5 заградительных отряда на армию. Они ставились в тылу неустойчивых дивизий и обязаны были в случае паники и беспорядочного отхода расстреливать на месте паникеров и трусов. В публицистике последних лет эта мера представлена как неоправданная жестокость, хотя сведений о расстрелах заградотрядами не приводилось. На деле это была мера психологического воздействия. Она была введена после того, как опыт первого года войны показал, что самые

большие потери войска несли в случае паники и беспорядочно-го отхода.

Во время войны широко использовались такие правовые институты, как военное и осадное положения. Особо строгий правовой режим, *осадное положение*, вводился при угрозе захвата территории противником (например, оно было введено в Москве 20 октября 1941 г.).

Гражданское право. Советские законы считались действующими и на временно оккупированной врагом территории. Поэтому гражданско-правовые сделки, совершенные на такой территории, если они противоречили закону, признавались недействительными. Расширялись права государства в отношении некоторых объектов права личной собственности (например, граждане были обязаны временно сдать радиоприемники). Граждане освобожденных территорий обязаны были сдать органам государства трофейное имущество, а также брошенное имущество, собственники которого неизвестны. СНК в 1943 г. обязал органы власти восточных областей возвратить колхозам освобожденных районов скот, эвакуированный на восток.

В целом сужалось применение гражданско-правовых договоров и возрастала роль административно-правовых, плановых заданий. Это касалось прежде всего военной продукции, поставок нефти, угля, металла и т. д. Были уточнены условия договора жилищного найма (в связи с массовой эвакуацией и последующим возвращением жителей городов, введением льгот для семей военнослужащих и т.д.). В связи с гибелью большого числа граждан был расширен круг наследников, в него были включены трудоспособные родители, братья и сестры.

Семейное право было уточнено с целью укрепления института брака, поощрения многодетных семей, повышения рождаемости, усиления заботы о сиротах. С 1 октября 1941 г. был введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Беременным выдавались дополнительные пайки. В 1943 г. были уточнены нормы об опеке и усыновлении (усыновляемых разрешалось записывать как собственных детей, с фамилией и отчеством усыновителей). По указу от 8 июля 1944 г. только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов. Отменялось существовавшее ранее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке. Усложнялся процесс развода. Теперь развод производил-

ся только в судебном порядке, причем в народном суде принимались меры к примирению супругов. Вопрос о разводе решал вышестоящий суд только в том случае, если супруги не примирились. Указ увеличил отпуска по беременности и родам с 63 до 77 дней. Увеличивалась государственная помощь многодетным и одиноким матерям.

Трудовое право. Для обеспечения работы предприятий и замены ушедших на фронт работников вводились чрезвычайные меры. Уже указ от 22 июня 1941 г. «О военном положении» предоставил право военным властям привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения ряда работ. Указом от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» директорам предприятий было дано право устанавливать с разрешения СНК СССР сверхурочные работы до 3 часов в день (кроме беременных женщин, начиная с шестого месяца, и кормящих матерей). Оплата сверхурочных работ производилась в полуторном размере. Отменялись отпуска (кроме как по болезни, беременности и родам, а также работникам в возрасте до 16 лет), они заменялись денежной компенсацией, которая переводилась в сберкассы как замороженные на время войны вклады.

Указом от 13 февраля 1942 г. вводилась мобилизация трудоспособного городского населения (мужчин от 16 до 55 лет, женщин от 16 до 45 лет) на период военного времени для работы на производстве и строительстве. От мобилизации освобождались учащиеся, поступавшие в школы ФЗО и ремесленные училища, а также матери грудных детей (или детей до 8 лет, если некому было за ними ухаживать). Для выполнения срочных, неотложных работ допускалась трудовая повинность граждан сроком до 2 месяцев.

Колхозное право расширило системы дополнительной оплаты труда, и в то же время на время войны был повышен обязательный минимум трудодней в году до 100 в Московской и других специально указанных областях и до 120 — в остальных районах СССР. Подростки в возрасте от 12 до 16 лет обязаны были выработать не менее 50 трудодней в году. Колхозники, не выработавшие без уважительных причин минимума трудодней в сезон работ, карались по суду исправительными работами в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием до 25% оплаты в пользу колхоза. Председатели колхозов за уклонение от преда-

ния суду колхозников, не выработавших минимума трудодней, сами привлекались к судебной ответственности.

Трактористам и ряду других механизаторов вводилась дополнительная оплата натурой или деньгами. В страду в порядке мобилизации на работу в МТС, колхозы и совхозы привлекались горожане, не работающие на предприятиях промышленности и транспорта, а также часть служащих, учащихся и студентов с оплатой в трудоднях и сохранением по месту работы 50% оклада, а студентам — стипендии.

Уголовное право. Довоенные нормы уголовного права были дополнены. Так, распространение ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения, наказывалось лишением свободы на срок от 2 до 5 лет. За разглашение государственной тайны или утрату содержащих ее документов должностные лица наказывались лишением свободы до 10 лет, а частные лица — до 3 лет. Была усилена и уголовная ответственность за нарушение трудовой дисциплины. Широко применялась отсрочка исполнения приговоров с отправкой осужденных на фронт. Отличившиеся в боях освобождались от наказания, с них снималась судимость.

В 1943 г. была введена уголовная ответственность воинских начальников за незаконное награждение. Тогда же в уголовное право были введены новые виды наказаний — смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы на срок до 20 лет за преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками. Был проведен ряд процессов над немецко-фашистскими преступниками.

Депортации народов. Во время перестройки одна из сильных идеологических кампаний была связана с проведенными накануне и во время войны депортациями (переселением) поляков, немцев, крымских татар, чеченцев и ряда других народов Кавказа. Было даже введено правовое понятие *репрессированных народов*. Главное обвинение Советскому государству касалось не степени обоснованности этих репрессий, а их несовместимости с принципами правового государства.

Умолчание причин исказило проблему. В Чечне в начале войны 63% призванных в армию мужчин ушли с оружием в горы и образовали мятежные отряды во главе с партийными руководителями и работникам НКВД. Мобилизация на территории Чечни была прекращена. При приближении немецких

войск мятежные отряды установили с ними связь и вели в тылу Красной Армии крупные боевые действия с применением артиллерии. После отступления противника, 23 февраля 1944 г. было начато выселение (в основном на спецпоселения в Казахстан) около 362 тыс. чеченцев и 134 тыс. ингушей.

Депортации по этническому признаку — не советское изобретение. В 1915—1916 гг. было проведено принудительное выселение немцев из прифронтовой полосы и даже из Приазовья. В том же 1915 г. по приказу Верховного главнокомандующего российской армии было выселено свыше 100-тыс. человек из Прибалтики на Алтай. В 1941 г. власти США даже не депортировали, а заключили в концлагерь и принудили к тяжелым работам в рудниках граждан США японского происхождения на Западном побережье, хотя никакой угрозы японского вторжения в США не было. Однако по сути депортация в СССР отличалась.

Отложим сравнительно простую проблему — *превентивное* выселение из районов с военным положением «потенциально опасных» элементов. Такими были депортации немцев (950 тыс. человек, из них 450 тыс. из АССР немцев Поволжья), «польских осадников» из Западной Белоруссии и Украины (польских переселенцев после 1921 г., которые выполняли полицейские функции против местного населения, 134 тыс. человек) и др. После начала войны поляки были освобождены из ссылки и из них были сформированы две польские армии.

Перед войной из приграничных районов Закавказья и Дальнего Востока были выселены иностранцы, переехавшие на жительство в СССР. Так, в 1937—1938 гг. в Казахстан были переселены 21 064 семьи корейцев, иранцев, турок, армян и курдов. Подборка очень интересных документов об этой депортации приведена в журнале «Восток» (1994, № 6). Во время перестройки об этой депортации мало говорили, потому что, видимо, посчитали, что эта жестокая мера не покажется разумным людям абсурдной. Но, положа руку на сердце, сейчас очень многие в душе признают, что и выселение чеченцев и крымских татар в 1944 г. вовсе не было такой абсурдной мерой, как показалось под воздействием трибунов перестройки.

Более сложный вопрос — депортация как *наказание*. Современное право не признает коллективного наказания. Депортация была наказанием народа на солидарной основе (на принципе *круговой поруки*) за вину части мужчин. Применяя такое наказание, государство отказывалось от выяснения индивиду-

альной вины и преследования отдельных личностей. Это вид наказания, свойственный традиционному обществу. Необычность этого наказания видна уже из того, что при депортации не ликвидировались партийные и комсомольские организации. Так, среди выселенных чеченцев было более 1 тыс. членов ВКП(б) и около 900 комсомольцев, сотни офицеров Красной Армии.

При депортациях происходили эксцессы, жестокости и преступления. Особенно сложной была операция на Кавказе, в ходе которой сводились сложные национальные счеты. Так, 27 февраля 1944 г. отряд НКВД под командой начальника краевого управления НКВД комиссара госбезопасности 3-го ранга (генерала) Гвишиани собрал в ауле Хайбах стариков и больных, запер их в конюшне и сжег. Пытавшиеся воспрепятствовать этому первый заместитель наркома юстиции Чечено-Ингушской АССР Д.Мальсагов и армейский капитан Козлов были арестованы. После депортации аул Хайбах отошел к Грузии и был возвращен Чечне в 1957 г.

В прессе говорилось о массовой гибели крымских татар при транспортировке, хотя на деле именно для них она прошла сравнительно благополучно: из 151 720 человек, депортированных в мае 1944 г., органами НКВД Узбекистана по актам было принято 151 529 человек (умер в пути 191 человек). Но речь не об эксцессах, а о сути. Этот тип наказания, тяжелый *для всех*, был спасением от гибели для большой *части* мужчин, а значит, для этноса. Если бы чеченцев судили индивидуально по законам военного времени, это обернулось бы *этноцидом* — утрата такой значительной части молодых мужчин подорвала бы демографический потенциал народа. Благодаря архаическому наказанию численность чеченцев и ингушей с 1944 по 1959 г. выросла на 14,2% (примерно на столько же, как и у народов Кавказа, не подвергшихся депортации). В местах поселения они получали образование на родном языке, а затем не испытывали дискриминации при получении высшего образования. Они вернулись на Кавказ выросшим и окрепшим народом.

Можно провести такой мысленный эксперимент: пусть каждый из тех, кто проклинает СССР за «преступную депортацию» народов, представит себя на месте отца или матери чеченской семьи, в которой сын воевал в горах на стороне немцев. Вот немцы отогнаны, и родителей спрашивают, что они предпочитают — чтобы сына судили по «цивилизованным» законам и расстреляли как изменника, воевавшего на стороне противника, или выселили всю семью в Казахстан? Можно заранее отве-

тить, что 100% из тех, кто действительно может представить себя в таком положении, ответили бы, что будут счастливы выбрать депортацию*. Другое дело, что хулителям СССР на судьбу чеченских или крымско-татарских мужчин, а также всех их народов было, честно говоря, наплевать.

После 1945 г. на спецпоселения поступили 148 тыс. «власовцев». По случаю победы их освободили от уголовной ответственности за измену Родине, ограничившись ссылкой. В 1951—1952 гг. из их числа были освобождены 93,5 тыс. человек. Большинство литовцев, латышей и эстонцев, служивших в немецкой армии рядовыми и младшими командирами, были отпущены по домам до конца 1945 г.

Комментарий из 2001 г.: разрушение образа Великой Отечественной войны как операция холодной войны против СССР. Важнейшим для национального самосознания второй половины XX века был в СССР обобщенный символ Великой Отечественной войны. Эта война, создавшая огромный пантеон символов, вовсе не втискивалась в рамки классовой борьбы. Поэтому разрушение ее образа и всех связанных с ней символов никак не является следствием ненависти к коммунистической идеологии. Это часть большой психологической войны против России.

Понятно, что на Западе фальсификация истории войны была необходимым условием для сплочения в холодной войне против СССР. Результаты такого промывания мозгов поражают — важнейшее событие Новейшей истории Европы полностью вытравлено из сознания, знание о нем заменено самыми пошлыми мифами с юмористическим оттенком — с помощью мощного потока более или менее талантливо сделанных фильмов («Бабетта идет на войну», «Мистер Питкин в тылу врага», масса сериалов, которые заполнили уже и российский телеэкран). В последние годы от юмора перешли к фальсификации истории войны с героизацией гитлеровской армии. В середине 90-х годов на Западе с большим успехом прошел суперфильм «Сталинград» (в России его, по-моему, не показывали, потому что она еще «не созрела»). Оставляет тяжелейшее чувство именно

*Мой друг, татарин, провел этот эксперимент реально — примерно с сотней своих родственников. Когда люди вникали в альтернативу, они выбирали депортацию не только в Казахстан, но и в Туруханский край и на Чукотку.

тот факт, что миллионы образованных и разумных людей смотрят и даже восторгаются — хотя, сделав усилие, еще могли бы заметить полную нелепость всего пафоса фильма: благородные немцы сражаются против каких-то зверушек-русских и, в общем, выходят в Сталинграде *победителями*! Причем немцы, оказывается, чуть ли не поголовно были антифашистами!

Кстати, острее всего это переживают именно в Германии, ибо ее деятели культуры связывают национальное возрождение как раз с катарсисом, который, казалось, вызовет осознание сути той войны. Генрих Бёлль писал в 1984 г.: «До сих пор большинство немцев так и не поняли, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных». Очеловечились лишь в роли побежденных — с помощью советского солдата*.

Ведущие западные политики, а потом и политики новой России пошли по пути снятия проблемы вины с тех, кто развязал войну и активно участвовал в военных преступлениях. В 1985 г. Г.Коль и Р.Рейган демонстративно посетили кладбище в г. Битбурге, на котором похоронены эсэсовцы. Затем, в 1993 г., был открыт Центральный мемориал ФРГ с памятником «жертвам войны и насилия». В равной степени — охранникам из СС и жертвам концлагерей. В том же году произошел обмен посланиями между Колем и Ельциным по случаю 50-летия Сталинградской битвы. В них уже не употреблялись понятия агрессора и обороняющейся стороны и даже не говорилось о победе и поражении. Все стали одинаковыми «жертвами войны» и «павшими в Сталинграде».

Между тем, как пишет в обзоре германской литературы о Сталинграде немецкий историк М.Хеттлинг, «в [германской] историографии и в общественном мнении утвердилось единство взглядов по двум пунктам: во-первых, со стороны германского рейха война преднамеренно задумывалась и велась как захватническая война на уничтожение по расовому признаку;

*Немецкие ученые сделали важный вывод о том, что условием успеха нацистской пропаганды в Германии был массовый приступ прагматизма немцев, породивший сильное сочетание психологических мотивов — «стремление к успеху и преступная энергия». Один видный историк подчеркивает, что «популистскую привлекательность национал-социализма, способствовавшую формированию его массового социального базиса, следует оценить гораздо выше, нежели идеологическую его доктринальность». Немцы в массе своей надеялись получить от фашизма выгоду!

во-вторых, инициаторами ее были не только Гитлер и нацистское руководство, — заметную роль в развязывании войны сыграли также вермахта и представители частного бизнеса»*. Нацизм слился с бизнесом в самом примитивном прагматизме, в который русские, похоже, просто не верят. Но вот документальные данные, приведенные в том же обзоре: в сентябре 1941 г. после расстрелов в Бабьем Яру в Германию было отправлено 137 грузовых вагонов с одеждой, распределенной через систему нацистских учреждений.

И сами немцы, участники войны, почувствовали, что становятся выродками человечества, — потому, как писали, «страх перед Иваном был сильнее, чем ужас смерти». Историк О.Бартов, сам прошедший войну, считает, что страх перед пленением у немецких солдат был так велик потому, что они знали, что сами натворили в занятых ими землях СССР, и боялись возмездия. И образ нашей войны против этой патологической силы стали планомерно разрушать в позднем СССР!

Сначала за образ войны взялись диссиденты. Говоря о Победе, А.И.Солженицын употребил понятие «бездарно выигранная война» (кстати, что бы он сказал о немцах — что они талантливо проиграли войну?). Потом, с конца 80-х годов, подтачивание и разрушение этого символа в течение целого десятилетия было почти официальной государственной программой. Не случайно в 1993 г. 40% опрошенных в России ответили, что «власть — не патриот своей Родины». Этот ответ распределен равномерно по всем социально-демографическим группам, но еще больше, нежели к власти государственной, это относится к «четвертой власти» — СМИ.

Они и взяли на себя главную работу по разрушению символов. Достаточно вспомнить, как в передаче «Взгляд» А.Любимов настойчиво называл Калининград Кенигсбергом и радовался тому, что Калининградская область активно заселяется немцами. А вспомним буквально ритуальное избиение ветеранов войны 23 февраля 1992 г. Обозреватель «Комсомольской правды» Л.Никитинский писал тогда (25.02.92) с фарисейским упреком властям: «Вот хромает дед, бренчит медалями, ему зачем-то надо на Манежную. Допустим, он несколько смешон, даже ископаем, допустим, его стариковская настырность никак

*Хеттлинг М. Новая германская литература о Сталинграде. — Отечественная история, 1995, № 6.

не соответствует дряхлеющим мускулам, — но тем более, почему его надо теснить щитами и баррикадами?»

В государственных еще издательствах и на государственном телевидении возник поток литературы и передач, *релятивизирующих* предательство, снимающих его абсолютный отрицательный смысл. Предательство, мол, *относительно*. Власовцы были, конечно, изменниками — но заодно они боролись со сталинизмом. Почему же это не принять и не оправдать, если та война была «столкновением двух мусорных ветров» (Е.Евтушенко)? Почему нет, если «наше дело было неправое» (В.Гроссман)? Чингиз Айтматов в своей новой книге «Тавро Кассандры» (1994) уже даже не считает нашу войну *Отечественной*. СССР для него — «эпоха Сталингитлера или же, наоборот, Гитлерсталина», и это «их междоусобная война». В ней «сцепились в противоборстве не на жизнь, а на смерть две головы физиологически единого чудовища». Даже не верится, что к этому мог прийти человек, написавший «Материнское поле».

Возник популярный жанр *предательской* литературы. В.О.Богомолов, писатель, участник Великой Отечественной войны, пишет в 1995 г: «Очернение с целью «изничтожения проклятого тоталитарного прошлого» Отечественной войны и десятков миллионов ее живых и мертвых участников как явление отчетливо обозначилось еще в 1992 году. Люди, пришедшие перед тем к власти, убежденные в необходимости вместе с семьей десятилетиями истории Советского Союза опрокинуть в выгребную яму и величайшую в многовековой жизни России трагедию — Отечественную войну, стали открыто инициировать, спонсировать и финансировать фальсификацию событий и очернение не только сталинского режима, системы и ее руководящих функционеров, но и рядовых участников войны — солдат, сержантов и офицеров.

Тогда меня особенно впечатлили выпущенные государственным издательством «Русская книга» два «документальных» сборника, содержащие откровенные передержки, фальсификацию и прямые подлоги. В прошлом году в этом издательстве у меня выходил однотомник, я общался там с людьми, и они мне подтвердили, что выпуск обеих клеветнических книг считался «правительственным заданием», для них были выделены лучшая бумага и лучший переплетный материал, и курировал эти издания один из трех наиболее близких в то время к Б. Н. Ельцину высокопоставленных функционеров.

Еще в начале 1993 года мне стало известно, что издание в

России книг перебежчика В.Б.Резуна («Суворова») также иницируется и частично спонсируется (выделение бумаги по низким ценам) «сверху». Примечательно, что решительная критика и разоблачение этих фальшивок исходили от иностранных исследователей; на Западе появились десятки статей, затем уличение В.Резуна во лжи, передержках и подлогах продолжилось и в книгах, опубликованных за рубежом, у нас же все ограничилось несколькими статьями, и когда два года назад я спросил одного полковника, доктора исторических наук, почему бы российским ученым не издать сборник материалов, опровергающих пасквильные утверждения В. Резуна, он мне сказал: «Такой книги у нас не будет. Неужели вы не понимаете, что за изданием книг Суворова стоит правящий режим, что это насаждение нужной находящимся у власти идеологии?»

Как мне удалось установить, заявление этого человека соответствовало истине, и хотя проведенные экспертизы (компьютерный лингвистический анализ) засвидетельствовали, что у книг В.Резуна «разные группы авторов» и основное назначение этих изданий — переложить ответственность за гитлеровскую агрессию в июне 1941 года на Советский Союз и внедрить в сознание молодежи виновность СССР и прежде всего русских в развязывании войны, унесшей жизни двадцати семи миллионов только наших соотечественников, эти клеветнические публикации по-прежнему поддерживаются находящимися у власти в определенных политико-идеологических целях»*.

В.О.Богомолов пишет и о таком необычном явлении: в годы перестройки некоторые видные писатели стали в своих художественных произведениях с явной симпатией изображать гитлеровских генералов и с явной антипатией — советских. Таков, например, роман Г.Владимова «Генерал и его армия». Вот некоторые замечания В.О.Богомолова: «Немецкий и советские генералы удивительно разнятся по внешности. Вот как изображен в романе германский командующий: *«крепкое лицо еще молоджавого озорника, лукавое, но неизменно приветливое»*. А вот как выглядят лики советских военачальников: *«худенькая обезьянка с обиженно-недовольным лицом»*, *«смотрел исподлобья... побелевшими от злости глазами»*, *«прогнав жесткую, волчью свою ухмылку»*, *«цепким, хищным глазохватом»*, *«чудовищный подбородок, занимавший едва не треть лица»* и т. п.

*Богомолов В. Срам. имут и живые, и мертвые, и Россия... — Свободная мысль, 1995, № 7.

Впрочем, есть один русский генерал, которого Г.Владимов изображает с такой же любовью и пиететом, как и Гудериана: *«Он резко выделялся среди них... в особенности своим замечательным мужским лицом... Прекрасна, мужественно-аскетична была впалость щек... поражали высокий лоб и сумрачно-строгий взгляд... лицо было трудное, отчасти страдальческое, но производившее впечатление сильного ума и воли... Человеку с таким лицом можно было довериться безоглядно...»*. В реальной жизни в лице этого человека прежде всего отмечались рябинки, но писатель рисует икону, и по выраженной тенденции автора романа читатель, возможно, уже догадался, что речь идет о генерале А.Власове».

Какую роль во всей антисоветской программе разрушения символов Отечественной войны играли «белые» патриоты, видно из того, как хвалит роман Г.Владимова «Генерал и его армия» В.Бондаренко («Наш современник», 1995, № 4): «Он [Г.Владимов], не угождавший властям и в советское время, не угождающий западной моде и сегодня... Он и ныне — весь в русской традиции. И потому — побеждает».

Предательская литература — это не только книги Резуна, но и масса «научных» книг и статей. Известные и хорошо документированные события войны начинают излагаться российскими «историками» на основании архивов и мемуаров западных (и даже немецких) материалов — часто без указания альтернативных отечественных сведений. В 2000 г. ряд организаций ветеранов ВОВ даже попытался возбудить в судах иски против НТВ и некоторых авторов газеты «Известия» за переходящую всякие рамки наглую фальсификацию истории войны в «документальных» фильмах и статьях. О том, как поглумились над ветеранами в нынешнем демократическом суде, рассказывает один из руководителей Комитета общественной организации ветеранов, объединяющей 70 тысяч ветеранов, проживающих в Москве, Б.Лебедев («Советская Россия», 8 мая 2001 г.).

В частности, обозреватель «Известий» «историк» Б.Соколов в годовщину битвы на Курской дуге 12 июля 2000 г. напечатал такой текст: «12 июля 1943 г. у деревни Прохоровка произошло крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны между 5-й гвардейской танковой армией генерала Павла Ротмистрова и 2-м танковым корпусом СС группенфюрера Пауля Хауссера. 850 советским танкам противостояло 273 немецких. Безвозвратные потери вермахта составили 5 танков, а Красной Армии — 334 танка. Сталин раздумывал, стоит ли расстрелять Ротмистрова за бездарно проигранный бой, и в конце концов решил,

что не стоит. Впоследствии Прохоровка была объявлена грандиозной советской победой, сорвавшей немецкое наступление на Курск с юга. Ныне на Прохоровском поле стоит памятник в честь мнимой победы советского оружия». Союз ветеранов подал на «историка» в суд. Суд поддержал заведомых фальсификаторов, хотя истцы привели виднейших военных экспертов, историков и участников битвы, представили подробные документы с картами боя, включая германские источники, труд германского военного историка генерала вермахта Б.Мюллера-Гиллебранда, воспоминания о битве под Прохоровкой начальника Генштаба вермахта и главного специалиста по танковым войскам Гудериана, публикации историков США. Таким образом, разрушение исторической памяти о войне осуществляется идеологизированными СМИ под надежным прикрытием судебной власти.

Множество подобных «историков» и публицистов стараются убедить граждан России, что якобы советская военная наука была несостоятельна и сильно уступала «западной». Но исследования самих западных и прежде всего германских военных историков говорят о крайне низком уровне планирования немецким командованием крупнейших военных операций начиная со Сталинградской битвы. Опубликованные в 1992 г. архивные исследования историков приводят к неопровержимому выводу, что под Сталинградом имела место «не героическая гибель в боях против превосходящих сил противника, но — жалкая голодная смерть». Вот краткое резюме этой работы: уже в октябре 6-я армия осталась без продовольствия, и расчет делался только на грабеж оккупированных советских территорий. После 23 ноября, когда замкнулось кольцо окружения, продукты перебрасывались по воздуху, но масштабы переброски были мизерными. В начале декабря хлебная норма была уменьшена до 200 г. в день, а к концу декабря до 50—100 г. В середине января выдавать продовольствие солдатам перестали*. Один из ведущих военных историков ФРГ Б.Вегнер считает весь замысел наступления 1942 г. на Волгу и Кавказ столь авантюрным, что

*В результате запоздавшей капитуляции взятые в плен 110 тысяч немецких солдат находились в крайне тяжелом состоянии. Большинство из них вскоре умерли. Весной 1943 г. в живых оставалось 27 тыс., в места постоянного заключения прибыли только 18 тыс., из них в Германию возвратились около 6 тыс. человек. Из офицеров, которые вплоть до пленения получали продовольственные пайки, умерла в плену половина.

армия Паулюса «уже за несколько недель до окружения была армией, сражавшейся без надежды на успех». А подготовка операции по ее деблокированию была, по мнению историков, совершенно безответственной и не имела никаких шансов на удачу (см. «Вопросы истории», 1996, № 10).

Лишь изредка живым еще очевидцам событий удастся предупредить читателя в оппозиционной прессе, но это предупреждение чисто символическое, оно до массового читателя не доходит. Вот в газете «Дуэль» — письмо двух бывших моряков, участников конкретного боя 22 апреля 1945 г. Тогда поврежденная глубинными бомбами немецкая подводная лодка всплыла, но была почти в упор расстреляна залпами эсминца «Карл Либкнехт» (он выпустил по ней 16 снарядов главного калибра и 39 из пушек-автоматов). Ветераны пишут, что это «наблюдали более 50 моряков эсминца, занимавшие по боевому расписанию свои места у орудий и зенитных автоматов, на торпедных аппаратах, на бомбометах, на постах наблюдения командирского мостика... Все это отражено в боевом вахтенном журнале корабля, в боевых рапортах командира конвоя и командира корабля (материалы архива ИО ВМФ, д. 14063, листы 2—10)». После войны это было подтверждено и немецкими документами. Но в России в 1994 и 1997 гг. выходят две книги: «Морская война в Заполярье 1941—1945 гг.» и «Лендлиз и северные конвои 1941—1945 гг.», и авторы утверждают, что ту лодку У-286 потопил не советский эсминец, а английские фрегаты. Это мелочь, но этих мелочей тьма. В целом это большая и хорошо финансируемая программа вытеснения из нашей коллективной исторической памяти образа Отечественной войны.

Вот другой показательный случай, о котором рассказывает видный историк из ФРГ М.Хеттлинг. В 1950 г. в Германии вышла книжка «Последние письма из Сталинграда» с 39 письмами немецких солдат из окружения. Она стала бестселлером и была переведена на многие языки. Вскоре, однако, выяснилось, что все эти письма — фальсификация. Историк пишет: «Их поначалу остававшийся неизвестным автор, личность которого все же была установлена, — военный корреспондент Хайнц Шрётер, находившийся в Сталинграде до середины января 1943 г. Весной того же года он получил задание министра пропаганды Геббельса подготовить работу, прославляющую доблесть германских войск в Сталинграде. Книга эта основывалась на собранных в Министерстве пропаганды материалах о битве на Волге. В нацистский период она не была опубликова-

на, так как показалась Геббельсу недостаточно героической». На фоне всего прочего это, конечно, мелочь. Мало ли что в ведомстве Геббельса стряпали. Не стоило бы даже упоминать, если бы не тот факт, что и эта разоблаченная фальшивка пошла в дело в информационной войне в годы перестройки. В 1990 г. журнал «Знамя» издал эту стряпню под заголовком «Последние письма немцев из Сталинграда» («Знамя», № 3, с. 185—204). Кстати, в советских архивах имелось множество подлинных писем немецких солдат из Сталинграда, их предоставляли историкам ГДР и ФРГ, и они были введены в оборот как очень ценные материалы*.

Когда мы утратим верный образ своей войны как важную часть «мира символов», наша устойчивость против манипуляции снизится еще на один уровень. Этот процесс идет — один из популярных рок-певцов определил в 1990 г. главную тему своих концертов как «профанацию тоталитарного героизма», имея в виду «победителей в минувшей войне» — и получил в ответ овацию.

Но особое место в этой кампании занимало разрушение символических образов войны, которые вошли в национальный пантеон как *мученики*. Тут видна квалификация. Насколько точен выбор объектов для глумления, мне объяснили специалисты. Читал я лекцию в Бразилии перед обществом психологов. Тему они задали такую: «Технология разрушения образов в ходе перестройки». Я рассказывал факты, приводил выдержки из газет. А смысл слушатели понимали лучше меня. Особенно их заинтересовала кампания по дискредитации Зои Космодемьянской. Мне задали удивительно точные вопросы о том, кто была Зоя, какая у нее была семья, как она выглядела, в чем была суть ее подвига. А потом объяснили, почему именно ее образ надо было испоганить — ведь имелось множество других героинь. А дело в том, что она была *мученицей*, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно ее выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И ее образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа.

*Первая книга, в которой были собраны подлинные письма окруженных под Сталинградом немецких солдат и офицеров, была издана в СССР в 1944 г. К моменту перестройки она, конечно, была всеми забыта, но переиздали не ее, а геббельсовскую фальшивку.

Те, кто глумился над образом Зои, стремились подрубить опору культуры и морали — разорвать всю ткань национально-го самосознания. А ткань эта — целостная система, строение которой нам неизвестно. И достаточно бывает выбить из нее один скрепляющий узел, как вся она может рассыпаться. Сегодня мы видим, что наш мир символов не разрушен, и «Реформации России» не произошло. Но травмы нанесены огромные, и общественное сознание надолго ослаблено, а в личном плане для многих эти десять лет были периодом тяжелых душевных пыток.

Что ж, война есть война.

Немного о «чужом» тоталитаризме. Велик соблазн примазаться к сильному, отказавшись от своего имени, признав чужую веру. Но сейчас просто этим не обойдешься — требуют сделать так, чтобы все вокруг, и даже ты сам, поверили в твою искренность. Ты должен создать такую правдивую нелепицу, чтобы самому же ахнуть: «Какими же мы были слепцами! Как мы плохо жили!»

Разве с нами не это произошло за последние 10 лет? Но, повторяю, проще понять на примере других. Вот, как пишут газеты, Партия демократического социализма, правопреемница коммунистов ГДР, заклеила сталинизм и отказалась от своего прошлого — осудила «авторитарный строй ГДР». Зачем? Ведь и так партия занимает сильные позиции на землях ГДР, получила много мест в бундестаге, набирает авторитет. Говорят: сделав такие заявления, она имеет шанс стать сильной общегерманской партией. Может, так оно и есть — таковы правила игры. Но что должны при этом немецкие экс-коммунисты сломать в душах своих собственных детей?

Во-первых, им пришлось исказить, хотя бы путем умолчания, ту историческую правду о фашизме, которую как раз немцам забывать бы не надо. Любая оценка сталинизма будет лживой, если не сказать, что он означал для собирания сил на отпор фашизму — с учетом той подлости и трусости, которую проявил при этом европейский либерализм.

Когда о сталинизме рассуждает какая-нибудь Ханна Арендт из далеких Штатов, она может фантазировать как угодно и «забывать» о таких мелочах, как война (и, кстати, крематории). Но из Берлина сталинизм может оцениваться только на фоне крика «Дранг нах Остен». Когда сталинизм клеймит немец, то на нормальный язык это переводится так: «Какое безобразие, что

СССР успел провести форсированную индустриализацию и построить «Т-34» и «катюшу»!».

При этой схеме для немецких коммунистов неизбежен и отказ от своих духовных отцов — авторитарных отцов-основателей ГДР. А какими они могли быть, узники фашистских лагерей? Антифашист, который боролся, а не разглагольствовал в парижском кафе, сформирован борьбой, нормы которой были заданы жестокой машиной. Если быть честным историком, то надо удивляться другому — тому, что немецкие коммунисты, пройдя сквозь фашизм, не стали его зеркальным отображением. Они проявили удивительную честность. Два поколения посвятили себя строительству мирной страны. Вспомним: ведь ни Вильгельму Пику, ни Ульбрихту, ни Хонеккеру никто не смог бросить обвинений ни в коррупции, ни в незаконных репрессиях.

Да, по своему типу это были сухие и жесткие люди, непохожие на повара-любителя, душку Гельмута Коля. Люди, которые в молодости вкалывали на строительстве Магнитки, а потом сидели по тюрьмам и лагерям «по обе стороны баррикады». Многие прошли советский плен, и, кстати, свою правду они вывели из очень простого, шкурного сравнения — плена сталинского и плена либерального. Антрополог Конрад Лоренц, впавший в соблазн фашизма, сам прошел наш плен, и его наблюдения было бы полезно сегодня перечитать и молодым немецким экс-коммунистам, и нашим честным демократам. Нет места на них отвлекаться, лишь одна цитата из биографии Лоренца: «по его мнению, советские никогда не были жестоки с пленными. Позже он узнал ужасающие вещи об американских и особенно французских лагерях, в то время как в Советском Союзе не было никакого садизма. Лоренц никогда не чувствовал себя преследуемым, не было никакой враждебности со стороны охраны».

Вернувшись домой, эти люди насаждали свою новую правду жестко и даже фанатично. И заставили людей работать — не было им ни дождя долларов от плана Маршалла, ни колоссальных «денег партии», награбленных в СССР и Европе. Наоборот, ГДР полностью выплатила нам установленные репарации — по 5000 западных марок с человека (а с ФРГ, разрядки ради, СССР получил только по 1000 марок, так что за ней еще военный долг в 280 млрд. марок, но это Горбачев простил — конечно, бескорыстно).

Отказываясь сегодня от «авторитарной ГДР», молодые рас-

кованные коммунисты, по сути, сожалеют о том, что Гитлера разбил Жуков, а не Эйзенхауэр — тогда бы не было проблем. Их можно пожалеть. Но кто же виноват? Пусть плюнут на могилы своих отцов — чего драпали от русских, и плюнут на могилы храбрых янки в Арденнах — чего драпали от немцев.

Но это — лирика. А вот чего же такого невыносимо плохого устроили в ГДР старики-антифашисты? Немцам, конечно, виднее, но и нам интересно бы послушать, для самопознания. Я много раз бывал в ГДР, имею там друзей. Приходилось слышать жалобы: иду в магазин, там только 20 сортов сыра — а за стеной на Западе 30. Так жить нельзя! Но ведь и это — лирика. Погоня за призраком.

А вот глубинная вещь, читаю в газете: на землях бывшей ГДР резко снизилась рождаемость и наблюдается небывалое явление — массовая добровольная стерилизация женщин. Причина — утрата надежды на будущее. Киньте на весы: нехватка некоторых мифических свобод и нескольких сортов сыра — и ощущение великого смысла жизни, желание материнства.

И ведь тут дело не в том, что тарелка пуста — на пособие по безработице в экс-ГДР десять профессоров МГУ могут жить. Помню, когда разбуженные перестройкой лирики побежали из ГДР за призраком сыра в ФРГ, в испанской газете поместили интересный диалог одной женщины с чиновником, который обустроивал «беженцев из тоталитарной ГДР». Женщина была довольна и помещением, и пособием, она пришла только спросить, куда ее сыну ходить на тренировки. Он учился в спортивной спецшколе, уже был мастером спорта по плаванию и нуждался в тренере высокого класса. Так вот, она беспокоилась, чтобы его не записали абы куда. И чиновник пришел в бешенство: «Все, фрау, социализм кончился. Ваш мальчик должен сам зарабатывать деньги на тренера. Сколько заплатит, такой и будет тренер».

Почему же вспылал чиновник? Об этом была огромная статья в «Вашингтон пост» в мае 1992 г. под заголовком «Стена проходит у нас в голове» — о той духовной пропасти, которая обнаружилась между весси и осси. Полезно и нам послушать, в чем упрекают весси своих восточных братьев: осси за сорок лет привыкли жить в роскоши. Мы, мол, бьемся как рыба об лед, довольны пивом с сосиской (домиком, «Опелем», «Мерседесем» — согласно доходам), а у них каждая сопля мечтает о смысле жизни, хочет быть чемпионом мира или хотя бы ученым. А чем же недовольны осси? Тем, что их благополучные

братья оказались ужасно вульгарны — довольны пивом с сосиской (домиком, «Опелем» и т.д.). Да после таких признаний немцы должны памятник Хонеккеру поставить.

Я думаю, что как раз «дело Хонеккера» было тем оселком, на котором можно проверить, в чем соблазн отказа от ГДР. Что это — просто политический маневр, хотя бы и невысокого пошиба, или перескок к совсем иной морали? Я считаю, что не маневр, а полный разрыв с совестью. «Дело Хонеккера» стало, подобно бомбежкам Ирака и расстрелу Дома Советов в Москве, важным экспериментом над человеком. Было проверено, принимает ли средний человек двойную мораль.

Победа Запада в холодной войне означала, что из числа людей, защищенных нормами права и этики, были исключены побежденные. Порой даже кажется, что идеологи нарочно создают скандально странные ситуации, чтобы объединить своих подданных узами абсурда («верую, ибо абсурдно»).

Вспомним: отвезли в тюрьму Моабит Хонеккера за то, что во время его правления солдат заставляли выполнять закон о границе. Сомневался кто-нибудь в легитимности этого закона? Нет, закон был нормальный, по международным стандартам. Сомневался кто-нибудь в легитимности самого Хонеккера как руководителя государства, члена ООН? Нет, никто не сомневался — во всех столицах его принимали как суверена, воздавая установленные почести.

Также никто не сомневался, что юноши, рискующие жизнью на берлинской стене вместо того, чтобы идти негласно уговоренным путем через Болгарию, Югославию и Австрию, делали это исключительно из политических соображений и меняли свою жизнь на идеологические выигрыши Запада. Эти подлые выигрыши кое-кто и у нас зарабатывал. В 1989 г., когда СССР был уже открыт, поп-ансамбль «Семь Симеонов» решил «прыгнуть через границу» с большим шумом. По полгода группа проводила за рубежом и всегда могла там тихонько остаться. Но кому-то нужен был скандал, и «Симеоны» захватили самолет. Команда КГБ устроила перестрелку, и при этом погубили многих пассажиров.

Вытащили Хонеккера из посольства Чили в Москве (политическое убежище — только для «цивилизованных»). Судили Хонеккера по законам другой страны (ФРГ), что никто даже не попытался объяснить. Представьте, что Клинтона арестовывают спецслужбы Саудовской Аравии, отвозят туда и отрубают ему голову — так по их законам наказывают измену жене.

Но это еще не самое странное. Главное, что говорят, будто стрелять в людей, пересекающих границу в неустановленном месте без документов, — преступление. И если это случается, то «демократия» обязана захватить руководителя такого государства, где бы он ни находился, и отправить его в тюрьму. Ах, так? И когда же поведут в тюрьму мадам Тэтчер? Во время ее правления на границе Гибралтара застрелили сотни человек, которые хотели абсолютно того же — пересечь границу без документов.

Когда начнется суд над г-ном Бушем-старшим? Ради соблюдения «закона о границе» (только не ГДР, а США) каждую осень вдоль Рио-Гранде звучат выстрелы и, получив законную пулю, тонут «мокрые спины». В 1994 г., когда рухнула либеральная реформа в Мексике и в США возникла паника перед наплывом внезапно обедневших «латинос», Клинтон оговорил предоставление 50 млрд. долл. финансовой помощи четким условием: Мексика обещает применить на границе с США полицейские репрессии такого масштаба, что проникновение эмигрантов будет невозможно. И это — после суда над Хонеккером.

Чего желали эти марокканцы и мексиканцы, кроме как незаконно пересечь границу ради чего-то привлекательного, что было за ней? В чем разница между делом Хонеккера и делом Буша? На Берлинской стене за сорок лет погибли 49 человек, а на Рио-Гранде только за 80-е годы застрелены две тысячи мексиканцев (а за сорок лет, наверное, все 10 тысяч). Во время суда над Хонеккером газеты сообщили о начале строительства стены, которая отгородит США от Мексики — чтобы преградить дорогу мексиканцам, которые хотят проникнуть в Техас, Калифорнию и другие в прошлом мексиканские земли, на которых проживают 40 млн. их сородичей. Структурно — никакой разницы с Берлинской стеной, хотя жестокость президентов США просто несопоставима с суровостью руководства ГДР. Разница в том, что сегодня сила в руках Буша и Клинтона. И мы вынуждены констатировать: эта «демократия» означает утверждение права сильного. А столько всего понакручено, чтобы прийти к этому разбитому корыту. И зачем к этому корыту лезть и коммунистам?

Что же до ГДР, то она была объектом особой ненависти — посмотрите, с какой радостью, вопреки всем договорам и даже вопреки явной пользе Германии, уничтожена сегодня даже такая созданная там ценность, как Академия наук. Даже Ин-

ститут языкознания, равного которому не было в ФРГ и который работал на всю нацию. У либералов и ревность оказалась какая-то подлая.

Все мы думали, что ГДР — просто страна. А ведь объект ненависти — совсем особое дело. Ладно бы вьетнамцы или русские — но ведь ГДР какая-никакая, а все же Германия. Дело было глубже, чем расизм.

Почему я об этом заговорил? Что нам душа блестящего лидера ПДС Грегора Гизи? Он не лезет за словом в карман и очаровал молодых немецких левых. Но, глядя на него, мы думаем о себе. И перед нами, у каждого на своем уровне, те же соблазны: откажись, потрафь маленько, скажи то, что от тебя ожидают, — это же тактика, компромиссы. Все так, и нельзя стоять как столб на своем. Время идет, многое видится иначе. И все же, все же...

Во все времена проблема соблазна и компромисса была самой сложной. Решать ее надо, ставя перед собой «последние», по Достоевскому, вопросы. Я думаю, что сегодня многие из нас из лучших побуждений часто идут на очень невыгодные компромиссы.

Глава 14

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: ЖИЗНЬ ПО ЗАКОНАМ БЫТА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Родился я в 1939 г. в Москве. Первый год, за который, как говорят, на всю жизнь формируется характер, я не помню. Судя по всему, он был счастливым — на детских фотографиях я радостно улыбаюсь. Отца вновь приняли на работу в Академию наук и Московский университет. Ему повезло — его исключили из партии и уволили с работы в 1934 г., до начала смертельных репрессий, и он просто исчез из поля зрения. Мать, не пожелавшая расстаться с неблагонадежной фигурой, тоже потеряла работу. Три года прожила семья без всяких источников дохода, только скудной помощью друзей и родных, которые и сами были в подобном положении. А вскоре после моего рождения пришел в дом достаток — в университеты и научные учреждения стали возвращать репрессированные кадры, страна повернулась на подготовку к войне.

Первые четкие воспоминания у меня остались от предвоенного лета 1941 г. (Германия напала на СССР 22 июня). Быть

может, по контрасту с последующими впечатлениями, но от того лета у меня осталось ощущение счастья. Вот на даче отец берет меня на руки. А вот мы ждем на пристани около Парка культуры пароход, чтобы плыть в воскресенье по Москве-реке, и этот пароход приближается под музыку. Я был восхищен — белый пароход казался мне живым, плывет к нам по реке и поет.

Потом — война, которая разделила всю жизнь нескольких поколений на две части: до войны — и все, что было после этого. Даже много лет спустя дети рассказывали друг другу легенды о том, как все прекрасно было *до войны*.

Вспоминаю себя в момент эвакуации из Москвы осенью 1941 г. Иду я и несу на спине вещмешок с моими «личными вещами». А какая-то старуха на тротуаре плачет и протягивает мне руки. Потом, спустя годы, мать мне объяснила, когда я вспомнил этот случай: старуха плакала потому, что ей было страшно, что мальчик в два с половиной года несет на спине большой мешок с вещами. Зато в суровые морозы я гулял в моей любимой меховой шубе. Ее купили перед войной и даже не отрезали большую свинцовую пломбу, она болталась внутри на шнурке. Я иногда ее вынимал и смотрел на нее. Тогда у мужчин часы были в основном карманные, и мне казалось, что у меня тоже часы.

Из Москвы семьи своих работников эвакуировали предприятия. Ехали в товарных вагонах, трудно и долго. Помню, снимали на доске тело умершей женщины. Потом как-то ушла мать, а поезд тронулся, она бежала за вагоном, и женщины ей подали доску и втащили. Я стоял рядом и боялся, что она сорвется под колеса. Эти образы выплывают из памяти, как из тумана. Помню, ехал в вагоне мужчина (видимо, была броня). Он на остановках покупал в бутылку молоко, потом вынимал кружку, садился в вагоне и пил маленькими глотками. Дети подходили к нему и плакали, среди них моя сестра. Матери уговаривали их не плакать, и они плакали тихо, почти неслышно, стеснялись. Эти подробности тоже потом мне рассказала мать. А саму картину я помнил, и помню, что жалко было этих детей, а мужчин таких сегодня что-то много развелось. А так мне всегда казалось, что тот один только и был в СССР.

Мы ехали с надеждой попасть в райский уголок — Академия наук имела научную базу в уникальном курорте Боровое, в Казахстане. С озерами и реликтовым лесом (я в 1961 г. туда добрался). Но президент Академии наук, замечательный ученый-полярник, Отто Юльевич Шмидт, был рассеянным человеком.

Он написал на путевом листе *Боровское* — а это райцентр в глухой степи Кустанайской области, в совершенно другом конце огромного Казахстана. Туда нас в конце концов и привезли. С этого момента вся моя жизнь — как на ладони, я стал сознательным человеком. Мне кажется даже, что с тех пор я лишь накапливал опыт, а мой ум и представление о людях не менялись. Из Боровского повезли нас в село Михайловское на тракторных телегах. Почему-то они шли по степи не колонной, а цепью, в один ряд, и это было очень радостно.

В селе уже не было мужчин — старики, женщины и дети. Русские и казахи. И мы, как говорили в деревне, выковыранные (эвакуированные). Нас разместили по колхозным избам. Хозяином у нас оказался старик с девочкой-внучкой, Веркой. Вскоре к нему поместили еще одну семью — немцев, выселенных из Поволжья. Матери наши сразу пошли работать, зимой в школе, а летом в поле. А мы играли и, играючи, помогали взрослым. Играли мы вместе — русские, казахи, немцы и евреи, были и других национальностей. В Академии наук всякие были. У нас не образовался этнический тигель, мы не были внеациональны, но и мысли ни у кого не появлялось обидеть друг друга, используя это различие. В нашей детской жизни отражалась жизнь взрослых, а там шовинизма не было ни в традиции, ни в идеологии — как бы иначе русские ужились в этой степи. Казалось бы, наши отцы в то время массами гибли под ударами немцев, а здесь — вот они, немцы, отселенные с запада как потенциальные союзники наступавших гитлеровских войск. Но ни у кого и в мыслях не было их подозревать. И играли, и дрались, не проводя никаких параллелей с войной.

Как-то наш хозяин ездил с обозом на саях в Кустанай и привез четыре пряника — своей внучке, мне, моей сестре и мальчику-немцу. Старику и думать об этом не пришлось — будь у него денег на один пряник, он разделил бы его на четыре части.

Это сегодня мне приходится об этом думать, когда мой коллега, философ и историк Д.Е. Фурман пишет с непонятным злорадством в престижном академическом журнале, что «хотя русские ограбили немцев в результате войны, хотя они выбросили немцев Поволжья умирать в казахстанской степи, все равно немецкий крестьянин жил, живет и будет жить лучше русского». И думаю я об этих словах потому, что этот профессор — не дешевый идеолог, продавший свое перо очередной власти, а типичный интеллеktуал и себя уважает. Я даже могу понять его

антирусский пафос — поддался (быть может, бессознательно) идеологической конъюнктуре. Я поражаюсь инверсии критериев. Ведь когда он говорит «жить лучше», он сравнивает лишь то, что у русского и немца в тарелке. Вот если бы я знал, что немецкий крестьянин во время войны привез из города два пряника и отдал один своему сыну, а другой — русскому или украинскому мальчику (а около миллиона советских мальчиков и девочек фашисты вывезли во время войны для работы у немецких крестьян) — и это было нормой, — тогда бы я сказал, что немец и мой старик-хозяин живут в одном измерении и их жизнь можно сравнивать по другим показателям. А без этого — понятия «лучше» или «хуже» не имеют смысла. Раньше человеку, претендующему на звание интеллигента, это было очевидно.

Быть может, это счастливая особенность детства, но, когда я вспоминаю эвакуацию и послевоенные годы, меня охватывает ощущение надежности человеческого братства. Люди, с которыми я, ребенок, сталкивался, были для меня родными и делали все, чтобы меня обогреть, порадовать, а нередко и спасти. И в круговороте войны это были люди множества национальностей, с самыми разными типами лица. Вот бреду я летом 1942 г. по степи — мать на току, я поиграл с пшеницей и пошел путешествовать. Ушел далеко, ничего не видно кругом, и пришел к странному домику. В нем что-то стучит, работает машина. Открылось окошечко и показалось сморщенное лицо старухи-казашки. Посмотрела она на меня, потом исчезла, а потом опять выглянула в окошечко и протягивает мне вниз кусочек хлеба с маслом. Это была маслобойка, и все масло до грамма шло на фронт. В последний раз я ел масло до войны и не помнил его вкуса, а теперь попробовал его в «сознательном возрасте». Ничего вкуснее не приходилось мне пробовать с тех пор.

Мы не обмолвились со старухой ни словом, она вернулась к своей машине, а я пошел дальше. Но когда мне сегодня говорят, что Советский Союз взорван непримиримыми противоречиями национальных интересов, мне это смешно слышать.

Неправильно, конечно, было бы сказать, что я в то время, ребенком, чувствовал себя хозяином всей страны. Но, как я ни вспоминаю себя, эти слова были бы самыми правильными. Мне казалось, что я могу идти по СССР, как в степи под Михайловкой, всю жизнь, и везде будет мне дом, и все люди будут для меня как хозяин нашей избы или та старуха-казашка на маслобойне. Такое было ощущение от встреч со всеми и каж-

дым. Границы семьи по крови расширились до границ семьи-народа.

И это при том, что отношение к людям было суровое, скид-ки никто не ждал. Например, потерять карточки было настоящей трагедией. Помню, сестра, старше меня на три года, потеряла карточки на хлеб. Мать, придя с работы, до ночи бродила вместе с нами по всем дворам, где мы за день бегали, поднимала решетки у подвальных окон и спускалась вниз (в «приямники»), искала среди бумажного мусора. Глубокой ночью пришли домой полуживые, сестра сняла берет, а карточки оказались приколоты к волосам. Она сама изобрела, как их не потерять, приколола, надела берет и забыла.

Когда я стал постарше и стал задумываться, меня удивляло, как надежно было все устроено в государстве. Сейчас это кажется чудом, как будто мы были совсем другим народом. Все было скудно, на грани, но надежно. Карточки — значит карточки. Полагается тебе на месяц столько-то рыбы, пусть немного, — ты ее получишь. За месячной нормой мы ходили, уже в Москве, в 1944 г., далеко от дома, мать везла меня на санках. Когда не было рыбы, в магазине был чрезвычайный запас — красная икра. Шла как рыба. И один раз в наш день не оказалось рыбы, и нам дали за нее целый бидон красной икры. Так что я в моей жизни поел икры.

Другая служба, с которой я сталкивался как ребенок, — медицина. Казалось бы, все врачи на фронте. Нет, регулярно нас, детей, осматривали врачи, в большинстве случаев очень преклонных лет. Осматривали внимательно, делали прививки. Болеть тогда приходилось, бывало, и очень тяжело. И на дом врач идет, и в больницу мать везет на санках, и лечат тебя, вытаскивают с того света. Тогда это не удивляло, а сейчас это меня удивляет. Сейчас, глядя вокруг — и у нас, и даже на Западе, я вынужден признать, что система сохранения людей, которая была создана в СССР и действовала даже во время войны, была явлением исключительным. И она жила, покуда ее ценили люди. А потом, когда перестали ценить, умерла. Видно, людская любовь ей была нужна. За деньги такую систему не купишь.

У демократической интеллигенции в России брэнчала в голове одна подсказанная телевидением мысль: советский режим, дескать, так исковеркал людей, что у них вплоть до перестройки не было *сострадания*. Теперь, мол, будут другие порядки — и в доказательство несравненного благородства Запада телевизор мучил людей зрелищем посылок с гуманитарной помощью, со-

бранных добрыми и наивными немцами и американцами. За доброту им спасибо. Наши старики эти посылки, когда их не разговаривали молодые предприниматели, брали с удивительной душевной чуткостью. Считалось, что немцы и американцы ощущали потребность почувствовать себя добрыми, нужными далеким русским людям. А может быть, собрав посылку, они снимали какой-то камень с души. Наши старики были рады им помочь. Хотя следовало бы немцам задуматься — почему это в России, не пережившей никакой природной катастрофы или разрушительной войны, собравшей богатый урожай, старики и дети голодают? Что там происходит, что это за перестройка такая? Но нет, таких вопросов у доброго немца не возникало. Но не о немцах речь — с какой стати беспокоиться им о наших делах.

С какой целью убеждали нас новые комиссары в том, что мы очень плохие и черствые душой? Ведь с таким жаром убеждали, что многие им поверили и просто ходить по земле стеснялись. Поначалу мне было очень жаль этих молодых обличителей. Я думал, что они принадлежат к какой-то неизвестной мне части нового поколения, которая недополучила любви, которой страшно не повезло в жизни. Где они жили, в каком обществе вращались? На память приходил рассказ Достоевского «Мужик Марей». Ребенком Достоевский безумно испугался в лесу волка и бросился бежать. Он подбежал к крепостному крестьянину его отца Марēju, который на поляне пахал землю. Крестьянин успокоил ребенка и ласково погладил грязным от земли пальцем его дрожащие губы. Но так погладил, что воспоминание о нем поддерживало Достоевского в самые трудные моменты жизни. И когда на каторге он встретил озлобленного поляка, он пожалел его, поняв, что у того не встретилось в жизни его мужика Марēja, на которого он мог бы опереться.

Так и мне казалось, что те публицисты, которые вышли на передний план в годы перестройки и стали обличать советский народ, просто были обижены судьбой и нуждались в особенно бережном отношении общества. Но когда я столкнулся с этими людьми ближе и познакомился короче, обнаружилось явление, неизвестное Достоевскому. Эти люди прожили нормальную жизнь, не раз были поддержаны, а то и спасены каждый своим мужиком Мареем — но в памяти у них остался лишь его грязный палец. И этим людям советская тоталитарная система вручила тотальную же власть над средствами массовой информации, возможность промывать мозги сотням миллионов людей.

Вот от них-то действительно сострадания не дождешься — а лишь благотворительность, да и то если она не облагается налогом.

Я же прожил всю свою жизнь, всегда находясь во всенародном поле сострадания, всегда надеясь на помощь людей и спокойно ее принимая, вовсе не предполагая отплатить именно дающему. Я уверен, что выгадал — получил гораздо больше, чем отдал. Таков кооперативный эффект солидарных систем. Советский народ жил очень трудно, вплоть до 60-х годов избытка не было почти ни у кого. А были, почти у всех, такие периоды, что без сострадания людей посторонних, с иными взглядами, из иной среды — и выжить было бы нельзя.

Помню, из Казахстана в конце 1942 г. мы переехали на Урал, в промышленный Челябинск. В квартире жили несколько семей. У одной женщины была собака, которую она выращивала для фронта. Мы все кормились около этой собаки — ей полагался обильный паек овсянки. Зато и любили мы ее по-особому — и она нас любила.

В пустующую комнату поселили молодого безногого солдата Павла — он долечивался после госпиталя. Он дал мне звездочку на шапку и сделал деревянный автомат — замечательный, с диском. Привязал веревку, и я его носил за спиной. Получил он из дому баночку меда, и каждое утро все дети являлись к нему в комнату. Он съедал одну ложечку сам и по ложечке давал каждому из нас. А потом, когда оставалось совсем на днышке, один из нас (я даже знаю кто) не выдержал, пробрался в комнату солдата и съел весь мед. Я помню, как Павел пришел к нам на кухню на костылях, с пустой банкой, в ярости и чуть не плача. И мы все ревели, глядя на него. Он тыкал пустую банку всем под нос и кричал: «Это что? Это что?»

Мать работала с утра до ночи, а я проводил день на улице с мальчишками. Недалеко был вокзал, и каждый день мы провожали солдат на фронт, маршировали рядом с оркестром. Казалось, что у России бесконечные запасы мужчин. Да и девочек-санитарок много шло в строю. Иные совсем маленькие, школьницы еще, очень красивые в своих гимнастерках. Потом, когда я уже учился в школе, я понял, что эти людские запасы сгорели почти полностью. В нашем классе было сорок мальчиков — и только у четверых были живы отцы.

Часто видели мы и печальное зрелище — как конвоир с каменным лицом ведет дезертира, уткнув штык своей винтовки ему в спину. Их вылавливали на чердаках. Мы, мальчишки,

были на стороне конвоира, и в то же время дезертиры с тоскливым и отрешенным взглядом, все почему-то в серой одежде, казались нам родными. Можно даже сказать, что казались родными, чуть ли не одним целым, солдат-конвоир и дезертир. И потом, уже взрослым, я у многих людей замечал: при виде человека под конвоем, заключенного, они смотрели на него таким взглядом, словно это их родной брат.

Испытал я тогда и силу сострадания. Мальчишки постарше стали посылать меня нищенствовать — маленьким лучше подают. Мне надевали сумку, и я ходил по квартирам, просил хлеба, а они поджидали меня за углом. Но дело оказалось трудным. Очень многие женщины, которые открывали дверь, заводили меня в комнату, разогревали еду и усаживали меня обедать. После того, как я из-за дверей просил «подать голодному кусочек хлеба», отказаться от еды я не мог. Я заставлял себя съедать один обед за другим и, пройдя один дом, чувствовал себя совершенно больным. А однажды мне досталась, видно, последняя порция супа, со дна кастрюли, и в нем было очень много перца горошком. Я полагал, что нищий должен быть очень скромным и ничего не выплевывать, и жевал и проглатывал весь этот перец. Кончилось тем, что я пообедал у одной учительницы, которая работала вместе с моей матерью и меня знала. Моей матери собрали, сколько могли, продуктов, чем ее удивили — мы жили не хуже других. Дело выяснилось, и пришлось мне моим приятелям отказать.

Сейчас в Москве другое сострадание и другие нищие. Многие им подают, считают это велением времени. У меня рука не всегда поднимается. В трудные годы мы не подавали, а делились. Помню, проехал через Челябинск, на будущий фронт войны с Японией, мой отец, был у нас такой праздник. Привез нам с сестрой плитку шоколада. Сестра свою часть быстро съела, я только попробовал, а четыре дольки положил в запас. Как-то утром слышу — под окном кто-то играет на скрипке. Посмотрел — седой старик в шляпе. Мать говорит: «Надо бы что-нибудь дать старику, но совершенно ничего нет в доме». А у меня как раз остался шоколад. Я боялся, что мать не разрешит — мне самому надо, да и сестре как хотелось сладкого. Но она сказала: «Конечно, пойд и дай», — и я ей всю жизнь был за это благодарен. Пошел и отдал две дольки.

Знаю, что бывал я и жаден, и несправедлив, обижал людей и сам обижался, но, когда я сейчас думаю, как объяснить, что такое был Советский Союз, я вспоминаю, как кормили меня

незнакомые люди и с каким достоинством взял у меня шоколадку старик-скрипач.

Кстати, тогда же я познакомился и с рыночной экономикой, которой якобы у нас не было, как и сострадания. Часть хлеба, который мы получали, мать нарезала ломтиками, мазала лярдом, а я шел на рынок и продавал эти бутерброды и кое-что из вещей. Мне было четыре года, но я был удачливым коммерсантом, хотя и не акулой бизнеса. Акул на тех рынках не было. Много было раненых солдат на костылях — они поправлялись после госпиталя, прежде чем поехать домой. На рынке они покупали кружку молока и кусок хлеба и ели молча и неторопливо. И любовь, которой окружал их весь рынок, казалась каким-то особым видом энергии, силовые линии этого поля были почти осязаемы. Тогда я, конечно, ничего этого не думал — это я сейчас пытаюсь передать мои детские, по сути, биологические ощущения. Но если бы меня сегодня спросили, в чем для меня образ русского человека, я бы назвал именно это — раненый солдат на том рынке, с кружкой молока и куском черного хлеба, в этом энергетическом поле любви. И суть религиозности для меня — не в сутане или рясе, а в том, как этот солдат пил молоко и держал хлеб.

На вырученные деньги я покупал отруби и бутылку патоки. В патоке на танковом заводе закаляли стальные детали, и работницы понемногу выносили ее на продажу, хотя порой она и пахла керосином (говорят, его специально подливали в патоку, чтобы не уносили). Вспомнил я эту патоку и подумал, что это мелкое воровство с заводов оказалось увесистым камнем в праше перестройки. Им в последние годы умело били по сознанию советского человека. Ему внедрили в сознание мысль, что при отсутствии частной собственности на заводы и фабрики он потерял чувство хозяина и превратился в вора. Что экономика СССР разворована самими трудящимися и единственное спасение — немедленная приватизация и передача заводов кому угодно, хоть бы и заведомым преступникам, но хозяевам.

Образ военного времени, в котором прошло мое детство, всегда присутствовал в жизни страны (только на поколении моих детей он сказывается уже меньше). Но Запад глубоко заблуждался, видя в этом угрозу. За всю жизнь не видел я ни в ком воинственности и поэтизации военных действий. Более того, много родных и близких возвращалось с фронта, много и потом переговорено с фронтовиками. Сейчас я с удивлением вспоминаю: ни один из них ничего не рассказал о своих победных приключениях. Рассказывали, кто со смехом, кто с горе-

чью, о том, как били нас. Никто ни разу не ответил на глупый детский вопрос: «А ты убил немца?» Поразительно, как во всех слоях многонационального народа, который представлялся атеистическим, обезбоженным (выражение перестройки), строго соблюдалось негласное, никем явно не предписанное табу.

Так что война осветила мою жизнь, как и жизнь все-таки подавляющего большинства населения, не выстрелами и ужасами зрелища смерти, а особым всеобщим душевным состоянием. Оно не появилось в результате войны, оно ею лишь проявилось. Вспоминается, что сказал Дмитрий Иванович Менделеев, наш великий ученый и мыслитель (его считали реакционером и вульгарные марксисты, и нынешние либеральные демократы: первые за то, что он предложил программу развития русского *капитализма*, а вторые за то, что он предложил программу развития *русского* капитализма). Он говорил о том, как много значит для России «быт военного времени». Но ведь она не по своей воле, но живет этим бытом уже тысячу лет. Когда я бываю на Западе, разговариваю с друзьями, я вижу, что они и отдаленно не представляют, что это такое. Теперь такое же точно непонимание я вижу у молодых демократов.

«Зачем? — удивляются они. — Да пусть бы нас кто-нибудь завоевал!». Вот любимый анекдот гуманитарной интеллигенции. Подходит ветеран-инвалид к пивному ларьку (дело было в начале перестройки, и пиво в СССР еще производилось). Спрашивает у ожидающих: какое пиво завезли? А ему в ответ: «Ты, дед, хорошо на фронте воевал?» — «Хорошо», — говорит и показывает медали. «Ну и дурак! Если бы похуже воевал, сейчас бы мы баварское пиво пили». Рассказывал это в Мюнхене известный философ и мой коллега Вадим Рабинович и весело смеялся (при этом русских сейчас принято называть фашистами, ибо они недостаточно часто вспоминают о погибших в нацистских лагерях евреях). А известный писатель-эмигрант пишет из Иерусалима: русские думали, что воюют за правое дело, а дело-то оказалось неправое! Но это все, конечно, несущественно — ведь не ради похвалы Рабиновича воевали русские с Гитлером и папу или дядю его спасали от нацистов совершенно независимо от того, как они через сорок лет будут это оценивать. Это их проблемы (да скорее всего миллионы евреев так и не думают, просто при нынешней конъюнктуре они считают за лучшее помалкивать).

Я здесь вообще не касаюсь войны как политического столкновения. Я говорю о том, что привычный для нас «быт военного времени» сформировал особое мышление и придал защите

Отечества характер совершенно религиозной идеи. Сейчас молодежь думает по-другому? Прекрасно, пусть живет так, как ей нравится. Но издеваться над тем, что бедная страна ввязалась в гонку вооружений, вместо того чтобы покупать баварское пиво, — глупо. Я даже не говорю о политике, она обязана быть рациональной. Но сейчас молоденькие идеологи издеваются над «иррациональной массой», которая политику гонки вооружений приняла. А на уровне массы такие вещи рациональному выбору и не поддаются. Рационально современное гражданское общество, а наше таковым не было. В 1941 г. многие солдаты шли в атаку, имея одну винтовку на троих, — бежали рядом и ждали, когда убьют товарища с винтовкой, чтобы ее забрать. И самой печальной жертвой была смерть того, кто винтовки не дождался. И люди не хотели, чтобы такое повторилось (тем более что холодная война была вовсе не безоблачным временем).

Сейчас наш молодой демократ, начитавшийся прессы, говорит: а я никуда и не побегу, ни с винтовкой, ни без винтовки. Пусть приходит в Россию кто хочет — они все друзья, тоже демократы, а пиво баварское куда как лучше. Кто же с этим молодым человеком будет спорить — ему жить и отвечать за страну. Мы так не думали (хотя и у наших отцов поначалу были иллюзии — никто не мог поверить, что немецкие рабочие станут стрелять в своих братьев по классу). Обидно будет, если своими иллюзиями новое поколение русских спровоцирует «друзей» на необдуманные действия. Ведь либеральная шкурка на наших демократах тонка, и когда их опять прижмут к Волге, начнут работать старые архетипы.

О моем собственном «имперском мышлении» говорю спокойно, хотя многим читателям оно, наверное, и не понравится. Но ведь нам, чтобы ужиться на земле, не обязательно нравиться друг другу — важнее иметь друг о друге верное представление.

Сегодня демократическая пресса убеждает русских, что они должны изжить «синдром осажденной крепости» и что Запад их любит. «Независимая газета» даже публикует плакаты времен Отечественной войны, чтобы показать, как проклятый сталинизм разжигал ненависть к нашим друзьям-немцам. По мне, вспоминать войну в таком контексте — свинство, другого слова и не подберешь (если, конечно, не считать редакторов «Независимой газеты» сознательными ненавистниками России). От многих немцев (в том числе из «войск противника») я слышал, что их как раз удивляло отсутствие у русских этнической ненависти к немцам. Удивляло, насколько быстро они отходили после боя и начинали ободрять пленных и угощать их сигарета-

ми. Да вот маленький эпизод: рассказ Конрада Лоренца, в изложении его английского биографа А. Нисбетта, о том, как он попал в плен под Витебском в июне 1944 г. Он брел ночью, стараясь выйти из окружения и ориентируясь по направлению огня советских войск. После того, что он видел в оккупированных областях Белоруссии, попадать в плен к русским ему не хотелось. Наконец впереди показалась траншея, откуда стреляли по русским. Значит, там немцы. Биограф пишет:

«...Он побежал к ней, крича: «Nicht schissen! Deutscher Soldat!», и люди в траншее прекратили огонь. Глубоко вздохнул и подбежал к траншее — и тут увидел, что на солдатах, которые его приветствовали, советские каски. Русские стреляли друг в друга. Опять бросился бежать, пуля ударила ему в левое плечо. В конце концов оказался на пшеничном поле и, не выдержав напряжения, заснул. Разбудили его советские солдаты, которые кричали: «Komm heraus, Kamerad!» («Выходи, приятель»). «Со мной обошлись очень хорошо», — вспоминает Лоренц. Один из солдат, который был в последней траншее, узнал его и объяснил, что произошло: русские сделали бросок, чтобы не дать немцам просочиться из окружения, и концы клещей сомкнулись так быстро, что люди не разобрались и начали стрелять друг в друга.

...В лагере для военнопленных советские не проявили враждебности к Конраду... По его мнению, советские никогда не были жестокими по отношению к пленным. Позже он слышал ужасающие рассказы о некоторых американских и особенно французских лагерях, в то время как в Советском Союзе не было никакого садизма. Лоренц никогда не чувствовал себя жертвой преследования и не было никаких признаков враждебности со стороны охранников».

Представьте: солдат, берущий после боя в плен противника, с простодушием объясняет ему, какая получилась незадача и как они стреляли друг в друга, ненароком зацепив и «камрада». А вот курьезное продолжение записи рассказов Лоренца. Его отправили в лагерь под Ереваном. И однажды он поймал огромного тарантула. Часовой подошел и доброжелательно предупредил, что тарантул очень опасен. Но любящий добрую шутку биолог Лоренц взял и съел паука. И биограф завершает рассказ: «Надо было видеть этого бедного русского солдата, который с криком помчался по *казахстанской* степи». Правь, Британия, морями, в степях ты не разбираешься.

Вообще, записки Лоренца о плене очень поучительны — он видел у нас то, чего не видели и не понимали мы сами. Людям

свойственно судить по внешним признакам, и слишком часто мы не видим того ценного, что имеем. На фронте Лоренц был врачом, и когда его взяли в плен, то в прифронтовом лагере назначили помогать советскому врачу. Шли тяжелые бои, раненых было много, и Лоренц с горечью увидел, что советский врач отказывается делать ампутации немцам. Понятно, подумал Лоренц, он их обрекает на смерть — за то, что они натворили в Белоруссии. И даже признал это естественным. Через какое-то время он с удивлением увидел, что эти раненые, которым по нормам немецкого врача полагалась ампутация, выздоравливают. Он выбрал момент, объяснился с врачом и узнал, что в советской медицине такие ранения должны излечиваться без ампутации. Для него это было потрясением, побудившим к важным размышлениям о разных типах общества и отношения к человеку. Правда, английский биограф к этому рассказу дал свой комментарий, который никак из рассказа Лоренца не следовал. Он объяснил это отличие советского подхода к ампутации тем, что русские привыкли жить в грязи и поэтому их раны устойчивы против нагноения. Это объяснение нелогично, поскольку в лагере для пленных вылечивались без ампутации нежные цивилизованные немцы.

Я считаю, что, когда сегодня наши «демократы» со всей мощью их партийного телевидения убеждают молодежь в том, что их деды относились к немцам как садисты, они совершают преступление против молодежи. И стыдно за немцев, которые не находят в себе мужества опровергнуть эту опасную для всего мира ложь. Ведь так ликвидируется огромная мировая ценность — проверенный в мировой практике стереотип поведения победителя. К слову сказать, Запад как победитель просто никуда не годится. Ребенок с мускулами гориллы.

Я помню себя мальчишкой в 1944 г. У многих ребят в нашем дворе уже не было отцов. И заходили к нам пленные немцы — они работали в Москве на стройке и ходили без охраны. Огромные, сытые, довольные. Делали из алюминия всякие безделушки — кольца, зажигалки — и приходили продавать. Мы их окружали, с ними разговаривали, девушки покупали колечки. И между нами был негласный уговор — как бы чем не обидеть бедных побежденных противников. Ведь в плену несладко. Сейчас, глядя как бы со стороны, через время, я с удивлением вижу, что те немцы (разумеется, не все и т.д.) вели себя так, будто победители — они. А наши стеснительные девушки походили на побежденных. Ничего не поняли ни немцы, ни демократы.

Литература, полезная для размышлений о советской цивилизации

- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., 5-е изд., т. 3.
Маркс К. Капитал. Т. 1. Соч. 2-е изд. Т. 25.
Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II.
Гоббс Т. Избр. произв. М., 1965, т. 1.
Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
Бродель Ф. Структуры повседневности. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV—XVIII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.
Крылов В. В. Теория формаций. М.: Восточная литература, 1997.
Макашева Н. Этические принципы экономической теории. М.: ИНИОН. 1993.
Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. М.: Наука, 1981.
Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. XIX—XX вв. СПб.: Наука. 1998.
Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост, 2000.
Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. СПб.: Наука, 1999.
Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. (Сост. Т.Шанин). М.: Прогресс-Академия, 1992.
Шанин Т. Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997.
Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
Экономическое развитие России. Выпуск второй: Эпоха финансового капитала. (Сост. Н.Ванаг и С.Томсинский.) М.: Государственное издательство, 1928.
Островский И. В. П. А. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992.
Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л.: Наука, 1978.
Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М.: Наука, 1991.
Николаевский Б. И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991.
Кожин В. Россия. Век XX. 1901—1939. М.: Алгоритм — Крымский мост, 1999.
Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

- Пришвин М. М. Дневники. М.: Московский рабочий, 1995—1999.
- Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991—1992.
- Миллер В. И. Осторожно: история! М., 1997.
- Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1988.
- История государства и права России. Учебник. М.: Былина, 1998.
- Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1995.
- Карр Э. История Советской России. М.: Прогресс, 1990.
- Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов 1917—1920 гг. М.: Политиздат, 1954.
- Шульгин В. В. Опыт Ленина. // Наш современник, 1997, № 11.
- Аллилue в В. Хроника одной семьи. М.: Молодая гвардия, 1995.
- Кожинoв В. Россия. Век XX. 1939—1964. М.: Алгоритм, 2001.

***Полезные иностранные издания
(ВЕРОЯТНО, НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ ЕСТЬ
И НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)***

- Fogel R., Engerman S. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. N.-Y., 1974.
- Lorenz K. La acción de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid: Alianza, 1988.
- Amin S. El eurocentrismo: Crítica de una ideología. México: Siglo XXI Eds., 1989.
- Levi-Strauss C. Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds., 1990.
- Sahlins M. Uso y abuso de la biología. Madrid: Siglo XXI Eds., 1990.
- Fromm E. Anatomía de la destructividad humana. Madrid: Siglo XXI Eds, 1987.

***Работы автора, в которых некоторые вопросы
рассмотрены подробнее, чем в данной книге***

- Кара - Мурза С. Евроцентризм как скрытая идеология перестройки. М: СИМС, 1996.
- Кара - Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.
- Кара - Мурза С. Научная картина мира, экономика и экология. М., 1996.
- Кара - Мурза С. Интеллигенция на пепелище России. М.: Былина; 1997.
- Кара - Мурза С. Опять вопросы вождям. Киев: Ориане, 1998.

Содержание

Введение	5
<i>Глава 1. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ: КАК ИЗМЕНЯЛИСЬ ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА</i>	<i>10</i>
<i>Глава 2. ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ РОССИИ: КТО ШЕЛ В РЕВОЛЮЦИЮ</i>	<i>73</i>
<i>Глава 3. ПУТЬ РОССИИ И СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ 1917 г.</i>	<i>124</i>
<i>Глава 4. СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ</i>	<i>187</i>
<i>Глава 5. «ПРОЕКТ ЛЕНИНА» — ПУТЬ К ОБРЫВУ ИЛИ К СПАСЕНИЮ? КОММЕНТАРИЙ ИЗ 2001 года</i>	<i>254</i>
<i>Глава 6. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА</i>	<i>288</i>
<i>Глава 7. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД НЭПА</i>	<i>363</i>
<i>Глава 8. ЗАПАДНОЕ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПОРОЖДЕНИЕ ДВУХ РАЗНЫХ ТИПОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ</i>	<i>399</i>
<i>Глава 9. СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА</i>	<i>439</i>
<i>Глава 10. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПЕРИОД ТОТАЛИТАРИЗМА</i>	<i>464</i>
<i>Глава 11. СОВЕТСКОЕ И ФАШИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВА</i>	<i>541</i>
<i>Глава 12. КРАСНОРЕЧИВЫЕ ДОКУМЕНТЫ: КАК ЖИЛОСЬ СТРОИТЕЛЯМ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ</i>	<i>580</i>
<i>Глава 13. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ</i>	<i>595</i>
<i>Глава 14. ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: ЖИЗНЬ ПО ЗАКОНАМ БЫТА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ</i>	<i>624</i>
Литература	637

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОТ НАЧАЛА ДО ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Ответственный редактор *А. Корина*
Редактор *П. Ульяшов*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *С. Пиманова*

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «ЭКСМО»
обращаться в рекламное агентство «ЭКСМО». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1
Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС», 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС», Губернская книжная ярмарка.
М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.
т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».
Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ООО «ПРЕСБУРГ», «Магазин на Ладожской». Тел.: 267-03-01(02)
Москва, ул. Ладожская, д. 8 (рядом с м. «Бауманская»)

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.04.2002.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. газ.
Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 39,5.

Тираж 6000 экз. Заказ 3362.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5

Не поняв сути советского
жизнеустройства, мы не поймем
нашей нынешней Смуты. В недрах
общинного крестьянского коммунизма
зародилась советская цивилизация, с ее
особым взглядом на мир и на человека, на
хлеб и власть. В родовых муках возникла она
как единственный выход из исторической
ловушки, в которую была загнана Россия.
На миг она открыла народу простор для
такого развития ума, силы и духа, что
захлебнулся в СССР крестовый поход
тоталитарной тевтонской силы.
Эта книга — о советском строе с любовью.
Она охватывает период от зарождения
советской цивилизации до победы
в Великой Отечественной войне.

ЗАПИСИ
ОБРОВОВАЦЕМ

ISBN 5-04-009877-4

9 785040 098774 >